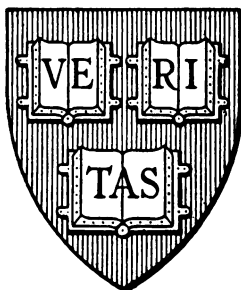

VE
RI
TAS

ОКТЯБРЬ 1916 ПТРГ.

ѢТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Въ теченіе 1916 года въ журналѣ „Лѣтопись" было напечатано:

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: Ив. Бунина.—«Казимиръ Станиславовичъ», «Аглая»; **Н. Вогта.** — «Кошка на маякѣ»; **К. Волгина** — «Нянька»; **А. Высоцкаго** — «Его родина»: **Г. Вяткина**—«Въ селѣ Успенскомъ»; **М. Гарри**—«На рисовыхъ поляхъ»; **Г. Гнѣсина**—«Воспоминанія бродячаго пѣвца»; **М. Гольдшмидтъ**—«Еврей»; **М. Горькаго**—«Въ людяхъ»; **Г. Гребенщикова**—«Любава»; **Е. Замятина**—«Богъ», «Дьячекъ», «Петька»; **В. Ирецкаго**—«Искусство писать»; **Л. Катленъ**—«Ихъ малышъ»; **М. Кисина**—«Фабричная»; **С. Лагерлефъ**—«Солнечное затменіе»; **Ф. Ласковой**—«Осеннее»; **П. Милля**—«Монархъ»; **Н. Никандрова**—«Лѣсъ»; **А. Новоселова**—«Жабья жизнь»; **Н. Оллеръ**—«Природа»; **Г. Онрудъ**—«Мари Смехаугенъ»; **Л. Пасынкова**—«Безъ дѣла»; **Я. Седерберга**—«Китаецъ»; **А. Сереброва**—«Святки»; **Т. Таманина**—«Въ вагонѣ»; **Льва Толстого**—«Разсказъ о каторжникѣ Өеодоровѣ», «Хозяинъ и работникъ» (Первоначальный варіантъ письма); **Г. Дж. Уэллсъ**—«Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна»; **Л. Фрапье**—Разсказы; **А. Чапыгина**—«Бѣгунъ»; **М. Чернокова**—«Бурый»; **Вяч. Шишкова**—«Тайга»; **Н. Шкляра**—«У истоковъ сердца» и др.

Стихотворенія: В. Аренсъ, А. Блока, В. Брюсова, Ив. Бунина, Н. Венгрова, С. Губера, С. Дубновой-Эрлихъ, С. Есенина, Пяна, Д. Семеновскаго, Ив. Филипченко.

ВЪ ОТДѢЛѢ ПУБЛИЦИСТИКИ: Б. Авилова—«Война и народное хозяйство»; **М. Ал-рова** — «Недосѣвъ»; **Р. Арскаго** — «Заработная плата», «За 2 года»; **В. Базарова**—«Упрощеніе мысли», «Заколдованное царство», «Текущій моментъ»; **Ад. Бѣльскаго** — «Внѣшкольное образованіе»; **А. Вильскаго**—«Церковныя дѣла»; **В. Водовозова** — «Къ отставкѣ Сазонова»; **Ст. Вольскаго**—«Новая Европа», «Алчущіе и жаждущіе», «Коопераоръ»; **Вл. Войтинскаго**—«Сибирскій съѣздъ»; **Г. Гордона**—«Объ алкоголизмѣ въ средней школѣ»; **М. Горькаго**—«Двѣ души», «По поводу одной анкеты», «Письма къ читателю»; **И. Давидзона**—«О спекуляціи»; **Динозля**—«Трезвость въ Сибири»; **А. Ерманскаго**—«Политическіе отклики» (въ 4 кн.); **Ю. Каменева**—«Крушеніе интернаціонала»; **А. Лозовскаго**—«Экономическій блокъ»; **А. Лотоцкаго**—«Народное образованіе на украинскомъ югѣ»; **Л. Мартова**—«Кантъ и Марксъ»; **А. Никитскаго**—«Бюджетъ 1916 г. и наши финансы», «Мѣстное самоуправленіе и кооперація», «Война и биржа»; **М. Петрова**—«Къ современному муниципальному кризису»;-

«Городская реформа»; **А. Пинкевича**—«Къ реформѣ средней школы», **Н. Рожкова**—«Дороговизна»; **В. Симпльтона**—«Письма знатнаго иностранца»; **П. Сурожскаго**—«По Маріинскому водному пути»; **Ник. Суханова**—«О происхожденіи войны», «Интересы Россіи въ войнѣ», «Россія и ея союзники»; **В. Темнаго**—«Религія и государственность»; **И. Чернышева**—«Крестьянская реформа»; **П. Шаскольскаго**—«Евреи въ высшей школѣ» и др.

ВЪ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМЪ ОТДѢЛѢ: А. Богданова—«Міровые кризисы, мирные и военные;» **Р. Виппера**—«Замѣтки историка о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ»; **Т. Вульфа**—«Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ»; **Ю. Делезскаго**—«Новѣйшія космогоническія теоріи»; **Н. Каблукова**—«Вліяніе профессіональныхъ союзовъ рабочихъ на развитіе производительныхъ силъ страны»; **Ю. Каменева**—«Соціальное содержаніе имперіализма;» **К. Левина**—«А. И. Герценъ и Польша»; **Н. Никольскаго**—«Основные моменты въ развитіи русской церковной жизни»; **К. Тимирязева**—«Наука въ современной жизни»; **П. Юшкевича**—«Принципъ относительности и новое ученіе о времени» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ: В. Волгина—«Хроника иностранной жизни» и др.; **Раф. Григорьева**—«Письма изъ Рима»; **Вяч. Калинина**—«Подъ Дамокловымъ мечомъ»; **В. Керженцева**—«Англійскія настроенія», «Ирландская трагедія», «Милитаризмъ въ Америкѣ»; **А. Лозовскаго**—«Конгрессъ французскихъ соціалистовъ»; **М. Лурье**—«Общественныя отношенія въ Германіи», **Л. Мартовъ**—«Гражданинъ Густавъ Эрве»; **А. Мартынова**—«Въ тискахъ міровой конкурренціи»; **М. Павловича**—Румынія въ международномъ конфликтѣ», «Военная индустрія во Франціи», «Двѣ династіи» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ: А. Авраамова—«Народъ и музыка»; **Ад. Бѣльскаго**—Жизнь «Ивана»; **А. Кугеля**—«Томмазо Сальвини; **А. Левинсона**—«Судьба картины», «Міръ Искусства», «Современная живопись»; **Вяч. Полонскаго**—«Исповѣдь одного современника», «Замѣтки о молодыхъ писателяхъ»; **Ромэна Роллана**—«Правда въ Шекспировскомъ театрѣ»; **А. Смирнова**—«Творецъ душъ; **Д. Тальникова**—«При свѣтѣ культуры» и др.

ВОСПОМИНАНІЯ И ПИСЬМА: М. Горькаго—«Памяти В. И. Семевскаго»; **И. Манухина**—«Памяти И. И. Мечникова»; **И. Е. Рѣпина**—«Изъ воспоминаній»; **К. Тимирязева**—«Памяти друга» и др.

Кромѣ того помѣщались **Дневники Льва Толстого** ранѣе ихъ напечатанія въ другихъ изданіяхъ.

ѢТОПИСЬ

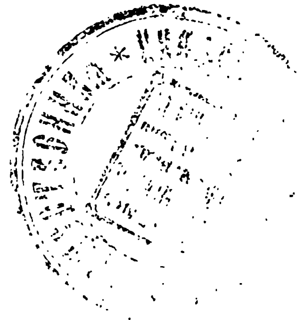

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 10

ОКТЯБРЬ 1916

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи, переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

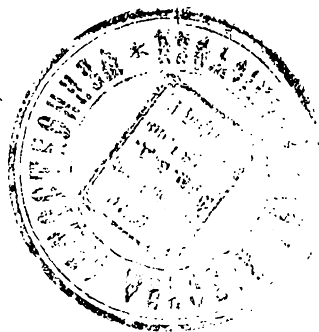
Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря—по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

ТИПОГРАФІЯ
Акціонернаго О-ва Издательскаго Дѣла
«КОПѢЙКА».
Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, собств. домъ

ОРДА.

За степью, въ приволжскихъ пескахъ,
Широкое, алое солнце тонуло.
Ребенокъ уснулъ у тебя на рукахъ,
Ты вышла изъ душной кибитки, взглянула
На кровь, что въ зеркальныя соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюдѣ,—
И сладкой отрадой степного, сухого тепла
Подуло въ лицо твое, въ потныя смуглыя груди.
Великій былъ станъ за тобой:
Скрипѣли колеса, верблюды ревѣли,
Костры, разгораясь, въ дыму пламенѣли,
И пыль, какъ туманъ, поднималась надъ шумной несмѣтной толпой.
Ты, дѣвочка, тихая сердцемъ и взоромъ,
Ты знала-ль въ тотъ вечеръ, садясь на песокъ,
Что сонный ребенокъ, державшій твой темный сосокъ,
Тотъ самый Моголъ, о которомъ
Во вѣки вѣковъ не забудетъ земля?

. . . .

. . . .

. . . .

Что я не смиреннѣе ихъ,—
Атиллы, Тимура, Мамая,
Что я ихъ достоинъ, когда,
Наскучивъ таиться за ложью,

. . . .

Насилую, рѣжу и граблю и жгу города?
Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце въ пескахъ потонуло.
Ты скучно въ померкшее небо взглянула—
И тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несмѣтною ратью чернѣли воза,
Въ синѣющей ночи прохладой и горечью дуло.

Ив. Бунинъ

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

(Продолженіе). *

XV.

Таяли снѣга въ полѣ, таяли зимнія облака въ небѣ, падая на землю мокрымъ снѣгомъ и дождемъ; все медленнѣе проходило солнце свой дневной путь, теплѣе становился воздухъ, казалось, что пришло уже весеннее веселье, шутливо прячется гдѣ-то за городомъ въ поляхъ и скоро хлынетъ на городъ. На улицахъ — рыжая грязь, около панелей бѣгутъ ручьи, на проталинахъ Арестантской площади весело прыгаютъ воробьи. И въ людяхъ замѣтна воробьиная суетливость. Надъ весеннимъ шумомъ, почти непрерывно съ утра до вечера, течетъ великопостный звонъ, покачивая сердце мягкими толчками, — въ этомъ звонѣ, какъ въ рѣчахъ старика, скрыто нѣчто обиженное, кажется, что колокола обо всемъ говорятъ съ холоднымъ уныніемъ:

— Было-о, было это, было-о...

Въ день моихъ именинъ мастерская подарила мнѣ маленькій, красиво написанный образъ Алексія, Божія человѣка, и Жихаревъ внушительно сказалъ длинную рѣчь, очень памятную мнѣ.

— Кто ты есть? — говорилъ онъ, играя пальцами, приподнявъ брови. — Не больше, какъ мальчишка, сирота, тринадцати годовъ отъ роду, а я — старше тебя вчетверо почти и хвалю тебя, одобряю за то, что ты ко всему стоишь не бокомъ, а лицомъ! Такъ и стой всегда, это хорошо!

Говорилъ онъ о рабахъ Божіихъ и о людяхъ Его, но разница между людьми и рабами осталась непонятной мнѣ, да и ему, должно быть, не ясна была. Онъ говорилъ скучно, мастерская посмѣивалась надъ нимъ, я стоялъ съ иконою въ рукахъ, очень тронутый и смущенный, не зная,

* См. «Лѣтопись» №№ I—IX за 1916 г.

что мнѣ дѣлать. Наконецъ, Капендюхинъ досадливо крикнулъ оратору:

— Да перестань отпѣвать его, вонъ у него даже уши посинѣли.

Потомъ, хлопнувъ меня по плечу, тоже похвалилъ:

— Хорошо въ тебѣ то, что ты всѣмъ людямъ родня — вотъ, что хорошо! И не то, что бить тебя, а и обругать — трудно, когда и есть за что!

Всѣ смотрѣли на меня хорошими глазами, ласково высмѣивая мое смущеніе, еще немножко—и я-бы, навѣрное, разревѣлся отъ неожиданной радости чувствовать себя человѣкомъ, нужнымъ для этихъ людей. А какъ разъ въ это утро, въ лавкѣ приказчикъ сказалъ Петру Васильеву, кивая на меня головой:

— Непріятный мальчишка и ни къ чему не способный!

Какъ всегда, я съ утра ушелъ въ лавку, но послѣ полудня приказчикъ сказалъ мнѣ:

— Иди домой, свали снѣгъ съ крыши амбара и набивай погребъ...

О томъ, что я именинникъ, онъ не зналъ, я былъ увѣренъ, что и никто не знаетъ объ этомъ. Когда кончилась церемонія поздравленій въ мастерской, я переодѣлся, убѣжалъ на дворъ и залѣзъ на крышу сарая сбрасывать плотный, тяжелый снѣгъ, обильный въ эту зиму. Но, взволнованный, я позабылъ отворить дверь погреба и завалилъ ее снѣгомъ. Соскочивъ на землю и видя эту ошибку, я тотчасъ принялся откидывать снѣгъ отъ двери; сырой, онъ крѣпко слежался; деревянная лопата съ трудомъ брала его, желѣзной не было, и я сломалъ лопату какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ калиткѣ появился приказчикъ; оправдалась русская пословица — «за радостью горе по пятамъ ходитъ».

— Та-акъ, — насмѣшливо сказалъ приказчикъ, подходя ко мнѣ. — Эхъ, ты, работникъ, чортъ-бы тебя побралъ! Вотъ хвачу тебя по безумной твоей башкѣ...

Онъ замахнулся на меня стержнемъ лопаты, я отодвинулся и сказалъ сердито:

— Да вѣдь я не въ дворники нанялся къ вамъ...

Онъ швырнулъ палкой въ ноги мнѣ, я схватилъ комъ снѣга и угодилъ ему въ лицо; онъ убѣжалъ, фыркая, а я, бросивъ работу, ушелъ въ мастерскую. Черезъ нѣсколько минутъ сверху сбѣжала его невѣста, вертлявая дѣвица въ прыщахъ на пустомъ лицѣ.

— Максимыча наверхъ!

— Не пойду, — сказалъ я.

Ларіонычъ спросилъ тихо и удивленно:

— Какъ это — не пойдешь?

Я сообщилъ ему, въ чемъ дѣло; озабоченно нахмурившись, онъ пошелъ наверхъ, сказавъ мнѣ вполголоса:

— Экой ты, братъ, дерзкой...

Мастерская загудѣла, поругивая приказчика; Капендюхинъ сказалъ:

— Ну, теперь тебя вышибутъ!

Это меня не пугало. Мои отношенія съ приказчикомъ давно уже стали невыносимы, — онъ ненавидѣлъ меня упрямо и все болѣе остро, я тоже терпѣть его не могъ, но я хотѣлъ понять — почему онъ такъ нелѣпо относится ко мнѣ?

Онъ разбрасывалъ по полу лавки монеты, подметая, я находилъ ихъ и складывалъ на прилавкѣ, въ чашку, гдѣ лежали гроши и копейки для нищихъ. Когда я догадался, что значатъ эти частыя находки — я сказалъ приказчику:

— Вы напрасно подбрасываете мнѣ деньги!

Онъ вспыхнулъ и неосторожно закричалъ:

— Не смѣй учить меня, я знаю, что дѣлаю!

Но тотчасъ поправился:

— Какъ это — напрасно подбрасываю? Онѣ сами падаютъ...

Онъ запретилъ мнѣ читать въ лавкѣ книги, сказавъ:

— Это не твоего ума дѣло! Что ты — въ начетчики мѣтишь, дармоѣдъ?

Онъ не прекращалъ своихъ попытокъ поймать меня двугривенными, и я понималъ, что если въ то время, какъ метешь полъ, монета закатится въ щель — онъ будетъ убѣжденъ, что я укралъ ее. Тогда я ему еще разъ предложилъ оставить эту игру, но въ тотъ же день, возвращаясь изъ трактира съ кипяткомъ, я услыхалъ, какъ онъ внушаетъ недавно нанятому приказчику сосѣда:

— Ты научи его Псалтирь украсть — скоро мы Псалтири получимъ, три короба...

Я понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ, — когда я вошелъ въ лавку, они оба смутились, но и кромѣ этого признака у меня были основанія подозрѣвать ихъ въ дурацкомъ заговорѣ противъ меня.

Приказчикъ сосѣда уже не въ первый разъ служилъ у

него; онъ считался ловкимъ торговцемъ, но страдалъ запоемъ; на время запоя, хозяинъ прогонялъ его, а потомъ опять бралъ къ себѣ этого худосочнаго и слабосильнаго человѣка съ хитрыми глазами. Внѣшне кроткій, покорный каждому жесту хозяина, онъ всегда улыбался въ бородку себѣ умненькой улыбочкой, любилъ сказать острое словцо, и отъ него исходилъ тотъ дрянной запахъ, который свойственъ людямъ съ гнилыми зубами, хотя зубы его были бѣлы и крѣпки.

Однажды онъ меня страшно удивилъ: подошелъ ко мнѣ, ласково улыбаясь, но вдругъ сбилъ съ меня шапку и схватилъ за волосы. Мы стали драться, съ галлереи онъ втолкнулъ меня въ лавку и все старался повалить на большіе кіоты, стоявшіе на полу, — если-бы это удалось ему, я перебилъ бы стекла, поломалъ рѣзьбу и, вѣроятно, поцарапалъ бы дорогія иконы. Онъ былъ очень слабъ, и мнѣ удалось одолѣть его, но тогда, къ великому изумленію моему, бородатый мужчина горько заплакалъ, сидя на полу и вытирая разбитый носъ.

А на другое утро, когда наши хозяева ушли куда-то и мы были одни, онъ дружески сказалъ мнѣ, растирая пальцемъ опухоль на переносьѣ и подъ глазомъ:

— Думаешь — это я по своей волѣ и охотѣ навалился на тебя? Я — не уракъ, я вѣдь зналъ, что ты — меня побьешь, я человѣкъ слабый, пьющій. Это мнѣ хозяинъ велѣлъ: дай, говоритъ, ему выволочку, да постарайся, чтобъ онъ у себя въ лавкѣ побольше напортилъ во время драки, все-таки — убытокъ имъ! А самъ я — не сталъ бы, вонъ ты какъ мнѣ рожу-то изукрасилъ...

Я повѣрилъ ему, и мнѣ стало жаль его, я зналъ, что онъ живетъ впроголодь, съ женщиной, которая колотитъ его. Но я все-таки спросилъ его:

— А если тебя заставятъ отравить человѣка — отравишь?

— Онъ заставитъ, — сказалъ приказчикъ тихонько, съ жалкой усмѣшечкой. — Онъ — можетъ...

Вскорѣ послѣ этого, онъ спросилъ меня:

— Слушай, у меня ни гроша, дома жрать нечего, баба — лается, стащи, другъ, у себя въ кладовой какую-нибудь иконку, а я продамъ ее, а? Стащи? А то — Псалтирь?

Я вспомнилъ магазинъ обуви, церковнаго сторожа, мнѣ подумалось: выдастъ меня этотъ человѣкъ! Но трудно было

отказать, и я далъ ему икону, но стащить псалтирь, стоившій нѣсколько рублей, не рѣшился, это казалось мнѣ крупнымъ преступленіемъ. Что подѣлаешь? Въ морали всегда скрыта ариѳметика; святая наивность «Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ» очень ясно выдаетъ эту маленькую тайну, за которой прячется великая ложь собственности.

Когда я услышалъ, какъ мой приказчикъ внушаетъ этому жалкому человѣку научить меня украсть Псалтирь,— я испугался. Было ясно, что мой приказчикъ знаетъ, какъ я добръ за его счетъ и что приказчикъ сосѣда разсказалъ ему про икону.

Мерзость доброты на чужой счетъ и эта дрянная ловушка мнѣ, — все вмѣстѣ вызывало у меня чувство негодованія, отвращенія къ себѣ и ко всѣмъ. Нѣсколько дней я жестоко мучился, ожидая, когда придутъ короба съ книгами; наконецъ, они пришли, я разбираю ихъ въ кладовой, ко мнѣ подходитъ приказчикъ сосѣда и проситъ дать ему Псалтирь.

Тогда я спрашиваю его:

— А ты сказалъ моему про икону?

— Сказалъ, — отвѣтилъ онъ унылымъ голосомъ. — Я, братъ, ничего не могу скрыть...

Это меня ошеломило, я сѣлъ на полъ и вытаращилъ на него глаза, а онъ началъ поспѣшно бормотать, сконфуженный, отчаянно жалкій.

— Видишь-ли, твой самъ догадался, т. е. это мой хозяинъ догадался и сказалъ твоему...

Мнѣ показалось, что я пропалъ, — подсидѣли меня эти люди, и теперь мнѣ уготовано мѣсто въ колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ! Когда такъ — все равно! Ужъ если тонуть, такъ — на глубокомъ мѣстѣ. Я сунулъ въ руки приказчика Псалтирь, онъ спряталъ его подъ пальто и пошелъ прочь, но тотчасъ повернулся и — Псалтирь упалъ къ моимъ ногамъ, а человѣкъ зашагалъ прочь, говоря:

— Не возьму! Пропадешь съ тобой...

Я не понялъ этихъ словъ — почему со мной пропадешь? Но я былъ очень доволенъ тѣмъ, что онъ не взялъ книгу. Послѣ этого, мой маленькій приказчикъ сталъ смотрѣть на меня еще болѣе сердито и подозрительно.

Все это я вспомнилъ, когда Ларіонычъ пошелъ наверхъ; онъ пробылъ тамъ не долго и воротился еще болѣе подавленный и тихій, чѣмъ всегда, а передъ ужиномъ, съ глазу на глазъ, сказалъ мнѣ:

— Хлопоталъ, чтобъ тебя освободили отъ лавки, отдали бы въ мастерскую. Не вышло это! Кузьма не хочетъ. Очень ты не по душѣ ему...

Въ домѣ у меня былъ тоже врагъ — невѣста приказчика, чрезмѣрно игривая дѣвица; съ нею играла вся молодежь мастерской, поджидая ее въ сѣняхъ, обнимая; она не обижалась на это, а только взвизгивала тихонько, какъ маленькая собачка. Съ утра до вечера она жевала, ея карманы всегда были набиты пряниками, лепешками, челюсти неустанно двигались, смотрѣть на ея пустое лицо съ безпокойными сѣренькими глазками было непріятно. Мнѣ и Павлу она предлагала загадки, всегда скрывавшія какое-нибудь грубенькое безстыдство, сообщала намъ скороговорки, сливавшіяся въ неприличное слово.

Однажды кто-то изъ пожилыхъ мастеровъ сказалъ ей:

— А и безстыдница ты, дѣвушка!

Она бойко отвѣтила словами зазорной пѣсни:

— Коли дѣвушка стыдится,
Она въ бабы не годится...

Я въ первый разъ видѣлъ такую дѣвицу, она была противна мнѣ и пугала меня, грубо заигрывая, а видя, что эти заигрыванія не сладки для меня — становилась все назойливѣе.

Какъ-то разъ, на погребѣ, когда я съ Павломъ помогалъ ей парить кадки изъ-подъ кваса и огурцовъ, она предложила намъ:

— Хотите, мальчики, я васъ научу цѣловаться?

— Я умѣю получше тебя, — отвѣтилъ ей Павелъ, смѣясь, а я сказалъ ей, чтобы она шла цѣловаться къ жениху, и сказалъ это не очень любезно. Она разсердилась.

— Ахъ, какой грубьянъ! Барышня съ нимъ любезничаетъ, а онъ носъ воротитъ; скажите, фря какая!

И добавила, погрозивъ пальцемъ:

— Ну, погоди, я тебѣ это припомню!

Павелъ тоже сказалъ ей, поддерживая меня:

— Задастъ тебѣ женихъ-то, коли узнаетъ про твое озорство.

Она презрительно сморщила прыщеватое лицо.

— Не боюсь я его! Съ моимъ приданымъ, я десятокъ найду, получше гораздо. Дѣвкѣ только до свадьбы и побаловать.

И она начала баловать съ Павломъ, а я съ той поры пріобрѣлъ въ ней неутомимую ябедницу.

Въ лавкѣ становилось все труднѣе, я прочиталъ всѣ церковныя книги, меня уже не увлекали болѣе споры и бесѣды начетчиковъ, — говорили они все объ одномъ и томъ-же. Только Петръ Васильевъ попрежнему привлекалъ меня своимъ знаніемъ темной человѣчьей жизни, своимъ умѣньемъ говорить интересно и пылко. Иногда мнѣ думалось, что вотъ таковъ-же ходилъ по землѣ пророкъ Елисѣй, одинокій и мстительный.

Но каждый разъ, когда я говорилъ со старикомъ откровенно о людяхъ, о своихъ думахъ, онъ, благожелательно выслушавъ меня, передавалъ сказанное мною приказчику, а тотъ или обидно высмѣивалъ меня или сердито ругалъ.

Однажды я сказалъ старику, что иногда записываю его рѣчи въ тетрадь, гдѣ у меня уже записаны разные стихи, изреченія изъ книгъ; это очень испугало начетчика, онъ быстро покачнулся ко мнѣ и сталъ тревожно спрашивать меня.

— Это — зачѣмъ же ты? Это, малый, не годится! Для памяти? Нѣтъ, ты это брось! Экой ты, какой вѣдь! Ты дай-ко-сь мнѣ записки-то эти, а?

Онъ долго и настойчиво убѣждалъ меня, чтобы я отдалъ ему тетрадь или сжегъ ее, а потомъ сталъ сердито шептаться съ приказчикомъ.

Когда мы шли домой, приказчикъ строго сказалъ мнѣ:

— Ты какія-то записки дѣлаешь —такъ чтобы этого не было! Слышалъ? Этимъ занимаются только сыщики.

Я неосторожно спросилъ:

— А — какъ-же Ситановъ? Онъ тоже записываетъ.

— Тоже? Дуракъ длинный...

Долго помолчавъ, онъ необычно мягко предложилъ:

— Слушай, покажи мнѣ свою тетрадь, и Ситанова тоже — я тебѣ полтину дамъ! Только такъ сдѣлай, чтобы Ситановъ не зналъ, тихонько...

Должно быть, онъ былъ увѣренъ, что я исполню его желаніе, и, не сказавъ ни слова больше, побѣжалъ впереди меня на короткихъ ножкахъ.

Дома я разсказалъ Ситанову о предложеніи приказчика, Евгеній нахмурился.

— Это ты напрасно проболтался... Теперь онъ научитъ кого-нибудь выкрасть тетради у меня и у тебя. Дай-ко мнѣ твою, я спрячу... А тебя онъ скоро выживетъ, гляди!

Я былъ убѣжденъ въ этомъ и рѣшилъ уйти, какъ только бабушка вернется въ городъ — она всю зиму жила въ Балахнѣ, приглашенная кѣмъ-то учить дѣвицъ плетенію кружевъ. Дѣдъ снова жилъ въ Кунавинѣ, я не ходилъ къ нему, да и онъ, бывая въ городѣ, не посѣщалъ меня. Однажды, мы столкнулись на улицѣ, онъ шелъ въ тяжелой енотовой шубѣ, важно и медленно, точно попъ, я поздоровался съ нимъ; посмотрѣвъ на меня изъ-подъ ладони, онъ задумчиво проговорилъ:

— А, это ты... ты богомазъ теперь, да, да... Ну иди, иди!

Отодвинулъ меня съ дороги и все также важно и медленно пошелъ дальше.

Бабушку я видѣлъ рѣдко; она работала неустанно, подкармливая дѣда, который заболѣвалъ старческимъ слабоуміемъ, возилась съ дѣтьми дядьевъ. Особенно много доставлялъ ей хлопотъ Саша, сынъ Михаила, красивый парень, мечтатель и книголюбъ. Онъ работалъ по красильнымъ мастерскимъ, часто переходя отъ одного хозяина къ другому, а въ промежуткахъ сидѣлъ на шеѣ бабушки, спокойно дожидаясь, когда она найдетъ ему новое мѣсто. На ея же шеѣ висѣла сестра Саши, неудачно вышедшая замужъ за пьянаго мастерового, который билъ ее и выгонялъ изъ дома.

Встрѣчаясь съ бабушкой, я все болѣе сознательно восхищался ея душою, но — я уже чувствовалъ, что эта прекрасная душа ослѣплена сказками, не способна видѣть, не можетъ понять явленій горькой дѣйствительности, и мои тревоги, мои волненія чужды ей.

— Терпѣть надо, Олеша.

Это — все, что она могла сказать мнѣ въ отвѣтъ на мои повѣсти о безобразіяхъ жизни, о мукахъ людей, о тоскѣ — обо всемъ, что меня возмущало, чѣмъ я горѣлъ.

Я былъ плохо приспособленъ къ терпѣнію и, если иногда проявлялъ эту добродѣтель скота, дерева, камня — я проявлялъ ее ради самоиспытанія, ради того, чтобы знать запасъ своихъ силъ, степень устойчивости на землѣ. Иногда подростки, по глупому молодечеству, по зависти къ силѣ взрослыхъ, пытаются поднимать и поднимаютъ тяжести, слишкомъ большія для ихъ мускуловъ и костей, пробуютъ хвастливо, какъ взрослые силачи, двухпудовыми гирями креститься.

Я тоже дѣлалъ все это въ прямомъ и переносномъ смыслѣ, физически и духовно, и только благодаря какой-то слу-

чайности не надорвался на-смерть, не изуродовалъ себя на всю жизнь. Ибо ничто не уродуетъ человѣка такъ страшно, какъ уродуетъ его терпѣніе, покорность силѣ внѣшнихъ условій.

И если, въ концѣ концовъ, я все-таки лягу въ землю изуродованнымъ, то — не безъ гордости — скажу въ свой послѣдній часъ, что добрые люди лѣтъ сорокъ серьезно заботились исказить душу мою, но упрямый трудъ ихъ не весьма удаченъ.

Все болѣе часто меня охватывало буйное желаніе озорничать, потѣшать людей, заставлять ихъ смѣяться. Мнѣ удавалось это, я умѣлъ разсказывать о купцахъ Нижняго базара, представляя ихъ въ лицахъ; изображалъ, какъ мужики и бабы продаютъ и покупаютъ иконы, какъ ловко приказчикъ надуваетъ ихъ, какъ спорятъ начетчики.

Мастерская хохотала, нерѣдко мастера бросали работу, глядя, какъ я представляю, но всегда послѣ этого Ларіонычъ совѣтовалъ мнѣ:

— Ты бы лучше послѣ ужина представлялъ, а то мѣшаешь работать...

Кончивъ «представленіе», я чувствовалъ себя легко, точно сбросилъ ношу, тяготившую меня; на полчаса, на часъ въ головѣ становилось пріятно пусто, а потомъ снова казалось, что голова у меня полна острыхъ, мелкихъ гвоздей, они шевелятся тамъ, нагрѣваются.

Вокругъ меня вскипала какая-то грязная каша, и я чувствовалъ, что потихоньку развариваюсь въ ней.

Думалось:

Неужели вся жизнь—такая? И я буду жить такъ, какъ эти люди, не найду, не увижу ничего лучше?

— Сердитъ становишься, Максимычъ,—говорилъ мнѣ Жихаревъ, внимательно поглядывая на меня.

Ситановъ часто спрашивалъ меня:

— Ты—что?

Я не умѣлъ отвѣтить.

Жизнь упрямо и грубо стирала съ души моей свои-же лучшія письмена, ехидно замѣняя ихъ какой-то неясной дрянью,—я сердито и настойчиво противился ея насилію. Я плылъ по той же рѣкѣ, какъ и всѣ, но для меня вода была холоднѣе, и она не такъ легко держала меня, какъ другихъ, — порою мнѣ казалось, что я тихо погружаюсь въ нѣкую глубину.

Люди относились ко мнѣ все лучше, на меня не орали, какъ на Павла, не помыкали мною, меня звали по отчеству, чтобы подчеркнуть уважительное отношеніе ко мнѣ. Это — хорошо, но было мучительно видѣть, какъ много люди пьютъ водки, какъ они противны пьяные, и какъ болѣзненно ихъ отношеніе къ женщинѣ, хотя я понималъ, что водка и женщина — единственныя забавы въ этой жизни.

Часто вспоминалось съ грустью, что сама умная, смѣлая Наталья Козловская тоже называла женщину забавой.

Но какъ-же тогда бабушка? И Королева Марго?

О Королевѣ я вспоминалъ съ чувствомъ, близкимъ страху, она была такая чужая всему, точно я ее видѣлъ во снѣ.

Я слишкомъ много сталъ думать о женщинахъ и уже рѣшалъ вопросъ: а не пойти-ли въ слѣдующій праздникъ туда, куда всѣ ходятъ? Это не было желаніемъ физическимъ, — я былъ здоровъ и брезгливъ, но порою до бѣшенства хотѣлось обнять кого-то ласковато, умнаго, и откровенно, безконечно долго говорить, какъ матери, о тревогахъ души.

Я завидовалъ Павлу, когда онъ по ночамъ говорилъ мнѣ о своемъ романѣ съ горничною изъ дома напротивъ.

— Вотъ, братъ, штука: мѣсяцъ тому назадъ я въ нее снѣгомъ швырялъ, не нравилась мнѣ она, а теперь сидишь на лавочкѣ, прижмешься къ ней — никого нѣтъ дороже!

— О чемъ вы говорите?

— Обо всемъ, конечно. Она мнѣ — про себя, а я ей — тоже про себя. Ну, цѣлуемся... Только она — честная... Она, братъ, бѣда, какая хорошая! Ну, куришь ты, какъ старый солдатъ!

Я курилъ много; табакъ, опьяняя, притуплялъ безпокойныя мысли, тревожныя чувства. Водка, къ счастью моему, возбуждала у меня отвращеніе своимъ запахомъ и вкусомъ, а Павелъ пилъ охотно и, напившись, жалобно плакалъ:

— Домой хочу я, домой! Отпустите меня домой...

Онъ былъ, помнится мнѣ, сирота; мать и отецъ давно умерли у него, братьевъ, сестеръ — не было, лѣтъ съ восьми онъ жилъ по чужимъ людямъ.

Въ этомъ настроеніи тревожной неудовлетворенности, еще болѣе возбуждаемой зовами весны, я рѣшилъ снова

поступить на пароходъ и, спустившись въ Астрахань, убѣжать въ Персію.

Не помню, почему именно — въ Персію, можетъ быть, только потому, что мнѣ очень нравились персіяне-купцы на Нижегородской ярмаркѣ: сидятъ эдакіе каменные идолы, выставивъ на солнце крашеныя бороды, спокойно покуривая кальянъ, а глаза у нихъ большіе, темные, все знающіе.

Навѣрное, я и убѣжалъ бы куда-то, но на Пасхальной недѣлѣ, когда часть мастеровъ уѣхала домой, въ свои села, а оставшіеся пьянствовали, гуляя въ солнечный день по полю надъ Окой, я встрѣтилъ моего хозяина, племянника бабушки.

Онъ шелъ въ легкомъ сѣромъ пальто, руки въ карманахъ брюкъ, въ зубахъ папироса, шляпа на затылкѣ; его пріятное лицо дружески улыбалось мнѣ. У него былъ подкупающій видъ человѣка свободнаго, веселаго, и кромѣ насъ двоихъ въ полѣ никого не было.

— А, Пѣшковъ, Христосъ Воскресе!

Похристосовались, онъ спросилъ, каково мнѣ живется, и я откровенно разсказалъ ему, что мастерская, городъ и все вообще — надоѣло мнѣ и я рѣшилъ ѣхать въ Персію.

— Брось, — сказалъ онъ серьезно. — Какая тамъ, къ чорту, Персія? Это, братъ, я знаю, въ твои года и мнѣ тоже хотѣлось бѣжать ко всѣмъ чертямъ!..

Мнѣ нравилось, что онъ такъ ухарски швыряется чертями; въ немъ играло что-то хорошее, весеннее, весь онъ былъ — набекрень.

— Куришь? — спросилъ онъ, протягивая мнѣ серебряный портсигаръ съ толстыми папиросами.

Ну, это ужъ окончательно побѣдило меня!

— Вотъ что, Пѣшковъ, иди-ко ты опять ко мнѣ! — предложилъ онъ.—Я, братъ, въ этомъ году взялъ подрядовъ на Ярмаркѣ тысячъ эдакъ на сорокъ—понимаешь. Вотъ я и приладжу тебя на Ярмарку; будешь ты у меня, вродѣ десятника, принимать всякій матерьялъ, смотрѣть, чтобъ все было во время на мѣстѣ и чтобъ рабочіе не воровали — идетъ? Жалованье — пять въ мѣсяцъ и пятакъ на обѣдъ! Бабы тебя не касаются, съ утра ты ушелъ, вечеромъ пришелъ; бабы — мимо! Только ты не говори имъ, что мы видѣлись, а просто приходи въ воскресенье на Фоминой и — шабашъ!

Мы разстались друзьями, на прощанье, онъ пожалъ мнѣ руку и даже, уходя, издали привѣтливо помахалъ шляпой.

Когда я сказалъ въ мастерской, что ухожу — это сначала вызвало у большинства лестное для меня сожалѣніе, особенно взволновался Павелъ.

— Ну, подумай, — укоризненно говорилъ онъ, — какъ ты будешь жить съ мужиками разными послѣ насъ? Плотники, маляры... Эхъ, ты! Это называется — изъ дьяконовъ въ пономари...

Жихаревъ ворчалъ:

— Рыба ищетъ — гдѣ глубже, добрый молодецъ — что хуже...

Проводы, устроенные мнѣ мастерской, были печальны и нудны.

— Конечно, надо испробовать и то, и это, — говорилъ Жихаревъ, желтый съ похмѣлья. — А лучше сразу, да покрѣпче зацѣпиться за одно что-нибудь...

— И ужъ на всю жизнь, — тихо добавилъ Ларіонычъ.

Но я чувствовалъ, что они говорятъ съ натугой и какъ-бы по обязанности — нить, скрѣплявшая меня съ ними, какъ-то сразу перегнила и порвалась.

На полатяхъ ворочался пьяный Гоголевъ и хрипѣлъ:

— З-захочу — всѣ въ острогѣ будутъ! Я — секретъ знаю! Кто тутъ въ Бога вѣруетъ? Аха-а...

Какъ всегда, у стѣнъ прислонились безликія недописанныя иконы, къ потолку прилипли стеклянные шары. Съ огнемъ давно уже не работали, шарами не пользовались, ихъ покрылъ сѣрый слой копоти и пыли. Все вокругъ такъ крѣпко запомнилось, что, и закрывъ глаза, я вижу во тьмѣ весь подвалъ, всѣ эти столы, баночки съ красками на подоконникахъ; пучки кистей съ держальцами; иконы, ушатъ съ помоями въ углу, подъ мѣднымъ умывальникомъ, похожимъ на каску пожарнаго, и свѣсившуюся съ полатей голую ногу Гоголева, синюю, какъ нога утопленника.

Хотѣлось поскорѣе уйти, но на Руси любятъ затягивать грустныя минуты; прощаясь, люди точно заупокойную литургію служатъ.

Жихаревъ, сдвинувъ брови, сказалъ мнѣ:

— А книгу эту, Демона, я не могу тебѣ отдать — хочешь двугривенный получить за нее?

Книга была моей собственностью, — старикъ брандмейстеръ подарилъ мнѣ ее, мнѣ было жалко отдавать Лермонтова. Но когда я, нѣсколько обиженный, отказался отъ денегъ, Жихаревъ спокойно сунулъ монету въ кошелекъ и не-

поколебимо заявилъ:

— Какъ хочешь, а я не отдамъ книгу! Эта книга—не для тебя, это такая книга, что съ ней недолго и грѣха нажить...

— Да ее-же въ магазинѣ продаютъ, я видѣлъ!

Но онъ сугубо убѣдительно сказалъ мнѣ:

— Это ничего не значитъ, въ магазинахъ и пистолеты продаютъ...

Такъ и не отдалъ мнѣ Лермонтова.

Идя наверхъ, прощаться съ хозяйкой, я столкнулся въ сѣняхъ съ ея племянницей, она спросила:

— Говорятъ — уходишь ты?

— Ухожу.

— Кабы не ушелъ, такъ бы выгнали, — сообщила она мнѣ, не очень любезно, но вполнѣ искренно.

А пьяненькая хозяйка сказала:

— Прощай, Христосъ съ тобой! Ты — нехорошій мальчикъ, дерзкій! Хоть я плохого отъ тебя ничего не видала, а всѣ говорятъ — нехорошій ты!

И вдругъ заплакала, говоря сквозь слезы:

— Былъ бы живъ покойникъ, муженекъ мой сладкій, милая душенька, далъ бы онъ тебѣ выволочку, накидалъ бы тебѣ подзатыльниковъ, а — оставилъ бы, не гналъ! А нынче все пошло по другому, чуть что не такъ — вонъ-вонъ, прочь! Охъ, и куда ты, мальчикъ, дѣнешься, къ чему прислонишься?

XVI.

Я ѣду съ хозяиномъ на лодкѣ по улицамъ Ярмарки, среди каменныхъ лавокъ, залитыхъ половодьемъ до высоты вторыхъ этажей. Я — на веслахъ, хозяинъ, сидя на кормѣ, неумѣло править, глубоко запуская въ воду кормовое весло, лодка неуклюже юлитъ, повертывая изъ улицы въ улицу по тихой, мутно задумавшейся водѣ.

— Эхъ, высока нынче вода, чортъ ее возьми! Задержитъ она работы, — ворчитъ хозяинъ, покуривая сигару; дымъ ея пахнетъ горѣлымъ сукномъ.

— Тише! — испуганно кричитъ онъ. — На фонарь ѣдемъ!

Справился съ лодкой и ругается:

— Ну, и лодку дали, подлецы!..

Онъ показываетъ мнѣ мѣста, гдѣ, послѣ спада воды, начнутся работы по ремонту лавокъ. До синя выбритый, съ

подстриженными усами и сигарой во рту, онъ не похожъ на подрядчика. На немъ кожаная куртка, высокіе до колѣнъ сапоги, черезъ плечо — ягдташъ, въ ногахъ торчитъ дорогое двухствольное ружье Лебеды. Онъ то и дѣло безпокойно передвигаетъ кожаную фуражку, — надвинетъ ее на глаза, надуетъ губы и озабоченно смотритъ вокругъ; собьетъ фуражку на затылокъ, помолодѣетъ и улыбается въ усы, думая о чемъ-то пріятномъ,—и не вѣрится, что у него много работы, что медленная убыль воды безпокоитъ его, — въ немъ гуляетъ волна какихъ-то, видимо, недѣловыхъ думъ.

А я подавленъ чувствомъ тихаго удивленія: такъ странно видѣть этотъ мертвый городъ, прямые ряды зданій съ закрытыми окнами, — городъ сплошь залитый водою и точно плывущій мимо нашей лодки.

Небо сѣрое. Солнце заплуталось въ облакахъ, лишь изрѣдка просвѣчивая сквозь ихъ гущу большимъ серебрянымъ, по зимнему, пятномъ.

Вода тоже сѣра и холодна; теченіе ея не замѣтно; кажется, что она застыла, уснула вмѣстѣ съ пустыми домами, рядами лавокъ, окрашенныхъ въ грязно-желтый цвѣтъ. Когда сквозь облака смотритъ бѣлесое солнце, — все вокругъ немножко посвѣтлѣетъ, вода отражаетъ сѣрую ткань неба — наша лодка виситъ въ воздухѣ между двухъ небесъ; каменныя зданія тоже приподнимаются и чуть замѣтно плывутъ къ Волгѣ, Окѣ. Вокругъ лодки качаются разбитыя бочки, ящики, корзины, щепа и солома, иногда мертвой змѣей проплыветъ жердь или бревно.

Кое-гдѣ окна открыты, на крышахъ рядскихъ галлерей сушится бѣлье, торчатъ валяные сапоги; изъ окна на сѣрую воду смотритъ женщина, къ вершинѣ чугунной колонки галлереи причалена лодка, ея красные борта отражены водою жирно и мясисто.

Кивая головой на эти признаки жизни, хозяинъ объясняетъ мнѣ:

— Это — ярмарочный сторожъ живетъ. Вылѣзетъ изъ окна на крышу, сядетъ въ лодку и ѣздитъ, смотритъ—нѣтъ ли гдѣ воровъ? А нѣтъ воровъ — самъворустъ....

Онъ говоритъ лѣниво, спокойно, думая о чемъ-то другомъ. Вокругъ тихо, пустынно и невѣроятно, какъ во снѣ. Волга и Ока слились въ огромное озеро; вдали, на мохнатой горѣ пестро красуется городъ, весь въ садахъ, еще темныхъ, но почки деревьевъ уже набухли и сады одѣва-

ютъ дома и церкви зеленоватой теплой шубой. Надъ водою стелется густо пасхальный звонъ, слышно, какъ гудитъ городъ, а здѣсь — точно на забытомъ кладбищѣ

Наша лодка вертится между двухъ рядовъ черныхъ деревьевъ, мы ѣдемъ Главной линіей къ Старому собору. Сигара безпокоитъ хозяина, застилая ему глаза ѣдкимъ дымомъ, лодка то и дѣло тычется носомъ или бортомъ о стволы деревьевъ — хозяинъ раздраженно удивляется:

— Этакая подлая лодка!

— Да вы не правьте.

— Какъ-же можно? — ворчитъ онъ. — Если въ лодкѣ двое, то всегда — одинъ гребетъ, другой — правитъ. Вотъ — смотри: Китайскіе ряды....

Я давно знаю Ярмарку насквозь; знаю и эти смѣшные ряды, съ нелѣпыми крышами; по угламъ крышъ сидятъ, скрестивъ ноги, гипсовыя фигуры китайцевъ; когда-то я со своими товарищами швырялъ въ нихъ камнями, и у нѣкоторыхъ китайцевъ именно мною отбиты головы, руки. Но я уже не горжусь этимъ...

— Ерунда, — говоритъ хозяинъ, указывая на ряды. — Кабы мнѣ дали строить это...

Онъ свиститъ, сдвигая фуражку на затылокъ.

А мнѣ почему-то думается, что онъ построилъ бы этотъ каменный городъ такъ же скучно, на этомъ же низкомъ мѣстѣ, которое ежегодно заливаютъ воды двухъ рѣкъ. И Китайскіе ряды выдумалъ бы онъ...

Утопивъ сигару за бортомъ, онъ сопроводилъ ее плевкомъ отвращенія и говоритъ:

— Скушно, Пѣшковъ! Скушно. Образованныхъ людей — нѣтъ, поговорить — не съ кѣмъ. Захочется похвастать — а передъ кѣмъ? Нѣтъ людей. Все плотники, каменщики, мужики, жулье...

Онъ смотритъ вправо, на бѣлую мечеть, красиво поднявшуюся изъ воды, на холмѣ, и продолжаетъ, словно вспоминая забытое:

— Началъ я пиво пить, сигары курю, живу подъ нѣмца. Нѣмцы, братъ, народъ дѣловой, т-такіе звѣри-курицы! Пиво — пріятное занятіе, а къ сигарамъ — не привыкъ еще! Накуришься, жена ворчитъ: чѣмъ это отъ тебя пахнетъ, какъ отъ шорника? Да, братъ, живемъ, ухитряемся... Ну-ко, правь самъ...

Положивъ весло на бортъ, онъ беретъ ружье и стрѣля-

еть въ китайца на крышѣ, — китаецъ не потерпѣлъ вреда, дробь осѣяла крышу и стѣну, поднявъ въ воздухѣ пыльные дымки.

— Не попалъ,—безъ сожалѣнія сознается стрѣлокъ и снова вкладываетъ въ ружье патронъ.

— Ты какъ на счетъ дѣвченокъ — разговѣлся? Нѣтъ? А я въ тринадцать лѣтъ уже влюблялся...

Онъ разсказываетъ, какъ сонъ, исторію своей первой любви къ горничной архитектора, у котораго онъ жилъ ученикомъ. Тихонько плещетъ сѣрая вода, омывая углы зданій, за Соборомъ тускло блеститъ водная пустыня, кое гдѣ надъ нею поднимаются черные прутья лозняка.

Въ иконописной мастерской часто пѣвали семинарскую пѣсню:

— Море синее,
Море бурное...

Скука смертельная, должно быть, это синее море...

— Ночей не спалъ, — говоритъ хозяинъ. — Бывало, встану съ постели и стою у двери ея, дрожу, какъ собачонка, — домъ холодный былъ! По ночамъ ее хозяинъ посѣщалъ, могъ меня застать, а я — не боялся, да...

Онъ говоритъ задумчиво, точно разсматривая старое, изношенное платье, — можно надѣть еще разъ или нѣтъ?

— Замѣтила она меня, пожалѣла, распахнула дверь и зоветъ: иди, дурачокъ...

Я много слышалъ такихъ разсказовъ, надоѣли они мнѣ, хотя въ нихъ была пріятная черта, — о первой своей «любви», почти всѣ люди говорили безъ хвастовства, не грязно, а часто — такъ ласково и печально, что я понималъ: это было самое лучшее въ жизни разсказчика. У многихъ, кажется, только это и было хорошо.

Смѣясь и качая головой, хозяинъ восклицаетъ удивленно:

— А женѣ этого не скажешь, ни-ни! Ну, что тутъ такого? А не разскажешь! Вотъ — исторія...

Онъ разсказываетъ не мнѣ, а себѣ самому. Если-бы онъ молчалъ, говорилъ-бы я, — въ этой тишинѣ и пустотѣ необходимо говорить, пѣть, играть на гармоніи, а то навсегда заснешь тяжкимъ сномъ среди мертваго города, утонувшаго въ сѣрой, холодной водѣ.

— Первое — не женись рано! — поучаетъ онъ меня. —

Женитьба — это, братъ, дѣло громаднѣйшей важности! Жить можно гдѣ хочешь, и какъ хочешь, — твоя воля! Живи въ Персіи, магометашкой; въ Москвѣ — городовымъ, горюй, воруй — все можно поправить! А жена — это, братъ, какъ погода, ее не поправишь... нѣтъ! Это, братъ, не сапогъ — снялъ да бросилъ...

Лицо у него измѣнилось, онъ смотрѣлъ на сѣрую воду, прихмуривъ брови, теръ пальцемъ горбатый носъ и бормоталъ:

— Н-да, братъ... Гляди въ оба! Положимъ — ты во всѣ стороны гнешься, а все прямо стоишь... ну, однако — всякому свой капканъ поставленъ...

Мы въѣзжаемъ въ кусты Мещерскаго озера, оно слилось съ Волгой.

— Тише греби, — шепчетъ хозяинъ, направляя ружье въ кусты.

Застрѣливъ нѣсколько тощихъ куликовъ, онъ командуетъ:

— Ѣдемъ въ Кунавино! Я останусь тамъ до вечера, а ты скажешь дома, что я съ подрядчиками задержался...

Высадивъ его на одной изъ улицъ слободы, тоже утопленной половодьемъ, я возвращаюсь Ярмаркой на Стрѣлку, зачаливаю лодку, и, сидя въ ней, гляжу на сліяніе двухъ рѣкъ, на городъ, пароходы, небо. Небо, точно пышное крыло огромной птицы, все въ бѣлыхъ перьяхъ облаковъ. Въ синихъ пропастяхъ между облаками, является золотое солнце и однимъ взглядомъ на землю измѣняетъ все на ней. Все вокругъ движется бодро и надежно, быстрое теченіе рѣки легко несетъ несчетныя звенья плотовъ; на плотахъ крѣпко стоятъ бородатые мужики, ворочаютъ длинныя весла и орутъ другъ на друга, на встрѣчный пароходъ. Маленькій пароходъ тащитъ противъ теченія пустую баржу; рѣка сноситъ, мотаетъ его, онъ вертитъ носомъ, какъ щука, и пыхтитъ, упрямо упираясь колесами въ воду, стремительно бѣгущую навстрѣчу ему. На баржѣ, свѣсивъ ноги за бортъ, сидятъ плечо въ плечо четыре мужика — одинъ въ красной рубахѣ, и поютъ пѣсню, словъ не слышно, но я знаю ее.

Мнѣ кажется, что здѣсь, на живой рѣкѣ, я все знаю, мнѣ все близко, и все я могу понять. А городъ, затопленный сзади меня — дурной сонъ, выдумка хозяина, такая-же мало понятная, какъ самъ онъ.

Досыта насмотрѣвшись на все, я возвращаюсь домой, чувствуя себя взрослымъ человѣкомъ, способнымъ на всякую работу. По дорогѣ я смотрю съ горы Кремля на Волгу, — издали, съ горы, земля кажется огромной и обѣщаетъ дать все, чего захочешь.

Дома у меня есть книги; въ квартирѣ, гдѣ жила Королева Марго, теперь живетъ большое семейство: пять барышенъ, одна красивѣе другой, и двое гимназистовъ, — эти люди даютъ мнѣ книги. Я съ жадностью читаю Тургенева и удивляюсь, какъ у него все понятно, просто и по осеннему прозрачно, какъ чисты его люди, и какъ хорошо все, о чемъ онъ кротко благовѣститъ.

Читаю «Бурсу» Помяловскаго и тоже удивленъ: это странно похоже на жизнь иконописной мастерской; мнѣ такъ хорошо знакомо отчаяніе скуки, перекипающее въ жестокое озорство.

Хорошо было читать русскія книги, въ нихъ всегда чувствовалось нѣчто знакомое и печальное, какъ будто среди страницъ скрыто замеръ великопостный звонъ, — едва откроешь книгу, онъ уже звучитъ тихонько.

«Мертвыя души» я прочиталъ неохотно; «Записки изъ мертваго дома» — тоже; «Мертвыя души», «Мертвый домъ». «Смерть», «Три смерти», «Живыя мощи» — это однообразіе названій книгъ невольно останавливало вниманіе, возбуждая смутную непріязнь къ такимъ книгамъ. «Знаменіе времени», «Шагъ за шагомъ», «Что дѣлать», «Хроника села Смурина» — тоже не понравились мнѣ, какъ и всѣ книги этого порядка.

Но мнѣ очень нравились Диккенсъ и Вальтеръ Скоттъ. этихъ авторовъ я читалъ съ величайшимъ наслажденіемъ. по два, три раза одну и ту-же книгу. Книги В. Скотта напоминали праздничную обѣдню въ богатой церкви, — немножко длинно и скучно, а всегда торжественно; Диккенсъ остался для меня писателемъ, предъ которымъ я почтительно преклоняюсь, — этотъ человѣкъ изумительно постигъ труднѣйшее искусство любви къ людямъ.

По вечерамъ, на крыльцѣ дома собиралась большая компанія: братья К., ихъ сестры, подростки; курносый гимназистъ Вячеславъ Семашко; иногда приходила барышня Птицына, дочь какого-то важнаго чиновника. Говорили о книгахъ, о стихахъ, — это было близко, понятно и мнѣ; я читалъ больше, чѣмъ всѣ они. Но чаще они разска-

зывали другъ другу о гимназіи, жаловались на учителей; слушая ихъ разсказы, я чувствовалъ себя свободнѣе товарищей, очень удивлялся силѣ ихъ терпѣнія, но, все таки, завидовалъ имъ — они учатся!

Мои товарищи были старше меня, но я казался самъ себѣ болѣе взрослымъ, болѣе зрѣлымъ и опытнымъ, чѣмъ они; это нѣсколько смущало меня — мнѣ хотѣлось чувствовать себя ближе къ нимъ. Я приходилъ домой поздно вечеромъ, въ пыли и грязи, насыщенный впечатлѣніями иного порядка, чѣмъ ихъ впечатлѣнія, въ сущности — очень однообразныя. Они много говорили о барышняхъ, влюблялись то въ одну, то въ другую, пытались сочинять стихи; нерѣдко въ этомъ дѣлѣ требовалась моя помощь, я охотно упражнялся въ стихосложеніи, легко находилъ рифмы, но почему-то стихи у меня всегда выходили юмористическими, а барышню Птицыну, которой чаще другихъ назначались стихотворенія, я обязательно сравнивалъ съ овощами, — съ луковицей.

Семашко говорилъ мнѣ:

— Какіе-же это стихи? Это — сапожные гвозди.

Не желая ни въ чемъ отставать отъ нихъ, я тоже влюбился въ барышню Птицыну. Не помню, чѣмъ это выражалось у меня, но кончилось — плохо: по гнилой зеленой водѣ Звѣздина пруда плавала половица, и я предложилъ покатать барышню на этой доскѣ. Она согласилась, я подвелъ доску къ берегу и всталъ на нее, — одного меня она держала хорошо. Но когда пышно одѣтая барышня, вся въ кружевахъ и лентахъ, граціозно встала на другомъ концѣ доски, а я гордо оттолкнулся палкой отъ земли, проклятая половица завиляла подъ нами, и барышня нырнула въ прудъ. Я рыцарски бросился за нею, быстро извлекъ ее на берегъ, — испугъ и зеленая тина пруда уничтожили красоту моей дамы!

Грозя мнѣ мокрымъ кулачкомъ, она кричала:

— Это ты нарочно утопилъ меня!

И, не повѣривъ искренности моихъ оправданій, съ той поры стала относиться ко мнѣ враждебно.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. Горькій.

АГЛАЯ.

Въ міру, въ той лѣсной деревнѣ, гдѣ родилась и росла Аглая, ее звали Анной.

Отца съ матерью она лишилась рано. Зашла разъ зимой въ деревню оспа, и много покойниковъ свезли тогда на погостъ въ село за Святъ-Озеромъ. Сразу два гроба стояло и въ избѣ Скуратовыхъ. Дѣвочка не испытала ни страха, ни жалости, только навсегда запомнила тотъ ни на что непохожій, для живыхъ чужой и тяжкій духъ, что исходилъ отъ нихъ, и ту зимнюю свѣжесть, холодъ великопостной оттепели, что напустили въ избу мужики, выносившіе ихъ къ дровнямъ подъ окнами.

Въ той лѣсной сторонѣ деревни рѣдки и малы, грубые бревенчатые дворы ихъ стоятъ въ безпорядкѣ: какъ суглинистые бугры дозволяютъ и поближе къ рѣчкамъ, къ озерамъ. Народъ тамъ не слишкомъ бѣденъ и блюдетъ свой достатокъ, свой старый бытъ, даромъ что ходитъ спокон вѣку на заработки, женщинамъ оставляя пахать неродимую землю, гдѣ она свободна отъ лѣса, косить въ лѣсу травы, а зимой гремѣть станомъ. Къ тому быту и лежало сердце Анны въ дѣтствѣ: милы были ей и черная изба, и горючая лучина въ свѣтцѣ.

Катерина, сестра ея, давно была замужемъ. Она и правила домомъ, сперва вмѣстѣ съ мужемъ, взятымъ во дворъ, а потомъ, какъ сталъ онъ уходить на круглый годъ, одна. Подъ ея призоромъ дѣвочка росла ровно и споро, никогда не хворала, ни на что не жаловалась, только все задумывалась. Если Катерина окликала ее, спрашивала, что съ ней, она отзывалась просто, говоря, что у ней шея скрипитъ и что она слушаетъ это. «Вотъ! — говорила она, повертывая голову, свое бѣленькое личико: — слышишь?» — «А думаешь ты о чемъ?» — «Такъ. Я не знаю...» Со сверстницами она въ дѣтствѣ не водилась, и бывать не бывала нигдѣ, — только разъ сходила съ сестрой въ то старое село за Святъ-Озеромъ, гдѣ на погостѣ подъ соснами торчатъ сосновые

кресты и стоитъ бревенчатая церковка, крытая почернѣвшими деревянными чешуйками. Впервые нарядили ее тогда въ лапти и сарафанъ изъ пестряди, купили ожерелье и желтый платокъ.

Катерина о мужѣ горевала, плакала; плакала и о своей бездѣтности. А выплакавъ слезы, дала обѣтъ не знать мужа. Когда мужъ приходилъ, она встрѣчала его радостно, ладно говорила съ нимъ, заботливо пересматривала его рубахи, чинила что надо, хлопотала возлѣ печки и бывала довольна, когда ему что нравилось; но спали они розно, какъ чужіе. А уходилъ онъ, — опять становилась скучной и тихой. Все чаще отлучалась она изъ-дому, гостила въ недальней женской обители, бывала у старца Родіона, спасавшагося за той обителью въ лѣсной хижинѣ. Она настойчиво училась читать, приносила изъ обители священныя книги и читала ихъ вслухъ, необычнымъ голосомъ, пѣвуче повышая его. Она сидѣла за столомъ, опустивъ глаза, держа книгу въ обѣихъ рукахъ. А дѣвочка стояла возлѣ, слушала да столъ ковыряла, оглядывая избу, которая всегда была теперь прибрана. Упиваясь звукомъ своего голоса, читала Катерина о святыхъ, о мученикахъ, наше темное, земное презрѣвшихъ ради небеснаго, восхотѣвшихъ распять плоть свою со страстьми и похотьми. Анна слушала чтеніе, какъ пѣсню на чужомъ языкѣ, со вниманіемъ. Но закрывала Катерина книгу — и она никогда не просила почитать еще: всегда непонятная была она.

Въ отрочествѣ она росла не по днямъ, а по часамъ. Годамъ къ тринадцати она стала отмѣнно тонка, высока и сильна. Она была нѣжна, бѣла, синеглаза, а работу любила простую, грубую. Когда наступало лѣто и приходилъ мужъ Катерины, когда шла деревня на покосы, шла и Анна со своими и работала, какъ взрослая. Да лѣтняя работа въ той сторонѣ скудная. И скоро опять оставались сестры однѣ, опять возвращались къ своей ровной жизни, и опять, убравшись со скотиной, съ печкой, сидѣла Анна за шитьемъ, за станомъ, а Катерина читала — о моряхъ, о пустыняхъ, о городѣ Римѣ, о Византіи, о чудесахъ и подвигахъ первохристіанъ. Въ черной лѣсной избѣ звучали тогда чарующія слухъ слова: «Въ странѣ Капподокійской, въ царствованіе благочестиваго византійскаго императора Льва Великаго... Во дни патріаршества преподобнаго Іоакима Александрій-

скаго, въ далекой отъ насъ Эѳіопіи....» Такъ и узнала Анна о дѣвахъ и юношахъ, растерзанныхъ дикими звѣрями на ристалищахъ, о небесной красотѣ Варвары, обезглавленной своимъ лютымъ родителемъ, о мощахъ, хранимыхъ ангелами на Синайской Горѣ, о воинѣ Евстафіи, обращенномъ къ истинному Богу зовомъ самого Распятаго, солнцемъ просіявшаго среди роговъ оленя, имъ, Евстафіемъ, на звѣриномъ ловѣ гонимаго, о трудахъ Саввы Освященнаго, обитавшаго въ Долинѣ Огненной—и о многихъ, многихъ, горькіе дни и ночи свои проводившихъ у пустынныхъ потоковъ, въ криптахъ и горныхъ киновіяхъ... Въ отрочествѣ она видѣла себя во снѣ въ длинной льняной рубахѣ и въ желѣзномъ вѣнцѣ на головѣ. И Катерина сказала ей: «Это тебѣ къ смерти, сестра, къ ранней кончинѣ».

А на пятнадцатомъ году стала она совсѣмъ какъ дѣвушка, и народъ дивился ея миловидности: золотисто-бѣлый цвѣтъ ея продолговатаго лица чуть игралъ тонкимъ румянцемъ; брови у нея были густыя, свѣтло-русыя, глаза синіе; легкая, ладная, — развѣ что не въ мѣру высокая, тонкая и долгорукая, — тихо и хорошо поднимала она длинныя свои рѣсницы. Зима въ тотъ годъ была суровая. Завалило снѣгомъ лѣса, озера, толсто оковало льдомъ проруби, жгло морознымъ вѣтромъ да играло по утреннимъ зарямъ двумя зеркальными, въ радужныхъ кольцахъ, солнцами. Передъ святками Катерина ѣла тюрю, толокно, Анна питалась только хлѣбомъ. «Другой вѣщій сонъ хочу себѣ выпостить», — сказала она сестрѣ. И подъ Новый Годъ вновь приснилось ей: видѣла она раннее морозное утро, только что будто бы выкатилось изъ-за снѣговъ слѣпящее ледяное солнце, острымъ вѣтромъ перехватывало духъ; и на вѣтеръ, на солнце, по бѣлому полю, летѣла она на лыжахъ, гналась за какимъ-то дивнымъ горностаемъ, да сорвалась вдругъ кудато въ пропасть — и ослѣпла, задохнулась въ тучѣ снѣжной пыли, взвившейся изъ-подъ лыжъ на срывѣ. Ничего нельзя было понять въ этомъ снѣ, но Анна за весь день Новаго Года ни разу не взглянула въ глаза сестрѣ; ѣздили попы по деревнѣ, зашли и къ Скуратовымъ, — она спряталась за занавѣску подъ палатями. Въ ту зиму, еще не утвердившись въ своихъ помыслахъ, часто бывала она скучная, и Катерина говорила ей: «Давно зову къ батюшкѣ Родіону, онъ бы все снялъ съ тебя!»

Она читала ей въ ту зиму объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и объ Іоаннѣ Кущникѣ, въ нищетѣ умершихъ у воротъ своихъ знатныхъ родителей, прочла о Симіонѣ Столпникѣ, заживо сгнившемъ на стояніи въ каменномъ столпѣ. Анна спросила ее: «А что-жъ батюшка Родіонъ не стоитъ?» И она ей отвѣтила, что подвиги святыхъ людей бываютъ разные, что наши страстотерпцы больше по кіевскимъ пещерамъ, а потомъ по дремучимъ лѣсамъ спасались, или же достигали царствія небеснаго въ образѣ нагихъ, непотребныхъ юродовъ. Въ ту зиму узнала Анна и о русскихъ угодникахъ — о своихъ духовныхъ пращурахъ: о Матѳеѣ Прозорливомъ, коему было даровано видѣть въ мірѣ лишь одно темное и низкое, проникать въ сокровеннѣйшія скверны людскихъ сердецъ, прозрѣвать лики подземныхъ діаволовъ и слышать нечестивые совѣты ихъ, о Маркѣ Гробокопателѣ, посвятившемъ себя погребенію мертвыхъ и въ непрестанной близости со Смертью обрѣтшемъ такую власть надъ ней, что она трепетала его голоса, объ Исаакіи Затворникѣ, одѣвшемъ свое тѣло въ сырую шкуру козла, навсегда къ нему приросшую, и предававшемся безумнымъ плясками съ бѣсами, по ночамъ увлекавшими его въ скаканія и вихлянія подъ громкіе свои клики, дудки, тимпаны и гусли... «Отъ него, Исакія, и пошли юродивые, — сказала ей Катерина, — а сколько ихъ было потомъ, того и счесть нельзя! Батюшка Родіонъ такъ баялъ: ни въ одной странѣ ихъ не было, только насъ посѣтилъ ими Господь по великимъ грѣхамъ нашимъ и по великой своей милости!» И прибавила, что слышала въ обители, — скорбную повѣсть о томъ, какъ ушла Русь изъ Кіева въ лѣса и болота непроходимые, въ лубяные городки свои, подъ жестокую державу московскихъ князей, какъ терпѣла она отъ смутъ, междоусобія, отъ свирѣпыхъ татарскихъ ордъ и отъ прочихъ Господнихъ каръ — отъ мора и голода, отъ пожарищъ и небесныхъ знаменій. Было тогда, сказала она, столь многое множество Божьихъ людей, Христа ради страдавшихъ и юродствовавшихъ, что по церквамъ отъ писку и крику ихъ не слыхать было божественнаго пѣнія. И не малое число изъ нихъ, сказала она, сопричислилось къ лику небесному: есть Симонъ, изъ приволжскихъ лѣсовъ, что скитался и прятался взора человѣческаго по дикимъ урочащамъ въ одной рубахѣ изодранной, послѣ же того, обитая въ городѣ, каждодневно былъ битъ

гражданами за непотребство свое и скончался отъ ранъ, причиненныхъ побоями; есть Прокопій, принимавшій непрестанныя муки въ городѣ Вяткѣ, зане въ ночи взбѣгалъ онъ на колокольницы и билъ въ колокола часто и съ тревогою, какъ бы во время огненнаго запаленія; есть Прокопій, родившійся въ зырянскихъ краяхъ, среди дикарей-звѣроловцевъ, всю жизнь ходившій съ тремя кочергами въ рукахъ и обожавшій пустыя мѣста, грустные лѣсные берега надъ Сухоною, гдѣ, сидя на камушкѣ, со слезами молился о плывущихъ по ней; есть Яковъ Блаженный, что приплылъ въ гробной дубовой колодѣ на льдинѣ по рѣчкѣ Мстѣ къ темнымъ жителямъ той бѣдной мѣстности; есть Іоаннъ Власатый, изъ-подъ Ростова Великаго, волосы имѣвшій столь буйные, что въ страхъ повергались всѣ видѣвшіе его; есть Іоаннъ Вологодскій, нарицаемый Большой Колпакъ, ростомъ малый, лицомъ морщиноватый, весь крестами увѣшанный, до кончины не снимавшій съ себя колпака, чугуну подобнаго; есть Василій Нагоходецъ, вмѣсто одежды носившій и въ зимній хладъ и въ лѣтній варъ лишь цѣпи желѣзныя да платочекъ въ рукѣ... «Нынѣ, сестра, — сказала Катерина, — всѣ они предстоятъ Господу, радуются въ сонмѣ святыхъ Его, мощи же ихъ нетлѣнныя почиваютъ въ ракахъ кипарисныхъ и серебряныхъ, въ святолѣпныхъ соборахъ, рядомъ съ царями и святителями!» — «А что-жъ батюшка Родіонъ не юродствовалъ?» — опять спросила Анна. И Катерина отвѣтила, что онъ пошелъ по стопамъ подражавшихъ не Исаакію, а Сергію Радонежскому, по стопамъ зиждителей монастырей лѣсныхъ. Батюшка Родіонъ, сказала она, спасался сперва въ одной древней и славной пустыни, основанной на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ, среди дремучаго лѣса, въ дуплѣ трехвѣкового дуба, жилъ нѣкогда великій святой; тамъ несъ онъ строгое послушаніе и принялъ постриженіе, удостоился за покаянныя свои слезы и безсердечіе къ плоти лицезрѣнія самой Царицы Небесной, выдержалъ обѣтъ семилѣтняго затвора и семилѣтняго молчанія, но и этимъ не удовольствовался, оставилъ монастырь и пришелъ, — уже много, много лѣтъ тому назадъ, — въ наши лѣса, надѣлъ лапти лыковые, бѣлый балахонъ изъ вретища, эпитрахиль черную съ осмиконечнымъ крестомъ на ней, съ изображеніемъ черепа и костей Адамовыхъ, вкушаетъ лишь воду и снытку неваренную, оконечко своей хижины заградилъ иконою, спитъ въ

гробу, подъ негасимою лампадою, и въ полночные часы непрестанно осаждають его звѣри воющіе, толпы мертвецовъ яростныхъ и діаволовъ...

Пятнадцати лѣтъ отъ роду, въ ту самую пору, когда надлежитъ дѣвушкѣ стать невѣстою, Анна навсегда покинула міръ.

Весна въ тотъ годъ пришла ранняя и жаркая. Ягода поспѣла въ лѣсахъ несмѣтная, травы были по-поясъ, и съ начала Петровокъ уже пошли косить ихъ. Анна съ охотой работала, загорѣла на солнцѣ, среди травъ и цвѣтовъ; румянецъ темнѣй пылалъ на ея лицѣ, сдвинутый на лобъ платокъ скрывалъ теплый взоръ. Но вотъ однажды, на покосѣ, большая блестящая змѣя съ изумрудной головой обвилась округъ ея босой ноги. Схвативъ змѣю своей длинной и узкой рукой, сорвавъ съ себя ея ледяной и скользкій жгутъ, далеко отбросила его Анна и даже лица не подняла, а испугалась крѣпко, бѣлѣй полотна сдѣлалась. И Катерина сказала ей: «Это было тебѣ, сестра, третье указаніе: бойся Змѣя-Искусителя, опасная пора идетъ къ тебѣ!» И отъ испугу ли, отъ этихъ ли словъ, только съ недѣлю послѣ того не сходилъ съ лица Анны смертный цвѣтъ. А подъ Петровъ день нежданно-негаданно попросилась она пойти въ обитель ко всенощной — и пошла и ночевала тамъ, а на утро удостоилась стоять въ народной толпѣ у порога отшельника. И великую милость оказалъ ей онъ: изо всей толпы ее выглядѣлъ и поманилъ къ себѣ. И вышла она отъ него, низко склонивъ голову, полъ-лица закрывъ своимъ желтымъ платкомъ, сдвинувъ его на огонь своихъ жаркихъ ланитъ и въ смятеніи чувствъ не видя земли подъ собой: избраннымъ сосудомъ, жертвой Господу назвалъ онъ ее, зажегъ двѣ восковыхъ свѣчечки и одну взялъ себѣ, другую далъ ей и долго стоялъ, молясь передъ образомъ, а потомъ велѣлъ ей приложиться къ тому образу — и благословилъ быть черезъ малый срокъ въ обители на послушаніи: «Счастье мое, жертва немудрая!— сказалъ онъ ей. — Будь невѣстой не земной, а небесною! Знаю, знаю, сестра тебя пріуготовила. Потщусь и я, грѣшный, о томъ».

Въ обители, въ иночествѣ, отрѣшенная отъ міра и отъ своей воли ради духовнаго своего воспріемника, Анна, нареченная при постригѣ Аглаей, пробыла тридцать три мѣсяца. На исходѣ же тридцать четвертаго — преставилась.

Какъ жила она тамъ, какъ спасалась, о томъ, за давностью времени, въ полнотѣ никому невѣдомо. Но все же кое-что въ народной памяти осталось... Шли однажды бабы богомолки изъ разныхъ и дальнихъ краевъ въ тотъ лѣсной край, гдѣ родилась Анна. Встрѣтился имъ у рѣчки, черезъ которую имъ нужно было переправиться, привычный скиталецъ по святымъ мѣстамъ, видомъ невзрачный, отрепанный, даже, просто сказать, чудной, по причинѣ того, что глаза у него подъ старымъ господскимъ котелкомъ были платкомъ завязаны. Онѣ стали его разспрашивать о путяхъ, о дорогахъ къ Родіоновой обители, о самомъ Родіонѣ и объ Аннѣ. Онъ, въ отвѣтъ имъ, сперва о себѣ поговорилъ: я, молъ, сестрицы, и самъ знаю не Богъ вѣсть что, однако-жъ побесѣдовать съ вами отчасти могу, ибо возвращаюсь именно изъ тѣхъ мѣстностей; вамъ, сказалъ, вѣрно, жутко со мной — и я не дивлюсь этому, многимъ со мной не медъ: пѣшій ли, конный ли встрѣтится, видитъ — идетъ по лѣсу странничекъ, ковыляетъ себѣ одинъ одинешенекъ съ бѣлымъ платкомъ на глазахъ, да еще псалмы распѣваетъ—понятно, оторопь беретъ; да что-жъ тутъ, молъ, подѣлаешь: ужъ черезчуръ, по грѣхамъ моимъ, жадные да быстрые глаза у меня, зрѣніе столь рѣдкостное и пронзительное, что я даже ночью, какъ кошка, вижу, будучи и вообще не въ мѣру зрячъ, въ силу того, что не съ людьми я иду, а сторонкою; ну вотъ, и рѣшилъ я сократить немного свое тѣлесное зрѣніе... Потомъ онъ сталъ разсказывать, сколько, по его разсчету, осталось богомолкамъ еще идти, на какія мѣстности надо путь держать, гдѣ имѣть ночевки и отдыхи, и какова обитель есть:

— Сперва,—сказалъ, — придетъ село на Святъ-Озерѣ, потомъ та самая деревня, гдѣ родилась Анна, а тамъ увидите вы другое озеро, монастырское, хоть и мелкое, а порядочное, и придется вамъ по этому озеру въ лодкѣ плыть. А какъ высадитесь, тутъ ужъ и самый монастырь рукой подать. Понятно, и на томъ берегу лѣса безъ конца, а сквозь лѣсъ глядятъ, какъ обыкновенно, стѣны монастырскія, главы церковныя, кельи, странноприимницы...

Потомъ долго повѣствовалъ о житіи Родіона, о дѣтствѣ и отрочествѣ Анны — и наконецъ разсказалъ о ея пребываніи въ обители:

— Пребываніе ея было, охъ, недолгое! — сказалъ онъ. — Всего два годочка она спасалася, на исходѣ третьяго

преставилась... Жалко, говорите, такой красоты и младости? Намъ-то глупымъ, понятно, жалко. Да, видно, о. Родіонъ хорошо зналъ, что дѣлаетъ. Онъ вѣдь и со всѣми таковъ бывалъ — и ласковъ, и кротокъ, и радостенъ, а настойчивъ до безпощадности, съ Аглаей же особенно былъ. Былъ я, бабочки, на мѣстѣ ея упокоенія... Длинная могилка, прекрасная, вся травой заросла, зеленая... И не скрою, не скрою: это тамъ, на могилѣ, выдумалъ я завязать себѣ глаза, это Аглаинъ примѣръ надоумилъ меня: вѣдь она, надобно вамъ знать, за все свое пребываніе въ обители ни на единый часъ не подняла глазъ — какъ сдвинула покровъ на нихъ, такъ и осталась, и на рѣчь такъ скупа была, такъ уклончива, что даже самъ о. Родіонъ дивился ей. А вѣдь, небось, не легко было ей такой подвигъ поднять — съ землей-то, съ лицомъ-то человѣческимъ навсегда разстаться! И работу она несла въ обители самую что ни на есть тяжкую, а ночи на молитвѣ простаивала. Да зато, говорятъ, и возлюбилъ ее о. Родіонъ! Изъ всѣхъ отличилъ, каждодневно допускалъ въ свою хижинку, велъ съ ней долгія бесѣды о будущей славѣ обители, открывалъ ей даже свои видѣнія — понятно, со строгимъ заповѣданіемъ молчанія. Ну, вотъ и сгорѣла она, какъ свѣча, въ самый краткій срокъ... Опять вздыхаете, жалкуете? Соглашаюсь, горестно! Но я вамъ гораздо больше скажу: за великое ея смиреніе, за неглядѣніе на міръ земной, за молчаніе и непосильное трудничество онъ совершилъ неслыханное: на исходѣ третьяго года ея подвига онъ посхимилъ ее, а потомъ, по молитвѣ и святому размышленію, призвалъ ее къ себѣ въ единый страшный часъ — и повелѣлъ кончину принять. Да, такъ прямо и молвилъ ей: «Счастье мое, жертва смиренная, приспѣла твоя пора! Останься въ моей памяти столь же прекрасною, какъ стоишь ты въ сей часъ предо мной: отойди ко Господу!» — И что-жъ вы думаете? Черезъ сутки она и преставилась. Слегла, запылала огнемъ — и кончилась... Онъ, правда, утѣшилъ ее — повѣдалъ ей передъ кончиною, что, поелику лишь малое изъ тайныхъ его бесѣдъ не сумѣла она скрыть въ первые дни послушанія, истлѣютъ у ней лишь одни уста. Онъ пожаловалъ серебра на ея похороны, мѣди для раздачи при ея погребеніи, колотокъ свѣчей на сорокоустъ по ней, желтую рублевую свѣчу ко гробу ея и самый гробъ — круглый, дубовый, выдолбленный. И по его благословенію,

положили ее, тонкую и росточкомъ отмѣнно долгую, въ тотъ гробъ съ волосами распущенными, въ двухъ рубашкахъ-саванахъ, въ бѣломъ подрясникѣ, опоясанномъ черной покромкою, а поверхъ его — въ черной, съ бѣлыми крестами, мантіи; на головку надѣли зеленую, шитую золотомъ шапочку изъ бархата, на шапочку — камилавочку, послѣ же того повязали синей шалью съ кисточками, а въ ручки вложили кожаныя четочки... Убрали, словомъ, куда какъ хорошо! А все-жъ, бабочки, есть каверзный, бѣсій слухъ, что умирать ей не хотѣлось, охъ, какъ еще не хотѣлось-то! Отходя въ такой младости и въ такой красотѣ, со всѣми, говорятъ, въ слезахъ она прощалася, всѣмъ говорила громко: «Простите меня!» — Напослѣдокъ же закрыла глаза и раздѣльно молвила: «И тебѣ, Мати-Земля, согрѣшила есмь душей и тѣломъ, — простишь ли меня?» — А слова тѣ страшныя: припадая челомъ къ землѣ, ихъ читали въ покаянной молитвѣ по древней Руси за вечерней подъ Троицу, подъ языческій русальный день.

Ив. Бунинъ.

ТАЙГА.

(Продолженіе)*.

Глава XXII.

Тюля съ Ванькой спали, и этотъ разговоръ слышали только Антонъ да Лѣхманъ.

Они сразу онѣмѣли и долго лежали во тьмѣ безъ движенія, безъ думъ, безъ вздоховъ.

Первымъ очнулся Лѣхманъ:

—Ты, Антонъ, слышалъ?

Отвѣта не было.

— Ты спишь, Антонъ?

— Я слышалъ, — отвѣтилъ, наконецъ, Антонъ и не узналъ своего голоса.

Долго опять лежатъ молча, долго думаютъ. Въ оконце лунный свѣтъ вползаетъ.

— Все изъ-за тебя, Антонъ... Все изъ-за твоихъ денегъ...

Антонъ молчитъ, вздыхаетъ и что-то шепчетъ.

— Ты бы взялъ на себя грѣхъ, Антонъ... Покаялся бы: мои, молъ, деньги — я укралъ... Може, тогды тебя бы... одного бы... — и Лѣхманъ не докончилъ.

Антонъ не отвѣчаетъ, въ груди у него что-то булькаетъ и посвистываетъ.

— Ты что-жъ это молчишь, Антонъ... Все молчкомъ... Ты говори...

Антонъ закашлялся долгимъ, хриплымъ кашлемъ и, наконецъ, сказалъ:

— Я согласенъ.

Лѣхманъ радостно заговорилъ:

— Вотъ это дѣло, это хорошо, Антонъ... Тебѣ все одно не жить... И мнѣ не жить... Вотъ Ваньку съ Тюлей жаль: можетъ, отведемъ... А?

— Я согласенъ...

---

* См. «Лѣтопись», № VII -- IX, за 1916 г.

И дальше ведутъ разговоръ съ большими перерывами, будто подолгу обдумывая каждое слово.

— Вотъ ты и покайся... Деньги, молъ, я укралъ, сбрую, молъ, я укралъ... Тамъ еще что-то нашли у Тюли, шкуры, што-ли... И шкуры, молъ, я... Сапоги у тебя новые есть, и сапоги, молъ, краденые... А?..

За дверью Кешка возится, лошадь отгоняетъ: лошадь стреножена, слышно, какъ култыхаетъ и фыркаетъ.

— А то давай, Антонъ, я приму на себя... Я встану, открою грудь и скажу: ну, молодцы, убивайте... А?

Молчанiе.

Лѣхманъ перевалился на бокъ и придвинулся къ Антону.

— Право... Вѣдь у меня, Антонъ, привязки къ землѣ нѣту... Я одинъ, все равно какъ горѣлый пень въ чистомъ полѣ... Вѣдь я старикъ... Будетъ, помаялся...

И, помолчавъ, добавилъ:

— А у тебя все-таки какая-никакая, а жена... опять же дочерь...

Антонъ слезливо крикнулъ:

— Я сказалъ, что я... Все приму... Понимаешь? — Я!.. Ну, чего тебѣ... Отстань!..

И, какъ бы спохватившись, мягко заговорилъ:

— У меня нутро горитъ... У меня въ головѣ шумъ... Болѣзнь меня гложетъ, дѣдушка... Прости...

И Антонъ, отмахнувшись отъ Лѣхмана, весь ушелъ въ думы о грядущемъ. Онъ напряженно всматривался въ это грядущее, въ этотъ послѣднiй завтрашнiй день, такой непонятный, непостижимо значительный и жуткiй.

Но, какъ ни напрягалъ Антонъ свою душу, какъ ни нудился додумать до конца, мысль его упрямо останавливалась и меркла. Тогда Антонъ терялъ нить предсмертныхъ своихъ думъ, и весь погружался въ прошлое. Любочка вдругъ встала передъ нимъ, жена склонилась, друзья, знакомые, сѣдая мать, поднявшаяся изъ гроба. И всѣ улыбаются ему, что-то шепчутъ, куда-то его зовутъ. Но Антонъ чувствуетъ, знаетъ, что это не настоящее, земное, обманное, не надо! Ему не до этого, ничего не надо, пусть все сгинетъ и дастъ покой душѣ.

Антонъ вздрагиваетъ, мотаетъ головой и тяжко стонетъ:

«Не на-адо...»

Яркимъ, мгновеннымъ полымемъ вспыхиваетъ тогда вся прошлая жизнь Антона и сгараетъ. А всѣ близкіе, всколыхнувшись, какъ колосья въ бурю, стелются къ землѣ. Ничего нѣтъ, ничего не было, легко... Густой, глубокій мракъ охватилъ Антона. И нѣтъ больше земли, ничего нѣтъ, все остановилось, все умолкло. Антонъ захолонулъ, раскрылъ ротъ и пересталъ дышать.

И ужъ онъ не чувствуетъ, не помнитъ: человѣкъ-ли онъ или песъ, чортъ ли онъ или ангелъ, камень онъ или ничто, и не знаетъ, гдѣ онъ: на землѣ или въ воздухѣ, на вершинѣ горы или на днѣ моря. Вотъ она, кончается, рвется послѣдняя ниточка, смерть идетъ... Смерть-ли? Смерть, легкая... А какъ же Любочка, родина, свѣтъ?..

— Смерточка... Повремени...

Душа Антона обнажилась, утончился слухъ ея. Осѣняетъ себя Антонъ въ мысляхъ широкимъ крестомъ...

— Господи, Господи...—и, молитвенно замеревъ, ждетъ.

Голосъ человѣческій мерещится ему, кто-то говоритъ, кто-то имя его громко произноситъ:

— Не скули, Антонъ... Крѣпись.

Это Лѣхманъ сказалъ. Онъ возлѣ Антона сидитъ, взялъ его изсохшую горячую руку и поглаживаетъ своей огромной корявой ладонью.

— Минутка пришла ко мнѣ, — запинаясь, говоритъ Антонъ дѣтскимъ радостнымъ голосомъ. — Ахъ, какая минутка, дѣдушка... Самая золотая...

И, улыбнувшись, замолкаетъ. Ужъ онъ не можетъ теперь понять словъ Лѣхмана, только чуетъ, какъ Лѣхманъ трясетъ его плечо и что-то предлагаетъ.

— Да... Да... — шепчетъ Антонъ и опять тонетъ въ наплывающемъ туманѣ.

И лишь сквозь туманъ, когда блистаютъ въ душѣ зарницы, произноситъ:

— Ты здѣсь?... Ты, того... Ты, дѣдушка, не бойся... Она добрая... Она мать...

— Кого? Ты про кого?..

И Лѣхманъ, не дождавшись отвѣта, грозитъ высоко вскинутымъ кулакомъ и свирѣпо бросаетъ въ сторону деревни:

— Черрти... Ахъ, черрти!..

А по деревнѣ опять пьяные голоса заходили: то приближались сплошной стѣной, то вновь тонули.

— Умираю... Пить... — простоналъ Антонъ послѣ долгаго молчанія.

Лѣхманъ, кряхтя и охая, зашевелился, на четвереньки сначала всталъ, затѣмъ съ трудомъ поднялся и, волоча ноги, пошелъ на голубоватый свѣтъ луны. И чтобъ не потревожить спящихъ у самаго окна Ваньку съ Тюлей, дѣдъ ущупалъ ихъ ногами, согнулся вдвое, приникъ къ голубому оконцу и позвалъ:

— Караульщикъ, а караульщикъ?! Слышь! Подь-ка сюда!..

Кешка подошелъ.

— Дай-ка, братанъ, водицы...

— А гдѣ-бы я тебѣ взялъ: ишь—ночь! — отвѣтилъ недовольнымъ голосомъ Кешка.

— Что-жъ, намъ поколѣвать, што-ли!?.

— А ужъ это ваше дѣло...

— Черти!.. За что насъ, черти, мучаете?! За что убить хотите?! — кричалъ Лѣхманъ и зло плевалъ на улицу сгустками крови.

— А ужъ это мужичье дѣло... Какъ міръ... — невозмутимо отвѣчалъ Кешка и, дрогнувъ голосомъ, добавилъ:

— Вы полстада, быдто, скотинъ зарѣзали...

— Какихъ скотинъ?!—грянулъ Лѣхманъ и, охнувъ, закашлялся, схватился за грудь, грузно опускаясь на лежащихъ у ногъ бродягъ... Тѣ крѣпко спали, только промычали что-то и задвигались.

Не вдругъ утихло сердце Лѣхмана. А какъ утихло сердце, опять подошелъ онъ къ Антону и окликнулъ его. Не отвѣтилъ Антонъ.

Лѣхманъ въ эту ночь боялся молчаливой темноты и, чтобъ не чувствовать себя одинокимъ, сталъ изливать свою душу предъ безмолвнымъ товарищемъ.

— Смерть что? Смерть—тьфу! Все одно, что сонъ.. Глаза зажмурилъ, ноги вытянулъ и полеживай... Да... Такъ-ли я говорю, Антонъ?.. И никто тебя не пошевелитъ: ни комаръ, ни вша, ни мужикъ, ни справникъ... Червь, ты говоришь? Ну-къ што... Наплевать... Пусть его точитъ... Я тагды все равно какъ стерва буду лежать, какъ пропастина, тогды хошь въ порошокъ меня разотри — не услышу... Вѣрно? Ну, вотъ... А душа... Ха-ха!.. Въ насъ души, Антонъ, нѣтъ... Въ

насъ душина, это такъ... Слыхалъ, какъ Тюля говоритъ: «выди, душенька, изъ брюшенька!» Слыхалъ? Ну, вотъ, Антонъ, вотъ... Я какъ-то встрѣтилъ въ тайгѣ два шкелета валяются: медвѣжачій, да человѣчій... Да... А возлѣ нихъ двѣ змѣи вьются... Можетъ, это и есть души? А?.. Ну, я ихъ придавилъ... Ха-ха... Ты, Антонъ, на небо не гляди... Тамъ нѣтъ ничего... А жисти мнѣ больше никакой безконечной не надо, мнѣ и эта надоѣла... Да... Будетъ, помаялся... Нѣтъ, ты не спорь, Антонъ... Ты не спорь!..

Но Антонъ и не думаетъ спорить... Онъ лежалъ въ забытьи и бредилъ.

Снаружи завозился кто-то, замокъ щелкнулъ, чуть пріоткрылась дверь, и Кешкина волосатая рука просунула ведро воды.

— Нате-ка-те, пейте-ка-те... — грустно сказалъ Кешка и захлопнулъ дверь.

Лѣхманъ жадно прильнулъ къ ведру. Напившись, нащупалъ въ темнотѣ мѣшокъ, намочилъ его холодною водою и обмоталъ имъ голову Антона.

Очнулся Антонъ, воды попросилъ и, утоливъ жажду, долго крестился и шепталъ молитву.

Полегчало у Лѣхмана на душѣ, легъ онъ въ свой уголъ и весь насторожился, стараясь вникнуть въ слова молитвы.

Но словъ было мало, и слова были самыя обычныя, простыя. Однако, они рѣзко впивались въ душу Лѣхмана и куда-то ее звали.

Лѣхманъ лежалъ съ широко открытыми глазами, ему становилось страшно.

Антонъ уже громко вновь куетъ горячія слова, вкладывая въ голосъ всю силу своей тоски и вѣры, словно съ живымъ, словно съ Сущимъ говоритъ, стоящимъ возлѣ:

— Неужели посмѣешься надо мной?.. Неужели обманешь, Господи? — выкрикивалъ мятущимся голосомъ Антонъ и опять начиналъ шептать и всхлипывать.

Слышитъ Лѣхманъ: все дрожитъ внутри. Чувствуетъ: слезы просятся.

Тихо сдѣлалось въ каморкѣ. Только кузнечикъ тикалъ-потрескивалъ въ мшистомъ пазу серебряными молоточками

— Антонъ, — наконецъ, сказалъ Лѣхманъ, и голосъ его сорвался... — Антонъ!.. Хоша я никакихъ боговъ не признаю... Какой Богъ? Ну, какой Богъ? Я не вѣрю... Одначе, положи за упокой моей души, за Петра, земной поклонъ...

— тяжело вздохнулъ Лѣхманъ и забарабанилъ пальцами по полу. — Меня не Лѣхманомъ, а Петрой звать...

И твердо добавилъ:

— Я есть убивецъ...

Вновь настала тишина. Въ каморкѣ сразу, какъ-то по особому, сдѣлалось жутко.

И вдругъ затряслась каморка отъ неистоваго рева пробудившагося Ваньки:

— Тю-ю-ля!.. Тю-ю-ля!! — Насъ убиваютъ... Насъ убьютъ!..

Вскочилъ и Тюля. Взглянувъ другъ на друга и на оторопѣвшихъ Антона съ Лѣхманомъ, они завыли въ голосъ.

Лѣхманъ шевельнулся и, напрягая зрѣніе, уставился на нихъ. Сердце его закипѣло нежданной жалостью: ему неотразимо захотѣлось сказать что-нибудь теплое, захотѣлось обнять этихъ молодыхъ парней и ободрить въ темный часъ, но кто-то жадно держалъ оттаявшее чувство: все осталось внутри, какъ заклятый кладъ. Мучительно сдѣлалось. Лѣхманъ еще разъ порывисто шевельнулся, съ силой ударилъ ногой въ стѣну и, быстро отвернувшись, сталъ тонкимъ, чужимъ голосомъ покашливать и крякать.

А тѣ двое, охваченные страхомъ, другъ друга перебивая, словно боясь упустить время, громко каялись въ грѣхахъ.

У Ваньки много тяжкихъ грѣховъ было, но онъ выдумывалъ, не замѣчая самъ и не напрягаясь, болѣе тяжкіе. У Тюли совѣсть чиста была, но и онъ, стараясь перекричать страхъ души, каялся:

— Я никого не убивалъ, а только что я злодѣй, я ворина, я гнусъ... Охъ, дѣдушка, охъ, всѣ мои товарищи...

— Дурачье! — овладѣвъ собою, властно захрипѣлъ Лѣхманъ... — Надо быть, сладка вамъ была жисть?! А?.. Мила?!.

Антонъ тихо утѣшалъ:

— Я все приму... Не печалуйтесь...

Ванька съ Тюлей смолкли.

— Огонька хоть бы вздуть, — захныкавъ, попросилъ Ванька.

— Нѣту, милые, догорѣлъ огарокъ-то... — пожалѣлъ Антонъ и, когда стало тихо, какъ-бы самому себѣ, съ остановками, тяжело переводя духъ, сказалъ:

— Я смерти, милые мои, не боюсь... Я людей боюсь, звѣрья... Вотъ я не знаю, какъ они... То-ли веревкой зада-

вятъ, то-ли топоромъ... Али изъ ружья... Изъ ружья, оно бы лучше... А то вотъ я боюсь — топоромъ... Лица-то его, звѣря, боюсь, глазъ-то... Какъ надбѣжитъ-то, да замахнется-то... Вотъ этого-то, звѣринаго-то пуще всего боюсь...

Ванька съ Тюлей, едва дослушавъ до конца, вновь завыли страшнымъ воемъ, и какъ ни корилъ ихъ Лѣхманъ, какъ ни ругалъ каморщикъ Кешка, стуча съ улицы ногой въ дверь, они, крѣпко обнявшись, ревѣли и ревѣли, пока ихъ не свалилъ тяжкій, болѣзненный сонъ.

Глава XXIII.

Ночь была прохладная.

Караульный Кешка, тридцатилѣтній верзила-парень, весь изрытый оспой, безбровый, безусый, зябко вздрагивалъ, сидя на завалинкѣ. Надо бы на горку обѣгать, съ дѣвками подурачиться, винишка съ парнями дернуть, — но нельзя бузуевъ оставить, дядя Провъ крутой наказъ далъ.

И Кешка лишь издали живетъ въ гульбѣ: веселая горка маячитъ вправо у рѣки, и хоть не видно тамъ народу, зато костры дразнятъ Кешкинъ недреманый взоръ манящими огнями, а пѣсни съ гармошкой и посвистомъ вздымаютъ его душу къ самымъ звѣздамъ: онъ широко улыбается, ухарски вскидываетъ на лѣвое ухо картузъ и, дробно притоптывая ногами, надрывисто гикаетъ:

— Й-эхъ-ты, но-о-о...

Но Кешка чуетъ: въ лихомъ выкрикѣ нѣтъ огня, нѣтъ задора, а злоба какая-то, ярь... Онъ вразъ смолкаетъ, веселая горка проваливается, глубокая наступаетъ тишина. Озирается Кешка: кто-то сзади стоитъ за нимъ и нашептываетъ о завтрашнемъ страшномъ днѣ. Вздрагиваетъ Кешка, ежится, руки въ рукава глубоко заталкиваетъ.

Знаетъ Кешка, что завтрашній день наступитъ, что не сонъ это, а настоящее, всамдѣлишное, но онъ тутъ не причемъ, міръ его «придѣлилъ» сюда, противъ міру какъ... Да, можетъ, еще мужики утресь прочухаются, въ умъ войдутъ. А онъ, Кешка, бродягъ жалѣетъ, онъ всѣхъ бы ихъ выпустилъ... Эвона какъ скулятъ... Ухъ, ты, Господи!

Кешка проворно шаритъ дрожащей рукой вокругъ себя, достаетъ изъ крапивы холодную бутылку, жадными глотками допиваетъ остатокъ вина и виновато прикрякиваетъ:

— Охъ, грѣхи...

И, чтобъ согнать съ плечъ думы, набираетъ Кешка цѣ-

лые карманы камней, ставитъ на пень пустую бутылку и, отсчитавъ десять огромныхъ, съ прискокомъ шаговъ, старательно швыряетъ камнями по голубому подъ луной стеклу.

Кешка загадалъ, что если съ пяти камней разобьетъ бутылку — сбудется: знать, о веселомъ загадалъ, старательно мѣтитъ, не торопясь, замахивается, кончикъ языка выставилъ и прикусилъ, а его лицо ужъ радостнымъ кроется задоромъ. Но охмелѣвшая Кешкина рука проноситъ, всѣ камни расшвырялъ, новые, кряхтя, набираетъ, а самъ думаетъ:

«Эхъ, хорошо бы къ Мошнѣ слетать, еще скляночку винишка добыть. Да къ вдовухѣ закатиться бы... къ толстомясой... Къ Тыквѣ»...

— Ловко-ба... —вслухъ подтверждаетъ Кешка.

Гвалтъ раздался на веселой горѣ, ругань. Видно, парни изъ-за дѣвокъ схлестнулись... Хо-хо!

Кешка разсыпалъ камни, опустилъ руки и, разиня ротъ, слушалъ.

Въ это время къ нему, крестясь и шаркая ногами, дѣдушка Устинъ подошелъ. Онъ еле на ногахъ держался, согнувшись чуть не до земли: въ одной рукѣ книга, въ другой восковая свѣчка.

— Ты къ каморкѣ приставленъ, Окентій? — спросилъ Устинъ и, охая, разогнулъ спину.

— Я самый...

— Вотъ что, сударикъ... — вплотную подошелъ онъ къ Кешкѣ. — Какъ придутъ завтра къ каморкѣ мужики—живо за мной бѣги... Чуешь? А то я замаялся, отъ покойника иду, просплю, пожалуй... Такое дѣло...

Онъ положилъ руку на плечо растерявшагося Кешки, часто задышалъ и заговорилъ торопливо и трогательно:

— Ты, Кеша, батюшка, того... Въ случаѣ чего, дакъ... Они, бродяги, люди Божьи... Вотъ-вотъ... Такое дѣло...

Кешка хотѣлъ было во всемъ признаться Устину: «звонъ, молъ, дѣдушка, какъ міръ-то порѣшилъ», — но, вспомнивъ грозный наказъ, прикусилъ языкъ.

А Устинъ, прижавъ ладонь къ груди и, потряхивая головой, тихо жаловался:

— Вотъ здѣсь у меня худо, въ сердечушкѣ... Душа у меня, Кеша, батюшка, истомилась, глядя на мужиковъ... Прямо звѣрье какое-то... Грѣхъ одинъ съ ними... Да...

И загрозился вдругъ Устинъ, и закричалъ:

— А не допущу... Нѣтъ!.. Отверчу змію голову!.. Да!

Кешкѣ представилось, что не Устинъ, а онъ самъ на мужиковъ кричитъ. Онъ сжалъ кулачищи, крякнулъ и дико покосился на спящую деревню.

— А не послушаютъ моего гласа — уйду... — ударилъ Устинъ объ ладонь книгой. — Души же своей не омрачу и не опачкаю... Слово мое твердо... Знай!..

Опять Устинъ согнулся и пошелъ къ своей хибаркѣ, такъ же шаркая большими сапогами и подгибая ноги.

Кешка, не двигаясь, смотрѣлъ ему во слѣдъ. Потомъ подошелъ къ бутылкѣ, отшвырнулъ ее носкомъ сапога, вздохнулъ, попробовалъ затянуть пѣсню, языкъ не поворачивался, плюнулъ, рукой махнулъ,—а ну ихъ къ ляду!.. — и, усѣвшись на землю, закурилъ трубку.

И не зналъ Кешка, за кѣмъ идти, кого слушать, не могъ въ толкъ взять, что именно требовалъ отъ него Устинъ. Жалѣть бродягъ... Ну, какъ? Выпустить ихъ, что ли? Вскочить на коня да въ волость, что ли? Такъ, молъ, и такъ... Гдѣ тутъ, развѣ успѣешь. Путаясь въ мысляхъ и недоумѣвая, онъ курилъ трубку за трубкой.

Стало ко сну клонить. Онъ, засыпая, видѣлъ то косоглазую вдовуху Тыкву, то огромнаго медвѣдя, идущаго съ поднятой дубиной прямо на него, вскидывалъ тогда упавшую на грудь голову, таращилъ сонливые глаза, безпокойно взглядывалъ на запоръ чижовки и опять поддавался дремѣ.

Все спало крѣпкимъ предутреннимъ сномъ. Вся деревня, пьяная, праздничная, встревоженная смертью Бородулина, давно залѣзла въ свои избы, зажмурилась, угарно забредила и съ присвистомъ захрапѣла.

Даже тамъ, на горкѣ, умолкали и ругань, и пѣсни.

Слышитъ Кешка сквозь сонъ: верезжитъ гдѣ-то бѣгучій бабій голосъ. Открылъ глаза, голову повернулъ въ ту сторону, слушаетъ. Катится по дорогѣ голосъ отчаянный, визгливый:

— Я тебѣ покажу, жиганъ!.. Ахъ ты, охальникъ... Ой, м-а-а-амынька!

— Варька, ты?! — окликнулъ Кешка.

Но та не слышитъ, пьяно плачетъ и ругается съ хрипомъ, плевками, самыя непотребныя слова сыплетъ, не дѣ-

вичьи, не женскія, не человѣчьи, смрадомъ отъ словъ несетъ, даже Кешкѣ невтерпежъ, сплюнулъ, —бѣжитъ, все бѣжитъ, кривули выписывая по дорогѣ, и на всю деревню воетъ:

— Донесу, окаянный, донесу... Все-о-о разскажу Прову, все!.. Я те покажу, какъ коровъ рѣзать... Змѣй!! Змѣй!!.. А-а-а... Съ Танькой связался?!... По рожѣ меня хлестать?!.. Помощь устраивать?! Ну, погоди-жъ, Сенька... Я те, распротакъ-твою, выучу... Ой, ма-а-мынька...

Ей вторили псы, заливаясь со дворовъ осипшими за день голосами.

Кешка лѣниво поскребъ бока, протяжно зѣвнулъ, потянулся.

Короткая лѣтняя ночь уходила. Скрылись звѣзды, померкла луна, а востокъ мало-по-малу сталъ наливаться розовымъ разсвѣтомъ. Бѣлые, припавшіе къ землѣ туманы кутали всю долину рѣчки, тянулись къ тайгѣ и чуть не до маковокъ застилали ее бѣлымъ, тихимъ озеромъ.

А вверху надъ туманами было ясно и радостно.

Огненная дорожка легла надъ туманами. Но солнце еще не скоро раздвинетъ застывшія небеса.

Кешка равнодушенъ къ расцвѣту зари. Его сонъ мутитъ. Онъ самъ себѣ сказалъ:

— Ага, свѣтаетъ... Значитъ, Кешка, спимъ...

Легъ на рваный кусокъ войлока, скрючился, укрылся съ головой рванымъ тулупомъ и закрылъ глаза.

Въ прибрежныхъ кустахъ птицы пробудились, чирикнули разъ — другой, съ зарей поздоровались и разсыпались пѣснями... На рѣчкѣ закрякали утки, въ тайгѣ кукушка куковать принялась, гдѣ-то затянула иволга.

Кешка, засыпая, думалъ:

«Какъ-бы не проспать... Какъ-бы Устина упредить... Нѣтъ, Провъ, врешь, братъ... Тпрру... Не туда воротишь... Да, баба хорошая, баба ядреная... Тыква-то... Кого?..Нѣтъ, я такъ... Не это... Убивать? Ага... Я Устина упрежу... Мы съ нимъ, мы съ нимъ... Да-а-а...»

— Ахъ, язви-те... клопъ!

XXIV.

Солнца край показался надъ тайгой. А пьяная деревня спитъ.

Провъ, хоть поздно легъ, а ужъ на ногахъ. Бляху надѣлъ мѣдную, къ Федоту, лавочнику направляется, лицо

угрюмое. Федотъ спитъ еще, поднялъ Федота, всѣхъ въ дому поднялъ:

— Время... Солнце встало....

Солнце кверху плыветъ, туманъ изъѣдаетъ — пропалъ туманъ.

Мужики, одинъ за другимъ, — скрипъ да скрипъ воротами, — всѣ къ Федоту идутъ, таковъ уговоръ.

Порядкомъ народу набралось, всѣ хозяева явились. Плохо какъ-то у нихъ, уныло. Все въ полъ глядятъ, глазами не встрѣчаются. Головы трещатъ, лица припухли, носы ссажены, подъ глазами волдыри. Молча курятъ трубки, за встрепанныя головы хватаются, покашливаютъ.

— Ну, дакъ какъ, ребята? — тряхнулъ бородою Провъ.

Молчатъ. Цыганъ сказалъ:

— Мутитъ, кумъ... Чижало...

А ужъ Федотъ боченочекъ на столъ поставилъ, хозяйка студень подала.

— Ну-ка... Тресните... По махонькой...

Закрякали всѣ, зашевелились, сплюнули. Водка у Федота добрая, не то что у Мошны, вонъ какъ обожгла, хо-хъ!..

— Я, значитъ, не въ согласьи,... — сказалъ рябой мужикъ Лукьянъ, прожевывая студень...

— И я... — буркнулъ Обабокъ...

— Какъ такъ не въ согласьи?! — Провъ съ Федотомъ вразъ крикнули.

— А такъ что мы не жалаимъ... Мы, значитъ, спьяну тогды... А вотъ пускай ихъ въ волость тащутъ... — сказалъ рябой.

— Въ волость?! — прикрикнулъ на него лавочникъ, — тебѣ, голозадому, хорошо говорить-то... Да ить волость-то ихъ выпуститъ... Чортъ... А ежели они сюда придутъ опять, да съ отместкой? Нѣтъ, ребята... Это не дѣло... Я тоже своему добру хозяинъ. Они, варначье, за худымъ-то не постоятъ, у нихъ рука не дрогнетъ... Энъ какихъ скотинушекъ у насъ съ Провомъ вывалили... Али опять же этого, какъ его... Кузьму ножемъ чкнули... А?! На-ка, выкушайте...

По другому стакашку прошлись, водка хорошая, холодная.

Провъ резоны свои повелъ:

— Вотъ ты, Лукьянъ, ляпнулъ, а не подумалъ... А еще кумъ тоже называешься... А ты вотъ меня не пожалѣлъ....

Дочерь мою, Анну, не пожалѣлъ... Вѣдь кто ее улестилъ-то?.. Вѣдь изъ ихъ же шайки, развѣ онъ — политикъ? Какой онъ, къ чертовой матери, политикъ?! Воръ...

— Ну-ка чебурахни, робятки...

По третьему выпили.

— Ну, дыкъ чего, мужики,.. — прогнусилъ безносый мужиченко, откидывая лѣвую ногу и подбочениваясь: — эна, какъ ихъ измолотили, куды ихъ, развѣ до волости мыслимо? Ха!.. Гдѣ тутъ...

Загалдѣли мужики, закрякали, распоясались, румяные сидятъ, вино въ головы бросилось, замутило разумъ.

Провъ твердо говоритъ, рубитъ каждое слово топоромъ:

— Этихъ варнаковъ-то, бузуевъ-то... Чего ихъ жалѣть... Они кто?! Тьфу! вотъ кто... Они, собаки, въ Расеѣ людей рѣжутъ, а ихъ сюда? Пошто такъ-то... Развѣ дѣло? А?.. Чтобъ нашу сторону гадить? А?!.. Нѣтъ, врешь! Это не законъ... Это глупость!.. Намъ не надо, чтобы пакостить... Вотъ поймали, ну, куда ихъ? Какъ по вашему, а?.. опять въ Расею?.. Видали ихъ тамъ, сволочей такихъ... Ну, куда-жъ ихъ, гадовъ?..

— Айда! — взревѣлъ Обабокъ, — кашу слопалъ, чашку объ полъ!.. Айда!..

— Всѣмъ міромъ, робята, штобы ни гу-гу... Собча, штобы...

— Впередъ острастка... — поддавалъ Федотъ жару.

— Не повадно штобъ...

— За сто верстъ штобъ бузуи къ намъ не подходили, штобъ помнили.

— Мы имъ покажемъ!..

— Мы имъ... мы имъ... Язви ихъ!..

— Ого-го-о-о!..

— На-те-ка, выкушайте для храбрости...

— Ну, ребята, а ежели Устинъ...

— Устинъ?!

И всѣ примолкли.

— Пускай онъ въ наше дѣло не вяжется! — первый закричалъ Цыганъ и сквозь зубы сплюнулъ.

— А-а... Святоша?.. Въ отцы-праотцы лѣзть? Врешь!.. — какъ изъ бочки ухнулъ Обабокъ и, покачиваясь, долго грозилъ кому-то обвязаннымъ тряпкой пальцемъ.

— Что-жъ Устинъ... Устинъ самъ по себѣ, — сказалъ лавочникъ Федотъ, — онъ богомолъ...

— Богомолъ?! — привскочилъ Обабокъ и опять сѣлъ, — знаемъ мы! Нѣтъ, ты за одно съ міромъ грѣши... Ежели ты есть настоящій... Ежели ты, скажемъ, богомолъ... Дура! Вотъ онъ кто, вашъ Устинъ... Попъ! Вотъ онъ кто... Ха-ха... Нѣтъ, врешь, ты не при супротивъ міру... не при... Куда міръ, туда ты... Дѣло... А онъ что?.. Тьфу!

И Обабокъ неожиданно ткнулъ въ толстый животъ Федота:

— Ты! Кровопивецъ! Дайко-сь скорѣй стаканъ вина... Душа горитъ...

Провъ Обабку приказалъ созвать парней, да подводы нарядить, а то народу мало: надо бродягъ подальше отъ Кедровки увести, надо Андрюшку-шпану разыскать, надо Бородулина тащить въ село.

Провъ сердитый: проспали мужики. Слѣдовало-бъ до свѣту справить, безъ шуму, потихонечку, а теперь вся деревня на ногахъ: мальчишки оравой по улицѣ ходятъ, чего-то ждутъ, не играютъ, тихіе, безъ дракъ и криковъ, шепоткомъ все больше, то на Федотовъ домъ укажутъ, то въ сторону чижовки, вотъ теперь всѣ сюда подошли, остановились у Федотовыхъ оконъ, руки назадъ, глазѣютъ.

— Шишь, вы, дьяволята! — гаркнулъ Обабокъ и, схвативъ палку, погнался за ними.

Только пыль взвилась.

XXV.

Мужики ватагой подошли къ чижовкѣ и молча разсѣлись на землѣ.

— Кешка — крикнулъ Провъ, обходя чижовку.

Кешка у бревенъ спалъ. Вскочилъ, измятымъ лицомъ на солнце уставился и, вспомнивъ все, обернулся къ мужикамъ.

— Ты такъ-то караулишь?! Отворяй!..

— А вамъ пошто? — хрипло переспросилъ онъ, робко подходя къ мужикамъ.

Кто-то захохоталъ... Кто-то выругался. Съ земли подыматься начали.

— Это не дѣло, міръ честной... — задыхаясь сказалъ

Кешка, а сердце его сжалось и торопливо застукало. — Они люди незащитные... Нѣшто можно?..

— Да ты что, падло... Гдѣ ключъ?!

— Я не дамъ! — закричалъ Кешка сдавленнымъ голосомъ... — Я Устину скажу... — И то, сжимая, то разжимая кулаки, весь ощетинился, грозно загородивъ широкой спиною дверь: — Лучше не грѣши...

Мужики опѣшили. Кешка тяжело дышалъ, раздувая ноздри.

— Они всю ночь выли... Поди, жаль вѣдь... Черти...

Кешка вдругъ скривилъ ротъ, замигалъ, отвернулся и, быстро нахлобучивъ картузъ, сталъ тереть огромнымъ кулакомъ глаза.

Словно по командѣ, налетѣли на него Мишка Ухорѣзъ съ Сенькой Козыремъ, сшибли съ ногъ, притиснули, Цыганъ живо ключъ отнялъ.

— Устинъ!.. Усти-и-инъ!.. Дѣдушка!!. — барахтаясь, кричалъ Кешка. Звякнулъ замокъ, заскрипѣла дверь.

— Тащи его... — сердито зыкнулъ Провъ и добродушно сказалъ, обращаясь къ стоящимъ въ оцѣпенѣнiи бродягамъ:

— Выходи, ребята, на улку...

Тѣ сразу очутились въ жадномъ, молчаливомъ людскомъ кольцѣ.

Съ остервенѣвшимъ Кешкой едва пять мужиковъ справились, бросили его въ каталажку, заперли дверь. Онъ всѣ кулаки отбилъ, скобку оторвалъ, того гляди дверь вышибетъ, грозитъ, ругается:

— Удавлюсь!!

Толпа хохочетъ, остритъ, и про бродягъ забыла:

— Вотъ, Кешка, и ты въ копчегъ попалъ...

— Не ори!.. Энъ Тыква идетъ.. Постой давиться-то...

Много народу собралось. Бабы поодаль стоятъ, шепчутся, дѣвокъ мало, спятъ еще, парни почти прямо съ гулянки среди мужиковъ жмутся, позѣвываютъ, клюютъ носомъ, дѣтишки возлѣ матерей на цыпочки подымаются, вытягивая шеи, на руки къ матерямъ просятся.

Вся крыша чижовки, какъ поле цвѣтами, усѣяна ребятами.

Федота нѣтъ, ему некогда, на пашню укатилъ. Бродяги на колѣни опустились; только Лѣхманъ, выше всѣхъ среди толпы, столбомъ стоитъ, угрюмо смотритъ въ землю.

— Люди добрые... — тихо начинаетъ Антонъ.

— Чуть живъ... Осподи... — причмокиваютъ бабы и качаютъ головами.

— Смилуйтесь, люди добрые... Пожалѣйте...

И все время, пока онъ говоритъ, Ванька Свистоплясъ, стоя на колѣняхъ и широко опершись ладонями въ землю, то и дѣло бухается въ ноги мужикамъ и тихо, безъ словъ, скулитъ...

— Пойдемъ, ребята! — громко сказалъ бродягамъ Провъ... — Нечего тутъ...

Толпа утихла.

— Вставай! — приказалъ Провъ.

— Люди добрые!.. — взмолилъ Антонъ. — Меня казните, ихъ не трогайте... Мой грѣхъ... Я все напакостилъ...

— Ты?!. — крикнулъ Крысанъ и вылѣзъ изъ толпы. — И моего мальца ножемъ пырнулъ ты?!.

— Ну, я... ну... — уронилъ Антонъ.

Крысанъ такъ крѣпко стиснулъ зубы, что черная бороденка хохолкомъ впередъ подалась, а скулы заходили желваками:

— Вонъ лѣсовикъ-то стоитъ!.. Арясина-то!.. Вонъ кто... Бей его, ребята!!

— Стой! — схватилъ Провъ за воротъ Крысана. — Не лѣзь!.. Мы сами разберемъ.

— Дурачье... Чалдоны... — презрительно прогудѣлъ Лѣхманъ и ударилъ по толпѣ взглядомъ.

Сенька съ Мишкой, — два друга, — съ кулаками подлетаютъ, громче всѣхъ орутъ:

— Они, варнаки, и коровъ перерѣзали... Не иначе!

На Прова напираетъ возбужденная толпа.

— Стой! сдай назадъ!.. Черти!

Но въ отвѣтъ ему брань, угроза:

— А-а-а... Заступникъ?..

Бабы отъ перепуга къ мѣсту приросли. Толпа напираетъ и гудитъ. Кто-то пальцы въ ротъ вложилъ и оглушительно свистнулъ.

— Бей ихъ!

Тюля отчаянно взвылъ, Лѣхмана къ землѣ за штанину тянетъ:

— Дѣдка, проси... дѣдка, на колѣни.

Провъ охрипъ:

— Сдай, тебѣ говорятъ!!!

Но голоса пьяно ревѣли:

— Расшибемъ!

Улюлюкали, кулаки сжимались, глаза метали молніи, все ходило ходуномъ.

И вдругъ толпа вразъ грянула ядренымъ зычнымъ хохотомъ и утонувшими въ смѣхѣ глазами унизала неожиданно кувырнувшагося рыжаго Обабка.

Обабокъ, ко всему равнодушный, стоялъ предъ этимъ смирнехенько рядомъ съ Провомъ и, мечтая о бутылочкѣ, только что потянулся и сладко позѣвнулъ, а какой-то парнишка, намѣтивъ съ крыши въ Лѣхмана, какъ трахнетъ невзначай въ широко разинутый Обабковъ ротъ липкой грязью. Обабокъ на аршинъ припрыгнулъ и, дико выпучивъ глаза, шлепнулся задомъ на земь:

—Тьфу!!.

Заливалась толпа, буйно звенѣла на крышѣ дѣтвора, хохотали бабы, дѣвки, Провъ, хохоталъ бѣжавшій по дорогѣ веселый звонарь Тимоха, даже у Тюли смѣшливо заходили подъ глазами фонари.

А сидѣвшій на землѣ Обабокъ усиленно плевалъ, отдиралъ грязь изъ рыжей бороды и по-медвѣжьи рявкалъ:

— Отъ-такъ вдарилъ!.. Язви-те..

Не далъ Провъ остыть смѣху, замахалъ руками, закричалъ снисходительно-строгимъ голосомъ, чуть улыбаясь:

— Ну, молодцы, расходись, расходись!.. Съ Богомъ, по домамъ... Бабы, дѣвки, проваливай!..

Бродяги поднялись и глядѣли съ надеждой на Прова.

Когда угасла послѣдняя смѣшинка, опять окаменѣло сердце Прова, строгое, темное, мозолистое. Угрюмо вскидываясь взглядомъ на разбредавшихся бабъ, Провъ чуялъ, какъ набухаетъ злобой его сердце:

«Три бѣлыя, послѣднія... Ну, погоди-и-и!...»

И когда порѣдѣла толпа, Провъ отвелъ въ сторону Цыгана да Сеньку Козыря и долго имъ что-то наговаривалъ, указывая вдаль: крутой наказъ далъ. Еще двоихъ отвелъ.

— Ну, такъ счастливо, ребята... Айда!..

— Айда!! — крикнулъ басомъ оправившійся Обабокъ и, подъ злымъ взглядомъ Прова, зашагалъ къ своей избѣ.

— Вы, дружки, не сумлевайтесь, — громко, чтобъ всѣ слышали, сказалъ Провъ бродягамъ, — васъ только за поскотину проводятъ.

Повели бродягъ пять мужиковъ.

А за ними слѣдомъ другая компанія пошла: Андрея разыскивать, что у Бородулина деньги утянулъ: его, варнака, надо изымать обязательно: онъ изъ Бородулина душу вышибъ... какой онъ къ лѣшевой матери политикъ... Воръ!

Про Кешку и забыли. Онъ оретъ въ чижовкѣ, но глухо, плохо слышно, Тимоху кличетъ:

— Гдѣ ты, дьяволъ, кружишься?! Живой ногой къ Устину... Живо, сѣкъ твою вѣкъ!..

— А подь ты къ... — огрызается тотъ, скаля зубы, — я лучше съ парнишками въ городки побьюсь...

Бабы только до веселой горки дошли.

Ребятенокъ едва прогнали.

А карапузикъ Митька хитростью взялъ, къ рѣчкѣ спрыгнулъ, бѣжитъ у воды, его не видать. Бѣжитъ, бѣжитъ, да наверхъ выскочитъ, а какъ въ лѣсъ вошли, по-за деревьямъ прячется: одна штанинка со вчерашняго дня засучена, другая землю мететъ.

Староста Провъ, отправивъ бродягъ, рѣшилъ остаться дома и медленно пошелъ по улицѣ. Но чѣмъ ближе къ дому, ноги быстрѣй несутъ, мысли подгоняютъ ихъ, мысли быстро заработали. И ужъ не замѣчая встрѣчныхъ, вбѣжалъ Провъ въ свою кладовку, дробовикъ сорвалъ съ крючка, — вотъ хорошо, Матрена не замѣтила, — да по задворкамъ, крадучись, назадъ.

Когда бѣжалъ мимо Федотовыхъ задовъ, — слышитъ, мужики галдятъ, виномъ угощаются.

— Развѣ тяпнуть для храбрости?

— «Нѣтъ, дуй, не стой... Лупи безъ передыху»...

XXVI.

Бродяги со скрученными руками шли тихо.

— Куда-же вы насъ ведете? — спросилъ Лѣхманъ.

— Въ волость.

Ванькѣ Свистоплясу въ свалкѣ вмѣстѣ съ ухомъ ногу повредили.

Идетъ Ванька, прихрамываетъ, ступать очень больно, стонетъ.

Тюля бодро шагалъ-бы, если-бъ не бѣда: гирями бѣда нависла, гнетъ къ землѣ, горбитъ. Лѣвый глазъ совсѣмъ запухъ, закрылся; а правый — щелочкой выглядываетъ изъ багроваго подтека, какъ слѣпой идетъ Тюля, голову бокомъ поставилъ.

Антону рукъ не связали, уважили:

— У меня, милые, бокъ поврежденъ...

Онъ несъ узелокъ съ новыми своими сапогами. Подъ глазами черныя тѣни пали, щеки провалились, безъ шапки идетъ, волосы прилипли ко лбу, воротъ растегнутъ, на голой груди — гайтанъ съ крестомъ.

Солнце подымается, ласкаетъ утренній тихій воздухъ — тепломъ по землѣ стелется.

Полемъ идутъ — цвѣтами поле убрано. — Прощайте цвѣты.

Медленно движутся: путь труденъ.

Не разговариваютъ, не совѣтуются, а близко чуютъ другъ друга, души ихъ въ одну слились. Такъ легче: не одинъ, вчетверомъ бѣду несутъ.

Черемуховой зарослью идутъ — черемуха бѣлымъ-бѣла. Воздухомъ не надышешься, до того сладостенъ и пріятенъ запахъ.

Тайгою идутъ — хорошо въ тайгѣ. Стоитъ молчаливая, призадумавшись, точно храмъ, Божій домъ, ароматный дымъ отъ ладона плаваетъ.

Вотъ и зеленая лужайка, вся въ солнцѣ: хорошо бы чайку попить.

— Хорошо бы, Тюля, — силится пошутить Лѣхманъ.

— Славно-ба, — на полусловѣ понялъ Тюля.

Лѣхманъ шагаетъ крупно, въ груди у него хрипитъ, согнулся, лицо темное. Версты полторы отъ деревни прошли, немогота опять настигла. Нѣтъ силъ идти.

Остановились, и только лишь присѣли, Провъ показался. Прытко торопится, шляпой на лицо машетъ:

— Взопрѣлъ, — сказалъ онъ, тяжело сопя, и повелъ глазами въ сторону бродягъ.

— Айда! — крикнулъ онъ. — Волоките ихъ подалѣ, а мы того змѣя-то крыть пойдемъ... Указывай, Захаръ.

Четыре мужика отдѣлились и, хрустя валежникомъ, направились цѣлиной къ рѣчкѣ вслѣдъ за Провомъ.

Въ конвоиры къ бродягамъ Крысанъ прилипъ.

Всѣ мужики, какъ мужики: идутъ, посмѣиваются. Цыганъ бутылку вина изъ плисовыхъ штановъ вытащилъ, отпилъ, другому передалъ, третьему, только Крысанъ молча идетъ, нахлобучивъ на брови зимнюю свою съ наушниками шапку, за щеками у него сердитые желваки бѣгаютъ, зубы стиснуты, глаза рысьи, оловянные, жрутъ бродягъ неистово.

Молчкомъ идетъ, чуть поодаль, ружье у него за плечами хорошее, называется «турка», медвѣжиное.

— Развяжите насъ, пожалуйста... Комаръ поѣдомъ ѣстъ...

Мужики не отвѣтили. Бродяги мотали головами, но комары жадно пили кровь.

Только до «розстани» дошли, до «крестовъ», гдѣ дороги таежныя пересѣклись, глядятъ — телѣга тарахтитъ. Заимочникъ Науменко, бывшій каторжникъ, домой ѣдетъ, корье везетъ.

— Куда, робяты?

— Да вотъ... бузуевъ... А вино у тебя есть?

— Есть... Вотъ дойдете до заимки — угощу.

Когда подошли къ заимкѣ, Крысанъ спросилъ:

— А нѣтъ ли у тебя, Науменко, лопаты хорошей, али двухъ?

— Зачѣмъ?

— Бузуевъ закапывать... — пробурчалъ Крысанъ.

У Науменки бородатое лицо сразу вытянулось:

— Да что-о-о вы это, робята...

А бродягъ бросило въ дрожь.

Конвоиры вошли въ избу. Каторжникъ Науменко подошелъ къ бродягамъ:

— Бѣгите, братцы, скорѣича... Я развяжу...

— Нѣтъ, — сказалъ Лѣхманъ... — Намъ все одно подыхать... У насъ всѣ кости перебиты... — губы его дрожали, брови то лѣзли вверхъ, то падали.

Мужики, выпивъ по стакану, вышли и собрались въ путь Какъ ни отказывался Науменко идти съ ними, силкомъ принудили:

— Будешь перечить — все твое жительство спалимъ! — пригрозилъ Крысанъ. — Всей деревней придемъ...

Науменко, скрѣпя сердце, на своей лошаденкѣ опять вслѣдъ плелся и выпытывалъ у братановъ Власовыхъ, въ чемъ вина бродягъ.

Антонъ шелъ, безсмысленно озираясь, и ему хотѣлось громко, на всю тайгу, заголосить или вскинуть вверхъ голову и завыть дикимъ звѣринымъ воемъ.

А Ванька Свистоплясъ съ Тюлей готовы были броситься предъ мужиками на колѣни, цѣловать имъ ноги и молить о пощадѣ и милости.

Только у Лѣхмана своя была дума, упрямая. Ей некуда разгуляться: въ стѣну уперлась и безповоротно встала:

— Бей наповалъ!! — неожиданно крикнулъ Лѣхманъ и вразъ остановился.

Сзади грянулъ выстрѣлъ: «турка», ружье медвѣжиное, грохнуло на всю тайгу и раскатилось.

— Ой, ты?!. — дико взвыли братаны Власовы.

Бродяги помертвѣли.

А Лѣхманъ назадъ посунулся, потомъ палъ на четвереньки и страшно закатилъ глаза. Орошая пыль кровью изъ прострѣленной ноги, онъ ползалъ по дорогѣ и сквозь стоны сѣкъ подошедшаго Крысана:

— Подлецъ ты, а не стрѣлокъ... Гадюка...

— Замолчь, шволочь! — взмахнулъ Крысанъ прикладомъ. — Убью...

— Что ты, собака!.. — сгребъ его Науменко.

— Удди, дьява-а-лъ! — рванулся Крысанъ. Онъ весь былъ въ злобѣ: захлебываясь, дышалъ и свирѣпо таращилъ глаза и на Науменко, и на оторопѣвшихъ братанъ Власовыхъ.

Цыганъ въ это время далеко впереди лѣсомъ шелъ, пѣсни оралъ. Какъ услыхалъ выстрѣлъ, выскочилъ на опушку и, провѣривъ взглядомъ бродягъ, крикнулъ:

— Кого?!.

Братаны Власовы, высокіе, бѣлобрысые, въ черныхъ запоясанныхъ армякахъ, Лѣхмана на телѣгу положили. Они мужики смирные: имъ бы безъ оглядки домой бѣжать, да противъ міру нельзя!

А мальченка Митька, что есть духу, полетѣлъ домой, въ Кедровку и, вытаращивъ глаза, хрипло, чужимъ голосомъ ревѣлъ:

— Уй... уй... уй!..

— Ахъ ты, гнида! Хватай его! — пугалъ Цыганъ, притоптывая на мѣстѣ.

Но тотъ бѣжалъ, не оглядываясь, поддергивалъ на ходу штанишки и, не переставая, вылъ.

* * *

Андрей очнулся и открылъ глаза. Надъ нимъ голубѣло небо. Онъ осторожно приподнялся на локтяхъ и крадучись, оглядѣлся. Тихо было, кругомъ кусты, внизу переливалась вода.

— Ловко... вотъ это ловко... — криво ухмылынулся Андрей и закусилъ вдругъ запрыгавшія губы. — Фу, чо-ортъ...

Онъ опять легъ и закрылъ глаза. Долго лежалъ такъ, ни о чемъ не думая, въ какомъ-то полуснѣ.

— Нѣтъ, погоди... — сорвалось у него. Онъ быстро сѣлъ. — Еще не все кончено... Да... — Его голосъ дрожалъ, срывался, былъ болѣзненнымъ и рыхлымъ.

Андрей крѣпко сомкнулъ кисти рукъ и уставился въ одну точку. Онъ старался сосредоточиться на пережитомъ. Но все, только что происшедшее, такое дикое и непонятное, куда-то отхлынуло и померкло. «Что это значитъ? Гдѣ Анна? Гдѣ Бородулинъ?» — пытался Андрей повернуть думы и подчинить ихъ себѣ, но какъ-то вдругъ, тутъ же, всплывало ненужное — «надо сапоги новые... хорошо я срѣзалъ бѣлку...» — и затуманивало главное: какъ быть, что дѣлать?

— Надо разыскать Прова, — твердо сказалъ Андрей, пытаясь представить себѣ отца Анны: онъ никогда не видалъ его. Но мысль, не давъ ростковъ, лѣниво затихала.

Андрей сорвался съ мѣста и, откинувъ чубъ, быстро вышелъ на поляну.

А въ это время жадно уставились на него два человѣчьихъ глаза.

Андрей, учуявъ, круто повернулся: у опушки, невдалекѣ отъ него, стоялъ мужикъ.

— Эй, дядя! — крикнулъ Андрей. — Проводи меня къ старостѣ... Я политическій... Изъ Назимова...

— А-а-а, — остолбенѣвъ на мигъ, протянулъ Провъ. — Такъ это ты, змѣй?.. — Онъ вскинулъ ружье, подбѣжалъ поближе и прицѣлился.

Андрей стоялъ неподвижно: ноги не повиновались, и пропалъ голосъ.

Зарябило въ глазахъ у Прова, ружье закачалось, опустились руки.

— Отвела, Заступница, — выдохнулъ Провъ, перекрестился и подошелъ къ Андрею.

Тотъ поднялъ на него глаза и досталъ горящимъ взглядомъ до самаго его сердца.

— Ну, вотъ... я одинъ... Бей! Стрѣляй...

Провъ разинулъ ротъ и не зналъ, что дѣлать.

— Дочерь моя... Анна... Эхъ, братъ-братъ...

Андрей покачнулся.

— Провъ?.. Провъ Михайлычъ?!. — и сразу почувствовалъ, что ему не хватаетъ воздуха.

— На-ко, оболокись... — сказалъ, засопѣвъ, Провъ, снялъ армякъ и бросилъ его къ ногамъ Андрея.

XXVII.

Варька вдругъ вскочила, и только начала Анну будить, какъ отворилась дверь.

— Варюха, Сенька по тебя прислалъ, требоваетъ тебя, чо-то сказать хотитъ... — пропищалъ бѣлоголовый Оньша, братишка Сеньки Козыря.

Варька съ кулаками бросилась къ парнишкѣ:

— Убирайся, дьяволенокъ, покуда цѣлъ!.. Я ему никто... Тре-е-бо-валъ... Вотъ я чичасъ мужикамъ все обскажу... Живорѣзъ онъ... Живорѣзъ!

Парнишка выскочилъ, захлопнулъ дверь, опять чуть пріоткрылъ, крикнулъ:

— Потаску-у-уха!.. — и метнулся внизъ по лѣстницѣ...

— Ты что? — встревожилась проснувшаяся Анна.

Варька стоитъ, опершись о печку локтемъ, и тяжело дышитъ.

— И батька-то твой, Провъ-то Михалычъ, хорошъ... — сквозь слезы выкрикиваетъ она: — Энъ, бузуевъ кончить порѣшилъ.. На что похоже... Псы этакіе... Варнаки...

Анна сразу все поняла, быстро одѣлась и, слова не сказавъ Варькѣ, побѣжала домой.

А Варька опамятовалась. Дѣвичьи глаза Таньку видятъ, разлучницу. Щеки вспыхиваютъ, бѣлѣютъ и вновь загораются: словно тяжелая Сенькина рука разъ за разомъ бьетъ по ея лицу.

На голоса путь свой правитъ Варька, торопится, какъ

бы Сенька не настигъ, бѣгомъ припустилась и, не помня себя, вбѣжала въ Федотовъ дворъ.

А въ Федотовомъ дворѣ — веселье. Мужики кричатъ, хохочутъ, въ ладоши бьютъ:

— Опъ... Опъ... Опъ!.. Ай-да молодка... Наяривай, Обабокъ... Не подгадь...

Пьяный Обабокъ въ валяныхъ сапогахъ возлѣ Назимовской Даши пляшетъ, а та, вся въ алыхъ кумачахъ, дробно пристукивая полусапожками, топчется, шутливо ударяя платкомъ по плечу Обабка и покрикиваетъ:

— Ой, да и чего-жъ мнѣ не гулять!..

Вспотѣвшій Обабокъ задохнулся, — валенки ходу не даютъ, — мужики хохочутъ пуще.

— На, Обабокъ, клюнь... Выкушай!..

Обабокъ водку тянетъ, а возлѣ Дарьи ужъ двое другихъ плясуновъ роютъ каблуками землю.

— Варька, иди, — позвали мужики,— становись въ кругъ...

Та, высмотрѣвъ Федота, къ нему направилась, а хмѣльная Даша — къ ней.

— Ой, дѣвонька... Весело-то мнѣ какъ... Гуляй, знай, солдатка... Мужняя жена... Гуляй!.. Поминай Бородулина!..

Она вдругъ заплакала и, плача, стала цѣловать Варьку, а та, вырываясь, кричала мужикамъ:

— Вотъ что, хрещеные... Вы пошто бузуевъ убивать повели?

— Жизть свою пропиваю!.. — взвизгивала Даша.

— Они тутъ не причемъ... Это Сенька жиганъ!..

— Плюй мнѣ, дѣвонька, въ глаза!

— Онъ коровъ всѣхъ перерѣзалъ... Сенька...

Но мужики ничего не понимаютъ, — Федотъ пьянѣй вина, — межъ собою ссору завели.

Даша плачетъ:

— Ой, нехорошо... Головушка скружилась.

Варька Федоту въ самыя уши кричитъ:

— Дяденька Федотъ, спосылай мужиковъ-то! Пусть вернутъ... Долго-ль на лошади... Это што-жъ тако, Господи.

— Варька!.. Эй, Варька, — пошатываясь Обабокъ къ ней подходитъ: — На-ка, тяпни... Плюнь Сенькѣ въ рыло... Во-о-тъ...

— Да, дяденька Обабокъ... — пытается сказать Варька.

— Пей!..

— Варька... Варва-а-рушка... Пляши!.. — окружили мужики.

— Даша... Дарья Митревна... Пригубь...

— Эхъ, молодайки... Ай-ха!..

— Бузуевъ-то... Ради Христа...

— Бузуямъ — смерть!

Тогда Варька, обругавъ по-мужицки пьяныхъ, вырвалась изъ угарнаго кольца и побѣжала къ Прову.

А навстрѣчу ей Анна простоволосая на бородулинскомъ конѣ скачетъ:

— Варька, бѣги скорѣй къ Устину... Я за тятькой... Я ихъ наздогоню!.. — и скрылась въ прогонѣ.

Дѣдушка Устинъ давно ужъ на ногахъ, по хозяйству управляется: бабы нѣтъ, одинъ. Все Кешку ждалъ. Нѣтъ Кешки — самъ пошелъ.

На улицѣ ни души. Только мальчишки кричали ему:

— Бузуевъ-то увели, дѣдка...

Устинъ бѣгомъ, на ходу разулся, сапоги далеко отъ себя швырнулъ. Варька встрѣтилась:

— Дѣдушка, родимый..

Устинъ дико уставился на трясущуюся Варьку.

Потомъ вдругъ круто повернулъ и проворно, по молодому — будто живой воды хлебнулъ — побѣжалъ вдоль улицы.

— Айда! — крикнулъ онъ Тимохѣ и махнулъ рукой:

— Бей сполохъ... Да шибче... Со всей силы что-бъ!..

Тимоха вскочилъ, оглядѣлся кругомъ, глуповато улыбнулся и, гогоча во все горло, припустился къ часовнѣ.

А дѣдушка Устинъ въ край деревни къ своей избушкѣ бросился.

— Нѣтъ, стой, хрещеные... Я васъ возворочу...

XXVIII.

— А не уволите-ли вы насъ, ребята? — на ходу, робко спросили Власовы.

— Хе! — по-собачьи оскалилъ бѣлые зубы Цыганъ, — Вы очень даже хитропузые... Я васъ такъ уволю, что...

Власовы прикусили языки.

Науменко остановилъ лошадь:

— Привстань-ка, старичокъ... — и подложилъ подъ простреленную, въ крови, ногу Лѣхмана свой армякъ.

Лѣхманъ застоналъ, пристально поглядѣлъ въ глаза Науменко и сказалъ:

— Пить.

Тотъ досталъ изъ передка туесокъ съ квасомъ.

— Эй, ты! Цыть!

— Да ну-у, Крысанъ... Чего ты, всамдѣлѣ...—уговаривалъ Науменко.

— Имъ все одно крышка!..

— Ну, я имъ замѣсто попа буду... Дозволь, пожалуйста... вродѣ, какъ причащу... — И Науменко горько улыбнулся.

Цыганъ захохоталъ. Бродяги жадно пили квасъ.

Науменко опять сталъ просить мужиковъ:

— Ребята, вы идите съ Богомъ домой, а мы вотъ съ товарищемъ — тутъ недалече живетъ — запряжемъ коней да доставимъ людей-то въ волость...

— Въ воло-о-сть?! — ехидно протянулъ Крысанъ и весь задергался. — А оттуда куда? Не въ Россею-же... Ужъ ихъ тутъ, въ Сибири-то, сколь побито?... Си-и-ла... — и желваки за щеками быстро заходили.

— Грѣшите, дьяволы, одни! — съ сердцемъ бросилъ вожжи Науменко.

— А это видѣлъ?! — загремѣлъ Цыганъ, выхвативъ изъ-за пояса топоръ.

Заскрипѣла телѣга. Опять пошли.

Антонъ обтерпѣлся какъ-то, изнылъ, словно во снѣ двигался. И ему ужъ другое грезилось: будто онъ приподнялся надъ землею, и все подъ нимъ стремительно несется вдаль, сливаясь во что-то сѣрое, жужжитъ и воетъ, какъ пущенный по полу волчокъ.

Тюля былъ крѣпче всѣхъ: его не топтали сапогами, какъ Ваньку и Антона... И потому, что много еще было непочатой силы въ Тюлѣ, ему неотразимо хотѣлось жить.

Страхъ исчезъ въ Тюлѣ, и подбитые глаза его дерзко щупали лохматую стѣну тайги.

Но Крысанъ зорко смотритъ, чуетъ, должно быть, его намѣреніе, по пятамъ идетъ, сверлитъ глазами спину.

Зло беретъ Тюлю.

— Ты не шибко на тайгу-то пялься... — поровнявшись съ нимъ, скрипитъ Крысанъ и хихикаетъ.

У Тюли сжался кулакъ, онъ хотѣлъ съ размаха ударить Крысана въ високъ, но сдержался, а лѣвая нога его сладко ощутила лежащій за голенищемъ ножъ.

— Не сумлевайся, — бросаетъ онъ Крысану, стараясь пропустить его впередъ, но тотъ, давъ Тюлѣ тумака, сквозь зубы цѣдитъ:

— Наддай шагу...

— Есть!

Тюлѣ это нипочемъ, широко про себя улыбается улыбкой тайной: въ мысляхъ онъ ужъ давно по тайгѣ лѣшевымъ скокомъ носится, давно на своей волѣ живетъ... Ухъ, ты...

У Ваньки Свистопляса все тѣло ноетъ, рѣсницы дрема смыкаетъ. Идетъ или нейдетъ Ванька, живъ, или померъ, не знаетъ, не хочетъ, не можетъ знать. Голоса спорятъ о чемъ-то, ругаются. Чуть пріоткрылъ глаза: скрипитъ телѣга, на ней Лѣхманъ, возлѣ Лѣхмана, скрючившись, сидитъ Антонъ. Телѣга скрипитъ, на телѣгѣ Лѣхманъ... Стонетъ... Слипаются у Ваньки рѣсницы... Вздрогнулъ, осмотрѣлся, ноги сами собой идутъ, въ кустахъ корова рыжая... нѣтъ, черная...

— Корова... корова... — и вдругъ, точно толкнулъ кто въ спину, посунулся быстро носомъ и упалъ.

— Тпрру! — гаркнулъ Цыганъ. — Окривѣлъ, чортъ?

— Вали, Цыганъ... Время... — снимая съ плеча ружье, сказалъ Крысанъ, и всѣ засуетились.

Ванька вмигъ потомъ облился, и лицо его потемнѣло.

— Отъ такъ штука, язви-те... — сказалъ Крысанъ, шаря карманы. — У тебя пули есть?

— Нѣту, — отвѣтилъ Цыганъ.

— Тьфу!.. — Крысанъ позеленѣлъ.

У него всего двѣ пули, — мало.

— У тебя «турка» добрая, — сказалъ Цыганъ, — она двоихъ прошьетъ...

— И то вѣрно...

У Крысана дрожали руки. Запавшіе рысьи глаза его о чемъ-то думали, что-то рѣшали. Крысанъ вздохнулъ.

— Ребята, хотите покурить? — предложилъ Цыганъ.

— Дай-ка, дяденька, скорѣй... дай!.. — Ванька Свистоплясъ, глотая слюни, подкатился подхалимомъ къ Цыгану, и сладко взглянулъ въ глаза.

И мелькнула у Ваньки мысль: разжалобить хмельныхъ мужиковъ, умолить, укланяться, умаслить:

— Дяденьки... Цыганушко...—Ванька жадно затянулся трубкой. Онъ три дня не курилъ: голова у него сразу закружилась, запрыгала тайга, все поплыло мимо и закачалось.

и Ванька, вытаращивъ помутившіеся глаза, закашлялся и повалился на бокъ.

Антонъ вытащилъ изъ-за пазухи бумажку:

— Вотъ тутъ, значитъ, адресъ... Отпишите, ради Христа, увѣдомьте. Доченька моя тамъ... Такъ, молъ, и такъ... Кончился... Отъ болѣзни, молъ, отъ тифу...

— Ладно, отпишемъ... — буркнулъ Крысанъ. Онъ поднесъ къ раскосымъ своимъ глазамъ бумажку и, разорвавъ ее на клочья, втопталъ въ землю. У Антона лицо сморщилось и задрожало.

— Ай!! — вдругъ крикнулъ Крысанъ и вскочилъ. — Ребята!!

Съ трескомъ и шумомъ Тюля въ тайгу ринулся.

— Лови, лови!!.

Засовались взадъ, впередъ.

— Живо — догоняй!..

Крысанъ прицѣлился на удаляющійся хрустъ и оглушилъ всѣхъ выстрѣломъ.

— Догоня-а-а-й!..

Братаны Власовы съ Науменкомъ схватили лопаты и радостно бросились въ тайгу.

А Тюля, какъ заяцъ, перекувырнулся черезъ голову, и съ хриплымъ ревомъ поползъ въ кусты.

— Зацѣпило! Зацѣпило! — яростно вылъ Крысанъ, настигая Тюлю.

Провалившись въ какую-то берлогу, Тюля перевернулся на спину, подтянулъ къ животу скрюченныя ноги и взмахивалъ отчаянно руками:

— Не тро-о-гъ! Я рассейскій!.. Я въ ножки поклонюсь...

Сорвавшись внизъ, Крысанъ медвѣдемъ насѣлъ на раненаго Тюлю. Тотъ, обливаясь кровью, крѣпко облапилъ Крысана и, норовя вывернуться, занесъ надъ нимъ ножъ. Крысанъ, схвативъ за лезвіе ножа, грызъ зубами кисть Тюлиной руки. И оба, словно бѣшеные волки, схлестнувшись и яро рыча, клубкомъ катались по землѣ.

Еще немного и Тюля, почуявъ смерть, жутко завизжалъ.

— Ты рассейскій?! — прошипѣлъ Крысанъ, отбросивъ ножъ и, поднявшись, какъ змѣя на хвостѣ, мертвой хваткой впился въ горло захрипѣвшаго Тюли.

Ошеломленные Антонъ и Ванька приросли къ землѣ.

— Ну, какъ?! — нетерпѣливо крикнулъ Цыганъ вышедшему изъ лѣса Крысану. Тотъ нетвердо шелъ, прихрамы-

вая и суча локтями, а челюсти его жадно чавкали, словно онъ наскоро перегрызалъ кость.

— Устукалъ, нѣтъ?

— Готовый... — буркнулъ Крысанъ и перевелъ духъ.

Антонъ перекрестился, Ванька, скрививъ ротъ, заморгалъ глазами, а Лѣхманъ кашлянулъ и шевельнулся.

— Станови ихъ всѣхъ въ рядъ... — пропаьшимъ, лающимъ голосомъ прохрипѣлъ Крысанъ, отеръ о траву замазанныя кровью изрѣзанныя руки, и сталъ, весь дергаясь, суетливо заряжать ружье.

— Надо двоихъ, — сказалъ Цыганъ и рѣшительными шагами подошелъ къ Антону:

— Ну-ка...

Взялъ его за шиворотъ, приподнялъ:

— Иди-ка вотъ сюда...

Ноги у Антона со страху подгибались.

Цыганъ подхватилъ его подъ мышки и поволокъ къ соснѣ:

— Стой правильно...

Крысанъ вязалъ Ваньку, приговаривая:

— А то и ты, сволочь такая... того гляди, что...

Потомъ взяли Лѣхмана и поднесли къ Антону. Антонъ не могъ стоять. Онъ сидѣлъ подъ сосной, крестился и шевелилъ бѣлыми губами.

Подняли Антона на ноги, вновь прислонили спиной къ соснѣ и вплотную къ нему приставили Лѣхмана. Огромный Лѣхманъ совсѣмъ заслонилъ собою щуплаго Антона.

Крысанъ сталъ прикручивать вожжами къ дереву это двойное человѣческое тѣло. Лѣхманъ съ ненавистью плюнулъ въ ненавистные раскосые глаза Крысана. Тотъ размахнулся и, крякнувъ, ударилъ старика въ носъ.

— Хоррошъ, молодчикъ... — боднулъ головой Лѣхманъ; изъ разбитаго его носа побѣжала кровь.

Солнце свѣтило во-всю. Вблизи куковала кукушка. Набѣжавшій вѣтерокъ прошумѣлъ вершинами и осыпалъ голову Лѣхмана золотыми иглами хвой.

Вдругъ лошадь посмотрѣла назадъ, поводила ушами и заржала.

Цыганъ крикнулъ:

— Защурься, старикъ!

А Крысанъ взвелъ курокъ. Ванька въ страхѣ опрокинулся внизъ лицомъ и по-бабьи заголосилъ.

Цыганъ отошелъ «опаски ради» въ сторону — какъ-бы ружье не лопнуло — и, поводя издали глазами отъ сверкающаго на солнцѣ ружья къ Лѣхману, прикидывалъ: вѣрно-ли цѣлитъ Крысанъ.

— Прощай, бѣлый свѣтъ... простите, братцы... Спасибо... — громко, отчетливо сказалъ мужикамъ Лѣхманъ. Онъ повернулъ назадъ голову, тронулъ локтемъ стоявшаго сзади полумертваго Антона и простился съ нимъ дрожащимъ, въ слезахъ, голосомъ:

— Антонушка, голубь, прощай... Прощай, товарищъ милый...

Грохнулъ выстрѣлъ. Лѣхманъ клюнулъ носомъ, точно его по затылку ударили. Еще разъ боднулъ головой, еще разъ... пожевалъ губами, и голова его низко упала на грудь.

Цыганъ съ Крысаномъ подбѣжали къ Лѣхману.

— Въ сердце... — хладнокровно сказалъ Крысанъ.

Когда развязали вожжи и отбросили тѣло Лѣхмана, Антонъ тоже упалъ.

— Этого не потрогало... — сказалъ Цыганъ, осматривая грудь лежавшаго въ обморокѣ Антона, — въ томъ, окаянная, засѣла, въ старикѣ...

— Да-ко-сь скорѣй топоръ... Али самъ долбони...

— Вали ты... А я эту пропастину-то ахну, — сказалъ Цыганъ, покосившись на Ваньку, и выворотилъ изъ земли огромный камнище.

— Ну, шпана чортова, подставляй башку!

Вдругъ, едва не стоптавъ ихъ, примчалась на конѣ Анна.

Сразу, молча, соскочивъ съ лошади, къ Лѣхману съ Антономъ подбѣжала:

— Мать, Владычица...

Въ рукахъ у нея жилетка, въ тайгѣ нашла, Андрея жилетка, рваная.

Размахнулась Анна и со всѣхъ силъ хлестнула Цыгана жилеткой по лицу. Отъ внезапнаго удара жуткихъ глазъ Анны Цыганъ упалъ.

— Ой, ты! Оставь... оставь... — бормоталъ онъ и ползъ по землѣ, заслоняясь рукой. Губы Анны прыгали. Она въ гнѣвѣ, вмигъ къ Крысану обернулась.

— Убѣгай! — взвылъ побѣжавшій прочь Цыганъ... — бѣшеная... Изъѣстъ!! Ой, ты!

Крысанъ, выбросивъ навстрѣчу Аннѣ руки, быстро пятился къ тайгѣ и, ошеломленный, хрипѣлъ:

— Анна Провна... Что ты, что ты... Аннушка! — и, метнувшись вбокъ, стремглавъ кинулся подъ гору.

Анна пошатнулась, запрокинула съ растрепанными косами простоволосую голову, схватилась за виски и такъ мучительно и страшно застонала, что Ванька Свистоплясъ, испугавшись, крикнулъ:

— Умница! Умница...

— Ой, кровушка моя... — Анна перегнулась вся, повалилась на землю и дико захохотала — заплакала.

Ванька съ открытымъ ртомъ, весь въ поту, скакалъ къ ней связанными ногами:

— Умница... Умница!.. Очнись!

XXIX.

Глуповато улыбаясь, Тимоха бьетъ сполохъ. Колоколъ гудитъ, колоколъ одинъ за однимъ упруго отбрасываетъ звенящіе удары, торопливо гонитъ ихъ во всѣ стороны и мѣднымъ грохотомъ дробно разсыпаетъ по тайгѣ. На краю деревни горѣла изба Устина.

— Тащи, ребята, топоры! — пьяно шумѣлъ народъ.

— Топоры-ы-ы...

— Сади, бревномъ!..

— Бревно! Бревно-о-о...

Обабокъ охрипшимъ голосомъ кричалъ:

— Гдѣ дѣдка Устинъ?.. Гдѣ онъ?.. — и лѣзъ въ огонь. Его схватывали и отбрасывали прочь.

— Ай-ха!.. — гремѣлъ Обабокъ и снова лѣзъ. Но избенка ужъ догорала.

А Устинъ въ это время былъ въ часовнѣ. Онъ стоялъ передъ иконой и молился:

— Матушка, помоги... Заступница, помоги...

Много лѣтъ старому Устину, а никогда такъ не плакалъ.

Хоть и раньше не вовсе ладно жили мужики, однако, такой черной бѣды сроду не было. Господи, до чего дожилъ Устинъ, мужичій дѣдъ, мужичій попъ и совѣтчикъ. Кто за деревню будетъ Богу отвѣтъ держать? Онъ, Устинъ...

— Заступница, отведи грозу... Иверская наша помощница...

Настали, знать, послѣднія времена. Колесомъ пошла деревня. Пойло окаянное, винище, всему голова. Хоть густа тайга, бездорожна, а прикатилось-таки это лѣшево пойло

и сюда, одурманило мужичьи башки, душу очернило, сердце опоило зельемъ. А солнышка-то нѣтъ, темно.

И Устинъ падаетъ ницъ и плача долго лежитъ такъ, громко печалуясь Богородицѣ:

— Утихомирь, возвороти мужиковъ. Постарайся гля міру, гля руськова... Не подымусь, покуль не тово, не этого.. Ежели ты, Пресвятая, о насъ не похлопочешь, кто-жъ тогда? Ну, кто?.. Ты только подумай, Владычица... Утулима Божжа мать...

Много Устинъ чувствуетъ своимъ мужичьимъ сердцемъ, но словами душа его бѣдна.

А Тимоха яро бьетъ тутъ-же, за стѣною, въ колоколъ. Колоколъ гудитъ, шумитъ пьяная толпа у потухшаго пожара и, слыша все это, старый Устинъ, весь просвѣтленный, снова начинаетъ со всей страстью и упованіемъ молиться.

Слышитъ Устинъ: придвинулся къ часовнѣ ревъ, а Тимохинъ колоколъ умолкъ.

— Эй, выходи-ко ты... Эй, Устинъ!..

— Вылазь!..

— А-а-а... Деревню поджигать?!..

— Пали-и-ть?!..

Вышелъ къ нимъ Устинъ твердо. Остановился на крылечкѣ, одернулъ рубаху, воротъ оправилъ, боднулъ головой и строго кашлянулъ.

— Ты... ты... тьфу!.. Кабы деревня-то пластать-тать-тать... Старый ты чортъ!.. — Всѣ вразъ орутъ пьяными глотками. Много мужиковъ.

Устинъ силится перекричать толпу, но голосъ его тонетъ въ общемъ ревѣ.

— Тащи его за бороду... Дуй его!..

— А-а-а?.. Жечь?!.

Устинъ вскидываетъ вверхъ руки, и надъ толпой взвивается его рѣзкій голосъ.

Мужики, постепенно смолкая, плотнѣй стали облегать крыльцо, тяжело сопя и грозя глазами.

— Ахъ вы, непутевые... — началъ Устинъ и не понять было: улыбка-ль по его лицу скользитъ, или онъ собирается заплакать.

— Вы чего-жъ это, робяты, надумали, а? Куда бузуевъ дѣли, гдѣ они, а?! — весь дергаясь, выкрикивалъ Устинъ, притопывая вразъ обѣими ногами и встряхивая головой,

будто собираясь клюнуть стоявшаго передъ нимъ Обабка.

— За винище руки кровью замарали... Тьфу!.. А Богъ-то гдѣ у васъ? А? Правда-то?

— Мы ихъ въ волость...

— Въ волость?.. Эй, Океитій! — окликнулъ Устинъ Кешку, — ты чего молчишь? Гдѣ бузуи?..

— Я не причемъ... — бормоталъ Кешка, то нахлобучивая, то приподымая картузъ, — какъ міръ... его дѣло...

— Они намъ поперекъ горла стали... — оживились мужики, — они пакостники, они парня ножомъ, они коровъ перерѣзали... Они...

— Врете!.. — вдругъ вынырнула изъ толпы Варька, — а вотъ кто коровъ-то кончилъ... вотъ!.. — ткнула она пальцемъ на Сеныку. — Чего бѣльмы-то пялишь?!. Признавайся!

Тотъ, растопыривъ руки и весь притнувшись къ землѣ, коршуномъ къ Варькѣ кинулся. Та въ часовню: — Бей! На, бей, живорѣзъ!..

— Куда прешь? Не видишь?!.. — сбросивъ съ крыльца Сеньку Козыря, взмахнулъ грузнымъ кулакомъ каморщикъ Кешка.

— Ведутъ, ведутъ... Эвона!.. — удивленно и громко кто-то заоралъ сзади.

— И впрямь ведутъ. Энъ, энъ!..

И всей деревней побѣжали за околицу, навстрѣчу показавшейся толпѣ.

Только дѣдъ Устинъ кой съ кѣмъ остался и съ высокаго крыльца часовни, прищуривъ глаза, всматривался вдаль. Наступалъ вечеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Вяч. Шишковъ.

ОСЕНЬ.

Тихое Сырой Земли Успѣнье;
Ужъ отходитъ отъ Нея душа.
Нѣмо представляются растенья,
Листья осыпаются шурша.
Небеса спокойны и невинны.
Все невнятно говоритъ: «Прости».
Закадили чадные овины,
Сжата рожь. О, сердце, не грусти!

Вотъ и хлѣбъ на лункахъ обмолоченъ.
Птицы, птицы покидаютъ насъ.
Лѣсъ стоитъ разубранъ, раззолоченъ,
И сіяетъ, какъ иконостасъ.
Скоро вѣтеръ холодомъ подуетъ,
А лугамъ ужъ больше не цвѣсти.
Ихъ зима схоронитъ, околдуетъ
До весны. О, сердце, не грусти!

Солнце намъ не хочетъ взгляда бросить,
Каплетъ дождь изъ подъ небесныхъ вѣкъ.
Утромъ иней на травѣ, какъ просѣдь,
Тусклы дни. А вотъ и первый снѣгъ!
Мужики поѣдутъ въ городище,
Дочкамъ ленты въ косу заплести.
Бродитъ вьюга съ бѣлой бородищей
По лѣсамъ. О, сердце, не грусти!

Дм. Семеновскій.

ВОЛКЪ ФЕНРИСЪ.

Финансовая повѣсть.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ именемъ «Работники въ домѣ Nyland» [1] объединились для общей творческой работы молодые поэты и художники, издающіе, между прочимъ, журналъ «Quadriga» [2]. Поэты выступаютъ въ этомъ журналѣ безымянно, безотносительно къ ихъ личности.

Изъ требованія чистѣйшей объективности возникла и эта повѣсть. Въ ней мы стремились къ новой формѣ художественнаго воплощенія дѣйствительности. Потому что здѣсь, пожалуй, впервые, сдѣлана смѣлая попытка уложить съ архитектурно-трезвою размѣренностью широко объемлющее экономическое содержаніе въ довлѣющую ему форму, безъ дешевыхъ лоскутьевъ тысячекратно испробованнаго живописанія настроеній, безъ романтическаго вздора, въ которомъ улетучивается все существенное, безъ характеристикъ и описаній. Все здѣсь только въ движеніи и въ дѣйствіи. Съ виду безлично. На первый взглядъ эта новая манера представляется сдѣланною съ бюрократическимъ спокойствіемъ за письменнымъ столомъ чисто разсудочною работой безъ тѣхъ насыщенныхъ чувствомъ, рожденныхъ изъ сердца и настроенія невѣсомыхъ, токами которыхъ всегда насквозь пронизаны глубины каждаго истиннаго художественнаго произведенія. Но кто обладаетъ болѣе тонкимъ слухомъ, тотъ разслышитъ здѣсь шумное біеніе пульса напряженно и страстно борющихся людей,—замѣтитъ, что, несмотря на всю энергію ведущейся ими борьбы, люди эти умѣютъ со стальнымъ самообладаніемъ цѣлесообразно согласовать свои усилія для совмѣстнаго во всеоружіи техники труда. Онъ почуетъ, что тутъ дѣло идетъ о рѣшеніи судьбы и этихъ борцовъ и народныхъ массъ.

И онъ увидитъ строеніе своего времени въ вибрирующемъ, бѣшеномъ, всеобъемлющемъ движеніи.

Что намъ до того, слетаются ли на свои совѣщанія эти люди, по прославленнымъ сенсаціей образцамъ, на аэропланахъ въ

---

[1] Nyland—новь.

[2] Quadriga—запряженная четверкою колесница.

какой нибудь небоскребъ? И ѣдятъ ли они при этомъ икру или раковъ? Покажите намъ грандіозную динамику современности, безъ сентиментальныхъ вычуръ и прикрасъ, въ ея подлинныхъ формахъ, въ ея подлинныхъ дѣйствіяхъ.

Поэтъ желѣзныхъ сонетовъ.

Прим. редакціи. **Волкъ Фенрисъ** — одно изъ существъ скандинавской миѳологіи, сынъ лукаваго бога Локи, зачинщика всякихъ распрь, основоположника лжи и обмана; Локи убилъ Бальдура, бога солнца, любви и добра. У Локи, который всячески вредилъ богамъ и нѣкоторыми миѳологами отождествляется съ Люциферомъ, родились отъ великанши Ангрболтъ чудовища: Рела или Смерть, змѣя Іормунгандъ и волкъ Фенрисъ или Фенриръ. По предсказанію, боги должны были ожидать много бѣдствій отъ дѣтей Локи, поэтому Одинъ, — Зевсъ скандинавскаго Олимпа, — повелѣлъ уничтожить ихъ. Змѣю бросили въ океанъ, но она обвила всю землю, Релу низринули во мракъ подземнаго міра и дали въ достояніе ей всѣхъ, умирающихъ отъ старости и болѣзни, волкъ Фенрисъ былъ прикованъ къ скалѣ.

Не ясно, какую именно стихію или сторону души олицетворяетъ волкъ Фенрисъ, но — онъ откусилъ руку бога Тора, бога труда, творчества — единственнаго изъ боговъ, который кормилъ сына Локи, въ то время, какъ другіе боги обрекли его на смерть отъ голода.

«Валюспа» — прорицаніе — говоритъ о волкѣ Фенрисѣ такъ:

«...сидѣла Старая въ желѣзномъ лѣсу,
Тамъ кормитъ она волчатъ Фенриса.
Изъ всѣхъ ихъ одинъ будетъ силенъ
И въ образѣ чудовища пожретъ мѣсяцъ.
　«Онъ насыщается жизнью низкихъ людей,
　Онъ обагряетъ кровью обитель владыкъ.
　Почернѣетъ солнце лѣтнее,
　Всѣ вѣтры будутъ тлетворны.
　Понимаете вы или нѣтъ?»

Переводъ академика **Я. В. Грота.**

«Повѣсть» «Волкъ Фенрисъ» была впервые напечатана въ упомянутомъ нѣмецкомъ журналѣ «Quadriga», а затѣмъ разошлась въ Германіи уже въ рядѣ изданій и считается крупнѣйшимъ явленіемъ въ изящной нѣмецкой литературѣ за послѣдніе два года. Въ настоящее время имя автора раскрыто: это молодой писатель Винклеръ, ранѣе совершенно неизвѣстный.

Христіанія, 7. 2. 9.

Господину коммерціи совѣтнику Генриху Беле.

Берлинъ.

Аллея Королевъ, 6.

Въ ближайшемъ будущемъ Норвежскимъ Гидроэлектрическимъ Союзомъ (Norwegian Hydroelectric Association), въ составъ котораго входимъ и мы, будетъ созвано чрезвычайное общее собраніе. Оно должно заявить свое отношеніе къ тѣмъ политическимъ кругамъ въ Норвегіи, которые стремятся путемъ законодательства отстранить иностранный капиталъ отъ участія въ эксплуатаціи здѣшнихъ водяныхъ силъ.

Если въ вашемъ портфелѣ еще имѣются акціи нашего общества въ такомъ же приблизительно количествѣ, какое было представлено вами на нашемъ послѣднемъ общемъ собраніи, то вы очень обязали бы насъ, взявъ на себя, въ качествѣ члена контрольнаго совѣта, представительство нашихъ интересовъ на предстоящемъ собраніи.

Мы того мнѣнія, что ближайшіе годы будутъ имѣть большое значеніе — не столько, можетъ быть, для нашего собственнаго предпріятія, сколько для дѣятельности иностраннаго капитала въ Норвегіи вообще.

Въ ожиданіи вашего скораго рѣшенія

съ глубокимъ почтеніемъ
Norsk Hydrokemisk A. S.
Бьярнсенъ.

12 февраля 1909.

Norsk Hydrokemisk A. S.

Христіанія.

Господинъ коммерціи совѣтникъ Беле проситъ поблагодарить васъ за ваше письмо отъ 7 т. м. Онъ склоненъ принять на себя эту почетную обязанность; однако, проситъ возможно обстоятельнѣе освѣдомить его обо всемъ относящемся сюда. Ему было бы очень желательно узнать, когда именно состоится общее собраніе N. H. A.

На время своего мандата онъ готовъ передать свои акціи въ третьи руки въ количествѣ, какое вы укажете.

Съ почтеніемъ
за Генриха Беле
Др. Вальтеръ Франкенъ.

12 февраля 1909.

Господину Др. Вермлану.

Трондьемъ.

Многоуважаемый господинъ докторъ!

У насъ въ семьѣ до сихъ поръ еще живы воспоминанія о прекрасномъ времени, проведенномъ въ Хардангскомъ фіордѣ. И хотя мнѣ лично довелось прожить всего лишь три радостныхъ дня въ кружкѣ собравшихся тамъ лицъ, все же и этотъ короткій промежутокъ времени остался для меня незабвеннымъ. Въ особенности вспоминается мнѣ тотъ вечеръ, когда у насъ завязался разговоръ о промышленномъ будущемъ Норвегіи. Вы проявили себя тогда такимъ основательнымъ знатокомъ положенія, что я позволяю себѣ обратиться къ вамъ за свѣдѣніями по такому вопросу.

За это время я пріобрѣлъ значительное количество акцій одного норвежскаго гидроэлектрическаго предпріятія. По послѣднимъ сообщеніямъ, полученнымъ мною съ вашей родины, законодательство у васъ собирается опять учинить большія затрудненія для дѣятельности иностраннаго капитала въ вашей странѣ.

Я знаю, что въ политической жизни Норвегіи вашъ голосъ имѣетъ немаловажное значеніе. И именно поэтому я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы высказали, насколько найдете это умѣстнымъ, свое мнѣніе по этому поводу.

Это лѣто мы надѣемся снова провести въ вашей благословенной странѣ, которой предстоитъ такое блестящее будущее. По крайней мѣрѣ, мои дамы мечтаютъ объ этомъ. Онѣ шлютъ самый сердечный привѣтъ вашей супругѣ и вамъ самимъ. Не менѣе сердечнымъ образомъ присоединяется къ этому привѣту и

глубокоуважающій Васъ
Вашъ
Генрихъ Беле.

Т. Б. Сорельсенъ. Христіанія, 11 февраля 1909.

Financing.

Господину Генриху Беле.

Торгово-промышленный банкъ.

Берлинъ.

Въ надеждѣ, что вы остались довольны исполненіемъ вашего послѣдняго порученія, мы не желали бы оставить неиспользованною возможность и впредь работать на пользу вашимъ интересамъ.

Какъ вамъ несомнѣнно станетъ извѣстно, нѣкоторые политическіе круги нашей страны выдвигаютъ откровенное требованіе «водяного соціализма». Самое меньшее—это, если они провозглашаютъ лозунгъ: «Норвежскія водяныя силы для норвежцевъ!».

Не придавая этой агитаціи особаго значенія, мы, однако, полагаемъ, что недалеко уже время, когда питаемыя нѣмецкимъ и французскимъ капиталомъ наши акціонерныя общества будутъ вынуждены заявить рѣшительно свое отношеніе къ этому вопросу.

Это, естественно, привлечетъ вниманіе множества мелкихъ заграничныхъ капиталистовъ и вызоветъ въ нихъ извѣстное недовѣріе, которое, можетъ быть, заставитъ ихъ сбывать свои акціи, какъ ни мало основаній для такого образа дѣйствій. Во всякомъ случаѣ мы того мнѣнія, и сообщаемъ вамъ объ этомъ по секрету, что теперешняя повышательная тенденція водяныхъ акцій въ каждый данный моментъ можетъ смѣниться противоположною.

При ожидаемомъ пониженіи мы бы охотно предприняли за вашъ счетъ или рука объ руку съ подчиненнымъ вамъ финансовымъ учрежденіемъ рядъ выгодныхъ операцій.

Вы очень обязали бы насъ скорымъ отвѣтомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Т. Б. Сорельсенъ.

14 февраля 1909.

Въ Финансовый банкъ Т. Б. Сорельсена.

Христіанія.

Мы съ большимъ интересомъ приняли къ свѣдѣнію ваше письмо отъ 11 т. м. и не прочь заняться операціями на водяныхъ бумагахъ вашей страны. Господинъ Генрихъ Беле на-дняхъ напишетъ вамъ лично. А покамѣстъ вы сослужили бы намъ большую службу, прославъ намъ подробный

планъ дѣйствій, который мы обязуемся сохранить въ совершеннѣйшей тайнѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ
Торгово-промышленный банкъ
p. pa. I. Бертрамъ.

Христіанія, 15, 2. 9.

Norsk Hydrokemisk A. S.
Господину коммерціи совѣтнику Генриху Беле.
Берлинъ.
Аллея Королевъ, 6.

Мы съ удовольствіемъ прочли ваше послѣднее письмо и очень вамъ благодарны за ваше согласіе принять на себя представительство интересовъ нашихъ и иностраннаго капитала. Прилагаемъ докладъ секретаря нашего союза. За содержаніе доклада отвѣчаемъ.

Засѣданія союза состоятся въ Христіаніи сейчасъ же послѣ Троицы. Въ точности день съѣзда еще не установленъ. Напишите, пожалуйста, какой для васъ удобнѣе.

Формы ради упомянемъ, что намъ было бы желательно, чтобы акціи были переданы въ Deutsche Bank въ Берлинѣ. Въ какомъ количествѣ, рѣшайте сами. Вы, вѣроятно, сойдетесь съ нами во мнѣніи, что количество здѣсь придастъ вѣсу вашимъ словамъ и сыграетъ свою роль при опредѣленіи мѣры отвѣтственности нашей по отношенію къ остальнымъ акціонерамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
Norsk Hydrokemisk A. S.
Бьярнсенъ.

Водяныя силы Норвегіи и иностранный капиталъ.

Докладъ **Генриха Далькирка,**

секретаря Норвежскаго союза для эксплуатаціи водяной силы.

Ахенскій профессоръ г. Гольцъ опредѣлялъ въ 1902 году общую сумму водяныхъ силъ Норвегіи при средней водѣ въ 30 милліоновъ лошадиныхъ силъ. Принимая тотъ же коэффиціентъ использованія, какъ въ Баварскихъ Альпахъ — 37%,—онъ приходитъ къ выводу, что тутъ въ распоряженіи промышленности имѣется около 11 милліоновъ лошадиныхъ силъ. На валахъ турбинъ это дало бы приблизительно 4 милліона лошадиныхъ силъ.

По нашимъ новѣйшимъ изслѣдованіямъ, промышленной

эксплуатаціи съ несомнѣнною выгодой можно было бы подвергнуть по меньшей мѣрѣ 4.800.000 лошадиныхъ силъ. Въ настоящее время эксплуатируется всего лишь одна восьмая этого количества энергіи.

Страна населена очень рѣдко. Въ среднемъ на километръ приходится 6—7 жителей. Поэтому при сооруженіи гидравлическихъ станцій рѣдко приходится платить значительныя суммы за отчужденіе соотвѣтствующихъ участковъ. Рабочихъ рукъ, несмотря на малочисленность населенія, имѣется достаточное количество, такъ какъ характерной чертой нашей новой индустріи именно и является ея минимальная потребность въ рабочихъ рукахъ при максимумѣ работы.

Издержки по сооруженію станцій здѣсь самыя незначительныя. Нерѣдко сооружались станціи такъ, что электрическая лошадь обходилась всего лишь въ 200 марокъ, считая все, въ томъ числѣ и самую водяную силу. Въ Америкѣ соотвѣтствующая сумма въ среднемъ равна 400, въ Италіи 6—700 маркамъ.

У большинства центральныхъ силовыхъ станцій, благодаря своеобразному географическому строенію Норвегіи (глубоко врѣзывающіеся фіорды), могутъ быть сооружены пароходныя пристани. А также въ ближайшемъ сосѣдствѣ имѣются каменоломни, рудники и обширные лѣса, такъ что здѣсь на-лицо наивыгоднѣйшія условія для электрохиміи (атмосферный азотъ), для электровыплавки желѣза, для лѣсопиленъ и для производства бумаги.

Самая дешевая электрическая сила, наиболѣе дешевое сырье и дешевый морской фрахтъ встрѣтились здѣсь для того, чтобы успѣшно бороться со всякою конкурренціей, во всемъ мірѣ, не говоря уже о Европѣ.

При этомъ нужно сказать, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы норвежскій капиталъ хотя бы приблизительно могъ справиться съ задачами эксплуатаціи гигантскихъ экономическихъ возможностей въ этой странѣ. И притомъ не только въ настоящее время, но насколько можно предвидѣть и въ будущемъ. Тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ еще даже эмиссіоннаго банка.

Поэтому норвежская селитряная промышленность (полученіе селитры электролитическимъ путемъ изъ азота воздуха), въ которую въ настоящее время вложено около 100 милліоновъ марокъ, финансируется главнымъ образомъ въ Парижѣ.

Въ послѣдніе годы въ акціи подобнаго рода предпріятій вкладывался все больше и больше иностранный, особенно германскій капиталъ.

Среди норвежцевъ возникло растущее движеніе противъ этого проникновенія въ страну иностраннаго капитала. Чтобы понять цѣли и стремленія этого движенія, нужно пристальнѣе приглядѣться къ юридической сторонѣ эксплуатаціи водяной энергіи въ Норвегіи.

Въ Норвегіи споконъ вѣка водяная сила принадлежала владѣльцамъ соотвѣтствующихъ земельныхъ участковъ, которые естественно пользовались правомъ свободнаго распоряженія своею собственностью. Существующія правовыя отношенія давали возможность любому норвежскому акціонерному обществу (т. е. обществу, правленіе котораго состояло изъ норвежцевъ, причемъ безразлично было, происходитъ ли капиталъ общества частью или цѣликомъ изъ-за-границы) пріобрѣтать водяныя силы на вѣчныя времена. Естественно, что во многихъ случаяхъ это и было сдѣлано. Въ виду этого началось враждебное къ иностранцамъ движеніе, которое достигло того, что въ 1906 году былъ изданъ временный законъ, разрѣшающій пріобрѣтать водяныя силы лишь на 60—80 лѣтъ. Далѣе, по этому закону, на продажу водяныхъ силъ требуется королевская концессія. Отношеніе временнаго закона къ норвежскому и къ иностранному капиталу одинаковое.

Въ ближайшую, осеннюю сессію стортинга этотъ временный законъ долженъ превратиться въ постоянный. Само по себѣ это бы еще не давало повода для серьезной тревоги, если бы не опасеніе, что одновременно будетъ проведено обостреніе закона. Политическая жизнь нашей страны въ послѣдніе годы вся цѣликомъ ушла въ эти вопросы. Теченіе, стремящееся къ вытѣсненію иностраннаго капитала, несомнѣнно, углубилось. Въ иныхъ кругахъ даже господствуетъ мнѣніе, что частный капиталъ вообще долженъ быть устраненъ отъ дальнѣйшей эксплуатаціи здѣшнихъ водяныхъ силъ.

Не говоря уже о томъ, что норвежскому государству врядъ ли удалось бы раздобыть средства для такого рода предпріятія и что, стало быть, все дѣло свелось бы лишь къ произвольному торможенію промышленнаго развитія страны, иностранный капиталъ, уже работающій въ Норвегіи, жизненно заинтересованъ въ томъ, чтобы у него не были перерѣзаны возможности развитія. Въ этомъ интересѣ его совершенно совпадаетъ съ интересами норвежскаго капитала, съ которымъ онъ работаетъ бокъ-о-бокъ во многихъ предпріятіяхъ.

Норвежскій союзъ для эксплуатаціи водяной силы признаетъ поэтому настоятельную необходимость безотлага-

тельно созвать чрезвычайное общее собраніе для того, чтобы заявить свое отношеніе къ этому вопросу. Онъ долженъ помѣшать тому, чтобы мѣрами промышленно неосвѣдомленныхъ круговъ была въ зародышѣ задушена нарождающаяся промышленность великаго, мірового экономическаго значенія.

Др. Вермланъ.

Трондьемъ, 18 февраля 1909.

Глубокоуважаемый господинъ Беле!

Мы съ женою очень обрадовались, получивъ снова вѣсточку о вашей семьѣ. Перспектива опять провести лѣто вмѣстѣ явилась для насъ пріятною неожиданностью. И мы, конечно, не заставимъ себя ждать.

А теперь постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ.

Отношеніе очевиднаго большинства нашего парламента къ вопросамъ водяного права не трудно изложить. Однако, для иностранца , можетъ быть, не сразу понятны покажутся тутъ внутренніе мотивы.

Радикальное, довольно значительное, меньшинство требуетъ, чтобы впредь частнымъ лицамъ вообще была воспрещена эксплуатація водяныхъ силъ.

Не такъ далеко заходитъ второе, также значительное, меньшинство. Оно признаетъ, что водяныя силы наши представляютъ наше драгоцѣннѣйшее экономическое достояніе. Но оно полагаетъ, что государство не обладаетъ необходимою инищіативою, не располагаетъ необходимыми органами, не имѣетъ навыковъ для того, чтобы превратить въ возможно болѣе короткій срокъ мертвый капиталъ нашихъ промышленныхъ возможностей въ живую развивающуюся силу. Поэтому оно того мнѣнія, что эксплуатацію тутъ нужно предоставить частному капиталу, однако лишь при извѣстныхъ гарантіяхъ.

Оба эти теченія существовали еще въ 1906 г., и такъ какъ радикалы поняли, что политика—это искусство достижимаго, то они голосовали тогда за такъ называемый временный законъ, который въ сущности означаетъ ограниченіе права свободнаго пріобрѣтенія водяныхъ силъ.

Все вышесказанное касается всякаго капиталиста, норвежецъ ли онъ или иностранецъ, безразлично. Но остріе обѣихъ этихъ группъ направлено противъ иностраннаго капитала. Обѣ онѣ того мнѣнія, что его слѣдуетъ держать по возможности подальше. При своеобразной организаціи капитала, это, впрочемъ, легче сказать, чѣмъ сдѣлать. И временный законъ несомнѣнно даже облегчилъ въ одномъ отношеніи работу иностраннаго капитала. Если раньше правле-

ніе норвежскаго акціонернаго общества (а только такія и концессіонировались) должно было сплошь состоять изъ норвежцевъ, то теперь, по временному закону, требуется, чтобы въ такихъ коммерческихъ обществахъ норвежцевъ было лишь большинство. Такую уступку иностранцамъ сочли нужнымъ сдѣлать въ виду того, что были уничтожены покупки на вѣчныя времена (разумѣется, лишь для новыхъ обществъ), и что для продажи кромѣ того необходима стала концессія. Дѣло въ томъ, что въ противность ходячимъ утвержденіямъ, здѣсь нѣтъ ненависти къ иностранцамъ, а вся суть тутъ въ исторически сложившихся взглядахъ.

До 14-го столѣтія Норвегія была однимъ изъ самыхъ могущественныхъ и торговыхъ государствъ Европы. Гражданскія войны и безконечныя внутреннія распри подорвали ея силу. Роковыя династическія связи сдѣлали свое, и такимъ образомъ произошла четырехсотлѣтняя унія съ Даніей. Въ это время рѣшающимъ вліяніемъ въ странѣ пользовались лишь датскіе торговые люди. Правительство было въ Копенгагенѣ. Для него Норвегія была лишь своего рода колоніей. Не диво, что страна все бѣднѣла и бѣднѣла.

Въ 1814 г. наступило желанное отдѣленіе отъ Даніи. Но самостоятельности, къ которой стремились лучшіе люди въ нашей странѣ, снова помѣшала унія со Швеціей. И только въ 1905 г. мы, наконецъ-то, добились самостоятельности.

Одной изъ замѣчательныхъ «случайностей» въ исторіи былъ тотъ фактъ, что какъ разъ въ это же время зародилась и наша селитряная промышленность, и одновременно же съ этимъ одна иностранная финансовая группа въ колоссальномъ количествѣ скупила наши водяныя силы.

Вслѣдствіе этого большинство нашего народа стало опасаться, какъ бы не попасть въ новую экономическую кабалу.

Перенеситесь въ эти чувства и настроенія, и вы поймете все, что было сдѣлано для того, чтобы избѣжать этой новой зависимости. Поймете также и то, что для многихъ еще недостаточно того, что сдѣлано.

Внезапнаго промышленнаго развитія здѣсь именно и не хотятъ, такъ какъ оно могло бы произойти лишь за счетъ первостепеннѣйшихъ національныхъ благъ. Но, разумѣется, иностранный капиталъ сможетъ безпрепятственно соединиться съ норвежскимъ. Во всякомъ случаѣ, создавшееся положеніе, мнѣ кажется, не затрагиваетъ вашихъ интересовъ, такъ какъ условія, на которыхъ вы вложили деньги въ здѣшнія предпріятія, не могутъ быть измѣнены никакимъ законодательствомъ. Потому что подобнаго рода законы никогда не могутъ имѣть обратнаго дѣйствія, хотя бы уже изъ же-

ланія избѣгнуть осложненій съ заграницей. Это замѣчаніе остается въ силѣ даже и для того невѣроятнаго случая, если бы въ ближайшемъ стортингѣ верхъ взяло самое радикальное мнѣніе.

Ожидаемый въ эту осень окончательный текстъ, стало быть, не принесетъ съ собою усиленія строгости закона. Самое большее, это если, въ видѣ уступки радикаламъ, будетъ рѣшено устроить государственную гидравлическую станцію.

Надѣюсь, что сказанное удовлетворитъ васъ, и буду радъ, если намъ доведется этимъ лѣтомъ побесѣдовать объ этихъ чрезвычайно важныхъ и интересныхъ вещахъ.

Съ сердечнымъ привѣтомъ отъ жены и отъ меня всей вашей семьѣ.

Преданный Вамъ
Др. Вермланъ.

Т. Б. Сорельсенъ. Христіанія, 18 февраля 1909.
Financing.

Въ Торгово-промышленный банкъ
Берлинъ.

Въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ 14-го февраля сообщаемъ, что съ удовольствіемъ прочли о принципіальномъ согласіи вашемъ на наше предложеніе, сдѣланное вамъ 2-го февраля. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить вамъ подробнаго плана дѣйствій, пока намъ неизвѣстно болѣе обстоятельно, что предлагаете намъ вы въ смыслѣ совмѣстной дѣятельности.

Въ надеждѣ на скорый отвѣтъ отъ господина коммерціи совѣтника Беле лично

Съ глубокимъ почтеніемъ
Сорельсенъ.

21. 2. 9.

Въ Финансовый банкъ Т. Б. Сорельсена.
Христіанія.

Мой личный секретарь, Др. Вальтеръ Франкенъ сегодня вечеромъ выѣзжаетъ изъ Берлина въ Христіанію. Онъ уполномоченъ вести съ вами переговоры по вопросу, затронутому вами въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, и сдѣлать вамъ, по моему порученію, опредѣленныя предложенія. Прошу отнестись къ нему съ тѣмъ же довѣріемъ, какое вы оказали бы мнѣ лично.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
Г. Беле.

Христіанія, 25. 2. 9.

Господину Генриху Беле

Торгово-промышленный банкъ

Берлинъ.

Глубокоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Въ приложеніи посылаю вамъ подробный отчетъ о моихъ переговорахъ съ Т. Б. Сорельсеномъ, который произвелъ на меня впечатлѣніе ловкаго и дѣльнаго коммерсанта.

Нельзя не признать, однако, что узость экономическихъ горизонтовъ этой страны невыгодно отразилась на энергіи и рѣшимости ея дѣловыхъ людей. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь въ кратчайшій срокъ достичь намѣченной вами цѣли.

Прошу васъ подтвердить Сорельсену условленные мною съ нимъ пункты соглашенія.

Съ почтительнымъ привѣтомъ
Др. Вальтеръ Франкенъ.

1-ый отчетъ.

Въ первый свой визитъ, 23-го февраля, нижеподписавшійся сообщилъ г. Т. Б. Сорельсену, что Торгово-промышленный банкъ въ Берлинѣ желалъ бы начать операціи съ норвежскими водяными бумагами въ сотрудничествѣ и черезъ посредство его учрежденія.

Какъ было предусмотрѣно, я завелъ затѣмъ разговоръ о предстоящемъ съѣздѣ N. H. A. Господинъ Сорельсенъ, казалось, былъ нѣсколько изумленъ, что мы уже имѣемъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, и замѣтилъ, что время съѣзда еще не установлено. На это я ему возразилъ, что съѣздъ назначенъ на послѣ Троицы, и прибавилъ, что, по нашему мнѣнію, пониженіе начнется въ день объявленія порядка дня съѣзда. Съ этимъ онъ согласился. Согласились мы также и насчетъ того, что съ этого дня слѣдуетъ начать осторожно поддерживать пониженіе продажею большихъ количествъ акцій. Однако, я не могъ убѣдить его, что наисильнѣйшій ударъ нужно нанести на другой день послѣ общаго собранія. По его мнѣнію, нельзя знать, каковы будутъ пренія и какое впечатлѣніе они произведутъ.

Повидимому, онъ не особенный любитель дѣйствій, разсчитанныхъ на большой срокъ, какъ я могъ замѣтить по его опасенію, къ которому онъ все время возвращался, что акціи, молъ, могутъ быстро оправиться. Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось лишь сослаться на то, что, по соображеніямъ внутренняго характера, мы не можемъ начать продажи до общаго собранія.

Затѣмъ онъ справился относительно количества акцій,

которое мы собираемся пустить въ эту операцію, и когда я назвалъ указанное вами число, онъ видимо былъ удовлетворенъ. Въ концѣ концовъ мы согласились на томъ, что начиная со дня объявленія о созывѣ общаго собранія, — что произойдетъ по всей вѣроятности въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, — онъ станетъ поддерживать начавшееся паденіе курса продажею имѣющихся у него акцій. И кліентамъ своимъ, изъ тѣхъ, кого слѣдуетъ принять въ расчетъ, онъ также будетъ совѣтовать продавать. А наши акціи будутъ en bloc выброшены на рынокъ послѣ общаго собранія. Такимъ путемъ надѣемся мы вызвать паденіе курса бумагъ и старѣйшихъ привиллегированныхъ обществъ. Такимъ образомъ будетъ создана возможность очень выгодной скупки акцій этихъ предпріятій въ широчайшихъ размѣрахъ. А эти бумаги, вѣдь, никогда не могутъ потерять своей внутренней цѣнности.

Г. Сорельсенъ подкрѣпилъ вѣскими соображеніями свое мнѣніе, что осенній стортингъ не принесетъ усиленія строгости закона, такъ что новое рѣшительное повышеніе начнется уже послѣ перваго чтенія. Стало быть, наши новыя покупки должны быть закончены къ этому сроку, такъ какъ чрезвычайно высокая ихъ прибыльность, можно ожидать, скажется уже къ ближайшей выдачѣ дивидендовъ.

Я завелъ разговоръ и о возможномъ учрежденіи государственной гидравлической станціи. По его мнѣнію, не исключена и такая возможность, что будетъ рѣшено соорудить ее, но онъ не думаетъ, чтобы это оказало замѣтное вліяніе на операціи, о которыхъ шла рѣчь. Онъ утверждаетъ, что не имѣетъ свѣдѣній относительно мѣста, въ которомъ предположено устройство государственной станціи.

На его вопросъ, собираемся ли мы купить на много больше акцій, чѣмъ продадимъ, я отвѣтилъ, что можетъ быть и да, что это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Др. Франкенъ.

27. 2. 9.

Въ Финансовый банкъ Т. Б. Сорельсена.

Христіанія.

Нашъ представитель г. Др. Франкенъ прислалъ намъ отчетъ о состоявшемся у васъ съ нимъ соглашеніи. По полученіи дальнѣйшихъ его отчетовъ мы пришлемъ вамъ

обстоятельное подтвержденіе отдѣльныхъ пунктовъ соглашенія.

Честь имѣемъ кланяться.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
Торгово-промышленный банкъ
р. ра. І. Бертрамъ.

Христіанія, 26. 2. 9.

Глубокоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Мой сегодняшній отчетъ коротокъ. Сегодня послѣ обѣда въ здѣшнемъ бюро Norsk Hydr kemisk A. S. я познакомился съ главнымъ директоромъ его г. Бьярнсеномъ. Я передалъ ему поклонъ отъ васъ. Затѣмъ мы заговорили о положеніи водяной промышленности. Я сказалъ ему, что мы немного встревожены тѣмъ обстоятельствомъ, что норвежское государство очевидно собирается основать свою гидравлическую станцію. По его мнѣнію, это хотя и вѣроятно, однако же не достовѣрно. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ указать, что норвежское правительство обезпечило за собою всѣ водяныя силы въ рѣчной области Нумендольслагенъ. Но если бы даже, по рѣшенію стортинга, тамъ и начали строить станцію, это нисколько не отразилось бы на развитіи его собственнаго предпріятія. Это предложеніе онъ подкрѣпилъ очень вѣскими соображеніями.

Въ заключеніе я спросилъ, воспользовалось ли правительство для обезпеченія за собою этой рѣчной области услугами иностранныхъ финансовыхъ институтовъ. По его мнѣнію, это совершенно невѣроятно, и онъ полагаетъ, что права предпочтительной покупки обезпечили за собою, по порученію правительства, крупнѣйшіе норвежскіе банки.

Съ почтительнымъ привѣтомъ
Др. Вальтеръ Франкенъ.

Христіанія, 27. 2. 9.

Глубокоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Въ приложеніи вы найдете мой третій отчетъ о моей здѣшней дѣятельности.

Если по телеграфу не получу другихъ инструкцій, то 1-го марта вечеромъ выѣду обратно.

Преданный Вамъ
Др. Вальтеръ Франкенъ.

Христіанія, 27. 2. 9.

3-й отчетъ.

Сегодняшніе переговоры нижеподписавшагося представителя берлинскаго Торгово-промышленнаго банка съ директоромъ Финансоваго банка Т. Б. Сорельсеномъ въ Христіаніи можно раздѣлить на три части.

Въ первой стадіи было еще разъ обсуждено и дополнено подробностями позавчерашнее соглашеніе. При этомъ нельзя было не замѣтить, что каждая сторона подозрѣвала другую, что та не договариваетъ и не вполнѣ раскрываетъ свои планы. Было ясно, что на этой почвѣ нельзя было достигнуть необходимаго для дальнѣйшихъ переговоровъ взаимнаго довѣрія.

Поэтому я оставилъ ее и сообщилъ г. Сорельсену, что намъ желательно было бы его посредничество не только для игры на разницу, но что главное для насъ это пріобрѣтеніе правъ на водяную энергію и учредительство. Онъ, понятно, сейчасъ же сообразилъ, какія широкія перспективы открылись бы въ виду этого для дѣловыхъ связей между нами и имъ. Это можно было замѣтить по извѣстному оживленію и болѣе теплому тону его дальнѣйшихъ рѣчей. Правда, онъ съ самаго начала подчеркнулъ, что въ настоящее время онъ черезчуръ ангажированъ. (Судя по этому, можно предположить, что онъ принадлежитъ къ числу избранныхъ, къ которымъ обратилось правительство). Но онъ прибавилъ, что, хотя на первыхъ порахъ онъ сумѣлъ бы лишь очень немного сдѣлать на собственный счетъ, онъ готовъ все-таки насколько возможно идти въ ногу съ нами.

Затѣмъ я поставилъ вопросъ, не приходило ли ему въ голову, что можно усилить его предпріятіе при помощи иностраннаго капитала. И тутъ мы вступили въ третью и важнѣйшую стадію нашихъ переговоровъ.

Онъ отвѣтилъ прежде всего встрѣчнымъ вопросомъ, имѣютъ ли мои слова какую-нибудь связь съ моей миссіей. На это я отвѣтилъ, разумѣется, утвердительно. Тогда онъ сказалъ, что и въ самомъ дѣлѣ въ Норвегіи нѣтъ финансоваго института, въ достаточной мѣрѣ располагающаго средствами для того, чтобы планомѣрно поддерживать развивающуюся промышленность. Это, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе печально, что норвежскій эмиссіонный банкъ, разумѣется, могъ бы способствовать помѣщенію иностраннаго капитала такъ, чтобы это наименѣе бросалось въ глаза. Затѣмъ онъ остановился еще на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, на которыя уже раньше обратилъ мое вниманіе господинъ коммерціи совѣтникъ Беле. Признавая необходимость силь-

наго капиталомъ банка, онъ ни словомъ однако не обмолвился, желаетъ ли онъ самъ приложить руку къ такого рода предпріятію. Тогда я поставилъ вопросъ напрямикъ, взвѣшивалъ ли онъ уже какъ нибудь въ умѣ возможность превращенія своего финансоваго института въ акціонерное общество. На это г. Сорельсенъ замѣтилъ:

«Могущія получиться при этомъ выгоды всегда представлялись мнѣ доводами весьма малой притягательной силы».

Я отвѣтилъ, что я являюсь носителемъ предложенія, выгоды котораго нельзя подвергнуть никакому сомнѣнію. Когда онъ спросилъ о подробностяхъ, я прочелъ ему слѣдующія, выработанныя на основаніи инструкцій господина Беле предложенія:

1. Финансовый банкъ Т. Б. Сорельсена, отвѣчая всѣмъ своимъ активомъ и пассивомъ, беретъ на себя иниціативу учрежденія концерна норвежскихъ банковъ и капиталистовъ; задачей этого концерна является созданіе акціонернаго финансоваго банка съ капиталомъ въ 30 милліоновъ марокъ.

2. Берлинскій Торгово-промышленный банкъ или спеціально ad hoc основанный имъ филіальный банкъ участвуетъ въ новомъ норвежскомъ финансовомъ институтѣ капиталомъ также на 30 милліоновъ марокъ.

3. Главнымъ директоромъ новаго банка становится г. Т. Б. Сорельсенъ. Онъ же назначаетъ и четвертаго директора. Второй и третій директора назначаются берлинскимъ Т.-п. б. Составъ контрольнаго совѣта опредѣляется на тѣхъ же началахъ.

4. Какъ только г. Сорельсенъ согласится на эти условія, Торгово-промышленный банкъ въ Берлинѣ выплачиваетъ Финансовому банку г. Сорельсена 15 милліоновъ марокъ для обезпеченія правъ на водяную силу и т. п.

5. За эту сумму Торгово-промышленный банкъ получаетъ на 17 милліоновъ марокъ акцій новаго предпріятія при основаніи его. Остальныя 13 милліоновъ марокъ Торгово-промышленной банкъ вноситъ норвежскими водяными бумагами по курсу того дня, когда совершается платежъ. Господинъ Т. Б. Сорельсенъ въ свою очередь получаетъ акцій на сумму, превышающую на 20% активъ его банка.

Когда я выяснилъ еще нѣкоторыя подробности, г. Сорельсенъ заявилъ, что предложенія эти могутъ лечь въ основу обсужденія и попросилъ, чтобы я изложилъ ихъ для него письменно. Кромѣ того онъ попросилъ дать ему вось-

миdневный срокъ для отвѣта. Я согласился и на то, и на другое.

Въ заключеніе онъ разсыпался въ увѣреніяхъ своего уваженія и готовности своей сдѣлать все, что въ его силахъ, для того, чтобы наладить дѣло къ осуществленію.

У меня получилось впечатлѣніе, что г. Сорельсенъ относится къ намъ съ полнымъ довѣріемъ, и что можно положиться на его молчаніе. А предложеніе наше, мнѣ кажется, представляется ему очень заманчивымъ. Однако, вѣроятно, ему придется встрѣтиться съ серьезными затрудненіями, когда онъ возьмется за то, чтобы заинтересовать въ предпріятіи норвежскихъ капиталистовъ на требуемую сумму.

Др. Вальтеръ Франкенъ.

1 марта 1909.

Въ Финансовый банкъ Т. Б. Сорельсена.

Христіанія.

Отъ нашего представителя г. Др. Франкена мы получили сообщеніе о ходѣ переговоровъ 27-го прошлаго мѣсяца. По истеченіи условленнаго срока, пожалуйста, извѣстите насъ телеграммой, согласны ли вы продолжать переговоры. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта г. Беле лично пріѣдетъ въ Христіанію.

Честь имѣемъ кланяться.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
Торгово-промышленный банкъ
p. pa. I. Бертрамъ.

Христіанія, 1 марта 1909.

Norwegian Hydroelectric-Association.

Милостивый Государь!

Создавшееся у насъ въ Норвегіи политическое положеніе,—стремленіе затруднить или сдѣлать совсѣмъ невозможною дѣятельность иностраннаго и вообще частнаго капитала, — требуютъ отъ насъ особенныхъ мѣръ. Поэтому мы созываемъ чрезвычайное общее собраніе. Единственнымъ пунктомъ порядка дня будетъ:

Наше отношеніе къ направленному противъ иностранцевъ движенію и къ осенней сессіи стортинга.

Въ качествѣ члена контрольнаго совѣта Norsk Hydrokemisk A. S Вы, надѣемся, не преминете принять участіе въ

засѣданіяхъ нашего собранія. Они состоятся 4-го іюня въ помѣщеніяхъ гостиницы «Викторія» въ Христіаніи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Норвежскій союзъ для эксплуатаціи водяной силы

Генрихъ Далькиркъ.

Телеграфъ Германской Имперіи.

Торгово-промышленный банкъ.

Берлинъ.

Готовъ вести переговоры на данной основѣ.

Сорельсенъ.

Христіанія, 15. 4. 1909.

Глубокоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Сегодня мой срокъ, и я посылаю Вамъ первый отчетъ о моей новой дѣятельности.

Въ дѣловомъ содержаніи его не нашлось мѣста для выраженія моей благодарности за то, что Вы призвали меня на это мѣсто, такое отвѣтственное и столь удовлетворяющее меня.

Изъ всѣхъ силъ своихъ буду я стараться оправдать Ваше довѣріе.

Весь вашъ

Д-ръ Франкенъ.

Отчетъ 15. IV. 9.

(Съ тремя приложеніями).

Насколько это допускалось условіями моего положенія, я ознакомился ближе съ дѣлами банкирскаго дома Сорельсена. Мое мнѣніе о немъ попрежнему хорошее. Я работаю ежедневно по нѣскольку часовъ въ кабинетѣ г. Сорельсена. Выгодное впечатлѣніе, составившееся у меня при этомъ, подтверждается и всѣми наблюденіями надъ дѣловой жизнью этого предпріятія. За двѣ недѣли моей здѣшней дѣятельности я не замѣтилъ ничего такого, что могло бы побудить къ пересмотру нашего соглашенія съ этой фирмой. Мое нѣсколько запоздалое, въ виду моего возраста, «волонтерство» объясняется передъ служащими понятнымъ у нѣмца желаніемъ изучить и еще одинъ иностранный языкъ. А что г. Сорельсенъ удѣляетъ мнѣ много вниманія, это находитъ свое объясненіе въ томъ, что онъ де связанъ дѣловыми отношеніями съ моими родными. А затѣмъ моему

сближенію со многими изъ служащихъ много способствуетъ мой (между прочимъ, отнюдь не притворный) интересъ къ лингвистикѣ. Благодаря этому, у меня есть легкая возможность быстро ознакомиться съ норвежскими дѣлами. Учебниками, поскольку они нужны, служатъ газеты, которыя я изучаю при помощи одного служащаго, прекрасно говорящаго по-нѣмецки. И я уже въ состояніи приложить къ этому отчету выдержки изъ руководящихъ здѣшнихъ газетъ на интересующую насъ тему. Къ характеристикѣ этихъ газетъ замѣчу: «Aftenposten» («Вечерняя почта») относится дружественно къ правительству. Ея статьи на темы о водяной энергіи считаются инспирированными и офиціозными. «Dagbladet» («Дневникъ») органъ умѣренно-либеральный, его позиція въ настоящее время не особенно ясна. Программа «Соціалъ-Демократа» въ названіи. Мои выдержки сдѣланы изъ этихъ трехъ газетъ. Радикально-либеральная пресса еще молчитъ — можетъ быть, изъ тактическихъ соображеній — по этому вопросу, тогда какъ другія газеты много занимаются имъ. Руководящимъ органомъ въ радикально-либеральномъ лагерѣ являются «Norske Intelligent Sedler» («Записки норвежской интеллигенціи»). Какъ и три вышеназванныя, тоже столичная газета. Вліяніемъ пользуется также издающаяся въ Трондхеймѣ «Folketidende» («Народная Газета»), — органъ доктора Вермлана.

Г. Сорельсенъ также того мнѣнія, что достаточно слѣдить за этими пятью газетами, чтобы знать, чего хотятъ различныя партіи.

Къ вышесказанному мнѣ оставалось бы прибавить еще отчетъ объ операціяхъ Сорельсеновскаго банка, но объ этомъ уже извѣстно «Торгово-Промышленному банку», да къ тому же движеніе водяныхъ и т. п. бумагъ на самыхъ различныхъ рынкахъ Норвегіи и заграницей происходитъ соотвѣтственно условленному плану, а г. Сорельсенъ добросовѣстно держится этого плана.

Д-ръ Франкенъ.

Изъ номера «Соціалъ-Демократа» отъ 4-го апрѣля 1909.

Намъ уже давно было извѣстно, что являющійся исполнительнымъ органомъ международнаго капитала въ Норвегіи Норвежскій Союзъ для эксплоатаціи водяной силы готовится къ рѣшительному нападенію на права трудящагося люда. Господамъ этимъ, разумѣется, чрезвычайно непріятно, что норвежскій рабочій, подобно своимъ братьямъ заграницей, начинаетъ видѣть, кто такой тотъ тиранъ — (и т. д.).

Однако, даже зная нашихъ враговъ, мы не предполагали, чтобы столь безсильнымъ и неудачнымъ оказался ихъ такъ давно и тщательно подготовлявшійся ударъ. Они собираютъ чрезвычайное общее собраніе для того, чтобы заявить о своемъ отношеніи къ намъ. Это значитъ, что они еще будутъ искать средства для борьбы съ нами. Они еще будутъ говорить «сильныя капиталомъ» рѣчи, они еще будутъ строить планы. Мы рады, что Норвежскій Водяной Союзъ публично признаетъ нашу силу. Потому что мы уже давно знаемъ, чего мы хотимъ. Норвежскій пролетарій знаетъ ясно и рѣзко намѣченный маршрутъ народнаго благосостоянія. Наши водяныя силы народу, обществу трудящихся, у которыхъ отняты были орудія производства! Отъ этихъ требованій насъ не заставятъ отказаться ихъ общія собранія. Насъ не смутитъ то, что они открываютъ свой денежный шкафъ для борьбы съ нами. Делегаты международнаго капитала не сумѣютъ остановить нашего побѣдоносснаго движенія впередъ и т. д.

«Dagbladet» отъ 7. 4. 9.

Характернымъ для нашего, «соскочившаго съ рельсъ», времени является тотъ фактъ, что піонерамъ экономическаго развитія приходится готовиться къ оборонѣ, чтобы отстоять миръ со своими рабочими, въ то время, какъ, съ другой стороны, смутьяны заимствуютъ новые импульсы для нападенія именно изъ этого факта обороны.

Только такими словами и можно вкратцѣ охарактеризовать создавшееся у насъ положеніе, когда экономическому слѣдопыту въ нашей странѣ, Норвежскому Союзу для эксплоатаціи водяной силы (Norwegian Hydroelectric Association), приходится созывать оборонительное собраніе противъ политическихъ происковъ людей, которымъ хотѣлось бы заставить весь нашъ народъ глядѣть сквозь красные, преднамѣренно фальшиво отшлифованные, партійные очки. И все, разумѣется, во имя народнаго блага! Потому что жажда власти, проявляемая нѣсколькими злопыхательными честолюбцами: это, видите ли, лишь злостная выдумка буржуазныхъ круговъ. Оборонительное собраніе вызываетъ благородный гнѣвъ мѣстнаго соціалъ-демократическаго органа, и, въ своей наивной вѣрѣ въ дѣйствіе и силу избитыхъ фразъ, онъ пытается «просвѣтить» народъ.

Очевидно, соціалъ-демократы (или, какъ они безвкусно любятъ себя величать, въ разсчетѣ на нездоровую сентиментальность: организованный международный «пролета-

ріатъ») сами хотятъ взяться за эксплоатацію нашего величайшаго народнаго богатства.

Мы уже неоднократно допытывались у нихъ, каковъ же ихъ рецептъ. Вѣдь нельзя же замѣнить машины, техническое оборудованіе, оборотный капиталъ трескучими фразами инженеровъ. И покуда они не предъявятъ своего рецепта,—а съ этимъ они очень и очень не спѣшатъ, —намъ приходится снова и снова предостерегать всѣхъ противъ этихъ опаснѣйшихъ шарлатановъ на рынкѣ общественной жизни.

Вообще же наша точка зрѣнія та, что грандіозныя экономическія возможности нашей страны должны развиваться цѣлесообразно и планомѣрно, и что не слѣдуетъ при этомъ преграждать путей частному капиталу и частному почину въ ихъ полезной культурной работѣ. Только съ ихъ помощью и можно сдѣлать нашу страну тѣмъ факторомъ міроваго хозяйства, какимъ, по нашему убѣжденію, она должна стать.

«Aftenposten» отъ 12. 4. 9.

Газеты различныхъ направленій много занимаются въ настоящее время созывомъ чрезвычайнаго общаго собранія Норвежскаго Союза для эксплоатаціи водяной силы. Мы узнали изъ надежнаго, по нашему мнѣнію, источника, что было бы ошибочно полагать, будто рѣшенія этого, — имѣющаго, впрочемъ, большія заслуги въ нашей экономической жизни, — союза могутъ повліять на поведеніе правительства въ этомъ вопросѣ. Въ рѣшающихъ сферахъ, очевидно, попрежнему живо стремленіе, въ виду отраднаго развитія нашей водяной индустріи, блюсти интересы государства въ смыслѣ временнаго закона 1906 года. Сдѣланы уже, конечно, шаги для того, чтобы обезпечить государству въ самомъ союзѣ вліяніе, основанное не исключительно на мѣрахъ законодательнаго характера.

Господину инженеру Б. Рюдизюлю.

Цюрихъ. Seestrasse, 46.

17. 4. 1909.

Мы прочли въ «Reichsanzeiger'ѣ» объявленіе о вашемъ патентѣ на «Новый способъ электроплавленія желѣза». Нашъ директоръ, г. коммерціи совѣтникъ Беле, съ большимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми открытіями въ этой области,

и мы рекомендуемъ вамъ вступить въ переговоры съ нимъ по поводу вашего изобрѣтенія.

Съ почтеніемъ
Торговопромышленный банкъ
I. Бертрамъ

Б. Рюдизюль, электро-инженеръ.

Въ Торговопромышленный банкъ.

Берлинъ.

Цюрихъ, 18. 4. 1909.

Ваше письмо отъ 17 я получилъ. Утромъ 20 въ 11 часовъ буду въ вашемъ бюро для переговоровъ.

Съ почтеніемъ
Б. Рюдизюль.

21. 4. 9.

Господину Юрисконсульту Патентнаго бюро
Д-ру Штейнвегу.

Здѣсь.
Anhalter str. 125.

Податель сего письма, электро-инженеръ Рюдизюль, поручитъ Вамъ заявить его изобрѣтеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ, въ которыхъ онъ еще не получилъ патента.

Издержки мы беремъ на себя и просимъ Васъ устроить это дѣло въ скорѣйшій срокъ.

Съ почтеніемъ
Торгово-промышленный банкъ
Генрихъ Беле.

21. 4. 9.

Господину Д-ру Франкену.

Христіанія.
Karl Iohansgade 23.

Многоуважаемый господинъ докторъ!

Вчера при отъѣздѣ г. коммерціи совѣтникъ Беле просилъ меня поблагодарить Васъ за Ваше послѣднее письмо и передать Вамъ его сердечный привѣтъ. На-дняхъ къ Вамъ заѣдетъ инженеръ Рюдизюль со спеціальнымъ порученіемъ отъ г. Беле изучить тѣ потоки, на которые г. Сорельсенъ

указалъ, какъ на особенно пригодные для эксплоатаціи. Г. Беле проситъ Васъ оказать всяческое содѣйствіе г. Рюдизюлю.

Честь имѣю кланяться Вамъ

I. Бертрамъ.

Господину Д-ру Франкену.

Цюрихъ, 22. 4. 9.

Христіанія.
Karl Iohansgade 23.

Уважаемый господинъ докторъ!

Вы, вѣроятно, уже успѣли получить за это время извѣщеніе отъ г. Бертрама. Ваши газетныя выдержки я прочелъ съ живымъ интересомъ. Въ свое время я уже говорилъ съ г. Сорельсеномъ по вопросу о надежной прессѣ. «Dagbladet» представляется мнѣ по многимъ соображеніямъ заслуживающимъ вниманія. Я считалъ бы цѣлесообразнымъ употребить соотвѣтствующую сумму изъ вносимыхъ нами 1-го мая капиталовъ на (оздоровленіе или на) расширеніе этой газеты. Въ случаѣ нужды, слѣдовало бы произвести и смѣну редакціи. Вы подыщете, конечно, человѣка, который сумѣлъ бы переводить составленныя Вами статьи на ясный и живой норвежскій языкъ.

Посовѣтуйте молодому норвежцу, который бѣгло говоритъ по-нѣмецки, обратиться въ нашъ берлинскій банкъ съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ корреспондента.

Съ сердечнымъ привѣтомъ
Вашъ
Генрихъ Беле.

Т. Б. Сорельсенъ Financing.

Въ Торгово-промышленный банкъ

Берлинъ. Христіанія, 26. 4. 9.

Сегодня съ удовольствіемъ могу сообщить Вамъ, что мнѣ удалось залучить въ достаточномъ числѣ здѣшнихъ банкировъ и финансовыхъ тузовъ для новаго «Норвежскаго Финансоваго банка» («Norske Finance Bank»). Мы вчера изготовили и подписали договоръ на условіяхъ, о которыхъ я лично сговорился съ г. Беле. Новый банкъ, стало быть, можетъ быть открытъ въ любой моментъ ближайшей сессіи

стортинга. Участвующіе капиталисты обязались подписать на себя требуемое количество акцій, тогда какъ я войду въ свое предпріятіе показанной г. Беле суммой капитала моего банкирскаго дома. Четвертымъ директоромъ мы предполагаемъ избрать племянника министра Лунстрема, господина Ларса Стергарда.

Будьте добры, по полученіи сообщенія отъ г. Франкена, сдѣлайте, согласно условію, все необходимое для развитія нашего дѣла.

Съ глубокимъ почтеніемъ
Т. Б. Сорельсенъ.

Д-ръ Франкенъ.

Христіанія, 28. 4. 9.
Karl Iohansgade.

Глубокоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Такъ какъ къ 1-му наступающаго мѣсяца предположенъ нашъ взносъ въ банкирскій домъ Сорельсена, то я тороплюсь съ отсылкою отчета, чтобы онъ получился въ Берлинѣ до этого числа.

Какъ уже сообщалъ г. Сорельсенъ, на прошлой недѣлѣ состоялось учрежденіе финансоваго концерна, который долженъ явиться основой для новаго норвежскаго финансоваго банка. Участники обязались разобрать акціи такъ, что къ 1-му октября 1910 будетъ уплаченъ весь складочный капиталъ въ указанномъ Вами размѣрѣ. За Торгово-промышленный банкъ договоръ былъ подписанъ мною на основаніи даннаго мнѣ спеціальнаго полномочія и на условленную сумму. Такъ что теперь можно уплатить фирмѣ Сорельсена слѣдуемый отъ насъ взносъ.

Участіе въ «Dagbladet» обойдется благодаря умѣлымъ стараніямъ г. Сорельсена не больше, чѣмъ въ 120,000 марокъ. Израсходована эта сумма будетъ, главнымъ образомъ, на техническія улучшенія, которыя позволятъ увеличить форматъ и усилить тиражъ газеты. Однако, часть ея пойдетъ на пропаганду, обѣщающую выгодные для насъ результаты. Кромѣ того, какъ только мы найдемъ удобнымъ, начнетъ выходить два или три раза въ недѣлю экономическое приложеніе къ газетѣ—первое въ Норвегіи. Приложеніе это будетъ редактироваться у Сорельсена. Для того, чтобы выровнять экономическое и политическое направленіе газеты, будетъ образована особая комиссія при газетѣ, и въ ней рѣшающимъ будетъ голосъ правленія новаго банка. Будущій четвертый директоръ, г. Ларсъ Стер-

гардъ, владѣетъ бойкимъ перомъ и будетъ писать передовицы въ угодномъ намъ смыслѣ, или по Вашимъ и моимъ черновикамъ.

Торгово-промышленный банкъ, вѣроятно, уже получилъ письмо здѣшняго служащаго, г. Бранда, съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ корреспондента.

Прилагаю переводъ газетной статьи «Наша позиція», которая можетъ считаться программнымъ заявленіемъ радикально-либеральной партіи. Статья эта предлагаетъ особое обложеніе всѣхъ гидравлическихъ станцій, и ею было вызвано, такъ кстати для насъ, паденіе курса водяныхъ бумагъ.

Совершенно преданный Вамъ
Dr. Вальтеръ Франкенъ.

(1 приложеніе).

Изъ номера «Norske Intelligents Sedler» отъ 26-го апрѣля 1909.

Соотвѣтственно политическимъ направленіямъ, газеты нашей страны различно относятся къ предстоящему общему собранію «Норвежскаго союза для эксплоатаціи водяной силы». Судя по лежащей передъ нами повѣсткѣ, собраніе это должно заявить свое «отношеніе къ движенію противъ иностранцевъ и къ осенней сессіи стортинга».

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, можно ли здѣсь говорить о враждебномъ къ иностранцамъ движеніи, замѣтимъ, что мы не находимъ въ повѣсткѣ поводовъ для тревоги. Само собою понятно, что лица, заинтересованныя въ эксплоатаціи водяной силы, сдѣлаютъ все возможное, чтобы повліять на предстоящую сессію стортинга въ выгодномъ для себя смыслѣ. И противъ этого ничего нельзя возразить, пока это совершается законными средствами (а иначе въ нашей странѣ, пожалуй, и невозможно дѣйствовать). Ни одинъ либералъ не станетъ отрицать права каждаго гражданина отстаивать свои интересы.

Разумѣется, другой вопросъ, насколько согласуются интересы этихъ лицъ съ интересами всего общества. Кто, подобно намъ, признаетъ непригодною для разрѣшенія современныхъ экономическихъ задачъ старую манчестерскую формулу laissez faire, laissez passer, тотъ долженъ постоянно искать новыхъ путей, новыхъ методовъ. Но прежде всего онъ долженъ съ наибольшею ясностью поставить себѣ подлежащую разрѣшенію проблему: какимъ образомъ слѣдуетъ разрабатывать хозяйственно цѣнное благо, носящее

въ виду своей рѣдкости монопольный характеръ, такъ, чтобы общество не подверглось при этомъ раньше или позже монополистической эксплоатаціи? Если соціалъ-демократическій отвѣтъ гласитъ: «націонализація», то здѣсь не принято во вниманіе, что въ постановкѣ вопроса имѣется еще и вторая сторона. А именно, нужно поставить дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ слѣдуетъ разрабатывать это хозяйственное благо при соблюденіи всѣхъ интересовъ общества такъ, чтобы не исключалась частная предпріимчивость?

Потому что для свѣдущаго человѣка само собою ясно, что у насъ націонализація, передача въ руки государства, означаетъ по меньшей мѣрѣ замедленіе, если не остановку развитія. Во всякомъ случаѣ, у нашего «общества» или государства не имѣется никакихъ данныхъ для развитія эксплоатаціи нашихъ водяныхъ силъ. Это выяснилось уже много разъ и не нами одними, поэтому мы не станемъ больше останавливаться на этомъ.

Но если бы соотвѣтствующее политическому понятію «Норвегія» экономическое цѣлое даже и обладало способностями, необходимыми для того, чтобы заставить работать величайшіе въ мірѣ запасы водяной энергіи, доставивъ неизсякаемыя возможности для ихъ использованія,—даже и тогда мы остались бы противниками общественно-соціалистической формы ихъ организаціи. Мы не можемъ представить себѣ выключенной изъ общаго хода развитія стихійную энергію Цезарей и Наполеоновъ экономической жизни въ области, которая, можетъ быть, призвана измѣнить всю физіономію карты мірового хозяйства. Не можемъ мы представить себѣ, чтобы на мѣсто поразительно широкаго размаха, на мѣсто геніальныхъ завоеваній выступилъ духъ іерархической ограниченности, духъ административныхъ совѣщаній и соображеній. Въ конечномъ счетѣ для нашей страны получился бы значительный минусъ хозяйственнаго развитія и можетъ быть навсегда упущенъ былъ бы удобный случай поставить дѣло на широкую ногу.

Поэтому мы полагаемъ, что правильнымъ былъ и останется путь, на которомъ искалъ разрѣшенія вопроса временный законъ 1906 года. Съ тѣхъ поръ по тому же пути пошли различные кантоны Швейцаріи и великое герцогство Баденское. И у нихъ рѣшеніе до поры до времени гласитъ: «ограниченіе свободы концессій». Если черезъ 60—80 лѣтъ концессія вернется къ государству вмѣстѣ со всѣмъ оборудованіемъ предпріятія, тогда, конечно, въ иныхъ случаяхъ можетъ оказаться пригодною для казеннаго упра-

вленія хозяйственная новь, поднятая экономическими конквистадорами.

Но какъ какой-нибудь Кортецъ посылалъ корабли съ золотомъ своему королю, такъ и экономическіе завоеватели нашихъ водяныхъ силъ должны платить дань нашему народу.

Въ законодательномъ порядкѣ можно и должно обложить опредѣленнымъ налогомъ каждую лошадиную силу на всякой гидравлической станціи, не исключая и основанныхъ до 1906 года. У насъ это возможно точно такъ же, какъ и въ Швейцаріи, и въ Баденѣ. Тамъ это не помѣшало развитію эксплуатаціи водяной энергіи, не помѣшаетъ и у насъ, тѣмъ болѣе, что у насъ всѣ условія такъ благопріятны для этой индустріи. Чѣмъ для Пруссіи явились желѣзныя дороги, тѣмъ для нашей страны должны стать водяныя силы: резервуаромъ, изъ избытковъ котораго можетъ черпать государство и общество, такъ, чтобы благотворное дѣйствіе его чувствовалось и въ хижинѣ послѣдняго рабочаго, въ формѣ либеральной организаціи обложенія.

Въ ближайшую сессію стортинга задачей сильнѣйшей его фракціи — радикально-либеральной и демократической — будетъ провести эту мѣру, какъ дальнѣйшій шагъ на правильномъ пути къ разрѣшенію нашей важнѣйшей экономической проблемы.

30. 4. 9.

Франкену Сорельсенъ Financing.

Христіанія.

Всѣ дальнѣйшія заявленія радикально-либеральной прессы немедленно срочной телеграммой.

Беле.

Господину Dr. Франкену.

Христіанія. 30. 4. 1909.
Karl Iohansgade 23.

Дорогой г. Франкенъ!

Статью изъ Sedler Вамъ бы слѣдовало протелеграфировать. Положеніе становится оживленнымъ раньше, чѣмъ мы думали. Но, несмотря на это, теперь нужно продавать и понижать курсъ. Въ Dagbladet нужно помѣстить статью, въ которой вынужденно признать справедливость радикально-либеральнаго требованія обложенія и высказать предполо-

женіе, что и умѣренно-либеральная партія не откажется поддержать это требованіе. Черезъ день послѣ этого статью съ недвусмысленной защитой требованія, но и съ подсчетомъ суммъ, которыя придется выплатить, если каждая лошадиная сила будетъ обложена налогомъ въ одну крону. Показать ярко и наглядно вліяніе обложенія на дивидендъ. Словомъ, использовать статью изъ Sedler во всю. Что жъ, мы ничего не имѣемъ и противъ обложенія. Но ни слова о синдикатахъ продавцевъ! Объ этомъ, къ сожалѣнію, позаботятся другіе.

Мой адресъ 2-го и 3-го мая: Paris, Hotel Continental; съ 4-го мая: Лондонъ, Travellers' Club.

Вашъ

Генрихъ Беле.

Профессору Вейтбрехту.

Федеральный Политехникумъ.

Цюрихъ. 30. 4. 9.

Обоснованный отзывъ о рюдизюлевскомъ изобрѣтеніи долженъ быть присланъ ко 2 мая для нижеподписавшагося въ Парижъ, Hotel Continental.

Беле.

Господину Шарлю Бремонтье.

Парижъ.

30. 4. 9. Rue St. Honoré 37.

Милостивый Государь!

Вспоминая цѣнныя услуги, оказанныя Вами намъ при различныхъ финансовыхъ операціяхъ, мы желали бы снова воспользоваться Вашимъ содѣйствіемъ для одного очень спѣшнаго и выгоднаго дѣла. 2-го и 3-го наступающаго мѣсяца нашъ представитель г. Генрихъ Беле будетъ въ Парижѣ (Hotel Continental), чтобы переговорить съ руководящими дѣятелями французской Haute Finance.

Мы бы просили Васъ взять на себя организацію и всяческую подготовку этихъ переговоровъ. Мы надѣемся вскорѣ получить возможность удешевить на 20% добычу одного изъ важнѣйшихъ сырыхъ продуктовъ, притомъ

встрѣчающагося лишь въ ограниченномъ количествѣ. Изобрѣтеніе патентовано во всѣхъ культурныхъ государствахъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ

Торгово-промышленный банкъ

р. ра І. Бертрамъ.

Лондонъ.

Athenaeum Club.

Сэру Кларку Росселю.

30. 4. 1909.

Уважаемый другъ!

4-го мая я пріѣду утреннимъ экспрессомъ въ Лондонъ и остановлюсь въ Travellers' Club. Я былъ бы очень обрадованъ, если бы нашелъ тамъ разрѣшеніе посѣтить Васъ въ 10 утра того же дня.

Съ сердечнымъ привѣтомъ

преданный Вамъ

Генрихъ Беле.

Телеграфъ Германской Имперіи.

Торгово-промышленный банкъ

берлинъ.

номерѣ перваго мая folketidende статья вермлана... предложеніе Sedler пріемлемо и для демократическаго крыла партіи однако дополненіе... обложеніе водяной силы владѣльцамъ поводъ картельной политики цѣнъ... воспрепятствуетъ образованію картеля только крупная государственная гидравлическая станція она должна остаться outsider концѣ посланной статьи altenrest возвѣщается намѣреніе правительства основать государственную станцію... разоблачаются извѣстныя намъ подробности... радлибдемо партія одобряетъ планъ государства соціалъ-дем. также лучше приметъ достижимое... завтрашней биржѣ паденіе, ибо планъ государственной конкуренціи до сихъ поръ знали лишь посвященные

франкенъ.

2. 5. 9.

Франкену Сорельсену Financing. Христіанія.

До противоположнаго распоряженія продавать. Въ Dagbladet выступить противъ государственной гидравлической станціи.

Беле.

Лондонъ, 4. 5. 9.

Господину Др. Вальтеру Франкену.

Христіанія.
Karl Iohansgade

Дорогой г. Докторъ!

Если Вы не получите по телеграфу отмѣняющаго распоряженія со словами «Tunbridge Wells», то 7-го мая въ норвежскомъ «Соціалдемократѣ» должна быть помѣщена слѣдующая замѣтка (ея происхожденіе не должно стать извѣстно): «Какъ намъ сообщаютъ изъ-заграницы, однимъ швейцарскимъ инженеромъ изобрѣтенъ способъ, благодаря которому электроплавленіе желѣза будетъ обходиться на одну пятую дешевле. При томъ значеніи, которое можетъ имѣть это изобрѣтеніе для эксплоатаціи водяной силы и въ нашей странѣ, мы передаемъ это извѣстіе покамѣстъ безъ всякихъ комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что еще не могли провѣрить его».

Съ того утра, когда будетъ напечатана эта замѣтка (она появится не только въ норвежской газетѣ), мѣняется наша тактика на всѣхъ биржахъ: мы начинаемъ покупать, но такъ осторожно, чтобы не остановить пониженія курса. А 8-го мая въ «Dagbladet» должна появиться статья приблизительно такого содержанія:

«Освѣдомленныя газеты въ главнѣйшихъ центрахъ заграницей сообщаютъ подробности замѣчательнаго изобрѣтенія въ области электроплавленія желѣза. Изъ достовѣрнаго источника мы знаемъ, что уже нѣсколько времени тому назадъ изобрѣтателемъ былъ взятъ патентъ и для Норвегіи, — что, стало быть, нашъ патентный департаментъ не усомнился въ — теоретической — новизнѣ его способа. И вотъ вчера «Matin» опубликовалъ отзывъ Цюрихскаго политехническаго института, констатирующій несомнѣнную практическую цѣнность изобрѣтенія, которое удешевляетъ на 15-20% электроплавленіе желѣза.

Такъ какъ это извѣстіе и отзывъ были перепечатаны руководящими органами въ разныхъ странахъ безъ серьезныхъ критическихъ замѣчаній, то можно не сомнѣваться въ значеніи новаго изобрѣтенія. Однако прогрессъ и здѣсь имѣетъ свои «знаменитыя двѣ стороны». Съ одной стороны, мы, норвежцы, должны привѣтствовать новое средство, позволяющее съ еще большею выгодою использовать наши водяныя силы. Но, съ другой стороны, нужно спросить, кто является собственникомъ этого патента для Норвегіи. Что это не Норвежскій союзъ для эксплуатаціи водяной силы,—это доказывается почти катастрофическимъ паденіемъ курса водяныхъ акцій за послѣдніе дни. Будемъ надѣяться, что право примѣнять новое изобрѣтеніе въ Норвегіи обезпечило за собою правительство, которое вѣдь первое узнало о немъ черезъ департаментъ патентовъ. Если же оно этого не сдѣлало, то, по нашему мнѣнію, лишается своей силы главный аргументъ, который бы оно могло привести въ пользу учрежденія государственной гидравлической станціи».

Съ 9-го мая мы покупаемъ водяныя, все, что появится на рынкѣ. И при томъ на всѣхъ биржахъ. Стало быть, знайте, съ 9-го числа — всѣ покупатели, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ игроковъ, будутъ отъ насъ.

Мы будемъ покупать и дальше, когда курсъ окрѣпнетъ и начнетъ подыматься. Сорельсена Вы всѣми способами подгоняйте покупать, пока не получится отъ меня распоряженіе остановить покупки. Въ крайнемъ случаѣ, покупайте на собственный счетъ черезъ маклеровъ въ кредитъ на нашъ берлинскій банкъ.

Я остаюсь здѣсь до «послѣ битвъ». Адресъ на время биржи: Athenaeum Club

Вызовите Рюдизюля по телеграфу въ Христіанію и проштудируйте съ Сорельсеномъ его матеріалъ. Затѣмъ, немедленно же пріобрѣтите за счетъ новаго банка всѣ права предпочтительной покупки на водяныя силы, которыя Рюдизюль признаетъ первоклассными.

Съ сердечнымъ привѣтомъ

Г. Беле.

Ю. 5. 9.

Сорельсену Financing.

Христіанія.

Покупать и при подымающемся курсѣ, если понадобится, за мой счетъ.

Беле.

Берлинъ 12. 5. 9.

Господину Д-ру Франкену.

Христіанія.
Karl Iohansgade.

Многоуважаемый Господинъ Докторъ!

Сегодня вернулся г. Коммерціи Совѣтникъ Беле и проситъ передать Вамъ свое удовольствіе по поводу превосходнаго поведенія норвежской группы въ рѣшительные моменты кампаніи. Еще день или два мы будемъ выступать покупателями, хотя и съ большею сдержанностью, чѣмъ до сихъ поръ.

Господинъ Беле проситъ Васъ обратить вниманіе на права предпочтительной покупки, которыя обезпечило за собою — неофиціально, разумѣется? — норвежское государство черезъ посредство нѣкоторыхъ банковъ. Воспользуется ли и теперь, несмотря ни на что, государство этими правами? А съ другой стороны, въ виду совершенно измѣнившагося положенія, не будетъ ли легко убѣдить эти банки въ томъ, что уже не существуютъ предпосылки для ихъ операцій въ пользу государства? И, наконецъ, не будетъ ли довольно большинство норвежскаго народа, если окажется, что государство еще не стало собственникомъ водяной станціи, которая не сумѣла бы конкурировать съ располагающими лучшими способами производства частными предпріятіями?

Съ привѣтомъ
преданный Вамъ
I. Бертрамъ.

Господину Коммерціи Совѣтнику Генриху Беле.

Христіанія, 11-го мая 1909.

Берлинъ.
Аллея Королевъ.

Глубокоуважаемый господинъ Коммерціи Совѣтникъ!

Здѣшняя печать, разумѣется, удѣлила много вниманія событіямъ на биржѣ. Комментаріи стоящей внѣ нашего вліянія прессы были столь безпомощны и безсвязны, что не стоило и сообщать о нихъ. Но вчера вечеромъ въ Folketidende появилась статья, безъ сомнѣнія, Д-ра Вермлана, вождя демократическаго крыла. Я прилагаю ее въ переводѣ. Она, несомнѣнно, имѣетъ большое значеніе; и, однако, я ея не протелеграфировалъ, такъ какъ полное впечатлѣніе получается

лишь при буквальной передачѣ. Кромѣ того, тутъ и не требуется немедленнаго выступленія.

Затѣмъ я долженъ увѣдомить Васъ, что вчера, 10-го мая, въ банкѣ меня посѣтили господа Бьярнсенъ отъ Norsk Hydrokemisk A. S. и Далькиркъ отъ Норвежскаго союза для эксплуатаціи водяной силы. Оба они были естественно очень возбуждены въ виду быстраго паденія представляемыхъ ими акцій и требовали объясненій «по поводу творящихся международныхъ финансовыхъ махинацій и надувательствъ». Со всѣмъ спокойствіемъ поблагодарилъ я ихъ за честь, которую они оказали мнѣ, приписывая мнѣ такую освѣдомленность, но заявилъ, что при моемъ скромномъ служебномъ положеніи у Сорельсена я, къ сожалѣнію, знаю еще меньше ихъ самихъ. Господинъ Бьярнсенъ, однако, не удовлетворился этимъ объясненіемъ, но напомнилъ мнѣ о визитѣ, который я нанесъ ему 26.2. по Вашему порученію, и высказалъ предположеніе, что за биржевыми событіями стоитъ берлинскій Торгово-промышленный банкъ. Я возразилъ, что, насколько мнѣ извѣстно, банкъ этотъ, въ качествѣ владѣльца большого количества акцій, самъ понесъ очень крупные убытки. Но что, впрочемъ, я не освѣдомленъ въ дѣлахъ берлинскаго банка, такъ какъ уже не состою больше у него на службѣ и т. д. Они ушли въ еще большемъ возбужденіи, чѣмъ явились, и, разумѣется, отнеслись къ моимъ словамъ съ безграничнымъ недовѣріемъ.

Съ почтительнымъ привѣтомъ

Д-ръ Вальтеръ Франкенъ.

Изъ номера «Folketidende» отъ 10-го мая.

Въ чемъ дѣло?

26-го апрѣля нашъ партійный органъ «Intelligents Sedler» напечаталъ заслуживающее вниманіе и всею лѣвою сочувственно встрѣченное предложеніе о спеціальномъ обложеніи всѣхъ подвергающихся промышленной эксплуатаціи водяныхъ силъ. Въ нашей статьѣ отъ 1-го мая мы поддержали это требованіе и указали на то, что такая мѣра нуждается въ дополненіи въ видѣ сооруженія государственной силовой станціи, которая могла бы явиться рѣшающимъ факторомъ при опредѣленіи цѣнъ, устанавливаемыхъ частными владѣльцами водяной энергіи. Извѣстное заявленіе въ Aftenposten: «Сдѣланы уже, конечно, и шаги для того, чтобы обезпечить государству въ самомъ союзѣ (Норвежскомъ союзѣ для эксплуатаціи водяной силы) вліяніе, основанное не исключительно на мѣрахъ законодательнаго характера»—

явилось для насъ, какъ и для всякаго посвященнаго, поводомъ заговорить о проектѣ государственной гидравлической станціи въ Нумендалѣ.

Все это привело къ паденію курса водяныхъ акцій. Само по себѣ это ничуть не удивительно и для насъ безразлично.

Достопримѣчательно только, что въ моментъ, когда акціи понемногу начали было поправляться, возникла еще большая паника. Вынырнуло извѣстіе, что одинъ швейцарскій инженеръ (его имя, Рюдизюль, не было названо) взялъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ патентъ на изобрѣтеніе въ области электроплавленія желѣза, дающее возможность удешевить производство на 20%.

Мы тѣмъ менѣе можемъ повѣрить въ случайность этого замѣчательнаго совпаденія, что извѣстіе это одновременно появилось во всѣхъ руководящихъ органахъ печати всего міра и паденіе курсовъ, которому до того подверглись лишь норвежскія водяныя акціи, распространилось и на всѣ заграничныя цѣнности этого рода.

Изобрѣтеніе г. Рюдизюля съ похвальнымъ отзывомъ весьма компетентной инстанціи было сознательно выдвинуто на первый планъ изъ какого-то руководящаго центра.

Кто былъ этимъ центромъ?

Прежде, чѣмъ мы попытаемся хотя нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ, на который, можетъ быть, никогда не найдется отвѣта, мы должны остановиться немного на самомъ изобрѣтеніи. Многимъ покажется страннымъ, что паденію подверглись всѣ водяныя бумаги, тогда какъ въ настоящее время лишь сравнительно незначительная часть водяной энергіи примѣняется для электроплавленія и обработки желѣза. Но владѣлецъ такого патента можетъ распредѣлить равномѣрно и на всѣ другія отрасли примѣненія водяной энергіи экономію, полученную при производствѣ желѣза, и убить, такимъ образомъ, всякую конкуренцію. Въ этомъ также и причина, почему это изобрѣтеніе такъ больно задѣваетъ именно насъ, норвежцевъ. Покуда государство не обладаетъ правомъ пользоваться новымъ способомъ, работа устраиваемой имъ станціи будетъ гораздо менѣе выгодна, чѣмъ на частныхъ предпріятіяхъ. Важнѣйшій доводъ въ пользу устройства государственной гидравлической станціи, возможность ея регулирующаго воздѣйствія на цѣны, устанавливаемыя водянымъ союзомъ, какъ справедливо указалъ уже Dagbladet, въ такомъ случаѣ отпадаетъ. Въ виду такихъ соображеній, политикъ, обладающій чувствомъ отвѣтственности, долженъ спросить: можемъ-ли мы и теперь еще настаивать на идеѣ государственной силовой станціи, идеѣ,

которую мы до сихъ поръ пропагандировали всѣми способами и въ которой мы видѣли необходимую уступку требованіямъ соціалъ-демократовъ? Очевидно, что настаивать на этомъ можно лишь въ случаѣ, если государству удастся какимъ-нибудь образомъ получить исключительное или одинаковое съ другими предпринимателями право примѣненія новаго способа.

Вернемся, однако, къ вышепоставленному вопросу: кто былъ тѣмъ центромъ, который систематически подготовилъ и вызвалъ столь быстрое паденіе курса всѣхъ водяныхъ акцій? Конечно, не Норвежскій союзъ для эксплуатаціи водяной силы. Потому что теперь уже нельзя сомнѣваться, что онъ самъ принадлежитъ къ числу пострадавшихъ. Въ настоящее время боевая линія измѣнилась. Прежде было: вся лѣвая противъ водяного союза, теперь: лѣвая вмѣстѣ съ водянымъ союзомъ, вся Норвегія, противъ X. Кто такой этотъ иксъ и какимъ образомъ онъ дѣйствовалъ?

На первый взглядъ могло бы показаться, пожалуй, что это г. Рюдизюль. Но, несомнѣнно, что у швейцарскаго инженера не хватило бы ни умѣнья, ни средствъ продѣлать на собственный рискъ и страхъ такой маневръ на биржахъ всего міра. Иксъ, стало быть, остается иксомъ, это какой-нибудь финансовый концернъ или что-нибудь вродѣ. Господинъ Рюдизюль могъ бы только указать инстанцію, которой онъ продалъ свои патенты. Но, если бы даже, понявъ, что продалъ свое пріобрѣтеніе (какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ) за чечевичную похлебку, онъ и захотѣлъ назвать своего покупателя, то развѣ это помогло бы? Использованіе изобрѣтенія во власти не отдѣльнаго какого-нибудь человѣка, а мірового финансоваго капитала.

Какимъ образомъ дѣйствовалъ иксъ? Ловко воспользовавшись колебаніями курса норвежскихъ бумагъ, онъ вызвалъ сильное паденіе акцій, чтобы скупить ихъ по дешевой цѣнѣ. Теперь курсъ снова окрѣпъ и обнаруживаетъ тенденцію къ повышенію.

«Ну, что-жъ, — скажетъ иной читатель, которому эти вещи представляются безконечно сухою матеріей, — и хорошо; то была вѣдь лишь биржевая паника, а наши акціи сохраняютъ свою цѣнность. Чего же тутъ волноваться?» Постойте, однако, вѣдь большинство акцій ушло въ другія руки и новый владѣлецъ вѣдь проявилъ единую по всему свѣту могучую волю. Конечно, легко стать смѣшнымъ, когда, не будучи финансистомъ, человѣкъ берется предсказывать образованіе всемірнаго треста въ какой-нибудь области

производства. Но въ данномъ случаѣ намъ не страшенъ этотъ рискъ и громогласно, передъ лицомъ всей Норвегіи и всего міра, мы заявляемъ:

До геніальности отважный разбойникъ крадетъ у человѣчества драгоцѣннѣйшую силу будущаго.

Въ этомъ все дѣло, въ этомъ вся суть!

Распространяться объ этомъ дальше было бы тратою словъ: демократическое крыло радикально-либеральной партіи требуетъ у норвежскаго правительства коротко и ясно немедленнаго созыва чрезвычайной сессіи стортинга.

Norwegian.
Hydroelectric Association.

Христіанія, 11-го мая 1909.

Милостивый Государь!

Событія на биржѣ, происшедшія за послѣдніе дни, заставляютъ насъ перенести на 15-ое мая наше чрезвычайное общее собраніе, которое циркуляромъ отъ 1-го марта т. г. созывалось на 4-ое іюня. Собраніе это состоится въ помѣщеніяхъ гостиницы «Викторія» въ Христіаніи. Открытіе засѣданій въ 10 часовъ утра указаннаго числа. Серьезность создавшагося положенія налагаетъ на насъ обязанность не терять времени.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
за Норвежскій союзъ для эксплуатаціи водяной силы

Генрихъ Далькиркъ.

Сорельсену Financing.

Христіанія.

Остановить покупки. Большое спасибо за широкій размахъ.

Привѣтъ.
Беле.

Телеграфъ Германской Имперіи.

Торгово-промышленный банкъ.

Берлинъ.

Intelligents sedler отъ 13 слѣдующая замѣтка въ промышленныхъ кругахъ много говорятъ о такой комбинаціи въ домѣ сорельсена работаетъ будто бы въ качествѣ волонтера д-ръ Франкенъ прежде занимавшій вліятельное

мѣсто берлинскомъ торговопромышленномъ банкѣ бросилось въ глаза что банкирскій домъ сорельсена больше чѣмъ когда-либо занялся биржевыми операціями и явно спекулировалъ на пониженіе конецъ замѣтки всѣ газеты большинства требуютъ чрезвычайной сессіи стортинга завтра слѣдуетъ ждать заявленія правительства

франкенъ».

Dr. Вермлаль. Христіанія, 13 мая 1909.

Многоуважаемый господинъ Беле!

Вы поймете, почему я избѣгаю лишнихъ словъ. Какъ вы представляете себѣ дальнѣйшій ходъ борьбы? Увѣрены ли вы въ побѣдѣ, если отважитесь пойти еще далѣе?

Я согласенъ, что это звучитъ глупостью задавать такіе вопросы послѣ успѣховъ, достигнутыхъ уже вами.

Еще безумнѣе, пожалуй, покажется то, что я еще имѣю сказать. А именно, что я не могу повѣрить, чтобы вы отдавали себѣ отчетъ въ томъ, изъ-за чего идетъ борьба. Дѣло въ томъ, что здѣсь на одной сторонѣ стоитъ особый видъ капитализма, нѣкоторая форма хозяйственной организаціи, а на другой цѣлый народъ, можетъ быть, народы, люди, умѣющіе любить и ненавидѣть. Капитализмъ представляетъ гигантски могучую машину искуснѣйшаго устройства, и машина эта то, повидимому, останавливается, то вдругъ мчитъ внезапными скачками свои исполинскія тяжкія колеса, давя и увѣча на своемъ пути судьбы людей и народовъ.

Геніальные люди, умѣющіе управляться съ этой машиной, разучились обуздывать ее въ моменты, когда внезапно съ силою взрыва начинаютъ работать ея могучіе члены. И, сооруженная на благо хозяйственной жизни, эта машина стала живымъ существомъ, исполненнымъ коварной воли, но безъ сердца. Средство стало само цѣлью.

На другой сторонѣ стоитъ народъ, полный юношескихъ силъ. Всемірная исторія до сихъ поръ еще не судила ему задачи, разрѣшеніемъ которой только и оправдывается существованіе народовъ. И вотъ если бы этотъ народъ всѣмъ своимъ разумѣніемъ и со всею рѣшимостью своего сердца увидалъ бы свою задачу, свою піонерскую работу для общечеловѣческой культуры въ томъ, чтобы разрушить эту машину, распороть ей, чего бы это ни стоило, ея ненасытное брюхо, скажите, захотѣли бы вы и тогда остаться ея слугою?

Скажите, развѣ не въ успѣхѣ вашъ идеалъ? И развѣ не смертельнымъ позоромъ явилась бы для васъ неудача, безнадежное пораженіе? То, что здѣсь, передъ вами,—не сдѣлка, какъ тысячи другихъ. Когда вы монополизировали примѣненіе щелочи, получающейся въ конечномъ результатѣ процесса производства кали — грандіозный замыселъ и мастерское выполненіе — вы совершили операцію, какія совершаются чуть не каждый день. Противъ васъ не было народа.

Тогда это не была пробная мобилизація, подготовляющая къ походу, на который вы отважились теперь. То была игра, а здѣсь война!

Здѣсь дѣло уже не о ѣдкомъ кали, а о водѣ. О водѣ, объ источникѣ жизни и силы для будущихъ поколѣній! О живой водѣ, избавляющей отъ бремени тягчайшей работы. О силѣ! О болѣе чѣмъ трехъ лошадиныхъ силахъ на брата, на каждаго жителя нашей страны! И такое солнце хотите вы намъ затмить? Солнце, на которомъ безъ затраты труда будетъ зрѣть наша работа! Да, мы богаты! Въ вашемъ отечествѣ въ обрѣзъ четверть сотни лошадиныхъ силъ водяной энергіи должны подѣлить между собою тысяча людей. Тамъ это не оплачивается, не стоитъ! А наше богатство должно принадлежать каждому, кто родился въ Норвегіи. Конечно, должны быть щедро вознаграждены тѣ, кто научитъ насъ пользоваться этимъ богатствомъ, кто покажетъ намъ пути, предложитъ средства. Но они не должны стать собственниками полей, которыя они обрабатываютъ.

Захотите ли вы, дерзнете ли довести борьбу до конца, или же вы полагаете, что наступилъ моментъ, когда для сохраненія достигнутаго вы должны подать намъ руку?

Съ сердечнымъ привѣтомъ отъ всего нашего дома вашей семьѣ.

Д-ръ Вермланъ.

Скагенъ, 14 мая 1909.

Уважаемый господинъ д-ръ Вермланъ!

Отъ васъ я терпѣливо могу выслушать такія вещи, какъ въ послѣднемъ вашемъ письмѣ; потому что, если бы намъ выпала судьба достаточно рано помѣняться мѣстами, то я писалъ бы вамъ такія же письма, какія вы пишете теперь мнѣ.

Несмотря на ваше письмо, я знаю также, что вы совсѣмъ не ждете, чтобы экономическія и организаторскія

силы, давленіе которыхъ чувствуютъ извѣстные круги вашего народа, остановились въ настоящій моментъ или пошли бы на компромиссъ съ экономическимъ противникомъ. Возможно, разумѣется, что эти силы потерпятъ пораженіе. Возможно, что онѣ побѣдятъ. Стало быть, шансы у насъ одинаковые. И не будь они равны, «ни одна собака не захотѣла бы жить на свѣтѣ».

Не станемъ поэтому распоряжаться будущимъ, о которомъ никто не знаетъ, какіе сюрпризы оно намъ готовитъ. Не будемъ сами отнимать у себя этого стимула жизни.

Въ настоящее время нельзя предсказать, создастся ли когда-нибудь и когда именно въ будущемъ такое положеніе, при которомъ враждебныя силы найдутъ среднюю общую линію. Всѣ мы строимъ множество плановъ и, однако же, должны покоряться велѣнію момента.

Но послѣ того, какъ все это пройдетъ, я пожелаю обоимъ намъ скудный и въ то же время богатый отдыхъ: нѣсколько дней тамъ на одномъ изъ вашихъ серебристо-зеленыхъ фіордовъ, и притомъ обоимъ въ одномъ и томъ же домѣ.

Это единственный компромиссъ, который я могу предложить вамъ, и, полагаю, и онъ имѣетъ свою цѣну.

Дружескій привѣтъ Вашей супругѣ. Вашъ

Г. Беле.

Д-ръ Франкенъ.

Христіанія, 17 мая 1909.

Глубокоуважемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Посылаю вамъ стенографическій отчетъ о чрезвычайномъ общемъ собраніи съ приложеніемъ нѣкоторыхъ отзывовъ печати. Судя по заявленіямъ официальной Aftenposten, правительство покамѣстъ не собирается созвать стортингъ. Сорельсенъ подтвердилъ, что увѣренный тонъ заявленій Афтенпостенъ относительно проекта государственной гидравлической станціи въ Нумендалѣ оправдывается содержаніемъ договоровъ о предпочтительной покупкѣ.

Если бы оказалось, что стортингъ будетъ созванъ, то вы получите объ этомъ, какъ условлено, извѣщеніе по телеграфу и ежедневно вамъ будетъ посылаться подробный отчетъ.

Съ почтительнымъ привѣтомъ

д-ръ Вальтеръ Франкенъ.

Протоколъ засѣданія

чрезвычайнаго общаго собранія Норвежскаго союза для эксплуатаціи водяной силы (N. H. A.) 15.5.09 въ Христіаніи.

(По стенографическимъ записямъ).

Секретарь N. H. A. открылъ собраніе:

Милостивые государи! Честь имѣю привѣтствовать Васъ и пожелать Вамъ успѣха. Въ этомъ кругу излишне распространяться объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ созыву нашего сегодняшняго собранія. Я ограничусь поэтому лишь краткимъ историческимъ обзоромъ.

Нашъ союзъ былъ основанъ въ 1905 году. Цѣлью его мы ставили себѣ защиту нашей промышленности, защиту интересовъ свободной промышленной и экономической дѣятельности вообще отъ посягательствъ, которыми грозили намъ программы партій большинства въ этой странѣ. Мы имѣемъ основанія утверждать, что безъ нашего союза временный законъ 1906 года оказался бы менѣе благопріятнымъ — если здѣсь вообще можно, хотя бы и съ ограниченіями, употребить это слово — для представленныхъ въ союзѣ отраслей промышленности.

Во всякомъ случаѣ временный характеръ этого закона налагалъ на насъ настоятельнѣйшую обязанность быть настороже и принять рядъ предохранительныхъ мѣръ. Особенно въ этомъ году, когда временный законъ долженъ замѣниться окончательнымъ.

Мы полагаемъ, что правленіемъ союза ничего не было упущено въ этомъ смыслѣ. Какъ извѣстно, мы еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ начали готовиться къ чрезвычайному общему собранію, и мы можемъ надѣяться, что оно пройдетъ не безплодно. Совершенно не предвидѣнно измѣнившееся положеніе заставило насъ ускорить время созыва общаго собранія. Считаю своею обязанностью заявить — и правленіе союза уполномочило меня сдѣлать это, — что измѣненіе положенія произошло въ едва-ли благопріятную для насъ сторону. (Слушайте, слушайте!).

Да, господа, положеніе во всякомъ случаѣ стало болѣе сложнымъ, разъ представленныя нами цѣнныя бумаги только что продѣлали очень чувствительное паденіе, тѣмъ болѣе, что появленіе общаго противника отбросило насъ

на линію защиты, въ извѣстныхъ отношеніяхъ общую съ линіей радикальныхъ партій этой страны, бывшихъ до сихъ поръ нашими врагами. (Ого!).

Въ мою задачу не входитъ представлять доказательства сказанному, да это, пожалуй, и лишнее, такъ какъ всѣ присутствующіе знаютъ, въ чемъ дѣло. (Различные голоса: Нѣтъ не знаемъ! Ничего не знаемъ!).

Согласно нашему уставу, я еще разъ ставлю на голосованіе порядокъ дня, прежде чѣмъ начнутся пренія. Отъ имени правленія предлагаю, чтобы единственнымъ предметомъ нашего сегодняшняго обсужденія была наша позиція въ виду современнаго положенія норвежской гидравлической промышленности, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Возраженій нѣтъ? Объявляю порядокъ дня принятымъ.

Согласно уставу предлагаю теперь приступить къ выборамъ президіума. Правленіе предлагаетъ избрать въ предсѣдатели главнаго директора Norsk Hydrokemisk A. S. господина Бьярнсена, въ товарищи предсѣдателя — сэра Кларка Росселя, въ секретари г. г. банкира Лунгрена, директора Микельсона и меня.

Сорельсенъ: Слово къ порядку!

Слово имѣетъ г. Сорельсенъ.

Сорельсенъ: Вношу предложеніе избрать четырехъ секретарей и четвертымъ предлагаю доктора Франкена.

Слово имѣетъ г. Бьярнсенъ.

Бьярнсенъ: Господинъ Сорельсенъ, я полагаю, все-таки читаетъ газеты. Есть нѣкоторая вѣроятность въ такомъ предположеніи. И, можетъ быть, изъ газетъ ему извѣстна та, своеобразная съ точки зрѣнія нашего союза, роль, которую игралъ г. Франкенъ въ его банкирской конторѣ и въ послѣднихъ биржевыхъ маневрахъ. (Очень хорошо! Правильно!). Я полагаю, что на основаніи этихъ возгласовъ можно прійти къ тому выводу, что въ этомъ собраніи не обнаруживается спроса ни на четвертаго секретаря вообще, ни на г. Франкена въ особенности. (Крики браво и сильный шумъ недовольства).

Слово имѣетъ г. Дьевиль.

Многоуважаемые господа присутствующіе! Это уже черезчуръ! Сидитъ здѣсь Сорельсенъ и вноситъ такое предложеніе. А между тѣмъ каждому ребенку извѣстно, что новая то бѣда и свалилась на насъ только по милости этого самаго г. Т. Б. С. Я всегда говорилъ: на что намъ эти банкиры въ нашемъ союзѣ! Съ самаго начала я былъ противъ. Только господину Бьярнсену тогда казалось, что

онъ лучше понимаетъ въ этихъ вещахъ. Конечно, когда человѣкъ стоитъ во главѣ такого крупнаго предпріятія, такъ у него ужъ и ума палата, и все-то онъ разумѣетъ лучше, чѣмъ... — (Крики: къ дѣлу!). Къ дѣлу? Господа, я вѣдь все время говорю къ дѣлу. Мы, мелкіе собственники водяной энергіи, ужъ такъ перетревожены всѣми этими событіями, вы и представить себѣ не можете до какой степени (Крики: Кончайте! и: Отложите свою рѣчь до обѣда!). Мнѣ мѣшаютъ говорить. Я спрашиваю г. секретаря, имѣю ли я слово или нѣтъ?

Господа, прошу не перебивать оратора. Господинъ Дьевиль, не найдете ли вы возможнымъ на этотъ разъ высказаться лишь по поводу предложенія Сорельсена?

Девиль: О, да! Я противъ этого предложенія. Вы вообще ошибаетесь, если полагаете, что я собрался вамъ тутъ сказки разсказывать. Мы, мелкіе собственники водяной энергіи, можемъ еще такъ-сякъ выдержать. А вотъ куда дѣвались акціонерныя общества или ихъ бумаги, объ этомъ пускай-ка намъ поразскажетъ господинъ Сорельсенъ. (Крики: Довольно!). На этотъ разъ я кончилъ, господа, волноваться вамъ нечего.

Желаетъ еще кто-нибудь получить слово? Господинъ Сорельсенъ, можетъ быть, вы желаете? Въ защиту своего предложенія?

Сорельсенъ: Отказываюсь.

Такъ, какъ никто не проситъ слова, то я ставлю на голосованіе предложеніе объ избраніи доктора Франкена четвертымъ секретаремъ. Согласно нашему уставу это предложеніе должно быть пробаллотировано красными и бѣлыми шарами. такъ какъ оно поддается формулировкѣ за или противъ.

Дьевиль: Прошу разъяснить, имѣетъ ли Франкенъ право голоса въ нашемъ союзѣ?

Господинъ Франкенъ представляетъ цѣнныя бумаги Norsk Hydrokemisk A. S. по полномочію отъ г. Сорельсена и имѣетъ право на двадцать голосовъ. Господа, приступимъ къ голосованію. Вы знаете, каждые десять полныхъ голосовъ одинъ шаръ.

Господа, результатъ голосованія: 107 за и 78 противъ. Предложеніе Сорельсена принято. (Сильное движеніе. Многіе встаютъ; образуются группы).

Господа, прошу вниманія. Повторяю предложеніе правленія объ избраніи въ президіумъ ранѣе поименованныхъ лицъ. Никто не проситъ слова. Возраженій нѣтъ. Выборы можно считать совершившимися par acclamation. Бла-

годарю васъ, господа, и передаю предсѣдательство г. Бьярнсену.

Бьярнсенъ: Благодарю за довѣріе, господа, отъ своего имени и отъ имени остальныхъ пяти членовъ президіума. Прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ, позвольте, господа, выразить нашу признательность правленію Norwegian Hydroelectric Association за его дѣятельность со времени нашего послѣдняго общаго собранія. (Браво!). Особенно же безраздѣльнаго признанія заслуживаютъ труды нашего секретаря. (Браво!).

Господа, только что внесено предложеніе отложить наше сегодняшнее засѣданіе до часу дня. Предложеніе подписано господами Стергаромъ, Бертрамомъ, Амелунксеномъ, Бремотье и Литчфильдомъ. (Среди части собранія сильное движеніе. Возгласы изумленія). Согласно уставу, я долженъ поставить это предложеніе на обсужденіе. Прежде всего, я спрашиваю, желаетъ-ли кто изъ подписавшихся получить слово для обоснованія предложенія?

Стергаръ: Мы отказываемся.

Въ такомъ случаѣ я передаю предсѣдательство сэру Кларку Росселю и прошу слова по поводу этого предложенія.

Господинъ Бьярнсенъ имѣетъ слово.

Господа! Если это предложеніе должно означать пробу силъ, то послѣ избранія господина Франкена оно безвкусно, какъ всякое безцѣльное повтореніе. Если же смыслъ его иной, то собраніе имѣетъ право требовать мотивировки.

Господа! Кто вноситъ это предложеніе? За исключеніемъ владѣльца водяной энергіи, г. Амелунксена, все это лица, которыхъ мы до сихъ поръ не имѣли чести привѣтствовать на нашихъ съѣздахъ, какъ делегатовъ союза. (Совершенно вѣрно!). Разумѣется, я ни минуты не сомнѣваюсь, что по уставу эти господа имѣютъ право присутствовать на нашихъ засѣданіяхъ. Но въ интересахъ норвежской гидравлической промышленности я желалъ бы хоть немного быть посвященъ въ ихъ интересы, чтобы отнестись съ довѣріемъ къ ихъ немотивированному предложенію, которое только затянуло бы нашу работу. Поэтому я прошу членовъ нашего союза, которые стали таковыми не только благодаря биржевымъ маневрамъ, отклонить это предложеніе объ отсрочкѣ засѣданія.

Слово принадлежитъ владѣльцу водяной энергіи, г. Мьельну.

Мьельнъ: Господа! Неужели же мы дадимъ себя снова

маіоризировать, какъ только что при выборахъ Франкена? На потѣху иностранцамъ? Видитъ Богъ, господа, я не врагъ иностранцевъ. У меня сынъ студентъ учится въ Шарлоттенбургѣ. Но тутъ вѣдь это уже черезчуръ. У кого еще есть хоть капля чувства собственнаго достоинства, тотъ попросту покажетъ спину этому театральному союзу. (Браво! и смѣхъ).

Вы не имѣете права такъ отзываться о нашемъ союзѣ.

Мьельнъ: Но вѣдь это все лишь игра!

Слово за г. Дьевилемъ.

Уважаемые господа слушатели! Я полагаю, что, если мы начнемъ горячиться, какъ только что мой уважаемый другъ и сосѣдъ Мьельнъ, то это принесетъ намъ мало пользы. (Правильно). Вотъ видите ли, я разсмотрѣлъ, какъ слѣдуетъ, результатъ голосованія по поводу выборовъ доктора Франкена, и я долженъ сказать, что здѣсь существуетъ большое большинство и маленькое меньшинство. (Совершенно вѣрно. Смѣхъ). Ну, а сильное большинство это, господа, такая штука, съ которой хочешь-не-хочешь, а считаться надо. Намъ, мелкимъ владѣльцамъ водяной энергіи, — т. е. у меня-то все-таки набѣжитъ тысячи двѣ лошадей на турбины, — такъ намъ, мелкимъ владѣльцамъ водяной энергіи, говорю я, совсѣмъ не надо такъ волноваться. Наше состояніе вѣдь вложено не въ акціи, а въ землю и водяную энергію, и въ машины, и въ каменоломни, и въ тому подобныя вещи. Мы то вѣдь не меньше заработали отъ того, что у другихъ людей акціи упали. И, если эти другіе люди полагаютъ, что имъ лучше удастся свести взаимные счеты путемъ отсрочки засѣданія, такъ и Богъ съ ними. Мы не станемъ противорѣчить, пускай себѣ шутятъ свои шутки. (Очень хорошо!). Правда, противъ отсрочки высказался и великомощный господинъ Бьярнсенъ, да только намъ-то съ какой стати помогать ему, когда онъ со своимъ прославленнымъ предпріятіемъ все время только и норовилъ, какъ бы ему задавить нашу братію, мелкоту. Я за то, чтобы отложить засѣданіе. Только съ тѣмъ, чтобы тогда уже все быстренько покончить, чтобы не пришлось мѣнять программы дня. (Одобреніе).

Никто не проситъ слова. Въ такомъ случаѣ приступимъ къ баллотировкѣ. Предложеніе о томъ, чтобы отложить засѣданіе до часу сегодняшняго дня, принято 126 голосами противъ 47. Съ тѣмъ я прерываю наши занятія до указаннаго времени.

Въ часъ засѣданіе открывается сэромъ Кларкомъ Рос-

селемъ. Число собравшихся скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось.

Слово получаетъ г. Стергаръ:

Перерывъ въ нашихъ офиціальныхъ занятіяхъ, оказалось, былъ не безполезенъ. Я убѣжденъ, и это убѣжденіе раздѣляютъ многіе участники съѣзда, что теперь мы сумѣемъ очень быстро сговориться относительно многихъ важныхъ вопросовъ. Я получилъ порученіе внести слѣдующія предложенія:

Это чрезвычайное общее собраніе рѣшаетъ, что

1. Норвежскій водяной союзъ основываетъ картель.

2. Этотъ картель имѣетъ форму банка для финансированія и беретъ на себя финансовое управленіе и регулированіе производства и дивидендовъ примкнувшихъ къ нему отдѣльныхъ предпріятій.

3. Всѣ примкнувшія къ картелю предпріятія имѣютъ право пользоваться рюдизюлевскимъ изобрѣтеніемъ.

Господа! Въ этомъ предложеніи намѣчены, разумѣется, лишь основныя черты. Конечно, о подробностяхъ осуществленія этого плана можно много спорить, но основныя черты намѣчены, я полагаю, такъ, что споровъ на этотъ счетъ не будетъ. (Слушайте!).

Бьярнсенъ: Господа! Скажу лишь нѣсколько словъ. Я поддерживаю предложеніе г. Стергара. Я убѣдился, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію вещей и интересамъ представляемой нами отрасли хозяйственной жизни. (Движеніе).

Дьевиль: Совсѣмъ безъ дискуссіи было бы и того лучше! Однако, я желалъ бы все-таки знать, что это за шуры-муры происходили тутъ во время перерыва, что г. Бьярнсенъ такъ быстро оказался вдругъ убѣжденнымъ и теперь выступаетъ въ роли хитрѣйшей лисы. — Такъ, стало быть, основывается картель. И притомъ основателемъ его будетъ нашъ союзъ. Мнѣ это, однако, представляется измѣненіемъ устава и тутъ понадобится большинство трехъ четвертей голосовъ.

Картель, — это словечко звучитъ такъ безвредно, такъ надежно и мило. Однако, это милое учрежденіе будетъ предписывать намъ, и сколько току произвести и почемъ считать его. Т. е. это еще, если насъ вообще не избавятъ отъ этого труда — считать и не захотятъ создать изъ множества нашихъ маленькихъ кошелько " одного большого кошелька, изъ котораго затѣмъ будутъ выплачивать намъ сколько заблагоразсудится. Да, да, господинъ Бьярнсенъ, качайте, качайте головой, это выходитъ такъ жалостно, да

только не поможетъ нисколько, съ вашимъ кошелькомъ дѣло дрянь.

А завѣдующій большимъ кошелькомъ — мой любезный другъ Т. Б. С. не испугается, надѣюсь, если я обращусь по имени къ большой сидящей рядомъ съ нимъ тѣни, — Вы, господинъ Беле, если только Брансенъ вѣрно разсказалъ мнѣ эту исторію, Вы то, вѣроятно, сумѣете сказать, кто положитъ себѣ въ карманъ этотъ большой кошелекъ.

Кладите себѣ все, что можете захватить, и въ первую очередь великомощнаго господина Бьярнсена. Ничего. Мы, мелкіе собственники водяной энергіи, мы стоимъ на собственной землѣ, и насъ не достанетъ ни трестъ, ни водяной картель. Да, но прекрасный патентъ! Богъ съ нимъ, съ этимъ патентомъ. Я спрашиваю, кто изъ насъ заинтересованъ въ электровыплавкѣ желѣза? Коротко говоря, заявляю отъ имени многихъ промышленниковъ, что мы выступимъ изъ водяного союза въ моментъ, когда будетъ рѣшено образовать картель (Отдѣльные возгласы одобренія).

Бьярнсенъ: Въ нашемъ союзѣ всегда была каждому вольная воля, держаться ли съ нами или же испробовать всѣ преимущества роли outsider'a.

Мьельнъ: Это угроза, господа, совершенно неприкрытая угроза. Но противъ такихъ американцевъ въ нашей странѣ еще найдется законодательство, милостивые государи. И оно свернетъ шею этому тресту. Потому, что это трестъ, господа, это самый настоящій трестъ, то, что вы собираетесь здѣсь основать. А противъ треста въ Норвегіи милліоны людей! За него здѣсь лишь иностранцы да люди, состоящіе у нихъ на жалованьи. Здѣсь будетъ рѣшено основать этотъ трестъ, но въ жизнь онъ не войдетъ. И меня ваша затѣя нисколько не волнуетъ, господа, я остаюсь хладнокровенъ.

Брансенъ: Господа, я тоже владѣлецъ маленькой водяной силы (Возгласъ: Старой мельницы!), но долженъ заявить, что не раздѣляю точки зрѣнія моихъ товарищей Дьевиля и Мьельна. Я знаю, разумѣется, до какой степени картель или, если хотите, трестъ ограничиваетъ экономическую свободу отдѣльнаго предпринимателя. Но было бы односторонне не замѣчать преимуществъ подобнаго рода организаціи. Картель уменьшитъ хозяйственный рискъ отдѣльнаго предпринимателя, такъ какъ онъ закрѣпляетъ цѣны и объединяетъ условія сбыта. Кромѣ того, равномѣрное распредѣленіе производства между всѣми участниками пропорціонально количеству эксплуатируемой ими водяной энергіи защититъ мелкихъ предпринимателей отъ

гибельной конкуренціи болѣе крупныхъ. Словомъ, картель для участниковъ его является самымъ дѣйствительнымъ взаимнымъ страхованіемъ. Сосредоточеніе всей финансовой стороны предпріятія въ однѣхъ рукахъ означаетъ упрощеніе веденія дѣла, а это сильнѣйшимъ образомъ повліяетъ на уменьшеніе издержекъ производства, и, стало быть, приведетъ къ повышенію прибыли. Къ тому же чрезвычайно существеннымъ и даже рѣшающимъ представляется мнѣ то обстоятельство, что участники картеля получаютъ право пользоваться рюдизюлевскимъ изобрѣтеніемъ. Господинъ Дьевиль могъ бы, кажется, прочесть въ газетахъ, что крупныя предпріятія, занимающіяся электровыплавкой желѣза, станутъ распредѣлять равномѣрно на всѣ отрасли производства тѣ выгоды, которыя получатся отъ патента, и, такимъ образомъ, сумѣютъ своею конкуренціей подорвать дѣла предпринимателей, не пользующихся патентомъ, во всѣхъ отрасляхъ нашей промышленности. Я полагаю, что это стоящее внѣ всякихъ сомнѣній соображеніе представляетъ доводъ, который заставитъ всякаго здравомыслящаго предпринимателя стать на сторону лицъ, предложившихъ намъ образовать картель. И со всею скромностью я все-таки заявляю, что въ этомъ вопросѣ я понимаю и вижу вещи ясными глазами. Поэтому я за предложеніе г. Стергара. Со мною будутъ голосовать еще очень многіе владѣльцы водяной энергіи, и я полагаю, что при баллотировкѣ число лицъ, которыя пожелаютъ остаться outsider'ами, окажется ничтожнымъ. (Сильное одобреніе).

Сэръ Кларкъ Россель: Господа, я понимаю то враждебное чувство, съ которымъ часть мелкихъ владѣльцевъ водяной энергіи встрѣтила предложеніе г. Стергара. Однако, я не думаю, чтобы было разумно съ дѣловой точки зрѣнія руководиться такимъ настроеніемъ. Я могу только завѣрить, что превосходное дѣйствіе картеля и предоставляемаго имъ права пользованія патентомъ очень чувствительно скажется во всѣхъ рѣшительно областяхъ электропромышленности.

Такъ какъ никто больше не проситъ слова, то мы приступаемъ къ голосованію.

Господа, я долженъ огласить результатъ голосованія. Предложеніе г. Стергара принято 220 голосами противъ 27. Какъ слѣдствіе этого рѣшенія, я долженъ предложить Вамъ отъ имени президіума слѣдующее измѣненіе устава.

Раздѣлъ 2-й долженъ впредь гласить: Союзъ имѣетъ цѣлью объединеніе норвежскихъ предпріятій по эксплуа-

таціи водяной энергіи и защиту общихъ интересовъ своихъ членовъ. Для этого между прочимъ основывается въ цѣляхъ регулированія производства и прибылей картель въ видѣ финансирующаго банка, которому передается коммерческое управленіе всѣми примкнувшими предпріятіями.

Отъ дискуссіи можно отказаться, такъ какъ это предложеніе, какъ сказано, является лишь слѣдствіемъ только что принятаго рѣшенія. Прошу голосовать.

Принято 221 голосомъ противъ 24. Стало быть, большинство гораздо болѣе значительное, чѣмъ требуется по уставу.

Я бы просилъ лицъ, голосовавшихъ противъ этого измѣненія, заявить, согласны-ли они подчиниться этому рѣшенію и остаться членами союза.

Мьельнъ: Благодаримъ за любезное приглашеніе господина англичанина. Если бы мы желали измѣнить свое мнѣніе, то у насъ было бы для этого время раньше. Я все-таки повторяю: къ чему эта комедія? Къ чему это владѣлецъ большинства акцій понасажалъ сюда различныхъ подставныхъ делегатовъ изъ иностранцевъ, чтобы они голосовали за него? Къ сожалѣнію, и норвежцы не стыдятся служить его деньгамъ. Почему вообще не явился сюда этотъ господинъ, чтобы заявить: я хочу, чтобы было такъ-то!

Къ чему эта безцѣльная комедія? Я честно дожилъ до сѣдыхъ волосъ и говорю вамъ: прощайте, господа члены Норвежскаго водяного союза!

(Нѣсколько человѣкъ покидаютъ залъ).

Сэръ Кларкъ Россель: Господа! Надѣюсь, это будетъ общее мнѣніе всѣхъ присутствующихъ, если я скажу, что благодаря нашему предварительному совѣщанію достаточно выяснился характеръ необходимыхъ для насъ въ дальнѣйшемъ экономическихъ мѣропріятій. Однако же, я прошу подтвердить еще разъ и уже по всей формѣ, что исполненіе нашихъ рѣшеній поручается банкирскому дому Т. Б. Сорельсена....

Такъ какъ возраженій не послѣдовало, то рѣшеніе въ смыслѣ моего предложенія можно считать состоявшимся. Благодарю васъ, господа. Экономическая часть нашего порядка дня закончена, и я передаю предсѣдательство снова г. Бьярнсену.

Слово имѣетъ г. Стергаръ:

Господа! Само собою понятно, что наши экономическія рѣшенія находятся въ тѣснѣйшей связи съ политической позиціей нашей промышленности, и не только съ нею

но и со всею политической жизнью нашей страны. Вопросъ о водяномъ законодательствѣ представляется въ настоящее время и, вѣроятно, останется и на ближайшее будущее главнымъ предметомъ политической мысли и политическихъ стремленій въ Норвегіи. Я твердо убѣжденъ, что наши сегодняшнія рѣшенія чрезвычайно упростили политическое положеніе въ нашей странѣ. Отнынѣ — съ точки зрѣнія практики — въ ней есть лишь двѣ политическія партіи: друзья картеля и противники картеля. Послѣдніе имѣютъ за себя численность; на нашей же сторонѣ экономическое вліяніе. И, если въ такой демократической странѣ, какъ наша, численность означаетъ силу, то исторія движенія противъ трестовъ въ Америкѣ показываетъ, что никакое большинство народа и никакое правительство не въ силахъ справиться съ могучими организаціями капитала. Такое же безсиліе обнаружится и въ Норвегіи. Въ Норвегіи удалось къ тому еще связать касающіеся насъ вопросы съ націоналистическими чувствами. Но не слѣдуетъ приписывать этому обстоятельству чрезмѣрнаго значенія, разъ иностранныя державы склонны не отказать въ защитѣ интересовъ работающаго въ нашей странѣ капитала своихъ гражданъ всею своею политической мощью.

Стало быть, у насъ нѣтъ поводовъ къ чрезмѣрнымъ опасеніямъ въ настоящее время, когда наше экономическое положеніе такъ укрѣпилось, и притомъ, осмѣлюсь сказать, не только лишь здѣсь, въ Норвегіи. Съ другой стороны, выяснилась и цѣль нашихъ стремленій. Свобода экономической дѣятельности! При этомъ, безспорно, получитъ соотвѣтствующій эквивалентъ и государство, обезпечивающее возможность такой дѣятельности. Чтобы добиться возможно большей мѣры такой свободы, нужна разумная, осторожная тактика, умѣющая выбрать подходящій моментъ. Опредѣлять напередъ подробности нашихъ тактическихъ выступленій было бы близорукой политикой, да къ тому же врядъ-ли и умѣстно было бы дѣлать это въ такомъ относительно публичномъ собраніи, какъ наше теперешнее. Я думаю, что можно положиться на тѣ инстанціи, которымъ мы довѣрили наши экономическіе интересы,—я вѣрю, что онѣ сумѣютъ защитить и связанные съ послѣдними наши политическіе интересы.

Сорельсенъ: Ясно, что, говоря объ этихъ инстанціяхъ, г. Стергаръ имѣлъ въ виду не меня лично, а тѣ чрезвычайно хорошо освѣдомленныя, испытанныя силы, которыя поддерживаютъ меня и совѣтомъ, и рѣшеніемъ. Такъ какъ я самъ преисполненъ къ нимъ величайшаго довѣрія, то я

всецѣло присоединяюсь къ словамъ г. Стергара и предлагаю закрѣпить послѣднія принятіемъ соотвѣтствующаго рѣшенія.

Бьярнсенъ: Желаетъ ли еще кто-нибудь получить слово? Никто не желаетъ. Порядокъ дня исчерпанъ. На мнѣ лежитъ честь и обязанность закрыть это знаменательное чрезвычайное общее собраніе. Пользуюсь при этомъ случаемъ поблагодарить васъ, господа, за ваше цѣнное сотрудничество. Не скрою, что я могу лишь порадоваться исходу этого собранія. Не мало среди насъ лицъ, которыя пришли сюда съ извѣстнымъ чувствомъ неувѣренности. Господа, это чувство смѣнилось многообѣщающей увѣренностью. Мы стоимъ на порогѣ новаго экономическаго развитія нашей промышленности, и всѣ мы имѣли случай удостовѣриться, что это развитіе будетъ блестящее. Поэтому мы можемъ разойтись отсюда съ чувствомъ удовлетворенія, такъ какъ мы обезпечили за представляемыми нами предпріятіями надежныя и блестящія перспективы, и намъ удалось исполнить свою обязанность по отношенію къ капиталу, работой котораго мы руководимъ. (Браво!).

Господа! Чрезвычайное общее собраніе Норвежскаго союза для эксплуатаціи водяной силы закрыто.

Dagbladet отъ 15. 5. 9.

Ясность.

Сегодняшнія рѣшенія чрезвычайнаго общаго собранія N H. A. по нашему мнѣнію, внесли многообѣщающую ясность въ положеніе. Объединенная въ могучую строго централизованную организацію, стоитъ норвежская гидравлическая промышленность у начала экономической эпохи, открывающей широкіе виды на будущее. Немногіе промышленники, которые не примкнули къ новому Norske Finance Bank (No-Fi-Ba), дѣловому центру картеля, до такой степени экономически малосильны, что можно безъ оговорокъ говорить о консолидаціи всей норвежской гидравлической промышленности.

Вызванное этимъ среди всѣхъ участниковъ радостное настроеніе нашло прекраснѣйшее выраженіе въ концѣ засѣданія въ рѣчи главнаго директора Hydrokemisk A. S., г. Бьярнсена; мы сказали «прекраснѣйшее» потому, что особенное впечатлѣніе произвела извѣстная выразительная и проникновенная сжатость заключительнаго слова этого заслуженнаго дѣятеля.

И въ самомъ дѣлѣ, великій моментъ нашелъ и великое

поколѣніе. Понятно то удовлетвореніе, которое испытываютъ участники съѣзда. Оно вызвано сознаніемъ, что имъ удалось выстроить всю нашу гидравлическую промышленность въ одинъ сплоченный могучій строй противъ относящагося къ ней съ подозрительностью законодательства и государственной конкуренціи. Мы сочли бы національнымъ несчастіемъ, если бы наша водяная промышленность раздѣлилась на два враждебныхъ стана, изъ которыхъ одинъ пошелъ бы, можетъ быть, черезчуръ далеко навстрѣчу господствующему политическому большинству. И никому не было бы отъ этого пользы, — потому, что экономическая (а съ нею въ послѣднемъ счетѣ и политическая) побѣда должна достаться тому, чье производство выгоднѣе. Въ виду этого можно надѣяться, что теперь и государство окончательно откажется отъ идеи выступить самому въ качествѣ производителя. Такая затѣя только сдѣлала бы предметомъ экономической спекуляціи національное имущество и при томъ въ такой мѣрѣ, что ни одно министерство не рѣшилось бы взять на себя отвѣтственность за послѣдствія.

Общее собраніе создало большую ясность и въ этомъ отношеніи, и мы съ радостью привѣтствуемъ его за это, такъ какъ ясность здѣсь въ интересахъ страны. И пусть эта радость ни для кого не будетъ отравлена снова вошедшими въ послѣднее время въ моду фразами о «международномъ капиталѣ», объ «эксплуатаціи» и т. п. Заслуга выдающихся финансовыхъ дѣятелей нашей страны (это нетрудно было бы доказать протокольными данными)—въ томъ, что они своевременно замѣтили трудное положеніе нашей гидравлической промышленности, что они предупредили и иностранные интересы, чтобы тѣ были на сторожѣ; это была ихъ дѣловая обязанность. Событіе, приведшее къ кризису нашу гидравлическую промышленность, рюдизюлевское изобрѣтеніе, имѣло съ самаго начала международное значеніе. Введеніе такого рода усовершенствованія въ производство (притомъ въ области, для которой ни для одной страны невозможно монополистическое обособленіе), никогда не проходитъ безъ потрясеній, чувствительныхъ для всего международнаго, мірового рынка. Въ такихъ случаяхъ и Норвегію приходится разсматривать лишь какъ часть одного великаго цѣлаго. Далеко развѣтвленныя нити связываютъ наше народное хозяйство съ народнымъ хозяйствомъ другихъ странъ. Разъ это международное сплетеніе интересовъ будетъ потрясено въ одномъ мѣстѣ, потрясеніе отзовется повсюду. Поэтому болѣе, чѣмъ безумно,

было бы здѣсь говорить о зависимости отъ «международнаго капитала». Въ этомъ отношеніи Норвегія столь же зависима и столь же независима, какъ любое изъ культурныхъ государствъ.

Надѣемся, что очень многіе изъ нашихъ соотечественниковъ почерпнули изъ событій послѣдняго времени ясное пониманіе экономическихъ отношеній.

Въ такомъ случаѣ ясность, о которой мы говорили выше, получилась бы совершенная.

Организація эксплуататоровъ.

«Соціалъ-демократъ» 16. 5. 9.

Невинныя души вродѣ господъ изъ Dagbladet'а привѣтствуютъ водяной трестъ за то, что онъ внесъ «ясность» въ положеніе. При такомъ «либеральномъ» пониманіи вещей можно было бы съ такимъ же основаніемъ привѣтствовать и землетрясеніе въ Мессинѣ; оно также внесло ясность въ положеніи, потому что этимъ несчастіемъ, несомнѣнно, были однимъ ударомъ разрѣшены тысячи другихъ проблемъ частнаго и общественнаго характера. Благодаримъ покорно за такую ясность. А по нашему, настоящее имя для такого рода явленій — это «роковая катастрофа». Основаніе норвежскаго водяного треста подъ видомъ норвежскаго финансоваго банка, Norske Finance Bank (No-Fi-Ba) —хорошо освѣдомленный Dagbladet уже знаетъ и имя новорожденнаго уродца — является самымъ тяжкимъ и роковымъ ударомъ правамъ норвежскаго народа со стороны международнаго капитала. Кто еще сомнѣвается въ международномъ характерѣ сговоровъ и сдѣлокъ, тотъ пусть вспомнитъ о пресловутомъ докторѣ Франкенѣ, прежде работавшемъ въ берлинскомъ Торгово-промышленномъ банкѣ, а теперь въ банкирскомъ домѣ Т. Б. Сорельсена, представляющемъ Norske Finance Bank въ зародышѣ. И пусть онъ обратитъ вниманіе на то, какъ дѣловые дебаты общаго собранія вертѣлись главнымъ образомъ вокругъ этого господина, и какова была тамъ проба силъ его и его ставленниковъ.

Есть люди, которые полагаютъ, что можно ограничиться наивнымъ созерцаніемъ въ экономической жизни. Въ нашемъ народѣ еще много есть такихъ странныхъ святыхъ. Иному изъ такихъ простаковъ, пожалуй, можетъ показаться, что тутъ была простая удача; счастье, молъ, на этотъ разъ выпало эксплуататорамъ: подвернулось очень кстати одно изобрѣтеніе, а положеніе нашей гидравличе-

ской промышленности какъ разъ было шаткое, ну, она и сдалась на милость или немилость побѣдителей. (Генералъ Бьярнсенъ сдалъ ее на немилость). Но въ томъ, что для дѣтскаго разума представляется счастьемъ, знающій видитъ не что иное, какъ организацію. Не говоря уже о томъ, что права изобрѣтателей носятъ у насъ печать капиталистическихъ отношеній, подобнаго рода изобрѣтенія дѣлаются каждый день. Интернаціональной организаціи капитала стоитъ лишь руку протянуть въ моментъ, когда для ея цѣлей какъ разъ требуется «усовершенствованіе, представляющее переворотъ въ техническихъ отношеніяхъ».

Съ рюдизюлевскимъ изобрѣтеніемъ случилось, что на него оказался этотъ спросъ. Въ противномъ случаѣ и ему пришлось бы пройти длинный и тяжелый путь — разумѣется, если оно вообще куда-нибудь годится — прежде, чѣмъ оно нашло бы примѣненіе. Но въ данномъ случаѣ тысяча обстоятельствъ привела къ тому, что оно оказалось желаннымъ орудіемъ международной солидарности эксплуататоровъ. А на что пригодилось это орудіе и на что оно еще пригодится, объ этомъ свидѣтельствуетъ норвежскій водяной трестъ.

Счастье тутъ не при чемъ, все дѣло въ системѣ! А цѣль всей системы такова: загнать всѣ силы природы — человѣкъ въ этой системѣ тоже лишь сила природы — подъ ярмо приносящаго дивидендъ труда, чтобы всѣ богатства и все счастье на свѣтѣ доставалось нѣсколькимъ немногимъ тунеядцамъ.

И эта система не напрасно потрудилась въ послѣднія недѣли въ Норвегіи. Ярмо готово, основанъ трестъ, барщина можетъ начаться! Впредь будетъ устанавливаться изъ одного центра максимумъ стоимости электрической силы. Изъ одного центра будетъ опредѣляться минимумъ заработной платы, при которой рабочій только-только не умретъ съ голоду. А разница между этимъ максимумомъ и минимумомъ будетъ поступать въ кассы этого центра. (Пара грошей, выплачиваемыхъ государству въ видѣ налога, и «накладные расходы» въ счетъ не идутъ).

Что такое политическій деспотизмъ по сравненію съ экономическимъ самодержавіемъ!

Снесетъ ли порабощенный народъ такой деспотизмъ? Онъ его не потерпитъ, если онъ созрѣлъ политически. Онъ не позволитъ воровать хлѣбъ изъ рта у себя и своихъ дѣтей. У насъ не должны изнемогать въ нуждѣ милліоны для того, чтобы могла роскошествовать ничтожная кучка лицъ. Ничтожная кучка, нѣсколько человѣкъ! Потому что,

что такое сегодня всѣ эти владѣльцы водяной энергіи и акціонеры, еще вчера возбуждавшіе зависть? Добровольные слуги великаго Молоха, международнаго капитала, прожорливаго чудовища, которое, какъ невидимый кошмаръ, давитъ народы. Идола, вѣчно мѣняющаго свои формы и требующаго безчисленныхъ жертвъ, жертвъ труда, радости, счастья. Онъ увѣчитъ и изнашиваетъ жестокимъ трудомъ тѣла мужчинъ и продаетъ на позоръ нашихъ дочерей. Это ужасное, само себѣ довлѣющее чудовище, не умѣющее ни любить, ни ненавидѣть, а только пожирать. Неужели же мы отдадимъ Норвегію этому волку Фенрису?

Народъ долженъ рѣшить: кулаками разобьетъ онъ двери парламента и прогонитъ къ чорту правительство, которое окажется негоднымъ въ минуту опасности.

Aftenposten отъ 17. 5. 9.

Чрезвычайное общее собраніе N. H. A.

По нашимъ впечатлѣніямъ, собраніе Норвежскаго водяного союза прошло очень вяло. Характерно, что члены его отважились обсудить коренной пунктъ положенія лишь въ самомъ тѣсномъ tête-à-tête; а на долю собранія остались лишь безплодные, въ сущности говоря, дебаты о порядкѣ дня.

Нѣкоторое значеніе, какъ ни какъ, слѣдуетъ признать за рѣшеніемъ централизовать управленіе отдѣльныхъ примкнувшихъ къ организаціи предпріятій. Любители страшныхъ словечекъ называютъ это «образованіемъ треста». Во всякомъ случаѣ нужно сказать, что дѣло тутъ не въ имени, а въ результатахъ. И не слѣдуетъ приписывать этому новому, чисто организаціонному мѣропріятію какого-то особаго, чуть не весь міръ переворачивающаго дѣйствія. Частное ли предпріятіе или акціонерное общество, отдѣльный ли заводъ или союзъ или трестъ. — для законодательства, которое должно блюсти интересы всего общества, всѣ эти формы экономической организаціи одинаково доступны.

Поэтому мы полагаемъ, что лишь недостаткомъ политическаго чутья продиктовано выдвигаемое въ послѣдніе дни съ разныхъ сторонъ и съ большою настойчивостью требованіе о созывѣ стортинга. Разумѣется, ближайшая сессія нашего парламента должна будетъ заняться обстоятельно и исключительно регулированіемъ законодательства о водяной энергіи. Но нельзя упускать изъ виду и того, что открытіе стортинга было назначено на начало октября,

и что при ускореніи созыва его правительственныя инстанціи, несомнѣнно, не будутъ въ состояніи предоставить въ его распоряженіе нужные матеріалы. А безъ этого, совѣщанія, по нашему мнѣнію, представлялись бы настолько рискованными, что ни одно правительство не взяло бы на себя отвѣтственность за созывъ стортинга при такихъ обстоятельствахъ. Какъ мы слышали, въ настоящее время въ министерствѣ происходитъ обмѣнъ мнѣній по поводу необходимыхъ здѣсь особыхъ мѣропріятій. Но мы не думаемъ, чтобы это привело къ созыву парламента.

Въ связи съ этими вопросами—илегко понять почему—изъ разныхъ источниковъ распространяется сообщеніе о томъ, что правительство скупило всѣ источники водяной энергіи въ области Нумендоль и попало теперь въ виду образованія треста, въ очень непріятное положеніе. Лица, устно или въ печати распространяющія такіе слухи, или незнакомы съ положеніемъ, или намѣренно искажаютъ истину. Мы можемъ заявить, что правительство нигдѣ не пріобрѣло водяной энергіи. Оно только обезпечило за собою въ Нумендольской области право предпочтительной покупки. Тамошнія водяныя силы принадлежатъ къ богатѣйшимъ и наиболѣе выгодно расположеннымъ источникамъ водяной энергіи въ нашей странѣ. При этомъ правительство съ такою осторожностью избрало и форму сдѣлки и своихъ посредниковъ, что для него обезпечена здѣсь возможность покупки во всякое время и безъ вмѣшательства третьихъ лицъ. Зная обстоятельства дѣла, можно поэтому лишь констатировать, что эти силы, на основаніи законной сдѣлки, всегда въ распоряженіи правительства, и ближайшему стортингу стоитъ лишь рѣшить, чтобы въ этой области не выдавалось частныхъ концессій, и тогда эти силы будутъ на вѣчныя времена закрѣплены за страною.

Intelligents Sedler

и Folkentidende отъ 18. V. 9.

Въ двѣнадцатый часъ!

Фактъ совершился. На общемъ собраніи N.H.A. основанъ трестъ. Нѣкоторые признаки указываютъ на то, что онъ не ограничивается предѣлами Норвегіи. Мы такъ часто и такъ обстоятельно высказывались уже по поводу всѣхъ относящихся сюда вопросовъ, что мы рѣшили напечатать безъ всякихъ примѣчаній воззваніе Центральнаго Комитета

объединенной либерально-демократической партіи. Оно говоритъ само за себя.

Воззваніе!

Норвежцы! Нашей странѣ, благодаря ея водянымъ силамъ, предстоитъ болѣе блестящее будущее, чѣмъ всякой иной странѣ въ мірѣ. Къ услугамъ каждаго гражданина у насъ имѣется по три лошадиныхъ силы живой энергіи! Страна наша, повидимому, столь обдѣлена судьбою, а между тѣмъ, природа предоставила намъ въ распоряженіе столько силы, что мы, играючи, можемъ привести въ движеніе всѣ чудеса техники и заставить ихъ служить намъ.

Разработать эти силы такъ, чтобы никому изъ насъ не было обидно, — такова великая всемірно-историческая задача, выпавшая на долю нашему, ставшему, наконецъ, свободнымъ, народу. Въ этой задачѣ наше будущее!

Норвежцы! Этому будущему грозитъ серьезнѣйшая опасность. Не господами несмѣтныхъ никогда не старѣющихъ силъ хотятъ васъ сдѣлать, а рабами не дающаго ни удовлетворенія, ни счастья труда. Темная мощь, которая въ большинствѣ странъ сильнѣе любви къ свободѣ и стремленія къ благословенной въ вольномъ трудѣ жизни, коварно подвела свои мины подъ самый фундаментъ нашего будущаго.

Въ Норвегіи основанъ водяной трестъ!

Что это значитъ?

Это значитъ, что безличная и не поддающаяся контролю сила объединеннаго денежнаго капитала хочетъ рѣшать, какъ быть въ будущемъ съ нашими водяными силами. Словно камень лежащая на стремленьяхъ народныхъ и на нуждахъ людскихъ—сила объединеннаго денежнаго капитала станетъ опредѣлять, какъ и въ чью пользу будетъ примѣняться водяная энергія. Ни крохи не перепадетъ нашему народу со стола этихъ богачей. Вмѣсто свободы и права на самоопредѣленіе они несутъ намъ барщину труда ради труда и зависимость отъ силъ международнаго финансоваго капитала.

Таково значеніе треста!

Не думайте: «У меня-то свой дворъ», или «У меня мое ремесло», «Я служу государству», или «Я учу народъ». Сила, удорожающая для насъ энергію, беретъ свою дань у каждаго, дѣлаетъ безплоднѣе всякій трудъ и скупѣе всякое счастье.

Это дѣлаетъ трестъ!

Норвежцы! Вы не хотите треста!

Между нимъ и вредомъ отъ него встанетъ ваша могучая народная воля, встанетъ парламентъ и законъ!

Полные бюрократическихъ опасенiй, еще собираются на робкiя совѣщанiя министры, которыхъ до сихъ поръ поддерживало довѣрiе и нашей партiи.

Здѣсь вздорными формулами не помочь! Долой ихъ!

Пока не откроется стортингъ, собирайтесь на собранiя по всей странѣ, въ городахъ и въ селахъ, и въ отдѣльныхъ дворахъ, на митинги, граждане, на горахъ и у фiордовъ!

Объявите народную опалу тресту и воззовите къ закону!

Облеките своимъ довѣрiемъ истинно-либеральную и демократическую партiю, которая будетъ неустанно бороться за права нашего народа!

Центральный комитетъ:

Френхенъ. Хасдрупъ. Вермланъ. Смидъ-Варангъ. Мьельнъ.

21. 5. 9

Многоуважаемый господинъ докторъ!

Изъ Вашей послѣдней присылки особенный интересъ представляютъ свѣдѣнiя о предполагаемой государственной гидравлической станцiи. «Aftenposten» (т. е. правительство) здѣсь держало себя недурно. Было бы тактической ошибкой съ нашей стороны (разъ у правительства остается этотъ выходъ), довести дѣло до отказа въ концессiяхъ частнымъ предпринимателямъ. Къ такого рода реакцiоннымъ мѣрамъ привыкаютъ слишкомъ легко; намъ въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ еще подать цѣлый рядъ прошенiй о концессiяхъ. Стало быть, не будемъ оттѣснять правительство на этотъ опасный путь. Кромѣ того, намъ вообще не слѣдуетъ черезчуръ обострять конфликтъ въ этотъ моментъ, чтобы не повредить правительству, которое относится къ намъ дружественно.

Въ нашемъ интересѣ сохранить теперешнее большинство; потому что въ соединенiи «умѣренныхъ и радикальныхъ либераловъ» залогъ того, что тамъ не окажется характеровъ. Поэтому сдѣлайте черезъ подходящихъ лицъ министерству и вождямъ партiй большинства слѣдующiя предложенiя. (Если они пойдутъ на нихъ, то можно будетъ спокойно ждать созыва стортинга).

I°. Государственная гидравлическая станцiя будетъ принята въ нашъ картель и будетъ пользоваться выгодами

рюдизюлевскаго изобрѣтенія. Въ стадіи переговоровъ мы предложимъ еще особыя льготы относительно цифры участія и самостоятельнаго управленія.

Зато:

II°. Концессіи на водяную энергію, всѣ безъ исключенія, будутъ выданы на 80 лѣтъ; отказа въ нихъ не будетъ, разъ просители представятъ необходимыя экономическія гарантіи.

III°. Гидравлическія станціи не подлежатъ никакому особому обложенію. Это нужно выдвинуть какъ центральный пунктъ переговоровъ. Въ концѣ концовъ, мы согласимся принять налогъ до полукроны на лошадиную силу. (Уступка радикалъ-либераламъ).

Съ сердечнымъ привѣтомъ и Вамъ и господамъ
Сорельсену и Стергару.

Вашъ
Г. Беле.

Д-ръ Франкенъ. — Христіанія. 24. 5. 9.

Глубокоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Завтра будетъ объявлено о созывѣ парламента на первое іюня для обсужденія правительственнаго законопроекта объ окончательномъ урегулированіи пользованія водяною энергіей. Въ законопроектѣ приняты во вниманіе наши предложенія. Въ Dagbladet и въ Aftenposten завтра появятся по этому поводу статьи приблизительно такого содержанія:

«Демагогическіе пріемы, которыми партіи крайней лѣвой пытаются сколотить себѣ политическій капиталецъ изъ простой безмѣрно раздутой коммерческой сдѣлки, никогда и ни въ коемъ случаѣ не заставили бы правительство созвать стортингъ на чрезвычайную сессію. Правительство съ самаго начала обезпечило наилучшимъ образомъ интересы націи, и сознаніе правильности своей позиціи въ немъ такъ сильно, что ему не нужно бояться рыночнаго шума. Но оно полагаетъ, что необходимо выяснить эту позицію именно разсудительнымъ элементамъ нашей страны. И не для того, чтобы покрыть свою отвѣтственность за сдѣланныя упущенія, а для того, чтобы получить санкцію страны для чрезвычайно удачно подготовленныхъ мѣропріятій, созываетъ оно парламентъ. Насколько мы

освѣдомлены, правительственный законопроектъ идетъ гораздо дальше временнаго закона 1906 г. Основной принципъ концессіонированія въ немъ сохраненъ; но сверхъ этого законопроектъ требуетъ еще особаго обложенія всѣхъ гидравлическихъ предпріятій. Предусматривается также основаніе государственной силовой станціи въ Нумендольслаэнъ.

Два послѣднихъ предложенія правительства показываютъ, до какой степени излишенъ крикъ партій, живущихъ въ своей политической дѣятельности, что называется, изъ руки да въ ротъ. Правительство не только требуетъ именно того же, о чемъ мечтаютъ эти партіи, но оно указываетъ еще и пути осуществленія этого требованія. Наилучшимъ доказательствомъ осторожности и тактической бдительности нашего правительства является тотъ фактъ, что оно обезпечило за государственной станціей всѣ выгоды, включая и рюдизюлевское изобрѣтеніе, какими пользуются предпріятія водяного союза, не поступившись никакими правами ни въ смыслѣ цифры производства, ни въ смыслѣ самостоятельности управленія станціей.

Мы твердо надѣемся, что правительственный законопроектъ будетъ принятъ громаднымъ большинствомъ» и т. д.

Положеніе правительства, естественно, не такое розовое, и большинство у него отнюдь не надежное. Отложить созывъ парламента на болѣе долгій срокъ оно уже не могло бы. Наши предложенія были для него, если только правильны соображенія Стергара, своего рода спасательной лодкой въ бурѣ парламентскихъ битвъ. Правда, правыя партіи, включая и умѣренныхъ либераловъ, проглотили бы правительственный законопроектъ и безъ плановъ обложенія. Но радикалъ-либералы въ предварительномъ обсужденіи находили высоту обложенія черезчуръ ничтожной, а срокъ концессій слишкомъ долгимъ. Все, что они обѣщали, это войти въ дѣловое обсужденіе правительственнаго законопроекта.

Возможно, что засѣданія стортинга пройдутъ спокойнѣе, чѣмъ полагали нѣсколько дней назадъ; особенно разъ широкія массы будутъ удовлетворены правительственнымъ законопроектомъ.

Въ концѣ концовъ, все сведется къ вліянію отдѣльныхъ членовъ парламента.

Гг. Сорельсенъ и Стергаръ кланяются сердечнѣйшимъ образомъ.

Съ почтительнымъ привѣтомъ
глубокоуважающій васъ
Д-ръ В. Франкенъ.

Генрихъ Беле.

26. 5. 9.

Многоуважаемый г. Стергаръ!

Я только что прочелъ отчетъ г. Франкена о политическомъ положеніи въ вашей странѣ. Вы, вѣроятно, какъ и я, жалѣете, что наши экономическія стремленія должны въ настоящій моментъ цѣликомъ поглотиться политическою дѣятельностью. Вѣдь и факторы хозяйственной жизни часто имѣютъ ирраціональное значеніе, а политическіе разсчеты ненадежны вдвойнѣ и втройнѣ.

Вамъ будетъ понятно, почему я обращаюсь къ Вамъ, какъ къ превосходному знатоку политическихъ отношеній въ вашей странѣ, и прошу васъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы.

Какія возможны у васъ группировки большинства? Какое у васъ впечатлѣніе о намѣреніяхъ радикалъ-либеральной партіи?

Прошу васъ и другихъ руководителей Norske Finance Bank (No - Fi - Ba) немедленно же постараться о пріобрѣтеніи правъ предпочтительной покупки на возможно большее количество водяныхъ силъ — и второго и третьяго разряда. Въ случаѣ, если будутъ назначены новые выборы, избиратели въ этихъ мѣстностяхъ будутъ голосовать за нашу промышленнюсть.

Большое спасибо Вамъ за Ваши труды.

Съ почтеніемъ
Г. Беле.

Д-ръ Франкенъ.

Христіанія, 26. 5. 9.

Глубокоуважаемый г. коммерціи совѣтникъ!

Вчера состоялось здѣсь большое собраніе радикалъ-либеральной партіи. Выступали ея вожди — Франкенъ, Мьельнъ и д-ръ Вермланъ.

Напомню, что радикалъ-либеральная партія состоитъ

изъ либеральнаго и демократическаго крыла, которыя прежде представляли собою самостоятельныя партіи. Сліяніе ихъ произошло, главнымъ образомъ, благодаря большому личному вліянію доктора Вермлана. Естественно, что и до сихъ поръ въ партіи имѣются кое-какія противорѣчія, и всѣ напряженно ждали, проявятся ли они и по вопросу о водяномъ законодательствѣ.

Судя по впечатлѣніямъ отъ вчерашняго собранія, этого врядъ ли можно ожидать. Всѣ три оратора (гг. Френхенъ и Мьельнъ принадлежатъ къ либеральному крылу) подчеркивали единодушіе своей партіи въ вопросахъ водяного законодательства. Въ принципѣ они привѣтствовали правительственный законопроектъ, въ которомъ они усматривали уступку своей партіи. Однако же, они порицали излишнюю робость и осторожность правительства на этомъ пути. Особенно Вермланъ настаивалъ, что разъ само правительство дѣлаетъ такого рода предложенія, то было бы безуміемъ удовлетвориться этою мѣрою уступокъ. Нужно, молъ, требовать больше, чѣмъ предлагается.

Большинство слушателей было, несомнѣнно, на сторонѣ ораторовъ, потому что и здѣсь народъ бѣжитъ за тѣмъ, кто радикальнѣе и кто обѣщаетъ больше, чѣмъ въ состояніи исполнить. Здѣсь приписываютъ довольно большое значеніе этому собранію, такъ какъ на немъ сдѣланы программныя заявленія наибольшею партіей въ этой странѣ.

Съ почтительнымъ привѣтомъ

Д-ръ В. Франкенъ.

Ларсъ Стергаръ.

Христіанія, 28. 5. 9.

Многоуважаемый господинъ Беле!

Благодарю Васъ за довѣріе, которое Вы оказали мнѣ въ послѣднемъ письмѣ.

Мы сейчасъ же приняли всѣ мѣры и использовали всѣ пути, чтобы заинтересовать возможно больше округовъ въ нашей странѣ вопросомъ о разработкѣ мѣстныхъ водяныхъ силъ.

На вопросы, поставленные въ Вашемъ письмѣ, можно отвѣтить вкратцѣ слѣдующимъ образомъ.

Теперешнее большинство состоитъ изъ обѣихъ либеральныхъ партій (умѣренной и радикально-либерально-демократической). Въ министерствѣ руководящую роль

играютъ умѣренные. При нашихъ условіяхъ было бы мыслимо одно лишь большинство, — изъ радикалъ-либераловъ и соціалъ-демократовъ, но оно могло бы составиться лишь послѣ новыхъ выборовъ.

Много говорятъ также, и съ давнихъ поръ, о большинствѣ правыхъ; въ нашей странѣ оно врядъ-ли можетъ получиться въ близкомъ будущемъ. Однако же, выборы — лотерея!

Чего хотятъ радикалъ-либералы? Власти въ государствѣ, какъ и всякая партія. Если бы, — что еще сомнительно, — они убѣдились, что теперешнее положеніе можетъ помочь имъ прійти ко власти, то они не оставили бы его неиспользованнымъ. Но у нихъ среди избирателей и депутатовъ слишкомъ много добропорядочныхъ и трусливыхъ обывателей и лишь немного мужественныхъ людей. Среди послѣднихъ лучшіе Яльмаръ Френхенъ и Ор. Вермланъ. Если эти двое пойдутъ заодно, то ихъ партія сможетъ позволить себѣ полную мѣру «стремленій». Какъ все это выйдетъ въ подробностяхъ, объ этомъ можно будетъ услышать только въ стортингѣ.

Готовый къ услугамъ Вашимъ

глубокоуважающій и преданный

Стергаръ.

30. 5. 9.

Глубокоуважаемый г. докторъ Вермланъ!

Обратную карету! (Не потому, чтобы я счелъ ее особенно пригоднымъ экипажемъ, но потому, что чувство долга обязываетъ меня не пренебречь ничѣмъ, что можетъ служить цѣли). Не пора ли было бы Вамъ остановиться? Вамъ предлагается теперь больше, чѣмъ Вы отваживались прежде требовать. Вы пожелаете вѣдь все-таки соразмѣрить разстояніе, чтобы не оборваться прыжкомъ?

Жаль было бы и Васъ и Вашей страны, если Вы думаете предоставить рѣшеніе «вѣчно-слѣпому» народу. Если дойдетъ до этого, такъ вѣдь человѣкъ съ избирательнымъ бюллетенемъ будетъ свирѣпствовать лишь противъ самого себя Въ этомъ вѣдь онъ филантропъ.

Съ почтительнымъ привѣтомъ.

Вашъ.

Г. Беле.

Др. Вермланъ. Христіанія, 1. 6. 9.

Многоуважаемый г. Беле!

Вы, разумѣется, того мнѣнія, что предложили очень мало по сравненію съ тѣмъ многимъ, что Вы еще разсчитываете взять. И я хотѣлъ бы здѣсь считаться съ Вашими, а не съ моими мѣрками. Впрочемъ, т о т ъ ф а к т ъ, ч т о В ы предлагаете (потому что, кто же другой и могъ бы предлагать), доказываетъ все-таки, что имѣется еще какая-то возможность, которая могла бы оказаться для Васъ неудобною. Вы между тѣмъ уже узнали наше ultima ratio: абсолютный отказъ въ новыхъ концессіяхъ.

И такимъ образомъ, мы уже прійдемъ къ концу и — къ нашимъ каникуламъ на берегу моря.

Конечно, чтобы Норвегія могла побѣдить in gloria et victoria — къ сожалѣнію, мы черезчуръ бѣдны, чтобы быть въ состояніи такъ вести войну. Если бы только можно было хотя бы лишь х о т ѣ т ь этого: чтобы все общество стало предпринимателемъ и никто другой въ одной лишь этой гигантской хозяйственной области! Такой великій подвигъ обезпечилъ бы мою страну навѣки отъ всякаго соціалистическаго мелкаго торгашества и отъ экономическаго шарлатанства. — Это н е д о с т и ж и м о. (Разъ Вы ужъ вообще хотите, чтобы я еще разъ подтвердилъ это!). Но можно достичь какого-нибудь промежуточнаго этапа между Вашимъ предложеніемъ и моимъ «идеальнымъ» требованіемъ.

И почему бы нельзя было достичь этого съ помощью избирательнаго бюллетеня? Почему отказать политическому дѣятелю въ шансѣ, позволяющемъ ему лучше всего развернуть свою дѣятельность? А онъ сможетъ это, если онъ сумѣетъ зажечь своимъ словомъ десятки тысячъ и подчинить ихъ своему духу такъ, чтобы въ день выборовъ силы этихъ десятковъ тысячъ съ благодарностью притекли къ нему и повели бы его къ побѣдѣ.

Весь смыслъ избирательнаго права скажется въ эту Троицу.

Сессія стортинга начнется сегодня.

Съ сердечнымъ привѣтомъ

Вермланъ.

Берлинъ, 2. 6. 9.

Франкену-Сорельссну-Financing.

Христіанія.

Радлиб стремятся къ роспуску парламента

Беле.

(Протелеграфировать шифромъ!)

Телеграфъ Германской имперіи.

торгово-промышленный банкъ

берлинъ

правительственный законопроектъ отклоненъ министръ-президентъ читаетъ королевское посланіе роспускѣ стортинга новые выборы перваго іюля письмо послано

франкенъ.

Др. Франкенъ. Христіанія, 2-го іюня 1909.

Многоуважаемый господинъ коммерціи совѣтникъ!

Только что протелеграфировалъ Вамъ о роспускѣ парламента. Радикалъ-либералы и соціалъ-демократы, вмѣстѣ составившіе большинство, заявили черезъ своихъ ораторовъ, что ихъ не удовлетворяетъ ни высота налога, ни продолжительность концессій.

Правительство отвѣтило, что и та и другая цифра представляютъ при создавшемся положеніи послѣдній предѣлъ достижимаго. Что совершенно исключена возможность ихъ измѣненія. И что если бы большинство палаты стало настаивать, то правительству придется взять обратно свой законопроектъ.

Г. Брансенъ отъ имени умѣренныхъ либераловъ заявилъ, что составившееся большинство, насколько ему извѣстно, не замышляетъ нанести правительству ударъ въ спину.

Тогда по порученію радикалъ-либераловъ докторъ Вермланъ заявилъ, что и его партія также не имѣетъ намѣренія расколоть большинство; но что она все-же считаетъ своею обязанностью по возможности исполнить все, что нужно. И чтобы доказать, насколько его друзья готовы къ уступкамъ, онъ имѣетъ сдѣлать слѣдующее сообщеніе: мы отказываемся отъ всякаго особаго обложенія водяныхъ

силъ и будемъ голосовать за восьмидесятилѣтній срокъ концессій, если въ правительственный законопроектъ будетъ внесена слѣдующая поправка.

1. Одна десятая всѣхъ водяныхъ силъ Норвегіи остается въ государственномъ пользованіи.

2. Отъ каждаго новаго частнаго предпріятія казна получаетъ при основаніи его пай въ размѣрѣ одной восьмой складочнаго капитала.

Онъ предлагаетъ сдать эту поправку въ комиссію одновременно съ правительственнымъ законопроектомъ.

Соціалъ-демократы вносятъ къ этой поправкѣ еще одинъ пунктъ (3.), отъ принятія котораго зависитъ ихъ голосованіе за предложеніе Вермлана.

3. Норвежскій законъ о патентахъ измѣняется въ томъ смыслѣ, что государство получаетъ право пользоваться заявленнымъ изобрѣтеніемъ, если послѣднее пригодно для примѣненія въ государственныхъ предпріятіяхъ.

Министръ-президентъ возразилъ, что норвежское патентное право связано международными договорами; принятіе этого предложенія въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено соціалъ-демократами, грозило бы серьезными международными осложненіями, такъ какъ оно означало бы частичную экспропріацію права собственности иностранныхъ подданныхъ.

При голосованіи пунктъ 3 отклоняется всѣми противъ соціалъ-демократовъ.

Послѣ этого соціалъ-демократы внесли то же самое требованіе въ такой формѣ:

3. Норвежское законодательство о патентахъ предусматриваетъ за государствомъ право предпочтительной покупки по отношенію ко всѣмъ заявляемымъ патентамъ на изобрѣтенія, пригодныя для государственныхъ предпріятій. Цѣны при этомъ устанавливаются государственными инстанціями.

По поводу этого предложенія докторъ Вермланъ заявилъ, что оно пріемлемо для части его партіи, и что оно оказалось бы пріемлемо и для всей его партіи, если бы выкинуть изъ него послѣдній пунктъ. Соціалъ-демократическій ораторъ заявилъ, что это невозможно. Это предложеніе тоже отклоняется всѣми голосами противъ соціалъ-демократовъ и нѣкоторыхъ демократовъ.

Тогда, разумѣется, провалилось и предложеніе Вермлана: противъ него голосовала вся правая, умѣренные либералы и соціалъ-демократы. Послѣ этого было поставлено на голосованіе въ первомъ чтеніи заглавіе правитель-

ственнаго законопроекта. Оно было принято почти единогласно.

Таковы были событія 1-го іюня. Затѣмъ, засѣданіе было отложено до сегодняшняго дня. Тѣмъ временемъ произошли совмѣстныя засѣданія всей лѣвой (радикалъ-либералы и соціалъ-демократы). И было, очевидно, достигнуто соглашеніе, какъ это показали событія сегодняшняго дня.

Именно, когда началось постатейное обсужденіе въ первомъ чтеніи правительственнаго законопроекта, вся лѣвая голосовала противъ параграфовъ о концессіяхъ и объ обложеніи.

Въ парламентѣ, такимъ образомъ, рѣзко выдѣлилась правая (консерваторы и умѣренные либералы) и сплоченная лѣвая. Старое правительственное большинство перестало существовать, и исчезли всѣ шансы правительственнаго законопроекта.

Поэтому никого не удивило, что министръ-президентъ сейчасъ же послѣ этого прочелъ королевское посланіе о роспускѣ парламента и о назначеніи новыхъ выборовъ на первое іюля.

Итакъ, правая вступитъ въ избирательную борьбу, призывая голосовать за правительственный законопроектъ, а лѣвые выдвинутъ общую программу, соотвѣтствующую ихъ предложеніямъ въ парламентѣ.

Просимъ обстоятельныхъ инструкцій.

Съ глубокимъ почтеніемъ преданный Вамъ
Др. В. Франкенъ.

Г. Беле. 4. 6. 9.

Уважаемый господинъ Франкенъ!

Наши друзья въ Норвегіи должны позаботиться о томъ, чтобы правые вступили въ избирательную борьбу крѣпко сплоченнымъ строемъ. Если Вы мнѣ сейчасъ же не протелеграфируете противнаго, я буду полагать, что виды на это и шансы побѣды у правыхъ хороши.

А затѣмъ, у меня нѣтъ никакихъ инструкцій для Васъ и для нашихъ друзей. Развѣ лишь одно: Позаботьтесь о томъ, чтобы наши люди, наши партіи работали, работали.

Подобнаго рода правыя и такъ называемыя умѣренныя партіи слишкомъ склонны видѣть въ избирательной кампа-

нiи что-то вродѣ суда Божiя или повода для чудодѣйственнаго вмѣшательства вышнихъ силъ. Они антиципируютъ результаты, заявляя: «Мы вѣдь правы, чего же намъ еще!» Вразумите, пожалуйста, этихъ людей, втолкуйте имъ, что того, кто правъ, можно узнать лишь послѣ выборовъ, а не до нихъ. Стало быть, сдѣлайте все, чтобы заставить эту публику работать, выбирать. Не щадите средствъ.

Позаботьтесь также и о томъ, чтобы выдвинуть Стергара въ избирательной борьбѣ на надлежащее мѣсто; это хорошій человѣкъ. Но ни въ коемъ случаѣ не ставьте его кандидатуры (и Сорельсена, разумѣется, также нѣтъ). Стергару не слѣдуетъ работать въ одномъ какомъ-нибудь избирательномъ округѣ, онъ долженъ быть во всѣхъ.

А затѣмъ, не обременяйте своего и моего времени отчетами о ходѣ избирательной кампанiи. Противъ такого рода отчетовъ испытанное средство—балансы и биржевой отдѣлъ въ газетахъ.

Перебаллотировокъ при такомъ рѣзкомъ размежеванiи врядъ-ли можно ожидать. Итакъ жду телеграммы въ день выборовъ.

Съ сердечнымъ привѣтомъ

Г. Беле.

Телеграфъ Германской Имперiи.

генриху беле.

берлинъ

аллея королевъ

христiанiя 1 iюля 1909 11 вечера

результатъ сегодня неопредѣлимъ лѣвой можетъ быть слабое большинство

франкенъ.

Телеграфъ Германской Имперiи.

торговопромышленный банкъ

берлинъ

христiанiя 2 iюля 1909 3.40 пополудни

правая 7 депутатовъ большинство 5 перебаллотировокъ поздравляемъ

сорельсенъ стергаръ

бьярнсенъ франкенъ.

Пер. **В. Перазича.**

МИСТЕРЪ БРИТЛИНГЪ ПЬЕТЪ ЧАШУ ДО ДНА.

Романъ Г. Дж. Уэллса.

(Продолженіе) *.

КНИГА ВТОРАЯ.

МАТЧИНГСЪ-ИЗИ ПЕРЕЖИВАЕТЪ ВОЙНУ.

Глава I.

Зрители.

X.

Одна изъ примѣчательныхъ особенностей отношенія Англіи къ войнѣ была склонность усматривать въ ней грандіозную шутку. Подобное отношеніе можно прослѣдить въ значительной части англійской литературы того времени. И, несмотря на всѣ жестокости, насилія, несправедливости, колоссальныя разрушенія и еще болѣе колоссальныя опасности борьбы, это отношеніе долго держалось. Англійскій умъ долго и наотрѣзъ отказывался видѣть что-нибудь величественное или ужасное въ германскомъ нападеніи, или смотрѣть на германскаго кайзера или кронпринца иначе, какъ на какія-то шуточныя фигуры. Съ начала до конца англійское представленіе о врагѣ выражалось въ видѣ какого-то напыщеннаго, глупаго, толстаго человѣка, краснаго отъ напряженія, съ вылупленными глазами и принужденно-вызывающей манерой. То, что онъ можетъ быть страшно смертоносенъ, ни капельки не затмевало факта его крайней нелѣпости. И, если по мѣрѣ того, какъ тянулась война, шуточное отношеніе становилось все болѣе зловѣщимъ, тѣмъ не менѣе оно оставалось шуточнымъ. Пусть нѣмецъ превратитъ весь міръ въ пустыню, но это не могло измѣнить британскаго убѣжденія, что онъ выставляетъ себя дуракомъ.

И въ теченіе всего дня, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, эта склонность видѣть все въ немного юмористическомъ свѣтѣ не переставала всплывать наружу, то въ случайномъ

---

* См. „Лѣтопись“ № VII—IX за 1916 г.

замѣчаніи, то въ сознательной остротѣ или шуткѣ. Мальчики вспомнили про «гусиный» шагъ германскихъ солдатъ, и онъ наполнилъ ихъ юныя души удивленіемъ и наслажденіемъ. То, что взрослыя, сознательныя человѣческія существа могли согласиться маршировать такимъ шагомъ, казалось имъ невѣроятно потѣшнымъ. Они сперва сами попробовали продѣлывать этотъ «гусиный» шагъ, затѣмъ стали просвѣщать всѣхъ. Къ чаю пришли Летти и Сисси за новостями, и тотчасъ же мальчики забрали ихъ, Тедди и Гью и заставили всѣхъ маршировать по газону.

— Лѣвая, правая, — кричалъ Гью, — лѣвая, правая!

— Носки врозь! — кричалъ м-ръ Лоренсъ Карминъ.

— Грудь впередъ, голову выше! — кричалъ младшій Бритлингъ.

— Смотрите на цеппелины и дѣлайте гордое выраженіе! — кричалъ Гью. — Грудь впередъ! Зо!

Миссисъ Бритлингъ эта картина такъ позабавила, что она сбѣгала въ домъ за кодакомъ и сняла марширующую компанію. Снимокъ вышелъ очень удачнымъ, и годъ спустя м-ру Бритлингу суждено было найти отпечатокъ его среди своихъ бумагъ и вспомнить веселое настроеніе, царившее въ тотъ ясный солнечный день...

XI.

Въ ту ночь пришло извѣстіе объ объявленіи Англіей войны Германіи. Почти каждому англичанину это показалось въ порядкѣ вещей, и то, что нѣмцы были этимъ весьма удивлены — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ фактовъ въ исторіи Германіи. Когда м-ръ Бритлингъ, какъ примѣрный англичанинъ, говорилъ, что Англія никогда не будетъ воевать съ Германіей, онъ собственно хотѣлъ сказать, что онъ не могъ себѣ представить возможность нападенія Германіи на Бельгію или Францію. Если бы Германія удовлетворилась исключительно оборонительной войной на своей западной границѣ и оставила бы Бельгію въ покоѣ, то едва ли появилась бы даже партія «за войну» въ Англіи. Но нападеніе на Бельгію, устремленіе Германіи на западъ — заставили весь англійскій народъ цѣликомъ вспыхнуть единогласнымъ требованіемъ войны. Этотъ шагъ Германіи рѣшилъ вопросъ, который до самаго начала конфликта оставался открытымъ и спорнымъ. До самаго конца англичане лелѣяли мысль, что въ Германіи точно такъ же, какъ и въ Англіи, поголовное большинство народа было настроено добродушно, мирно и вполнѣ безпристрастно. И тутъ то была ошибка англичанъ. Германія оказалась и была

той самой Германіей, за какую она себя выдавала вотъ ужъ сорокъ лѣтъ — государствомъ милитаристическимъ. И со вздохомъ — и давно забытой дрожью волненія — Англія встряхнулась и приготовилась воевать. Да и теперь еще она встряхивалась лѣниво. Предстояло что-то огромное, невообразимое, но—насколько огромное, никто въ Англіи не могъ себѣ точно представить.

Въ тотъ день безчисленное множество людей, которыхъ судьба намѣтила къ смерти и ранамъ, стояли съ раскрытыми отъ удивленія ртами, читая извѣстіе, и улыбались возбужденности газетныхъ заголовокъ, и ни на секунду имъ въ голову не приходило, что что-нибудь изъ того, о чемъ оповѣщали газеты, подойдетъ къ нимъ ближе, чѣмъ на триста миль. Что была война для Матчингсъ-Изи — для всѣхъ этихъ маленькихъ и большихъ Матчингсъ-Изи, изъ которыхъ состоитъ Англія? Послѣдній домъ, сожженный врагомъ на разстояніи ста миль отъ Матчингсъ-Изи, былъ сожженъ датчанами и то больше, чѣмъ тысяча лѣтъ тому назадъ!.. И послѣдніе слѣды этихъ самыхъ датчанъ, сохранившіеся въ Англіи, были кой-какіе лоскутки корявой затвердѣвшей кожи подъ шляпками гвоздей на дверяхъ церкви Св. Климента Датскаго въ Лондонѣ...

И вотъ теперь Англіи снова предстояло участвовать въ войнѣ, которая должна будетъ поджечь дома въ Англіи и принести смерть англійскимъ гражданамъ на англійской землѣ. Все это были прямо невообразимыми мыслями въ августѣ 1914 года. И такого рода явленія должны случиться прежде, чѣмъ ихъ возможность можетъ быть осознана.

XII.

Повѣсть эта, въ сущности, является повѣстью о томъ, какъ восприняты были начало и дальнѣйшее развитіе Великой Войны маленькой группой людей въ Эссексѣ, и, пожалуй, — меньше того, — какъ она была воспринята однимъ человѣческимъ сознаніемъ. Вначалѣ она была воспринята всѣми этими людьми, какъ нѣчто, имѣющее характеръ зрѣлища, какъ какое-то представленіе, какъ нѣчто въ газетахъ какъ нѣчто въ области скорѣе исторической эпохи, чѣмъ личнаго опыта. И только постепенно начала эта война и ея послѣдствія проникать въ глубокія нѣдра англійской жизни

Если бы нашу повѣсть можно было изобразить рисунками или набросками, то центральной фигурой въ нихъ былъ бы м-ръ Бритлингъ, — то сидящій день и ночь за своимъ письменнымъ столомъ, сперва пишущимъ свою брошюру «Теперь пришелъ конецъ Войнѣ», затѣмъ другія статьи; то разгуливающимъ по своему саду. или

парку Клаверингскаго замка; или бѣгающимъ по Лондону; или стоящимъ въ своемъ клубѣ передъ телеграфнымъ автоматомъ, развертывающимъ ленту послѣднихъ извѣстій; или сидящимъ у себя дома и читающимъ газету, въ то время, какъ въ мозгу его накопляются, собираются, развиваются мысли и впечатлѣнія, складываясь въ какую-то систему, реагируя другъ на друга, выливаясь въ обобщенія и умозаключенія...

Вскорѣ, дѣйствительно, всѣ умственные интересы, все духовное существо м-ра Бритлинга сосредоточилось на войнѣ. Его обычная, еженедѣльная передовая въ «Times» вскорѣ начала становиться очередной диссертаціей на тему о нѣмецкой точкѣ зрѣнія. Его рецензіи и статьи въ «Литературномъ Приложеніи» «Таймса» вертѣлись все болѣе или менѣе вокругъ одного центральнаго факта...

Рѣдко онъ дѣйствительно видѣлъ самую войну; очень немногіе видѣли ее; для большинства людей въ мірѣ она являлась безпредѣльнымъ множествомъ неясныхъ, яркихъ и хаотическихъ впечатлѣній. Но тѣмъ не менѣе, онъ все время старался изо всѣхъ силъ увидать войну, постигнуть ее, какъ бы опростить ее и извлечь сущность ея такъ, чтобы она могла быть воспринимаема, какъ нѣчто эпическое и объяснимое, какъ логическій выводъ...

Онъ всегда ненавидѣлъ всякіе конфликты и разрушенія и считалъ, что война между цивилизованными государствами была величайшимъ выраженіемъ человѣческаго безсилія, что это была глупость, задерживающая и пріостанавливающая прогрессъ и всякое свободное развитіе человѣчества. Тысячу разъ онъ заявлялъ, что считаетъ войну немыслимой, невозможной, и даже теперь, когда воевала и его родина, онъ все еще былъ далекъ отъ сознанія, что эта война — нѣчто, могущее задѣть его какъ-нибудь иначе, чѣмъ интеллектуально. Онъ всѣмъ существомъ своимъ никакъ не могъ повѣрить, что убійство, разрушеніе и страданіе сейчасъ, въ масштабѣ, превосходящемъ все то, что до сихъ поръ было извѣстно, имѣютъ мѣсто на той же самой землѣ, что и тѣ, кто мирно спитъ за чернымъ плющемъ и сверкающей серебряной оконной рамой, окаймляющей мирный разстилающійся передъ нимъ видъ.

Вотъ уже тысяча лѣтъ съ лишнимъ, какъ война не была ни разу реальностью въ повседневной жизни Англіи. Умственная привычка націи, слагавшаяся вотъ уже пятьдесятъ поколѣній, была противъ эмоціональнаго осознанія войны. Англичане были, въ сущности, избалованными дѣтьми мира. Испанія и Франція, правда, каждая въ свою очередь и въ

свое время, угрожали имъ, но ни та, ни другая никогда не перешагнула черезъ море. Правда еще, что у Англіи были свои внутреннія междоусобицы, и что она воевала и завоевывала территоріи во всѣхъ частяхъ земли и создала огромную имперію, но эти завоеванія, какъ м-ръ Бритлингъ какъ-то объяснилъ м-ру Диреку, были «просто экскурсіей». Англія просто посылала своихъ младшихъ сыновей, лишнихъ людей, эмигрантовъ и экспедиціонные корпуса. Девятнадцать изъ двадцати англичанъ, всѣ средніе классы и большая часть низшаго класса, имѣли почти столько же понятія о британской имперіи, сколько объ аргентинской республикѣ или объ итальянскомъ ренессансѣ. Это ихъ не касалось. Война, призывающая подъ знамена всякаго мужчину и угрожающая каждой жизни въ странѣ, война всей націей, — это было явленіемъ, стоявшимъ совершенно внѣ англійскаго опыта и внѣ предѣловъ британскаго воображенія. Такая война все еще казалась неправдоподобной, она была все еще внѣ грани мыслей м-ра Бритлинга даже въ теченіе огромнаго наступленія и пріостановки его на западѣ, которыми отмѣчено было начало великой войны.

Въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ онъ былъ скорѣе зрителемъ на представленіи, чѣмъ гражданиномъ страны, непосредственно участвующей въ войнѣ.

XIII.

Послѣ временнаго возбужденія, продовольственной паники и краткой финансовой растерянности, снова взяла верхъ безпредѣльная инертность англійской будничной жизни. Когда публика явилась въ банки за новыми бумажными деньгами, то банки, извиняясь, предлагали золото. Новыхъ бумажныхъ денегъ не хватало, зато золота было достаточно. Первое впечатлѣніе — что случилась всемірная катастрофа, смѣнилось другимъ — какъ будто ничего не случилось.

Пооткрывались послѣ праздника магазины; сперва въ нихъ господствовало настроеніе выжидательное, нерѣшительное, быстро смѣнившееся прежней увѣренностью. Люди снова стали спокойно заниматься своими дѣлами, и война, поскольку она касалась широкихъ массъ британскаго народа, въ теченіе первыхъ дней была скорѣе лихорадкой ума и мысли, чѣмъ физической и личной актуальностью. Появился большой спросъ на извѣстія, и нѣкоторое время извѣстій было весьма мало. Печать изо всѣхъ силъ старалась оказаться на высотѣ своего новаго необычайнаго поло-

женія. Предводительствуемыя «Daily Express», всѣ полупенсовыя газеты [1] стали прибѣгать къ новому и болѣе громкому типу заголовковъ, къ строкѣ крупнаго, жирнаго шрифта, пересѣкающей всю полосу и объявляющей въ двухъ-трехъ словахъ о побѣдахъ или неудачахъ. И эти заголовки стали появляться каждый день, объявлялось ли о большой битвѣ или о потерѣ траллера, и публика очень быстро приспособилась къ этому новому пріему.

Со стороны правительства не появилось никакихъ приглашеній, и не было никакой организаціи для всеобщаго участія въ войнѣ. Люди говорили совершенно свободно, никѣмъ не стѣсняемые; всѣ какъ будто заговорили; махали флагами и проявляли много смутной готовности что-нибудь сдѣлать. Всѣ охотно хватались за всякую возможность такъ или иначе быть полезными. Стало извѣстнымъ, что лордъ Китченеръ потребовалъ новую армію въ пятьсотъ тысячъ человѣкъ. Имѣвшійся въ распоряженіе военнаго министра механизмъ для вербовки добровольцевъ, механизмъ, разсчитанный на куда менѣе крупный масштабъ, тотчасъ же оказался безсильнымъ справиться съ огромнымъ наплывомъ молодыхъ людей, желающихъ вступить въ ряды арміи. Пришлось сдержать потокъ добровольцевъ установленіемъ такой физической нормы для желающихъ, который былъ значительно выше средняго національнаго уровня, и тогда зачисленіе добровольцевъ облегчилось. Въ нѣкоторыхъ кругахъ господствовало убѣжденіе, что войну не слѣдуетъ принимать слишкомъ близко къ сердцу и что для широкимъ массъ она представляла скорѣе развлекающій и волнующій, чѣмъ жизненный интересъ. Фраза «Business as usual» («Занимайтесь обычнымъ дѣломъ, какъ всегда) обошла весь міръ, и газеты запестрѣли статьями, старающимися доказать, что наивысшій, наиподлиннѣйшій патріотизмъ сводится къ тому, чтобы продолжать жить и работать такъ, какъ будто никакой войны нѣтъ.

«Предоставьте все Китченеру», было другимъ лозунгомъ, въ которомъ въ значительной степени сказалась національная особенность англичанъ, — желаніе самимъ оставаться въ сторонѣ.

«Дѣло обстоитъ попрежнему, пока карта Европы

---

[1] Популярная пресса, вродѣ „Daily Mail", „Daily Express" и т. д. стоитъ $1/2$ пенса за №, въ то время, когда серьезныя газеты—„Times", „Morning Post", „Daily Telegraph" и т. п. стоятъ 1 пенсъ.

ремонтируется», — гласило объявленіе въ окнѣ какого-то парикмахера и произвело настоящій фуроръ.

Гью въ теченіе всего августа не уѣзжалъ изъ Матчингсъ-Изи. Вмѣстѣ съ отказомъ отъ артистической карьеры, онъ отказался и отъ своей квартиры въ Лондонѣ, и отецъ уже началъ хлопотать о его переводѣ въ Кэмбриджъ, куда перешелъ и проф. Кардиналъ. А пока Гью снова взялся за науку. Часа два каждый день онъ занимался, довольно неохотно, греческимъ языкомъ, а остальное время работалъ или надъ математикой, или надъ математической физикой, или же производилъ опыты въ небольшой лабораторіи, устроенной во дворѣ. И только къ самому концу августа, наконецъ, мелькнула мысль у него и у м-ра Бритлинга, что война можетъ имѣть для нихъ значеніе болѣе близкое, чѣмъ зрѣлищное или эмоціональное. До сихъ поръ современная исторія слагалась безъ личнаго вмѣшательства Гью. Онъ не сразу могъ себѣ уяснить, почему бы ей не продолжать складываться съ той же объективностью. Послѣдніе всеобщіе выборы — а всеобщіе выборы въ парламентъ, въ сущности, единственное событіе, при которомъ жизнь средняго, здравомыслящаго англичанина становится до нѣкоторой степени общественной — имѣли мѣсто четыре года тому назадъ, когда Гью было всего тринадцать лѣтъ.

XIV.

Нѣкоторое время въ Матчингсъ-Изи господствовало убѣжденіе, что германскія арміи разбиты и почти цѣликомъ уничтожены подъ Льежомъ. Впрочемъ, это несоотвѣтствующее истинѣ убѣжденіе господствовало далеко не въ одномъ Матчингсъ-Изи.

Первый набѣгъ германцевъ, собственно, дѣйствительно былъ отбитъ со значительнымъ урономъ, и такимъ же неуспѣхомъ для нихъ сопровождались систематическія атаки 6-го и 8-го августа. Потомъ извѣстія изъ Льежа стали получаться неопредѣленныя, хотя въ Англіи все еще вѣрили, до самаго вступленія германцевъ въ Брюссель, что часть или всѣ форты Льежа еще держатся. Одновременно съ этимъ французы проникали все дальше и дальше въ свои когда-то потерянныя провинціи, занимая Альткирхъ, Мюльгаузенъ и Саарбургъ; русскіе наступали въ Буковинѣ и Восточной Пруссіи; «Гебенъ», «Бреслау» и «Пантера» были потоплены газетами въ воображаемомъ бою въ Средиземномъ морѣ, а Тоголандъ былъ захваченъ французами и

англичанами. Общественное мнѣніе Англіи еще не уясняло себѣ ни силы, ни размѣровъ германскаго наступленія въ Бельгіи, и поэтому м-ръ Бритлингъ имѣлъ полное право настаивать на своемъ опасеніи, что война кончится слишкомъ рано и, во всякомъ случаѣ, задолго до того, какъ удалось бы обезпечить въ полной мѣрѣ всѣ тѣ преимущества, которыя она должна принести человѣчеству. Но эти опасенія оказались, въ концѣ концовъ, совершенно неосновательными; уроки, которые готовила м-ру Бритлингу война, оказались впослѣдствіи значительно болѣе убѣдительными и поучительными, чѣмъ все, что онъ могъ себѣ представить, даже въ минуты наисильнѣйшаго увлеченія.

Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить извѣстіямъ о паденіи Брюсселя и о появленіи нѣмцевъ въ Двинѣ. Первый рѣшительный ударъ его чрезвычайнымъ ожиданіямъ побѣды для союзниковъ былъ нанесенъ внезапнымъ появленіемъ на сцену м-ра Дирека, прибывшаго въ Матчингсъ-Изи въ состояніи крайняго возбужденія и растерянности. Онъ телеграфировалъ изъ Лондона: «Ѣду вамъ поразсказать кое-что» и пріѣхалъ почти одновременно со своей телеграммой.

Пріѣхалъ онъ, собственно, подъ предлогомъ навѣстить м-ра и миссисъ Бритлингъ, и до нѣкоторой степени такъ и было; но глаза его то и дѣло бѣгали въ сторону двери и оконъ. Вмѣстѣ съ нимъ вошло какое-то еле уловимое ожиданіе прихода Сисси, и оно витало вокругъ него, какъ ароматъ фіалокъ витаетъ и слѣдуетъ повсюду за цвѣткомъ.

Все же ему удалось кое-что разсказать прежде, чѣмъ завладѣла положеніемъ естественная склонность м-ра Бритлинга брать на себя иниціативу разсказа.

— Клянусь вамъ, господа! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Ну, это и война! Она рѣшительно ни съ чѣмъ не хочетъ считаться! Въ качествѣ американскаго гражданина, я, естественно, ждалъ, что ко мнѣ будутъ относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ, будь тутъ война или нѣтъ. Но, увы, эти ожиданія мои совсѣмъ не оправдались... Европа совсѣмъ съ ума сошла!.. Вы не можете представить себѣ, до какой степени лишилась разсудка Европа!..

— Я пріѣхалъ въ Европу настроенный совершенно дружественно... и, долженъ признаться, я чрезвычайно удивленъ. Я, буквально, очутился на улицѣ безъ всего... Весь мой багажъ пропалъ... Гдѣ-то, на какомъ-то маленькомъ разъѣздѣ около голландской границы... даже названія его не могу вспомнить... Да! Гдѣ-нибудь, въ какой-ни-

будь нѣмецкой семьѣ кто-то сейчасъ радуется моимъ сорочкамъ... хорошія у меня были сорочки... Вотъ этотъ костюмчикъ, что на мнѣ—все, что осталось изъ моего гардероба... Всѣ мои деньги.... у меня были добрые американскіе банкноты... такъ что вы думаете?.. Они просто хохотали, когда я имъ ихъ предлагалъ! А когда я вынулъ и хотѣлъ имъ платить англійскимъ золотомъ, они заподозрили во мнѣ англичанина и чуть было не арестовали меня... Могу увѣрить васъ, англичане сейчасъ очень непопулярны въ Германіи... чрезвычайно непопулярны!.. Пришлось, въ концѣ концовъ, занять денегъ у американскаго консула, и, повѣрите, мнѣ пришлось ждать и жить почти впроголодь, и обозрѣвать міръ, поскольку это дозволялось, съ запасныхъ путей глухихъ полустанковъ, точно корова по дорогѣ съ прерій въ Чикаго... Да, господа, со мной обращались прямо, какъ съ грузомъ какимъ-то... Да еще грузомъ малой скорости... Даже противно вспоминать...

И въ лицѣ м-ра Дирека появилось мрачное и серьезное выраженіе, самое мрачное и серьезное, какое только оно могло принять послѣ долгихъ годовъ вѣчныхъ улыбокъ и добродушія...

— Повторяю вамъ, я никогда не зналъ, что такое война, пока вотъ теперь воочію не убѣдился... Въ Америкѣ мы о такомъ явленіи даже представленія не имѣемъ. Это вродѣ чумы и голода, о которыхъ лишь въ книгахъ читаешь. Мы давно забыли, что она можетъ существовать въ дѣйствительности. Правда, у насъ еще живы нѣсколько дѣдушекъ, которые что-то шамкаютъ про войну... Но, въ сущности, у насъ понятіе о войнѣ свелось къ какой-то дѣтской игрѣ... А тутъ вдругъ люди бѣгаютъ кругомъ тебя по улицамъ.... кричатъ... ненавидятъ... угрожаютъ... и какіе-то милые старички съ сѣдыми усами и отцы семейства собираются для того только, чтобы обсудить и придумать, какъ сжечь дома и убивать, и ранить, и терроризировать... и милыя какія-то барышни, ищущія, гдѣ бы найти англичанина, чтобы плюнуть въ него... Увѣряю васъ, сколько разъ чуть-чуть было не заплевали меня... и вообще было очень непріятно... А, главное, нельзя даже заставить себя повѣрить, что они, дѣйствительно, такія вещи продѣлываютъ... Есть такая деревушка Visé около голландской границы; такъ вотъ тамъ какой-то старый дуракъ сталъ баловаться охотничьимъ ружьемъ. И, повѣрите, они снесли эту деревушку съ лица земли. Разстрѣливали населеніе дюжинами; выстроили жителей въ три ряда, разстрѣляли ихъ

и деревушку сожгли... Почти то же самое, что скальпированіе; краснокожіе индѣйцы и то не могли быть болѣе жестокими... А это цивилизованные, приличные нѣмецкіе солдаты...

XV.

Въ Англіи какъ-будто никто не имѣетъ ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что творится въ Бельгіи..: Слышишь такіе разсказы!.. Ихъ передаютъ люди въ Голландіи!.. Волосы прямо дыбомъ становятся!.. Они рѣшили стереть съ лица земли всѣхъ бельгійцевъ!.. Они рѣшили устроить такой терроръ!.. Вы ничего себѣ представить не можете!.. Насилія?! Такія насилія, о которыхъ никогда ни одному американцу не снилось!.. О которыхъ даже не удобно говорить... изнасилованія!?. Да! Они въ дисциплинарныхъ цѣляхъ насиловали женщинъ на столахъ, на рыночной площади въ Льежѣ! Да, сэръ! Это—фактъ! Мнѣ это разсказывалъ человѣкъ, только что спасшійся изъ Бельгіи. Зналъ самихъ пострадавшихъ, зналъ городъ, зналъ все. Люди тутъ у васъ въ Англіи какъ-будто не сознаютъ, что эти изнасилованныя женщины такія же женщины, какихъ можно найти въ Честерѣ, въ Ярмутѣ и, если хотите, даже въ Матчингсъ-Изи. Они все еще продолжаютъ думать, что женщины континента другого сорта женщины, болѣе приспособленныя къ такого рода обращенію. Они какъ-будто думаютъ, что существуетъ особый законъ природы, не допускающій, чтобы такого рода вещи приключались съ англичанами. А, между тѣмъ, все это происходитъ въ какихъ-нибудь двухстахъ миляхъ отсюда... И сейчасъ происходитъ! И поскольку я могу судить, я вижу мало данныхъ за то, чтобы это не стало еще ближе...

М-ръ Бритлингъ думалъ, что кой-какія маленькія препятствія найдутся.

— Я видѣлъ вашу новую армію на ученіи въ Лондонѣ, м-ръ Бритлингъ. Я не знаю, видѣли-ли вы ее! Я видѣлъ цѣлый батальонъ! И, повѣрите, на цѣлый этотъ батальонъ не было полдюжины людей въ формѣ и ни одного ружья!

— Вы въ Англіи еще не сознаете, противъ чего и съ кѣмъ вамъ придется драться. Вы не имѣете представленія, что значитъ быть въ странѣ, гдѣ всѣ: женщины, старики, взрослые, зрѣлые люди относятся къ войнѣ серьезно, какъ къ дѣлу! И никто не протестуетъ, никого эта война такъ не раздражаетъ! Я не знаю, какой была Германія до войны, такъ какъ я едва успѣлъ сойти съ поѣзда, какъ война была объявлена; но сегодня Германія—одинъ сплош-

ной вооруженый военный лагерь. Она вся наводнена солдатами. И у каждаго солдата и сапоги имѣются, и форма, и полное снаряженіе; все въ порядкѣ.

— Она такъ же увѣрена въ побѣдѣ, какъ-будто бы они уже захватили Лондонъ. И они твердо намѣрены занять Лондонъ. Они твердо увѣрены, что они пройдутъ черезъ Бельгію, твердо увѣрены, что вступятъ въ Парижъ ко дню годовщины Седанской битвы, и что они уничтожатъ вашъ флотъ цеппелинами и подводными лодками и затѣмъ переброСятся черезъ Ламаншъ. Они это самое вторженіе въ Бельгію объясняютъ тѣмъ, что имъ надо добраться до Англіи. А съ Франціей они справятся такъ, между прочимъ, по дорогѣ. Они увѣряютъ, что у нихъ есть такія пушки, съ какими можно бомбардировать Дувръ изъ Калэ. Да, они этимъ открыто хвастаются. Они убѣждены, что вы не въ состояніи вооружить ваши арміи. Они знаютъ, что вы даже десяти тысячъ винтовокъ не въ состояніи вырабатывать въ недѣлю. Они входятъ въ поѣзда и со всѣми заговариваютъ и объясняютъ точнѣйшимъ образомъ, какъ будетъ осуществлено ваше пораженіе. Совсѣмъ какъ-будто они говорили о томъ, какъ станутъ сгонять стадо скота на ярмарку.

М-ръ Бритлингъ возразилъ, что они скоро принуждены будутъ разочароваться.

М-ръ Дирекъ съ увѣренностью, основанной на своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ, замѣтилъ послѣ маленькой, но ощутительной паузы.

— Хотѣлось бы знать, въ чемъ будетъ заключаться это разочарованіе?

И онъ снова вернулся къ факту, произведшему наиболѣе сильное впечатлѣніе на его воображеніе.

— Взрослые люди, обыкновенные, интеллигентные, имѣющіе жизненный опытъ, люди, относящіеся къ войнѣ серьезно и говорящіе о томъ, какъ они накажутъ Англію! Да это цѣлое откровеніе!.. И у нихъ у всѣхъ такой, какъ-бы торжественный, энтузіазмъ! У богатыхъ и бѣдныхъ, у знатныхъ и невѣдомыхъ!

— И всѣ эти поѣзда, полные людей, и поѣзда, полные пушекъ!

— Льежъ...—попробовалъ было возразить м-ръ Бритлингъ.

— Ну, Льежъ, это была просто случайность, — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Нѣсколько тысячъ убитыхъ, допустимъ, даже нѣсколько десятковъ тысячъ убитыхъ, это не важно!.. Это для нихъ никакой роли не играетъ. Въ отелѣ «Сесиль», гдѣ былъ я, остановился человѣкъ, видѣвшій, какъ нѣмцы

зходили въ Брюссель. Мы вчера съ нимъ завтракали за однимъ и тѣмъ же столомъ. И онъ разсказывалъ, что цѣлый день тянулось это вступленіе, огромная, безконечная рѣка сѣрыхъ людей. Безчисленные возы, безчисленныя пушки, все мужское населеніе цѣлой страны, и все это со своими обозами шло, шло, шло безъ конца.

— До сихъ поръ я всегда думалъ, — сказалъ м-ръ Дирекъ,—что война — это какъ бы такая игра, когда большинство людей стоитъ въ сторонѣ и кричитъ, а родъ спеціальной команды дерется. Ну, такъ вотъ Германія совсѣмъ не такъ воюетъ... И, сознаюсь, я испугался, я напуганъ.... Эта самая огромная война, какую можно себѣ представить! Это крайній, высшій предѣлъ войны!.. Прошлой ночью мнѣ снился какой-то сѣрый потокъ, который сметалъ все передъ собой... Вы, и я... и миссисъ Корнеръ — не странно-ли, что и она почему-то тоже тамъ была?.. — въ ужасѣ карабкались на какую-то гору, все выше и выше, и за нами поднимался этотъ потопъ. И вздымался какой-то пѣной изъ лицъ, шлемовъ, штыковъ... и хватающихъ рукъ.. и чего-то краснаго... Да, м-ръ Бритлингъ, я сознаюсь, что у меня немного расшатаны нервы отъ всего этого, но увѣряю васъ, вы тутъ, въ Англіи, еще и не представляете себѣ, съ чѣмъ вамъ придется имѣть дѣло.

XV.

Сисси въ тотъ день не заходила въ Дауеръ-Хаузъ и поэтому м-ръ Дирекъ, подъ какимъ-то смутнымъ и весьма прозрачнымъ предлогомъ, отправился разыскивать коттеджъ Тедди.

Здѣсь его разсказъ произвелъ еще большее впечатлѣніе. Тедди сидѣлъ на письменномъ столѣ, рядомъ съ пишущей машинкой, и медленно качалъ ногами. Летти сидѣла въ креслѣ. Сисси управляла весьма ограниченными опытами въ передвиженіи, производимыми молодымъ наслѣдникомъ.

— Они могли бы трижды уничтожить всю англійскую армію и даже не замѣтили бы этого. Вѣдь они всѣ участвуютъ въ войнѣ! Это цѣлый народъ, вставшій подъ ружье!

Тедди задумчиво кивалъ головой, какъ бы соглашаясь.

— У насъ же флотъ... — сказала Летти.

— Ну, вашъ флотъ врядъ ли можетъ спасти Парижъ!

М-ру Диреку, какъ онъ заявилъ, вовсе не хотѣлось говорить непріятныхъ вещей, но онъ считалъ необходимымъ, чтобы англійскій народъ ясно сознавалъ, съ чѣмъ ему придется имѣть дѣло. «Естественно», онъ чувствуетъ себя однимъ изъ нихъ, т. е переживаетъ все, какъ они, англичане.

И онъ заспѣшилъ назадъ къ нимъ — все равно, какъ будто онъ спѣшилъ домой, — чтобы разсказать имъ о томъ, что на нихъ надвигается. Онъ чувствовалъ себя вродѣ человѣка, бѣгущаго передъ наводненіемъ, огромнымъ сѣрымъ потокомъ. И не можетъ скрывать своихъ мыслей и чувствъ.

— Гдѣ же наша армія? — спросила вдругъ Летти неожиданно.

— Затерялась гдѣ-нибудь во Франціи! — отвѣтилъ Тедди. — Какъ иголка въ стогѣ сѣна!

— Ну, а знаете, что меня больше всего безпокоитъ и волнуетъ? — продолжалъ м-ръ Дирекъ. — А что, если они вдругъ явятся сюда, какъ-нибудь переберутся черезъ Ламаншъ, такъ тысячъ шестьдесятъ или семьдесятъ, а?

— Тогда всякій мужчина въ Англіи поднимется и будетъ стрѣлять въ нихъ! — сказала Летти.

— Но нѣтъ винтовокъ!

— Есть охотничьи ружья!

— Вотъ этого-то я и боюсь! — сказалъ м-ръ Дирекъ. — Тогда они устроятъ бойню!.. — Вы, можетъ быть, храбрѣйшій народъ на землѣ, — продолжалъ онъ, но если у васъ не будетъ винтовокъ, а у нихъ будутъ, васъ всѣхъ перестрѣляютъ, какъ стадо барановъ.

И онъ задумчиво нахмурился.

Потомъ онъ немного встряхнулся и началъ подробно разсказывать все видѣнное и пережитое и про то странное чувство тревоги и безпокойства, которое въ немъ проснулось. Онъ особенно останавливался на своихъ попыткахъ осмотрѣть достопримѣчательности Кельна во время суматицы мобилизаціи. Но очень скоро разсказъ его какъ-то сталъ терять свою связность, и всѣ почувствовали, что его надо оставить вдвоемъ съ Сисси. У Тедди оказалось письмо, которое надо опустить въ ящикъ, Летти захватила младенца и отнесла въ садъ «поползать» по травѣ. М-ръ Дирекъ присѣлъ на подоконникъ и послѣ того, какъ дверь закрылась вслѣдъ за Летти, еще промолчалъ нѣсколько секундъ.

— Что касается васъ, Сисси, — началъ онъ, наконецъ, — я очень безпокоюсь. Очень за васъ безпокоюсь. И мнѣ очень хотѣлось, чтобы вы разрѣшили мнѣ набросить на васъ плащъ Древней Славы.

И онъ взглянулъ на нее серьезными глазами.

— Древней Славы? — спросила Сисси.

— Ну да... Звѣзды и полосы!.. Американскій флагъ! Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы имѣли право назваться гражданкой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ... въ случаѣ

чего-нибудь. Тогда вамъ было бы легче... Всюду, по всему міру, Сисели, къ американцамъ относятся съ уваженіемъ... Никто не посмѣетъ пальцемъ тронуть американскаго гражданина... Мы... народъ неприкосновенный...

Онъ остановился.

-- Но какъ же?.. — спросила Сисели.

— Это совсѣмъ просто... чрезвычайно просто...

— Но какъ?

— Выходите замужъ за американскаго гражданина, — сказалъ м-ръ Дирекъ съ лицомъ, сіяющимъ отъ самодовольства, —и тогда вы будете въ полной безопасности, и я бы больше за васъ не безпокоился.

— И оттого, что Англія воюетъ, я должна выйти замужъ за американца? — воскликнула Сисси.

М-ръ Дирекъ замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ ошибку.

— Оттого, что, быть можетъ, въ Англію ворвутся нѣмцы?!

М-ръ Дирекъ сталъ еще больше убѣждаться въ своей ошибкѣ.

-- Клянусь... — начала она.

— Нѣтъ, не надо! — воскликнулъ м-ръ Дирекъ и протянулъ руку.

Наступилъ критическій моментъ.

— Я никогда не брошу и не откажусь отъ своей родины, пока она воюетъ, — сказала Сисси, немного какъ бы смягчивъ свою первоначальную рѣшительность, и прибавила, какъ будто сожалѣя о своей уступкѣ, —ни за что!

— Тогда, значитъ, Сисси, я долженъ постараться, чтобы эта война кончилась, какъ можно скорѣе...

Но Сисси такъ легко нельзя было успокоить. Война уже добралась къ нимъ въ коттеджъ и понемногу перетягивала ихъ изъ зрительнаго зала на сцену.

— Это самая справедливая война, какая только была въ исторіи человѣчества! — сказала она. -- И если бы я была американкой, я объ этомъ жалѣла бы и жалѣла, что не могу участвовать въ ней! Какъ бы хотѣлось мнѣ сейчасъ быть мужчиной, чтобы я могла сдѣлать что-нибудь для той культуры, цивилизаціи и нравственности, которыя такъ изнасиловали нѣмцы! Я не понимаю, какъ мужчина въ этакую минуту можетъ оставаться въ сторонѣ отъ борьбы и спокойно смотрѣть, какъ нѣмцы уничтожаютъ Бельгію! Это все равно, что оставаться безучастнымъ зрителемъ человѣкоубійства! Это все равно, что любоваться тѣмъ, какъ собака загрызаетъ котенка!..

Лицо м-ра Дирека приняло выраженіе человѣка, которому вдругъ открыли совершенно новый свѣтъ на міръ.

XVI.

То, что разсказывалъ м-ръ Дирекъ, какъ-то угнетающимъ образомъ дѣйствовало на м-ра Бритлинга.

Онъ очень нехотя разставался со своей мечтой о сокрушительномъ паденіи германскаго имперіализма и объ огромной, рѣшительной демонстраціи органической непрочности милитаристической монархіи, вслѣдъ за которыми должна была придти міровая конференція понесшихъ наказаніе, но не потерявшихъ надежды народовъ и... новое тысячелѣтіе. Онъ старался убѣдить себя, что м-ръ Дирекъ плохо умѣлъ наблюдать, и что онъ неправильно истолковалъ все видѣнное. Американецъ — разсуждалъ онъ, — совершенно непривыкшій къ военнымъ событіямъ и военнымъ условіямъ, легко могъ ошибочно принять десятки тысячъ за милліоны и возбужденіе нѣсколькихъ коммивояжеровъ - за энтузіазмъ цѣлаго объединеннаго народа. Но уже газеты съ какой-то, родственной настроенію м-ра Бритлинга, неохотой начинали понемногу «разъяснять» первоначальное свое описаніе германскаго вторженія въ Бельгію, изображенное ими въ видѣ огромнаго, и уже отчасти побѣжденнаго безсилія.

Насколько могъ понять м-ръ Бритлингъ изъ газетъ, — нѣмцевъ, не переставая били въ Бельгіи, и, тѣмъ не менѣе, они, все такъ же не переставая, подвигались впередъ. Каждое встрѣчающееся въ газетѣ новое названіе какой-нибудь мѣстности, которую онъ потомъ отыскивалъ на картѣ, отмѣчало собой какъ бы новую вѣху наступающаго потока. Алостъ-Шерлеруа! А тамъ дальше къ востоку французы уже отступали отъ Саальскаго прохода. Но вѣдь англичане, которые вотъ уже двѣ недѣли находятся во Франціи, несомнѣнно, скоро начнутъ проявлять какую-нибудь дѣятельность и пріостановятъ, наконецъ, это наступленіе; гдѣ-нибудь, навѣрное, въ Брабантѣ или въ восточной Фландріи! Услышавъ же какъ-то въ Клаверингсѣ, что французы плохо снаряжены и подготовлены, онъ потомъ провелъ непріятную ночь. У французовъ, какъ говорили, не было хорошихъ современныхъ орудій ни въ Лиллѣ, ни въ Мобежѣ; у нихъ ощущался сильный недостатокъ въ обуви и снаряженіи вобще, и они были уже подавлены оборотомъ, который приняли событія. Но м-ръ Бритлингъ старался не обращать на это вниманія, считая все просто пессимисти-

ческой болтовней и все еще возлагалъ надежды на все еще невидимую британскую армію, гдѣ-то витающую въ простанствѣ...

И онъ часами сиживалъ надъ картой Бельгіи, выбирая мѣсто, гдѣ бы ему хотѣлось, чтобы сейчасъ витала британская армія.

Затѣмъ палъ Намюръ. Названія мѣстечекъ и городовъ все еще продолжали двигаться на югъ и на западъ. Британская армія или часть ея, наконецъ, вынырнула на свѣтъ Божій неожиданно у Монса. Она, оказывается, тамъ дралась тридцать восемь часовъ подърядъ и побѣждала значительно ее превосходящія вражескія силы. И это было утѣшительно, пока дня черезъ два «линія Камбрэ-Ле-Като» не убѣдила м-ра Бритлинга, что побѣдоносныя британскія войска отступили на двадцать пять миль...

Потомъ пришло воскресенье со знаменитой телеграммой «Таймса», говорившей объ «отступающей и разбитой арміи». М-ръ Бритлингъ самой телеграммы не видалъ, но къ нему прибѣжалъ въ состояніи крайней растерянности м-ръ Маннингъ и разсказалъ ему о ней.

— Дѣло врядъ ли могло обстоять хуже, — сказалъ онъ, — англичане въ большомъ безпорядкѣ отступили къ морю. Они уже «висѣли въ воздухѣ» и были отрѣзаны отъ французовъ. Они едва избѣгли «новаго Седана» подъ укрѣпленіями Мобежа...

М-ръ Бритлингъ былъ огорошенъ. Онъ заперся въ свой кабинетъ и снова занялся изученіемъ карты. Было такое чувство, какъ будто Давидъ метнулъ свой камень... и промахнулся.

Но послѣ завтрака м-ръ Маннингъ позвонилъ по телефону, чтобы утѣшить своего пріятеля. Была получена успокаивающая депеша отъ генерала Френча, уже опубликованная... и... все было хорошо... болѣе или менѣе... и англичане дрались молодцами... Они, оказывается, дрались вокругъ да около Монса безпрерывно въ теченіе нѣсколькихъ дней; они дрались одинъ противъ шести, и отбили противника, нанесши ему огромныя потери. Они доказали неоспоримое индивидуальное превосходство надъ германцами. Они косили нѣмцевъ цѣлыми рядами, британская кавалерія атаковала ихъ кавалерію и прорвала ее, какъ бумажную ленту... Такъ, наконецъ, встрѣтились въ бою британцы съ германцами, и слава осталась за британцами. Послѣ ожесточенныхъ боевъ 26-го около Ландреси, британцевъ уже почти совсѣмъ оставили въ покоѣ, къ нимъ подоспѣли подкрѣ-

пленія, численностью вдвое больше ихъ потерь, и германское наступленіе было рѣшительно остановлено... И снова вернулась бодрость къ м-ру Бритлингу. Онъ заставилъ м-ра Маннинга продиктовать ему все сообщеніе ген. Френча отъ начала до конца. и побѣжалъ съ нимъ въ садъ, гдѣ миссисъ Бритлингъ съ необычайнымъ выраженіемъ безпокойства на лицѣ предсѣдательствовала за чайнымъ столомъ обычнаго случайнаго воскреснаго собранія гостей... Сообщеніе англійскаго штаба было громко прочтено дважды. Послѣ этого былъ хоккей и всеобщій подъемъ духа, и затѣмъ м-ръ Бритлингъ поднялся къ себѣ въ рабочій кабинетъ, чтобы отвѣтить на письмо миссисъ Харродинъ, первое письмо, полученное послѣ ихъ разрыва наканунѣ самаго начала войны, и отвѣтить на которое онъ уже чувствовалъ себя болѣе или менѣе въ настроеніи.

Она писала, какъ будто совершенно игнорируя его молчаніе и отсутствіе, или, вѣрнѣе, относясь къ этому, какъ къ ничего не значащему инциденту. Очевидно, она не выполнила своей угрозы и не призвала терпѣливаго и преданнаго Оливера; по крайней мѣрѣ, не было никакихъ указаній на Оливера въ ея посланіи. Но она упрекала м-ра Бритлинга за то, что онъ покинулъ ее, и молила его о присутствіи и нѣжныхъ и ободряющихъ словъ. Она писала, что очень напугана этой войной. Она только маленькое, безпомощное существо, и все это слишкомъ ужасно, и не было въ мірѣ никого, кто бы держалъ ея руку, не было никого, кто бы понималъ ее и хоть немного сочувствовалъ ей. (Но почему же Оливеръ не держитъ ея руки въ своей?). Она была, какъ ребенокъ, оставленный одинъ въ темной комнатѣ. И, вообще, было ужасно, какъ всѣ люди въ Англіи сейчасъ оставлены въ темнотѣ, ничего не знаютъ, что творится, какъ... И какіе только не передавали разсказы, часто «изъ совсѣмъ достовѣрныхъ источниковъ»... такіе разсказы, которые кого угодно напугаютъ и приведутъ въ отчаяніе... Будто бы нѣмцы потопили рядъ англійскихъ броненосцевъ, и что это отъ публики, неизвѣстно почему, скрывали, и что принцъ Луи Баттенбергскій оказался шпіономъ и уже посаженъ въ Тоуэръ. Лордъ Холдэнъ тоже оказался шпіономъ. И англійскую армію во Франціи, буквально, «продали» французы, такъ какъ почти всѣ французскіе генералы были подкуплены нѣмцами... И вотъ цензура и печать все это скрываютъ отъ публики, но что изъ этого выйдетъ? Глупо такъ не довѣрять народу... И все это, вмѣстѣ взятое, такъ ужасно для маленькой человѣческой души, единственное желаніе

которой — жить спокойно и въ счастіи... Почему онъ не пріѣзжаетъ къ ней и не даетъ ей почувствовать, что есть кто-то о ней заботящійся... Она днемъ не можетъ думать, а ночью не можетъ спать...

Дальше же она вдругъ переходила къ восхваленію его писаній. Никогда не цѣнила она такъ его прекрасныя «Молчаливыя Мѣста», какъ теперь. Какъ ей хотѣлось уйти въ какую-то страну сновъ далеко отъ всѣхъ этихъ ужасныхъ звѣрствъ и предательствъ и глупыхъ слуховъ. Она такъ устала отъ всякой дѣйствительности. Ей хочется умчаться и укрыться въ какой-нибудь никому невѣдомый уголокъ и тамъ разводить свой простенькій садъ... какъ это сдѣлалъ Вольтеръ... Иногда по ночамъ ей дѣлалось такъ страшно, что она боялась раздѣться. Она воображала себѣ громъ пушекъ, она воображала нѣмецкіе дессанты и какихъ-то страшныхъ развѣдчиковъ «въ маскахъ», мчащихся по дорогамъ на мотоциклетахъ....

Письмо пришло очень некстати. Вся эта ерунда относительно принца Луи Баттенбергскаго, лорда Холдэна и потопленныхъ броненосцевъ ужасно его раздражала. У него было столько же склонности повѣрить въ эти сказки, сколько и считать ихъ умѣстными и допустимыми. Мысль же о томъ, чтобы поѣхать въ Пайкрафтсъ и проводить время въ попыткахъ утѣшить миссисъ Харродинъ, вовсе ему не улыбалась. Онъ уже достаточно наслышался въ Клаверингсѣ всякихъ нелѣпыхъ слуховъ, и теперь онъ начиналъ сомнѣваться, не окажется ли такой же напрасной попыткой его «Изученіе причинъ и послѣдствій войны», какъ и недоконченный памфлетъ: «Теперь пришелъ конецъ Войнѣ». Его мысли были полны какого-то смутнаго ощущенія голыхъ фактовъ и ничего не доказывающихъ разсужденій. Онъ былъ въ состояніи крайней интеллектуальной озабоченности и тревоги. Кромѣ того, онъ въ эти дни опредѣленно не испытывалъ никакого нѣжнаго чувства къ миссисъ Харродинъ. Никогда, во всей исторіи сердечныхъ увлеченій м-ра Бритлинга, не умирала привязанность такъ скоро и такъ окончательно, какъ умерла эта. Онъ даже начиналъ сомнѣваться, да увлекался ли онъ дѣйствительно когда-нибудь? По всей вѣроятности, — нѣтъ! По всей вѣроятности, все это увлеченіе было просто самовнушеніемъ съ начала до конца. И онъ почти готовъ былъ ей это написать.

Но сообщеніе генерала Френча какъ-то сразу привело его въ лучшее, болѣе доброе настроеніе. И онъ написалъ

ей нѣжное, но краткое письмо, какъ долженъ былъ поступить въ такомъ случаѣ каждый джентльменъ.

«Какъ вы можете сомнѣваться въ нашемъ флотѣ, въ нашей арміи», — вотъ былъ смыслъ его письма. Онъ совсѣмъ не упомянулъ о поѣздкѣ въ Пайкрафтсъ, о которой она его просила. Сдѣлалъ видъ, какъ будто въ ея письмѣ объ этомъ ничего не было сказано... И, написавъ письмо, онъ совсѣмъ о ней забылъ подъ давленіемъ болѣе животрепещущихъ интересовъ...

Но настроеніе успокоенія у м-ра Бритлинга продолжалось недолго, его не хватило даже до конца недѣли. Разбитые германцы продолжали наступать. Въ теченіе недѣли все углубляющагося разочарованія, главный потокъ наступленія снова покатился упорно на Парижъ. Лилль капитулировалъ почти безъ боя. Лилль сдался съ какой-то таинственной легкостью... Слѣдующее названіе, которое испугало м-ра Бритлинга, сидѣвшаго съ газетой и атласомъ и слѣдящаго за событіями, было — Компьэнъ. «Уже здѣсь». Теперь ужъ совсѣмъ было ясно, что англичане отступаютъ. Затѣмъ нѣмцы завладѣли Лаономъ и Реймсомъ и все еще продвигались на югъ. Мобежъ былъ окруженъ, отрѣзанъ отъ міра вотъ уже нѣсколько дней и, очевидно, тоже палъ...

И только въ воскресенье, 6-го сентября, окончательно капитулировалъ слишкомъ легкомысленный оптимизмъ м-ра Бритлинга.

Онъ стоялъ на солнцѣ въ саду и читалъ Observer, которую мальчикъ садовника только что привезъ со станціи. Онъ развернулъ газету на столѣ подъ кедромъ и вмѣстѣ съ сыномъ читалъ ее. Были свѣжія извѣстія изъ Франціи, сообщеніе о новыхъ германскихъ успѣхахъ, о бояхъ подъ Сенли — «Но это совсѣмъ близко отъ Парижа» — и о появленіи германскихъ отрядовъ въ Ножанъ-на-Сенѣ.

— На Сенѣ! — воскликнулъ м-ръ Бритлингъ. — Но гдѣ же это? Южнѣе Марны? Или, быть можетъ, ниже Парижа?

Ноженъ-на Сенѣ не былъ отмѣченъ на картѣ, напечатанной въ Observer, и Гью побѣжалъ въ домъ за атласомъ.

Когда онъ вернулся, онъ увидалъ м-ра Маннинга съ отцомъ, и у обоихъ были очень серьезныя лица.

Гью раскрылъ карту сѣверной Франціи.

— Вотъ Ноженъ-на-Сенѣ! — сказалъ онъ.

М-ръ Бритлингъ посмотрѣлъ на карту.

— Они уже въ Руанѣ! — сообщилъ онъ Гью. — И наша база переводится въ Ла-Рошель!

И онъ запнулся, прежде чѣмъ сдѣлать окончательный, горестный выводъ.

— Въ сущности, — признался онъ, — они фактически взяли Парижъ!

Онъ сѣлъ на скамейку и опять сталъ разсматривать карту. М-ръ Маннингъ и Гью продолжали стоять, наблюдая его. Онъ сдѣлалъ послѣднюю попытку вообразить себѣ какую-нибудь огромную стратегическую неудачу, которая неожиданно постигла бы нѣмцевъ, какой-нибудь камень изъ неожиданной пращи, который бы свалилъ этого Голіаѳа въ минуту его торжества...

— Россія, — сказалъ онъ, но безъ искренней надежды...

XVII.

И тогда м-ру Бритлингу, наконецъ, открылась правда.

— Говоришь что-нибудь, — сказалъ онъ, — и только много недѣль и мѣсяцевъ спустя познаешь значеніе и сущность того, что ты говорилъ. Мѣсяцъ тому назадъ я говорилъ, что это — величайшее событіе въ человѣческой исторіи, я говорилъ, что насталъ великій часъ, когда раздастся призывъ къ волѣ и силѣ Англіи! Я говорилъ, что нѣтъ ни одной человѣческой жизни во всей нашей имперіи, которую бы война коренньмъ образомъ не измѣнила бы! Я все это говорилъ; все это исходило изъ моихъ же устъ, и, очевидно, за всѣми этими словами, несомнѣнно, стояли какія-то мысли.. И только сейчасъ начинаю я понимать, что именно я говорилъ! Да-съ... позвольте мнѣ все ясно и точно повторить: передъ нами величайшее событіе человѣческой исторіи, и мы призываемся сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы отбить это колоссальное покушеніе на миръ и свободу міра. Ну вотъ, «дѣлать все отъ насъ зависящее» не значитъ стоять или сидѣть въ уютныхъ, пріятныхъ садахъ, спокойно дожидаясь газеты... нѣтъ, это значитъ отказъ отъ удобствъ, покоя и безопасности...

Какъ мы, англичане, стали лѣнивы! Съ какой готовностью мы хватаемся за утѣшительныя иллюзіи, освобождающія насъ отъ необходимости дѣйствовать самимъ! Въ теченіе послѣднихъ трехъ недѣль, я вполнѣ сознательно заставлялъ себя вѣрить, что крошечная англійская армія — говорятъ, она ни въ коемъ случаѣ не насчитываетъ больше ста тысячъ человѣкъ — какимъ-то образомъ могла остано-

вить это наступленіе милліоновъ. Въ дѣйствительности же, она была отброшена — какъ могъ сообразить всякій, кто не давалъ себя увлечь легкомысленными и пріятными мечтами — вотъ тутъ, и потомъ тамъ, и потомъ тамъ еще... Она дралась день и ночь! Она дралась великолѣпно, какъ только можно драться... и все же безрезультатно!.. Видите, какъ размахнулся германскій цѣпь черезъ Бельгію! И въ это время мы тутъ стояли и болтали о томъ, какъ мы используемъ нашу побѣду...

— Мы спали! — продолжалъ онъ. — Вся страна спала!

— Гдѣ-то въ тайникахъ нашихъ мыслей, — продолжалъ онъ опять съ горечью, — очевидно, мы думали, что французы возьмутъ на себя черную работу на сушѣ, а мы... будемъ помогать на морѣ. Если мы вообще думали... Мы такъ сдержанны въ нашихъ мысляхъ... мы такъ всегда во власти всякихъ осторожностей и оговорокъ... И такъ маноповоротливы... лѣнивы... Ну, Франціи уже пришелъ конецъ... И мы должны драться за Францію надъ развалинами Парижа. И все это потому, что вы, Маннингъ, и я, не могли охватить масштаба совершающагося, что мы довольствовались разными обобщеніями, тогда какъ мы должны были работать и учиться военному искусству. Потому что мы заняты «дѣлами какъ всегда» и тому подобными вещами въ то время, какъ западная цивилизація томится въ предсмертной агоніи! Если эта война превратится въ новый 71-й годъ, только въ большемъ масштабѣ, и гдѣ страдающей стороной явится не только Франція, но вся Европа, если прусскій милитаризмъ долженъ затоптать цивилизацію, если Франція будетъ раздавлена и Бельгія раздавлена — тогда, право, не стоитъ жить! Въ сравненіи съ такимъ исходомъ, никакой другой исходъ, никакіе другіе интересы никакого значенія не имѣютъ. Ну, а что мы дѣлали для рѣшенія этого исхода — вы и я. Какъ эта война можетъ окончиться иначе, какъ германской побѣдой, если вы и я и цѣлые милліоны такихъ же, какъ мы, стоятъ спокойно въ сторонѣ... зрителями.

Онъ умолкъ, какъ бы въ отчаяніи, и взглянулъ на карту.

— Что же, по вашему, намъ надо дѣлать? — спросилъ Маннингъ.

— Каждый мужчина долженъ сейчасъ же начать готовиться быть солдатомъ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Каждый долженъ принять участіе въ войнѣ... такъ или иначе... И во всякомъ случаѣ мы то не должны больше такъ спокойно и равнодушно сидѣть тутъ въ Матчингсъ-Изи, пока жизнь идетъ своимъ чередомъ...

XVIII.

— Да, эта война всему мѣшаетъ, она какъ-то все прерываетъ, — сказалъ вдругъ неожиданно Гью. — Эти пруссаки самая непріятная дрянь, какую когда-либо видѣлъ міръ!

Онъ задумался.

— Получается такое ощущеніе, что всѣ должны выбѣжать, бросить все, такъ какъ домъ загорѣлся. Но, конечно, мы должны ихъ побѣдить! Непремѣнно, и всякій долженъ, обязанъ этому помочь, принять въ этомъ участіе!

— И тогда мы снова получимъ возможность вернуться каждый къ своей работѣ!

М-ръ Бритлингъ обернулся и взглянулъ испуганнымъ взоромъ на своего старшаго сына. Говорилъ онъ передъ тѣмъ... такъ... вообще...

И совершенно было забылъ на минутку про Гью...

Глава II.

Участники.

1.

Мысли м-ра Бритлинга были теперь заняты, главнымъ образомъ, двумя вопросами. Одинъ изъ нихъ — большой и существенный — вопросъ героическаго и профессіональнаго характера — мысль о личномъ участіи въ великой борьбѣ, о томъ, чтобы оставить Дауэръ-Хаузъ, кругъ своихъ привычекъ, жизненныхъ дѣлишекъ и отправиться...

Но тутъ, какъ всегда, у м-ра Бритлинга возникали сомнѣнія: онъ не могъ рѣшить, куда именно ему надо отправиться, и не зналъ точно, что онъ способенъ дѣлать. Его воображеніе рисовало такую картину: онъ—доброволецъ—наноситъ изъ-за какой-то изгороди серьезныя пораненія нѣмцу — одному изъ тѣхъ, которые высадились на берега Англіи. Костюмъ его долженъ былъ отчасти напомнить то одѣяніе, въ которомъ онъ встрѣчалъ на станціи м-ра Дирека. Только съ «повязкой». А то онъ воображалъ себя работающимъ у телефона или въ какой-то канцеляріи, гдѣ онъ исполнялъ полезныя, полуадминистративныя обязанности, требующія скорѣе общей интеллигентности, чѣмъ спеціальной подготовки.

Утромъ въ понедѣльникъ онъ выѣхалъ въ Лондонъ, съ раннимъ поѣздомъ, намѣреваясь немедленно же записаться куда-бы то ни было, лишь бы его услуги пригодились, т. е. намѣреваясь сейчасъ-же получить «повязку». Купленныя

на станціи газеты сразу подняли его сложившуюся было увѣренность въ неизбѣжности паденія Парижа до сомнѣній полныхъ надежды, но это не поколебало намѣренія воевать Изъ телеграммъ исчезло впечатлѣніе разгрома, преслѣдованія и отступленія, отступленія... Германское правое крыло подвергалось сильнымъ контръ-атакамъ, и ему какъ-будто уже грозила опасность быть придавленнымъ между Парижемъ и Верденомъ, имѣя британскую армію съ фланга. Это немного успокоило м-ра Бритлинга, но нисколько не умѣрило его убѣжденія въ колоссальной серьезности этой войны. Если и удалось сдержать и немного отбросить врага, то все же оставалось достаточно работы для каждаго человѣка, чтобъ довершить задачу — отбросить нѣмцевъ къ ихъ границамъ. Эта война явилась фактомъ неслыханнымъ, она не можетъ не задѣть каждаго. А это значитъ, что каждый долженъ отдать ей себя. И онъ, м-ръ Бритлингъ, тоже долженъ отдать себя войнѣ. Онъ не долженъ допускать, чтобы нѣчто встало между нимъ и этимъ яснымъ выводомъ. Безконечно позорно будетъ оставаться теперь въ сторонѣ и не дѣлать всего, что по силамъ, для защиты цивилизаціи Англіи противъ этихъ обученныхъ, подготовленныхъ, распропагандированныхъ милліоновъ,—для защиты того уюта и безопасности, которые до сего дня господствовали вокругъ м-ра Бритлинга.

Въ этотъ день м-ръ Бритлингъ горѣлъ яркимъ пламенемъ восторженной, добровольной готовности къ самозащитѣ и патріотической преданности отечеству.

Но за всей этой готовностью и доблестью стояло другое — какой-то страхъ.

Несомнѣнно, онъ готовъ, какъ взволнованный индюкъ, расправить всѣ свои перья и броситься на зачинщиковъ войны. Онъ готовъ былъ пойти и размахивать штыкомъ, маршировать и копать землю до послѣднихъ силъ, стрѣлять, умереть въ траншеѣ, если это нужно будетъ; все сдѣлать, лишь бы не дать германскому милитаризму завладѣть міромъ! За самого себя онъ ни капельки не испытывалъ страха. Онъ совершенно готовъ погибнуть на полѣ битвы или доблестно умереть въ военномъ госпиталѣ. Но онъ видѣлъ очень ясно, хотя всячески старался не видѣть, тотъ опредѣленный и наводящій унылые фактъ, что чудовище войны было менѣе, чѣмъ м-ръ Бритлингъ, склонно вступать въ единоборство съ нимъ, м-ромъ Бритлингомъ. Оно болѣе охотно направило свои страшные глаза на нѣчто, стоящее рядомъ и позади м-ра Бритлинга, и, какъ-будто уже съ до-

статочной опредѣленностью протягиваетъ свои щупальцы мимо него, по направленію къ Тедди и... Гью.

Вѣдь, чудовище войны, питается главнымъ образомъ, молодымъ мясомъ.

Что касается Тедди, то, собственно, м-ру Бритлингу до него не должно быть дѣла. Тедди долженъ рѣшить такъ, какъ ему самому кажется лучше. И м-ръ Бритлингъ даже не возьмется ему совѣтовать что-нибудь. Но, что касается Гью...

М-ръ Бритлингъ старался убѣдить и утѣшить себя.

— Моему старшему сыну всего семнадцать лѣтъ, — разсуждалъ онъ. — Ему хочется идти и принять посильное участіе въ этой войнѣ, и мнѣ было бы непріятно, если бъ ему этого не хотѣлось. Онъ, конечно, поступитъ въ какой-нибудь кадетскій корпусъ... Въ школу для подготовки офицеровъ... Или же его возьмутъ въ территоріальную армію... А къ тому времени, когда ему исполнится девятнадцать лѣтъ, война уже кончится. Боюсь только, что бѣдняга будетъ страшно огорченъ и будетъ говорить, что его обманули. Но, въ концѣ концовъ, Гью вѣдь еще мальчикъ и можетъ принять только соотвѣтствующее мальчику второстепенное или даже третьестепенное участіе въ войнѣ. И, заткнувъ Гью куда-то въ безопасное мѣстечко на самомъ днѣ своихъ мыслей, — м-ръ Бритлингъ получилъ возможность дать волю своему богатому воображенію, рисуя себѣ яркія картины всенароднаго, національнаго подъема. Отъ этой мысли о всеобщемъ участіи въ борьбѣ онъ перешелъ къ картинѣ, изображающей всю Англію вооруженной и воюющей, легко перешагнувъ черезъ широкія пропасти упрямой дѣйствительности. Самъ онъ готовъ былъ сказать правительству, и поэтому считалъ, что и громадное большинство англійскаго народа готово было сказать то же самое, что и онъ:

— Вотъ мы всѣ въ вашемъ распоряженіи! Эта война — не война дипломатовъ и военнаго министерства, это — народная война. Мы всѣ готовы отставить въ сторону наши обычныя занятія и предложить себя и все наше имущество общему дѣлу. Личныя соображенія и личные капризы хороши лишь для мирнаго времени. Возьмите насъ и используйте такъ, какъ вамъ покажется нужнымъ. Возьмите все, что у насъ есть».

Когда онъ думалъ такимъ образомъ о правительствѣ, онъ, собственно, забывалъ объ его личномъ составѣ, который ему былъ знакомъ. Рэбернъ, въ помятыхъ брюкахъ; натянутый, всегда внимательный Фильбертъ; лэди Фрэншамъ, всегда кричащая во весь голосъ; строгій, не-

сносный Карсонъ, добродушный Бандершутъ, коварный Тэперъ, лукавый Асквитъ, краснорѣчивый, но поверхностный Ллойдъ Джорджъ, невозмутимый Грэй — всѣ они исчезли изъ его головы. Всѣ эти характерные показатели того, какъ управляется Англія — растаяли и поблекли въ яркихъ лучахъ его фантазіи. Онъ забылъ скучные споры, барахтающіяся газеты, всѣ «блефы», интриги, коварныя политическія сдѣлки, заключенныя во время week-end'овъ, мальчишеское понятіе о «чести» взрослыхъ людей, всеобщую трусливую безчестность въ мышленіи. Онъ думалъ только о какомъ-то упрощенномъ и идеальномъ правительствѣ, которое, дѣйствительно, управляетъ умами и волями. Онъ смутно думалъ и о чемъ-то, что скрыто за ними, за Англіей, о какомъ-то руководящемъ геніи страны, о чемъ-то вооруженномъ увѣренностью, полной достоинства и прочной волей. Онъ представлялъ себѣ этого призрачнаго генія чудеснымъ существомъ, одареннымъ планами и статистическими данными, которые дадутъ ему возможность и силу справиться съ ужаснымъ событіемъ. Мысли его скачками бѣжали впередъ, строя картины жизни великаго народа, нехотя обращающаго всѣ свои безграничные рессурсы и силы на дѣло справедливой оборонительной войны... Онъ думалъ, что гдѣ-то «наверху» должны быть люди, умѣющіе подсчитать и предвидѣть и уже подсчитавшіе и предвидѣвшіе все, что можетъ понадобиться для такой борьбы; онъ представлялъ себѣ людей съ исключительными организаторскими дарованіями, которые все предугадали и разработали всѣ планы до мельчайшихъ деталей...

Такіе скачки отъ фактовъ, отъ знанія дѣйствительности къ голой вѣрѣ, можетъ быть, и необходимы, дабы возможенъ былъ человѣческій героизмъ.

Представленіе м-ра Бритлинга о его личномъ участіи въ великомъ національномъ подъемѣ было весьма скромно. Онъ былъ просто писателемъ, комментаріемъ къ дѣйствительности; онъ не обладалъ даромъ повелѣвать людьми, его роль скорѣе должна свестись къ наблюденію, чѣмъ къ организаціи. Онъ представлялъ себя лишь незначительнымъ индивидуумомъ, покидающимъ свою индивидуальность, чтобы занять скромное мѣстечко въ огромной машинѣ: — съ ружьемъ въ рукахъ онъ сидитъ въ окопахъ, охраняетъ мостъ, заряжаетъ пушки или что-нибудь въ этомъ родѣ — пока не будетъ выполнена до конца великая задача.

Цѣлый вечеръ и ночь, воскресенья были полны этими картинами всюду царящаго порядка, картинами жизни страны, пробудившейся въ сознаніи своей задачи, очищен-

ныхъ дорогъ и мобилизованныхъ рессурсовъ, оставленныхъ въ сторонѣ мелкихъ интересовъ будничной, частной жизни. Параллельно съ этимъ возникали мечты, — м-ръ Бритлингъ чувствовалъ себя еще достаточно молодымъ для того чтобы мечтать, — о тѣхъ услугахъ, которыя онъ лично окажетъ странѣ, о томъ, какъ онъ блестяще справится съ неожиданными затрудненіями и осложненіями, какъ проявитъ мужество и получитъ исключительныя награды; однимъ словомъ, такія мечты, которыя витаютъ въ головѣ каждаго новобранца, не лишеннаго воображенія.

Подробное описаніе двухдневныхъ усилій м-ра Бритлинга въ поискахъ какой-нибудь удобной и легкой лѣстницы, которая открыла бы ему доступъ на службу для защиты его угрожаемой родинѣ, оказалось бы весьма обширнымъ. Открылось бы это описаніе фигурой аккуратно вычищеннаго патріота, сидящаго съ сосредоточеннымъ выраженіемъ на умномъ лицѣ, въ купэ перваго класса поѣзда, который мчится въ Лондонъ, или читающаго послѣднія военныя извѣстія. Первыя утѣшительныя извѣстія за много дней! На лицѣ его видно стараніе не выдавать сознанія, что вся жизнь его перевернута вверхъ дномъ, и что все его существо горитъ желаніемъ принести себя на алтарь отечества. Кончилось бы это описаніе — послѣ сорока восьми часовъ хлопотъ, бѣготни, разспросовъ, разговоровъ, ожиданій, бесѣдъ по телефону — изображеніемъ того же джентльмена, немного усталаго и съ какимъ-то отблескомъ унылой апатіи въ глазахъ, возвращающагося кратчайшимъ путемъ со станціи черезъ Клаверингсъ-паркъ домой, къ своимъ брошеннымъ пенатамъ.

Главный же и наиболѣе существенный результатъ умственнаго процесса этихъ сорока восьми часовъ сводился къ исправленію временнаго заблужденія м-ра Бритлинга относительно того, что правительство Британской имперіи можетъ быть умнымъ, образованнымъ, сознающимъ свою отвѣтственность предъ страною.

Великая фраза «Дѣла, — какъ всегда» уже затихала и таяла; весь Лондонъ былъ увлеченъ волной восторженной горячки набора добровольцевъ. Эта волна безжалостно разбивалась о самыя отвратительныя и неудачныя условія для набора, которыя только можно себѣ представить. Перегруженные работой и не очень приспособленные офицеры сидѣли въ грязныхъ маленькихъ комнатушкахъ и рычали на эту неслыханную Англію, которая ломилась къ нимъ въ окна и двери, чтобы записаться въ ряды арміи. Это имѣло такой видъ, какъ будто единственное представленіе офице-

ровъ о томъ, какъ они должны проявлять свои знанія, сводилось къ тому, чтобы отказывать въ помощи штатскимъ, быть какъ можно высокомѣрнѣе, заносчивѣе, дѣлать все страшно медленно и необычайно канительно. У каждаго бюро для вербовки и записи добровольцевъ тысячныя толпы мужчинъ и юношей томились въ ожиданіи, подпирая стѣны, сидя на тротуарахъ; они ждали долгими часами до поздней ночи безъ крова, безъ пищи и возвращались на слѣдующее утро многіе, прямо изнемогая отъ голода и усталости. Тутъ были люди изъ провинціи, бросившіе свои дѣла и занятія, клерки, приказчики, рабочіе, всѣ руководимые лишь однимъ желаніемъ — служить Англіи и «дать этимъ проклятымъ нѣмцамъ хорошій урокъ». И вотъ, между желаніемъ и его осуществленіемъ вдругъ встала неожиданная озадачивающая преграда — невниманіе къ нимъ, штатскимъ людямъ.

Наблюдая наростаніе этого великолѣпнаго патріотическаго матеріала, м-ръ Бритлингъ получилъ первое впечатлѣніе полной неподготовленности и неприспособленности военнаго министерства, неожиданно призваннаго организовать побѣду. И это впечатлѣніе должно было усилиться и подтвердиться за время, пока онъ шелъ до своего клуба.

Улицы Лондона были охвачены тревогой. Сразу бросалось въ глаза, что движеніе стало гораздо меньше и сократилось число автобусовъ. Людскіе потоки на тротуарахъ двигались медленнѣе, безцѣльнѣе, менѣе дѣловито. Очень много людей толпилось кучками, стояло, словно ожидая чего-то. Въ особенности замѣтно это было на женщинахъ, какъ будто многія изъ нихъ съѣхались изъ окраинъ и окрестностей Лондона, не будучи въ силахъ оставаться дома, охваченныя чувствомъ тревоги.

Повсюду пестрѣли флаги союзныхъ державъ: въ витринахъ магазиновъ, надъ подъѣздами, на передкахъ автомобилей, въ петлицахъ мужскихъ пиджаковъ, на дамскихъ блузкахъ. На заборахъ и въ витринахъ висѣло множество плакатовъ съ призывами записываться въ армію: «Вашъ Король и ваша Родина нуждаются въ васъ!» — была преобладающей надписью на нихъ. И хотя лордъ Китченеръ уже повысилъ требованіе до полмилліона, плакаты все еще взывали о «Ста тысячахъ мужчинъ». Почти всѣ таксомоторы были обклеены плакатами съ такимъ же призывомъ. Огромныя окна конторы отдѣленія Сѣверо-германскаго Ллойда на Кокоперъ-стритѣ были заколочены досками и густо заклеены этими же плакатами.

У себя въ клубѣ м-ръ Бритлингъ засталъ много разго-

воровъ и довольно воинственное настроеніе. Въ холлѣ извѣстный писатель Уилкинсъ демонстрировалъ цѣлому ряду заинтересованныхъ сочленовъ подобіе ружья, сдѣланное изъ бруска желѣза. Предназначалось оно для обученія ружейнымъ пріемамъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достаточнаго количества настоящихъ винтовокъ, и стоило полтора шиллинга.

Тутъ впервые м-ръ Бритлингъ началъ ясно сознавать, что недостаточная подготовленность военнаго министерства только еще начинала сказываться въ неумѣніи справляться съ добровольцами.

Въ клубѣ говорили довольно свободно, не стѣсняясь. Однимъ изъ первыхъ результатовъ войны въ этой ея стадіи было то, что война какъ будто частично разсѣяла и сгладила врожденную англійскую застѣнчивость, замкнутость. Люди, которые всегда за завтракомъ свирѣпыми глазами смотрѣли въ упоръ на м-ра Бритлинга, и на которыхъ онъ тоже въ свою очередь смотрѣлъ не менѣе свирѣпо въ теченіе многихъ лѣтъ, теперь вдругъ начали вступать съ нимъ въ разговоръ.

— Что долженъ дѣлать такой человѣкъ, какъ я, напримѣръ? — спросилъ какой-то чисто выбритый адвокатъ.

— Я какъ разъ задаю себѣ этотъ же самый вопросъ, — отвѣтилъ м-ръ Бритлингъ. — Вотъ они взяли и установили предѣльный возрастъ тридцати лѣтъ для поступающихъ въ армію. Это же нелѣпо! Мужчина сорока съ лишнимъ лѣтъ, вродѣ меня, вполнѣ въ силахъ и въ состояніи сидѣть въ окопахъ или охранять мостъ. Я совсѣмъ не дурно стрѣляю...

— Мы тутъ обсуждаемъ вопросъ объ организаціи добровольческихъ дружинъ для защиты страны на случай нашествія, — замѣтилъ адвокатъ. — Какъ бы то ни было, но мы должны начать обучаться и тренироваться. А военное министерство взяло да категорически возстало противъ этого и строжайше запретило всякія организаціи такого рода, какъ будто мы собрались присоединиться къ нѣмцамъ. Это нелѣпо! Даже если иные изъ насъ, постарше, и не годятся для службы на континентѣ, то мы легко могли бы замѣнить собой тѣ войска, которыя отправляютъ во Францію.

— Вотъ только нашлись бы для васъ всѣхъ винтовки, — вставилъ вдругъ человѣкъ въ сѣромъ, съ острыми рѣзкими чертами лица, сидѣвшій справа отъ м-ра Бритлинга.

— Очевидно, придется ихъ достать. — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

Человѣкъ съ острыми чертами лица соотвѣтствующими гримасами и качаніями головы далъ понять, что врядъ ли это удастся.

— Каждый убитый, большинство раненыхъ, большинство попадающихъ въ плѣнъ,—сказалъ онъ, — равносильно соотвѣтствующему числу потерянныхъ и погибшихъ винтовокъ. Мы уже потеряли съ начала войны двадцать пять тысячъ винтовокъ. Наряду съ необходимостью вооружить вновь образуемые кадры войскъ, мы еще должны замѣнять эти погибшія винтовки, вмѣстѣ съ каждымъ новымъ эшелономъ, который мы посылаемъ во Францію, чтобы замѣщать выбывшихъ изъ строя. А вы знаете, каково максимальное еженедѣльное производство винтовокъ въ Англіи?

М-ръ Бритлингъ не зналъ.

— Девять тысячъ!

И м-ръ Бритлингъ сразу понялъ, что означаетъ Уилкинсъ и его пародія на ружье.

Человѣкъ съ острыми чертами лица добавилъ, какъ бы для большей убѣдительности:

— Главное затрудненіе — въ стволахъ! Они требуютъ очень сложныхъ машинъ. У насъ ихъ совсѣмъ почти нѣтъ, и не скоро ихъ можно сдѣлать. Вотъ вамъ и точка!

У этого человѣка съ острыми чертами лица была манера говорить, словно онъ мечетъ бомбы. И теперь онъ метнулъ еще одну.

— Да еще цинкъ! — сказалъ онъ.

— Какъ, неужели у насъ и цинка не хватаетъ? — спросилъ адвокатъ.

Человѣкъ съ острыми чертами лица кивнулъ головой и сталъ объяснять подробнѣе.

Цинкъ былъ необходимъ для ружейныхъ патроновъ, и нуженъ очень хорошій, чистый цинкъ, иначе ружья плохо стрѣляли. Ну, такъ вотъ, англичане, оказывается, упустили изъ своихъ рукъ все производство, связанное съ очисткой цинка и оно перекочевало въ Германію и Бельгію. Осталось всего одна или двѣ такихъ фирмы во всей Великобританіи... И если англичане не спохватятся во время и не расшевелятся, они скоро останутся совсѣмъ безъ патроновъ... Во всякомъ случаѣ, безъ такихъ патроновъ, изъ которыхъ можно стрѣлять болѣе или менѣе прилично...

— Вотъ — еще точка! — сказалъ человѣкъ съ острыми чертами лица.

Но человѣкъ съ острыми чертами лица еще не являлся

представителемъ какой-нибудь значительной или вліятельной части англійскаго общественнаго мнѣнія.

— Ну что жъ, — сказалъ адвокатъ, — по всей вѣроятности, мы сможемъ выписать винтовки изъ Америки! Что же касается цинка, то если замѣтятъ въ немъ недостатокъ, примутъ мѣры для его устраненія.

Господствующей темой въ курительномъ салонѣ наверху была неприспособленность военнаго министерства въ дѣлѣ вербовки и распредѣленія тысячъ добровольцевъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ Англіи, враждебное отношеніе министерства ко всякаго рода добровольческимъ организаціямъ, вродѣ тѣхъ, о которыхъ мечталъ м-ръ Бритлингъ. Очень многіе члены клуба желало записаться добровольцами; очень много говорилось о полной способности и физической пригодности каждаго къ военной службѣ.

— Мнѣ пятьдесятъ четыре, — сказалъ одинъ, — и клянусь, я лучше любого девятнадцатилѣтняго юноши пройду свои двадцать пять миль пѣшкомъ въ полномъ походномъ снаряженіи.

Другому было тридцать восемь лѣтъ.

— Я долженъ остаться при дѣлѣ — сказалъ онъ, — чтобы оно не разсыпалось. Но почему мнѣ нельзя научиться стрѣлять и владѣть штыкомъ?

Задѣтое самолюбіе тѣхъ, которые представлялись на вербовочные пункты и были забракованы, давало пищу ихъ яростнымъ нападкамъ и критикѣ вербовочной и общей системѣ.

— У нашего военнаго министерства одинъ неизлѣчимый недостатокъ, — сказалъ владѣлецъ крупныхъ угольныхъ копей. — Въ мирное время оно замѣщаетъ всѣ свои административныя должности людьми, которые, какъ только будетъ объявлена война, должны непремѣнно понадобиться на театрѣ военныхъ дѣйствій. И какъ только приходитъ объявленіе войны, сейчасъ же идетъ поголовная перетасовка и совершенно новый, неопытный человѣкъ — обычно какое-нибудь ископаемое въ послѣднемъ градусѣ разложенія — сажается на отвѣтственное мѣсто. И, конечно, автоматически возникаетъ хаосъ. Наше военное министерство всегда и неизмѣнно такъ поступало и, насколько можно судить по тому, что творится сейчасъ, всегда будетъ такъ поступать. Оно какъ будто не въ состояніи понять, что до того, какъ будетъ отправленъ первый человѣкъ, надо имѣть другого, который былъ бы готовъ занять его мѣсто. А для

этого у военнаго министерства не хватаетъ ни сообразительности, ни достаточнаго воображенія.

М-ръ Бритлингъ нашелъ родственную себѣ душу въ Уилкинсѣ.

Уилкинсъ развивалъ свой колоссальный планъ всеобщихъ добровольческихъ дружинъ. Въ нихъ должны были приниматься всѣ, безъ всякихъ ограниченій. Каждому надо было отвести мѣсто, записать его и дать значокъ.

— Не важно, создадимъ ли мы боевую единицу или нѣтъ, — говорилъ Уилкинсъ. — Всѣ теперь охвачены энтузіазмомъ, всѣ настроены очень серьезно. Каждому хочется надѣть на себя какую-нибудь форму и подчинить себя какому-нибудь командованію. И самое важное собрать и сорганизовать насъ, пока мы въ состояніи такой готовности. Теперь минута для того, чтобы выстроить и организовать всю страну и подготовить ее для встрѣчи тѣхъ внушительныхъ безпорядковъ, которые неминуемо должны будутъ придти позже. Ну, а наше правительство совершенно не желаетъ идти навстрѣчу этой всеобщей готовности. И получается такое впечатлѣніе, какъ будто эта война особое празднество, на которое допускаются только самые избранные по усмотрѣнію военнаго министерства. А я считаю, что эта національная милиція, о которой говорю, была бы далеко не безполезна, даже съ чисто военной точки зрѣнія. Вѣдь есть множество совершенно пригодныхъ людей нашихъ лѣтъ, и много мужчинъ нормальнаго призывного возраста, которые заняты болѣе полезной работой здѣсь, въ Англіи, — какъ рабочіе на заводахъ, изготовляющихъ пушки, снаряды и т. д. — да еще много молодежи, не достигшей двадцати лѣтъ. Они могутъ достигнуть совершеннолѣтія задолго до конца войны...

И онъ уже готовъ былъ набросать проекты будущей формы для этой національной милиціи.

— Повязки на рукавѣ, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, — быть можетъ, цвѣтныя полоски на отворотахъ пиджака...

— Различныхъ цвѣтовъ, по цвѣтамъ графствъ, — сказалъ Уилкинсъ, — а если не будетъ цвѣтного сукна, то изъ красной фланели. Все будетъ лучше, чѣмъ давать народу шляться по странѣ безъ дѣла...

Такъ продолжали м-ръ Бритлингъ и м-ръ Уилкинсъ строить планы для защиты отечества, и передъ ихъ глазами вставало видѣніе объединенной, единой Англіи, которая встала навстрѣчу грянувшей катастрофѣ. Но вскорѣ подъ впечатлѣніемъ всякихъ пессимистическихъ напоминаній о недостаткѣ винтовокъ, инструкторовъ и открытой

враждебности офиціальныхъ властей ко всякой попыткѣ общественнаго начинанія — видѣніе это снова растаяло.

Позже, бесѣдуя съ другими сочленами клуба, м-ръ Бритлингъ ужъ началъ довольствоваться болѣе скромными стремленіями.

— Неужели нѣтъ никакой чиновничьей работы, никакихъ второстепенныхъ административныхъ обязанностей, на которыя можетъ пригодиться хотя бы такой человѣкъ, какъ я? — спросилъ онъ.

— Любое старое ископаемое, — сказалъ человѣкъ съ худымъ лицомъ, — любой старый рамоликъ, еле держащійся на ногахъ, всегда въ такомъ случаѣ получитъ предпочтеніе передъ вами.

Около половины четвертаго м-ръ Бритлингъ вышелъ изъ клуба съ запутанными и затуманенными мыслями и значительно притупленной рѣшимостью сдѣлать что-нибудь для родины. Озадачивалъ вопросъ «какъ»? Его поиски дверей и путей тамъ, гдѣ не существовало никакихъ дверей и никакихъ путей, правда, продолжались, но сознаніе безцѣльности поисковъ все укрѣплялось.

Въ немъ горѣло довольно нелѣпое и, тѣмъ не менѣе, острое чувство обиды на то, что его изъ чего-то исключили, куда-то не пускаютъ, такое чувство бываетъ у ребенка, стоящаго около запертыхъ дверей комнаты, въ которой идетъ какая-то необычайно интересная игра.

— Въ концѣ концовъ, вѣдь это же наша война! — говорилъ онъ.

Онъ поймалъ эту фразу въ то время, какъ она слетала съ его устъ и почувствовалъ, что она говоритъ гораздо больше, чѣмъ онъ думалъ. Онъ взвѣшивалъ, пересматривалъ ее; и чѣмъ внимательнѣе дѣлалъ это, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ ея правотѣ и справедливости.

II.

Къ ночи Лондонъ сталъ пріобрѣтать новый, необычайный видъ. Власти пытались уменьшить и ослабить освѣщеніе главныхъ улицъ, въ предвидѣніи возможности воздушнаго налета. Лавочниковъ и владѣльцевъ магазиновъ уже обязали опускать шторы на витринахъ, и большинство крупныхъ уличныхъ фонарей было потушено. М-ру Бритлингу эти мѣры предосторожности показались очень суетливыми и совершенно лишними; кромѣ того, онѣ могли повлечь за собой значительное увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ на улицахъ. Но внѣшній эффектъ отъ нихъ былъ живописенъ; уличная жизнь Лондона получила вдругъ ка-

кой-то рембрандтовскій отпечатокъ, превратилась въ таинственную симфонію изъ коричневыхъ тѣней, свѣтовыхъ конусовъ и сноповъ. Въ началѣ населеніе отнеслось къ этому протестующе, и то тутъ, то тамъ сверкали всѣми огнями окна ресторана или витрины магазина, разсѣкая мглу. Сновало на улицахъ и значительное число непослушныхъ автомобилей съ огромными, ослѣпительными фонарями... Но полиція была необычайно строга и преслѣдовала всякія нарушенія новыхъ правилъ...

— Ничего, пройдетъ немного времени, и опять все засвѣтится и засверкаетъ, — сказалъ себѣ м-ръ Бритлингъ.

На Piccadily Circus онъ засталъ горячій споръ полисмена со старой дамой, высунувшейся изъ окна автомобиля съ ярко горящими фонарями.

— Цеппелины, — говорила она, — вотъ еще глупости! Какъ будто они осмѣлятся прилетѣть сюда! Кто имъ позволитъ, хотѣла бы я знать?

«Очевидно, — подумалъ онъ, — какая-нибудь знакомая лэди Фрэншамъ».

Впрочемъ, и самому м-ру Бритлингу мысль о цеппелинахъ надъ Лондономъ показалась довольно нелѣпой. Онъ-то лично о такой возможности, по крайней мѣрѣ, никогда не сталъ бы говорить... Никогда еще ни одинъ цеппелинъ не леталъ надъ Лондономъ... Колбасы, начиненныя газомъ...

III.

Въ среду утромъ м-ръ Бритлингъ вернулся къ себѣ въ Дауеръ-Хаузъ, все еще обыкновеннымъ, никуда не опредѣлившимся штатскимъ.

Въ «холлѣ» онъ засталъ какую-то высокую фигуру, одѣтую въ форменный костюмъ защитнаго цвѣта и читающую «Times,» — газету, которая всегда лежала тутъ на столѣ. Фигура обернулась при входѣ м-ра Бритлинга и раскрыла орлиныя черты лица м-ра Лоренса Кармина. У м-ра Бритлинга промелькнуло чувство, какъ будто его другъ тайкомъ обманулъ и опередилъ его.

Но на лицѣ Кармина не было никакихъ слѣдовъ того возбужденія и патріотической удовлетворенности, которыя м-ру Бритлингу показались бы совершенно естественными. Наоборотъ, видъ у м-ра Кармина былъ блѣдный и усталый, какъ будто онъ не спалъ нѣсколько ночей.

— Видите ли, — объяснилъ онъ, почти извиняясь, присутствіе трехъ звѣздочекъ на рукавѣ, — я когда-то былъ капитаномъ въ полку милиціи...

Оказывается, ему дали подъ начальство отрядъ ми-

лиціи, только что мобилизованной, и поручили охрану ряда мостовъ, газовыхъ заводовъ, фабрикъ, желѣзнодорожныхъ туннелей, и цѣлый рядъ второстепенныхъ, но необходимыхъ обязанностей въ округѣ Изингхамптона.

— Я пріѣхалъ, чтобы запереть и заколотить свой домъ, — т. к. мнѣ придется поселиться въ Изингхамптонѣ, въ какой-нибудь комнатѣ... И сознаюсь, мнѣ ужасно это не хочется... Ничего, врядъ ли это будетъ продолжаться болѣе полугода... Но, право, это очень непріятно... Уфъ...

Онъ какъ будто сперва хотѣлъ развить это «уфъ», но потомъ передумалъ. И вскорѣ м-ръ Бритлингъ, по обыкновенію, завладѣлъ бесѣдой.

Два дня, проведенныхъ имъ въ Лондонѣ, дали ему богатый матеріалъ и массу темъ, и онъ обрадовался возможности развить все это кому-нибудь еще, кромѣ Гью, Тедди и миссисъ Бритлингъ.

То, что сейчасъ происходило въ Великобританіи, было просто «приспособленіемъ»,—говорилъ онъ. Это попытка со стороны огромной неорганизованной націи, попытка пока еще скорѣе инстинктивная, чѣмъ сознательная — приспособить свое правительство, а главнымъ образомъ, свою военную организацію къ тѣмъ новымъ формамъ войны, которыя Германія навязала міру. Въ теченіе двухъ напряженныхъ десятилѣтій великобританскій флотъ неустанно разростался подъ давленіемъ соотвѣтствующихъ приготовленій германскаго флота, но великобританскія сухопутныя силы оставались неизмѣнными. Правда, зародилась было безрезультатно и довольно глупо поведенная агитація за введеніе всеобщей воинской повинности, но никто не занялся накопленіемъ снарядовъ и пушекъ, никто не позаботился о приготовленіи запаса машинъ для выдѣлки снарядовъ и ружей, никакіе планы не были разработаны, не были положены никакія основы для какой-нибудь организаціи, которая облегчила бы быстрое расширеніе и развертываніе военныхъ силъ страны въ минуту наступленія кризиса. Даже мысль о такой организаціи была абсолютно враждебна умственнымъ привычкамъ англійской военной касты. Германская система объединенія всѣхъ силъ и рессурсовъ страны въ одно цѣлое, въ одну военную машину — была все еще чужда британскому уму, даже сейчасъ, на исходѣ перваго мѣсяца войны. Война давно сдѣлалась общимъ, основнымъ «дѣломъ» германскаго народа; для англичанъ же она была случайнымъ приключеніемъ. Въ Германіи весь народъ былъ милитаризованъ; въ Англіи армія была спеціализирована... До сихъ поръ англійской націи удавалось во всѣхъ практи-

ческихъ вопросахъ обойтись безъ арміи. Точно такъ же, какъ была спеціализирована и политическая жизнь... А теперь вдругъ англичане почувствовали потребность въ правительствѣ, которое будетъ говорить за всѣхъ, и въ арміи, которая будетъ арміей всего народа. А гдѣ же было найти ихъ?

М-ръ Бритлингъ задержался нѣсколько минутъ на развитіи этой мысли о спеціализаціи британскихъ арміи, флота и правительства, въ этомъ объясненіи, по его мнѣнію, лежалъ ключъ ко всему тому, что сейчасъ такъ портило и нарушало общую картину лондонской жизни. До сихъ поръ армія какъ-то всегда держалась въ сторонѣ отъ жизни, была чѣмъ-то, имѣющимъ узкую, чисто спеціальную цѣль. Она развила въ себѣ всѣ отличительныя особенности касты. Правда, въ своей, чисто спеціальной области, она достигла очень высокаго уровня совершенства, но она была крайне консервативна и абсолютно лишена дара приспособляемости. Характеръ исключительности былъ не столько слѣдствіемъ сознательной культуры, сколько результатомъ ея оторванности. Соприкасалась армія съ обыкновеннымъ общественнымъ остовомъ страны только черезъ посредство трехъ другихъ спеціализированныхъ группъ—двора, церкви и сцены. За предѣлами этихъ трехъ группъ, армія воспринимала огромный, неофиціальный, штатскій міръ, какъ нѣчто такое, что она или просто презирала, если смѣла, или же обманывала, — если могла; нѣчто чуждое, что обращало на нее вниманіе членовъ парламента и довольно скупо отпускало ей деньги. И какъ только любому человѣку удавалось сознать, насколько армія жила въ сторонѣ отъ обычной жизни общества, отъ промышленныхъ или экономическихъ необходимостей, какъ только становилось яснымъ, насколько поголовное большинство англичанъ казались «чужими», «посторонними» психологіи военнаго министерства, какъ они были «чужими» и «посторонними» политической кликѣ — онъ начиналъ сознавать полную непригодность, какъ военнаго министерства, такъ и правительства, для того, чтобы справиться и взять на себя руководство тѣмъ огромнымъ національнымъ усиліемъ, котораго требовала настоящая минута. Эти люди «тамъ наверху» не имѣли ни малѣйшаго понятія о жизни, настроеніяхъ, мысляхъ и стремленіяхъ широкихъ массъ англійскаго народа. Они не знали, какъ, гдѣ и что дѣлается. Когда имъ вдругъ что-нибудь понадобится, они просто заходятъ въ первый попавшійся магазинъ и спрашиваютъ. Впрочемъ, это была единственно возможная психологія крошечной арміи, управляемой правительствомъ. Ничего другого и

ожидать нельзя было. Но сегодня народъ долженъ... какъ-нибудь... взять въ свои руки это правительство, на которое онъ столько времени не обращалъ никакого вниманія.

— Видите ли, — сказалъ м-ръ Бритлингъ, повторяя фразу, которая все ярче и сильнѣе передавала сущность его мыслей, — теперь это наша война.

— Конечно, — продолжалъ онъ, — всего этого нельзя будетъ добиться безъ конфликта. Намъ не удастся захватить нашу власть, на которую мы столько времени не обращали никакого вниманія, безъ значительныхъ внутреннихъ треній. Но въ Англіи, слава Богу, эти реформы и переприспособленія можно ввести безъ революціи. Въ этомъ наша сила!

— Сейчасъ Англія въ какой-то кашѣ... но это здоровая каша... Англія проснулась и зашевелилась. Намъ нужно побѣдить не одну только Германію, а еще много кое-чего въ самихъ себѣ.

— Всѣ эти толпища усталыхъ, голодныхъ, всѣми заброшенныхъ добровольцевъ, осаждающихъ вербовочные пункты. Это символично!.. Эти наши огромные запасы воли и мужской силы! И тутъ же рядомъ почти невѣроятная неприспособленность къ организаціи и управленію!..

— Эти люди тамъ наверху не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о Волѣ, которая всколыхнулась и забила ключомъ во всей Англіи! Они просто робкіе, маленькіе, вьющіеся вьюнами людишки, которые боятся крупной собственности, боятся газетъ, трэдъ-уніоновъ. Вы думаете, они ведутъ насъ на нѣмцевъ? Ничуть не бывало, просто необходимость толкаетъ ихъ на нѣмцевъ!..

Дальше м-ръ Бритлингъ разразился снова новымъ добавленіемъ къ его уже и такъ большой коллекціи контрастовъ между Англіей и Германіей. Германія была народомъ, проглоченнымъ арміей и администраціей, съ которыми этотъ народъ слитъ въ одно цѣлое. Прусская милитаристическая система всецѣло ассимилировала себѣ германскую жизнь. Это государство въ состояніи переполненія, государство проглотившее, поглотившее въ себѣ весь народъ. Англія не была государствомъ. Она просто — необъединенный народъ. Британская армія, британское военное министерство, британскій государственный механизмъ ничего не ассимилировали. Они были просто маленькими старенькими частностями. Британская нація была какъ-то внѣ ихъ пониманія и традицій; нѣчто новое безформенное, но огромное! И теперь эта британская нація, эти «посторонніе» должны были схватиться за ружье. Внезапно всѣмъ идеямъ и

принципамъ, лежавшимъ въ основѣ этой «внѣшней», большой англійской жизни, жизни внѣ политики, внѣ чиновничества — былъ брошенъ вызовъ; ея всетерпимому добродушію, ея свободѣ, ея безотвѣтственности. И не только передъ простой англійской жизнью встала угроза. То, что произошло, угрожало всѣмъ свободамъ демократіи, всякой либеральной идеѣ, всякой свободѣ вообще. Сама цивилизація была въ опасности. Либеральная система была схвачена за горло, и ей надо было или оправдать себя или погибнуть.

— Я поѣхалъ въ Лондонъ въ ожиданіи получить указаніе, что мнѣ дѣлать. Но тамъ нѣтъ никого, кто бы могъ кому-нибудь это сказать... Никого, кто бы заставилъ насъ что-либо дѣлать...

— Тамъ я нашелъ военное министерство, напоминающее какой-то колледжъ, во время студенческихъ безпорядковъ. И правительство, похожее на крошечную душегубку среди Атлантическаго океана во время бури.

— Думалось, что эта война должна была прійти къ намъ трубнымъ гласомъ, призывомъ. А вмѣсто этого, до сихъ поръ все похоже на огромный шумъ... въ сосѣднемъ домѣ... шумъ, къ которому мы съ любопытствомъ и спокойно прислушивались... И вотъ теперь народъ понемногу начинаетъ просыпаться. Лондонъ похожъ на заспаннаго, обалдѣвшаго человѣка, который только что проснулся отъ глубокаго сна, увидалъ, что гдѣ-то рядомъ что-то горитъ, какая-то опасность, всѣ шумятъ и раздаются крики о помощи. Лондонскія улицы производятъ именно такое впечатлѣніе. Люди безцѣльно шатаются по нимъ, къ чему-то прислушиваются, что-то высматриваютъ. И чувствуется, что въ любую минуту, во время паузы, мгновеннаго молчанія, откуда-то издалека, изъ-за домовъ, вдругъ раздастся еле слышно, слабо гулъ пушекъ или безсильные крики маленькихъ французскихъ или бельгійскихъ деревенекъ въ агоніи...

Вотъ, въ общихъ чертахъ, смыслъ того, что говорилъ м-ръ Бритлингъ.

За столомъ говорилъ почти онъ одинъ. Тедди изрѣдка поддакивалъ, Гью молчалъ и былъ какъ-будто немного невнимателенъ, миссисъ Бритлингъ думала объ обѣдѣ, о мальчикахъ и о прислугѣ, лишь однимъ ухомъ слушая то, что говорилъ мужъ. Капитанъ Карминъ говорилъ мало и какъ будто былъ поглощенъ какими-то непріятными заботами. Изрѣдка онъ подтверждалъ или дополнялъ фразы м-ра Бритлинга.

И трижды замѣтилъ:

— Люди еще ничего не понимаютъ?!.

IV.

Только тогда, когда они сидѣли вдвоемъ съ м-ромъ Бритлингомъ, во дворикѣ при сараѣ, когда по близости не было ни миссисъ Бритлингъ, ни дѣтей, капитанъ Карминъ рѣшился, наконецъ, объяснить причину своего озабоченнаго, разсѣяннаго и усталаго вида. Оказывается, онъ находился все еще подъ впечатлѣніемъ сильнаго нервнаго удара. Онъ едва успѣлъ принять командованіе надъ своимъ отрядомъ, какъ былъ убитъ одинъ изъ его солдатъ... Вотъ эта смерть и запечатлѣлась краснымъ рубцомъ на его мысляхъ.

Солдатъ былъ поставленъ часовымъ на охрану туннеля и былъ сбитъ съ ногъ и перерѣзанъ поѣздомъ въ то время, какъ онъ переходилъ путь въ хвостѣ другого поѣзда.

И такъ сараевская бомба убила свою первую жертву въ Эссексѣ!

Капитанъ Карминъ при обходѣ постовъ нашелъ тѣло. Онъ нашелъ его въ туманную лунную ночь; онъ споткнулся о трупъ и чуть было не упалъ. И вотъ у него осталось крайне непріятное, тяжелое ощущеніе. Ему пришлось самому стащить тѣло съ рельсъ... Оно было страшно помято и растерзано... Раздавленная, почти отрѣзанная отъ туловища голова какъ-то жутко, страшно болталась въ скудной полутьмѣ... А потомъ онъ замѣтилъ, что рукава его куртки были насквозь пропитаны кровью... Сначала онъ этого не замѣтилъ, но потомъ, когда увидалъ ихъ, ему вдругъ сдѣлалось дурно... Ему тогда все это показалось ужаснѣе и страшнѣе, чѣмъ любой кошмаръ, но онъ сумѣлъ овладѣть собой и поступить съ достаточной практичностью, чтобы показать примѣръ своимъ солдатамъ. Однако, съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, онъ не могъ спать по ночамъ, а если засыпалъ на часъ-другой, просыпался отъ ужасныхъ сновъ...

— Знаете, это все такъ неожиданно!.. — сказалъ м-ръ Карминъ. — Кто изъ насъ могъ ждать, чтобы въ одинъ прекрасный вечеръ... здѣсь въ Англіи... когда мирно куришь трубку послѣ ужина... тебя вдругъ вытащатъ.... и заставятъ переживать такія вещи?

М-ръ Бритлингъ внимательно выслушалъ этотъ разсказъ съ наморщенными бровями, сразу всѣ его мысли, все то, что онъ говорилъ, встали передъ нимъ, словно раскрытая страница ежемѣсячнаго журнала... И черезъ нее, черезъ эту страницу, кто-то протянулъ кровавое, черно-красное пятно...

V.

Пятно это все еще было ярко красно въ мысляхъ м-ра Бритлинга, когда къ нему пришелъ Тедди.

— Я долженъ пойти! — сказалъ Тедди. — Я больше не могу здѣсь оставаться!

— Куда пойти?

— Пойти и надѣть хаки! Я думалъ объ томъ съ самаго перваго дня, какъ объявлена была война. Помните, что вы сказали тогда въ праздникъ, въ понедѣльникъ, когда мы играли въ хоккей?.. Какъ разъ наканунѣ объявленія войны?

М-ръ Бритлингъ совершенно забылъ и силился вспомнить.

— Что я сказалъ?

— Вы сказали: «Какого чорта мы играемъ въ хоккей, когда мы всѣ должны сейчасъ маршировать или обучаться тому, какъ надо стрѣлять въ этихъ проклятыхъ нѣмцевъ!!.. Я этого не забылъ... Собственно, я раньше долженъ былъ это сдѣлать. Я когда-то командовалъ отрядомъ бой-скаутовъ. Скоро понадобятся офицеры. А какъ мнѣ говорили, въ Лондонѣ сейчасъ открылось много курсовъ для офицеровъ, въ которыхъ наскоро готовятъ нужныхъ людей... И вотъ я рѣшилъ поступить на такіе курсы...

— Ну, а что говоритъ Летти? — спросилъ послѣ паузы м-ръ Бритлингъ.

Конечно, такъ надо было... иначе Тедди и не могъ поступить... но все же м-ръ Бритлингъ былъ удивленъ.

— Она говоритъ, что если вы позволите ей попробовать замѣнять меня на время...

— Она хочетъ, чтобы вы пошли?

— Конечно, хочетъ! — отвѣтилъ Тедди. — Неужели вы думаете, что ей пріятно было бы, если бы я сталъ отвиливать отъ своего долга? Но я не могу пойти, если вы не поможете и не освободите меня отъ моихъ секретарскихъ обязанностей.

— Разумѣется, я готовъ это сдѣлать, — сказалъ м-ръ Бритлингъ. — Но какъ то я до сихъ поръ о васъ не думалъ. Не думалъ какъ-то, что вы...

— Что я?.. — спросилъ Тедди.

— Это... странно приближаетъ къ намъ войну!... Она уже входитъ въ нашъ домъ!.. Разумѣется, вы должны пойти... если этого хотите!

Онъ задумался. Страшно было видѣть въ такомъ взвинченномъ настроеніи... серьезнаго, дѣловитаго Тедди. И м-ръ

Бритлингъ подумалъ, что въ прошломъ онъ былъ несправедливъ къ юношѣ: онъ вовсе не такъ легкомысленъ, какимъ кажется...

Стали обсуждать пути и средства. Возможно, придется снабдить Тедди нѣкоторой суммой на обмундировку, въ случаѣ, если онъ сразу будетъ произведенъ въ офицеры. Были еще другія мелкія подробности... М-ръ Бритлингъ тотчасъ же отогналъ нелѣпую мысль, промелькнувшую у него въ головѣ: что онъ платитъ за то, чтобы отправить Тедди куда-то, къ чему-то, о чемъ не имѣли ни малѣйшаго понятія ни онъ, ни Летти...

На слѣдующее утро Тедди исчезъ на велосипедѣ по направленію къ Лондону. Онъ собирался снять комнату и поселиться въ Лондонѣ, недалеко отъ офицерскихъ курсовъ, на которые онъ поступитъ. Онъ сдѣлался страшно прилежнымъ и работоспособнымъ. Миссисъ Тедди аккуратно стала приходить въ Дауеръ-Хаузъ за корреспонденціей м-ра Бритлинга, стараясь не казаться черезчуръ важной и самоувѣренной...

Два понедѣльника спустя, очень возбужденный мальчикъ, съ горящими глазами, прибѣжалъ къ м-ру Бритлингу, сидѣвшему послѣ завтрака въ саду среди розъ и курившему сигару.

— Папочка, папочка! — пищалъ мальчуганъ — Тедди! Въ формѣ!

Другой маленькій Бритлингъ прыгалъ и вертѣлся вокругъ героя, шествовавшаго рядомъ съ миссисъ Бритлингъ и старавшагося не быть слишкомъ подчеркнуто-воинственной фигурой. Онъ казался настоящимъ мужчиной въ своей защитнаго цвѣта форменной одеждѣ, и въ то же время былъ больше мальчикомъ, чѣмъ когда-либо. Сзади шла миссисъ Тедди въ состояніи тихаго восторга.

У м-ра Бритлинга снова блеснула непріятная мысль, что эти молодые люди совершенно не знаютъ, на что они пошли. Ему самому захотѣлось быть сейчасъ въ хаки, тогда эта непріятная мысль не такъ бы безпокоила его.

Въ тотъ вечеръ совершенно окрѣпло его убѣжденіе, что они, дѣйствительно, ни капельки, ничего не понимаютъ. До сихъ поръ жизнь была такъ добра и милостива къ нимъ, что даже мысль о томъ, что Тедди идетъ на войну, казалась имъ лишь забавнымъ развлеченіемъ. Просто онъ рѣшился на нѣчто серьезное, серьезно-забавное, вполнѣ вѣроятное и возможное! Для этого ему пришлось вотъ переодѣться въ это необычайное платье и принимать честь, которую ему отдавали солдаты на улицахъ... Они обсуждали всѣ

возможные виды на его военное будущее... со смакомъ дѣтей, обсуждающихъ привлекательность новой игры... Они производили Тедди изъ чина въ чинъ съ необычайной быстротой. По его словамъ, онъ долженъ былъ очень скоро получить уже назначеніе на фронтъ.

— Сейчасъ ощущается страшная нужда въ младшихъ офицерахъ. Почти одна треть нашихъ уже ушла, — сказалъ онъ и прибавилъ съ завистливостью человѣка, говорящаго о недосягаемыхъ наслажденіяхъ, — а нѣкоторые уже на фронтѣ...

Онъ говорилъ, какъ молодой актеръ, мечтающій о заглавной роли въ пьесѣ.

— А если меня убьютъ, она будетъ получать восемьдесять фунтовъ въ годъ, — пояснилъ Тедди среди другихъ подробностей.

Онъ улыбнулся этой забавной мысли улыбкой самоувѣреннаго безсмертнаго.

— Онъ — мой ежегодный доходъ! — сказала Летти, тоже улыбаясь, — мертвый или живой!

— Да, намъ очень будетъ недоставать васъ, Тедди! — сказалъ м-ръ Бритлингъ.

— Ну, ничего, вѣдь это только на время войны, — сказалъ онъ. — Летти не глупа и способна. Она быстро привыкнетъ къ вашей работѣ. Я постараюсь вышибить изъ нея всѣ ея недостатки.

— Если ты думаешь, что получишь назадъ свое мѣсто послѣ войны, — сказала Летти, — глубоко ошибаешься. Я докажу, что мы, женщины, лучше приспособлены къ секретарскимъ обязанностямъ.

— Ты? — сказалъ Тедди, окинувъ ее холоднымъ взглядомъ, и перевелъ сразу разговоръ на другую тему

VI.

— Гью тоже скоро будетъ ходить въ формѣ! — сообщилъ старшій изъ младшихъ Бритлинговъ Тедди. — Онъ слишкомъ молодъ для китченеровской арміи и поступитъ въ территоріальныя войска. Онъ уѣхалъ въ четвергъ... Ахъ, зачѣмъ я и Гильбертъ не старше...

М-ръ Бритлингъ зналъ о рѣшеніи своего старшаго сына съ того самаго вечера, когда приходилъ къ нему Тедди и говорилъ о своемъ намѣреніи записаться въ армію.

Гью пришелъ къ отцу въ кабинетъ въ то время, какъ тотъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и рѣшалъ важный вопросъ — продолжать ли ему безъ промедленія брошюру: «Изслѣдованіе войны» или же отложить ее на время въ сто-

рону и заняться какъ можно болѣе яснымъ и точнымъ выясненіемъ всѣми признаннаго несоотвѣтствія между волей и силой Англіи, съ одной стороны, и ея административной и военной организаціей, съ другой. Онъ чувствовалъ, что погибало и напрасно тратилось огромное количество человѣческой энергіи, энтузіазма. Что если все будетъ продолжаться и дальше такъ же, какъ идетъ теперь? если и дальше будетъ ощущаться этотъ гибельный недостатокъ рабочаго механизма? Тогда нужно какое-нибудь немедленное, обновляющееее измѣненіе. А что, если онъ сейчасъ же сядетъ и напишетъ нѣсколько громкихъ, крикливыхъ статей, напр., статью подъ заглавіемъ: «Война Механиковъ» или «Война машины» или еще другую — «Безъ гражданской силы нѣтъ побѣды»? И если онъ напишетъ ихъ, то обратятъ ли на нихъ вниманіе, или онѣ незамѣтно потонутъ въ общемъ умственномъ шумѣ и хаосѣ?

За этимъ основнымъ кругомъ его мыслей смутно помчался рядъ другихъ вопросовъ; то всплывая, то снова исчезая въ бурномъ теченіи думъ, они готовы были войти въ самый центръ его мыслей. Рисовался капитанъ Карминъ въ туманномъ свѣтѣ луны, волокущій нѣчто ужасное на желѣзнодорожную насыпь, нѣчто дряблое, мокрое и теплое, что еще недавно было человѣкомъ. Былъ тутъ и Тедди, такой серьезный и патріотичный... вызывающій прямо невѣроятное уваженіе къ себѣ со стороны празднаго писаки. Былъ и членъ клуба съ худымъ, тонкимъ лицомъ, и какое-то странное имъ проявленное удовлетвореніе по поводу общей дезорганизаціи. И еще былъ Гью. Главнымъ образомъ Гью молчаливый, но что-то какъ будто выжидающій. Мальчикъ никогда не болталъ зря. Онъ обладалъ даромъ матери къ глубокимъ, темнымъ молчаніямъ, изъ которыхъ, бывало, временами вдругъ сверкнетъ — Черная Принцесса, размахивающая мечомъ... И на нѣкоторое время онъ сталъ бродить среди воспоминаній... Но Гью никогда такъ не сверкнетъ... Хотя, можетъ, и сверкнетъ когда-нибудь... Что-же онъ обо всемъ этомъ думаетъ? Что собирается дѣлать? Какъ поступитъ?

М-ру Бритлингу страшно хотѣлось, чтобы его сынъ записался добровольцемъ въ армію; онъ былъ почти убѣжденъ, что Гью сдѣлаетъ это. Но въ тоже время у него была крошечная тѣнь сомнѣнія, какъ бы какъ-нибудь исключительная утонченность мышленія не увлекла мальчика въ миролюбивое, пасифистическое настроеніе... Но нѣтъ! Это не-

возможно! А Бельгія?.. И въ то же время такъ же сильно... и куда глубже въ нѣдрахъ всего его существа — хотѣлось м-ру Бритлингу, чтобы никакое несчастіе, никакое зло не приключилось съ его сыномъ...

Тутъ открылась дверь, и вошелъ Гью.

М-ръ Бритлингъ нѣжнымъ взоромъ, принимая въ то же время дѣланный равнодушный видъ, взглянулъ на него через плечо.

— А, это ты! — сказалъ онъ. — Ну, въ чемъ дѣло?

Гью какъ-то неловко, неувѣренно вошелъ и подошелъ къ камину.

— О, ничего, — сказалъ онъ тоже дѣланнымъ и равнодушнымъ тономъ — очевидно, и мнѣ тоже придется идти въ солдаты... Я только думалъ... Мнѣ хотѣлось бы отправиться завтра... тутъ съ однимъ пріятелемъ... который тоже идетъ...

Тонъ и манера м-ра Бритлинга остались равнодушными.

— Боюсь, что другого выхода сейчасъ нѣтъ! — сказалъ онъ.

Онъ повернулся на стулѣ и посмотрѣлъ на сына.

— Ты что намѣренъ сдѣлать? Поступить на курсы для подготовки офицеровъ? Да?

— Не думаю, чтобы изъ меня вышелъ хорошій офицеръ. Я терпѣть не могу отдавать людямъ приказаніе. Мы съ пріятелемъ рѣшили просто вмѣстѣ поступить нижними чинами въ Эссекскій полкъ.

Наступила маленькая пауза. И отецъ и сынъ, оба уже нѣсколько разъ мысленно, про себя, прорепетировали эту сцену, и теперь вдругъ пришли къ убѣжденію, что цѣлый рядъ фразъ, которыя казались столь эффектными на этихъ репетиціяхъ — сейчасъ вдругъ ненужны и излишни.

М-ръ Бритлингъ сталъ чесать подбородокъ кончикомъ ручки.

— Я радъ, что ты рѣшилъ это и что тебѣ хочется идти, Гью, — сказалъ онъ.

— Но мнѣ совсѣмъ не хочется идти, совсѣмъ не хочется воевать! — отвѣтилъ Гью, засовывая руки глубоко въ карманы. — Мнѣ, наоборотъ, хочется въ Кэмбриджъ, работать съ Кардиналомъ. Но надо же каждому идти! Развѣ ты самъ сегодня цѣлый день этого не говорилъ?.. Это такъ же необходимо, какъ то, что всѣ должны высыпать въ погоню за бѣшеной собакой или участвовать въ ловлѣ жулика... Это необходимая обязательная очистка...

— Такъ что тебя солдатчина совсѣмъ не привлекаетъ?

— Ни капельки! И не буду притворяться, папа... Я счи-

таю всю эту исторію ужасно скучной, надоѣдливой и непріятной. Мнѣ сейчасъ Германія кажется какой-то тяжелой, отвратительной, грязной, зловонной массой, которая опрокинулась на Бельгію и Францію. И намъ всѣмъ приходится отгрести эту грязь назадъ. Вотъ и все...

Пока отецъ молчалъ, онъ прибавилъ еще нѣсколько замѣчаній:

— Ты вѣдь знаешь, — притворяться, что у меня какой-то особенно патріотическій подъемъ, что меня увлекаетъ война — я не могу, — сказалъ онъ. — Я считаю, что убивать людей и ради этого подвергать себя риску быть убитымъ— отвратительная привычка... и я думаю, что мнѣ придется ограничиться только разными ученіями, караулами, маневрами здѣсь въ Англіи...

— Да, тебя на фронтъ раньше, чѣмъ черезъ два года, не могутъ отправить, ты еще слишкомъ молодъ! — сказалъ м-ръ Бритлингъ, словно сожалѣя объ томъ.

Въ глазахъ Гью промелькнуло какое-то легкое колебаніе.

— Думаю, что не отправятъ, — замѣтилъ онъ.

— А къ тому времени, навѣрное, все кончится... такъ или иначе... — добавилъ м-ръ Бритлингъ, выдавая себя и свои мысли съ головой.

— Такъ что, въ концѣ концовъ, мое участіе сведется просто къ тому, что я буду помогать у самаго конца лопаты, — подчеркнулъ Гью, но все еще съ тѣмъ оттѣнкомъ сдержанности въ голосѣ.

Наступившая пауза какъ бы заключила теоретическую сторону вопроса.

— Въ какомъ округѣ ты собираешься записаться? — спросилъ м-ръ Бритлингъ, переходя уже къ практическимъ деталямъ.

VII.

Битва на Марнѣ перешла въ битву на Энѣ, и затѣмъ длинныя линіи борьбы перевалились на сѣверо-западъ, пока англичане снова не очутились въ Бельгіи, не успѣвъ отстоять Мененъ и защищая Ипръ. Вслѣдъ за ослѣпленіемъ и уныніемъ августа наступила высокомѣрная увѣренность сентября и точно также исчезла въ прошлое забытыхъ настроеній. Создавшееся у м-ра Бритлинга убѣжденіе въ томъ, что эта война — значительнѣе, труднѣе и продолжительнѣе другихъ войнъ медленно укрѣплялось. Это не былъ, какъ казалось вначалѣ, конецъ одной фазы человѣческой исторіи и начало другой; это была фаза сама по себѣ, но-

вый образъ жизни. И все же до сихъ поръ онъ не могъ найти для себя настоящаго контакта съ этой новой жизнью, развѣ только путемъ пера. Только за письменнымъ столомъ, и то по ночамъ, въ особенности чувствовалъ и переживалъ онъ лично всѣ колебанія великой борьбы. Но ему все хотѣлось болѣе личнаго и физическаго участія въ ней.

Однажды въ октябрѣ пріѣхалъ Гью, въ плохо сидящей форменной курткѣ и брюкахъ, весь какой-то погрубѣвшій и съ краснымъ носомъ, отъ осенняго солнца. Онъ разсказывалъ, что жизнь въ казармахъ груба и первобытна, но что онъ чувствовалъ себя тамъ необычайно хорошо. Можетъ быть, человѣкъ, дѣйствительно, созданъ для того, чтобы работать до тѣхъ поръ, пока онъ не сваливается отъ усталости, созданъ для того, чтобы голодать въ теченіе десяти-двѣнадцати часовъ и потомъ жрать, какъ волкъ. У него появилась слабость къ удивительно сквернымъ папиросамъ и дешевымъ минеральнымъ водамъ. Онъ, какъ огня, боялся производства въ чинъ: онъ чувствовалъ, что никакъ не въ состояніи будетъ найти въ себѣ то отношеніе свысока къ человѣческимъ существамъ, которое требуется отъ унтеръ-офицера. Онъ все еще пытался въ минуты отдыха почитывать кое-что по химіи и кристаллографіи, но это «какъ то не вязалось съ солдатской жизнью». Въ рѣдкіе и скудные часы досуга было пріятнѣе валяться гдѣ-нибудь на койкѣ или землѣ, писать комическіе стишки или рисовать карикатуры на товарищей по взводу. Когда домашніе предложили ему выбрать, какіе подарки на память онъ желаетъ получить, онъ потребовалъ большой жестяной сундукъ, какой у него былъ когда-то въ школьные годы, «только побольше» и большую жестянку порошка отъ насѣкомыхъ. Такого порошка, который убивалъ бы клоповъ и клещей...

Съ отъѣздомъ Гью страстное желаніе принять болѣе дѣятельное и личное участіе въ физическихъ усиліяхъ страны — стало прямо невыносимымъ для м-ра Бритлинга. Ему хотѣлось, какъ онъ выражался, «влѣзть въ дѣло съ кожей». Онъ рѣшилъ, что движеніе въ пользу образованія дружины народной милиціи — безнадежно. Военное министерство послѣ упорнаго сопротивленія всякому добровольческому движенію, наконецъ, признало народную милицію, но въ такой формѣ, что она сразу сдѣлалась нелѣпой и безсмысленной. Милиціонеры не должны были получить ни офицеровъ, ни вооруженія, которыя, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ, напоминали имѣющіяся у регулярныхъ войскъ. И, такимъ образомъ, въ случаѣ десанта въ Англію, германцы сразу, за нѣсколько верстъ могли легко узнать,

съ кѣмъ имъ приходится имѣть дѣло. Уилкинсъ вдругъ убѣдился, что его мечта о цѣлой націи, сплотившейся вокругъ знаменъ, использованныхъ и распредѣленныхъ согласно индивидуальнымъ способностямъ и силамъ — была встрѣчена, какъ дѣтская фантазія «романиста», наиболѣе невѣжественнаго изъ всѣхъ человѣческихъ типовъ. «Пенчъ» былъ снисходительно остроуменъ по этому поводу; на страницахъ знаменательнаго еженедѣльника Уилкинсъ былъ изображенъ въ нелѣпо-фантастической треуголкѣ собственнаго рисунка и изготовляющимъ треуголки для всей Англіи. Въ анонимныхъ письмахъ Уилкинсу писали, чтобы онъ «заткнулъ глотку», и публично и частнымъ образомъ ему совѣтовали «предоставить все Китченеру». Кричать громко и ясно во всеуслышаніе «надо предоставить все Китченеру» и самимъ отправиться въ театръ, на Темзу или сѣсть въ автомобиль — казалось въ то время верхомъ истиннаго патріотизма. Господствовало общее убѣжденіе, что сдѣлаться милиціонеромъ тогда, когда надо было скромно ничего не дѣлать — является почему-то почти измѣной.

И потому м-ръ Бритлингъ оставилъ мысль о милиціи и вмѣсто этого пошелъ и записался въ «спеціальные констебли», т. е. въ полисмены-добровольцы, взявшіе на себя обязанности ушедшихъ на войну полицейскихъ, принесъ присягу и получилъ соотвѣтствующую повязку. Обязанности «спеціальнаго констэбля» сводились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы не понимать, что дѣлается въ военныхъ кругахъ и исполнять возлагаемыя на него порученія въ видѣ охраненія и наблюденія за разными пунктами, которые считались опасными или важными. Кромѣ того, онъ долженъ принимать участіе въ прекращеніи безпорядковъ, если бы они гдѣ-нибудь возникли.

М-ра Бритлинга снабдили «батономъ» и отправили охранять подземные водостоки, мосты, и фіорды или заливы въ гористой мѣстности сѣверо-запада отъ Матчингсъ-Изи. Онъ никогда до самаго конца не могъ ясно себѣ представить, какъ онъ поступитъ, если увидитъ гдѣ-нибудь автомобиль, наполненный вооруженными нѣмцами, которые подкладываютъ мину подъ какой-нибудь водостокъ или въ углубленіе фіорда, имѣющаго стратегическое значеніе. Онъ рѣшилъ, что или заговоритъ съ ними, или ударитъ ихъ батономъ или сдѣлаетъ то и другое одновременно. Но такъ какъ онъ ни секунды не вѣрилъ, что кто-нибудь рѣшится посягнуть на телеграфы, телефоны, пути сообщенія и разныя другія вещи, отданныя ему подъ охрану, то его неувѣренность не очень смущала его. И онъ сталъ бродить въ тем-

нотѣ по пустыннымъ дорогамъ и тропинкамъ, знакомясь съ гаммами таинственныхъ и загадочныхъ криковъ, исходившимъ по ночамъ изъ кустовъ и изгородей. Однажды онъ спасъ молодого зайченка изъ цѣпкихъ лапъ куницы, которая готова была наброситься и на самого м-ра Бритлинга, если бы тотъ не ослѣпилъ ее внезапно своимъ электрическимъ карманнымъ фонаремъ...

Бродя по полямъ и дорогамъ, подъ огромнымъ полушаріемъ Эссекскаго неба, отдыхая, опершись о какой-нибудь заборъ, сонно сидя у воротъ или прячась отъ вѣтра и дождя подъ стогами, подъ навѣсами сараевъ — онъ находилъ достаточно времени для размышленій, и его мысли стали углубляться все ниже, все глубже подъ первыя его впечатлѣнія о войнѣ. Онъ уже не думалъ о правотѣ или неправотѣ этой войны въ частности, но о тѣхъ силахъ, лежащихъ въ основѣ человѣчества, которыя дѣлали войну возможной. Онъ уже не сочинялъ остроумныя и сложныя соглашенія и договоры между народами, а наоборотъ старался изслѣдовать болѣе глубокія загадки основного чувства зла въ человѣкѣ и возможныя измѣненія человѣческаго сердца. Дождь пронизывалъ его насквозь, терніи кололи его, промокшія, мягкія поля всасывая въ себя его усталыя ноги, маленькій подпольный міръ изгородей и канавъ шипѣлъ и пищалъ въ темнотѣ, преслѣдовалъ и бѣжалъ, уничтожалъ и самъ бывалъ уничтожаемъ...

Однажды ночью, въ апрѣлѣ, онъ былъ смущенъ какимъ-то волненіемъ среди фазановъ и лаемъ собакъ вдали. Къ огромному своему удивленію, онъ вдругъ услыхалъ звуки, напоминающіе отдаленный трескъ фейерверка, и на небѣ, далеко на востокѣ, увидалъ нѣчто похожее на прозрачную, желтую сигару, временами освѣщаемую прожекторомъ и быстро куда-то мчащуюся. И послѣ того, какъ онъ протеръ глаза и снова взглянулъ на небо, онъ понялъ, что видѣлъ цеппелинъ... цеппелинъ надъ Эссексомъ, летящій на Лондонъ...

И вся та ночь была чудомъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авт. пер. **М. Ликіардопуло.**

ВЕЧЕРЪ ЧЕЛОВѢКА.

Онъ сидитъ въ загаженной прихожей
И дремота стараго колеблетъ.
Что назначено для жизни—прожилъ,
Ничего не ждетъ. Сидитъ и—дремлетъ.

Вышелъ я. На небѣ пыль искрится,
Марсъ горитъ и мучитъ и тревожитъ.
... Старый, старый! А тебѣ въ прихожей
Млечный путь не виденъ... и не снится.

Поживешь усталый и недужный
И безъ думъ и пѣсенъ снидешь въ землю.
Все равно. Кому теперь ты нуженъ?
Никому. Сидитъ... безсильно дремлетъ.

ПРОѢЗДОМЪ.

На простуженныя нивы
Мелкій дождикъ сѣетъ.
Избы съежились тоскливо
И ободранная ива
Мертвая бѣлѣетъ.

Чернымъ тѣстомъ грязь закисла,
Колыхаясь слабо.
На шестѣ ведро повисло.
Изгибаясь, коромысло
Подымаетъ баба.

Панъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ БЛОКЪ.

Идея экономическаго блока союзниковъ, противостоящаго союзу центральныхъ имперій, не только во время войны, но, главнымъ образомъ, во время мира, становится съ каждымъ днемъ все популярнѣе.

Два года войны наглядно показали, что военная мощь страны тѣснѣйшимъ образомъ связана съ ея экономической мощью и что успѣхи оружія находятся въ прямой зависимости отъ техническаго оборудованія заводовъ, интенсивности труда, раціональной организаціи промышленности и т. д. «Гегемонія политическая будетъ принадлежать тому, кому принадлежитъ гегемонія экономическая»,—неоднократно писалъ вліятельнѣйшій органъ французской буржуазіи, Le Temps. Военный и дипломатическій союзъ долженъ быть дополненъ союзомъ экономическимъ или, какъ выразился предсѣдатель международной коммерческой конференціи Шоме, союзники должны повести систематическую войну противъ «коммерческаго милитаризма» Германіи. Посмотримъ, какъ представляется этотъ блокъ на практикѣ.

Дипломатическая конференція союзниковъ, состоявшаяся въ Парижѣ 27—28 марта, намѣтила программу единства экономическихъ дѣйствій. «Союзныя правительства,—гласитъ принятая резолюція,—постановляютъ провести въ жизнь въ экономической области ихъ солидарность взглядовъ и интересовъ. Они поручаютъ экономической конференціи, которая состоится скоро въ Парижѣ, предложить имъ мѣропріятія, могущія привести къ реализаціи этой солидарности». Хотя принятая формула и не страдаетъ излишней ясностью, все же въ ней было усмотрѣно принципіальное согласіе всѣхъ союзниковъ на созданіе экономическаго соглашенія или антигерманскаго экономическаго блока, долженствующаго пережить эту войну. «Провозглашенный принципъ,—писалъ по поводу этой резолюціи Жанъ Гербетъ въ L' Echo de Paris отъ 29-го марта—очевидно, требуетъ, чтобы ни одинъ изъ тѣхъ, кто его провозглашаетъ, не завязалъ отдѣльно коммерческихъ сношеній съ Германіей, и чтобы блокъ союзниковъ стремился устроить будущую Европу такимъ образомъ, чтобы освободить членовъ блока и ихъ друзей отъ германской моно-

коліи». Передъ экономическимъ блокомъ ставятся, такимъ образомъ, активныя задачи, при чемъ блокъ этотъ мыслится въ видѣ единой могучей массы, притягивающей къ себѣ болѣе слабыхъ сосѣдей.

По словамъ французскаго экономиста, Эдмонда Тери, австро-германцы, затѣявшіе таможенный союзъ центральной Европы, попали въ свою собственную ловушку, «ибо Франція, Англія, Россія, Италія и Бельгія поняли эту опасность, и непреодолимая сила, толкающая эти націи объединиться на экономической почвѣ, указываетъ на то, что онѣ смогутъ практически защитить себя противъ новой германской угрозы». Эдмондъ Тери говоритъ здѣсь объ экономической самозащитѣ, которая вызывается германской угрозой, тогда какъ Гербетъ ставитъ вопросъ объ экономическомъ наступленіи. Впрочемъ, давно уже сказано, что лучшая защита—нападеніе.

Какъ представляетъ себѣ Эдмондъ Тери эту самозащиту? Мѣропріятія, предлагаемыя имъ, сводятся къ слѣдующему:

1) Защитить внутренній рынокъ союзниковъ противъ преднамѣреннаго наплыва нѣмецкихъ продуктовъ выработкой единообразнаго режима по отношенію къ нѣмецкимъ товарамъ.

2) Развить коммерческія сношенія между союзниками, чтобы каждая страна, оставаясь *полнымъ хозяиномъ своего внутренняго рынка*, нашла у своихъ союзниковъ эквивалентъ того, что она покупала у враждебной коалиціи и что она продавала ей.

3) Добиться отъ нейтральныхъ странъ на началахъ взаимности болѣе благопріятныхъ ставокъ для продуктовъ союзныхъ державъ въ сравненіи съ таможенными ставками для продуктовъ враждебной коалиціи.

«Благодаря такой *законной самообороны* (курсивъ автора) промышленность союзниковъ быстро займетъ на національномъ рынкѣ то громадное мѣсто, которое занимала нѣмецкая дешевка»[1].

Центральнымъ пунктомъ новаго экономическаго блока, въ которомъ Габріель Ганото (см. Le Figaro, 2 мая) усматриваетъ зародышъ Соединенныхъ Штатовъ Европы безъ срединныхъ имперій, является вопросъ о протекціонизмѣ и свободной торговлѣ. Сохранить-ли союзный блокъ внутри таможенныя перегородки или всѣ барьеры будутъ уничтожены? Выработать ли единый запретительный тарифъ для враждебной коалиціи или предоставить это рѣшить каждой странѣ въ отдѣльности? Какъ быть съ нейтральными странами? Создавать-ли для нихъ единый тарифъ или разные тарифы? Вотъ вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ дѣло экономическаго сближенія не подвинется ни на шагъ, какъ бы ни были заманчивы перспективы союзнаго блока.

Экономическое соглашеніе между союзниками предста-

[1] «Le Matin» 12 марта 1916 г.

вляетъ собой тѣмъ больше затрудненій, что Англія и Бельгія жили подъ режимомъ свободной торговли, тогда какъ всѣ остальныя страны были и остаются забаррикадированы высокими таможенными пошлинами. При такихъ условіяхъ одинъ изъ двухъ принциповъ—фритредерство или протекціонизмъ—долженъ уступить.

Но и при предположеніи, что Англія и Бельгія выравняютъ свой фронтъ, перейдя отъ свободной торговли къ протекціонизму, остается во всей своей сложности вопросъ, каковъ будетъ базисъ экономическаго блока. Одинъ изъ видныхъ французскихъ парламентаріевъ, Жюль Зигфридъ, намѣтилъ (Le Temps, 3-го апрѣля) остовъ будущаго соглашенія. Исходя изъ того принципа, что «необходимо болѣе и болѣе тѣсное сближеніе между союзниками», онъ предлагаетъ слѣдующій планъ экономической борьбы. Создаются три тарифа: одинъ общій тарифъ, очень высокій, для враждебной коалиціи; другой тарифъ-минимумъ, на 50 % меньше—для нейтральныхъ странъ, и, наконецъ, тарифъ преимущественный, который будетъ на 33 % ниже тарифа-минимума, для союзниковъ. Жюль Зигфридъ спеціально оговариваетъ, что «каждая нація должна сама опредѣлить высоту своихъ пошлинъ; не необходимо, чтобы пошлины были единообразны—каждая страна будетъ хозяиномъ своихъ тарифовъ».

Этотъ проектъ вызвалъ неудовольствіе со стороны органа Ж. Домерга «La Réforme Economique», усмотрѣвшаго въ письмѣ Зигфрида желаніе понизить существующій тарифъ-минимумъ для союзниковъ. Въ «La Réforme Economique» отъ 21 апр. мы находимъ письмо г. Зигфрида, въ которомъ этотъ послѣдній разъясняетъ, что ни въ какой мѣрѣ не хотѣлъ предоставить излишнія льготы союзникамъ. Я предлагаю,—пишетъ онъ:— 1) одинъ тарифъ общій, въ два раза выше теперешняго тарифа, для враговъ, 2) тарифъ-минимумъ, на 50 % ниже новаго общаго тарифа, для нейтральныхъ и 3) тарифъ преимущественный для союзниковъ. *Этотъ преимущественный тарифъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ ниже нынѣшняго тарифа-минимума, а можетъ быть и выше.*

Идея трехъ тарифовъ хотя и заманчива, но все же планъ этотъ возбуждаетъ и нѣкоторыя опасенія. Нѣмцы, говорятъ, умудрятся обойти всѣ трудности и сумѣютъ наводнить нашу страну своими продуктами. Нужно принять во вниманіе, что нѣкоторыя нейтральныя страны явно сочувствуютъ центральнымъ имперіямъ. При такихъ условіяхъ нѣмцы перенесутъ свои фабрики и заводы въ нейтральныя страны и подъ прикрытіемъ благопріятныхъ таможенныхъ пошлинъ убьютъ національную промышленность и торговлю. Ничего другого не остается, какъ «создать два тарифа: одинъ для друзей, другой для враговъ, поставивъ нейтральныя страны передъ альтернативой выбора:

съ нами или противъ насъ». Но вѣдь это значитъ разбить міръ на двѣ враждебныя экономическія коалиціи, потерять громадный рынокъ и превратить блокъ въ самодовлѣющую хозяйственную единицу? Нѣтъ, отвѣчаютъ сторонники блока: «дѣло идетъ совсѣмъ не о томъ,—читаемъ мы въ одномъ воззваніи *мелкихъ* коммерсантовъ,—чтобы оградить нашу страну китайской стѣной: всего лишь (!) двѣ націи будутъ объектомъ бойкота, весь остальной міръ предлагаетъ намъ на выборъ свои товары.»[1]

Экономическое соглашеніе съ его множественностью тарифовъ вызываетъ сочувствіе нѣкоторыхъ представителей торговли и промышленности, которые усматриваютъ въ этихъ мѣропріятіяхъ «преграду, воздвигнутую навсегда противъ тиранической организаціи нѣмцевъ».[2] Несмотря, однако, на разнообразіе проектовъ экономическаго соглашенія и на горячее желаніе нанести максимальный вредъ нѣмцамъ, авторы проектовъ боятся затрагивать по существу таможенную систему Франціи, а если они ее затрагиваютъ, то только въ смыслѣ повышенія таможенныхъ ставокъ. Сторонники блока ограничиваются пока что однѣми формулами. Такъ, Шарль Ожье, одинъ изъ знатоковъ французской таможенной политики, пишетъ: «главное—это рѣшить, что экономическій союзъ долженъ послѣдовать за союзомъ политическимъ».[3] Не менѣе осторожно, чѣмъ Шарль Ожье, выражается и состоявшееся въ Парижѣ общее собраніе представителей всѣхъ торговыхъ палатъ Франціи. Резолюція, принятая этимъ собраніемъ, гласитъ, что «если соглашеніе между союзниками отвѣчаетъ общему чувству, оно должно все же пока что ограничиться экономической борьбой противъ враговъ».

Намъ кажется, что наиболѣе опредѣленно формулированы чаянія и надежды въ этой области вице-предсѣдателемъ Парижскаго Общества Коммерческой Географіи, Аспъ-Флеримономъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ Morning Post.

На вопросъ о томъ, что онъ думаетъ объ экономическомъ блокѣ между союзниками, онъ отвѣтилъ:—для настоящаго времени—поддержаніе status quo между союзниками, по принятіе ряда защитительныхъ мѣропріятій противъ центральныхъ имперій и, можетъ быть, даже противъ нейтральныхъ державъ. Не забудемъ, что рынокъ французскій и рынки союзниковъ для Германіи закроются вовсе. Что сдѣлаетъ она со своимъ громаднымъ перепроизводствомъ? Связанная по рукамъ и ногамъ Англіей, Франціей, Россіей и Италіей съ точки зрѣнія коммерческой, морской и финансовой, лишенная кліентеллы, которая ее кормила и которая въ ней не будетъ нуждаться, если взяться за

---

[1] Цит. по «L'Economiste Français», 29 апр. 1916 г.

[2] Fédération des Industriels et des Commerçants Français, 29 апр. 1916 г.

[3] Bulletin de la Chambre de commerce française de Genève. Декабрь 1915 г.

дѣло основательно, ненавидимая почти всѣмъ міромъ—Германія экономически рухнетъ, если союзники сумѣютъ только остаться безпощадно твердыми и вполнѣ едиными; австро-германскій кредитъ не будетъ больше существовать; частныя лица будутъ разорены, рабочіе доведены до нищеты и даже обречены на голодъ. Вотъ это будетъ для союзниковъ вторая побѣда, гораздо значительнѣе военной по ея послѣдствіямъ; міръ сможетъ свободно вздохнуть и мирно работать подъ дѣйствіемъ прогрессивной, естественной и законной эволюціи»... [1]

* * *

Германской экономической экспансіи долженъ быть положенъ предѣлъ—вотъ лейтъ-мотивъ всей французской прессы. Для этого стоитъ кромѣ политическаго и военнаго альянса заключить еще альянсъ экономическій и цѣль будетъ достигнута. Между тѣмъ дѣло обстоитъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляется нѣкоторымъ строителямъ экономическаго блока. Для жизненности антигерманскаго экономическаго соглашенія требуется слѣдующее предварительное условіе: 1) одинаковая заинтересованность всѣхъ союзниковъ въ экономическомъ разгромѣ враждебной коалиціи, 2) созданіе самодовлѣющей хозяйственной единицы изъ союзныхъ державъ, заполняющей экономическій пробѣлъ въ импортѣ союзниковъ въ силу проектируемыхъ запретительныхъ пошлинъ, 3) новые рынки для сбыта продуктовъ, поглащавшихся центральными имперіями.

Что же представляетъ собой съ точки зрѣнія реальной осуществимости проектируемый блокъ? Внѣшняя торговля Германіи достигла въ 1913 г. 12.600.000.000 франковъ. Изъ этой суммы приходилось *на союзниковъ*: Англію и колоніи 18.5%, Россію 13.5%, Францію 8.1%, Бельгію 5.5%, Италію 4.9%, Сербію 0.2%. Итого на союзниковъ 50.7%

Остальные 49.3% вывоза распредѣляются слѣдующимъ образомъ: на Австро-Венгрію 10.9%, другія страны Европы 17.6%, Соединенные Штаты 7.1%, другія внѣевропейскія страны 13.7%.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что больше половины грандіознаго германскаго экспорта идетъ въ союзныя страны, и всѣ разговоры объ экономическомъ наступленіи имѣютъ прежде всего въ виду вытѣсненіе Германіи изъ странъ согласія и принадлежащихъ союзникамъ колоній.

Могутъ ли союзники замѣнить другъ для друга германскіе и австро-германскіе продукты? Могутъ ли они при введеніи запретительныхъ пошлинъ заполнить образовавшійся пробѣлъ?

[1] См. Societé de Geographie Commerciale de Paris. Bulletin mensuel. Томъ XXXVIII Январь-февраль-мартъ 1916 г. 175. Въ этомъ обществѣ принимаютъ участіе вліятельные парламентаріи и видные чиновники различныхъ вѣдомствъ.

Начнемъ нашъ анализъ прежде всего съ Франціи. Весь вывозъ Франціи въ 1913 г. равнялся 6.800 мил. франковъ. Въ этомъ году было вывезено:

Въ союзныя страны въ мил. франк: Англію 1.453, Бельгію 1.008, Италію 305, Россію 83, Японію 21, Сербію 0,3. Итого 2.970,3.

Въ страны враждебныя въ мил. франк: Германію 866, Турцію 83, Австро-Венгрію 43, Болгарію 9,4. Итого 1001. [1]

Крупнѣйшимъ кліентомъ Франціи во враждебной коалиціи является, какъ мы видимъ, Германія. Товарообмѣнъ между обѣими странами непрерывно возрасталъ, что видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Годы:	1903.	1907.	1910.	1913.
	(Въ милліонахъ франковъ).			
Ввозъ герман. товара во Францію	444	638	860	1068
Ввозъ франц. товара въ Герм.	512	649	804	866

Скачекъ въ германскомъ экспортѣ падаетъ главнымъ образомъ, на сырье и фабрикаты. Было вывезено во Францію:

	Въ милліонахъ фран.	
	1903 г.	1913 г.
Угля на	83	164
Хим. продуктовъ	40	71
Выдѣл. кожъ	15	38
Машины и двигатели	48	132

Правда, вывозъ химическихъ продуктовъ изъ Франціи въ Германію возросъ съ 10 милліоновъ въ 1903 г. до 39 милліоновъ въ 1913 г.; это объясняется тѣмъ, что крупные германскіе химическіе заводы не только наложили руку на нѣкоторые французскіе заводы, но построили рядъ предпріятій во Франціи. Съ своей стороны Франція вывозитъ въ Германію: руду, шелкъ и шелковыя издѣлія, фрукты, вино, лошадей, овощи, фуражъ, предметы роскоши и моды. Основнымъ моментомъ въ товарообмѣнѣ обѣихъ странъ является тотъ фактъ, что Франція ввозитъ изъ Германіи больше 30% недостающаго ей угля, тогда какъ Германія беретъ во Франціи 27,2% (3.811.000 тоннъ изъ 14.000.000) желѣзной руды [1]. *Германія держитъ Францію своимъ углемъ, а Франція Германію желѣзной рудой, вотъ что опредѣляетъ экономическія отношенія этихъ двухъ воюющихъ странъ.* Если война не принесетъ территоріальныхъ измѣненій, то эта зависимость тяжелой индустріи обѣихъ странъ другъ отъ друга

[1] См. Adolphe Landry. «Le commerce Exterieur». Paris 1916.

и будетъ однимъ изъ опредѣляющихъ моментовъ при выработкѣ торговаго договора.

* * *

Мы видѣли, какова экономическая связь Франціи съ ея «наслѣдственнымъ» врагомъ, Германіей; теперь посмотримъ, что сулитъ Бельгіи экономическая изоляція центральныхъ имперій.

Въ «Fédération des Industriels et Commerçants Français» [1], мы находимъ письмо бельгійца Жоржа Эрнота, по поводу экономическаго будущаго его отечества. По мнѣнію автора письма, «разрывъ экономическихъ отношеній съ Германіей это разореніе, а чтобы оно не произошло, необходимо таможенное франко-бельгійское объединеніе. Кромѣ того, чтобы Бельгія послѣ войны не была экономически безжизненна, необходимы: 1) отмѣна нейтралитета, 2) аннексія герцогства люксембургскаго, 3) присоединеніе обоихъ береговъ Шельды, 4) экономическое проникновеніе въ Эльзасъ-Лотарингію и во Францію, 5) лѣвый берегъ Рейна. Оставляя въ сторонѣ аннексіонные аппетиты г. Эрнота, который хочетъ взять не по чину, мы видимъ, что авторъ письма отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, чѣмъ грозитъ Бельгіи экономическая изоляція Германіи. Достаточно посмотрѣть выходящіе въ Парижѣ журналы «La Nouvelle Belgique», «La Patrie Belge» и др., чтобы увидѣть, что самымъ больнымъ мѣстомъ для бельгійцевъ является именно вопросъ о будущихъ экономическихъ отношеніяхъ съ Германіей.

Германія является не только главнымъ кліентомъ Бельгіи, но германская промышленность сыграла громадную роль въ развитіи бельгійскихъ портовъ и, главнымъ образомъ, Антверпена. Достаточно посмотрѣть на слѣдующія цифры, чтобы понять, чѣмъ грозитъ Бельгіи «континентальная блокада» центральныхъ имперій. Бельгія вывезла въ 1913 году въ:

	Германію.	Францію.	Англію.	Россію.	Италію.
	(въ тысячахъ франковъ).				
Животн.	27.269	7.284	8.510	150	5.880
Пит. пр.	87.492	66.695	50.746	1.135	4.567
Сырь . . .	576.060	480.794	153.241	72.726	31.469
Фабрикатовъ . . .	167.369	130.510	306.629	14.473	9.306
Итого .	855.190	685.283	510.867	98.379	75.926

Разбирая проектъ экономическаго соглашенія союзниковъ, докладчикъ бельгійской торговой палаты въ Парижѣ сообщаетъ,

[1] № 141 февраль-мартъ 1916 г. стр. 203.

что «всѣхъ промышленниковъ и коммерсантовъ безпокоитъ вопросъ, что станется съ торговлей съ Германіей, которую они разсматриваютъ, какъ одного изъ лучшихъ кліентовъ. Другіе серьезно полагаютъ, что нигдѣ, кромѣ Германіи, не смогутъ достать нѣкоторыхъ продуктовъ». [1] «Несмотря на вполнѣ законное отвращеніе,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ этого доклада—и какъ бы жестоки ни были наши испытанія, мы чувствуемъ, что наихудшимъ изъ рѣшеній было бы, если бы въ душѣ производителей вкоренилась мысль, что союзники послѣ войны не должны больше вести торговли съ врагами» (стр. 33). Бельгійская торговая палата въ Парижѣ не можетъ далѣе примириться съ мыслью, что послѣ войны французскій ультра-протекціонизмъ останется во всей своей силѣ. «За войной оружіемъ,—читаемъ мы въ томъ же номерѣ бюллетеня,—должна послѣдовать война коммерческая, въ этой борьбѣ Бельгія, какъ и Франція, хочетъ господствовать надъ Германіей. Соединимъ наши силы, заключимъ экономическій алльянсъ, который найдетъ свое выраженіе въ долгосрочномъ торговомъ договорѣ. Этимъ договоромъ Бельгія признаетъ за Франціей полное право устанавливать какіе угодно тарифы на 1) животныхъ, 2) питательные продукты и сырье. Всѣ эти продукты Бельгія хочетъ освободить отъ какого бы то ни было обложенія, каково бы ни было происхожденіе товаровъ. Что же касается фабрикатовъ, то установимъ для нихъ одинаковый режимъ». Но какъ разъ по этому вопросу соглашеніе довольно трудно. Еще въ 1912 г., въ то время, какъ средняя цѣна локомотива во Франціи была 1 фр. 70 с. кило, бельгійскіе заводы продавали французскимъ желѣзнымъ дорогамъ локомотивы по 1 фр. 46 с. за кило, несмотря на то, что они уплачивали таможенныя ставки. Эту «нелояльную» конкуренцію французскіе металлургическіе заводчики неоднократно разоблачали, требуя отъ правительства повышенія таможенныхъ ставокъ. [2] Домогательства металлургистовъ встрѣчали противодѣйствіе со стороны желѣзнодорожныхъ компаній, которыя, понятно, были заинтересованы въ этой «нелояльной» конкуренціи. Во всякомъ случаѣ предложеніе бельгійской торговой палаты затрагиваетъ Ахиллесову пяту франко-бельгійскихъ экономическихъ отношеній. Съ другой стороны включеніе Бельгіи въ таможенную анти-германскую лигу съ сохраненіемъ національныхъ тарифовъ можетъ пагубно отразиться на экономическомъ благосостояніи Бельгіи, лишивъ ее одного изъ ея главныхъ кліентовъ.

Если перейти къ третьему контрагенту предполагаемаго

---

[1] 25-ième Rapport annuel... Bulletin de la Chambre de Commerce Belge de Paris. 1915.

[2] Интересныя данныя на этотъ счетъ можно найти въ книгѣ L. Bruneau. «L'Allemagne en France». Paris 1914.

блока—Италіи, то здѣсь экономическая связь съ Германіей, пожалуй, еще больше. Экономическая связь эта непрерывно возрастала.

Если взять главныя статьи товарообмѣна, между обѣими странами, то мы увидимъ, что Италія получаетъ изъ Германіи химическіе продукты, краски, желѣзо, сѣру, вино и пр. Товарообмѣнъ между обѣими странами въ 1913 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Нѣм. ввозъ въ въ Итал. (лиръ).	Итальян. ввозъ въ Герм. (лиръ)
Сырье для промышл.	60.783.758	70.087.413
Обработан. сырье	151.287.005	129.037.300
Фабрикаты	389.058.549	38.447.069
Питат. прод. и живот.	11.560.630	105.872.985
Итого . .	612.689.941	343.444.767

Изъ этой таблицы явствуетъ, что Италія кровно заинтересована въ поддержаніи торговыхъ связей съ Германіей, тѣмъ болѣе, что ближайшій ея союзникъ, Франція, является конкурентомъ по вывозу фруктовъ, овощей, вина, шелка, земледѣльческихъ продуктовъ и пр.. По даннымъ Карла Габріэля Виксмана, земледѣліе представляетъ 60% богатства Италіи, въ то время какъ оно представляетъ 20, 7% богатства Франціи и 10, 8% Англіи. Отсюда ясна вся заинтересованность Италіи въ сохраненіи германскаго рынка для сбыта своихъ земледѣльческихъ продуктовъ, отсюда же та чрезвычайная осторожность, которую проявила итальянская делегація въ лицѣ Луиджи Луцатти на международной коммерческой конференціи.

Итальянскіе трезвые политики относятся довольно скептически ко всѣмъ этимъ проектамъ; такъ, Economista Italiana по поводу рѣчи Альберта Тома на эту тему писалъ: «когда Альбертъ Тома, возвращаясь изъ Италіи, возвѣстилъ, что обѣ страны вошли въ соглашеніе по поводу обмѣна сырьемъ и аммуниціей, онъ сказалъ нѣчто совершенно опредѣленное. Но когда онъ прибавилъ, что коммерческій и промышленный союзъ долженъ продолжиться и по окончаніи войны и стать нерасторжимымъ—это практически абсолютно ничего не означаетъ. Что есть опредѣленнаго и фактическаго въ этихъ формулахъ? Абсолютно ничего.» [1]

Наконецъ, мы имѣемъ по этому вопросу компетентное мнѣніе союза торговыхъ палатъ Италіи. Въ мартѣ текущаго года союзъ разослалъ во всѣ торговыя палаты Италіи записку, касающуюся вопроса о таможенномъ объединеніи. Записка кон-

[1] Цит. по «La Reforme Economique» 24 марте 1916 г.

статируетъ прежде всего, что только *отдѣльные изолированные голоса* высказываются за таможенное объединеніе союзниковъ. Въ Италіи по вопросу о будущей торговой политикѣ существуетъ, какъ констатируетъ записка, три теченія: 1) *сторонники таможеннаго франко-итальянскаго соглашенія*— въ виду того, что эта война выдвинетъ большія политическія міровыя государства, съ которыми нельзя будетъ бороться изолированно; 2) сторонники экономическаго соглашенія между союзниками съ тремя тарифами: преференціальнымъ, дружественнымъ и защитительнымъ и, наконецъ, 3) сторонники автономной таможенной реформы, которые настаиваютъ на необходимости приступить *уже теперь* къ реформѣ своего собственнаго таможеннаго тарифа, *но держась внѣ всякой предвзятой идеи союза или международныхъ соглашеній.*

Наибольшимъ вліяніемъ пользуются въ Италіи сторонники автономной таможенной реформы. Они утверждаютъ, что «въ области экономическихъ отношеній идеи абсолютной нетерпимости или излишней уступчивости, являющіяся въ результатѣ враждебныхъ или дружественныхъ тенденцій, не должны имѣть мѣста, потому что... нельзя будетъ воздвигнуть барьера... Обѣ коалиціи не смогутъ вести экономической войны оружіемъ защитительныхъ пошлинъ и бойкотовъ... и, наконецъ, самое главное, Италія должна прежде всего поставить себѣ задачей развить свое національное производство, чтобы оно вообще было въ состояніи противодѣйствовать иностранной конкуренціи, откуда бы она ни исходила, *ибо было бы абсурдомъ закрывать двери для производства центральныхъ имперій для того, чтобы ихъ настежъ открыть для союзниковъ.*

Изъ этого видно, что итальянская буржуазія не имѣетъ ни малѣйшаго желанія принести въ жертву на алтарь союза свои священные экономическіе интересы.

* * *

Еще болѣе сложно обстоитъ вопросъ, когда мы переходимъ къ Россіи. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробный анализъ экономическихъ взаимоотношеній Германіи и Россіи [1], напомнимъ только, что Германія является и главнымъ поставщикомъ Россіи и главнымъ покупателемъ ея земледѣльческихъ продуктовъ. Достаточно вспомнить заявленіе г. г. Мигулина, Ростовцева, Бородаевскаго, Лангового, статьи «Финансовой Газеты» и «Промышленности и Торговли» и проч., чтобы констатировать, что перспектива антигерманскаго экономическаго блока съ преимущественными тарифами для союзниковъ менѣе всего улыбается нашимъ вліятельнымъ дѣловымъ сферамъ.

[1] См. Сухановъ, «Лѣтопись». Мартъ 1916.

Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей русскаго торгово-промышленнаго міра, г. В. Тимирязевъ разочаровалъ до извѣстной степени французскихъ сторонниковъ новой континентальной системы, заявивъ сотруднику Le Petit Journal, что экономическая изоляція Германіи мало выгодное для Россіи предпріятіе и что онъ не думаетъ, что можно будетъ ей отказать въ режимѣ наибольшаго благопріятствованія. «Мы навѣрное будемъ диктовать Германіи экономическія и коммерческія условія мира,— сказалъ г. В. Тимирязевъ... Пока что намъ нужно экономически подражать Германіи, наша политика торговаго альянса должна быть таковой, чтобы каждая страна могла свободно развивать свою національную промышленность. Если мы являлись до войны данниками германской индустріи, то Германія является данницей продуктовъ нашего земледѣлія... Закрыть для себя ея рынки означало бы нанести громадный вредъ русской торговлѣ. Самое существенное для насъ, чтобы русскій таможенный тарифъ былъ навсегда независимъ отъ германскихъ аппетитовъ» (только отъ германскихъ? А. Л.)[1]. О независимости русскаго таможеннаго тарифа говорилъ также делегатъ на экономической конференціи Государ. Контролеръ Покровскій сотруднику «Le Petit Parisien». Но, по мнѣнію г. Покровскаго, главная задача союзниковъ, это вырвать съ корнемъ изъ международныхъ договоровъ «гнусный» параграфъ наибольшаго благопріятствованія, который былъ главнымъ источникомъ германскаго благосостоянія.[2]

Лишеніе центральныхъ имперій режима наибольшаго благопріятствованія предполагаетъ систему многостепенныхъ тарифовъ, но какъ разъ объ этомъ ни одна изъ состоявшихся до сихъ поръ конференцій, и въ частности конференція экономическая, не проронила ни одного слова. А, между тѣмъ, корень вопроса именно въ этомъ. Не даромъ Эдмондъ Тэри неоднократно высказывалъ свое неудовольствіе по поводу недвусмысленныхъ заявленій г. Лангового о будущей таможенной политикѣ Россіи. Франція считаетъ себя однимъ изъ серьезныхъ претендентовъ на русскій рынокъ, и вся пресса неустанно обсуждаетъ вопросъ о томъ, какъ захватить русскій рынокъ. Этимъ вопросомъ занималась офиціально назначенная коммиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Мелина. Этому вопросу былъ посвященъ рядъ докладовъ въ Парижской Торговой Палатѣ и въ Обществѣ экономической экспансіи. Русскимъ рынкомъ занимается также таможенная комиссія палаты депутатовъ, членъ которой, Луи-де ля-Тремоиль представилъ очень обширный и интересный докладъ о емкости русскаго рынка и франко-русскихъ тор-

[1] «Le Petit Journal», 13 мая 1916 г.
[2] «Le Petit Parisien» 18 іюня 1916 г.

говыхъ отношеніяхъ. Всѣ единогласно приходятъ къ заключенію, что Россія должна предоставить Франціи особыя льготы въ сравненіи съ центральными имперіями. Ну, а какъ же вывозъ продуктовъ русскаго сельскаго хозяйства? Кто изъ союзниковъ можетъ гарантировать Россіи покупку всего вывозимаго ею хлѣба и сырья? Какъ возмѣститъ народное хозяйство отсталой Россіи, при введеніи запретительныхъ пошлинъ для Германіи, образовавшуюся прорѣху? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ интервью тов. мин., г. Прилежаева, данномъ имъ сотруднику «Le Journal». «Союзники,—сказалъ г. Прилежаевъ—намъ добудутъ, насколько это только возможно, другіе рынки (debouchès compensateurs)». [1] И тутъ же г. Прилежаевъ предлагаетъ французамъ взяться серьезно за работу, подражая во всемъ нѣмцамъ, если они хотятъ получать часть германскаго импорта въ Россіи. Ну, а если французы не сумѣютъ во всемъ подражать нѣмцамъ? А если «компенсаціонные рынки», обѣщанные Россіи, не поглотятъ всего избытка вывозимыхъ ею продуктовъ земледѣлія?

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

* * *

Когда газета «Morning Post» начала въ октябрѣ 1915 г. свою кампанію за экономическій союзъ метрополіи съ колоніями и расширеніе этого блока на союзниковъ, почва внутри страны была достаточно подготовлена. «Война вмѣстѣ съ національзаціей Англіи *имперіализировала* ее»,—пишетъ одинъ обозрѣватель общественныхъ настроеній Великобританіи. Подъ имперіализаціей нашъ авторъ [2] разумѣетъ растущее въ Англіи движеніе въ пользу таможеннаго объединенія метрополіи съ колоніями и созданіе великобританскаго Zollverein'а, глашатаемъ котораго въ свое время выступалъ Жозефъ Чемберленъ. То, что до войны казалось мало осуществимымъ и парадоксальнымъ, то въ настоящее время подъ ударами міровой войны выступаетъ, какъ «орудіе самозащиты противъ германской опасности». Въ проектируемый британскій Zollverein должны войти собственно Великобританія, Канада, Австралія, Новая Зеландія, Южная Африка, Новая Земля, Индія, Египетъ и нѣкоторыя

[1] Le Journal 18 іюля 1916 г.

[2] Paul Hamel. La Revue Politique et Parlementaire. Апрѣль 1916.

мелкія колоніи. Остріе новаго объединенія должно быть, конечно, направлено противъ центральныхъ имперій, ибо «борьба, какъ выразился австралійскій премьеръ-министръ Юзъ—идетъ за суприматію между свободой и деспотизмомъ, борьба, которая будетъ продолжаться на полѣ брани, за прилавкомъ, въ заводѣ, во время войны, послѣ войны и во всякое другое время».[1]

Антифритредерское движеніе приняло въ Англіи очень широкіе размѣры. Въ ноябрѣ 1915 г. Лондонская Торговая Палата создаетъ спеціальный комитетъ для изученія экономической политики союзниковъ. Докладъ этого комитета, представленный 16 января 1916 г., предлагаетъ четырехстепенный тарифъ: 1) Преференціальный таможенный тарифъ между метрополіей и колоніями. 2) Особый тарифъ для союзныхъ странъ. 3) Льготный тарифъ для нейтральныхъ, и 4) Спеціально-высокій тарифъ для враговъ, чтобы помѣшать возврату къ старому положенію вещей.

Въ концѣ января произошелъ въ Лондонѣ митингъ, въ которомъ приняли участіе 80 лордъ-мэровъ и мэровъ, представители 91 торговыхъ палатъ и 89 коммерческихъ ассоціацій, 11 представителей колоніи и представители торговли и промышленности. Собраніе это высказалось въ принципѣ противъ свободной торговли и за особое таможенное соглашеніе съ колоніями. 14-го февраля манчестерская торговая палата громаднымъ большинствомъ высказывается за протекціонистскую политику, а 29 февраля собраніе представителей торговыхъ палатъ Великобританіи высказывается за четырехстепенный тарифъ. Наконецъ, въ іюлѣ Имперскій Совѣтъ британской торговли, созванный для обсужденія вопросовъ экономической политики, вотируетъ резолюціи, аналогичныя принятымъ лондонской Торговой Палатой въ ноябрѣ 1915 г.

Англичане—практики и менѣе всего готовы пойти на такія соглашенія, которыя были бы невыгодны ихъ національной промышленности. Недаромъ Асквитъ неоднократно предупреждалъ великобританскіе торгово-промышленные круги, чтобы они не увлекались и не принимали такихъ мѣропріятій, которыя принесутъ имъ больше вреда, чѣмъ врагу. Единственно, гдѣ британское правительство высказывается довольно опредѣленно—это по поводу таможеннаго соглашенія метрополіи съ колоніями и о необходимости внести серьезный коррективъ въ режимъ сво-

[1] Что обѣщаетъ въ будущемъ эта «борьба свободы съ деспотизмомъ» показываетъ, напримѣръ, проектъ г. Юза, касающійся тарификаціи сахара. Въ 913 г. Англія ввезла сахару изъ Германіи на 298.300.450 фр., Австріи—106.267.400 и Венгріи—68.213.250 фр., т. е. всего изъ центральныхъ имперій на 472.781.100 фр.

Австралійскій премьеръ предлагаетъ: 1) не допускать австрогерманскій сахаръ въ Великобританію въ теченіе пяти лѣтъ послѣ войны, 2) сахаръ нейтральныхъ странъ, не вошедшихъ въ экономическій блокъ, будетъ об-

бодной торговли. «Въ качествѣ убѣжденнаго фритредера,— сказалъ премьеръ Асквитъ въ Палатѣ Общинъ 2 августа 1916 г.—я не отказываюсь отъ моихъ принциповъ, но я прошу страну признать новыя, созданныя войной условія». [1] А эти «новыя условія» толкаютъ къ объединенію великобританской имперіи и къ радикальной перемѣнѣ всей экономической политики, что ударяетъ самымъ чувствительнымъ образомъ по союзникамъ.

* * *

Прежде всего пострадаетъ Россія. Уже до войны канадскій хлѣбъ вытѣснялъ изъ Англіи русскій.

Что же станется съ русскимъ ввозомъ при введеніи пошлины? Или продукты русскаго земледѣлія будутъ освобождены отъ пошлины? Но тогда эта мѣра должна распространиться и на Францію и Италію, ибо врядъ ли союзники допустятъ разные тарифы. Но чѣмъ же тогда будетъ вознагражденъ пламенный патріотизмъ Австраліи и Канады? И, наконецъ, что самое главное, какихъ таможенныхъ компенсацій для продуктовъ своей промышленности потребуетъ Англія, если будущій торговый договоръ принесетъ Россіи гарантію сбыта продуктовъ земледѣлія, минуя центральныя имперіи?

А какъ обстоитъ дѣло съ Франціей? По мнѣнію г. Корба, французскаго консула въ Дуврѣ и Фалькестонѣ, Франція можетъ цѣликомъ замѣнить Германію, ибо французское производство дополняетъ англійское. Германія доставляетъ питательные продукты,—пишетъ г. Корба,—Нормандія, Бретань, Анжу, Вандея, Провансъ, Центръ, Алжиръ могутъ усилить производство и создать соотвѣтствующія организаціи. Германія продавала сырье,—сѣверъ, Арденны, Центръ, Лотарингія, Юра, Пиринеи, Алжиръ и Тунисъ располагаютъ этимъ въ избыткѣ. Что же касается фабрикатовъ,—Парижъ, Севръ, Ліонъ, Лотарингія, Рейнскій районъ имѣютъ уже солидную и заслуженную репутацію въ этомъ отношеніи. Но самъ же г. Корба констатируетъ, что маленькая Данія съ 1100 молочными кооперативами (148.000 членовъ), 790 кооперативами для продажи яицъ, съ 34-мя кооперативными бойнями ввозитъ въ Англію на 400 мил. франковъ въ годъ питательныхъ продуктовъ и почти вытѣснила питательные продукты Франціи. А что будетъ, когда англійскія колоніи будутъ имѣть преимущественный тарифъ? Съ фабрикатами

ложенъ пошлиной, 3) сахаръ союзныхъ странъ будетъ имѣть преимущественный тарифъ въ 12½%, а сахаръ англійскихъ колоній—преимущественный тарифъ въ 50 %, 4) будетъ выдаваться премія національнымъ производителямъ сахара. (Le Temps 2 іюня 1916).

[1] «L'Information», 4-ое августа 1916 г.

обстоитъ не лучше. Англія ввозила во Францію: шерсть, каучукъ, перья, уголь (на 210 милліоновъ въ годъ), машины и двигатели, а Франція вывозила въ Англію: проволоки и проволочныхъ издѣлій на 125.423.200, шелка и шелковыхъ издѣлій 154.802.275, автомобилей—59.456.450, шерстяныхъ издѣлій—42.290.275; дальше идутъ искусственные цвѣты, перья, платья, выдѣланныя кожи и вообще предметы роскоши. Переходъ Англіи къ протекціонизму, что является неизбѣжнымъ при многостепенномъ тарифѣ, вноситъ глубокую пертурбацію въ народное хозяйство, связанныхъ съ ней странъ и «представляетъ, какъ пишетъ «Le Temps», съ точки зрѣнія развитія коммерческихъ отношеній между союзниками, серьезныя неудобства и опасности». Надо поспѣшить съ примиреніемъ всѣхъ интересовъ,—совѣтовалъ неоднократно вліятельный органъ французской буржуазіи. Но въ томъ-то и дѣло, что самая трудная задача—это примирить всѣ интересы, и это видятъ наиболѣе проницательные представители французской торговли и промышленности вродѣ, напримѣръ, предсѣдателя парижской торговой палаты и виднаго промышленника Давида Мэнэ.

Французскій Сенатъ создалъ спеціальную комиссію экономической организаціи (Commission d'organisation économique) для разслѣдованія мѣропріятій, могущихъ способствовать развитію экономической жизни страны. Вотъ въ эту-то комиссію Давидъ Мэнэ былъ приглашенъ въ качествѣ свѣдущаго человѣка. «Что касается экономическаго соглашенія,—заявилъ въ сенатской комиссіи предсѣдатель парижской торговой палаты,—то дѣло это очень деликатное. Очевидно, что въ принципѣ мы являемся сторонниками соглашенія, но очень трудно уже теперь рѣшить, на какомъ базисѣ оно должно быть построено. Если подъ предлогомъ, что мы связаны съ Англіей, мы вынуждены будемъ платить за полуфабрикаты на 25% дороже, чѣмъ въ Австріи—себѣстоимость продуктовъ сильно повысится; то же разсужденіе можно было бы сдѣлать въ отношеніи германскихъ химическихъ продуктовъ. Нельзя поэтому въ абсолютной формѣ сказать, что надо будетъ закрыть доступъ для продуктовъ враждебныхъ странъ. Надо считаться съ послѣдствіями, какія это будетъ имѣть для себѣ-стоимости продуктовъ. Россія для насъ отмѣнила преимущественный тарифъ, бывшій въ силѣ благодаря нашему торговому договору съ Германіей и ставшій недѣйствительнымъ изъ-за войны. Особенно сильно ударила по нашей торговлѣ Англія, введшая пошлины на предметы роскоши...

«Мы встрѣтимъ большія затрудненія при соглашеніи съ англичанами и русскими. Наша спеціальность—предметы роскоши, а теперь существуетъ тенденція облагать ихъ высокими пошлинами; мы не сможемъ не отвѣтить обложеніемъ предметовъ массоваго потребленія. Теперь мы въ прекрасныхъ отно-

шеніяхъ съ англичанами, но экономическія условія могутъ лѣтъ черезъ пятнадцать измѣниться. *Каждый имѣетъ тенденцію защищать свои собственные коммерческіе интересы.* Нѣсколько недѣль тому назадъ я имѣлъ случай разговаривать съ представителемъ англійской металлургіи, который мнѣ сказалъ: «Каждый изъ насъ возьметъ у Германіи, что относится къ его области». Мой собесѣдникъ предполагалъ, что наибольшая часть въ его индустріи принадлежитъ по праву его странѣ»[1]

Устами г. Давида Мэнэ говоритъ французскій крупный капиталъ, который не можетъ мириться съ проектируемыми сокращеніями его поля дѣятельности. Г. Давидъ Мэнэ заглядываетъ въ ближайшее будущее и хотя въ очень осторожной формѣ, но все же говоритъ о непреодолимыхъ трудностяхъ экономическаго блока.

Съ особой наглядностью непреодолимыя трудности проявились на междупарламентской коммерческой конференціи, состоявшейся въ концѣ апрѣля текущаго года въ Парижѣ.

Обширный порядокъ дня этой подготовительной конференціи былъ, главнымъ образомъ, перегруженъ вопросами второстепенными, каковы: уменьшеніе почтоваго, телеграфнаго и телефоннаго тарифовъ, созданіе почтовыхъ чековъ, вопросы транспорта, созданіе международнаго бюро патентовъ, интернаціонализація законодательства объ обществахъ, уменьшеніе бумажнаго обращенія, единообразныя указанія о происхожденіи товаровъ, о банкротствѣ, законодательство, касающееся потери или покражи цѣнныхъ бумагъ, и т. д. При всей ихъ важности вопросы эти менѣе всего могли, конечно, послужить базой для того будущаго экономическаго блока, о которомъ такъ много говорили и говорятъ. Болѣе близко къ проблемѣ подошли только три доклада: депутата Блюнзена «Коммерческій режимъ колоній союзныхъ странъ», Адольфа Ландри «О мѣрахъ предосторожности противъ наплыва нѣмецкихъ продуктовъ во время перехода отъ военнаго времени къ времени мирному» и докладъ Луццатти о «Международной расчетной палатѣ.»

И когда предсѣдатель междупарламентской коммерческой конференціи Шомэ, открывая собраніе, напомнилъ, что «завтра намъ придется вести противъ Германіи жестокую экономическую войну, ибо промышленная-коммерческая Германія ни въ чемъ не отличается отъ Германіи военной» и патетически воскликнулъ: «Неужели мы, господа, разбивши прусскій милитаризмъ, будемъ продолжать быть покорными жертвами того, что я могу назвать коммерческимъ милитаризмомъ?»—предсѣдатель англійской депутаціи, сэръ Джонъ Рендель, отвѣтилъ въ довольно отвлеченныхъ выраженіяхъ о необходимости консолидировать альянсъ на основѣ взаимнаго уваженія и любви

[1] «Bulletin de la chambre de Commerce de Paris». Декабрь 1915 г.

и объединиться въ коммерческое согласіе для сокрушенія нѣмецкой торговли, а Луиджи Луццатти закончилъ свою красивую, пересыпанную шпильками по адресу англичанъ, рѣчь характернымъ признаніемъ, что «гораздо легче добиться союза оружія и сердецъ, чѣмъ соглашенія взаимныхъ интересовъ». Со стороны французовъ экономическій блокъ былъ затронутъ въ торжественной рѣчи министра торговли и промышленности Клемантеля, но тоже въ нарочито отвлеченныхъ выраженіяхъ. Вопросы «войны послѣ войны», конечно, интересовали всѣхъ делегатовъ, но еще болѣе ихъ интересовало экономическое положеніе странъ во время войны. Итальянскихъ делегатовъ какъ и оффиціальнаго русскаго делегата Н. Рафаловича, особенно волновали два вопроса: валюта и фрахтъ. Перевозка, напримѣръ, тонны угля изъ Ньюкестля въ Геную поднялась съ десяти лиръ до 120 лиръ золотомъ, и совершенно очевидно, что всѣ прекрасныя перспективы отходили на задній планъ передъ этимъ реальнымъ фактомъ.[1]

Одинъ вопросъ намѣренно обходился всѣми делегатами,— это вопросъ таможенный, а между тѣмъ совершенно очевидно, что экономическій блокъ, коммерческое соглашеніе или «торговая федерація», какъ назвалъ воздвигаемый союзъ французскій депутатъ Перо Прадье,—представляетъ собою пустой звукъ безъ предварительнаго таможеннаго соглашенія. Мимоходомъ и то въ условной формѣ таможенная политика союзниковъ была затронута въ докладѣ депутата Блюизена, предлагавшаго создать для колоніи систему трехъ тарифовъ (преимущественный для метрополій, тарифъ-минимумъ для нейтральныхъ странъ и общій тарифъ для враждебныхъ). Конференція предпочла обойти этотъ щекотливый вопросъ и ограничиться манифестаціей солидарности союзниковъ.

Эта боязнь конференціи подойти вплотную къ основному вопросу вызвала со стороны бельгійскаго депутата Эмиля Руайэ страстную рѣчь, въ которой онъ взывалъ къ благороднымъ чувствамъ союзниковъ, умолялъ ихъ не отказываться отъ «единственнаго средства» образовать экономическій блокъ. «Позвольте мнѣ сказать,—заявилъ г. Руайэ, что было бы жесточайшей ироніей, если бы въ результатѣ солидарной борьбы народовъ противъ эгоизма и имперіалистской гордости абсолютныхъ монарховъ центральной Европы выросли бы и усилились національные эгоизмы». «Вотъ уже больше ста лѣтъ,—сказалъ далѣе

[1] Въ серединѣ августа въ Паланзѣ (Италія) состоялась конференція между представителями Англіи (Рунциманъ, Реннель, Родъ) и представителями Италіи (Арлотта, Нава и др.) по вопросамъ, касающимся фрахта и угля. Въ торжественной рѣчи, произнесенной въ Римѣ, англійскій министръ Рунциманъ заявилъ, что все улажено и что «англійскіе шахто и судо-владѣльцы сдѣлаютъ все возможное, чтобы помочь дѣлу и что можно надѣяться на пониженіе цѣнъ на уголь». («Le Temps» 14 августа 1916 г.)

бельгійскій депутатъ,—какъ всѣ войны являются слѣдствіемъ колоніальнаго соперничества—и поэтому наилучшимъ орудіемъ мира является *интернаціонализація* колоній». [1] Горячая рѣчь бельгійскаго депутата прошла мимо ушей делегатовъ, потому что его предложеніе идетъ вразрѣзъ съ общей тенденціей болѣе тѣснаго объединенія метрополій съ колоніями.

Формы будущаго блока оставались въ туманѣ, зато съ совершенной очевидностью выступила на конференціи бѣшеная ненависть англійскихъ делегатовъ къ нѣмецкимъ конкурентамъ. «Мы поклялись разрушить Германію», нѣмецкая торговля должна быть убита, Германія должна быть уничтожена всѣми способами — декретировалъ членъ палаты общинъ Джардинъ: его коллега Родзефордъ предлагалъ реквизировать всѣ нѣмецкіе заводы и воспретить нѣмецкимъ судамъ въ теченіе десяти лѣтъ доступъ въ союзные порты, а англійскій делегатъ Ж. Нортонъ Грифэсъ предложилъ обложить нѣмецкіе товары въ теченіе 10 лѣтъ пошлиной на 300% выше общаго тарифа. Даже французскіе делегаты, и тѣ не выдержали такого давленія, и депутатъ Адольфъ Ландри усомнился, можно ли и нужно ли совсѣмъ уничтожать Германію.

Подводя итоги работамъ на междупарламентской конференціи, предсѣдатель «Конфедераціи промышленныхъ и коммерческихъ группъ Франціи» Палломера пишетъ, что «основная идея закончившейся конференціи—это признаніе необходимости гармонизировать противъ Германіи экономическіе націонализмы союзниковъ, что является conditio sine que non войны послѣ войны». Но такъ какъ экономическій націонализмъ пока что сильнѣе гармоніи, то французскія торговыя палаты выносятъ резолюціи противъ отмѣны преимущественнаго тарифа для французскихъ товаровъ въ Россіи; они протестуютъ противъ введенія въ Англіи пошлинъ (до 33% ad valorem) на рядъ продуктовъ, а общее собраніе предсѣдателей торговыхъ палатъ, состоявшееся 3-го апрѣля 1916 г., вынесло протестъ противъ запрещенія ввоза въ Англію и Россію предметовъ роскоши, что больно бьетъ по національной промышленности Франціи. Съ своей стороны, напримѣръ, хозяйскій синдикатъ фабрикантовъ игрушекъ разсылаетъ во всѣ французскія газеты пламенный протестъ противъ запрещенія ввоза въ Англію французскихъ игрушекъ.

Наконецъ, 14-го мая т. г. во Франціи опубликованъ декретъ, воспрещающій ввозъ предметовъ роскоши, шелка, шелковыхъ издѣлій, перчатокъ, кожаныхъ, золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, велосипедовъ, автомобилей, музыкальныхъ инструмен-

[1] См. «Conference Parlementaire Internationale de Commerce». ›-gramme des franaux. Comte rends des séances. Paris. 1916. Стр. CXIX.

товъ, кружевъ, шерстяныхъ матерій, издѣлій, галантерейныхъ товаровъ и парфюмерныхъ и т. д. Сотнямъ предметовъ воспрещенъ впредь до особаго распоряженія доступъ во Францію, что представляетъ, какъ пишетъ реакціонный публицистъ Эрнестъ Жюдэ, смертный приговоръ для цѣлой серіи міровыхъ отношеній. Непреодолимая волна ультра-протекціонизма безостановочно растетъ, констатируетъ дальше Жюдэ, и онъ присоединяется къ протесту «Le Temps» противъ «торжествующаго безумія, ведущаго къ ослабленію Франціи на международномъ рынкѣ» [1]

Протестуютъ противъ усиливающагося экономическаго націонализма и ультра-протекціонизма и нѣкоторыя хозяйскія организаціи. Такъ, хозяйскій «Синдикатъ механиковъ, литейщиковъ и котельщиковъ Франціи» обращаетъ вниманіе на то, что нѣмецкіе конструкторы платятъ въ настоящее время 14 фр. за сталь, за которую имъ приходится платить 70 фр., что они принесены въ жертву металлургіи и что при такихъ условіяхъ и говорить не приходится о вытѣсненіи нѣмцевъ не только съ мірового рынка, но даже съ рынка союзниковъ.

Повышеніе таможенныхъ ставокъ, запретительные тарифы являются неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всенаростающаго экономическаго націонализма. На это обратилъ вниманіе докладчикъ Шель въ Парижскомъ Обществѣ Политической Экономіи при обсужденіи вопроса объ экономическихъ соглашеніяхъ. Шель указалъ на то, что товарообмѣнъ союзниковъ съ центральными имперіями достигаетъ громадной цифры,—въ 13 милліардовъ, и желать помѣшать этому обмѣну или значительно уменьшить его—это значитъ стремиться къ собственному разоренію. Наконецъ, ввести запретительныя пошлины—это значитъ возложить на плечи потребителей еще нѣсколько милліардовъ въ годъ; между тѣмъ необходимо стремиться къ возможно большему пониженію пошлинъ, принимая во вниманіе, какъ интересы самой промышленности, такъ и общее повышеніе зажиточности. Поль Леруа Больє въ своемъ отвѣтѣ отмѣтилъ, что о пониженіи пошлинъ и думать нечего, ибо придется добывать послѣ войны 4—5 милліардовъ въ годъ для покрытія военныхъ издержекъ.

Іюньская экономическая конференція союзниковъ не подвинула пока что дѣло экономическаго блока ни на шагъ впередъ. Правда, опубликованы единогласно принятыя резолюціи, и французскій министръ торговли два раза подчеркнулъ въ своей рѣчи, что резолюціи приняты также русскими и итальянскими делегатами, но единогласіе это было продиктовано военно-стратегическими и политическими соображеніями; изъ всѣхъ вотированныхъ резолюцій, которыя должны еще быть утверждены союзными правительствами и проведеніе которыхъ въ жизнь

[1] L' Eclair 17 мая 1916 г.

опредѣлить направленіе экономической политики, наибольшее значеніе имѣютъ: отказъ Германіи на извѣстное время въ режимѣ наибольшаго благопріятствованія, мѣры противъ демпинга, и мѣропріятія, направленныя къ установленію коммерческой независимости союзниковъ. Всѣ эти мѣропріятія, какъ сообщилъ Асквитъ въ Палатѣ Общинъ, [1] были предложены англійскимъ Board of Trade.

Въ іюлѣ текущаго года англійское правительство назначило комиссію для опредѣленія будущей экономической политики Великобританіи. Комиссія, какъ уже констатируетъ корреспондентъ «Le Temps», настроена протекціонистски. Есть опасность—пишетъ онъ, какъ бы работы по примѣненіи резолюціи экономической конференціи не шли бы по обѣимъ сторонамъ Ламанша въ разныхъ направленіяхъ [2].

Мы ни одну минуту не сомнѣваемся, что эта «работа въ разныхъ направленіяхъ» будетъ идти не только по ту и по сю сторону Ламанша, но и на берегахъ Тибра и Невы, и по той простой причинѣ, что четыре государства—какъ выразилась вліятельная итальянская газета «Il Sole»—«борющіяся за общій идеалъ соціальной справедливости(!), не имѣютъ, однако, общихъ интересовъ».

Самое главное,—писалъ органъ лѣвыхъ радикаловъ «Le Rappel» по поводу междупарламентской коммерческой конференціи—это разрушить экономическое вліяніе Германіи. Вотъ это-то разореніе Германіи во что бы то ни стало и имѣютъ въ виду всѣ проекты экономическаго соглашенія. Но общее стремленіе избавиться отъ опаснаго конкурента и общія мѣропріятія, направленныя къ завоеванію германскаго наслѣдства, ни въ какой мѣрѣ не разрѣшаютъ непореодолимыхъ трудностей при попыткѣ опредѣлить причитающуюся «каждому часть шкуры неубитаго» еще «коммерческаго милитаризма». И чѣмъ больше будутъ побѣды и одолѣнія союзниковъ, тѣмъ больше шансовъ на то, что «экономическій блокъ» не переживетъ мирнаго конгресса». Почему? Да потому, что «англичане—какъ выразился Луццатти на междупарламентской коммерческой конференціи—вкладываютъ слишкомъ много реализма въ свой идеалъ». Намъ кажется, что и остальные контрагенты вкладываютъ не меньше реализма въ свой идеалъ, вотъ почему мы несомнѣваемся въ недолговѣчности этого блока.

Иниціаторы блока берутъ въ разсчетъ только центростремительныя силы, наличность которыхъ несомнѣнна, въ виду все большаго и большаго экономическаго вліянія Англіи въ союзномъ концертѣ, но совершенно не считаются съ тѣмъ, что

[1] «L' Information», 4 іюля 1916 г.

[2] Le Temps 24 іюля 1916.

центробѣжныя силы въ экономическомъ блокѣ мѣшаютъ ему стать длительнымъ таможенно-экономическимъ образованіемъ. А, между тѣмъ, экономическіе блоки стоятъ теперь въ порядкѣ дня. Въ началѣ 1916 г. состоялась пан-американская конференція, задача которой—экономическое сближеніе всѣхъ заатлантическихъ республикъ. На очереди стоитъ созданіе великобританскаго цольферейна, таможеннаго союза центральной Европы,

ближайшее будущее рисуется, какъ борьба гигантскихъ таможенно-экономическихъ трестовъ на міровомъ рынкѣ. Современное хозяйство идетъ къ новымъ государственно-экономическимъ образованіямъ, и вотъ въ борьбѣ новыхъ міровыхъ гигантовъ, которые будутъ вести «войну послѣ войны», если въ дѣло не вмѣшается «нѣкто въ красномъ», экономическому блоку союзниковъ нѣтъ мѣста, ибо въ немъ центробѣжныя силы перевѣшиваютъ силы центростремительныя. Звенья проектируемаго блока войдутъ частями въ другія конкурирующія экономическія образованія, съ которыми ихъ связываетъ не только временный «союзъ оружія и сердца», но и болѣе длительные взаимные интересы.

А. Лозовскій.

ТРИ ГОДА ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(*Изъ воспоминаній учительницы*).

Городокъ N, заброшенный въ сѣверо-восточномъ углу Россіи, такой маленькій, что если смотрѣть съ центральной соборной площади, то во всѣ стороны видно гладкое ровное поле, сливающееся съ сѣроватою далью. По зимамъ городъ заносится глубокимъ, въ ростъ человѣка снѣгомъ, и когда на этомъ ровномъ пространствѣ вылъ и бушевалъ вѣтеръ, ему отвѣчали рѣдкіе, протяжные удары колокола. Мало гдѣ, вѣроятно, чувствуется такъ сильно затерянность человѣка, какъ здѣсь; этого впечатлѣнія не нарушаютъ даже дома городка—маленькія, сѣренькія избы, собравшіяся въ неправильныя кучки. Весь ихъ внѣшній видъ говоритъ о бѣдности и придавленности. Правда, въ городѣ есть водопроводъ, телефонъ и нѣсколько керосино-калильныхъ фонарей, но въ то же время на улицахъ по нѣсколько мѣсяцевъ стоитъ невылазная грязь, на окраинахъ города почти сплошь идутъ избы съ топкой «по черному», т. е. безъ дымовыхъ трубъ, въ земской больницѣ фельдшера часто вынимаютъ изъ ушей обывателей рыжихъ тараканов, которые залѣзли туда ночью, на весь городъ имѣется одинъ почтовый ящикъ. Посреди главной площади стоитъ соборъ въ ложно-классическомъ стилѣ: его стройныя колонны по бокамъ мало вяжутся съ тяжелой верхней частью, отчего онъ кажется какимъ-то неловкимъ, точно сконфуженнымъ, но несмотря на это, онъ красивъ своей массивностью, своей высокой колокольней, и одинъ говоритъ о чемъ-то возвышенномъ въ этомъ некрасивомъ городѣ. Но и на немъ лежитъ мѣстный отпечатокъ: на колокольнѣ поселился старый филинъ, и каждый вечеръ несутся съ нея на далекое разстояніе его протяжные, жуткіе крики, точно человѣческая душа плачетъ и стонетъ надъ городомъ и его жизнью.

Тихо шла жизнь въ городѣ, и даже днемъ онъ имѣлъ видъ заснувшаго, да и въ дѣйствительности спали въ немъ много, по 10—12 ч. подрядъ, а вставши долго не могли «оклематься», «очухаться»; для этого нужно было пить квасъ, брагу, ѣсть моченую бруснику. На улицахъ днемъ можно было встрѣтить гораздо чаще, чѣмъ людей, коровъ, козъ, собакъ. По приказанію исправника козлы за прогулки по улицамъ города подвергались аресту при полицейскомъ управленіи, откуда хозяинъ могъ по-

лучить ихъ за штрафъ въ 20 к. съ каждаго. И часто можно было наблюдать, какъ двое дюжихъ городовыхъ въ выцвѣтшихъ мундирахъ, бѣгаютъ по площади или улицѣ за увертливымъ козломъ, состязаясь съ нимъ въ ловкости. На собакъ устраивались облавы. Иногда среди бѣла дня ихъ хватали и, тутъ-же убивая, сваливали въ телѣгу. За колесницей большой толпой ходили мальчишки, любуясь бойней; улицы въ такіе дни оглашались собачьимъ визгомъ, гиканьемъ, свистомъ и хохотомъ мальчишекъ.

Оживлялся городъ только по субботамъ, по базарнымъ днямъ, когда изъ прилегающихъ деревень привозили мясо, овощи, хлѣбъ. Городъ наполнялся крестьянами, въ тяжелыхъ вонючихъ полушубкахъ и высокихъ толстыхъ сапогахъ, они стремительно лѣзли въ грязь и снимали шапки, когда по тротуару проходилъ баринъ съ кокардой или барыня въ шляпѣ и съ муфтою въ рукахъ.

До сихъ поръ вѣрятъ въ колдовство и заговоры. По ночамъ иногда ловятъ вѣдьмъ и разъ обрѣзали какой-то проходившей по улицѣ старухѣ уши, а другой разъ убили телку.

Не рѣдкостью были и убійства, своеобразныя, совершенныя не въ пылу страстей, а постепенно, безъ шума. Одинъ кожепромышленникъ свою жену въ банѣ до смерти запарилъ, чтобы жениться на другой. Всѣ это знаютъ, подробности передаютъ, а купецъ, женившись, попрежнему торгуетъ, и его постоянно можно видѣть подъ праздникъ въ церкви: онъ истово крестится, ставитъ свѣчи и подпѣваетъ хору.

И сколько такихъ фактовъ! Скудная и темная жизнь развернулась передо мною, когда я пріѣхала въ N, въ качествѣ преподавательницы женской гимназіи. Порой казалось, что живешь въ какой-то далекой, XVI или XVII вѣка, Россіи, и жизнь XX столѣтія идетъ гдѣ-то за горами, за морями, за дремучими лѣсами.

Не вносила въ эту жизнь ничего свѣтлаго и мѣстная интеллигенція. Съ внѣшней стороны ея жизнь, конечно, была чище, но чистота не искупала духовной нищеты и пустоты. Были книги, журналы, газеты, слышались разговоры о нихъ, но было все это только декораціей жизни бѣдной, неодухотворенной. Образованіе дало запасъ различныхъ словъ, и, пользуясь ими, люди разсуждали съ апломбомъ рѣшительно обо всемъ.

Жутко было первое время слушать споры о томъ, кто лучше: Вербицкая или Чеховъ, «хотя онъ и маленькіе разсказы пишетъ», или разговоры, вродѣ слѣдующаго:

— Читали «Заложники жизни» Сологуба? Ѳедрило-то, Ѳедрило! зазнался совсѣмъ: какую, молъ, гадость ни напишу, все сойдетъ.

Это было какое-то дипломированное хамство, которое могло

одновременно праздновать Татьянинъ день, и брать взятки поросятами, раками.

Слышался, порой, изъ среды интеллигенціи и ропотъ на жизнь, но это было между прочимъ, ропотъ скоро исчезалъ, смѣнившись какой-нибудь забавой, вродѣ мазанія горчицей подъ хвостомъ у котятъ, чтобы они прыгали; никогда это недовольство жизнью не возвышалось до тоски, очищающей душу.

И у насъ, въ учительской средѣ, также сплетничали, злословили, иногда, отъ нечего дѣлать, умничали. А въ общемъ стояла скука, такая скука, что для спасенія отъ нея создавались, Богъ знаетъ, какіе планы. Помню, какъ сейчасъ, одну учительницу французскаго языка, молоденькую институточку, которая вначалѣ все что-то чирикала въ учительской, смѣялась, потомъ замолчала, нахохлилась, а еще черезъ нѣкоторое время явилась къ одному студенту и заявила: —«Женитесь на мнѣ и увезите меня отсюда, я буду зарабатывать деньги, а Вы на нихъ учиться.» Студентъ разсказалъ другимъ о ея предложеніи и этимъ далъ тему для веселыхъ, глумливыхъ разговоровъ.

Наша учительская была собраніемъ 18 человѣкъ совершенно чужихъ и крѣпко надоѣвшихъ другъ другу. Были люди, не подававшіе другъ другу руки, среди учителей возникали иногда разныя «партіи», враждовавшія другъ съ другомъ, но члены этихъ партій скоро ссорились между собою, и партіи исчезали. По полугоду тянулись у насъ исторіи различныхъ допеканій, которыя выносились на педагогическіе совѣты, прикрываясь различными «принципіальными» и «моральными» доводами. Въ эти дрязги втягивалось общество, о нихъ писались бумаги попечителю округа. Кончались эти исторіи, обыкновенно, тогда, когда у враждующихъ сторонъ изсякала энергія, а сочувствующимъ надоѣдало сочувствовать.

Въ учительской иногда заходили разговоры на серьезныя темы. Затрагивались великіе вопросы, великія имена. Похвалятъ Лермонтова, осудятъ его жизнь, и все это въ какомъ-то снисходительномъ тонѣ.

Говорили иногда о новой литературѣ, которую считали своею обязанностью читать, дабы «не отстать отъ вѣка», порой же откровенно признавались съ ясной улыбкой на лицѣ, что читаютъ на сонъ грядущій, «такъ какъ, все-равно, въ этихъ книгахъ ничего не поймешь, а лучше заснешь».

О себѣ и о своей работѣ эти люди были высокаго мнѣнія. На окружающую жизнь глядѣли съ брезгливостью, и каждый считалъ себя единственно интеллигентнымъ человѣкомъ въ городѣ, что, конечно, не мѣшало ему жить такъ же неряшливо и нелѣпо, какъ и всѣ обыватели. Педагогическая дѣятельность считалась почетной, полезной и еще больше подымала ихъ въ собственныхъ глазахъ. Они искренно считали, что работаютъ

для «дорогого отечества», даже для «міровой культуры» и въ то же время совершенно не умѣли, да и не хотѣли хоть немного подумать о своей службѣ, о ея цѣляхъ и задачахъ.

Преподаваніе велось по самому простому способу: задавали по книгѣ, выспрашивали заданное въ прошлый разъ, и только. Заботились лишь о томъ, чтобы съ внѣшней стороны все было согласовано съ требованіями программы, и ради достиженія этого пускались на ученическія продѣлки. Разъ, наканунѣ роспуска, для выпускныхъ экзаменовъ ученицъ VIII кл. начальница въ законахъ и формахъ бумагъ отыскала вѣдомость годового отчета объ VIII кл., гдѣ между прочимъ оказалась рубрика: «темы письменныхъ работъ по методикѣ ариѳметики». У насъ такихъ письменныхъ работъ, конечно, и въ поминѣ не было. Начали придумывать, какъ бы заполнить отчетъ. Слѣдующій за этимъ инцидентомъ урокъ былъ у меня, какъ разъ въ VIII кл. Я уже кончала его, какъ въ классъ быстро вошла начальница и заявила, что ученицы должны остаться на 5-ый урокъ, такъ какъ у нихъ будетъ письменная работа по методикѣ ариѳметики. Тщетно пробовали ученицы протестовать, ссылаясь на то, что къ методикѣ ариѳметики онѣ совсѣмъ не готовились, что въ день роспуска онѣ не принесли тетрадей—имъ все-равно пришлось исполнить желаніе начальницы, и до конца года въ учительской валялись листки бумаги съ ихъ работами, никѣмъ не просмотрѣнными и не исправленными. Въ отчетѣ было написано, что письменныя работы по методикѣ ариѳметики производились и, формально, это была правда.

Многое изъ того неумѣнья вести дѣло, какое я наблюдала, относилось мною въ засчетъ глухой провинціи; думалось мнѣ, что въ другихъ гимназіяхъ дѣло поставлено иначе, но послѣ того, какъ побывала на съѣздѣ преподавателей и на выставкѣ работъ нашего округа, я увидѣла, что отсутствіе иниціативы въ дѣлѣ преподаванія, удовлетвореніе внѣшнимъ успѣхомъ— характерныя черты современнаго учительства. Особенно ярко проявилось это въ дѣлѣ преподаванія русскаго языка. Мною были просмотрѣны тетради нѣсколькихъ десятковъ учебныхъ заведеній, просмотрѣны съ надеждой найти интересныя, оригинальныя темы, и въ десяткахъ тетрадей я находила: «Владиміръ Мономахъ, какъ идеальный типъ удѣльнаго (sic) князя», «Художественное значеніе слова о полку Игоревомъ», «Домашняя жизнь по Домострою» и т. д. и т. д. Все одно и то же, что писалось 50 лѣтъ тому назадъ, «Лѣсъ во всѣ времена года» попрежнему растетъ въ ученическихъ тетрадяхъ. Въ старшихъ классахъ даются темы изъ темниковъ. О чемъ только мы не заставляли разсуждать нашихъ питомцевъ? Ученики, начиная съ 15—16 лѣтъ, рѣшаютъ такіе вопросы, какъ «Правда-ли, что всѣ люди въ концѣ концовъ руководствуются эгоистическими интересами?

«Жизнь есть первое счастье. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни», сказалъ Карамзинъ. «Жизнь тяжелое бремя», сказалъ Тургеневъ. Какъ согласовать два этихъ мнѣнья? «Насколько справедливы нападки Руссо на цивилизацію?»

Въ связи съ этими работами мнѣ вспомнился одинъ инцидентъ. Въ IV кл. одного реальнаго училища была дана тема для сочиненія по русскому языку: «О значеніи искусства». Одинъ изъ лучшихъ учениковъ попросилъ у преподавателя разрѣшеніе не писать на эту тему, и на вопросъ «почему»? отвѣтилъ: «Я не хочу поганить этой темы».

Безличность учительской среды ярко сказывалась и въ отношеніи къ тѣмъ циркулярамъ и распоряженіямъ, которые приходили къ намъ отъ начальства. Я помню, что когда пришелъ циркуляръ съ вопросомъ: «какими средствами по мнѣнію педагогическаго совѣта можно поднять грамотность?»—то всѣ очень удивились и не знали, что отвѣчать.

Никто серьезно не относился къ циркулярамъ, ихъ вышучивали, но въ то же время дѣлали постановленія въ требуемомъ направленіи и слѣдили, чтобы внѣшне все было такъ, какъ требовалось. Особенно ярко у меня въ памяти педагогическіе совѣты по поводу циркуляра о наблюденіи за чтеніемъ учащихся. Въ этомъ циркулярѣ приказывалось неукоснительно слѣдить за чтеніемъ учащихся, руководить имъ и запрещать читать «книги извѣстнаго направленія». Первый совѣтъ начался съ дебатовъ о томъ, что означаютъ послѣднія слова? Надо ли понимать тутъ извѣстное политическое, идейное направленіе или циркуляръ имѣетъ въ виду книги порнографическаго характера? Въ концѣ концовъ, рѣшили, что надо принять во вниманіе оба обстоятельства. Прежде всего принялись за книги съ идейнымъ направленіемъ и съ дрожью въ голосѣ заговорили о вредѣ чтенія сочиненій Писарева, Добролюбова. Коснулись и Глѣба Успенскаго, но начальница заявила, что «на такія книги теперь моды нѣтъ и ихъ не читаютъ». Наскоро называли имена вредныхъ писателей, и число ихъ быстро росло. Люди старались. Старались не изъ усердія, не изъ сочувствія идеѣ, а просто подъ вліяніемъ страха слетѣть съ мѣста, и это были тѣ самые люди, которые въ общежитіи держали себя независимо, читали либеральныя газеты и сами иногда говорили въ томъ же духѣ. Въ концѣ концовъ, опять выбрали комиссію, которая должна была разсмотрѣть каталогъ библіотеки и отмѣнить книги, нежелательныя для чтенія. Два мѣсяца «работала» эта комиссія. И когда, наконецъ, вспомнили, что нужно же въ журналъ засѣданій занести постановленія по поводу циркуляра, то оказалось, что комиссія ни разу не собиралась и никакихъ каталоговъ не глядѣла. Рѣшили на Совѣтѣ ихъ просмотрѣть, но, увидавъ 4 толстыхъ тетради, пришли къ выводу, что лучше сдѣлать постано-

вленія «общаго характера». Начался выборъ книгъ, которыя надо запретить читать, и вотъ мы свалили въ одну кучу и сочиненія Вербицкой и Мопассана, рядомъ у насъ стали Нагродская и Андреевъ, сюда же вошли произведенія Горькаго, Мережковскаго, Куприна, Арцыбашева. Учитель рисованія вспомнилъ Декамеронъ, это привело его въ возбужденное состояніе, и, ерзая на стулѣ, онъ сталъ дѣлать оцѣнку Декамерона.

Батюшка произнесъ рѣчь противъ Мопассана. Самъ онъ, по его заявленію, Мопассана не читалъ, «а вотъ, моя попадья читала и такое о немъ разсказывала, что тьфу!»—батюшка энергично сплюнулъ. Замелькали улыбки. Мало-по-малу атмосфера начала повышаться. На предсѣдателя тоже находитъ веселый стихъ, и онъ игриво обращается къ классным дамамъ: «А вотъ, мы барышенъ спросимъ, какія есть книжки не совсѣмъ удобныя для чтенія, онѣ-то ужъ навѣрное ихъ знаютъ!» Учительница французскаго языка требовала наложить запретъ на романъ Флобера «Мадамъ Бовари». Понемногу разговоръ перешелъ «на книги извѣстнаго направленія»—и вышелъ веселенькій вечеръ. Въ концѣ концовъ, списокъ запрещенныхъ книгъ былъ составленъ и отправленъ при бумагѣ за № такимъ-то въ городскую библіотеку. Класснымъ дамамъ было предписано просматривать абонементныя книжки ученицъ. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ ученицы стали брать книги изъ библіотеки по абонементу родителей и этимъ все кончилось. Циркуляръ министра и двукратное засѣданіе нашего педагогическаго совѣта сдѣлали свое дѣло.

Рѣдкій день занятій въ гимназіи проходилъ безъ столкновеній преподавателей съ ученицами, а если не было столкновеній, то на урокахъ ученицы чувствовали идущую отъ преподавателей скуку или сдерживаемое раздраженіе и томились сами. Иногда это постоянное недовольство вырывалось наружу, и тогда происходили болѣзненныя сцены. Такъ однажды съ одной изъ преподавательницъ во время урока въ IV кл. сдѣлалась истерика. Она съ рыданьемъ и крикомъ вбѣжала въ учительскую, и долго пришлось ее отпаивать водой. Когда, успокоивъ, стали расспрашивать о причинѣ истерики, то оказалось, что она увидѣла въ партѣ ученицы кухонный ножъ. Этотъ ножъ ее страшно испугалъ, она подумала что ее могутъ зарѣзать, и вотъ съ ней сдѣлалась истерика. Другая преподавательница со слезами жаловалась начальницѣ на дерзость ученицы V кл. Эта дерзость заключалась въ томъ, что вызванная ученица отказалась отвѣчать урокъ и на вопросъ преподавательницы, почему? —сказала:—«Я вчера прогуляла весь день». — Такая мотивировка и ужаснула преподавательницу.

«Вѣдь это дерзость, наглость отвѣтить такъ, это неуваженіе къ учителю.» Другіе стали возмущаться вмѣстѣ съ ней. Если

бы дѣвочка солгала, сказавъ, что у ней болѣла голова или зубы, никто бы этимъ не возмутился, а за чистосердечный отвѣтъ ей пришлось поплатиться: на педагогическомъ совѣтѣ рѣшено было поставить ей четверку за поведеніе.

Когда раздражались, то кричали на ученицъ, топали ногами. Кричали на нихъ иногда и не раздражаясь, а для того, чтобы заставить исполнить тѣ или другія требованія, обѣщали плохой баллъ за поведеніе, пугали исключеніемъ изъ гимназіи. Намъ грозили въ циркулярахъ исключеніемъ со службы, мы въ свою очередь грозили исключеніемъ изъ гимназіи. Всякое проявленіе веселости у дѣтей казалось тоже чѣмъ-то оскорбительнымъ и недопустимымъ, попытка устроить какое-нибудь развлеченіе для дѣтей разбивалась о боязнь, что они забросятъ уроки. Отъ дѣтей требовалась работа, работа и работа. Можно было думать, что ученіе уроковъ должно составлять весь смыслъ дѣтской жизни, только оно признавалось достойнымъ похвалъ, и каждый учитель считалъ своимъ долгомъ задать побольше на томъ основаніи, что «пусть лучше уроки учитъ, чѣмъ по бульвару гулять, да разными глупостями заниматься». Когда нѣкоторыя дѣвочки стали охотно ходить ко мнѣ, это показалось почему-то неудобнымъ. Сначала мнѣ просто посовѣтовали сторониться ученицъ, потомъ, когда я не послушалась этихъ совѣтовъ, учителя начали говорить, что я развращаю дѣвочекъ, устраиваю съ ними аѳинскія ночи, возстановляю ихъ противъ другихъ преподавателей. Я не обратила вниманія и на эти разговоры, попрежнему мы съ дѣвочками говорили, читали, занимались иногда гимнастикой, которая и послужила основаніемъ для слуховъ объ устройствѣ аѳинскихъ ночей. А между тѣмъ, жизнь учащихся такъ нуждалась въ томъ, чтобы кто-нибудь близко стоялъ къ нимъ, чтобы кто-нибудь внимательно вглядѣлся въ ихъ сердца, помогъ имъ! Страшное творилось съ этими душами. Онѣ гибли; однѣ не сознавая этого, молча, другія съ недоумѣніемъ, съ безотчетной тоской.

Дѣвочки приходили къ намъ въ школу по большей части изъ той темной и угрюмой среды, о которой я говорила выше. Приходили уже чѣмъ-то подавленныя. Бѣдныя дѣти бѣдной жизни были такъ же сѣры и некрасивы, какъ и все окружающее. Приходили они къ намъ со скудными и по большей части горькими впечатлѣніями.

Помню, въ V кл. я дала тему для письменныхъ работъ: «Счастливый случай въ моей жизни». Большинство написало, что таковыхъ не было, и только двѣ дѣвочки изъ 40 нашли, о чемъ написать. Одна вспомнила маскарадъ, на которомъ она была чертикомъ и танцовала съ амуромъ, а другая празднованіе въ честь 300-лѣтія дома Романовыхъ, когда она декламировала стихи. У другихъ не оказалось даже такихъ счастливыхъ минутъ.

Когда я читала имъ, они оживлялись только при описаніяхъ дракъ, ссоръ. Это были дѣти, которыхъ, прежде чѣмъ учить, надо было обласкать, отогрѣть, обрадовать. Имъ нужно было многое разсказать о жизни, лежащей за предѣлами ихъ семей, ихъ города, заинтересовать многообразной, широкой жизнью иныхъ людей, расцвѣтить идеями жизнь, какую они видѣли вокругъ. Бытіе, развивающееся, творящее, для нихъ совершенно чуждо, а поэтому были чужды и непонятны какіе-либо запросы духа. Ничего имъ объ этомъ не говорила окружающая жизнь, ничего не говорили и въ гимназіи. Что же страннаго въ томъ, что когда они, доживъ до 17-19 лѣтъ, знакомились, наконецъ, съ произведеніями нашихъ классиковъ—писателей, эти произведенія не нравились имъ, казались скучными, преломляясь въ ихъ головахъ самымъ уродливымъ образомъ.

Въ 7 кл. меня спросили: «за что критика осуждаетъ Молчалина? Почему она высмѣиваетъ его умѣренность и аккуратность, когда это похвальныя качества? И чего хочетъ Чацкій?» Мнѣ говорили, что «такіе люди, какъ Рудинъ и Райскій смѣшны и безполезны, потому что только говорятъ, а ничего не дѣлаютъ».

— Кого же Вы поставите выше ихъ?—спросила я.

— А вотъ, хотя бы Акакія Акакіевича. Онъ работаетъ, трудится, приноситъ пользу, а тѣ что?

Мнѣ пришлось наблюдать, какъ воображеніе дѣвушки поражалъ... Хлестаковъ. Вотъ выдержка о немъ изъ одной работы:

«Человѣкъ, ничего не дѣлая, можетъ достигнуть богатства, прославленія, лишь бы быть смѣлымъ, идти впередъ, не боясь ничего, какъ говорятъ: «или панъ или пропалъ». Такъ, напр., Хлестаковъ, онъ не былъ ревизоромъ, но его приняли за ревизора, и онъ, не боясь ничего, какъ бы былъ важною особою на самомъ дѣлѣ, шелъ впередъ, онъ какъ будто исполнялъ эту должность, все осматривалъ и т. д., за это былъ награжденъ, получилъ много денегъ и т. д.»

Вотъ какъ преломлялись ясныя, какъ Божій день, произведенія въ головахъ учениць VI кл. Не надо думать, что это писали плохія ученицы, нѣтъ, такъ мыслили дѣвушки, которыя кончали благополучно гимназію, считаясь средними ученицами. Съ грѣхомъ пополамъ онѣ разсказывали странички того или другого учебника, а до пониманія разсказываемаго никому не было дѣла: ни учителямъ, ни самому отвѣчающему, слова не имѣли никакой связи съ тѣмъ, что принято называть мышленіемъ.

Но этого мало. Гимназія, не будя мысли, не тревожа чувства учащихся, въ то же время отрывала дѣтей отъ жизни, заполняла все свободное время ученьемъ уроковъ. Ихъ было такъ много, что дѣвочкамъ даже со средними способностями некогда было читать, некогда думать. У нихъ убивалась естественная наблю-

дательность, онѣ жили какою-то искусственной жизнью, не имѣя возможности даже осмотрѣться, гдѣ онѣ живутъ. Происходили прямо курьезы; когда я въ V кл. попросила сдѣлать мнѣ описаніе города N., то нѣкоторыя дѣвочки заявили, что онѣ города не знаютъ, никогда его общаго вида не видѣли, а нѣкоторыя, оказалось, знали только улицы, по которымъ онѣ ходятъ изъ дому въ гимназію. Когда я просила разсказать мнѣ что-нибудь о своей жизни, то большинство отвѣчало, что разсказывать нечего. «Ходимъ въ гимназію, учимъ уроки, вотъ и все, что же тутъ разскажешь?»—говорили онѣ..

У насъ въ литературѣ имѣются образы ищущей, рвущейся къ лучшему молодежи; жаль, что никто еще не изобразилъ большинства учащихся, той молодежи, которая составляетъ въ классахъ массу и никуда не рвется, ничего не ищетъ, а покорно повторяетъ собою прежнія формы жизни, несетъ на себѣ отпечатокъ темноты и пассивности. Школа не уничтожаетъ этого отпечатка, не способствуетъ пробужденію личности. Изъ этой учащейся молодежи выходятъ потомъ взрослые люди, которые должны будутъ жить и работать на протяженіи цѣлой четверти вѣка. Уже въ школѣ они дѣлятся на двѣ части. Къ первой принадлежали самые слабые, тѣ, которыхъ жизнь била съ дѣтскихъ лѣтъ. Дѣти бѣдныхъ родителей, они растутъ среди постоянныхъ жалобъ на жизнь, имъ знакомъ страхъ передъ нею, они уже испытали много униженій. Имъ внушено, что гимназія—кусокъ хлѣба, и что ради него они, помня свое ничтожество, должны дѣлать все то, что прикажутъ учителя въ гимназіи. Покорно подчиняясь всему, они до синевы въ лицѣ учатъ трудные, часто совершенно непонятные имъ уроки, безпрекословно исполняютъ всѣ требованія начальства. Страшно глядѣть на этихъ покорныхъ, молчаливыхъ дѣвушекъ, которыя въ 16-18 лѣтъ уже измученны, усталы, безрадостны. Ихъ личность стерта, принесена въ жертву боязни малѣйшаго противорѣчія кому-нибудь, и въ будущемъ онѣ только безропотные исполнители велѣнія чужой воли.

Ко второй группѣ принадлежали тѣ, которыя все-таки хотѣли урвать хоть какую-нибудь радость отъ жизни. Онѣ искали ее въ гуляньѣ на бульварѣ, въ дешевенькихъ нарядахъ, въ грошевыхъ развлеченіяхъ. Каждый вечеръ можно было увидѣть нѣкоторыхъ изъ нашихъ дѣвочекъ въ городскомъ саду. Почти всѣ въ шарфикахъ, въ дешевенькихъ пальтишкахъ, ходятъ онѣ по двѣ и по три, взявшись подъ руку, по аллеямъ сада, а сзади нихъ писаря, провизоры, отъ которыхъ на сто шаговъ несетъ іодоформомъ, и фельдфебеля мѣстной команды. Кавалеры острятъ, стараются незамѣтно подставить ногу, а дѣвицы взвизгиваютъ, смѣются въ платочекъ. Узкія юбки съ разрѣзами, чулки тѣлеснаго цвѣта, яркое перо на шляпѣ влекли къ себѣ

ихъ помыслы и желанія. Большою роскошью и счастьемъ считалось имѣть граммофонъ, одна гимназистка даже травилась изъ-за того, что отецъ отказалъ ей въ покупкѣ его. Рядомъ со мной жила гимназистка, которая знала поражающее количество граммофонныхъ романсовъ. Съ утра до вечера распѣвала она ихъ, обыкновенно еще съ комментаріями,—а въ промежуткахъ между пѣніемъ читала Достоевскаго—и въ заключеніе, обыкновенно даже съ какимъ-то приплясываніемъ, начинала пѣть романсы, изъ котораго я запомнила только одну фразу: «Люблю мужчинъ я рыжихъ, коварныхъ и безстыжихъ». Всѣ эти романсы какъ нельзя больше гармонировали съ окружающей пустотой, дразня самое низменное воображеніе.

По этой же причинѣ нравились романы Вербицкой, приложенія къ «Свѣту» и тому подобная литература. Легко понять, какъ эти дѣвушки относились къ занятіямъ въ гимназіи.

Всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы ничего не дѣлать, преподаваемое было совершенно чуждо и ненужно имъ. На что, въ самомъ дѣлѣ, нужна исторія, литература, математика, когда жизнь вполнѣ исчерпывалась садомъ и нарядами, а впереди манили тройки и блаженство съ любимымъ сердцу. Нѣкоторыя изъ нихъ выходили замужъ прямо со школьной скамьи и если и не находили радостей граммофонной любви, то удовлетворялись спокойной жизнью. Какія выходили изъ нихъ жены и матери —легко себѣ представить. Другія, окончивъ гимназію и попробовавъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, скоро начинали думать о болѣе легкой жизни. 25—30 рублей, на которые можетъ разсчитывать у насъ дѣвушка, окончившая гимназію, при работѣ отъ 5 до 8 ч. въ сутки, даютъ, конечно, мало радости, и вотъ мнѣ пришлось на улицѣ губернскаго города встрѣтить двухъ своихъ прежнихъ учеництъ съ подведенными глазами, накрашенными лицами, въ модныхъ платьяхъ и дорогихъ шляпахъ. Оказалось, что онѣ жили на содержаніи и находили такую жизнь болѣе пріятной, чѣмъ служба сельской учительницей. Можно ли ихъ обвинять за это?

Одинокими стояли среди этихъ подростковъ дѣвочки, которыя чувствовали присутствіе въ жизни высокаго смысла, искали его вокругъ себя и, не находя, рвались къ болѣе осмысленной жизни. Свое одиночество онѣ начинали чувствовать очень рано, въ юныя души закрадывалась тоска, разочарованность. Надломленностью уже вѣяло отъ болѣе чуткихъ подростковъ. Вотъ одна работа уч. 7 кл., которая ясно говоритъ объ этомъ. Я предложила классу написать сочиненіе на тему: «Какая дѣятельность привлекаетъ меня больше всего», и вотъ, что писала одна изъ нихъ.

«Да какую бы мы дѣятельность ни брали, что можетъ дать хорошаго, полезнаго такая личность, неувѣренная, неудовле-

творенная, какъ я. Многіе назовутъ это излишней гордостью, фантазіею, ну, да въ чемъ я виновата, если меня не удовлетворяетъ окружающее? Если минутами люди кажутся муравьями, а сама себѣ жалкою крупицею въ мірѣ. Отсюда естественно, что пока вся моя дѣятельность основывается на томъ, чтобы знать, какъ можно больше. Но это, я знаю, болѣе чѣмъ знаю, увѣрена, мнѣ никогда не удастся, такъ какъ жизнь съ вѣчными своими платами за труды никогда этого не позволитъ. Вотъ и вся моя дѣятельность или, вѣрнѣе, бездѣятельность. А чего бы я ни дала, только бы знать—зачѣмъ жить и что такое жизнь!»

Очень скоро замѣтила я, что къ ученицамъ болѣе сложнымъ психологически, живущимъ внутреннею жизнею, относились плохо какъ товарищи, такъ и преподаватели. Ихъ называли нервно-больными, оригинальничающими, надъ нами подсмѣивались. Онѣ были чужды окружающимъ, а окружающіе, сплотившись большой массой, давили все то, что было не похоже на нихъ, и этой своей непохожестью мѣшало покою, раздражало. Помню, одна изъ моихъ ученицъ на мой совѣтъ не дѣлать одного поступка, чтобы не ломать себѣ жизни, отвѣтила: «А что же плохого въ томъ, что моя жизнь будетъ изломанной, и пусть будетъ такой, это даже и лучше, по крайней мѣрѣ, я буду мучаться и не буду похожа на тѣхъ, кого я вижу».

Помню такія сценки на экзаменахъ. Отвѣчаетъ по моему предмету живая, умненькая дѣвочка, отвѣчаетъ очень хорошо. При выводѣ общаго балла оказывается, что начальница поставила ей всего только 3. Почему? Оказывается, что начальница во время вечерняго объѣзда квартиръ нѣсколько разъ не заставала этой дѣвочки дома, въ результатѣ сбавка балла за хорошій отвѣтъ на экзаменѣ. Въ то же время набавлялись отмѣтки неразвитымъ и ограниченнымъ, но сидящимъ въ урочное время дома ученицамъ. Какую бы ахинею онѣ ни несли на экзаменахъ, имъ ставились хорошія отмѣтки. Когда я возражала, что это безмысленные, зазубренные отвѣты, за которые нельзя ставить хорошихъ отмѣтокъ, мнѣ говорили:

— Почему Вы такъ не любите зубрежки? Всѣ мы, когда учились—зубрили, что же тутъ плохого? Человѣкъ трудится, работаетъ, ему и надо поставить за это хорошій баллъ.

Избѣгали всякихъ попытокъ расшевелить дѣвочекъ, сообщить имъ извѣстный интересъ къ литературѣ, исторіи. Самыя невинныя чтенія смущали и безпокоили. Чтенія, затрагивающія общественные вопросы, напр., о крѣпостномъ правѣ, считались лишними, «лучше о чемъ-нибудь другомъ». Когда я хотѣла прочитать дѣвочкамъ статью Буслаева «О страшномъ судѣ по древне-русскимъ представленіямъ»,—меня спросили:

— О страшномъ судѣ? А не опасно это? не зададутъ Вамъ ученицы опасныхъ вопросовъ?

Вопросовъ со стороны ученицъ вообще боялись. Пятый классъ подъ моимъ руководствомъ началъ издавать свой журнальчикъ. Начальство тотчасъ запретило изданіе журнала, находя, что подобныя затѣи поселяютъ рознь и вражду между ученицами. Дѣвочки жили каждая особнякомъ, безъ подругъ и общихъ интересовъ съ классомъ. Ходить другъ къ другу было и некогда и некуда, потому что часто вся семья ученицы жила въ 1-2 комнатахъ. Когда дѣвочки попробовали было оставаться послѣ уроковъ въ гимназіи, чтобы поговорить между собою, имъ этого не позволили, приказавъ сейчасъ же разойтись.

Результатомъ такой школьной жизни было поражающее невѣжество большинства ученицъ. Въ 7 кл. ученицы, которыя считались первыми, т. е. знали на зубокъ учебники, не могли разсказать содержанія романа или повѣсти, которые я давала для чтенія. Дѣвочки просили меня прочесть съ ними «Мертвыя души» Гоголя, потому, что, по ихъ же словамъ, когда онѣ читаютъ однѣ, то почти ничего не понимаютъ. На экзаменахъ учителя безмолвствовали, такъ какъ предложить какой-нибудь вопросъ ученицѣ, значило-бы погубить ее. Впрочемъ, иногда, соскучившись, начинали острить, задавать нелѣпые вопросы: «гдѣ у паука ножки прикрѣплены»? «Чѣмъ тараканы полезны»? И когда ученица, задумавшись, молчитъ, отвѣчали сами, что де тараканы счастье дому приносятъ. Какъ никакъ ученицы на экзаменахъ что-то говорили, что-то отвѣчали изъ учебниковъ, слѣдовательно все шло гладко, хорошо, дѣвочки были убѣждены, что получаютъ настоящія знанія, и никакого другого знанія быть не можетъ.

На почвѣ такого знанія у большинства изъ нихъ отсутствовало всякое живое стремленіе къ расширенію своихъ свѣдѣній, желаніе продолжать свое образованіе или просто поискать полезной, хорошей работы. На курсы большинство смотрѣло, какъ на источникъ болѣе высокаго заработка, гдѣ тоже нужно будетъ зубрить книги; никакой идейной, созидающей работы онѣ не искали, ибо и не знали о такой работѣ. Всякій трудъ— неизбѣжное зло и только разъ, когда дѣвочки взялись за изданіе своихъ журнальчиковъ, онѣ почувствовали, что можно работать съ удовольствіемъ. Вотъ, что писала одна изъ нихъ въ своемъ докладѣ на тему: «Что мнѣ далъ истекшій учебный годъ». «Самымъ главнымъ пріобрѣтеніемъ я считаю то, что въ нынѣшнемъ году у меня появилась охота къ труду. Я съ удовольствіемъ работала въ году, между тѣмъ, какъ раньше у меня совсѣмъ не было этой охоты, работа меня нисколько не интересовала, и дѣлала я часто для того, чтобы не отстать отъ другихъ.

или потому, что надо дѣлать». Дальше авторъ этой записки съ радостнымъ удивленіемъ отмѣчаетъ, что «когда дѣла дѣлаются съ любовью, человѣкъ естественно оживляется, воодушевляется, живетъ полною жизнью, и трудъ ему не въ тягость, а какъ удовольствіе, благодаря которому отрадно становится».

Благо такъ почувствовавшей дѣвушкѣ,—большинство изъ ея подругъ не знаетъ такихъ отрадныхъ минутъ.

Пробовала я пробудить ихъ мысль, сообщить имъ новыя чувства, переживанія. Не скажу, чтобы мнѣ это порой не удавалось. Иногда начинала шевелиться вся масса, и на меня глядѣли широко-раскрытые, встревоженные глаза, въ которыхъ бились какія-то неясныя, безпокойныя мысли. Это были моменты моего торжества, но они быстро проходили. Разбуженная на мгновеніе мысль быстро засыпала, не встрѣчая поддержки, слабая, она легко подавлялась массой обыденныхъ мыслей и дѣлишекъ, которыхъ требовала окружающая жизнь. И я снова оставалась передъ людьми, чуждыми всякаго интереса къ тому, чему я должна была ихъ учить. Порой уроки превращались прямо въ пытку, когда приходилось въ старшихъ классахъ говорить о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ. Какъ чужды и скучны были они для большинства, съ какимъ недовольствомъ читались ихъ произведенія. А потомъ еще ученицы «отвѣчали уроки» объ этихъ писателяхъ. Что это были за отвѣты, лучше не говорить. И, конечно, всѣхъ этихъ писателей онѣ называли «великими», «геніальными». Въ концѣ концовъ, для меня стало яснымъ, что никакого толка изъ моей работы выйти не можетъ. Нѣтъ ученія, т. е. снабженія учащихся силами для дальнѣйшей жизни, а есть какое-то безтолковое взаимное мученіе людей. Мнѣ казалось, что это происходитъ отчасти отъ моего неумѣнья работать, отчасти же я думала, что все то, что я видѣла, что приводило меня въ отчаяніе—чисто мѣстное явленіе. Тогда я рѣшила попробовать счастья въ другомъ мѣстѣ.

II.

Перевелась я въ довольно большой (40 т. населенія), южный городъ, въ которомъ было 4 среднихъ учебныхъ заведенія.

Это былъ бойкій торговый городъ. Той бѣдности и убожества, которыя бросались въ глаза на каждомъ шагу въ N., не было и въ поминѣ. Наоборотъ, все говорило о зажиточности и сытости. Чувствовалась даже нѣкоторая благоустроенность: городъ освѣщался электричествомъ, вдоль главной улицы тянулся бульваръ, обсаженный бѣлыми акаціями. Онъ служилъ мѣстомъ прогулокъ для городской молодежи, которая вереницей, вплотную другъ къ другу, двигалась вечерами по его аллейкамъ, разсаживалась на лавочкахъ, весело отпуская шутки по адресу проходящихъ, иногда подставляя имъ ноги, грызя сѣмечки,

шелуха которыхъ лежала на землѣ толстымъ ковромъ. Было въ городѣ два клуба и три кинематографа.

«Ранняя могила», «Бѣлыя рабыни», «Романъ свѣтской женщины» и другія имъ подобныя драмы длиною въ нѣсколько тысячъ метровъ смотрѣлись охотно и въ «Soleil», и въ «Ренессансѣ», и въ «Чарахъ». Были въ городѣ и двѣ библіотеки: одна общественная, другая при попечительствѣ о народной трезвости. Обѣ онѣ жили очень тихой жизнью, ни у одной изъ нихъ число подписчиковъ въ годъ не превыщало 400 человѣкъ; это—на 40.000 населенія! Не проходило почти ни одного мѣсяца безъ того, чтобы правленіе общественной библіотеки не взывало къ обществу, прося поддержки, указывая на крайне тяжелое свое положеніе. Но публика, охотно посѣщавшая кинематографы, была мало отзывчива на просьбы правленія, а иногда приходилось нарываться даже на непріятности, распространяя какіе-нибудь грошевые билеты на спектакль въ пользу библіотеки. Горсточка книгъ, собранная въ періодъ 1904—1906 годовъ, трепалась, таяла, и пополнять ее не было средствъ. Библіотека медленно умирала. Внѣшній видъ публики г. Z. рѣзко кидался въ глаза. Поражала претензія на шикъ, на послѣднее слово моды. Какія перья колыхались на дамскихъ шляпахъ! Шелкъ и бархатъ разнообразныхъ цвѣтовъ мелькалъ повсюду. Яркія платья, узкія юбки, глубокіе вырѣзы кофточекъ попадались на каждомъ шагу. Подкраска лица, накладные волосы считались у мѣстныхъ дамъ необходимою частью туалета. Мужчины, несмотря на южную жару, щеголяли въ тугихъ воротникахъ; подобно дамамъ они слѣдили за модой, носили модные съ раструбами внизу брюки и яркіе носовые платочки въ верхнемъ карманѣ пиджака. Одѣться «какъ слѣдуетъ» составляло наиважнѣйшую задачу жизни. Костюмъ считался показателемъ интеллигентности, и ради него люди подчасъ урѣзывали себя во всемъ. Вечеромъ на гуляньѣ отъ фланирующей публики такъ и вѣяло сытостью, довольствомъ и весельемъ. Только это общее впечатлѣніе отъ публики г. Z. и осталось у меня. Другого ея лица я не видѣла нигдѣ: не было никакихъ общественныхъ организацій, никакихъ собраній, гдѣ бы можно было увидѣть другую сторону этихъ людей. Внѣ улицы, объединявшей ихъ, они жили каждый самъ по себѣ, изживая свои личныя и семейныя происшествія, не выходя за предѣлы ихъ.

Здѣсь чиновная интеллигенція терялась среди богатыхъ коммерсантовъ, не занимая привилегированнаго положенія какъ въ N. Педагогическій міръ былъ замѣтснъ еще менѣе и хорошей славой у остальной части общества не пользовался. Каждый, не принадлежащій къ нему, долгомъ считалъ посмѣяться надъ нимъ. Говорили въ глаза о плохомъ преподаваніи того или другого учителя, указывали на скверное отношеніе къ

дѣтямъ, на взяточничество, и при этомъ, не стѣсняясь, называли полностью имена.

Учителя держались своей же среды, даже среды учительской своего учебнаго заведенія, но это не значило, чтобы они жили дружно. Какъ въ N., среди нихъ царили дикія сплетни, недовѣріе другъ къ другу. Бывая на вечеринкахъ у учительницъ, учителя не стѣснялись разсказывать потомъ ученицамъ старшихъ классовъ въ шутливомъ духѣ о хозяйкахъ этихъ вечеровъ, съ которыми гуляли иногда по бульвару.

Въ этой гимназіи учащіе были почти всѣ съ высшимъ образованіемъ, но это не мѣшало имъ не понимать, что такое экспериментальная педагогика. Мнѣ доказывали, увидѣвъ въ рукахъ моихъ книгу о ней, что это не только безполезный, но даже безнравственный предметъ, такъ какъ основывается на опытахъ надъ дѣтьми, «вивисекція какая-то».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда заходила рѣчь о явленіяхъ общественныхъ, литературныхъ, обнаруживалась удивительная незрѣлость сужденій.

— На что нужна наука исторія? — спросили разъ меня. Я растерялась и отвѣтила самой стереотипной фразой: ну, молъ, хотя бы для того, чтобы лучше разбираться въ современныхъ политическихъ событіяхъ.

— Но въ нихъ и безъ всякой науки легко разобраться,— получила я въ отвѣтъ.

Но что особенно и больно поражало въ этихъ людяхъ, это какое-то всеобщее оплевываніе жизни. Они относились къ ней, какъ къ чему-то непріятному, подчасъ даже противному, и въ то же время жили, брюзжа и ругая свою жизнь, жизнь вообще.

Иногда начинали бранить дѣвочекъ, подчеркивая ихъ грубость, тупость, вдаваясь въ подробности ихъ личной жизни, даже издѣваясь надъ ихъ романами. Ругали свою должность, вспоминая, что еще Писаревъ (?) сказалъ: «только дуракъ можетъ быть учителемъ», ругали начальство за плохо составленныя программы; ругали все человѣчество, которое за столько вѣковъ существованія не приготовило для нихъ жизни удобной и прекрасной.

Передъ однимъ изъ педагогическихъ совѣтовъ классныя дамы стали выставлять въ годовую книгу четвертные баллы и, вдругъ обнаружилось, что одной ученицѣ 1 кл. совсѣмъ отмѣтокъ не поставлено. Что такое? Оказалось, въ классномъ журналѣ кто-то перечеркнулъ фамилію этой дѣвочки и преподаватели рѣшили, что она выбыла. Порѣшивъ такъ, на основаніи вычеркнутой фамиліи, никто и не замѣтилъ присутствія въ классѣ ребенка.

Отсутствіе живого дѣла ощущалось иногда и самими пре-

подавателями. Тогда они вину за это старались свалить на порядки, при которыхъ «все равно ничего не сдѣлать», на ученицъ, «которыя ничего не понимаютъ». Порой пробуждалось желаніе дѣятельности, начиналась борьба «со зломъ», и тогда договаривались даже до того, что жалѣли такую педагогическую мѣру, отошедшую въ прошлое, какъ битье. Учитель гимнастики увѣрялъ, что онъ почувствовалъ себя человѣкомъ со дня, когда отецъ высѣкъ его.

Много разговоровъ вызвалъ вопросъ о посѣщеніи учащихся театра и кинематографа. Особенно ополчились противъ послѣдняго. Начались цѣлыя рѣчи противъ кинематографа и его развращающаго вліянія. Въ концѣ концовъ, чуть ли не во всѣхъ нашихъ неуспѣхахъ виноватымъ оказался кинематографъ. И вотъ начались проекты мѣръ для борьбы съ этимъ врагомъ: предписать владѣльцу кинематографа ставить «нравственныя картины», иначе учащіеся не будутъ допущены къ ихъ посѣщенію; запретить учащимся ходить въ кинематографы, пусть ходятъ, если хотятъ, глядѣть картины въ церковно-приходскую школу. Но тутъ объ этихъ картинахъ разсказалъ предсѣдатель педагогическаго совѣта. Показываетъ въ этой школѣ картины старенькій священникъ о. С. Картины плохія, стертыя, да вдобавокъ еще подвергаются строгой цензурѣ о. С. Идетъ, напр., картина деревенскихъ полевыхъ работъ. Потомъ показываютъ деревенское празднество. Крестьяне пьютъ водку, пляшутъ, дѣвушки играютъ съ парнями, садятся къ нимъ на колѣни. Въ это время появляется передъ экраномъ рука о. С. и на нѣсколько секундъ закрываетъ отъ глазъ зрителей эту соблазнительную картину. Потомъ рука отдергивается и иногда случается при этомъ такъ, что передъ очами зрителей прыгаетъ въ воздухѣ запоздавшая бабенка. Дальше все идетъ благополучно, и молотьба хлѣба проходитъ безъ вмѣшательства о. С.

Слушая этотъ разсказъ, мнѣ пришло въ голову, что и вся наша гимназія со своими хлопотами о нравственныхъ картинахъ въ кинематографѣ похожа на о. С. Мы вырабатываемъ рядъ мѣръ противъ кинематографа, но развѣ современная улица, а особенно нашъ бульваръ, не тотъ же кинематографъ? Развѣ лучше его тѣ уличные «юмористическіе» журналы, которые ученицы покупаютъ и читаютъ? Книжечки за 5—10 к. «Тайны московскихъ бульваровъ», «Подъ пологомъ ночи», которыя покупаются или берутся у родителей; чѣмъ онѣ лучше кинематографа? А между тѣмъ, я видѣла такую книжку у дѣвочки III кл. На доскѣ въ VIII кл. пишутся двусмысленности бульварнаго пошиба, которыми полонъ воздухъ въ наше время, въ гимназіи иногда учатся полупроститутки, которыя прямо заявляютъ, что надъ книгами онѣ сохнуть не намѣрены, а имъ хочется наряжаться, вкусно ѣсть, пить и т. д. И всего этого мы какъ

будто не замѣчаемъ, а главнымъ врагомъ считаемъ кинематографъ. Впрочемъ, и кромѣ борьбы съ кинематографомъ еще намѣченъ былъ рядъ мѣръ: хозяйки квартирныя должны присылать въ гимназію записки о томъ, что ученицы отправилась на урокъ въ такомъ-то часу. Онѣ же обязаны заявлять начальницѣ о несвоевременномъ возвращеніи учениць домой. Для наблюденія за учащимися устанавливается дежурство классныхъ дамъ, которыя обязаны бывать въ кинематографѣ, на спектакляхъ въ театрѣ и чуть ли не на берегу рѣки, для наблюденія за катающимися. Чтобы облегчить надзоръ за учащимися, постановлено было особенно строго слѣдить за ношеніемъ формы. Когда пробовали возражать, что всѣ эти мѣры уже практиковались въ Россіи и ни къ чему существенному не привели, послѣдовалъ отвѣтъ:

«Въ Россіи пробовали, а у насъ еще нѣтъ».

При гимназіи была прекрасная библіотека, стоящая тысячи; какихъ только дорогихъ изданій не было въ ней! Эти изданія всѣ попадали въ число книгъ фундаментальной библіотеки и, попавъ туда, мертвымъ матеріаломъ лежали на полкахъ. Никто почти не бралъ ихъ, а если и брали, то книги возвращались помятыми, залитыми стеариномъ, съ проскобленными на этихъ мѣстахъ дырами. Полныя собранія сочиненій писателей были по томамъ разбросаны въ различныхъ шкапахъ. Много было книгъ по языковѣдѣнію, по естественнымъ и математическимъ наукамъ, по педагогикѣ... разрѣзалъ ихъ страницы только переплетчикъ. За весь годъ моего завѣдованія книгами по педагогикѣ одинъ только разъ попросили у меня книгу. Висѣли у насъ въ гимназіи прекрасныя, дорогія гравюры съ лучшихъ картинъ. Отъ времени картины эти запылились, сънсли криво и въ такомъ видѣ прибавляли еще больше неуютности въ классѣ. Въ VII кл. весь годъ, перекосившись, висѣла гравюра съ картины Крамского «Христосъ въ пустынѣ», и было страшно и стыдно отъ присутствія этой картины въ классѣ.

Но особенно ярко на этомъ общемъ фонѣ учительской жизни выступали двѣ фигуры. Одна изъ нихъ преподавательница русскаго языка—молодая дѣвушка съ высшимъ образованіемъ. Ее зналъ рѣшительно весь городъ, зналъ по яркимъ и немного рискованнымъ костюмамъ, которые она всегда носила. Одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ характеризовалъ ее такъ: платье tango, чулки tango и сама дѣвица tango.

Эта «дѣвица tango» на урокахъ русскаго языка въ VII кл. давала объясненія вродѣ слѣдующихъ: слово сентиментальный происходитъ отъ двухъ французскихъ словъ—saint—святой и mental—мысленный, а въ цѣломъ означаетъ—«думающій о святомъ». Генералъ Чичаговъ командовалъ французской арміей, а Кутузовъ отбилъ у него обозъ, почему Крыловъ напи-

салъ свою басню «Щука и котъ». Грушницкій убитый падаетъ подъ дерево, потому что «это красивѣе», чѣмъ сорваться со скалы. Впрочемъ, лучшей характеристикой ея эрудиціи и способности мыслить могутъ служить ея собственныя записки по литературѣ, которыя дѣвочки должны были переписывать и заучивать чуть ли не наизусть. Вотъ, напр.,разборъ «Скупого рыцаря» Пушкина.

«Идея поэмы «скупой рыцарь» слишкомъ ясна по прочтеніи поэмы—страсть скупости. Идея, конечно, не новая, но великій художникъ развилъ ее съ другой стороны. Идеалъ скупца одинъ, но типы его безконечно различны, скупецъ Плюшкинъ у Гоголя отвратителенъ до крайности, ибо обращаетъ вниманіе и собираетъ въ житницы свои всякую мелочь, недостойную вниманія человѣка, почему является комическимъ лицомъ. Баронъ у Пушкина, по скупости своей ужасенъ, это лицо трагическое Какъ Плюшкинъ, такъ и баронъ дѣйствительны по изображенію поэтами ихъ скупости, человѣческая природа содрогается, до какого состоянія доходитъ человѣкъ, будучи объятъ гнусной страстью; несмотря на одинаковыя стремленія къ богатству, они совершенно различны, потому что являются жизненными, а не есть аллегорическое изображеніе выражаемой ими идеи. Они есть живыя лица, въ которыхъ общій потокъ выразился индивидуально, лично баронъ—лицо трагическое...»

Даже орфографически писала она безграмотно, и въ гимназіи, конечно, цѣлы и по сію пору работы на экзаменѣ уч. VII кл., поправляя которыя она пропускала по 7—6 ошибокъ и даже перепpавляла вѣрно написанныя слова.

Другой очень яркой фигурой былъ учитель рисованія. Молодой человѣкъ, немного глуховатый, общипанный, онъ считалъ себя очень интереснымъ и свѣтскимъ человѣкомъ. «Жизнь дана для радости»,—говорилъ онъ и въ подтвержденіе этого все свободное время проводилъ въ кинематографѣ, на бульварѣ, на танцовальныхъ вечерахъ. По его словамъ, онъ очень любилъ искусство, исторію, даже бралъ книги изъ гимназической библіотеки. Купанья онъ, очевидно, не признавалъ, отъ него всегда пахло потомъ и грязнымъ бѣльемъ, пахло такъ, что сидѣть съ нимъ рядомъ многіе избѣгали. Однажды ученицы, расшалившись, положили ему на кафедру коробку зубного порошка, зубную щетку, пару носковъ и чистый носовой платокъ. Между нимъ и ученицами постоянно возникали недоразумѣнія, главнымъ образомъ, благодаря тому, что онъ плохо слышалъ. Но бывало, что возникали недоразумѣнія и на другой почвѣ: онъ пробовалъ ухаживать за нѣкоторыми гимназистками и это возмущало дѣвочекъ. Не чувствуя къ учителю довѣрія и уваженія, ученицы дѣлали въ его классѣ все, что хотѣли. Однажды онъ—взрослый человѣкъ, всхлипывалъ, проливая слезы, въ учительской послѣ одного безобразнаго столкно-

венія съ ученицами, которыхъ онъ назвалъ воровками—за исчезнувшую тетрадь по рисованію.

Первое время меня сильно поражало заискивающее отношеніе нѣкоторыхъ ученицъ, доходившее до грубой лести. Я помню, какъ моего захудалаго котенка возвеличивали въ сибирскаго кота, какъ старались забѣжать впередъ моимъ вкусамъ и взглядамъ. Это особенно замѣчалось передъ концомъ четверти, когда надо было ставить отмѣтки, вообще же какихъ-нибудь добрыхъ намѣреній со стороны учителя не предполагалось, по большей части его сторонились.

Съ младшихъ классовъ привыкали смотрѣть на учителя, какъ на что-то, что можно и даже должно подкупить, задобрить. Одна дѣвочка изъ *приготовительнаго класса* всунула однажды трехрублевую бумажку въ руку учительницы ариѳметики и убѣжала. Ученица перваго класса принесла какъ-то ранней весной преподавательницѣ въ классъ вѣтки цвѣтущихъ левкоевъ. Та взяла ихъ, но при этомъ спросила:

— «Почему Вы мнѣ принесли эти цвѣты? Скажите прямо и откровенно!» И дѣвочка сказала при всемъ классѣ:

— «Я принесла Вамъ ихъ, чтобы Вы мнѣ поставили 4».

Когда въ среду преподавателей попадалъ человѣкъ, любящій свой предметъ, требующій вниманія и уваженія къ нему, то учащіеся въ подавляющемъ большинствѣ считали такого учителя чуднымъ и непріятнымъ. Мнѣ пришлось наблюдать драму одного такого учителя. Преподавалъ онъ литературу въ VIII кл. и искренно хотѣлъ, чтобы его ученицы заинтересовались предметомъ. Самъ онъ тщательно готовился къ урокамъ, слѣдилъ за литературой своего предмета, живо и просто излагалъ его. И, въ концѣ концовъ, ему приходилось въ классѣ давать свои объясненія, глядя на стѣну, чтобы не видѣть скучающихъ физіономій барышенъ, не видѣть ихъ зѣвковъ; мало этого равнодушія, его еще ненавидѣли, и опасаясь выступить открыто, травили его исподтишка. Идетъ А. И. по бульвару скорыми шагами занятаго человѣка, съ задумчивымъ, болѣзненнымъ лицомъ, а вслѣдъ ему несутся ругательства и улюлюканья приверженцевъ тѣхъ гимназистокъ, которымъ онъ поставилъ плохой баллъ. Учителей, не стѣсняясь, за глаза называли просто по именамъ, да и то въ уничижительной формѣ. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ ученицъ это не мѣшало въ то же время ходить къ этимъ-же самымъ учителямъ на квартиру и какъ будто неплохо относиться къ нимъ.

Я не знаю, какому Богу приносились въ жертву эти сотни дѣтскихъ и юношескихъ жизней, я знаю только, что они приносились. Можетъ быть, своею темною скучною жизнью они клали фундаментъ для будущаго, лучшаго, можетъ быть, но самимъ имъ жилось плохо, несмотря на всю притупленность сознанія. Годы дѣтства и юности проходили какъ-то безсмыслен-

но и безрадостно. Вотъ что разсказывала о жизни гимназистокъ одна восьмиклассница:

«Иногда», говорила она, «бываетъ до того все противно, нелѣпо, что мы—ученицы начинаемъ выть. Одна изъ насъ начинаетъ громко кричать: нудно, нудно, нудно... къ ней присоединяются голоса, кричащіе: тошно, гадко, и такой отъ этого шумъ въ классѣ стоитъ, что одурѣваешь и тогда какъ будто легче дѣлается».

Говорятъ, что экзамены—показатель всей предшествующей работы. Если это такъ, то тѣ экзамены, которые мнѣ пришлось видѣть, были показателями плохой работы. Впрочемъ, это были не экзамены, а цѣлый рядъ какихъ-то комедій, когда плутовали ученицы, плутовали учителя, плутовали, но въ то же время искренно волновались за исходъ дѣла, гордились хорошими отмѣтками. На экзаменѣ по математикѣ была задана задача, которую ученицы дѣлали за два дня передъ тѣмъ на добавочныхъ урокахъ съ учителемъ. Правда, были измѣнены цифровыя данныя, но чертежъ и планъ задачи былъ тотъ же. Для экзамена по русскому языку были сообщены заранѣе всѣ могущія быть темы и такъ дѣлалось изъ года въ годъ. Да и какъ же было поступать иначе? Вѣдь тогда бы пришлось оставлять на второй годъ по цѣлому классу. Торжественно вскрывался на экзаменѣ конвертъ съ темами. На листкѣ всѣ тѣ темы, которыхъ и ждали ученицы, но одна изъ нихъ, а именно «Милліонъ терзаній» была переиначена предсѣдателемъ педагогическаго совѣта: «Борьба Чацкаго съ окружавшимъ его обществомъ». Услышавъ такую тему, дѣвицы на мгновеніе смутились, но потомъ, подумавъ немного, дружно взялись за переложеніе статьи Гончарова «Милліонъ терзаній». Работа въ общемъ была написана.

Но что было въ VIII кл., гдѣ преподаватель, человѣкъ щепетильный и добросовѣстный, темъ заранѣе не сказалъ? Дана была тема: Главная мысль и настроеніе стихотворенія Лермонтова «Ангелъ». Эта тема оказалась такой трудной, что ученицы два часа сидѣли, не притрагиваясь къ ручкамъ. Бѣдный преподаватель мучился тѣмъ, что далъ такую трудную тему и погубилъ ученицъ.

Воспользовавшись его уходомъ, я подошла къ ученицамъ и стала помогать имъ. «Что писать?» спрашивали онѣ. «Напишите о томъ, какое впечатлѣніе на васъ производитъ это стихотвореніе, какія переживанія испытываете, когда читаете его». —«Да ничего не испытываемъ», получила я въ отвѣтъ. А одна абитуріентка написала: «Главная мысль этого стихотворенія заключается въ томъ, что какъ ни хороши звуки небесъ, но все же звуки земли лучше. Это ясно видно изъ словъ: « и звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли».

Въ 7 кл. на экзаменѣ по физикѣ одна ученица все время

путала гальванизаторъ съ пульвелизаторомъ, у другой зрачекъ глаза былъ выпуклымъ тѣломъ, цвѣтъ глаза зависѣлъ отъ той жидкости, которая наполняла глазъ и т. д. Въ VIII кл. спеціалистка по математикѣ при умноженіи 0 на 15 получила произведеніе равное 15. Ее стали наводить на правильный отвѣтъ: сколько же будетъ, если 1×15? «Будетъ 15». Такъ какъ же это будетъ и 0×15=15 и 1×15=15?—«Ахъ», спохватывается ученица. «если 0×15, то будетъ 150».

И отвѣчая такимъ образомъ, учащіеся, въ концѣ концовъ, все-таки кончали гимназію, такъ какъ, получивъ, напр., неудовлетворительный баллъ по алгебрѣ, онѣ получали удовлетворительный баллъ по геометріи и въ среднемъ по математикѣ выходила удовлетворительная отмѣтка; говорили ерунду на устныхъ экзаменахъ, вытягивали на 3 письменныя работы и опять общая отмѣтка была удовлетворительной. Эта «общая отмѣтка» покрывала собою все вопіющее незнаніе самыхъ простыхъ вещей, которое обнаруживали экзамены. Привести всѣ примѣры, подобные вышеуказаннымъ, нѣтъ возможности, пришлось бы цѣлыя страницы заполнить ими.

И здѣсь, какъ и въ N, видѣла я, что не воспитываемъ мы любви и чувства уваженія къ тому, чему учимъ. Наоборотъ, въ старшихъ классахъ окончательно водворялось полнѣйшее равнодушіе ко всякому знанію. Чѣмъ больше мы учили своихъ учениковъ, тѣмъ больше дѣлали ихъ далекими отъ пониманія прекраснаго и великаго. Мы давали имъ какъ будто все, самое лучшее, а результаты получались самые худшіе. Большинство въ школѣ пріобрѣтало полное равнодушіе къ нашимъ писателямъ, общественнымъ дѣятелямъ и глядѣло на знакомство съ ними, какъ на школьную повинность. Да и въ самомъ дѣлѣ, за всѣхъ этихъ Пушкиныхъ, Лермонтовыхъ, Сперанскихъ, Милютиныхъ—сколько двоекъ было поставлено, сколько разъ надо было смошенничать, чтобы сдѣлать видъ, что о нихъ что-то знаешь, да, наконецъ, и скучно было, когда говорили о нихъ, скучно и потому, что дѣла до нихъ ровнымъ счетомъ нѣтъ никакого: были они или не были, не все ли равно?

Да и разсказывали о нихъ такъ, что ничего особеннаго въ нихъ и замѣтить нельзя было. Преподавательница русскаго языка въ VII кл. говорила, что «напрасно Пушкинъ чернь ругалъ, что бы онъ безъ этой черни дѣлалъ? Вѣдь эта чернь его сочиненія покупала, а не покупай она его сочиненій, ему и ѣсть-то нечего было бы».

Одна ученица 7 кл. какъ-то сказала мнѣ: «Пока мы не проходили литературы, мы еще интересовались Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, ждали отъ нихъ чего-то, а теперь всякій интересъ пропалъ». И это признаніе характерно не для одного русскаго языка. Большинству учащихся такъ

же неинтересны и другіе предметы. Въ силу этого наши ученики, кончая среднюю школу, совершенно не знаютъ, если имѣютъ возможность учиться дальше, за что имъ взяться, въ какое высшее учебное заведеніе поступить: можетъ быть, въ медицинскій институтъ, или на высшіе женскіе курсы, но на какой факультетъ? на физико-математическій? историко-филологическій? У мужской молодежи дѣло рѣшается проще: поступивъ въ первое подвернувшееся учебное заведеніе, переходятъ черезъ нѣкоторое время въ другое, переходятъ съ факультета на факультетъ или устраиваютъ для себя маленькую лотерею: пишутъ на бумажечкахъ названія высшихъ учебныхъ заведеній, перемѣшиваютъ ихъ и тянутъ, названіе какого учебнаго заведенія вынутъ, тамъ и начинаютъ тянуть лямку высшаго образованія. Какая ужъ тутъ радость отъ науки, отъ знаній! Все это только печальная необходимость, все это нужно для полученія диплома, а дипломъ для заработка. И чѣмъ отличается для такихъ людей высшая школа отъ средней? Количествомъ книгъ, которыя надо выучить.

Порой, когда лицомъ къ лицу въ средѣ своихъ учениковъ приходилось сталкиваться съ поражающимъ неуваженіемъ къ человѣческимъ стремленіямъ, къ лучшимъ мыслямъ и поступкамъ людей, въ ужасѣ останавливалась я и спрашивала себя: какъ случилось то, что великая идея воспитанія, идея взращиванія и укрѣпленія лучшихъ сторонъ человѣка обратилась во что-то уродующее; свѣтлыя, великія мысли и имена, которыя мы несемъ въ школу, никнутъ и гибнутъ среди того мусора, въ который они попадаютъ?! Съ тяжелыми, мутными впечатлѣніями приходили къ намъ въ школу дѣти. Скудость жизни взрослыхъ людей уже наложила на души ихъ свой мертвый отпечатокъ, и первой задачей школы, казалось, должно бы было явиться стремленіе освободить ихъ отъ этихъ впечатлѣній.

Кѣмъ бы ты хотѣла быть, когда вырастешь? Что ты любишь больше всего? Что ты хотѣла бы имѣть? Эти и другіе подобнаго же рода вопросы пробовала я предлагать дѣвочкамъ приготовительнаго класса, дѣвочкамъ 7—9 лѣтъ. И вотъ отвѣты: —«Я хотѣла бы быть М. М. (называется имя франтихи учительницы), у нея всегда такія красивыя платья». Подумавъ,—«нѣтъ, я хотѣла бы быть начальницей гимназіи, потому что у нея казенная квартира». Ребенокъ изъ зажиточной семьи, незнающей нужды, отвѣчаетъ: «Я хотѣла бы быть кассиромъ, потому что у него всегда много денегъ». Хотятъ быть докторомъ, опять таки потому, что можно много зарабатывать денегъ, учителемъ, потому что «онъ всѣхъ можетъ наказывать, а его никто», и т. д. Что ты любишь, чего ты хочешь? «Мнѣ все равно». Обычный отвѣтъ—«Ничего».

За всѣ годы своего учительства, сталкиваясь съ домашней

жизнью учениц. я знала только 3—4 хороших семьи, съ благопріятными условіями для развитія ребенка. Я знала интеллигентныя семьи, гдѣ на стѣнѣ для дѣтей висѣла плетка; гдѣ отецъ при дѣтяхъ заставлялъ жену разстегивать ботинки своимъ любовницамъ. Въ V кл., напримѣръ, были ученицы, которыя хвалились передъ своими подругами тѣмъ, что онѣ ничего сами для себя не дѣлаютъ, а за нихъ дѣлаетъ все прислуга, сами же онѣ даже не знаютъ, какъ стелятся постели. Одна изъ такихъ «аристократокъ», ломаясь, ибо нельзя же предположить этого въ дѣйствительности, говорила, что она никакъ не можетъ понять: отчего носовые платки пахнутъ духами и объяснила это тѣмъ, что ихъ стираютъ въ одеколонѣ. Къ своимъ подругамъ изъ семей простолюдиновъ эти дѣвочки относились съ нѣкоторою брезгливостью, были даже такія, что не здоровались съ ними за руку. Большая часть учащихся жила дома неуютной, некрасивой жизнью. Обыкновенно, въ одной комнатѣ помѣщалось двое-трое подростковъ, гдѣ-нибудь въ уголкѣ стоялъ столикъ, заваленный учебниками, а по сторонамъ его тянулись желѣзныя простыя кроватки. На стѣнахъ чаще всего висѣли или какое-нибудь зеркало, перекашивающее все отражаемое, или дешевые портреты государей. Люди вокругъ жили дневными заботами, направленными на добываніе хлѣба или, если былъ онъ, то на добываніе платья. мебели лучше, чѣмъ у другихъ. Никакихъ другихъ потребностей подростки вокругъ себя не видѣли, и сами ихъ не ощущали.

Въ VII кл. разъ съ удивленіемъ спросили, почему правительство Франціи вело борьбу съ прессою? Когда я объяснила значеніе печати, ея цѣли, то послѣдовалъ вопросъ: «Да что же могутъ сдѣлать нѣсколько писателей?» «За писателями стоятъ ихъ читатели»—отвѣтила я. «Да кто же читаетъ газеты и журналы?»—спросили меня опять. На этотъ разъ мнѣ было очень трудно отвѣтить.

Однажды нѣсколько восьмиклассницъ упрекали меня за непониманіе ихъ.

«Вы указываете намъ на нашу вялость»,—говорили онѣ, «на отсутствіе какихъ-либо умственныхъ интересовъ. Но развѣ мы можемъ быть иныя? Мы сами иногда удивляемся тому, что намъ ничего не хочется, ничто насъ не интересуетъ. Но что дѣлать противъ этого? Когда вы говорите о жизни, въ которой люди борются, отстаиваютъ то или другое, о жизни, захватывающей человѣка и интересной, мы не вѣримъ вамъ. Намъ кажется, что такая жизнь есть только въ книгахъ, въ дѣйствительности же ея быть не можетъ. Вокругъ себя мы видимъ только одинаковыхъ, очень похожихъ другъ на друга людей, которые на нашихъ глазахъ живутъ такъ же скучно, какъ и мы. Гдѣ же тѣ другіе люди и другая жизнь?»

Не только блескомъ отдаленнаго будущаго нельзя было ихъ поманить, но даже вопросы ближайшаго переустройства тѣхъ или иныхъ сторонъ жизни воспринимались вяло, безъ всякаго интереса. Дѣйствительность казалась прочной и незыблемой, и ни о какомъ будущемъ не думалось. Читала я какъ-то разъ въ старшихъ классахъ очень простую статейку «отъ сказки къ правдѣ», въ которой говорилось, какъ люди постепенно добились и ковра самолета, какъ читаютъ понемножку книжку всезнайку и приближаются къ совершенному устройству своей жизни. Заканчивалась эта статейка словами: «А все-таки до сказочныхъ временъ пока далеко». Я и спрашиваю послѣ чтенія: какъ вы думаете, господа, достигнетъ ли ихъ человѣкъ? наступятъ ли когда времена, что люди заживутъ сказочными владыками жизни?—Дружное «нѣтъ» было мнѣ отвѣтомъ. Когда мнѣ приходилось задавать темы для сочиненій «моя біографія», «кого или что любила я больше всего въ дѣтствѣ», то отвѣты на эти темы поражали бѣдностью своего содержанія. Приходилось провѣрять по 40—45 тетрадей, и рѣдко въ которой при отвѣтѣ на первую тему не говорилось, что въ дѣтствѣ били. Какихъ-нибудь яркихъ воспоминаній о дѣтствѣ нѣтъ, чаще всего первымъ запомнившимся событіемъ является поступленіе въ школу. Въ школу большинство изъ нихъ хотѣло попасть, рвалось въ нее, но затѣмъ школа быстро надоѣдала имъ всѣмъ. Отъ всѣхъ почти работъ вѣетъ долголѣтней скукой и вся жизнь бѣдна и чахла.

Когда заходила рѣчь о трудѣ, объ обязанностяхъ, то эти понятія признавались всѣми, какъ что-то очень непріятное, но тѣмъ не менѣе неизбѣжное, и. ч. иначе нельзя, надо хлѣбъ ѣсть. Никакихъ другихъ стимуловъ для работы не признавалось. «Ну, а если бы вамъ хлѣбъ давали, неужели же вы тогда никогда ничего не дѣлали?»—Смѣются. На урокѣ исторіи объясняю указъ «о вольности дворянства». Говорила, конечно, о томъ, что послѣ этого указа дворяне по своему личному желанію могли служить и не служить, работать и не работать для государства. Объясняю и спрашиваю: а какъ вы думаете, всякій ли человѣкъ, если ему предложатъ работать и не работать, пожелаетъ не работать? Согласнымъ хоромъ, свидѣтельствующемъ о глубинѣ чувства, отвѣтили мнѣ дѣвочки—«всякій». Видно, прочно усвоили онѣ, что трудъ это тяжелый путь къ хлѣбу и ничѣмъ инымъ быть не можетъ. И съ такимъ отношеніемъ къ жизни, къ труду мы въ средней школѣ совершенно не считались, а прямо начинали насаждать въ головы своихъ питомцевъ знанія по исторіи, литературѣ, математикѣ и т. д. И вотъ, въ результатѣ получалось, что эти знанія, пришедшія извнѣ, совершенно не затрагивали подлинной жизни человѣка и она оставалась такой же первобытной, какой была и до начала

ученія. И чѣмъ больше кто нибудь предавался этой учебѣ, тѣмъ меньше росъ духовно. Вотъ чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что такъ называемыя лучшія ученицы, въ большинствѣ случаевъ, были совершенно неразвитыми дѣвочками.

Когда я начала заниматься во второй гимназіи, то попросила ученицъ V кл. дать мнѣ списокъ прочитанныхъ ими книгъ. Эти списки поразили меня своею пестротою и содержаніемъ. Преобладающую роль надо отвести произведеніямъ Чарской, ее читали почти всѣ. а рядомъ съ ея произведеніями стоятъ «Бурсакъ» Нарѣжнаго. «Слаще яда» Сологуба. Спрашивала потомъ: какая же книга интереснѣе показалась? Отвѣтъ гласитъ: всѣ книги интересныя. Но если попросить разсказать содержаніе, его не помнятъ. Рядомъ стоятъ «Княжна Мэри» и «княжна Джеваха», мелькаютъ имена Вербицкой, Нагродской. рядомъ съ ними Винниченко, Достоевскаго, Тургенева, преобладаютъ. однако, первыя. Прочитали мы какъ то «Митюха—учитель» Дмитріевой, начали говорить объ этомъ разсказѣ и больше всего насъ смутилъ вопросъ о томъ, что-же будетъ, если мужики учиться будутъ, кто же тогда будетъ работать? Долго бились мы надъ этимъ, и все выходило, что ученье вещь опасная.

Въ сторонѣ отъ этой общей жизни, какъ и въ N, стояли отдѣльныя личности. Съ недоумѣніемъ и тоской въ молодыхъ глазахъ глядѣли онѣ вокругъ себя, ходили чужія и потерянныя среди своихъ сверстницъ и среди старшихъ людей, пришедшихъ ихъ учить. Сами онѣ медленно и трудно учились жизни, а все то, чему ихъ учили, тянуло ихъ внизъ.

Въ годы своего учительства, глядя на убожество однихъ, на безсознательную гибель другихъ, я часто вспоминала слова Евангелія: «горе вамъ вожди, слѣпые, оцѣживающіе комара, а верблюда поглощающіе». Горе намъ, вождямъ такимъ, ибо мы такіе.

Мы учимъ грамотѣ, ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и многому другому, но мы забываемъ личность ребенка, не заботимся о ней и даже давимъ своимъ ученьемъ личность, и безъ того сдавленную гнетомъ современной жизни. Цѣною гибели человѣческой личности мы насаждали свои жалкія знанія по предметамъ гимназическаго курса. Сейчасъ много говорятъ о реформѣ школы, но я не повѣрю въ нее, пока не увижу реформы всей жизни, ибо духъ современной школы — духъ нашего всеобщаго измельчанія и нищенства. Не въ программахъ и срокахъ каникулъ успѣхъ образованія, нужно, чтобы сильнѣе бился пульсъ жизни, чтобы люди хотѣли жить радостно. Нужно, чтобы появились люди съ большими требованіями къ жизни, люди, умѣющіе любить и отстаивать любимое, только такіе люди смогутъ создать лучшую школу, раздуть въ яркое пламя огоньки молодыхъ сердецъ.

А. Селиванова.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

«Константинополь долженъ быть *нашъ*, завоеванъ ***нами***, русскими, у турокъ, и остаться нашимъ на вѣки. Однимъ намъ онъ долженъ принадлежать... Ибо что такое Восточный вопросъ? Восточный вопросъ есть въ сущности своей разрѣшеніе судебъ православія. Судьбы православія слиты съ назначеніемъ Россіи... Восточный вопросъ вовсе не славянофилами выдуманъ, да и никѣмъ не выдуманъ, а самъ родился, и уже очень давно — родился раньше славянофиловъ, раньше насъ, раньше васъ, раньше даже Петра Великаго и Русской имперіи. Родился онъ при первомъ сплоченіи великорусскаго племени въ единое русское государство, т. е. вмѣстѣ съ царствомъ Московскимъ. Восточный вопросъ есть исконная идея Московскаго царства, которую Петръ Великій призналъ въ высшей степени и, оставляя Москву, перенесъ съ собой въ Петербургъ».

Но къ чему эти цитаты изъ стараго «Дневника Писателя» Достоевскаго? Развѣ нѣтъ теперь объясненій русской тяги къ Константинополю болѣе разумныхъ, болѣе «современныхъ»? Согласенъ, что есть—есть даже гораздо болѣе современные «дневники». Но, не говоря объ этихъ послѣднихъ, «современныя» объясненія нашей любви къ древней Византіи (какъ бы это выразиться повѣжливѣе) не стоятъ на двухъ ногахъ. Говорятъ, Россіи необходимъ *выходъ* къ свободному морю. Но почему же искать этотъ выходъ на югѣ, а не на западѣ? Балтійское море, казалось бы, честью будетъ Чернаго повыше—хотя бы потому уже, что на берегахъ Балтійскаго стоитъ русская столица, нынѣ ставшая истинно-русскою, а на берегахъ Чернаго—всего только крамольная Одесса, которой не могли сдѣлать истинно-русскимъ городомъ семь градоначальниковъ, вооруженныхъ мѣрами самой чрезвычайной охраны. Въ то же время, Балтійское море соединено съ океаномъ (или его заливомъ, Сѣвернымъ моремъ) цѣпью проливовъ, изъ которыхъ самый важный, Зундъ, не шире четырехъ верстъ. Однимъ берегомъ этотъ проливъ принадлежитъ, правда, дружественной Даніи (но что значитъ дружба въ наши коварные дни? развѣ Николай I не былъ лучшимъ другомъ Турціи?)—другой же въ рукахъ Швеціи, дружественность которой, употребляя самыя дипломатическія выраженія, сомнительна. А на четыре версты

умѣли стрѣлять даже старыя гладкостѣнныя пушки, не то, что, теперешнія. Словомъ, Зундъ «не нашъ» нисколько не менѣе, чѣмъ Босфоръ. Почему же существуетъ константинопольскій вопросъ, а нѣтъ копенгагенскаго? Если смотрѣть съ точки зрѣнія «выхода къ свободному морю», разумѣется—Боже насъ сохрани, ссорить Россію съ Даніей; это тѣ, кто ищетъ «выхода», наводятъ на такія крамольныя мысли. Мы же къ этимъ крамольнымъ мыслямъ не можемъ присоединиться, хотя бы по одному тому, что никакъ не въ силахъ понять, почему Средиземное море—*свободное*? Свободнымъ моремъ называется такое, изъ котораго плыви, куда хочешь. Можно ли изъ Средиземнаго моря плыть, куда хочешь? Съ позволенія Англіи, да—безъ этого позволенія, нѣтъ, ибо оба выхода изъ Средиземнаго моря,—Гибралтарскій проливъ и Суэзскій каналъ,—находятся въ рукахъ Англіи. Не будемъ обсуждать вопроса, вѣченъ русско-англійскій союзъ 1914 г., или нѣтъ: этотъ вопросъ, по теперешнимъ временамъ, деликатный и, къ тому же, совершенно безплодный, въ данномъ случаѣ. Ясно, что оба узенькихъ прохода, соединяющихъ Средиземное море съ океаномъ, всегда будутъ, фактически, въ рукахъ *сильнѣйшей* морской державы даннаго времени. Сейчасъ этой сильнѣйшей морской державой является, безспорно, Англія. Но проливы пріобрѣтаются не на годъ, и не на десять лѣтъ, а навсегда. Можно ли предсказать, не будучи человѣкомъ боговдохновеннымъ, какая держава будетъ «самой сильной на морѣ», ну, хотя бы, черезъ двадцать пять лѣтъ?

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Какой вы, однако, пессимистъ, скажутъ. То вы инсинуируете, что русско-шведская дружба непрочна—то, что морская мощь Англіи не вѣчна. Все это буква буки, можетъ быть, это сбудется, можетъ быть, нѣтъ. Намъ важно имѣть «ключъ отъ собственнаго дома», въ обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ—въ условіяхъ status quo. Намъ нужно, чтобы мы въ мирное время могли провозить черезъ Босфоръ и Дардапеллы свои товары, не спрашиваясь какой то Турціи. А что во время войны насъ заблокируютъ тѣ, кто сильнѣе насъ на морѣ, это само собою разумѣется: экую новость отыскали!

* * *

Всего три года тому назадъ я ни за что не рѣшился бы написать того, что сейчасъ слѣдуетъ. Такъ велико мое уваженіе къ читателю, что я никогда не осмѣлился бы напоминать ему

объ учебникѣ Иловайскаго. Долженъ признаться, что три года тому назадъ я и не подозрѣвалъ, до чего это полезная книжка. Подумайте: благодаря ей, всякій гимназистъ можетъ знать то, что, по всей видимости, неизвѣстно «почти государственнымъ людямъ», выступающимъ съ рѣчами о Константинополѣ на трибунѣ Государственной Думы. Правда, есть большія основанія думать, что «почти государственные люди»[1] нѣсколько лукавятъ: сами-то они знаютъ русскую исторію достаточно хорошо, но они разсчитываютъ, во-первыхъ, на силу забвенія, столь спасительную для гимназистовъ, а, во-вторыхъ, на всѣмъ извѣстную стыдливость русскаго обывателя. Если кто и не позабылъ еще совсѣмъ Иловайскаго, постыдится вспомнить. И вотъ—надо же кому-нибудь взять на себя бремя стыда! Я осмѣливаюсь напомнить, что Иловайскій, скрывъ отъ читателей обстоятельства кончины императоровъ: Петра III и Павла I, не скрылъ, однако, отъ нихъ, что 2 сентября 1829 г. былъ заключенъ Адріанопольскій миръ, предоставившій русскимъ торговымъ судамъ свободное плаваніе черезъ Босфоръ и Дарданеллы на все будущее время. *Въ обычныхъ мирныхъ условіяхъ, въ условіяхъ* status quo, *русскіе уже почти девяносто лѣтъ могутъ свободно и безпрепятственно возить свои товары черезъ проливы, не спрашиваясь турокъ.*[2] Оставалось установить *санкцію.*

---

[1] Опредѣленіе, данное, какъ извѣстно, газетой L'Humanité г. Милюкову.

[2] Объ этомъ уже упоминалось на страницахъ «Лѣтописи» (см. *мартъ*, стр. 189). Для ясности приводимъ соотвѣтствующую, *седьмую*, статью трактата:

«Высокая Порта сверхъ того (т. е. уваженія общаго принципа свободы торговли, о чемъ говорилось въ трактатѣ передъ этимъ) обязуется, въ частности, тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы торговля и мореплаваніе въ Черномъ морѣ не могли встрѣтить никакой задержки, какого бы то ни было рода. Съ этою цѣлью, она (Порта) признаетъ и объявляетъ проходъ черезъ Константинопольскій каналъ (т. е. Босфоръ) и черезъ Дарданелльскій проливъ вполнѣ свободнымъ и открытымъ для русскихъ судовъ подъ торговымъ флагомъ, груженныхъ или съ балластомъ, идутъ ли они изъ Чернаго моря въ Средиземное, или изъ Средиземнаго въ Черное. Эти корабли, разъ только это будутъ торговыя суда, каковы бы ни были ихъ размѣры и ихъ назначеніе, не будутъ подвергаться никакимъ задержкамъ или безпокойствамъ, какъ установлено выше... Въ силу того же принципа проходъ черезъ Константинопольскій каналъ и Дарданелльскій проливъ объявляется свободнымъ и открытымъ для всѣхъ торговыхъ судовъ державъ, находящихся въ мирѣ съ Высокой Портой, идутъ-ли они въ русскіе порты Чернаго моря, груженные или съ балластомъ, или возвращаются изъ нихъ, на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены для кораблей подъ русскимъ флагомъ. — Наконецъ, Высокая Порта, признавая за Россійскимъ Императорскимъ дворомъ право обезпечить себѣ эту полную свободу торговли и плаванія въ Черномъ морѣ гарантіями, торжественно объявляетъ, что съ ея стороны никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ ни малѣйшаго препятствія (этой торговлѣ). Въ особенности она обѣщаетъ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не позволять впредь останавливать или задерживать суда, груженныя или

Собственно, эта санкція содержится въ заключительномъ абзацѣ приведенной статьи адріанопольскаго трактата: но средство, здѣсь предусматриваемое—война или, по крайней мѣрѣ, блокада—слишкомъ громоздко. Не мобилизовать же черноморскій флотъ изъ-за каждой мелкой придирки турокъ къ русскимъ торговымъ судамъ! Но не слѣдуетъ думать, что затрудненіе было непреодолимо—напротивъ, преодолѣть его было до чрезвычайности легко. Дѣло въ томъ, что въ свободномъ плаваніи черезъ проливы заинтересованъ не только русскій торговый флотъ, и даже не онъ на первомъ мѣстѣ. Въ 1909—10 г. (турецкій отчетный годъ не совпадаетъ съ нашимъ) прошедшія черезъ Дарданеллы суда по національности распредѣлялись такъ:

	Число судовъ.	Тоннажъ (тыс. тоннъ).	% (тоннъ).
Англія	3.646	6.923	41,7
Греція	4.048	2.936	17,7
Австро-В.	788	1.524	9,2
Россія	719	1.151	7,0
Италія	657	958	5,8
Германія	369	671	4,0
Франція	498	584	3,5

Итакъ, Англія, Греція и Австрія заинтересованы въ открытіи проливовъ, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ Россія; Италія, Германія и Франція—немногимъ меньше. Казалось бы, великолѣпная почва для *международнаго соглашенія* относительно проливовъ. И юридическій образецъ налицо: Суэзскій каналъ, въ моментъ своего открытія, лежалъ обоими своими берегами на турецкой территоріи. Стоило объявить про-

съ балластомъ, русскія или принадлежащія странамъ, съ которыми оттоманская имперія не находится въ состояніи объявленной войны... Въ случаѣ же, отъ чего Боже сохрани, какое либо изъ постановленій, содержащихся въ настоящей статьѣ, будетъ нарушено, и представленія россійскаго посланика по этому поводу не получатъ скораго и полнаго удовлетворенія, В. Порта заранѣе признаетъ за росс. имп. дворомъ право разсматривать подобное нарушеніе, какъ актъ враждебный, и немедленно прибѣгнуть къ репрессаліямъ по отношенію къ оттоманской имперіи» (Norddounghian, Remeil d'actes internationaux de l'empire ottoman, II, 170). Я перевелъ французскій текстъ, такъ какъ только онъ имѣетъ международное значеніе и обязателенъ для Турціи. Въ упомянутой статьѣ «Лѣтописи» была ссылка и на Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 г. — ссылка совершенно правильная, ибо *принципіально* открылъ проливы для русской торговли именно онъ. Къ сожалѣнію, Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ редактированъ русскими дипломатами чрезвычайно туманно, повидимому, нарочно, чтобы использовать эту туманность противъ турокъ: на дѣлѣ этимъ воспользовались сами турки, нашедшіе въ договорѣ цѣлый рудникъ мелкихъ придирокъ Такъ что *фактическая* свобода проливовъ для русской торговли датируется только 1829 годомъ.

ливы, подобно Суэзскому каналу, дорогой международнаго значенія—и всякая опасность блокады, по злому умыслу Турціи, была бы устранена. Въ литературѣ международнаго права этотъ проектъ и разрабатывался [1]. Но русскіе дипломаты интересовались этимъ проектомъ меньше всего на свѣтѣ. Только разъ (въ сань-стефанскомъ трактатѣ 1878 г.) была сдѣлана попытка объявить Дарданеллы и Босфоръ открытыми, для нейтральныхъ судовъ, даже въ случаѣ русско-турецкой войны. Но на Берлинскомъ конгрессѣ русская дипломатія, въ этомъ пунктѣ, не стала настаивать: вопросъ о черногорской границѣ былъ куда важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ: послѣ 1829 года «дверь отъ собственнаго дома» постоянно стояла открытой,—чего ужъ было хлопотать о ключѣ?

Но это въ мирное время, скажетъ читатель, а вдругъ война? Но, вѣдь, вы же сами согласились, дорогой читатель, что въ случаѣ войны насъ все равно заблокируютъ. И при этомъ все равно заблокируютъ, будутъ ли проливы въ нашихъ собственныхъ рукахъ, или въ турецкихъ. Для флота болѣе сильнаго, чѣмъ русскій, такъ же легко запереть южный выходъ изъ Дарданеллъ, какъ туркамъ—запереть сѣверный выходъ изъ Босфора. Нужно это твердо помнить: переходъ въ руки Россіи проливовъ гарантируетъ ее только на случай войны съ Турціей, только съ нею одной, безъ союзниковъ. Стоитъ туркамъ найти морского союзника, какъ бы онъ ни назывался, и «дверь отъ собственнаго дома» будетъ такъ же прочно заперта, какъ и раньше. Правда, будетъ заперта дверь внизу лѣстницы, а не дверь въ переднюю: но кто же пользуется дверями, чтобы сидѣть на своей собственной лѣстницѣ? Дверь нужна, чтобы можно было выйти изъ дому. А этого—съ точки зрѣнія русскаго *экономическаго* развитія—легче достигнуть путемъ *нейтрализаціи* проливовъ, чѣмъ путемъ обладанія ими. [2]

Итакъ? Итакъ, экономическое объясненіе, даваемое стремленію Россіи на берега Босфора «почти государственными людьми», оказывается неимѣющимъ почти никакого касательства къ истинѣ. Его приходится принять лишь, какъ комплиментъ «историческому матеріализму» со стороны его наиболѣе непримиримыхъ противниковъ. Правду писалъ Булгаковъ, что «ни одна еще историческая эпоха не склонна была въ большей степени ощущать міръ, какъ хозяйство». Мода, значитъ, такая. Но портной рѣдко ходитъ въ модномъ платьѣ, и намъ, историческимъ матеріалистамъ по профессіи, не стоитъ гнаться за «почти государственными людьми». Намъ, по правдѣ сказать, начинаютъ сильно надоѣдать упрощенно-экономическія объ-

[1] Въ книгѣ *Жихарева* «Русская политика въ восточномъ вопросѣ». Ср. Michof. La mer Noir et les ditroits de Constantinople. Paris 1899.

[2] См. объ этомъ подробнѣе въ цитиров. статьѣ «Лѣтописи», стр. 189-190.

леченія (вродѣ, напримѣръ, того, что слухи о войнѣ пускаютъ пушечные заводчики). Все чаще и чаще мы вспоминаемъ слова Энгельса, что экономика объясняетъ исторію лишь *въ конечномъ счетѣ.* А такъ какъ въ конечномъ-то счетѣ экономически можетъ быть объяснено все, не исключая и православія, то— не поискать ли намъ, какой историческій (и, можетъ быть, даже экономическій), фактъ отразила собою схема Достоевскаго?

* * *

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта схема весьма далека отъ какихъ бы то ни было фактовъ. «Восточный вопросъ есть исконная идея московскаго царства», говоритъ Достоевскій. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ эту мысль еще опредѣленнѣе.

«Итакъ, во имя чего же, во имя какого *нравственнаго* права могла бы искать Россія Константинополя? Опираясь на какія высшія цѣли могла бы требовать его отъ Европы? А вотъ именно— какъ предводительница православія, какъ покровительница и охранительница его,—роль, предназначенная ей еще съ Ивана III, поставившаго въ знакъ ея и царьградскаго двуглаваго орла выше древняго герба Россіи...» Конечно, о «древнемъ гербѣ Россіи» мы ничего не знаемъ—его и не могло быть, ибо въ предшествующую Ивану III эпоху будущая «Россія» не представляла собою одного цѣлаго, а была раздѣлена на множество мелкихъ государствъ. Достоевскій, вѣроятно, вспомнилъ, что Иванъ замѣнилъ двуглавымъ орломъ старый *московскій* гербъ—Георгія Побѣдоносца, который теперь можно видѣть на шапкахъ московскихъ городовыхъ. Но гербъ Москвы не есть гербъ Россіи, точно также, какъ гербъ Парижа не есть гербъ Франціи. Это мелочь—но, къ сожалѣнію, и въ крупномъ Достоевскій не точнѣе, чѣмъ въ мелочахъ. Это вѣрно, что при Иванѣ III московское царство (еще не Россія! Достоевскій, вѣроятно, считалъ Кіевъ русскимъ городомъ—а не только Кіевъ, но и Смоленскъ лежалъ еще за предѣлами державы Ивана III) взяло на себя роль покровителя, охранителя—и предводителя православія. Но изъ этого отнюдь не слѣдовало, что московскіе цари должны были стремиться къ матеріальному обладанію настоящимъ Царьградомъ, тѣмъ, который стоитъ у выхода изъ Босфора въ Мраморное море. Русскимъ книжникамъ, вырабатывавшимъ идеологію всемірнаго православнаго царства, нуженъ былъ не этотъ реальный Царьградъ, а Царьградъ мистическій, православнѣйшій городъ вселенной, искать который на картѣ было бы также странно, какъ искать на ней земной рай. Онъ былъ тамъ, гдѣ краше всего цвѣтетъ православіе, гдѣ на его непорочной бѣлизнѣ нѣтъ ни единаго пятнышка ереси. Въ такомъ именно незапятнанномъ видѣ было православіе въ Москвѣ—она и

была *третьимъ Римомъ.* Константинополь же, наоборотъ, оттого и погибъ, попалъ въ руки безбожныхъ асорянъ, что запятналъ себя ересью, подчинившись власти римскаго папы. (Флорентійская унія 1439 г.). Великому русскому мистику девятнадцатаго вѣка было далеко до его предшественниковъ шестнадцатаго, и если бы поставить Достоевскаго на очную ставку со старцемъ Филоѳеемъ, плохо пришлось бы автору «Преступленія и Наказанія».

Идея крестоваго похода на турокъ для отнятія у нихъ Константинополя есть идея не православная, а *католическая.* По своему происхожденію она тѣсно связана съ тою самой флорентійской уніей, которая въ глазахъ православныхъ москвичей была такимъ великимъ грѣхопаденіемъ грековъ. Именно потому византійская церковь и пошла подъ папское иго, что это казалось единственнымъ возможнымъ средствомъ получить вооруженную помощь Западной Европы, при посредствѣ папы. Надежда была обманута—Византія отстала, въ своихъ представленіяхъ о Западной Европѣ на три столѣтія. Папы пятнадцатаго вѣка оказались не въ силахъ повторить подвиги папъ одиннадцатаго вѣка — Европа не встала крестовымъ походомъ на турокъ. Но папство честно исполняло принятое на себя обязательство—и паденіе Константинополя только усилило католическую пропаганду крестоваго похода. Мало успѣшная на западѣ, пропаганда эта была явно болѣе успѣшна на Востокѣ Европы, въ Венгріи и въ Польшѣ, гдѣ лучше чувствовалась турецкая опасность. Когда появилась на политической сценѣ Москва, это возбудило величайшія надежды. Желаніе Ивана III породниться съ византійскимъ царскимъ домомъ, проживавшимъ въ изгнаніи, было сейчасъ же подхвачено римской куріей и использовано для цѣлей крестоносной пропаганды. Успѣхъ казался такъ несомнѣненъ, что византійскую принцессу Зою (будущую московскую царицу Софію Палеологъ) снабдили деньгами на путевыя издержки изъ спеціальной кассы крестоваго похода. Ея свадьба съ великимъ княземъ московскимъ разсматривалась, какъ одно изъ подготовительныхъ военныхъ дѣйствій! Но Иванъ III готовилъ римской куріи жестокое разочарованіе. Хитрый московскій вотчинникъ желалъ, путемъ брака съ Зоей, прежде всего, сдѣлаться вотчинникомъ и всемірнаго православнаго царства: онъ и вселенское православіе не могъ мыслить иначе, какъ въ видѣ огромной вотчины. До конкретной вотчины его будущихъ родственниковъ, Константинополя съ его пригородами, Ивану III было мало дѣла: гораздо соблазнительнѣе были тѣ, тоже православныя, земли, которыя лежали на западѣ отъ Москвы, въ границахъ тогдашняго великаго княжества литовскаго. Характерно, что «проливы», въ извѣстномъ смыслѣ—и въ извѣстномъ масштабѣ, нужно

прибавить—были интересны для Москвы уже и въ XV вѣкѣ; черезъ крымскій Сурожъ (теперешнюю Ѳеодосію) въ Москву шли шелковыя ткани, а торговля ими была настолько важной, что «гости—сурожане» стояли въ первомъ ряду московскихъ купцовъ. Сурожская торговля нуждалась въ хорошихъ отношеніяхъ Москвы съ крымскимъ ханомъ— вассаломъ султана турецкаго, вліяніе же московской буржуазіи въ московскомъ царствѣ было гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Иванъ не только не собирался воевать съ султаномъ, но старался ради интересовъ своего купечества сблизиться съ султаномъ тѣснѣе, чѣмъ то было раньше. «Какъ мой человѣкъ Ѳедоръ былъ въ рукахъ у салтана турскаго, то ему говорили ваши большіе, господаря своего словомъ, что салтанъ турскій хочетъ со мною дружбы», писалъ Иванъ крымскому хану: «и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой дружбы со мною хочетъ Турскій?» Султанъ, черезъ хана же, отвѣтилъ: «Если государь московскій крымскому хану братъ, то будетъ и мнѣ братъ». Въ Римѣ были чрезвычайно плохо освѣдомлены о русско-турецкихъ отношеніяхъ. Если на безоблачное небо московско-турецкаго братства и налетали иногда облачка, то это бывало опять-таки въ связи съ тѣми же торговыми сношеніями: турецкія чиновники были злѣйшіе взяточники, и московскихъ купцовъ въ турецкихъ городахъ прямо грабили. Иванъ III писалъ по этому поводу жалобы въ Константинополь, но въ крайне вѣжливой формѣ, очевидно, отнюдь не желая ссориться; въ первой грамотѣ имя султана было поставлено прежде имени великаго князя—честь, которой не находили нужнымъ оказывать христіанскимъ сосѣдямъ московскаго государства. «Честь» султана, впрочемъ, и послѣ высоко расцѣнивалась при московскомъ дворѣ: ровнею для себя его соглашался признавать и Иванъ Грозный, тогда какъ претензіи шведскаго, напримѣръ, короля на равенство съ московскимъ царемъ признавались такъ отстоящими отъ мѣры, «какъ небо отъ земли».

Грозный былъ первымъ русскимъ царемъ, который, какъ будто поддался вліянію не устававшей римской пропаганды въ пользу крестоваго похода на турокъ. Онъ чрезвычайно обрадовалъ Римъ своимъ заявленіемъ готовности стать вмѣстѣ съ папою и императоромъ противъ турецкаго султана. Но Иванъ IV былъ не менѣе хитеръ, чѣмъ его дѣдушка: ему нужна была помощь папы не противъ султана, а противъ польскаго короля Стефана Баторія, который когда-то былъ турецкимъ вассаломъ по воеводству седмиградскому—что дѣлало его въ глазахъ Грознаго совершеннымъ туркомъ, и даже много хуже; много хуже, потому что турки были далеко, и вреда отъ нихъ не было, а Баторій стоялъ подъ Псковомъ. Въ Римѣ едва-ли не понимали своекорыстной подкладки крестоноснаго усердія, вдругъ вовла-

дѣвшаго московскимъ царемъ,—но, какъ люди практическіе рѣшили взять то, что есть. Въ Москву былъ отправленъ знаменитый Антоній Поссевино, при посредствѣ котораго и былъ заключенъ миръ съ Польшей. Послѣ этого, разумѣется, сейчасъ же оказалось, что московская армія слишкомъ утомлена войной, чтобы еще идти въ новый походъ. Римской куріи пришлось подождать, пока на московскомъ престолѣ оказался, волею случайностей, какихъ не выдумать ни одному бульварному романисту, настоящій католикъ. При Названномъ Димитріи (вѣроятно, скоро мы его будемъ называть просто Димитріемъ—теорія «самозванства» старѣетъ съ каждымъ поколѣніемъ историковъ) приготовленія къ походу на Царьградъ пошли такъ живо, какъ только можно было ожидать отъ этого человѣка, который былъ слишкомъ хорошимъ военнымъ, чтобы быть удовлетворительнымъ царемъ для своего времени. Именно въ этихъ приготовленіяхъ московскій народъ и усмотрѣлъ нѣчто еретическое—вмѣсто крестоваго похода костями будущаго крестоносца выстрѣлили по направленію къ Риму. Вслѣдъ затѣмъ, вопросъ о войнѣ съ Турціей сошелъ съ очереди московской политики до той поры, когда турки сдѣлались нашими сосѣдями по Украйнѣ, а московскій торговый капиталъ сталъ искать новыхъ дорогъ во всѣ стороны свѣта. Въ это время, во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, старая идеологія вселенскаго православія гибла на кострахъ съ послѣдними «расколоучителями». . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Секуляризованная Москва (дѣло было еще не въ Петербургѣ!) быстро обгоняла своихъ западныхъ учителей. Петръ охотно воевалъ съ турками (до прутскаго похода), но подводить его политику подъ категорію «крестоваго похода» было бы такъ же странно, какъ видѣть остатокъ крестоноснаго движенія въ экспедиціи Бонапарта въ Палестину.

Итакъ, что касается историческихъ фактовъ, доводы Достоевскаго являются, конечно, «неосновательными». Нужно сказать, что онъ не болѣе основателенъ и въ области фактовъ, ему современныхъ. Повѣрятъ ли читатели, что онъ надѣялся получить Константинополь—при помощи Германіи?! «Въ Европѣ есть Германія, и та на нашей сторонѣ». «Что Германіи дѣлить съ нами? объектъ ея—все западное человѣчество. Она себѣ предназначила западный міръ Европы, провести въ него свои начала, вмѣсто римскихъ и романскихъ началъ и впредь стать предводительницею его, а Россія она оставляетъ Востокъ. Два великіе народа такимъ образомъ предназначены измѣнить ликъ міра сего... Надо считать, что дружба Россіи съ Германіей нелицемѣрна и тверда и будетъ укрѣпляться чѣмъ дальше, тѣмъ больше, распро-

страняясь и укрѣпляясь постепенно въ народномъ сознаніи обѣихъ націй, а потому, можетъ быть, даже не было и момента для Россіи выгоднѣе для разрѣшенія Восточнаго вопроса окончательно, какъ теперь». («Дневникъ Писателя», 1877 годъ, *ноябрь*). Это кажется теперь бредомъ—но не нужно забывать, что въ возможность добыть Константинополь при помощи Германіи тогда вѣрилъ и глава россійской дипломатіи, кн. Горчаковъ. «Бисмаркъ заявилъ (будто-бы, гр. Шувалову), что для поддержанія нашихъ претензій Пруссія предоставитъ въ наше распоряженіе германскую армію», писалъ передъ началомъ русско-турецкой войны 1877 г. Горчаковъ русскому послу въ Берлинѣ, Убри [1]. Достоевскій бредилъ въ хорошей компаніи... А затѣмъ, не нужно придираться къ фактической аргументаціи Достоевскаго—важна *схема*, а она гораздо шире этой аргументаціи, въ своихъ основаніяхъ. Почему Германія поможетъ Россіи взять Константинополь? Потому что «истинному германцу болѣе всѣхъ ненавистенъ»—вы думаете, турецкій султанъ? Нѣтъ, «*соціализмъ*». Но какая же связь между борьбою противъ соціализма и отдачей Россіи Константинополя? Какъ же вы не знаете: вѣдь «соціализмъ есть чудовище, порожденное *католицизмомъ*». Теперь начинаете понимать? «Католичество умирать не хочетъ, соціальная же революція и новый соціальный періодъ въ Европѣ тоже несомнѣненъ: двѣ силы должны согласиться, два теченія слиться. Разумѣется, католичеству даже выгодна будетъ рѣзня, кровь, грабежъ и хотя-бы даже антропофагія. Тутъ-то оно и можетъ надѣяться поймать на крючокъ, въ мутной водѣ, еще разъ свою рыбу...» А противъ католицизма и его исчадій какого же Германія можетъ найти союзника надежнѣе, чѣмъ православная Русь? И Достоевскій заранѣе торжествуетъ, предвидя «предрѣшенную Бисмаркомъ судьбу Франціи»—въ его глазахъ воплощенія католицизма и соціализма одновременно. «Францію ждетъ судьба Польши и политически жить она не будетъ»...

Но оставимъ эту новую бредовую картину, попробуемъ резюмировать *логику* аргументаціи Достоевскаго, не придираясь къ фактамъ, которые онъ, счастливо или несчастливо, приводитъ для иллюстраціи своихъ мыслей. Что все это значитъ? Россія должна получить Царьградъ, дабы Бисмаркъ («единственный политикъ въ Европѣ, проникающій геніальнымъ взглядомъ своимъ въ самую глубь фактовъ») могъ справиться съ Франціей и соціализмомъ («соціализмомъ проѣдена Германія»). Это—программа новаго «священнаго союза», какъ и священный союзъ 1815 г. направленнаго противъ революціи, тогда «якобинской», теперь соціалистической, но воплощавшейся, и тогда, и теперь,

---

[1] См. *Горяинова* «Босфоръ и Дарданеллы», стр. 316 франц. перевода.

одинаково, во Франціи. Для 1815 года воплощеніе было выбрано удачнѣе, чѣмъ для 1877-го (не забудемъ, все-таки, что эти годы, конецъ 70-хъ, были весной республиканскаго Макъ-Магона и что у всѣхъ была еще въ свѣжей памяти коммуна)—но это опять литературная сторона дѣла: суть же его заключается въ томъ, что переходъ Константинополя въ руки Россіи являлся, для Достоевскаго, частью *общеевропейской реакціонной программы*. Въ этомъ, конечно, ея *отличіе* отъ программы 1815 г.: тогда Россіи, за ея услуги дѣлу реакціи, никто не думалъ отдавать въ награду Константинополь; напротивъ, фактическій вождь Священнаго союза, Меттернихъ, старался создать изъ этого союза непереходимую преграду между Россіей и Константинополемъ[1]. Но нужно сказать, что въ 1815 году найти реакціонеровъ было легко: если бы Бисмаркъ вздумалъ повторить Меттерниха, (что въ трезвую голову вождя прусскаго юнкерства никогда не пришло бы), ему пришлось-бы покупать себѣ союзниковъ болѣе дорогой цѣной. «Разсчетецъ» Достоевскаго былъ тоньше, чѣмъ съ перваго взгляда кажется. Но дѣло, опять-таки, и не въ цѣлесообразности программы Достоевскаго. Дѣло въ ея идеологической подкладкѣ. Его ассоціація: реакція—русскій Царьградъ, есть ли это что-нибудь одинокое въ литературѣ? Совсѣмъ нѣтъ. Эту тему развивалъ еще Погодинъ, въ своихъ «политическихъ письмахъ» 1854 года; очень близко къ этой темѣ подходилъ Данилевскій, авторъ «Россіи и Европы», въ концѣ 60-хъ гг. Очень близко, но не вплотную, все же: цитированная нами глава «Дневника Писателя» и посвящена дружеской полемикѣ именно съ Данилевскимъ (у котораго такъ много «превосходныхъ и вѣрныхъ разсужденій, напримѣръ, о томъ, что Константинополь, по изгнаніи турокъ, отнюдь не можетъ стать вольнымъ городомъ, вродѣ какъ, напримѣръ, прежде Краковъ, не рискуя сдѣлаться гнѣздомъ всякой гадости, интриги, убѣжищемъ всѣхъ заговорщиковъ всего міра, добычей жидовъ, спекулянтовъ и проч., и проч.»). Послѣдній, нѣсколько болѣе политическій человѣкъ и нѣсколько менѣе мечтатель, чѣмъ Достоевскій, не надѣялся, чтобы «Европа», которую онъ отъ всей души ненавидѣлъ, хотя бы даже въ образѣ Бисмарка, согласилась отдать Россіи Царьградъ въ единоличную собственность: онъ, поэтому, разсчитывалъ замаскировать главенство Россіи, предлагая сдѣлать Константинополь «общимъ городомъ всѣхъ восточныхъ народностей». Достоевскій, вѣрившій въ своего Бисмарка, не видѣлъ нужды въ подобномъ маскарадѣ, и возмущался имъ. Во всемъ

---

[1] Великолѣпный матеріалъ для освѣщенія этой стороны Священнаго союза даетъ, недавно опубликованная в. кн. Николаемъ Михайловичемъ переписка Меттерниха съ Лебцельтерномъ, австрійскимъ посломъ при Александрѣ I.

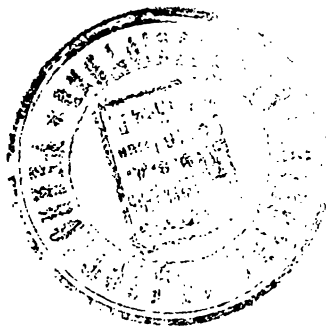
остальномъ оба оппонента были совершенно согласны—какъ можно видѣть по приведенной цитатѣ о судьбѣ Константинополя—вольнаго города. Что же касается реакціонности, то въ этой области Данилевскій, которому вскорѣ суждено было сдѣлаться почти офиціальнымъ идеологомъ Россіи Александра III (при Толстомъ и Деляновѣ «Россія и Европа» рекомендовалась, какъ настольная книга, всѣмъ студентамъ и преподавателямъ исторіи), конечно, не уступалъ автору «Братьевъ Карамазовыхъ». Самодержавная Россія стояла для него, какъ чистая дѣвственница, передъ запятнанною скверной всяческаго либерализма и демократизма Европой. Самодержецъ былъ для Данилевскаго не только полновластнымъ распорядителемъ судебъ своихъ подданныхъ: онъ былъ ихъ мозгомъ и сердцемъ, они думали его мыслями и двигались его волей. «Русскій народъ можетъ быть приведенъ въ напряженіе всѣхъ его нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, въ состояніе, которое мы называемъ *дисциплинированнымъ энтузіазмомъ*, — волею его государя, независимо отъ непосредственнаго возбужденія отдѣльныхъ единицъ—личностей, составляющихъ народъ, тѣмъ или другимъ интересомъ, событіемъ или вообще возбужденіемъ». Читатели, вы видали такую картину, не правда ли?

(Окончаніе слѣдуетъ)

М. Покровскій.

О ШЕЙЛОКѢ.

Къ зарожденію новой «русской» традиціи толкованія комедіи Шекспира.

«Поэту угодно было вывести фигуру, облаченную въ желтый плащъ зависти и безобразія.. Для безпристрастнаго читателя этой драмы не можетъ быть спора о томъ, что ея авторъ раздѣлялъ то мнѣніе о евреѣ Шейлокѣ, которое онъ высказываетъ устами Антоніо и его друзей».

Ѳ. Зѣлинскій. «Русск. Мысль», 1911 г. № 1.

«Шекспиръ изобразилъ евреевъ въ самомъ отрицательномъ и даже мрачномъ свѣтѣ. Въ этомъ смыслѣ передъ нами юдофобская пьеса, и отрицать это—значитъ, спорить противъ очевидности».

А. А. Смирновъ. «Сѣв. Зап.», 1916 г. № 4—5.

«Когда я смотрѣлъ эту пьесу въ Дрюриленскомъ театрѣ, позади меня, въ ложѣ, стояла красивая британка, сильно плакавшая въ концѣ четвертаго акта и неоднократно повторявшая: the poor man is wronged («съ бѣднымъ человѣкомъ поступаютъ несправедливо»). Я никогда не могъ забыть этихъ большихъ и черныхъ глазъ, плакавшихъ о Шейлокѣ...

Въ Шейлокѣ Шекспиръ, несмотря на рѣзкую каррикатуру, высказалъ оправданіе несчастной сектѣ, на которую Промыселъ, по какимъ-то таинственнымъ причинамъ, обрушилъ ненависть низшихъ и высшихъ слоевъ общества, и которая не всегда хотѣла платить за такую ненависть любовью... Право, за исключеніемъ Порціи, Шейлокъ самая почтенная фигура во всей пьесѣ».

Гейне. «Дѣвушки и женщины Шекспира».

«Все сочувствіе зрителя направлено именно въ сторону этого человѣка, слывущаго за воплощенное зло». **Голла Кенъ.**

Въ связи съ трехсотлѣтіемъ со дня смерти Шекспира и постановкой въ Императорскихъ театрахъ комедіи «Венеціанскій купецъ» освѣжился интересъ къ имѣющему обширную литературу вопросу о томъ, какъ относился къ еврею Шейлоку Шекспиръ и съ какими намѣреніями вывелъ на сцену мрачную фигуру ростовщика, настаивающаго на своемъ правѣ вырѣзать у несостоятельнаго должника фунтъ мяса. Взглядъ

Гейне, такъ остроумно-блестяще и аргументированно ставшаго въ своей извѣстной статьѣ на сторону Шейлока съ категорическимъ утвержденіемъ, что «Шекспиръ написалъ бы сатиру на христіанство, если бы выставилъ его представителями тѣхъ лицъ, которыя такъ враждебно настроены противъ Шейлока, но сами едва достойны развязать ремень у его обуви», — сталъ усиленно въ послѣднее время оспариваться въ русской литературѣ, стремящейся во что бы то ни стало навязать Шекспиру антисемитизмъ. Въ своей статьѣ «Венеціанскій купецъ» и «Кольцо Нибелунговъ», напечатанной пять лѣтъ тому назадъ въ «Русской Мысли», Зѣлинскій опредѣленно говоритъ, что Шекспиръ свое мнѣніе о Шейлокѣ высказываетъ устами Антоніо и его друзей. Глаголъ же устъ Антоніо и его друзей мы знаемъ изъ произведенія Шекспира:

«Я и теперь готовъ тебя назвать
Собакою и точно такъ же плюнуть
Въ твое лицо, и дать тебѣ пинка.
. . . .
То слѣдуетъ тебя повѣсить, жидъ,
На счетъ казны».

Взглядъ настолько опредѣленный, что не очень нуждается въ особыхъ комментаріяхъ.

Теперь на ту же точку зрѣнія сталъ въ «Сѣв. Зап.» въ статьѣ «Тайный голосъ Шекспира» А. А. Смирновъ, считающій, что отрицать юдофобскій характеръ пьесы — значитъ, спорить противъ очевидности. Повидимому, мы присутствуемъ при зарожденіи новой «русской» традиціи толкованія «Венеціанскаго купца» въ лицѣ двухъ авторитетныхъ профессоровъ, голосъ которыхъ не можетъ не родить отклика, какъ въ литературѣ, такъ и на сценѣ. Мимо этого толкованія пройти нельзя. Къ нему надо внимательно прислушаться и разобраться въ той тяжелой артиллеріи, которая выдвигается противъ Гейне и другихъ толкователей Шекспира.

Наврядъ-ли есть нужда возобновлять въ памяти читателей содержаніе комедіи Шекспира, которая и такъ достаточно извѣстна. Мы возстановимъ лишь, для большей ясности дальнѣйшаго изложенія, вкратцѣ основную фабулу въ части, касающейся Шейлока. Живетъ въ Венеціи нѣкій молодой Бассаніо, являющійся, по словамъ Зѣлинскаго, типичнымъ представителемъ блестящей, столь любезной сердцу русскаго критика, эпохи Возрожденія, для которой исключительная цѣнность жизни — радость: «все отдай для радости».

По менѣе же восторженной и болѣе соотвѣтствующей ходу пьесы характеристикѣ Гейне, Бассаніо типичный fortune hunter», беретъ деньги въ долгъ, чтобы нарядиться пороскошнѣе и добыть богатую невѣсту, жирное приданое, ибо, — говоритъ онъ своему другу:

«Антоніо, не безызвѣстно вамъ,
Какъ сильно я дѣла свои разстроилъ,
Живя пышнѣй, чѣмъ позволяли мнѣ
Мои совсѣмъ неважные рессурсы.
Я не скорблю о томъ, что не могу
Жить долѣе такъ весело и пышно,
Но главная забота у меня —
Какъ выплатить долги мои большіе,
Въ которые я мотовствомъ своимъ
Былъ вовлеченъ».

Правъ-ли Зѣлинскій или Гейне въ моральной оцѣнкѣ Бассаніо—мы сейчасъ рѣшать не будемъ. Для насъ важенъ лишь тотъ фактъ, что Бассаніо, для того, чтобъ поѣхать свататься къ богатой невѣстѣ, въ ожиданіи которой онъ сидитъ безъ гроша, нуждается въ деньгахъ, за которыми онъ, при помощи своего друга Антоніо, обращается къ еврею Шейлоку. Тотъ даетъ деньги *безъ процентовъ*, при странномъ условіи: въ случаѣ неуплаты въ срокъ, ему предоставляется право вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса. Между договоромъ и срокомъ другъ Бассаніо, Лоренцо, со своими товарищами похищаетъ въ отсутствіи Шейлока его дочь Джессику и большую долю червонцевъ и драгоцѣнностей. Когда срокъ уплаты по векселю приходитъ, и деньги Шейлоку не внесены, онъ настаиваетъ на своемъ правѣ, по точному смыслу закона, вырѣзать фунтъ мяса, но судъ, основываясь на томъ, что Шейлокъ, имѣя право на фунтъ мяса, не выговорилъ себѣ крови и не вправѣ пролить ни одной ея капли, — грозитъ Шейлоку за пролитіе ея смертной казнью. Когда же Шейлокъ вынужденъ отказаться отъ иска, судъ, толкуя условіе Шейлока, какъ покушеніе на жизнь христіанина, приговариваетъ его къ смертной казни и дарить ему жизнь лишь подъ условіемъ крещенія и конфискаціи его имущества, послѣ чего Шейлокъ, лишенный дочери, денегъ и взлелѣянной мечты о мести, уходитъ, разбитый, подъ улюлюканіе и гоготаніе друзей.

«Берите все, берите жизнь мою:
Не нужно мнѣ пощады. Отымая
Подпоры тѣ, которыми мой домъ
Весь держится, вы цѣлый домъ берете;
Лишая средствъ для жизни — жизни всей
Лишаете.

. . . .

Позвольте мнѣ уйти. Не хорошо
Я чувствую себя. Пришлите запись
Ко мнѣ домой — я дома подпишу».

Такова фабула той части комедіи Шекспира, которая насъ здѣсь занимаетъ. Передъ нами два вопроса: во-первыхъ, какъ надо отнестись къ самому чудовищному условію Шейлока, и во-вторыхъ, какъ и чѣмъ

мотивируетъ Шекспиръ поступокъ Шейлока? Для отвѣта на первый вопросъ намъ придется нѣкоторая историческая справка.

Шекспиръ напечаталъ свою комедію, какъ извѣстно, впервые въ 1600 г., написавъ ее около 1598 или даже 1594 года. За нѣсколько же лѣтъ до этого случилась такая исторія. Въ 1585 году англійскій адмиралъ Дрэкъ завоевалъ городъ Санъ-Доминго на островѣ Гаити и получилъ тамъ богатую добычу. Извѣстіе это дошло прежде всего до Рима въ письмѣ къ одному богатому купцу-христіанину, по имени Паоло Марія Секки, который былъ заинтересованъ въ томъ, чтобъ его распространить. Нѣкій почетный въ римской общинѣ еврей, по имени Сансоне Ченеда, оспаривалъ вѣрность этого извѣстія и, споря безразсудно, увлекся до того, что предложилъ купцу-христіанину такого рода пари: если извѣстіе о взятіи Санъ-Доминго подтвердится, Секки имѣетъ право вырѣзать острымъ ножомъ фунтъ мяса изъ какой угодно части тѣла еврея. Секки принялъ пари и съ своей стороны ставилъ, на случай проигрыша, тысячу скуди. Пари было заключено письменно, подписано сторонами и свидѣтелями. Когда оспариваемое извѣстіе было отовсюду подтверждено, и Ченеда принужденъ былъ признать свой проигрышъ, христіанинъ Секки настаивалъ на договорѣ и поклялся, что желаетъ вырѣзать у еврея изъ самаго чувствительнаго мѣста фунтъ мяса, несмотря на то, что еврей предлагалъ ему взамѣнъ этого тысячу скуди. Ченеда въ страхѣ побѣжалъ къ коменданту города Рима, который далъ обо всемъ знать папѣ Сиксту V. Папа приказалъ привести обѣ стороны и потребовалъ отъ нихъ документа о заключенномъ пари. Затѣмъ онъ обратился къ христіанину со словами: «Ты имѣешь право вырѣзать изъ тѣла еврея фунтъ мяса, но берегись, — если ты вырѣжешь хоть одной драхмой больше или меньше, то лишишься жизни. Иди же, точи свой ножъ, но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ принесутъ и вѣсы». Тутъ купецъ христіанинъ задрожалъ, бросился въ ноги папѣ и извинялся, говоря, что онъ совсѣмъ не думалъ серьезно вырѣзать мясо. Тѣмъ не менѣе, папа приговорилъ обоихъ къ смерти: христіанина за то, что онъ имѣлъ въ виду убить еврея, а еврея за то, что тотъ ставилъ на пари свою жизнь, которая принадлежитъ не ему, подданному, а государю. По ходатайству друзей обѣихъ сторонъ и съ помощью посредничества кардинала Монетальто, папа Сикстъ перемѣнилъ смертную казнь на каторжную работу въ галерахъ, причемъ они могли бы избавиться и отъ послѣдняго наказанія, если бы каждый изъ нихъ пожертвовалъ по двѣ тысячи скуди на постройку больницы. Такимъ приговоромъ Сикстъ хотѣлъ вселить страхъ, и это было въ первый разъ, что онъ смягчилъ свой приговоръ [1].

Такъ опередила Шекспира жизнь, въ которой *жестокое условіе заключаетъ* съ евреемъ *христіанинъ*. Этотъ фактъ можетъ служить луч-

[1] Leti. Vita di Sixto Quinto. 1693. т. III, кн. II стр. 135. Цитируемъ по статьѣ Гретца «Шейлокъ въ легендѣ, въ драмѣ и въ исторіи». «Восходъ», 1881 г., № 5.

нимъ доказательствомъ того, что требованіе Шейлока само по себѣ не являлось чѣмъ-нибудь исключительнымъ и было въ духѣ того жестокаго времени, отвѣтственность за которое Шекспиръ не могъ, конечно, взвалить на плечи одного попираемаго ногами еврея. Шейлокъ поступалъ на основаніи дѣйствовавшихъ въ Венеціи законовъ, и несправедливость, которую судъ надъ нимъ учинилъ, является только лишнимъ доказательствомъ угнетеннаго положенія Шейлока. Въ своей апологіи возрожденскаго общества Зѣлинскій на всѣ лады воспѣваетъ мудрое рѣшеніе суда. Но въ томъ, что рѣшеніе суда было болѣе пристрастнымъ и «крючкотворнымъ», чѣмъ «мудрымъ», легко убѣдиться изъ параллели съ древнимъ римскимъ правомъ, которое предусматриваетъ аналогичное положеніе. Въ законахъ XII таблицъ мы встрѣчаемъ указаніе, что кредиторы имѣютъ право разсѣчь несостоятельнаго должника на части пропорціональныю своимъ требованіямъ; но *если кто-либо изъ нихъ (по ошибкѣ) отсѣчетъ больше или меньше, то это ему не ставится въ вину:* «Tertiis nundinis partis secanto. Si plus minusve secuerunt, se fraude esto». [1]. Блестящее освѣщеніе и прекрасный общественно-юридическій анализъ требованія Шейлока и рѣшенія суда далъ Ірингъ, который въ своей книгѣ «Борьба за право» удѣляетъ Шейлоку такія строки:

«Ненависть и жажда мести приводятъ Шейлока въ судъ, гдѣ онъ требуетъ своего фунта мяса изъ тѣла Антоніо, но слова, влагаемыя въ его уста поэтомъ, такъ же вѣрны въ его устахъ, какъ во всякихъ другихъ. Именно, такимъ языкомъ всегда и вездѣ будетъ говорить оскорбленное чувство права; здѣсь предъ нами сила и непоколебимость убѣжденія, что право должно остаться правомъ, одушевленіе и паѳосъ человѣка, сознающаго, что дѣло идетъ не о его личности, но о самомъ законѣ».

«Фунтъ мяса, котораго я добиваюсь,
Купленъ дорого, онъ мой и я требую его.
Если вы отказываете въ немъ, тогда плевать на вашъ законъ.
Тогда, значитъ, право Венеціи не стоитъ ни гроша...
... Я требую закона.
...Мое право основывается на моей распискѣ».

Я требую *закона*. Этими словами поэтъ лучше всякаго юриста-философа обрисовалъ отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ къ праву въ объективномъ смыслѣ и значеніе борьбы за право. Эти слова сразу обращаютъ требованіе Шейлока въ вопросъ о правѣ Венеціи. Какъ могуче, какъ гигантски выростаетъ фигура Шейлока, когда онъ произноситъ эти слова! Это уже не еврей, требующій своего фунта мяса, это уже самъ законъ Венеціи стучится въ двери правосудія, —ибо его право и право Венеціи сливаются; вмѣстѣ съ его правомъ рушится само право Венеціи. А когда затѣмъ онъ падаетъ подъ тяжестью приговора, который

[1] Проф. І. А. Покровскій. Исторія римскаго права. СПБ., 1913 г., стр. 57.

путемъ постыдной уловки насмѣялся надъ его правомъ, когда онъ подъ градомъ насмѣшекъ удаляется разбитый, сгорбленный, съ дрожащими колѣнами — кто тогда не почувствуетъ, что вмѣстѣ съ нимъ сломлено право Венеціи, что передъ нами ползаетъ не жидъ Шейлокъ, а типическая фигура средневѣковаго еврея, этого парія общества, тщетно взывающаго о своемъ правѣ.. Трагическое величіе судьбы его заключается не въ томъ, что ему отказываютъ въ правѣ, но въ томъ, что онъ, средневѣковый еврей, питаетъ вѣру въ право, —какъ будто бы онъ былъ самый настоящій христіанинъ, — питаетъ непоколебимую вѣру въ право, которую ничто не можетъ ослабить и которую поддерживаетъ самъ судья, вѣритъ въ право до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, подобно молніи не разражается надъ нимъ катастрофа, обнаруживающая всю фантастичность его мечтаній, показывающая ему, что вѣдь онъ лишь гонимый средневѣковый еврей, всѣ права котораго сводятся къ праву быть въ нихъ обманутымъ. Шейлока, дѣйствительно, обманули, лишили его права. Было жалкой уловкой, явнымъ софизмомъ отказывать человѣку, за которымъ только что признано было право вырѣзать изъ человѣческаго тѣла фунтъ мяса, въ неизбѣжно съ этимъ связанномъ правѣ проливать кровь. Съ такимъ же основаніемъ судья могъ бы признать за владѣльцемъ сервитута право ходить по участку, но отказать ему въ правѣ оставлять на немъ слѣды, такъ какъ это не выговорено было при установленіи сервитута» [1].

Намъ кажется, что отвѣтъ на первый вопросъ, какъ надо относиться къ условію, заключенному Шейлокомъ, нами исчерпанъ. Ясно, что требованіе Шейлока родилось не изъ чудовищной фантазіи звѣроподобнаго Чернобога, какъ въ томъ хочетъ увѣрить насъ Зѣлинскій, а было совершенно въ духѣ законовъ и правосознанія того времени, и если говорить уже объ угнетеніи и издѣвательствахъ, о томъ, что кто-то угрожалъ чьему-то существованію, то внѣ всякаго сомнѣнія, что Шекспиръ въ сценѣ суда явно становится на сторону, несомнѣнно, обиженнаго и обойденнаго Шейлока. Во всякомъ случаѣ, въ своей статьѣ Зѣлинскій не далъ рѣшительно никакого мало-мальски пріемлемаго обоснованія своего восклицанія: «Положительно кажется, что самъ глава республики на побѣгушкахъ у Шейлока, и этого-то Шейлока Гейне считаетъ угнетеннымъ!».

Въ силѣ остается второй вопросъ, поставленный нами въ началѣ статьи: какова мотивація поступка Шейлока? По мнѣнію новыхъ русскихъ толкователей, мотивъ одинъ — корысть. Для доказательства своего положенія Зѣлинскій, утверждая, что «вовсе не своего угнетателя видѣлъ и ненавидѣлъ Шейлокъ въ Антоніо», приводитъ монологъ Шейлока при приближеніи Антоніо:

---

[1] Рудольфъ фонъ-Іерингъ. Борьба за право. Изд. Юровскаго. СПБ., 1907, стр. 51—54.

«Его за то такъ ненавижу я,
Что онъ христіанинъ —
Но вдвое больше
Еще за то, что въ гнусной простотѣ
Взаймы даетъ онъ деньги безъ процентовъ
И роста курсъ сбиваетъ между нами
Въ Венеціи».

Но вѣдь Зѣлинскій прибѣгаетъ тутъ къ весьма странному и неожиданному пріему: онъ *обрываетъ цитату и не договариваетъ того, что сказано дальше у Шекспира.* А у Шекспира въ слѣдующихъ строкахъ ясно сказано:

«. . . . . Пусть мнѣ хоть разъ одинъ
Ему бока пощупать доведется —
Ужъ ненависть старинную свою
Я утолю. *Святое наше племя
Не терпитъ онъ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ сходятся купцы между собою,
Ругаетъ онъ меня, мои дѣла,
И мой барышъ законный называетъ
Онъ лихвою.* Будь проклято мое
Колѣно все, когда ему прощу я!».

Къ чему же было Зѣлинскому упрощать толкованіе Шекспира и, выдвигая мотивъ корысти, совершенно скрыть мотивъ мести? Вѣдь, минимально-внимательное, не тенденціозное отношеніе къ тексту «Венеціанскаго купца» показало бы, что у Шекспира преобладаетъ именно мотивъ мести. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ значить для Шейлока убытокъ, нанесенный ему Антоніо, и не болѣе ли правдоподобно, что христіанское купечество не состояло же изъ однихъ безкорыстныхъ Антоніо, и одинъ человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ, не въ состояніи былъ понизить цѣну денежныхъ капиталовъ. Не вѣрнѣе ли предположить, что слова Шейлока Тубалу скорѣе свидѣтельствуютъ о нежеланіи открыть передъ нимъ истинную природу своихъ поступковъ, нежеланіе обнаружить то, что онъ пожертвовалъ традиціей во имя мести. Шейлокъ еще до потери дочери разсказываетъ о томъ, какъ издѣвались надъ нимъ христіане во главѣ съ Антоніо и, *жертвуя процентами, рискуя капиталомъ* (какъ далеко это отъ корысти!), весь отдается одной мысли — возможности отмстить христіанину. Когда же христіане забираютъ у него деньги и дочь, разрушаютъ семейный очагъ, единственное, что осталось еврею въ тѣ времена преслѣдованій и угнетеній (вспомнимъ ужасное дѣло и казнь лейбъ-медика королевы Елизаветы Родриго Лопеца въ 1594 году), сердце Шейлока окончательно ожесточается:

«Нѣтъ на землѣ несчастья, кромѣ того, которое обрушилось на мои

плечи; нѣтъ вздоховъ, кромѣ тѣхъ, которые вылетаютъ изъ моей груди; нѣтъ слезъ, кромѣ тѣхъ, которыя проливаю я!»

На вопросъ, зачѣмъ нужно Шейлоку мясо Антонію, онъ отвѣчаетъ страстной филиппикой, которая не можетъ оставить сомнѣній въ отношеніи Шекспира къ Шейлоку:

«Для приманки рыбы. *Если оно не насытитъ никого, то насытитъ мое мщеніе.* Онъ ругался надо мной и сдѣлалъ мнѣ убытку на полмилліона; *онъ смѣялся надъ моими потерями, надъ моими заработками, ругалъ мой народъ, мѣшалъ моимъ торговымъ дѣламъ, охлаждалъ моихъ друзей, разгорячалъ моихъ враговъ — и все это за что? За то, что я жидъ.* Да развѣ у жида нѣтъ глазъ? Развѣ у жида нѣтъ рукъ, органовъ, членовъ, чувствъ, привязанностей, страстей? Развѣ онъ не ѣстъ ту же пищу, что и христіанинъ? Развѣ онъ ранитъ себя не тѣмъ же оружіемъ и подверженъ не тѣмъ же болѣзнямъ? Лечится не тѣми же средствами? Согрѣвается и знобится не тѣмъ же лѣтомъ и не тою же зимою? Когда вы насъ колете, развѣ изъ насъ не идетъ кровь? Когда вы насъ щекочете, развѣ мы не смѣемся? Когда вы насъ отравляете, развѣ мы не умираемъ, а *когда вы насъ оскорбляете, почему бы намъ не хотѣть отмстить вамъ? Если мы похожи на васъ во всемъ остальномъ, то хотимъ быть похожи и въ этомъ. Когда жидъ обидитъ христіанина, къ чему прибѣгаетъ христіанское смиреніе? Къ мщенію. Когда христіанинъ обидитъ жида, къ чему должно, по вашему примѣру, прибѣгнуть его терпѣніе? Ну, тоже къ мщенію. Гнусности, которымъ вы меня учите, я примѣняю къ дѣлу — и, кажется мнѣ, что я превзойду своихъ учителей*».

Неужели одного этого страстнаго монолога, вкладываемаго Шекспиромъ въ уста Шейлока, не было бы достаточно для отвѣта на основной вопросъ статьи: юдофобская ли пьеса «Венеціанскій купецъ»? [1]

Зѣлинскому показалось, однако, мало выставить единственнымъ мотивомъ мести Шейлока — корысть. Ему понадобилось даже зачѣмъ-то скомпрометировать отношеніе Шейлока къ дочери, его нѣжность и то чадолюбіе, которое отмѣтилъ еще Пушкинъ въ своей краткой, но поразительно-мѣткой характеристикѣ Шейлока и которое никогда никѣмъ не оспаривалось. Въ любви Шейлока къ Джессикѣ хочетъ Зѣлинскій видѣть все ту же корыстность натуры, ненасытную жажду къ накопленію богатствъ. «*Она была его наслѣдницей и, стало быть, носительницей его богатствъ.* Онъ уже прінщетъ для нея жениха — быть можетъ, этого самаго Тубала, котораго онъ посылаетъ искать ее. Онъ выдастъ за него Джессику, такъ же, какъ нѣкогда его покойный тесть выдалъ Лію за него — по строгому разсчету, по старому обряду. Такъ, черезъ Джессику, его капиталы соединятся съ капиталами Тубала. Дѣла пойдутъ еще быстрѣе, и уже не вырваться Венеціи изъ золотой пучины этихъ

[1] Любопытно, что А. А. Смирновъ, не отрицая важности и значительности этого монолога, попросту объявляетъ, что онъ «попалъ въ пьесу случайнымъ образомъ» («Сѣв. Зап.», стр. XV).

соединенныхъ двухъ потоковъ. Какъ таковую *онъ, дѣйствительно, любилъ свою дочь, какъ послушную исполнительницу его великихъ, мрачныхъ замысловъ*».

Зѣлинскій воленъ, конечно, фантазировать по поводу грозящей Венеціи золотой пучины и относиться къ Шейлоку, какъ ему угодно, но зачѣмъ же приписывать свои взгляды и мнѣнія Шекспиру и его авторитетомъ покрываться въ своей враждѣ къ Шейлоку? Гдѣ нашелъ у Шекспира Зѣлинскій подтвержденіе своего мнѣнія? Онъ ссылается на одну фразу Шейлока Тубалу: «Я хотѣлъ бы, чтобы моя дочь лежала мертвою у моихъ ногъ съ драгоцѣнными камнями въ ушахъ; хотѣлъ бы, чтобы она была похоронена у моихъ ногъ, и чтобы червонцы лежали въ ея гробѣ». Но какъ можно не считаться съ тѣмъ, въ какой моментъ произноситъ Шейлокъ эти слова! Даже Соланіо, заклятый врагъ Шейлока, передаетъ о немъ Саларино:

«Я никогда еще
Не видывалъ такой ужасной, странной,
Помѣшанной, нелѣпой, дикой страсти,
Какъ у жида собачьяго, когда
По улицамъ неистово вопилъ онъ:
О, дочь моя! Червонцы! Дочь моя!
Ушла съ христіаниномъ! О, червонцы,
У христіанъ добытые! Законъ,
Правдивый судъ, отдайте мнѣ червонцы
И дочь мою! Мѣшокъ — нѣтъ, два мѣшка
Съ червонцами и за моей печатью,
Съ червонцами двойными — дочь моя
Украла ихъ! И дорогіе камни —
Два дорогихъ, два богатѣйшихъ камня
Украла дочь! Правдивый судъ, сыщи
Дѣвчонку мнѣ — у ней мои червонцы
И камни драгоцѣнные!»

Развѣ мудрено, что въ минуту величайшаго гнѣва, когда его единственная дочь, вся надежда и опора его жизни, не только покинула его, но и бѣжала съ христіаниномъ *и перекинулась въ станъ злѣйшихъ враговъ и мучителей Шейлока*,—изъ его устъ вырывается громовое, такъ похожее на бредъ, проклятіе, которое въ еврейскомъ «быту» звучитъ не такъ ужъ страшно. Въ этихъ изступленныхъ крикахъ, вызванныхъ потерей и дочери, и денегъ—въ разгоряченномъ мозгу все перемѣшалось—сказалась вся страстность и порывистость натуры Шейлока, и не въ отсутствіи чадолюбія тутъ, конечно, дѣло. Скорѣй хотѣлось бы сказать словами Лаэрта, рѣшительность котораго Шекспиръ противопоставляетъ дряблости Гамлета:

Гранъ спокойной крови
Изобличитъ во мнѣ дитя порока,
Навѣкъ стыдомъ покроетъ смерть отца·
Клеймомъ разврата запятнаетъ мать.

Для того, чтобы обвинить Шейлока въ нелюбви къ дочери и нарисовать фантастическую, производящую тягостное и непріятное впечатлѣніе, картину воображаемой свадьбы Шейлока — одной приведенной фразы слишкомъ мало. Больше же Зѣлинскій у Шекспира ничего не нашелъ и найти не могъ. Недаромъ вѣдь Айра-Ольриджъ въ роли Шейлока не только вкладываетъ много нѣжности въ сцену съ дочерью, но и любовно — отъ себя, у Шекспира этого нѣтъ — даритъ ей два драгоцѣнныхъ кольца. Любовь Шейлока къ дочери внѣ подозрѣній. Право, можно было бы сколько угодно возвеличивать компанію «блестящихъ» возрожденцевъ и выставлять въ такомъ ореолѣ всѣхъ этихъ «носителей радости», обокравшихъ еврея Шейлока, надругавшихся надъ нимъ и лишившихъ его правосудія, можно было даже симпатически проникнуться ихъ взглядами на Шейлока, но совершенно не къ чему было призывать въ соучастники Шекспира и приписывать ему то, чего въ пьесѣ нѣтъ и быть не можетъ. Не думаемъ, чтобъ слова Зѣлинскаго соотвѣтствовали мнѣнію Шекспира, но то, что подъ всѣмъ, что говоритъ Зѣлинскій о Шейлокѣ, расписались бы Антоніо и его друзья—для насъ несомнѣнно.

Мы переходимъ къ взгляду А. А. Смирнова. Такъ какъ статья его посвящена не спеціально «Венеціанскому купцу», а вообще Шекспиру, мы находимъ о Шейлокѣ лишь отдѣльныя строки. Но эти строки такъ характерны, что на нихъ стоитъ остановиться. Авторъ статьи, какъ и Зѣлинскій, противопоставляетъ блестящему возрожденскому обществу—Шейлока и, хотя въ его статьѣ нѣтъ тенденціозности предыдущаго автора, все же и онъ категорически утверждаетъ: «Шейлокъ представленъ евреемъ съ головы до ногъ. Онъ, въ пониманіи Шекспира, носитель всего бытового уклада еврейства, представитель міросозерцанія цѣлаго народа. При этомъ онъ стоитъ не особнякомъ (какъ Отелло): за нимъ стоитъ его помощникъ и совѣтчикъ Тубалъ, за нимъ стоитъ все венеціанское Гетто, не выведенное въ пьесѣ, но явно ощущаемое въ ней. Шейлокъ отвѣтственъ за свой народъ, какъ и этотъ народъ отвѣтственъ за него... Для Шекспира Шейлокъ отвратителенъ. Въ немъ самомъ — зло, въ его характерѣ — причина обоюдной ненависти между нимъ и христіанами... Какъ-никакъ, а въ пьесѣ сказалось нѣкоторое обобщенное отношеніе къ еврейству, и отношеніе глубоко отрицательное». Какъ и Зѣлинскій, А. А. Смирновъ считаетъ, что «чадолюбіе проявляется у Шейлока въ столь своеобразной формѣ, что производитъ скорѣе отталкивающее впечатлѣніе» и что главная причина озлобленности Шейлока — корысть. Аргументація? Увы, ея нѣтъ. Статья носитъ декларативный характеръ, въ которой больше постулируется, чѣмъ обосновывается. Но есть

въ ней одинъ доводъ — новый и могущій имѣть нѣкоторое значеніе. А. А. Смирновъ ссылается на актерскую традицію въ Англіи, которая изображаетъ Шейлока, какъ *комическую роль*. О какой традиціи *какого времени* говоритъ А. А. Смирновъ? Предъ нами два описанія игры двухъ актеровъ, Айра-Ольриджа, и Ирвинга, но оба они играютъ Шейлока, какъ фигуру трагическую. Откуда же взялъ свое утвержденіе А. А. Смирновъ? Вѣдь именно по поводу игры Ирвинга сказалъ англійскій беллетристъ Голла Кенъ: «Если кто изъ евреевъ чувствуетъ себя обиженнымъ, что величайшій англійскій поэтъ ничего другого не нашелъ въ еврейскомъ характерѣ, кромѣ жадности и безжалостной мстительности, то *пусть пойдетъ въ одинъ изъ театровъ, гдѣ играютъ «Венеціанскаго купца»*, и пусть онъ слѣдитъ не столько за исполненіемъ драмы, сколько за дѣйствіемъ, какое она производитъ на зрителей христіанъ. Если ему особенно еще посчастливится увидѣть на сценѣ Ирвинга, то его недовольство Шекспиромъ исчезнетъ навсегда. Ему станетъ ясно, что все сочувствіе зрителя направлено именно въ сторону этого человѣка, слывущаго за воплощенное зло. И ножъ, и вѣсы, и разговоры о мясѣ и крови — все это проскользнетъ мимо, не задѣвъ даже зрителя; за то обрушившееся на человѣка несчастье, насмѣшка торжествующихъ надъ нимъ враговъ, требованіе судьи, чтобы онъ обратился въ христіанство, его послѣднія слова: «прошу васъ, позвольте мнѣ уйти отсюда, мнѣ нездоровится», и, наконецъ, его окончательный уходъ со сцены, — все это производитъ лишь одно чувство, полное глубокой жалости къ человѣку, противъ котораго въ началѣ дѣйствія были всѣ и все».

Правда, Барбеджъ игралъ Шейлока съ длиннымъ носомъ и рыжей бородой, но, вѣдь, съ начала девятнадцатаго вѣка, именно «традиція» и повелѣваетъ играть Шейлока трагически. Въ своихъ изслѣдованіяхъ о Шекспирѣ и Мольерѣ датскій критикъ Манціусъ объ этомъ опредѣленно говоритъ. Да и, наконецъ, тотъ же Зѣлинскій, котораго, какъ мы видѣли, труднѣе всего обвинить въ благожелательствѣ къ Шейлоку, ставитъ въ упрекъ «трагической» традиціи именно то, что она искажаетъ Шекспира въ пользу Шейлока. Такъ какъ же можно послѣ всего этого въ доказательство юдофобскаго характера пьесы ссылаться на «актерскую традицію»?!

Мы разобрали мнѣнія и доводы Зѣлинскаго и Смирнова, сопоставили ихъ съ текстомъ Шекспира и его толкователей и видимъ, что никакихъ основаній для приписыванія Шекспиру юдофобскихъ тенденцій и объявленія пьесы «Венеціанскій купецъ» неблагополучной въ этомъ отношеніи — нѣтъ. Обнаруженіе противоположнаго нисколько не могло бы, конечно, умалить значенія Шекспира. Но этого нѣтъ, и намъ отрадно лишній разъ порадоваться за великаго генія, который сумѣлъ въ XVI вѣкѣ, въ разгаръ національной борьбы и преслѣдованія евреевъ, возвыситься надъ человѣческими предразсудками своего времени и стать на сторону угнетенныхъ противъ угнетателей. И совершенно незачѣмъ въ

Россіи, которая еще такъ мало сдѣлала для раскрѣпощенія евреевъ, въ которой еще такъ часто раздаются крики и улюлюканіе друзей Антоніо и Лоренцо, дѣлать попытки своеобразнаго истолкованія намѣреній Шекспира. Пусть приписываетъ Зѣлинскій Шейлока во имя торжества отдающихся радости жизни возрожденцевъ и статью свою «посвящаетъ Джессикѣ» и пусть считаетъ Шейлока злѣйшимъ врагомъ «Венеціи», пусть заявляетъ еще и еще разъ: «намъ не страшно за Венецію, ея вѣчность была обезпечена въ тотъ моментъ, когда пустота воцарилась въ мрачномъ домѣ на Ріальто, и когда тамъ, на берегу лагуны, торжественно загудѣлъ, освящая союзъ венеціанца и его благословенной бѣглянки, задумчиво-радостный благовѣстъ св. Марка», — мы не можемъ не повторить за неоднократно цитированнымъ нами Кеномъ:

«Вся эта выспренняя риторика о милосердіи, вся эта изящная поэзія въ сценѣ съ луннымъ свѣтомъ — все это забудется и единственно, что останется, это будетъ защита справедливости для еврея». Въ этомъ — одна изъ величайшихъ заслугъ Шекспира.

Іосифъ Рабиновичъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ НА УКРАИНСКОМЪ ЮГѢ.

I.

Сравненіе Россіи съ другими европейскими государствами въ отношеніи народнаго образованія приводитъ къ самымъ печальнымъ и обиднымъ для насъ выводамъ. Мы слишкомъ отстали отъ другихъ народовъ Европы, и это даетъ себя чувствовать во всѣхъ проявленіяхъ духовной и матеріальной жизни страны и особенно въ такіе отвѣтственные историческіе моменты, какъ переживаемый нынѣ. Невѣжество народной массы стало у насъ исторически-наслѣдственной традиціей, прочно утвердившейся въ теченіе вѣковъ и неизбѣжно сопутствовавшей всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ эволюціямъ жизни русскаго государства. Традиція эта, въ концѣ концовъ, нивелировала болѣе благопріятныя условія просвѣщенія, въ какихъ находилась та или иная отдѣльная народность Россіи.

Въ такихъ именно, сравнительно болѣе благопріятныхъ, условіяхъ находился въ прошломъ нашъ украинскій югъ. Благодаря большей близости къ очагамъ европейской культуры, а также вслѣдствіе постоянной борьбы населенія за свои соціально-экономическіе и религіозно - національные интересы, просвѣщеніе здѣсь оказалось въ роли неустранимаго фактора этой упорной и ожесточенной борьбы. Въ области культурной украинскому народу оставалось воспользоваться сильнымъ оружіемъ своихъ противниковъ—просвѣщеніемъ. Активные элементы украинскаго общества—оставшіеся вѣрными своей народности дворяне, мѣщанство, духовенство, казаки и простой «посполитый» народъ—поставили себѣ задачей удовлетворить глубоко назрѣвшей народной потребности въ образованіи и осуществляли на практикѣ эти свои стремленія широкимъ развитіемъ просвѣтительной и литературной дѣятельности. «Первое—да... братство церковное, любовію связуемо, неразрушно и вѣчнѣ пребываетъ, второе—да типографія станетъ во преподаваніе книгъ божественнаго учительства, третіе же гимнасіонъ да будетъ во обученіе юнымъ и предложеніе художества письменъ и ученій внѣшнихъ же и божественныхъ»,—такъ опредѣляетъ главныя цѣли своего существованія львовское братство

въ предисловіи къ одному изъ своихъ изданій. Каждое братство, сколько-нибудь сносно поставленное, старалось «для науки дѣтокъ малыхъ школу мѣти и бакаляра въ ней ховати и тамъ дѣтей письма греческаго и русскаго учити давати», передовыя же братства устраивали высшія школы, гдѣ было по нѣсколько классовъ.

Нужно отдать справедливость тогдашней педагогіи въ томъ именно, что она вполнѣ поняла необходимость тѣсной связи школы съ жизнью и обществомъ. Братскія школы являлись въ полномъ смыслѣ слова національно-народными учрежденіями, въ которыхъ все было роднымъ и отвѣчало на насущныя потребности современнаго общества. Устроенныя народомъ («даже и до убогихъ вдовицъ») и для народа («для науки дѣтей мѣщанскихъ такъ тежъ и иныхъ посполитыхъ людей»),—братскія школы, какъ высшія, такъ и низшія, отличались демократическимъ характеромъ своей организаціи. Въ братскіе уставы иногда спеціально вносились пункты на счетъ того, что «братство обязано подавать возможную помощь дѣтямъ, которыя не имѣютъ достатка, а хотятъ учиться». Въ высшихъ школахъ бѣдняки содержались на счетъ братской казны; не препятствовали учиться и тому, кто кормился милостыней. Чрезвычайно интересны въ этомъ отношеніи пункты устава луцкой школы, которыми устанавливается въ школахъ полное равенство: «садиться каждый долженъ на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначаемомъ по успѣхамъ,—говоритъ уставъ.—Кто больше будетъ знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ; а кто меньше будетъ знать, долженъ сидѣть на низшемъ мѣстѣ. Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою, а по внѣшности всѣ равны. Учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и тѣхъ, которыя ходятъ по улицамъ, прося пропитанія». Такимъ образомъ, это были школы всесословныя, поддерживавшіяся одинаково всѣми слоями народа.

Рядомъ съ извѣстными въ исторіи братскими школами— кіевскою, львовскою, острожскою, луцкою, каменецкою, винницкою и мн. др.—въ глуши селъ и деревень безвѣстно существовали приходскія братскія школы, представлявшія продолженіе традиціи древнѣйшихъ школъ, заведенныхъ еще Владиміромъ и Ярославомъ. Обученіемъ въ этихъ школахъ занимались дьячки; по званію школьныхъ учителей они назывались «бакалярами» и какъ распорядители школы—«дирехторами». «Испоконъ вѣка,— говоритъ академикъ Сухомлиновъ,—учительствомъ промышляли дьячки, и званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣріе къ дьячковскимъ школамъ. Дома, гдѣ живутъ

дьячки, народъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи до сихъ поръ называетъ школами». Число учениковъ въ дьячковскихъ школахъ бывало значительно, и ученики этихъ школъ нерѣдко оставляли историческій слѣдъ въ литературѣ и общественной жизни. Авторъ львовской лѣтописи подъ 1621 годомъ пишетъ: «Того-жъ року ямъ ся учити почалъ въ Меджибожу, у дяка Дмитра Щпрецкаго. Того жъ року отецъ мой умеръ, я зъ школы занѣсъ въ домъ хоробу горячку, и всѣ хорѣли въ дому». Изъ данной выдержки можно видѣть, что нѣкоторыя дьячковскія школы функціонировали, какъ правильныя учебныя заведенія, и что число учениковъ въ нихъ бывало довольно значительно, если для школы во время занятій представлялась опасность въ эпидемическомъ отношеніи. Народъ, видимо, сочувствовалъ этимъ школамъ и поддерживалъ ихъ существованіе, такъ какъ онѣ были самостоятельнымъ его созданіемъ среди самыхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій; въ видѣ исторической традиціи многія дьячковскія школы просуществовали до конца XIX вѣка, потерявъ, конечно, свое былое значеніе и свой прежній характеръ національно-народныхъ школъ; въ такихъ традиціонныхъ дьячковскихъ школахъ учился въ первой половинѣ минувшаго вѣка украинскій поэтъ Шевченко, и впечатлѣніе отъ науки здѣсь было—увы!—далеко ужъ не въ пользу этой школы.

Но въ свое время всѣ эти школы—и большія и малыя—тихо, незамѣтно, но прочно дѣлали свое дѣло, въ большей или меньшей степени содѣйствуя народному просвѣщенію. Результатомъ дѣятельности этихъ школъ было широкое распространеніе грамотности въ народѣ. Архидіаконъ Павелъ Алепскій, проѣзжавшій чрезъ Украйну въ 1652 году, вмѣстѣ съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ, въ слѣдующихъ словахъ высказываетъ удивленіе по поводу замѣченной имъ любви украинскаго населенія къ образованію: «начиная съ этого города Рашкова (въ нынѣшней Подоліи),—пишетъ онъ,—и по всей землѣ казаковъ мы замѣтили возбудившую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать... Кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами... Дѣти многочисленнѣе травы, и всѣ умѣютъ читать, даже сироты».

Сравнительно болѣе точныя цифровыя данныя о числѣ народныхъ школъ на Украйнѣ имѣемъ относительно XVIII вѣка. Въ это время вся Украйна была покрыта густою сѣтью народныхъ школъ. Изъ данныхъ переписи 1732 года видно, что въ Слободской (Восточной) Украйнѣ былъ такой же процентъ учениковъ по отношенію ко всему населенію, какой существовалъ

въ Харьковской губ. уже въ 1882 году. «Въ XVII и XVIII вѣкахъ,—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй,—южная Русь отличалась, можно сказать, горячею страстью къ образованію. Принято думать, что низшее народное образованіе въ Россіи составляетъ пріобрѣтеніе конца XVIII и начала XIX вѣка; но я могу привести одинъ поразительный фактъ, основанный на мною же открытыхъ документальныхъ данныхъ, опровергающій это положеніе. Въ 1732 году вся нынѣшняя Харьковская губернія была усѣяна школами, созданными самимъ народомъ, содержимыми на его собственныя средства, съ его народнымъ и церковнославянскимъ языкомъ. Число учащихся по отношенію къ населенію было тогда такое же, какъ въ 1882 году, т.-е. 150 лѣтъ спустя, когда масса школъ была открыта земствомъ. Такой же фактъ констатированъ былъ извѣстными учеными А. М. Лазаревскимъ и М. М. Сухомлиновымъ по отношенію къ Черниговской губ., т.-е. сердцу старой Малороссіи». По переписямъ 1740—1748 гг., въ семи полкахъ гетманщины на 1094 населенныхъ пункта (въ томъ числѣ 206 деревень) было 866 школъ; въ черниговскомъ полку на 142 села было 143 школы,—т.-е. каждое село,—хотя села эти были гораздо меньше нынѣшнихъ,—имѣло школу.

Приведенныя данныя показываютъ, что польза просвѣщенія глубоко проникла въ сознаніе народа, если безъ всякой внѣшней организаціи, безъ всякаго принудительнаго воздѣйствія школьное дѣло достигло такихъ результатовъ, какъ густая сѣть школъ и почти всеобщая грамотность. Казалось бы, такая цѣнная черта народной психологіи должна была получить особенное поощреніе и развитіе въ просвѣщенный вѣкъ Екатерины II, какъ извѣстно, признававшей, что «одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа» и что «рожденные для власти предпочитаютъ владычествовать надъ людьми, а не надъ животными». Но старыя народныя школы не только не были поддержаны, а даже подверглись разрушенію и въ большинствѣ исчезли, такъ какъ онѣ не соотвѣтствовали регламентаціи, обязательной для вновь учрежденныхъ училищъ, которыхъ было вообще слишкомъ мало, да и тѣ, что были, часто пустовали. Въ наибольшей степени повліяло на исчезновеніе дьячковскихъ школъ запрещеніе въ 1782 г. дьячкамъ переходить съ мѣста на мѣсто, «чтобы не воспослѣдовало ни въ учителяхъ, ни въ книгахъ какого разврата ко вреду общей пользы»; этимъ запрещеніемъ устраненъ готовый кадръ учителей для тѣхъ школъ, которыя завелъ и содержалъ самъ народъ. Возобладало казенное однообразіе,—разумѣется, на бумагѣ, для торжества объединительнаго принципа, что, молъ, «науки въ школахъ преподаются въ означенномъ краю Россіи въ одно и тоже время и на томъ же единооб-

разномъ основаніи, на какомъ преподаются оныя и въ самой столицѣ». Въ дѣйствительности, однако, это было однимъ бюрократическимъ самоутѣшеніемъ, и никакихъ «наукъ» на самомъ дѣлѣ не было. Въ началѣ XIX в. черниговскій архіерей доноситъ малороссійскому генералъ-губернатору, кн. Куракину, что онъ «не находилъ при проѣздѣ своемъ нынѣ по губерніи заведенныхъ училищъ». О томъ же доноситъ кн. Куракину полтавскій губернаторъ. Изъ статистики школъ въ Харьковской губ. въ началѣ XIX в., приводимой Г. П. Данилевскимъ въ его трудѣ «Харьковскія народныя школы 1732—1865 г.г.», видимъ, что относительно многихъ школъ въ графѣ учениковъ значилось: «нѣтъ учениковъ», «учениковъ не имѣется». Это и понятно. Введенное на Украйнѣ со второй половины XVIII в. крѣпостное право явилось непреодолимымъ препятствіемъ для народнаго образованія. Крѣпостнымъ правомъ народъ поставленъ былъ въ такія экономическія и нравственныя условія, что вопросъ о просвѣщеніи долженъ былъ совершенно стушеваться въ его сознаніи; учиться ему за постоянной барщиной, продолжавшеюся нерѣдко цѣлыхъ шесть дней въ недѣлю, рѣшительно не было времени, да и ученіе само по себѣ представлялось практически безполезнымъ, такъ какъ имъ не измѣнялась безвыходность крѣпостного положенія; къ тому же помѣщики, трактовавшіе своихъ крѣпостныхъ исключительно, какъ рабочую силу, конечно, не могли покровительствовать развитію среди нихъ просвѣщенія, такъ какъ это послѣднее могло зародить въ сознаніи безгласныхъ рабовъ невыгодныя для ихъ владѣльцевъ мысли. Немного выиграло дѣло народнаго образованія и съ основаніемъ М-ва Народнаго Просвѣщенія,—того учрежденія, которое по задачамъ своей дѣятельности всѣ заботы должно было обратить на образованіе народа въ широкомъ смыслѣ этого слова. И при наличности Министерства Просвѣщенія крѣпостническіе взгляды на просвѣщеніе народа остались тѣ же и были не чужды самимъ руководителямъ новаго министерства. Одинъ изъ нихъ, четвертый министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ, высказывался, напримѣръ, что «науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру», и что «обучать весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы». Взгляды эти эволюціонировали весьма слабо, и въ 70-ые годы одинъ изъ вдохновителей толстовской реформы (Леонтьевъ) недвусмысленно заявилъ, что «особенно необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія. Если Россія сопротивлялась еще сколько-нибудь успѣшно духу времени, то этимъ мы обязаны до извѣстной степени безграмотности русскаго народа. А чрезъ 20 лѣтъ Побѣдоносцевъ не менѣе категорически доказывалъ, что «без-

условно вредно распространеніе народнаго образованія», такъ какъ оно «даетъ лишь знанія и привычку логически мыслить». Неудивительно послѣ этого, что всѣ мѣры въ отношеніи народнаго образованія даже послѣ реформы касались больше формальной стороны дѣла; насколько въ дѣйствительности это дѣло признавалось несущественнымъ, видно уже изъ крайне незначительныхъ бюджетныхъ ассигнованій на народное просвѣщеніе: достаточно сказать, что уже въ 1897 г. общая сумма ассигнованій на нужды народнаго образованія (по смѣтѣ М-ва Нар. Пр.) не достигала и 1 ½ милліона рублей при общемъ свыше 1 ½ милліардномъ бюджетѣ; зато созданъ суррогатъ школьнаго образованія—пресловутыя церковныя школы.

Указанныя условія тяжело отражались на умственной жизни всей вообще народной массы Россіи. Но особенно болѣзненный процессъ упадка въ области просвѣщенія пришлось пережить украинскому населенію, знавшему, какъ мы видѣли, въ прошломъ иныя условія умственной жизни. Народное образованіе на Украйнѣ не только не развивается, но даже, наоборотъ, приходитъ въ явный упадокъ. Въ этомъ можно убѣдиться хотя бы изъ слѣдующаго сопоставленія данныхъ румянцевской описи съ болѣе поздними данными: на пространствѣ нынѣшнихъ Черниговскаго, Городнянскаго и Сосницкаго уѣздовъ въ 1768 г. было 134 школы, причемъ одна школа приходилась на 746 душъ населенія, а въ 1875 г. на этой территоріи числилось уже только 52 школы, изъ которыхъ одна приходилась на 6.730 душъ. Постепенно къ концу XIX вѣка и въ началѣ XX-го положеніе дѣла народнаго образованія на Украйнѣ нѣсколько улучшается, но, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго, положеніе это далеко отъ былой почти всеобщей грамотности, и, затѣмъ, народное просвѣщеніе испытываетъ здѣсь спеціальныя препятствія для своего развитія, какихъ не знаютъ другія мѣстности Россіи.

II.

Единственно полныя, хотя нѣсколько и устарѣлыя, свѣдѣнія о грамотности взрослаго населенія имѣемъ въ данныхъ всероссійской переписи 1897 года. По этимъ даннымъ средняя норма грамотности среди всего населенія Россіи выражается въ 23,3 %, причемъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ норма эта повышается до 36,1 %. На украинской территоріи уровень грамотности взрослаго населенія стоитъ на значительно болѣе низкой степени,—составляя въ среднемъ 18,8 %, не подымаясь выше 26,4 % (Черниговская губ.) и, наоборотъ, понижаясь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ до 10,5 % (Подольская губ.), до 9,4 % (Волынская губ.) и даже—по отдѣльнымъ уѣздамъ—до 6,3 % (Овручскій у., Волынской г.). Не менѣе показательны, для ха-

рактеристики отсталости украинскаго населенія, данныя о грамотности новобранцевъ, принятыхъ въ 1905 г. [1]. Въ великорусскихъ губерніяхъ грамотные новобранцы составляютъ 4/5 всего числа новобранцевъ, причемъ по отдѣльнымъ губерніямъ принятые новобранцы—почти поголовно грамотные (по Тверской губ.—84% грамотныхъ, по Московской—89%; по Ярославской—94%), въ украинскихъ же губерніяхъ число грамотныхъ новобранцевъ—55%—лишь не многимъ болѣе половины всего числа новобранцевъ, причемъ ни въ одной изъ украинскихъ губерній число грамотныхъ не подпимается выше 66%, не достигая, такимъ образомъ, средней нормы грамотности новобранцевъ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ (81%), но зато понижаясь по отдѣльнымъ украинскимъ губерніямъ до 46% (Подольская губернія) и даже до 39% (Волынская).

Къ совершенно аналогичнымъ выводамъ приходимъ при разсмотрѣніи данныхъ о грамотности дѣтей школьнаго возраста. Школьный радіусъ здѣсь слишкомъ великъ—отъ 18 до 46 верстъ (по законопроекту о всеобщемъ обученіи каждая школа должна обслуживать районъ съ радіусомъ не свыше 3 верстъ). По отношенію къ числу населенія школъ очень мало, и на каждую школу приходится такое число дѣтей школьнаго возраста (въ среднемъ около 150), какое, конечно, не можетъ помѣститься въ одной школѣ (по законопроекту на школу съ однимъ учителемъ полагается не свыше 50 дѣтей). Отсюда видимъ, что далеко не всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщаютъ школы, что школъ мало по сравненію съ числомъ населенія и расположены онѣ очень рѣдко въ пространственномъ отношеніи.

Главная причина количественно низкой нормы учащихся дѣтей въ украинскихъ губерніяхъ—отсутствіе мѣста въ школѣ. Число дѣтей, не принимаемыхъ въ начальныя школы, не можетъ быть опредѣлено точно, такъ какъ правильной регистраціи отказовъ въ образованіи не ведется, но число это, несомнѣнно, очень значительно и должно быть исчисляемо не одной сотней тысячъ. По даннымъ однодневной переписи начальныхъ школъ, произведенной 18 января 1911 г., % отказовъ въ пріемѣ къ общему числу учащихся составлялъ по харьковскому учебному округу—14,9, по одесскому—21,1, по кіевскому—21,9 (противъ 6,3—по петроградскому и 7,3 по московскому учебнымъ округамъ). По отдѣльнымъ губерніямъ процентъ отказовъ еще выше: по екатеринославской—22, 7, по кіевской—24,3, по подольской—даже 31,6. Въ Екатеринославской губ. въ 1905 г. (по школамъ только м-ва нар. пр.) зарегистровано 22,415 отказовъ,

[1] Данныя эти сгруппированы въ таблицѣ, составляющей прибавленіе къ VII вып. изданія М-ва Нар. Просв.—«Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи».

въ Харьковской до 15 тыс. (отъ 10 до 20% принятыхъ учениковъ). Въ Кіевской губ. отказы достигаютъ, по сообщенію дирекціи народныхъ училищъ, колоссальныхъ размѣровъ; такъ, въ мотовилинское одноклассное училище, при 1 учителѣ, явилось 180 дѣтей на 60 вакансій, и когда отказано было въ пріемѣ большинству дѣтей, произошло волненіе въ населеніи, заставлявшее опасаться бурныхъ проявленій. Нужно при этомъ еще имѣть въ виду, замѣчаютъ составители «Статистическихъ свѣдѣній», что при отсутствіи правильной регистраціи отказовъ, значительная, можетъ быть—большая, часть ихъ ускользаетъ отъ счета и что, при повсемѣстномъ недостаткѣ свободныхъ вакансій въ училищахъ, не малое количество дѣтей и не пытается проникнуть въ школу. Число отказовъ въ образованіи не уменьшается, а даже нерѣдко увеличивается, несмотря на открытіе новыхъ училищъ. «Каждая вновь открытая школа,—говоритъ Курское губернское земство,—немедленно наполняется новымъ контингентомъ учащихся, не уменьшая общаго числа отказовъ въ старыя школы». По даннымъ обзора народнаго образованія въ Полтавской губ. оказывается, что въ 1908 г. было здѣсь дѣтей школьнаго возраста 269 тыс., училось 145 тыс. и осталось за бортомъ школы 124 тыс., т. е. около половины состава дѣтей школьнаго возраста осуждены на неграмотность.

Вина за это невѣжество падаетъ отнюдь не на само населеніе. Послѣднее въ полномъ смыслѣ слова жаждетъ образованія и несетъ всякія жертвы для образованія своихъ дѣтей. Сельскія «громады» (общества), по газетнымъ сообщеніямъ, весьма охотно нарѣзываютъ изъ своей земли усадьбы и передаютъ ихъ земствамъ для постройки школъ, всячески содѣйствуютъ постройкѣ подвозомъ матеріаловъ и др. способомъ; кривошеинецкая, напр., громада (Кіевской губ.) предназначила для постройки сельско-хозяйственной школы участокъ въ 30 десятинъ; михайловская громада (Таврической губ.) постановила открыть у себя гимназію, ассигновала на это 50 тыс. руб. и, когда обнаружилось, что этой суммы не хватитъ, то открыта была подписка въ окрестныхъ селахъ, и за короткое время собрано столько, сколько требовалось для окончанія дѣла. Такъ какъ, въ виду наплыва желающихъ поступить въ школы, предпочтеніе отдается знающимъ начальную грамоту, то крестьяне нерѣдко нанимаютъ отдѣльно мѣстныхъ грамотеевъ для подготовки дѣтей къ поступленію въ школу (напр., въ с. Поповкѣ, Конотопскаго уѣзда). Въ началѣ учебнаго года въ сельскихъ школахъ происходятъ тяжелыя сцены при отказахъ въ пріемѣ. Въ этомъ году,— пишетъ корреспондентъ «Рады» изъ с. Рахновъ (Подольской губ.),— въ дни пріема пришлось почти насильно выставлять изъ школы дѣтей и даже родителей. Сердце разрывалось, когда должны

были отрывать отъ парты одного мальчугана, уцѣпившагося за нее руками и ногами; онъ тогда только подчинился, когда настращали его стражникомъ. Еще хуже приходится тѣмъ, кто, окончивъ министерскую школу, хочетъ учиться дальше. У насъ есть цѣлый кружокъ такихъ дѣтей,—и они ходятъ пѣшкомъ лѣтомъ и зимою за 7 верстъ въ м. Шпиковъ, гдѣ имѣется двухклассная школа». Въ городецкую двухклассную школу (волынской губ.) приходятъ крестьянскія дѣти за 10 и болѣе верстъ, нѣкоторыя пріѣзжаютъ поѣздомъ; для этого нужно встать въ 4 час. утра съ перспективой вернуться домой только къ 6 час. вечера или и позже, смотря по состоянію погоды и дороги. И такихъ «Ломоносовыхъ» находится не мало въ каждомъ селѣ. Не нужно при этомъ забывать, что ученіе въ школѣ 9—11 лѣтнихъ дѣтей съ сентября по май въ условіяхъ южнаго климата является въ крестьянскомъ быту потерей полезной рабочей силы, которою крестьянинъ не можетъ не дорожить. И если при всѣхъ этихъ условіяхъ крестьяне всѣми силами стараются заводить училища и опредѣлять туда дѣтей своихъ, а послѣднія рвутся въ школы, то это не можетъ не свидѣтельствовать, что въ мѣстномъ населеніи не прервались старыя просвѣтительныя традиціи, и живутъ въ немъ просвѣтительные запросы, серьезный взглядъ на значеніе образованія. «Безъ освіти (просвѣщенія) і земля ні до чого, бо дурня і в церкві бьють»,—такъ своеобразно выражалась одна громада въ наказѣ своему депутату въ первую Думу. Какія серьезныя требованія предъявляютъ крестьяне къ народной школѣ, показываетъ хотя бы прошеніе обозновской громады въ елисаветградскую земскую управу; въ прошеніи этомъ указывается, что современныя земская и церковная школы «ни къ чему не ведутъ, а потому... мы просимъ установить обязательное и безплатное обученіе дѣтей нашихъ, устроивъ для этого школу, въ которой наши дѣти обучались бы всесторонне, что есть на свѣтѣ и отчего это происходитъ, а не по верхамъ, какъ теперь; обучались бы ремеслу разному, кто къ чему охоту имѣетъ и желаетъ» (это прошеніе напечатано въ докладѣ члена управы Сорокина земскому собранію).

Всѣ подобные факты—ими пестрятъ газетныя корреспонденціи и другія сообщенія о народномъ образованіи—указываютъ, что болѣе слабая грамотность малорусскаго населенія, по сравненію съ великорусскимъ и другими народностями, имѣющими школу на родномъ языкѣ, зависитъ не отъ воли этого населенія, не отъ слабости его просвѣтительныхъ запросовъ, а отъ условій, лежащихъ внѣ его доброй воли.

III.

Кромѣ общихъ условій, неблагопріятно у насъ отражающихся на положеніи народнаго образованія, на украинскомъ югѣ су-

ществуютъ еще особыя условія, какихъ не знаетъ центральная Россія. Школьное обученіе здѣсь ведется не на материнскомъ языкѣ учащихся, а на языкѣ русскомъ, который не служитъ разговорнымъ языкомъ мѣстнаго населенія. «Вся система нашей жизни,—говорится въ докладѣ училищнаго совѣта, представленномъ золотоношскому земству въ послѣднюю земскую сессію 1915 г.,—построена на томъ предположеніи, разсматриваемомъ, какъ аксіома, что книжный языкъ, фигурирующій въ школѣ, ничѣмъ или, по крайней мѣрѣ, настолько мало отличается отъ разговорнаго языка дѣтей, что, въ сущности, не представляетъ для нихъ ни малѣйшаго затрудненія. Между тѣмъ, всѣ факты говорятъ совсѣмъ за другое, а именно за то, что даже взрослые люди, уже окончившіе нашу школу, слабо понимаютъ книжный языкъ, принятый въ нашихъ школахъ. Про дѣтей же и говорить нечего. Они сначала или совсѣмъ не понимаютъ книжнаго языка, или понимаютъ очень слабо, и часто, что всего хуже, понимаютъ совсѣмъ иначе многія слова и фразы, значущія на ихъ разговорномъ языкѣ совсѣмъ другое». Каждая страница школьнаго учебника представляетъ много непонятнаго и затруднительнаго для украинскихъ дѣтей. «Особенно важно отмѣтить,—говорится въ запискѣ Академіи Наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій печатнаго малорусскаго слова,—что малорусу съ трудомъ дается пониманіе великорусскихъ книгъ, посвященныхъ изложенію самыхъ даже элементарныхъ свѣдѣній, въ виду именно различія обоихъ языковъ въ обозначеніи предметовъ обиходнаго употребленія. Слова: лошадь, меринъ, телѣга, вдолье, омшенникъ, овинъ, рига, клѣть, подволока, полынья, глазъ, лобъ, затылокъ, туча, молнія, радуга, колодезь, прудъ, мельница, мельникъ, боровъ, кукушка, тряпка, изба, калитка, форточка, пѣтухъ, насѣдка, нашестъ и т. д.—непонятны или малопонятны малорусу». Кромѣ словъ, совершенно новыхъ для украинскаго ребенка, въ школьныхъ книжкахъ онъ встрѣчаетъ много словъ однозвучныхъ съ произносимыми имъ на его материнскомъ языкѣ, но имѣющихъ иное значеніе; это уже «настоящіе подводные камни: обманчивая тождественность звука неизбѣжно приводитъ къ непоправимой путаницѣ понятій»,—говоритъ А. Я. Ефименко, приходя къ конечному выводу, что «разговорный языкъ украинскаго населенія настолько отличенъ отъ русскаго, что не принимать его въ разсчетъ при обученіи становится до очевидности яснымъ педагогическимъ промахомъ».

Пренебреженіе роднымъ языкомъ въ школѣ сказывается очень печальными послѣдствіями. Вмѣсто того, чтобы сосредоточивать свое вниманіе на трудномъ механизмѣ чтенія и письма, на усвоеніи содержанія изучаемаго, школьникъ главную долю

своего вниманія удѣляетъ на изученіе неизвѣстныхъ словъ. Такимъ образомъ, умственныя силы его все время отвлекаются отъ развитія и расширенія познаній въ сторону изученія непонятныхъ словъ. Такая сложная и трудная работа непосильна для рядового школьника, и въ результатѣ ни одна изъ этихъ цѣлей не можетъ быть достигнута сколько-нибудь удовлетворительно. Не давая знанія русскаго языка, который, безспорно, лучше усвоился бы при помощи разговорнаго языка учащихся, обученіе на народномъ языкѣ затрудняетъ и задерживаетъ общее развитіе учащихся. «Очевидно,—говоритъ проф. А. Потебня о школѣ съ чужимъ языкомъ преподаванія,—что воспитанники такой школы, при равенствѣ прочихъ условій, будутъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже тѣхъ, которымъ при вступленіи въ нее нужно было не забывать, а лишь учиться, прилагая школьныя крохи къ огромному дошкольному запасу мыслей».

Къ этому нужно прибавить, что учебныя книги въ малорусскихъ школахъ далеки отъ мѣстнаго быта не только по языку, но и по содержанію. Не только книга для класснаго чтенія, но и букварь и даже ариѳметическіе задачники даютъ картины и примѣры изъ великорусскаго быта, далекаго и непонятнаго малорусскому школьнику, что еще болѣе углубляетъ ту пропасть, какая отдѣляетъ всю его жизнь отъ школьнаго обученія, и тѣмъ ослабляетъ образовательное вліяніе школы на мѣстное населеніе.

Отрицательныя послѣдствія наличной школьной системы на Украйнѣ сознаны уже давно, и такой авторитетный педагогъ, какъ К. Д. Ушинскій, уже полвѣка тому назадъ рѣзко осудилъ дѣйствующую систему и далъ яркую характеристику отрицательнаго вліянія, которое оказываетъ народная школа обычнаго типа на школьниковъ малорусской деревни. «Мало будетъ имѣть успѣха та школа,—говоритъ Ушинскій,—въ которую дитя переходитъ изъ дома, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо, непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно, близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя-малороссіянина, когда оно станетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусскаго слова, начинаютъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чистый великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малоросса, при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня и неласково напомнитъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа

не пустить корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она со своею сотнею плохо заученныхъ словъ, передъ тою безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ, на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже, чѣмъ ничего. Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчіи написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ... Великорусская... грамота, непремѣнно погибнетъ безъ всякаго добраго слѣда въ малорусскомъ селѣ».

Не менѣе опредѣленно высказывались по этому же вопросу и другіе авторитеты русской педагогики. Вообще вопросъ о родномъ языкѣ въ малорусской школѣ, вопросъ далеко не новый. Изъ области теоретическихъ сужденій онъ давно уже перешелъ и въ практику жизни,—какъ путемъ созданія учебно-школьной литературы на украинскомъ языкѣ, такъ и путемъ неоднократныхъ попытокъ со стороны самыхъ разнообразныхъ круговъ общества, ввести родной языкъ въ школу для малорусскаго населенія,—попытокъ, оставшихся безъ достиженія, по причинамъ чисто внѣшняго, «независящаго», характера. Еще въ началѣ 60-хъ г.г. прошлаго столѣтія украинская интеллигенція устраивала въ селахъ частныя народныя школы съ малорусскимъ языкомъ преподаванія, въ городахъ широкое развитіе получили воскресныя малорусскія школы. Кіевскій учебный округъ, во главѣ котораго стоялъ тогда Н. И. Пироговъ, придавалъ огромное значеніе родному языку въ школѣ, а отдѣльные педагоги (Туловъ) участвовали въ разработкѣ вопроса о школьномъ примѣненіи украинскаго языка. За допущеніе родного языка въ украинскую школу высказывались и цѣлыя педагогическія корпораціи кіевскаго учебнаго округа,

какъ, напримѣръ, совѣты гимназій 2-й кіевской, житомирской, привлеченные въ 1862 г. къ разработкѣ проекта «общаго плана устройства народныхъ училищъ». Но въ 1863 г. положеніе круто измѣнилось, и область народной школы сдѣлалась для украинскаго языка запретной. Живую потребность, однако, нельзя было заглушить внѣшними мѣрами, она давала о себѣ знать на каждомъ шагу, и со стороны разныхъ общественныхъ организацій шли многочисленныя заявленія и ходатайства о введеніи украинскаго языка въ начальную школу. Въ 1870 г. входитъ съ такимъ ходатайствомъ черниговское уѣздное земство. Въ 1881 г. вопросъ о родномъ языкѣ возбуждается на съѣздѣ народныхъ учителей въ херсонской губерніи, по иниціативѣ котораго херсонское губернское земство посылаетъ соотвѣтствующее ходатайство. Въ 1900 г. подобныя ходатайства возбуждаются черниговскимъ губернскимъ, полтавскимъ губернскимъ, борзенскимъ уѣзднымъ земствами. Въ 1902 г. въ томъ же смыслѣ высказываются комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности—ананьевскій, бердянскій, воронежскій, конотопскій, лохвицкій, лубенскій, новомосковскій, полтавскій, черниговскій, хотинскій, херсонскій. Въ 1905 г. полтавская городская дума ходатайствовала о допущеніи малорусскаго языка въ преподаваніе въ учреждаемой ею школѣ имени Котляревскаго. Въ томъ же году одесская городская дума возбудила общее ходатайство объ отмѣнѣ стѣсненій украинскаго слова и въ томъ числѣ о допущеніи хотя бы объясненій учителя по-украински, «если бы не оказалось возможнымъ вести въ школахъ все преподаваніе на малорусскомъ языкѣ». Совѣтъ харьковскаго университета въ своей запискѣ по вопросу о цензурныхъ ограниченіяхъ украинскаго языка высказался за введеніе въ начальныхъ школахъ края обученія малороссійскому чтенію и письму и за разрѣшеніе педагогическихъ пособій на малорусскомъ языкѣ. Въ 1907 г. епархіальный съѣздъ подольскаго духовенства возбудилъ ходатайство передъ св. синодомъ о приспособленіи обученія въ школахъ къ реальнымъ потребностямъ украинскаго народа, и св. синодъ указомъ отъ 12 октября 1907 г. разрѣшилъ въ церковныхъ школахъ Подоліи пользоваться украинскимъ языкомъ, особенно въ самомъ началѣ обученія; въ силу того же указа разрѣшалось введеніе во второклассныхъ школахъ и въ винницкой церковно-учительской школѣ преподаванія украинскаго языка. Неоднократно тотъ же вопросъ возбуждался петроградскимъ комитетомъ грамотности и харьковскимъ и кіевскимъ обществами грамотности. Въ послѣдніе годы вопросъ о необходимости украинскаго преподаванія поднимался на съѣздахъ кіевскомъ кооперативномъ, кіевскомъ сельско-хозяйственномъ и особенно подробно на немъ останавливались московскій и петро-

градскій съѣзды по народному образованію, при чемъ послѣдній въ своихъ резолюціяхъ весьма обстоятельно освѣтилъ значеніе украинскаго языка въ школѣ и общественныя пожеланія въ этомъ смыслѣ. И даже въ годы войны данный вопросъ не потерялъ своей остроты. Во время послѣднихъ земскихъ собраній въ концѣ 1915 г. и въ началѣ 1916 г. онъ вновь возникаетъ въ полтавскомъ губернскомъ, въ золотоношскомъ и лубенскомъ земскихъ собраніяхъ. Неоднократно обсуждался этотъ вопросъ и въ Думѣ. во время бюджетныхъ преній по смѣтѣ министерства нар. пр.. и даже внесены въ Думу два законопроекта: въ третью Думу, по иниціативѣ 37 членовъ, законопроектъ «О языкѣ преподаванія въ начальныхъ школахъ мѣстностей съ малорусскимъ населеніемъ» и въ четвертую такой же законопроектъ члена Госуд. Думы еп. Никона. Само правительство въ лицѣ Комитета Министровъ признало въ 1904 г., что стѣсненія родного языка, «значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи книгъ, препятствуютъ повышенію нынѣшняго культурнаго его уровня».

Казалось бы, вполнѣ доказана и вошла въ сознаніе та истина, что образованіе народа не на томъ языкѣ, на которомъ онъ думаетъ, чувствуетъ и говоритъ, не можетъ быть прочно, что родной языкъ, этотъ могучій факторъ просвѣщенія, долженъ быть допущенъ въ школу для украинскаго населенія и что только при этомъ условіи будутъ устранены преграды для естественнаго духовнаго развитія малорусскихъ школьниковъ.

Но дѣло родного языка въ украинской школѣ все еще не вышло изъ стадіи «вопроса». Преподаваніе ведется здѣсь всецѣло на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ, родной языкъ учащихся не только не допускается, какъ языкъ преподаванія, но даже исключенъ въ качествѣ вспомогательнаго средства для объясненія учащимся, не знающимъ русскаго языка. Въ законѣ никакого запрещенія въ данномъ отношеніи нѣтъ, но административная практика дѣйствуетъ сильнѣе самаго суроваго закона.

Фактъ игнорированія въ малорусской школѣ родного языка, какъ естественнаго пути школьнаго обученія, приподнимаетъ завѣсу неясности съ тѣхъ данныхъ о слабомъ развитіи просвѣщенія среди малорусскаго населенія, какія приведены выше. Украинскій школьникъ, не пользующійся роднымъ языкомъ при обученіи, конечно, успѣваетъ слабѣе, чѣмъ его великорусскій собратъ, не испытывающій никакихъ затрудненій въ самой формѣ усвоенія знаній. Отсюда—среди малорусскихъ школьниковъ сравнительно меньшій процентъ оканчивающихъ полный курсъ школы, меньшій процентъ успѣшно выдержавшихъ на льготу по воинской повинности и, наоборотъ, болѣе высокій процентъ

бросившихъ школу до окончанія курса. Это и понятно. Малорусскому школьнику усвоеніе знанія дается труднѣе, да и пріобрѣтенныя знанія удерживаются не такъ прочно, ибо непрочна самая форма усвоенія. Насколько несовершенна и неустойчива эта форма, показываетъ тотъ ужасающій жаргонъ, на которомъ не только говорятъ, но и пишутъ малорусскіе школьники и который является внѣшней иллюстраціей неясности и сбивчивости самой ихъ мысли. Въ «Русской школѣ» за 1912 г. (№№ 3—6), въ статьѣ г. Кравченка «Духовный міръ и мысли учащихся», приведены, между прочимъ, образцы письменныхъ работъ малорусскихъ школьниковъ, и среди этихъ работъ видимъ такіе перлы жаргонной стилистики:

— Я колысь пошелъ по воду. Я разъ шелъ по огороду и набрелъ на соящники, рачки долѣзъ, вырвалъ и заховалъ въ карманъ.

— Разъ мы съ Андреемъ стали балакать, какъ бы вкрасты ягидъ. А мы тогда изъ вышни, а лиса высокая, а я кирпичъ съ лисы скинулъ да и выскочили. За Андреемъ погнался парубокъ зъ ципкомъ. Мы позалазили въ кочаникъ.

— Людей много набьется, такъ что грубу вытопятъ, а они вырпаютъ.

— Когда меня убирали (одѣвали), то я ничего не боялся.

— Былъ недоволенъ, когда не принималъ участія, но когда приставили къ Сусанину, то я зрадивъ, а какъ шапки мѣряли, то я дуже радивъ.

— Не люблю конюшню чистить, потому что чоботы убираются.

— Не люблю дѣтей глядиты и горшки банить.

— Та не хочется мнѣ служить, но треба.

— Я пришелъ домой, а братъ говоритъ: «Я скажу таткови, что ты курывъ», а я кажу: не кажи, я тебѣ дамъ много коробочекъ.

— Яковъ каже: «Давай купимъ табаку», а я кажу: «Грошивъ нема». А хиба ты й доси ны знаешъ за що табаку куповать? За яйца. Бува, то наши узнають про це, такъ дають мени табаку.

— Мама стали ловить меня скрозь, чтобы побить.

— Я изъ хаты выбигъ и тикать, а батько кажуть: ты войдешь въ хату. Я вошелъ, сталъ раздягаться, а батько кнутомъ. Я плачу и говорю: се Олена пиддурыла.

— Ваня очень швидко лазитъ.

— Они жинуть да поють, вдругъ что-то загуркотѣло.

— Саша ихъ (мать) ущипнула, а онѣ якъ зазихнуть.

— А хохломъ (крестьяниномъ) не хочу, потому что лѣтомъ ѣдь на степь, а солнце такъ и пече, что потъ градомъ льетъ и еще потому что въ кизякахъ довбайся, та руки порѣпаются.

Передъ нами далеко еще не яркая иллюстрація того гибриднаго языка, который является законнымъ дѣтищемъ нынѣшней руссификаторской школы па Украйнѣ. Но и этой иллюстраціи, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, какъ можетъ школа, построенная на «педагогичныхъ» основахъ, изуродовать языкъ, изломать и искалѣчить формы изложенія мысли и лишить ребенка естественнаго орудія для логическаго мышленія, того могучаго орудія,—родного языка, который, по словамъ великаго писателя, «одна поддержка и опора во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ

раздумій». Можетъ ли служить такой опорой языкъ украинскихъ школьниковъ, эта гнусная пародія на «великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ», пародія, помимо всего, въ высшей степени вредная. Авторъ статьи «Сельская школа о войнѣ» («Вѣстникъ Воспитанія», 1916 г., II) г. Ярошевичъ, приведя подобные же образцы сочиненій украинскихъ школьниковъ, справедливо замѣчаетъ: «школа не научаетъ даже грамотно писать, она сжала, скомкала живую дѣтскую мысль, научила ихъ стыдиться «мужичьихъ» словъ, считая употребленіе родного украинскаго языка чѣмъ-то не только преступнымъ, но смѣшнымъ и неприличнымъ. Больно чувствовать, какъ живая мысль ребенка бьется въ тискахъ, какъ она тускнѣетъ, и «сочиненія» годъ отъ года дѣлаются блѣднѣе... По этимъ работамъ можно думать, что въ школахъ сидятъ тупицы. Такъ обставлена, такъ вліяетъ наша начальная школа въ своемъ цѣломъ, въ мѣстностяхъ съ «инородческимъ» населеніемъ... Послѣ 5-6 лѣтъ пребыванія въ школѣ дѣти почти не умѣютъ излагать своихъ мыслей письменно». Кощунственное пародированіе величайшаго человѣческаго дара—дара свободной рѣчи, какъ видимъ, мститъ за себя очень жестоко. Оно не ограничивается внѣшними признаками—темной искалѣченной рѣчью, но распространяется и на духовныя способности, лишая способности свободно и правильно мыслить.

Удивительно-ли, что школьная премудрость, закрѣпленная въ головѣ дитяти въ такой уродливой и непрочной формѣ, улетучивается значительно быстрѣе, чѣмъ это могло бы быть при нормальныхъ условіяхъ обученія? Отсюда—рецидивизмъ безграмотности среди малорусскаго населенія, наблюдаемый уже спустя 3-4 года по выходѣ изъ школы. «По условіямъ нашей сельской жизни,—говорится въ одномъ изъ докладовъ школьной комиссіи черниговскому губернскому земскому собранію,—грамотность, пріобрѣтаемая обыкновенно въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ, по выходѣ изъ школы иногда забывается совершенно». «При посѣщеніи школъ въ качествѣ члена училищнаго совѣта, — говорилъ предсѣдатель черниговской земской управы г. Хижняковъ,—я встрѣчалъ въ селахъ примѣры, что черезъ 3—4 года по окончаніи школы совсѣмъ забывали читать». Объ этомъ же краснорѣчиво говоритъ высокій процентъ неграмотныхъ новобранцевъ въ малорусскихъ губерніяхъ.

Происходитъ какой-то фатальный circulus vitiosus. На народное образованіе, какъ бы оно ни было ограничено въ количественномъ отношеніи по сравненію съ дѣйствительною потребностью, затрачиваются все же весьма крупныя средства; оно поглощаетъ массу интеллигентскаго учительскаго труда, столь цѣннаго при нашей бѣдности интеллигентными силами; оно требуетъ упорныхъ

усилій со стороны школьниковъ, наперекоръ природѣ преодолѣвающихъ затрудненія непонятной рѣчи, служащей для нихъ органомъ обученія. И въ результатѣ—возвращеніе въ состояніе поистинѣ первобытное, въ положеніе нетронутаго невѣжества, приближеніе съ другого конца опять ко временамъ Гостомысла—съ тѣмъ лишь существеннымъ различіемъ въ неблагопріятную сторону, что жизнь теперь слишкомъ усложнилась, и невѣжество приходится оплачивать ужъ слишкомъ дорого. При другомъ, болѣе высокомъ, культурномъ уровнѣ населенія, ...
. . . . , ... и въ иной мѣрѣ былъ бы обезпеченъ быстрый и правильный подъемъ всѣхъ сторонъ народной жизни при наступленіи условій мирнаго труда и мирнаго состязанія народовъ. И если при тѣхъ и другихъ условіяхъ одинаково необходимо народное просвѣщеніе, то для возможно болѣе широкаго и плодотворнаго его развитія слѣдуетъ устранить съ пути его тѣ преграды, о которыхъ была рѣчь выше и которыя, задерживая культурный прогрессъ народной массы, связываютъ народныя силы, ослабляютъ народную энергію.

А. Лотоцкій.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ХРОНИКИ.

Конференція германской соціалъ-демократіи.—Конгрессъ трэдъ-юніоновъ.—Кризисъ въ Греціи.

8—10 сентября въ Берлинѣ, въ помѣщеніи бюджетной комиссіи рейхстага, происходили засѣданія конференціи германской соціалъ-демократической партіи. За время войны это было первое совѣщаніе высшихъ инстанцій партіи съ представителями мѣстныхъ организацій.

Инициатива созыва конференціи (уставомъ партіи не предусмотрѣнной) принадлежала такъ называемой партійной комиссіи, находящейся въ рукахъ у тѣхъ же правыхъ группъ, которыя составляютъ большинство въ парламентской фракціи. Собственно говоря, правые элементы партіи мечтали не о конференціи, а о настоящемъ партійномъ съѣздѣ. Съѣздъ, созванный въ условіяхъ военнаго времени, долженъ былъ, какъ они думали, закрѣпить ту позицію, которую заняло большинство партіи въ началѣ войны, долженъ былъ санкціонировать «политику 4-го августа». Но противъ агитаціи въ пользу съѣзда лѣвое меньшинство партіи заявило самый рѣшительный протестъ. Два соображенія были имъ здѣсь выдвинуты. Во-первыхъ, тѣ самыя условія военнаго времени, которыя столь благопріятны для «патріотическаго» большинства, дѣлаютъ совершенно невозможной сколько-нибудь широкую предвыборную пропаганду анти-имперіалистическихъ и анти-военныхъ идей меньшинства. Во-вторыхъ, съѣздъ, созванный въ то время, когда большинство членовъ партіи находится въ траншеяхъ, никакъ не можетъ претендовать на сколько-нибудь точное отраженіе мнѣній и настроеній партійныхъ массъ. Въ концѣ концовъ, партійная комиссія, можетъ быть и очень склонная игнорировать первый доводъ меньшинства, не могла не принять во вниманіе второго. Она пошла на компромиссъ и постановила созвать вмѣсто съѣзда, рѣшенія котораго имѣютъ общеобязательное значеніе, партійную конференцію.

Въ составъ конференціи должны были войти, прежде всего, парламентская фракція, центральный комитетъ партіи, контрольная комиссія и партійная комиссія. Уже это одно обѣщало дать на конференціи значительный перевѣсъ правому крылу партіи. Очень благопріятна послѣднему была и система выборовъ представителей отъ мѣстныхъ организацій. Эта система предоставляла явныя преимущества мелкимъ организаціямъ передъ организаціями крупныхъ промышленныхъ центровъ, гдѣ особенно вліятельны лѣвыя группы. Организаціи отъ 50 до 3.000 членовъ должны были избирать по одному делегату, организаціи отъ

3,000 до 10,000 по два, отъ 10,000 и выше — по три. Несмотря на всѣ эти условія, группы меньшинства рѣшили принять участіе въ конференціи въ цѣляхъ освѣдомительныхъ и пропагандистскихъ, отнюдь не признавая, однако, за нею права выносить обязательныя для всей партіи постановленія.

По существу конференція дала мало новаго матеріала для характеристики борющихся въ партіи теченій. Съ докладами отъ большинства (вѣрнѣе, отъ фракціи большинства и отъ центральнаго комитета) выступили Шейдеманъ и Эбертъ. Шейдеманъ стоялъ въ своей рѣчи попрежнему на точкѣ зрѣнія «вынужденной обороны» Германіи. Указавъ на то, что голосованіе фракціи 4-го августа 1914 г. въ пользу военныхъ кредитовъ, — голосованіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее настроенію народныхъ массъ того момента и одобренное семью восьмыми фракціи, — было обусловлено опасностью, грозившей Германіи со стороны Россіи, Шейдеманъ напомнилъ аудиторіи, что и сейчасъ грозящія Германіи опасности не стали меньше.

Нѣтъ никакихъ данныхъ думать, — говорилъ Шейдеманъ, — чтобы отклоненіе кредитовъ германской соціалъ-демократіей вызвало соотвѣтственные шаги со стороны соціалистической партіи Франціи и Англіи. Да если бы даже часть французскихъ и англійскихъ соціалистовъ рѣшилась на это, — воздѣйствіе такого вотума на правительства было бы въ высшей степени слабо. Достаточно показателенъ въ этомъ отношеніи примѣръ Италіи и Румыніи, которыя вмѣшались въ войну, несмотря на всѣ предупрежденія соціалистовъ. Голосованіе бюджета отнюдь не слѣдуетъ считать выраженіемъ довѣрія къ правительству; оно было лишь естественной данью долгу защиты отечества. Ни рѣшенія партейтаговъ, ни международные конгрессы не обязывали партію къ отклоненію военныхъ кредитовъ. Наоборотъ: если партійная программа требуетъ вооруженія народа, то, разумѣется, только для того, чтобы вооруженный народъ могъ защищать свою независимость. Цѣли войны державъ согласія грозятъ Германіи эксплоатаціей ея труда иноземными завоевателями. Что сталось-бы тогда съ соціализмомъ! Рѣшенія международныхъ конгрессовъ предписываютъ соціалистическимъ партіямъ бороться за скорѣйшее прекращеніе войны. Но эти рѣшенія обязательны для всѣхъ соціалистическихъ партій; между тѣмъ, всѣ дѣйствія въ этомъ направленіи германской соціалъ-демократіи вызывали лишь рѣзкій отпоръ съ противоположной стороны.

Шейдеманъ является въ германской партіи представителемъ праваго центра. Его аргументація, построенная на принципѣ обороны, въ существенныхъ чертахъ воспроизводитъ, какъ мы видѣли, тотъ же ходъ мысли, какой мы встрѣчаемъ у послѣдовательныхъ сторонниковъ этого принципа въ соціалистическихъ партіяхъ странъ согласія. Отъ проповѣдниковъ «борьбы до конца», «полнаго сокрушенія противника» Шейдеманъ на этотъ разъ довольно опредѣленно отмежевывался. От-

клонитъ онъ также и мысль объ аннексіяхъ. Весьма знаменательно, что представители крайней правой, соціалъ-имперіалисты въ стилѣ Кольба, Ленша, Гейне, Зюдекума не осмѣлились вовсе выступить на конференціи съ пропагандой своихъ идей.

Отъ имени умѣренной оппозиціи, такъ сказать, лѣваго центра, выступалъ на конференціи Гаазе. Не отвергая принципа обороны по существу, Гаазе возражалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ того примѣненія, какое дѣлаетъ изъ этого безспорнаго принципа большинство. Прошлое партіи, ея традиціи ни въ коемъ случаѣ не требовали отъ нея голосованія военныхъ кредитовъ. Вопросъ о кредитахъ — это вопросъ объ общей политикѣ правительства. И, конечно, эта политика была отнюдь не такова, чтобы претендовать на одобреніе соціалъ-демократіи. Та точка зрѣнія, согласно которой соціалъ-демократія, при любыхъ условіяхъ, должна давать своей странѣ средства на оборону, должна привести партію къ одобренію всѣхъ военныхъ требованій въ мирное время: вѣдь онѣ всегда мотивируются нуждами обороны страны. Наоборотъ, соціалъ-демократія должна всегда изслѣдовать, прежде всего, какой характеръ носитъ война и какова общая политика правительства. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ (здѣсь опубликованный текстъ рѣчи Гаазе, вѣроятно, серьезно пострадалъ отъ цензуры) приводитъ Гаазе къ тому выводу, что политика большинства, начиная съ 4-го августа, была несоціалистической. . . . .

. . . .

. . . Во внутренней политикѣ партія должна вернуться къ забытымъ ею принципамъ классовой борьбы.

Судя по прошедшимъ цензуру частямъ рѣчи Гаазе, ораторъ партійной оппозиціи стремился примирить принципъ обороны съ принципомъ международности. Дальше его пошла представительница крайней лѣвой (группы Internationale Меринга-Люксембургъ) Кэтъ Дункеръ. Дункеръ заявила, что ея группа не только находится въ оппозиціи по отношенію къ большинству; она относится весьма критически и къ промежуточной позиціи умѣреннаго меньшинства типа Гаазе. Соціалъ-демократія должна превратить интернаціоналъ въ положительный и мощный факторъ исторической жизни. Идея интернаціонала должна стать альфой и омегой воспитательной работы партіи. Эта идеологія интернаціонализма рѣзко противополагается идеологіи національзма, передъ которой капитулировала партія 4-го августа 1914 г. Отношеніе къ оборонѣ страны опредѣляется имперіалистическимъ характеромъ войны. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . Вотъ если соціалисты добьются въ своей странѣ власти, тогда-то они, конечно, будутъ обязаны защищать свои пріобрѣтенія отъ внѣшняго врага.

Послѣ трехдневныхъ дебатовъ, конференція приняла резолюцію Давида, признающую обязанность соціалистовъ принимать участіе въ оборонѣ страны и подтверждающую, что война попрежнему является для Германіи войной оборонительной, пока непріятель не изъявляетъ готовности заключить миръ, обезпечивающій политическую независимость, территоріальную неприкосновенность и свободу хозяйственнаго развитія Германіи. Но резолюція была принята большинствомъ 251 голоса противъ 5-ти. Меньшинство не участвовало въ голосованіи, не признавая права конференціи принимать принципіальныя резолюціи. Для опредѣленія силы меньшинства интересны цифры голосовавшихъ за и противъ предложенія Гаазе отказаться отъ принятія резолюцій. За это предложеніе было подано 168 голосовъ, противъ 275. Конечно, вмѣстѣ съ меньшинствомъ голосовала небольшая колеблющаяся группа большинства; но все же при крайне благопріятномъ для большинства способѣ организаціи конференціи цифра голосовавшихъ съ Гаазе представляется весьма внушительной. Меньшинство, очевидно, является уже сейчасъ весьма крупной силой въ партіи, и «Vorwärts», былъ, несомнѣнно, правъ, оцѣнивая конференцію, какъ моральную побѣду оппозиціи. «Vorwärts» такъ формулируетъ тѣ выводы, какіе можно сдѣлать на основаніи конференціи: 1) Политика большинства фракціи встрѣчаетъ принципіальную оппозицію въ самыхъ широкихъ кругахъ партіи; 2) Эти круги стремятся къ возстановленію старыхъ отношеній, основанныхъ на принципахъ, установленныхъ національными и интернаціональными конгрессами; 3) духъ стараго интернаціонала въ Германіи пробудился, и его конечная побѣда уже обезпечена. . . . .

. . . .

* * *

За двѣ недѣли до конференціи германской соціалъ-демократіи въ Бирмингемѣ состоялся очередной конгрессъ англійскихъ трэдъ-юніоновъ. Въ конгрессѣ приняло участіе 667 делегатовъ, представляющихъ 2.847.547 членовъ. По сравненію съ прошлогоднимъ, бристольскимъ конгрессомъ число членовъ возросло на 17.000, число делегатовъ — на 57. Такимъ образомъ, передъ нами несомнѣнный количественный прогрессъ, свидѣтельствующій о томъ, что война не затронула сколько-нибудь существенно экономической организаціи англійскаго рабочаго класса. Эта организація продолжала рости, несмотря на введеніе воинской повинности и на дороговизну.

Относительное благополучіе, проявляющееся въ количественномъ

прогрессѣ, сказалось, вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ, принятыхъ съѣздомъ. Конгрессы трэдъ юніоновъ никогда не отличались особенной послѣдовательностью и принципіальной продуманностью своей политики. Ихъ платформа всегда представляла собою нѣчто половинчатое, нѣкоторую среднюю между «рабочимъ либерализмомъ» стараго типа и революціоннымъ соціализмомъ. Однако, въ послѣдніе передъ войной годы идеи классовой борьбы и классовой солидарности, казалось, все болѣе пропитывали англійское рабочее движеніе; средняя линія все болѣе передвигалась влѣво. Бирмингемскій конгрессъ во многихъ отношеніяхъ является несомнѣннымъ уклономъ вправо, несомнѣннымъ шагомъ назадъ.

Наиболѣе ярко сказалось настроеніе съѣзда при обсужденіи предложенія Американской Федераціи Труда о созывѣ международнаго мирнаго конгресса рабочихъ. Федерація предлагала созвать конгрессъ не сейчасъ, а тогда, когда уже начнутся мирные переговоры между представителями воюющихъ державъ. Парламентскій комитетъ внесъ это предложеніе на разсмотрѣніе конгресса. Но настроенное ультра-націоналистически большинство членовъ отнеслось къ нему весьма подозрительно, увидѣвъ въ немъ, непонятнымъ образомъ, попытку содѣйствія «преждевременному миру». По этому поводу много говорилось о необходимости раньше «изгнать врага изъ Бельгіи и Франціи», хотя въ американскомъ предложеніи не было и рѣчи о созывѣ рабочаго конгресса до окончанія войны. Напрасно сторонники предложенія увѣряли, что они тоже противъ «преждевременнаго мира», что они не меньше противниковъ стремятся къ изгнанію нѣмцевъ изъ Франціи и Бельгіи,—убѣдить большинство конгресса оказалось невозможнымъ. Очень отчетливо точка зрѣнія большинства была формулирована Виль Торномъ. «Въ международномъ конгрессѣ,— заявилъ Торнъ, — предполагается участіе не только рабочихъ странъ согласія и нейтральныхъ, но также германскихъ, австрійскихъ, турецкихъ и болгарскихъ. Британскимъ представителямъ придется сидѣть съ ними за однимъ столомъ». По мнѣнію Торна, ни одинъ уважающій себя британскій рабочій на это не согласится. Конгрессъ послѣдовалъ за Торномъ и отклонилъ предложеніе большинствомъ 1.486,000 голосовъ противъ 723,000. Это рѣшеніе вызвало изумленіе даже въ либеральной англійской прессѣ. «Неужели, — спрашивали газеты, — Торнъ считаетъ невозможнымъ сѣсть за однимъ столомъ съ Бернштейномъ тогда, когда даже лордъ Грей согласится говорить съ Бетманомъ-Гольвегомъ». Во всякомъ случаѣ, мысль о воздѣйствіи международнаго пролетаріата на условія мира англійскимъ рабочимъ съѣздомъ рѣшительно отвергнута. Выработку этихъ условій онъ счелъ болѣе разумнымъ предоставить всецѣло представителямъ офиціальной дипломатіи обѣихъ сторонъ.

На основаніи опыта прошлыхъ лѣтъ можно было ожидать, что конгрессъ въ вопросахъ внутренней политики окажется гораздо болѣе радикальнымъ, чѣмъ въ вопросахъ политики внѣшней. И дѣйствительно,

онъ принялъ рядъ довольно радикальныхъ принципіальныхъ резолюцій: объ отмѣнѣ послѣ войны актовъ парламента, вводящихъ принудительную военную службу или прилагающихъ принципъ принужденія въ области производства; о національзаціи желѣзныхъ дорогъ; о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ; объ обязательности для всѣхъ рабочихъ быть членами трэдъ-юніоновъ; объ установленіи закономъ минимума заработной платы и т. д., и т. д. Но конгрессъ проявлялъ полную безпомощность и безпринципность всякій разъ, какъ ему приходилось сталкиваться съ вопросомъ непосредственнаго практическаго значенія. Какъ извѣстно, самымъ острымъ вопросомъ экономической политики Англіи является въ данный моментъ тарифная реформа. Конгрессу была предложена резолюція, отвергающая протекціонизмъ и противопоставляющая ему улучшеніе образовательной системы, отмѣну всѣхъ формъ монополій и т. п. Конгрессъ принялъ резолюцію, но съ поправкой, отвергающей также попытки фритредеровъ использовать въ ихъ цѣляхъ рабочее движеніе и рекомендующей пошлины на продукты иноземнаго дешеваго труда. Въ своей новой формѣ резолюція получила совершенно неопредѣленный характеръ. Между тѣмъ въ условіяхъ даннаго момента, когда протекціонизмъ торжествуетъ въ Англіи по всей линіи, эта неопредѣленность неизбѣжно будетъ истолкована,—и не безъ основаній,—какъ новый успѣхъ тарифной реформы, — на этотъ разъ въ той средѣ, которая противъ нея до сихъ поръ наиболѣе рѣшительно боролась.

Большую тревогу вызываетъ въ англійскихъ рабочихъ кругахъ вопросъ о положеніи послѣ войны. Съ одной стороны, возвращеніе съ фронта милліонной арміи грозитъ острой безработицей; съ другой, въ кругахъ предпринимателей, повидимому, крѣпнетъ стремленіе удержать и послѣ войны тѣ новые порядки, какіе установились въ промышленныхъ предпріятіяхъ съ отмѣной правилъ и обычаевъ трэдъ-юніоновъ по такъ называемому Munitions Act. Вопросы — исключительной важности. Но конгрессъ отнесся къ нимъ достаточно легко. По первому пункту все ограничилось лишь общими, само собою разумѣющимися заявленіями о необходимости расширенія страхованія отъ безработицы, объ организаціи общественныхъ работъ и т. д. По второму пункту было рѣшено, что по окончаніи войны долженъ быть возстановленъ полностью status quo ante bellum согласно обязательствамъ, даннымъ правительствомъ. Представительница женщинъ-рабочихъ тщетно обращала вниманіе конгресса на всю сложность стоящей передъ нимъ проблемы. Она говорила о крупномъ техническомъ прогрессѣ, ломающемъ старыя нормы, объ упрощеніи пріемовъ труда, о трудности распутать при измѣнившихся условіяхъ отношенія между мужскимъ и женскимъ трудомъ. Возможно-ли простое возвращеніе къ старымъ порядкамъ? И во всякомъ случаѣ есть-ли основанія надѣяться, что въ своей борьбѣ противъ новшествъ трэдъ-юніоны смогутъ разсчитывать на вѣрность министровъ своимъ обязательствамъ? Резолюція о status quo была принята безъ всякихъ по-

правокъ. Склонность къ упрощенному рѣшенію весьма сложнаго вопроса о женскомъ трудѣ появилась, помимо указанной резолюціи, также и въ постановленіи бороться противъ женскаго труда на трамваяхъ.

Весьма показательно отношеніе конгресса къ правительству. Въ связи съ дороговизной правительству бросались самые тяжкіе упреки, противъ него выдвигались самыя рѣзкія обвиненія. А вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ не только не находилъ ничего ненормальнаго въ томъ, что его представители являются полноправными членами этого самаго правительство, наоборотъ, онъ отнесся съ полнымъ одобреніемъ къ выдвинутой парламентскимъ комитетомъ идеѣ спеціальнаго министерства труда въ составѣ даннаго коалиціоннаго кабинета. Созданіе рабочаго министерства должно, по мнѣнію комитета, *закрѣпить окончательно ассоціацію труда съ правительствомъ государства.* Черезъ новое министерство рабочіе будутъ принимать «*прямое, активное и реальное участіе въ дѣлѣ управленія страной*». Вся утопичность этого мирнаго «завоеванія власти» путемъ занятія рабочимъ кресла въ кабинетѣ, представляющемъ собою коалицію либеральнаго имперіализма съ имперіализмомъ консервативнымъ, ясна, казалось бы, само собою. Опытъ съ Гендерсономъ можетъ ее иллюстрировать достаточно ярко. Тѣмъ не менѣе на конгрессѣ противъ пожеланія комитета поднялся только одинъ голосъ — Х. Вильсона. «Вы говорите о рабочемъ министерствѣ, — заявилъ Вильсонъ, — вы знаете сами, что это вздоръ; вы знаете, что если бы у васъ былъ рабочій министръ, то онъ былъ бы также безсиленъ, какъ младенецъ, въ рукахъ правительственныхъ чиновниковъ». Этотъ рѣзкій, но вполнѣ отвѣчающій существу дѣла выпадъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на большинство конгресса.

Характеристика общаго направленія конгресса была бы неполна безъ упоминанія о попыткѣ, правда неудачной, провести рѣзкую демаркаціонную черту между рабочимъ движеніемъ и движеніемъ соціалистическимъ, — главнымъ образомъ, Независимой Рабочей Партіей. Заслугъ, оказанныхъ рабочему движенію Независимой Рабочей Партіей, не осмѣливаются отрицать даже ея противники; въ организаціи парламентской рабочей партіи Независимая Партія сыграла самую видную роль. Но теперь Независимая Рабочая Партія со своимъ отношеніемъ къ войнѣ оказалась не ко двору для націоналистически настроенной части членовъ конгресса. И наиболѣе крайніе изъ нихъ не остановились передъ мыслью о разрушеніи всей огранизаціи парламентской рабочей партіи,—лишь бы освободить политическую дѣятельность рабочаго класса отъ «тлетворнаго» вліянія антинаціональнаго духа соціалистовъ. Въ этихъ цѣляхъ конгрессу была предложена резолюція о томъ, чтобы направленіе политической дѣятельности парламентской партіи было сосредоточено исключительно въ рукахъ конгресса трэдъ-юніоновъ. Принятіе этого рѣшенія было-бы равносильно ликвидаціи отдѣльныхъ съѣздовъ рабочей партіи, въ которыхъ наряду съ представителями рабочихъ союзовъ участвуютъ

и представители чисто-соціалистическихъ организацій. Иниціаторы резолюціи были достаточно откровенны и не таили, противъ кого они собственно ведутъ кампанію.

Резолюція была отклонена. Но она собрала немало голосовъ, а насмѣшки ея сторонниковъ надъ идеей международнаго братства рабочихъ, надъ словомъ «товарищъ» и т. п. вызывали сочувственный откликъ въ значительной части собранія. Въ связи съ отклоненіемъ резолюціи о международномъ съѣздѣ по окончаніи войны эта попытка очищенія рабочаго движенія отъ соціалистическихъ элементовъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

* * *

Въ Греціи установилось весьма оригинальное двоевластіе. Тѣ части греческой территоріи, которыя находятся въ сферѣ вліянія державъ согласія (греческая Македонія, сѣверный Эпиръ, острова) признаютъ власть образовавшагося въ Канеѣ, а теперь переселившагося въ Салоники временнаго правительства Венизелосъ-Данглисъ-Кундуріотисъ. Остальная Греція попрежнему подчиняется правительству аѳинскому. Первое правительство безспорно революціонно по своему происхожденію и враждебно королю Константину, хотя оно и отрицаетъ за собою революціонный и антидинастическій характеръ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь поддержкой державъ согласія, оно быстро расширяетъ и укрѣпляетъ свою власть. Второе правительство — правительство короля, — наоборотъ, вслѣдствіе рѣшительнаго противодѣйствія ему державъ согласія съ каждымъ днемъ становится все болѣе безсильнымъ даже въ предѣлахъ той территоріи, которая его еще признаетъ.

Организація временнаго правительства Венизелоса является естественнымъ продолженіемъ мятежа въ Македонской арміи. Вслѣдъ за пронунціаменто Зимбракакиса и Мазаракиса, перешедшихъ въ Салоникахъ со своими частями подъ команду ген. Саррайля, аналогичное движеніе вспыхнуло на островахъ. Аѳинское правительство не имѣло возможности противопоставить силу революціонерамъ, поднявшимъ возстаніе во имя присоединенія къ согласію и притомъ въ тѣхъ областяхъ, надъ которыми господствовалъ флотъ согласія. Поэтому движеніе, независимо отъ своей внутренней силы, имѣло всѣ шансы для успѣшнаго развитія. Когда оно достигло значительнаго распространенія, неизбѣжно должна была возникнуть потребность въ объединеніи разрозненныхъ очаговъ движенія. Въ первое время и повстанцы, и покровительствовавшіе имъ представители согласія, вѣроятно, разсчитывали, что мятежъ въ войскахъ заставитъ правящіе круги Аѳинъ отказаться отъ политики нейтралитета и призвать ко власти Венизелоса. Но этого не случилось. Король Константинъ, опираясь на оставшуюся вѣрной ему часть арміи, и, несомнѣнно, также на сочувствіе нейтралитету массъ населенія коренной Греціи, упорно отказывался принять рѣшеніе,

которое настойчиво диктовалось ему представителями державъ согласія. Когда компромиссный кабинетъ Заимиса, утомившись безконечнымъ лавированіемъ между требованіями согласія и желаніями партіи нейтралита, подалъ въ отставку, король призвалъ къ власти не Венизелоса, а Калогеропулоса, вождя теотокистовъ, всегда поддерживавшихъ политику нейтралитета съ уклономъ въ сторону дружбы съ Германіей. Этотъ шагъ короля, выяснившій всю невозможность для Венизелоса стать нормальнымъ путемъ во главѣ аѳинскаго правительства, заставилъ венизелистскую партію, — конечно, не безъ вѣдома державъ, рѣшиться на крайнюю мѣру. Венизелосъ съ виднѣйшими дѣятелями партіи Данглисомъ и Кундуріотисомъ покинули Аѳины, и, прибывъ на о. Критъ, провозгласили тамъ себя временнымъ правительствомъ.

Вѣроятно, въ этотъ моментъ венизелисты считали свое критское правительство организаціей не только временной, но и кратковременной. Они не теряли надежды на то, что ихъ революція въ связи съ давленіемъ со стороны державъ поставитъ короля Константина въ необходимость признать мятежниковъ формально греческимъ правительствомъ или по крайней мѣрѣ поставить у власти приверженцевъ согласія. Державы со своей стороны не переставали дѣйствовать въ этомъ направленіи. Съ кабинетомъ Калогеропулоса онѣ не желали вести никакихъ сношеній. Между тѣмъ, въ греческой казнѣ наступило полное оскудѣніе, да и, помимо того, предыдущія мѣры согласія по отношенію къ Греціи сдѣлали для греческаго провительства невозможнымъ управленіе страной безъ поддержки державъ. Поэтому кабинетъ Калогеропулоса, сдѣлавъ попытку сначала убѣдить державы въ своей доброжелательности и въ своей готовности творить ихъ волю во всемъ, кромѣ войны, затѣмъ, когда попытка не удалась, представилъ королю Константину о невозможности править страной, не идя навстрѣчу требованіямъ державъ и подалъ въ отставку послѣ всего трехнедѣльнаго правленія.

Этотъ новый кризисъ оказался, однако, еще не послѣднимъ актомъ греческой трагикомедіи. Въ коренной Греціи населеніе реагировало на отставку кабинета волной антивенизелистскихъ манифестацій. Король Константинъ проявилъ исключительную твердость и назначилъ новое нейтралистское министерство — Ламброса. Такимъ образомъ, установившееся въ Греціи двоевластіе приняло затяжной характеръ. Державы согласія, раздраженныя упорствомъ короля Константина, рѣшились по отношенію къ Греціи на самыя крайнія репрессивныя мѣры. Онѣ потребовали въ концѣ сентября частью разоруженія, частью сдачи греческаго флота, срытія и сдачи прибрежныхъ фортовъ, подчиненія контролю державъ греческихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ качествѣ мотива было выдвинуто указаніе на ту опасность, какой грозятъ греческія укрѣпленія и греческій флотъ соединеннымъ арміи и флоту державъ согласія. Само собою разумѣется, греческое правительство было безсильно дать

отпоръ этимъ требованіямъ. Оно приняло ихъ всѣ безпрекословно. Но основная цѣль дипломатіи согласія и венизелистской партіи — выступленіе Греціи, — осталась попрежнему недостигнутой. И трудно сказать, скоро-ли и на какихъ условіяхъ будутъ вновь объединены тѣ двѣ части, на которыя разорвала Грецію европейская война. . . . .

В. Волгинъ.

ИТАЛЬЯНСКІЙ СОЦІАЛИЗМЪ И ВОЙНА.[1]

Позиція, занятая партіей итальянскаго пролетаріата по отношенію въ міровой войнѣ, вызываетъ къ себѣ самое разнообразное отношеніе—въ зависимости отъ точки зрѣнія лицъ, имѣющихъ объ этомъ сужденіе. На одномъ полюсѣ мы встрѣчаемъ негодованіе, злобу, презрѣніе, не говоря уже объ откровенномъ клеветничествѣ, на другомъ — чрезмѣрную идеализацію, канонизированіе, чуть ли не обожествленіе. И самой характерной особенностью этихъ пестрыхъ оцѣнокъ является то обстоятельство, что всѣ онѣ питаются изъ одного источника: своеобразія поведенія итальянскихъ соціалистовъ, дѣйствующихъ не какъ всѣ, не какъ французы, или нѣмцы.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это на первый взглядъ не странно: партія, построенная по образу и подобію большихъ соціалистическихъ партій, съ 60 тысячами членовъ, милліономъ избирателей, 43 депутатами, огромнымъ вліяніемъ въ муниципалитетахъ, кооперативахъ, профессіональномъ движеніи—и вдругъ «незрѣлая», «антигосударственная» тактика, позволительная, по теоріямъ новѣйшаго образца, лишь для какой-нибудь тамъ Сербіи, «недоросшей» еще до патріотизма? Нѣкоторые пытались дидактически объяснить это явленіе указаніемъ на то, что итальянцевъ-де спасла свобода отъ реформистовъ, исключенныхъ изъ партіи постановленіями двухъ конгрессовъ: въ Реджіо-Эмиліи и Анконѣ. Не говоря уже вообще о спорности отнесенія причинъ грѣхопаденія на счетъ всяческаго ревизіонизма, приходится отмѣтить, что по отношенію къ Италіи эта методологія совершенно неприминима, такъ какъ названные конгрессы избавили партію лишь отъ правыхъ реформистовъ, Биссолатти и К-о. Лѣвые же реформисты остались въ партіи—и находятся въ ней отнюдь не въ загонѣ. Правда, Дирекція партіи и центральный органъ — въ рукахъ «непримиримыхъ», но въ такихъ учрежденіяхъ, какъ парламентская группа, муниципалитеты, конфедерація труда — преобладаютъ именно лѣво-реформистскіе элементы. Стоитъ назвать имена Турати и Тревеса, играющихъ такую исключительную роль въ жизни партіи, являющихся истолкователями съ парламентской трибуны ея принциповъ и тактики во время войны, чтобы убѣдиться, что хирургическій діагнозъ пригоденъ не подъ всѣми широтами. Ска-

[1] Эта корреспонденція, печатаемая въ отрывкахъ, запоздала печатаніемъ на насколько мѣсяцевъ по незав. отъ автора и ред. обстоятельствамъ. *Ред.*

занымъ мы не думаемъ отрицать, что заблаговременная очистка партіи отъ праворефомистскихъ элементовъ, всегда ведшихъ «національную» политику вплоть до пріятія ливійской авантюры, сыграла извѣстную роль въ поведеніи партіи; но приводить это въ качествѣ исчерпывающаго объясненія — значитъ мыслить идеалистически. Основная линія поведенія итальянской партіи диктовалась не индивидуальными качествами вождей, а всей конкретностью историко-политической ситуаціи, въ которой она находилась.

Присмотримся теперь поближе, *какъ* итальянскіе соціалисты вели и ведутъ свою линію съ момента возникновенія міровой войны. Думаемъ, это представитъ для нашихъ читателей не одинъ лишь историческій интересъ...

* * *

Въ первой же замѣткѣ, посвященной центральнымъ органомъ партіи знаменитому австрійскому ультиматуму, мы находимъ лозунгъ, подъ которымъ итальянскіе соціалисты вели свою кампанію до вступленія страны въ войну: «Передъ ужасающей возможностью міровой войны итальянскій пролетаріатъ высказываетъ правительству свои пожеланія и посылаетъ ему свои требованія, синтезированныя въ формулѣ *абсолютнаго нейтралитета*... Пролетаріи Италіи, если правительство не прислушается къ вашему торжественному предупрежденію, готовьтесь къ дѣйствію! Пролетаріи Италіи — на ноги! Наступаетъ часъ сильныхъ рѣшеній и великой отвѣтственности. Рѣчь идетъ о вашей крови, вашемъ хлѣбѣ, вашемъ будущемъ».

Еще рѣшительнѣе звучитъ угроза въ статьѣ: «Долой войну!» Avanti отъ 26. VII. 1914), гдѣ мы встрѣчаемъ обѣщаніе разорвать секретные договоры правительства, если они заставятъ пролетаріатъ «пролить хотя бы каплю крови за чужое дѣло». Въ то же время въ Миланѣ экстренно созывается объединенное собраніе Дирекціи партіи и парламентской группы, подтверждающее лозунгъ абсолютнаго нейтралитета и выдвигающее требованіе созыва, — съ одной стороны, парламента, съ другой — международнаго соціалистическаго бюро. Когда міровая война стала совершившимся фактомъ, Дирекція 4-го августа въ новомъ воззваніи призвала рабочихъ быть бдительными, чтобы нейтралитетъ Италіи не былъ нарушенъ до конца войны, а въ случаѣ, если Италія выйдетъ изъ нейтралитета, Дирекція призоветъ массы къ немедленному дѣйствію. Не менѣе рѣшительны заявленія всеобщей конфедераціи труда, цѣликомъ поддержавшей лозунгъ абсолютнаго нейтралитета: «Въ случаѣ, если правительство придетъ на помощь центральнымъ державамъ, она, конфедерація труда, — не изъ расовой вражды или ирредентистскихъ чувствъ, но изъ-за грубаго нападенія, совершеннаго Австро-Венгріей, имѣющей за своей спиной Германію, — будетъ готова воспрепятствовать этому *всѣми средствами*».

Какъ мы видимъ, тонъ всѣхъ этихъ резолюцій и заявленій явно

заостренъ въ сторону центральныхъ державъ, главнымъ образомъ—Австріи. Выше уже было указано, что въ первое время опасность войны угрожала именно съ этой стороны: никто не зналъ, освобождаетъ ли тайный договоръ тройственнаго союза Италію отъ участія въ военныхъ предпріятіяхъ центральныхъ державъ. Многіе думали, что война неминуема, а иные — націоналъ-имперіалисты и «Idea Nazionale» — откровенно этого желали. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль длилась неувѣренность, несмотря на формальное объявленіе нейтралитета правительствомъ, — и въ теченіе этого времени нейтралистская пропаганда партіи велась съ сильнымъ привкусомъ франкофильства и австро-германофобства. Въ данный моментъ, для поставленной очередной задачи — предотвращенія войны, — это имѣло свое значеніе, — помогало втягивать въ движеніе широкія массы, вызывало сочувствіе къ партіи со стороны несоціалистическихъ элементовъ и т. п. Но пренебреженіе къ принципамъ никогда не проходитъ даромъ: оно отомстило, — правда, не сильно, — впослѣдствіи, когда вопросъ о вмѣшательствѣ Италіи пріобрѣлъ иное значеніе, и нѣкоторые изъ соціалистовъ сдѣлали изъ первоначальнаго франкофильства и тевтонофобства, проводившагося при попустительствѣ партіи, не лишенный логичности выводъ. Необходимо, впрочемъ, указать, что подобнаго рода тенденціи встрѣчали внутри партіи энергичный отпоръ. Остановлюсь на одномъ изъ примѣровъ —интересной статьѣ Амадео Бордиги, напечатанной въ «Avanti» отъ 16 августа 1914 г., и озаглавленной: «На наше мѣсто». Въ ней авторъ указываетъ на опасныя теченія, могущія компрометтировать соціалистическое движеніе: многіе товарищи выражаютъ и распространяютъ на собраніяхъ и въ печати чувство живой симпатіи къ тройственному соглашенію, не только оправдывая, но восторженно привѣтствуя поведеніе французскихъ соціалистовъ—вплоть до того, что высказываются мнѣнія о необходимости для всѣхъ соціалистовъ идти защищать Францію. Отъ этого — до требованія итальянскаго вмѣшательства на сторонѣ союзниковъ — одинъ шагъ, — замѣчаетъ Бордига и продолжаетъ: — «Такое поведеніе не отвѣчаетъ соціалистическимъ принципамъ. Мы должны сохранить *нашу* платформу. Теперь всѣ по горло заняты различеніемъ наступательныхъ и оборонительныхъ войнъ... Вчерашніе антипатріоты пишутъ письма, разрушающія десять томовъ, тысячу рѣчей и тысячу статей — и идутъ на фронтъ... На Францію напали, она защищается отъ нѣмецкой опасности. Но читали-ль вы декларацію Гаазе въ рейхстагѣ? Германія защищается будто бы отъ русской опасности. Всѣ отечества въ опасности съ тѣхъ поръ, какъ одни напали на другихъ».

Формальнымъ и схоластичнымъ кажется поэтому Бордигѣ тезисъ, что война была вызвана и подготовлена только германскимъ и австро-венгерскимъ милитаризмомъ. Авторъ останавливается далѣе на прусскомъ милитаризмѣ и показываетъ, что онъ не есть феодальный пережитокъ, какъ это принято теперь думать, а явленіе новѣйшаго времени, вызван-

ное историческими особенностями капиталистическаго развитія Германіи, выступившей на міровомъ ристалищѣ, когда колоніи уже были подѣлены, — главнымъ образомъ, между Англіей и Франціей. Есть еще аргументъ — демократія въ опасности, — продолжаетъ, Бордига: — «Побѣда Германіи будетъ означать «возвращеніе варварства», ибо свѣтъ современной цивилизаціи излучается Франціей. Цивилизацію въ смыслѣ прогрессивнаго «лучеиспусканія» идей, представленій и тенденцій мы не принимаемъ... Въ историческомъ развитіи мы видимъ чередованіе классовъ, обязанное смѣнѣ соціальныхъ формъ, протекающей не эволюціонно, а послѣдовательными кризисами. Не заключается ли въ милитаристической сатурналіи, охватившей теперь Европу, одинъ изъ этихъ великихъ кризисовъ? Выйдетъ ли изъ него «варварство» или «цивилизація» — зависитъ не столько отъ побѣды той или другой стороны, какъ отъ послѣдствій, которыя произойдутъ въ отношеніяхъ соціальныхъ классовъ и міровой экономикѣ».

Взгляды, высказанные А. Бордигой, раздѣлялись, разумѣется, не всѣмъ однимъ, но, повторяемъ, въ первый періодъ войны, когда партіи приходилось отстаивать нейтралитетъ отъ притязаній центральныхъ державъ, она широко пользовалась въ своей борьбѣ и не-соціалистическимъ оружіемъ.

Но вотъ съ итальянскаго горизонта исчезаетъ «австрійская опасность». Становится очевиднымъ, что по тѣмъ или инымъ причинамъ (среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ ярко выраженная воля итальянскаго пролетаріата) правительство не рѣшится примкнуть къ своимъ формальнымъ союзникамъ. Между тѣмъ, развертывающіяся событія, германскіе подвиги въ Бельгіи, шествіе къ Парижу и т. п. пробуждаютъ въ нѣкоторыхъ демократическихъ кругахъ Италіи не только пассивное отвращеніе къ центральнымъ державамъ, но и стремленіе активно выступить въ защиту праваго, по ихъ мнѣнію, дѣла. Расцвѣтаетъ расовая фразеологія, создается культъ «латинской сестры» — Франціи, вытаскивается на свѣтъ Божій ирредентистская программа. Какъ отнеслась къ этому нарождающемуся движенію соціалистическая партія? Она вновь подтвердила свой первоначальный лозунгъ нейтралитета и не встрѣтила на первыхъ порахъ никакой оппозиціи изнутри, даже со стороны элементовъ, по опредѣленію Бордиги, «сентиментально-франкофильскихъ».

Партіи, поддерживающей теперь нейтралитетъ противъ вмѣшательства на сторонѣ Франціи, пришлось такъ или иначе отчитываться за прежніе крики: «Viva la Francia!» Такъ, въ редакціонной статьѣ «Avanti». написанной Муссолини, гдѣ мы впервые встрѣчаемъ защиту нейтралитета «налѣво», мы находимъ, наряду съ другими мотивами, указаніе на то, что итальянскій нейтралитетъ очень помогъ союзникамъ и нанесъ сильный ударъ Австро-Германіи... Излагая далѣе принципіальные доводы противъ войны, авторъ заканчиваетъ статью слѣдующимъ образомъ: «Нейтралитетъ до конца войны», *нейтралитетъ, который позво-*

литъ Италіи въ подходящій моментъ выступить въ пользу мира; нейтралитетъ, который долженъ поддерживаться во что бы то ни стало!»(«Avanti. № 223. 1914 г.). Обращаемъ вниманіе читателей на подчеркнутую нами фразу: этотъ мотивъ часто встрѣчается въ нейтралистской пропагандѣ партіи — въ статьяхъ, офиціальныхъ документахъ, парламентскихъ рѣчахъ. Въ свою очередь, интервентисты взяли эту идею, что называется, въ штыки; высмѣивали соціалистовъ за ихъ намѣреніе превратить Италію въ «сестру милосердія», инсинуировали, что мысль эта подана нѣмцами, и т. п. Какъ мы видимъ, ея творцомъ оказывается Бенито Муссолини, ставшій въ скоромъ времени божкомъ интервентистовъ...

Между тѣмъ, интервентистское движеніе начинаетъ постепенно увеличиваться, и зарождается лозунгъ: «La neutralità per uscirne» — «Нейтралитетъ для выхода изъ него». На этотъ лозунгъ туратіанскій журналъ «Critica Sociale» реагируетъ яркой статьей (№ 18, 1914 г.), въ которой выходъ Италіи изъ нейтралитета осуждается съ двухъ точекъ зрѣнія: національной и соціалистической. «Упрекаютъ германскихъ соціалистовъ, — говорится тамъ, между прочимъ, — въ измѣнѣ соціализму, но, вѣдь, они были увѣрены, — пусть ошибочно, — что защищаютъ страну отъ нападенія. Во сколько же разъ большими измѣнниками явились бы итальянскіе соціалисты, если-бъ они примкнули къ интервентистской пропагандѣ? Мы потеряли бы тогда право упрекать другихъ и работать по возстановленію оборванныхъ нитей Интернаціонала. Правда, насъ за это превознесла бы и заласкала буржуазія... Но это дѣло не для насъ. Для насъ Интернаціоналъ не умеръ... Не умеръ, потому что война явилась не для разрушенія капиталистическаго режима, а для его укрѣпленія, чтобы сдѣлать пролетаріатъ послушнымъ подъ предлогомъ необходимости національнаго единства. Та молодежь, которая плохо поняла наше ученіе и толкуетъ о «революціонной войнѣ», о войнѣ, равнозначущей классовой борьбѣ, и ссылается при томъ на нашихъ великихъ учителей, не сознаетъ, что войны, которыя тѣ принимали и восхваляли, были *національными войнами.* Но современная война не есть національная война... Современная война и не революціонная война,—это война государствъ, желающихъ въ потокахъ крови задушить революцію и Интернаціоналъ. Поэтому, насколько намъ удастся выхватить Италію изъ пламени свирѣпствующаго пожара, настолько будетъ спасена революція, настолько *завтра* искупитъ преступленія сегодняшняго дня и столько жизней будетъ украдено у смерти... Право за нами! И недалеко то время, когда тѣ, которые нынѣ презираютъ насъ, какъ трусовъ (сознавая всю лживость этого обвиненія), смиренно признаютъ всю высоту нашихъ усилій во имя разума, мира, справедливости среди народовъ, спасенія Труда и Производства — для завтрашняго дня!»

За нейтралитетъ — противъ войны! — такова формула, общая всей итальянской соціалистической партіи въ цѣломъ, ея правому и лѣвому крылу. Разногласія возникли лишь на почвѣ мотивировки нейтралитета и въ дискуссіяхъ о средствахъ борьбы за него. Соціалисты раз-

дѣлились на «абсолютистовъ» и «релятивистовъ», т. е. сторонниковъ абсолютнаго и относительнаго нейтралитета.

Какова же, однако, для «относительныхъ» нейтралистовъ та конкретная возможность, которая позволитъ партіи принять войну? Это — въ случаѣ нападенія на Италію съ чьей бы то ни было стороны. Признаніе оборонительной войны, самозащиты, — вотъ что проходитъ красной нитью черезъ всю аргументацію «релятивистовъ». Въ политикѣ нейтралитета они видятъ именно наилучшую форму защиты отечества.

Абсолютные же нейтралисты, принадлежащіе въ большинствѣ своемъ къ лѣвому крылу партіи, заявили, что нейтралитетъ Италіи въ міровомъ конфликтѣ долженъ быть сохраненъ во что бы то ни стало, что существующее положеніе вещей исключаетъ всякую возможность нападенія на Италію, а потому «условный» нейтралитетъ имѣетъ привкусъ двусмысленности и во всякомъ случаѣ нерѣшительности. Вопросъ о нападеніи и оборонѣ «абсолютисты», въ общемъ, считали схоластическимъ и метафизическимъ, разсматривая современную войну, какъ схватку двухъ имперіализмовъ.

Полемика между обѣими разновидностями соціалистическаго нейтрализма принимала порою весьма оживленный характеръ, но никогда не заслоняла существованія «внѣшняго врага» — интервентистовъ, въ осужденіи которыхъ было единодушно огромное большинство партіи.

Время, между тѣмъ, не стояло—и вмѣстѣ съ нимъ мѣнялась и политическая ситуація. Становилось очевиднымъ, что «священный эгоизмъ» толкаетъ кабинетъ Саландры въ сторону присоединенія къ тройственному согласію. Нѣкоторые соціалисты, оставаясь, *какъ соціалисты*, на точкѣ зрѣнія нейтралитета, все же стали сознавать, что *для правящихъ* нейтралитетъ, по слову деп. Граціадеи, «можетъ стать опаснымъ». Партіи пришлось, такимъ образомъ, считаться не только съ существованіемъ пропаганды интервентистскихъ идей, но и съ реальной возможностью выступленія Италіи. Естественно, возникъ вопросъ о практическихъ мѣрахъ предотвращенія «интервенто», и не менѣе естественно, что, какъ на одну изъ этихъ мѣръ, указывалось на всеобщую стачку, которою партія угрожала еще въ августѣ. На этотъ разъ, однако, нашлось не много сторонниковъ этой мѣры, противъ нея выступали не только лѣво-реформистскіе элементы, но и значительная часть революціонныхъ. Открытаго призыва къ всеобщей стачкѣ мы не находимъ ни въ одномъ изъ официіальныхъ документовъ партіи. Такъ, въ воззваніи Дирекціи, выпущенномъ 8 апрѣля, т. е. когда вопросъ о войнѣ или нейтралитетѣ подходилъ къ своему кульминаціонному пункту, рабочія организаціи и соціалистическія секціи приглашались «противопоставить демонстраціи демонстраціямъ» — и только. Большинство отлично сознавало, что стачкой войны все равно не предотвратишь, не говоря уже о томъ, что нѣтъ возможности провести ее въ жизнь — отчасти изъ-за мобилизаціи, отчасти — изъ-за отсутствія особенно необходимыхъ въ этомъ случаѣ единства и сплоченности. Засѣданіе національнаго совѣта всеобщей кон-

федераціи труда, состоявшееся 27 апрѣля, на которомъ обсуждался и вопросъ о всеобщей стачкѣ, показало съ достаточной наглядностью, что эта идея имѣетъ мало сторонниковъ среди организованныхъ рабочихъ. Большинствомъ всѣхъ противъ 2-хъ голосовъ была принята резолюція, которой «торжественно подтверждалось отрицательное отношеніе къ войнѣ, а слѣдовательно и къ выступленію Италіи», причемъ исполнительный комитетъ приглашался координировать свои дѣйствія съ дѣйствіями соціалистической партіи. Всеобщая стачка была молчаливо отвергнута, но еще большимъ ударомъ явилась эта резолюція для интервентистовъ, почему-то надѣявшихся, что конфедерація выскажется за нихъ. Тогда же собралась и Дирекція партіи, заявившая въ своей резолюціи, «что если итальянскій пролетаріатъ и соціалистическая партія, которая его представляетъ и интересы котораго защищаетъ, не будетъ имѣть силы и сплоченности, необходимыхъ для предотвращенія войны, — они тѣмъ не менѣе остаются при твердомъ рѣшеніи придерживаться всегда — до, во время и послѣ войны—наиболѣе строгаго классоваго направленія». Признаніе своего *физическаго безсилія* противъ войны, такимъ образомъ, было почти господствующимъ.

Былъ еще одинъ моментъ, усложнявшій нейтралистскую пропаганду партіи,—то, что за нейтралитетъ стояли джіолиттіанцы и католики.

Для противниковъ партіи было очень соблазнительно смѣшать въ одну кучу всѣхъ, и они этимъ демагогическимъ пріемомъ широко пользовались. Соціалистамъ приходилось, поэтому, постоянно отмежевываться отъ прочихъ нейтралистовъ. Тѣмъ не менѣе, легенда о «черно-желто-красномъ нейтралистскомъ блокѣ» широко гуляла по странѣ и Европѣ — вплоть до нашего любезнаго отечества.

Наступили знаменитые майскіе дни, завершившіеся объявленіемъ войны, и партіи приходилось допѣвать свои лебединыя пѣсни въ защиту нейтралитета. 16-го и 17-го мая въ Болоньѣ состоялось соединенное собраніе Дирекціи партіи, парламентской группы, конфедераціи труда, делегатовъ крупнѣйшихъ провинціальныхъ организацій и представителей соціалистическихъ муниципалитетовъ Болоньи и Милана. Вынесена была резолюція, которая «одобряетъ рѣшеніе парламентской группы не вотировать кредитовъ и не давать довѣрія правительству, приглашаетъ пролетаріатъ демонстрировать въ пользу нейтралитета, не имѣющаго ничего общаго съ торгашескимъ и унизительнымъ нейтралитетомъ другихъ, и призываетъ всѣ организаціи къ устройству 19 мая, наканунѣ созыва парламента, собраній, на которыхъ долженъ выступить контрастъ между истинной волей страны и искусственной».

Въ день открытія парламента, 20 мая, когда жребій Италіи уже былъ брошенъ, «Avanti» пишетъ: «Мы одни, мы изолированы, мы жестоко поражены, — но съ нами истина и справедливость... Да будетъ! Такова судьба нашей партіи, что ее признаютъ правой лишь... потомъ, когда зло уже осуществилось. Мы боролись съ ливійскимъ предпріятіемъ и

были за это посрамляемы и оклеветаны безъ конца, но черезъ три года насъ признали правыми... Теперь мы чувствуемъ только обязанность высказать пожеланіе: чтобы война прошла съ наименьшимъ количествомъ жертвъ, съ наименьшимъ расточеніемъ человѣческой крови и сокровищъ. Чтобы пролетарская связь, созданная 30 годами терпѣливаго и упорнаго труда, побѣдоносно вышла изъ испытанія. Чтобы рабочія массы съ каждымъ часомъ все болѣе убѣждались, что только въ широкихъ и прочныхъ организаціяхъ онѣ могутъ найти достойную защиту своихъ идеаловъ»...

Каковы были потери партіи за періодъ нейтралитета?—«Соціалисты потеряли все, ибо весь народъ былъ противъ нихъ» — говорятъ нѣкоторые изъ «нашихъ собственныхъ корреспондентовъ».

По отчету миланской партійной организаціи, изъ 1.240 членовъ, числившихся въ 1914 г., 21 ушли, заявивши себя интервентистами, и столько же исключены за принадлежность къ интервентистскимъ союзамъ,—итого 4% потери по причинамъ разногласій. Къ концу же 1915 г. число членовъ поднялось до 1.330 человѣкъ (за весь этотъ годъ изъ-за разногласій ушло всего 11 человѣкъ), а за первые 3 мѣсяца 1916 г. подано заявленій о желаніи вступить въ организацію отъ 150 человѣкъ... Изъ этого видно, что война идейно оторвала ничтожное количество членовъ партіи, что видно также и изъ отчета секретаріата Дирекціи партіи. Правда, сила партіи не только въ количествѣ зарегистрированныхъ ея членовъ, а во вліяніи на широкія массы. Здѣсь трудно, разумѣется, дѣлать какія-либо утвержденія; по общему, однако, впечатлѣнію и по кое-какимъ косвеннымъ признакамъ можно сказать, что вліяніе партіи сильно понизилось среди интеллигенціи и мелко-буржуазныхъ общественныхъ слоевъ, среди рабочихъ же массъ оно осталось по-прежнему прочнымъ: это видно хотя бы изъ непрерывающагося контакта между профессіональными союзами и партіей и, съ другой стороны, изъ того обстоятельства, что за интервентистами не пошла почти ни одна болѣе или менѣе компактная рабочая группа, за рѣдкимъ исключеніемъ, вродѣ пармскихъ синдикалистовъ.

Война поставила передъ партіей цѣлый рядъ новыхъ задачъ. Измѣнилась политическая обстановка: на печать наложена узда, собранія запрещены, въ 20 провинціяхъ объявлено военное положеніе и туда совсѣмъ запрещенъ ввозъ цензурированнаго «Avanti»; парламентъ «отпущенъ» на неопредѣленное время — словомъ, ситуація для политической партіи въ свободной странѣ непривычная.

Изъ дѣятельности партіи при этихъ новыхъ условіяхъ интересно, прежде всего, отмѣтить рядъ мѣропріятій чисто *гуманитарнаго* характера, имѣющихъ цѣлью уменьшить матеріальный и культурный ущербъ, нанесенный войною населенію Италіи. Далѣе заслуживаетъ вниманія также дѣятельность итальянскихъ соціалистовъ по возстановленію интернаціональныхъ связей между рабочими. Извѣстно, что въ первые же дни міровой войны въ Лугано состоялось совѣщаніе объ этомъ итальянскихъ и

швейцарскихъ соціалистовъ. Деп. Моргари неоднократно ѣздилъ въ Парижъ, пытаясь склонить французскихъ соціалистовъ отказаться отъ ихъ своеобразнаго «саботажа», а бельгійскихъ — или отказаться отъ «аннексіи» международнаго соціалистическаго бюро, или пользоваться имъ для того, для чего оно предназначено... Извѣстна также исключительная роль, сыгранная итальянцами въ организаціи циммервальдскаго конгресса. Мало того: они первые вынесли его на парламентскую трибуну. Когда послѣ семимѣсячнаго перерыва былъ созванъ, наконецъ, въ декабрѣ прошлаго года парламентъ, первый же соціалистическій ораторъ К. Тревесъ заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ: «Въ Циммервальдѣ горсть людей, прибывшихъ изъ воюющихъ и нейтральныхъ странъ, пламенныхъ основателей новаго Интернаціонала надъ ошибками и измѣнами прошлаго, думая о народностяхъ, вродѣ Бельгіи, Польши, Сербіи, предназначенныхъ служить игрушкой политики компенсацій, — опредѣлила миръ безъ аннексій, осудила идею насилія надъ правами и свободой народовъ, признавъ за ними право на самоопредѣленіе. Человѣчество жаждетъ мира, ибо оно жаждетъ жизни. Не предавайтесь же иллюзіямъ: завтра, послѣ войны, послѣ столькихъ страданій и столькихъ смертей, жизнь вступитъ во всѣ свои права, и пролетаріатъ захочетъ жить и въ этомъ своемъ стремленіи онъ примется за борьбу съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, — за всю полноту свободы и справедливости, завоеваніе которыхъ есть смыслъ его существованія».

Говоря о періодѣ нейтралитета, намъ уже приходилось останавливаться на сказавшихся тогда въ партійной средѣ разногласіяхъ, коренящихся, въ свою очередь, въ разнородности составляющихъ партію элементовъ. Разногласія эти, разумѣется, не исчезли и во время войны.

Главное изъ нихъ заключалось въ томъ, что нѣкоторые партійные дѣятели входили безо всякихъ условій во всевозможныя патріотическія учрежденія на подобіе нашихъ военно-промышленныхъ комитетовъ, какъ, напр., въ комитеты по организаціи подписки на военные займы и т. п. Большинство такихъ вступленій дѣлалось совершенно безсознательно: люди привыкли работать во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ, иные разсуждали—я противъ войны, но разъ она существуетъ?.. Что это такъ— видно изъ того обстоятельства, что они при первомъ же «одергиваніи» со стороны партіи послушно выходили изъ неподходящихъ учрежденій, иногда откровенно сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи. Но были и упорствующіе, опредѣленно оріентировавшіеся на патріотическій фронтъ, а такимъ пришлось и приходится оставлять партію. Такихъ, впрочемъ, немного. Оформленію сознанія «практическихъ» элементовъ партіи сильно способствовалъ конгрессъ соціалистическихъ муниципальныхъ дѣятелей, состоявшійся 17—19 января этого года въ Болоньѣ. Это была прежде всего внушительная демонстрація соціалистической силы — 350 делегатовъ, представлявшихъ 230 коммунъ Италіи. Хотя въ порядкѣ дня стояли преимущественно техническіе, «дѣловые» вопросы, тѣмъ не менѣе конгрессъ носилъ ярко выраженный политическій и соціалисти-

ческій характеръ. Первымъ обсуждался вопросъ объ Интернаціоналѣ—и была вынесена резолюція привѣтствія и присоединенія къ циммервальдской конференціи. Въ «дѣловыхъ» же дискуссіяхъ и резолюціяхъ была рѣзко осуждена финансово-экономическая, продовольственная и коммунальная политика правительства и, самое главное, одобрена организація самостоятельной лиги соціалистическихъ коммунъ и коммунальныхъ дѣятелей. Болонскій конгрессъ былъ первымъ за время войны очевиднымъ доказательствомъ живучести и прочности партіи, сумѣвшей преодолѣть трудности исключительнаго положенія. Онъ же нанесъ ударъ врагамъ партіи, разбивъ ихъ иллюзіи объ осужденіи «дѣловыми» элементами общей партійной политики и вѣчныя мечты о расколѣ...

Если на правомъ крылѣ партіи наблюдается тенденція къ «врастанію» въ патріотизмъ, — на лѣвомъ мы видимъ устремленіе къ сближенію, если не къ союзу, съ синдикалистами и анархистами — изъ непріявшихъ войну, разумѣется. Въ полемикѣ, возникшей по этому поводу, «Avanti» высказалось, что о блокѣ рѣчи быть не можетъ, а лишь о координаціи дѣйствій съ этими пролетарскими элементами, и что, говоря о врагахъ партіи, слѣдуетъ отличать буржуазныхъ противниковъ отъ пролетарскихъ. Однако, и въ такой формѣ мысль эта была осуждена принявшими участіе въ полемикѣ и не только лѣвыми реформистами, вродѣ деп. Дзибордп, но и радикалами типа А. Бордиги. Поддержку эта идея нашла лишь въ органѣ юношеской организаціи «L'Avangurdia». А всѣхъ статей на эту тему появилось за все время войны пять — за и противъ, — что показываетъ, что вопросъ этотъ отнюдь въ партіи не играетъ роли боевого или злободневнаго. Приходится вообще отмѣтить, что за время войны внутри партіи царитъ Burgfrieden, давно не бывалый.

* * *

Подводя итоги періоду нейтралитета, мы могли отмѣтить ничтожное количество партійныхъ потерь. Теперь, подводя итоги 11 мѣсяцамъ войны, приходится говорить, главнымъ образомъ, о пріобрѣтеніяхъ, ибо за это время потери *въ партійныхъ рядахъ* еще ничтожнѣе, чѣмъ въ періодъ нейтралитета, и онѣ во всякомъ случаѣ съ избыткомъ компенсируются притокомъ новыхъ членовъ партіи. Выше, на примѣрѣ одной миланской секціи, мы показали, что только за первые 3 мѣсяца этого года подано 150 заявленій желающихъ въ нее вступить (въ то время, какъ за весь 1915 годъ ушло 11 человѣкъ изъ-за разногласій), но комитетъ секціи пока удовлетворилъ всего 32 просьбы. Характерна осторожность, съ которой партія относится къ этимъ новообращеннымъ, характерна опаска, что бѣжепцы начнутъ возвращаться. Вотъ, напр., находимъ въ «Avanti» письмо нѣкоего Кьярини изъ Чезены, заявляющаго, что онъ до 43-хъ лѣтъ своей жизни находился въ конституціонной кавуріанской партіи, а теперь, восхищенный дѣятельностью соціалистической партіи, ея пропагандой здоровыхъ идей, честности и гуманности въ этотъ тяжелый часъ и пр., пр., «со спокойною совѣстью» переходитъ въ

ея ряды. Редакція благодаритъ его за добрыя чувства, говоритъ, что подобныя проявленія ей очень цѣнны, но совѣтуетъ хорошенько подумать. «Многіе приходятъ къ намъ по впечатлѣніямъ и разсужденіямъ, для насъ весьма лестнымъ, по недостаточнымъ для прочнаго соціалистическаго сознанія. Наша партія становилась, такимъ образомъ, болѣе численной, но много теряла въ своемъ пролетарскомъ и революціонномъ характерѣ... Мы не хотѣли бы увеличивать наши ряды филантропами, гуманистами, пацифистами, которые по сентиментальнымъ мотивамъ — сегодня противъ войны, а завтра, по тѣмъ же мотивамъ, могутъ быть противъ нашей непримиримой классовой дѣятельности. Pensateci sopra, caro Chiarini» *.

Пока существуетъ война, партіи нечего опасаться интеллигентскихъ и мелко-буржуазныхъ Mitläufer'овъ: въ этой средѣ, гдѣ паритъ патріотизмъ, ея вліяніе сильно упало. Но если паденіе вліянія соціалистовъ среди интеллигенціи несомнѣнно, то еще несомнѣннѣе его ростъ въ рабочихъ массахъ. Несмотря на исключительныя политическія условія, — военное положеніе въ рядѣ областей, запрещеніе публичныхъ собраній, аресты, роспуски отдѣльныхъ организацій, — партійная работа растетъ вширь и вглубь. Крупные успѣхи дѣлаетъ и юношеская соціалистическая организація, насчитывающая около 10 тысячъ членовъ. Самой убѣдительной и неопровержимой иллюстраціей партійныхъ успѣховъ является притокъ пожертвованій, безпрерывно поступающій въ «Avanti». Вотъ цифры: въ 1913 году «Avanti» получила такимъ путемъ 34½ тысячи лиръ, въ 1914 году безъ малаго 46 тысячъ (самый богатый по сборамъ годъ), въ 1915 году, вслѣдствіе безработицы, мобилизаціи и т. п., газетѣ удалось собрать неполныхъ 17 тысячъ. Въ этомъ же году за неполные 4 мѣсяца поступило уже свыше 26 тысячъ. Ни въ одинъ изъ мирныхъ годовъ, въ пору наибольшаго расцвѣта, газета не знала такого изобилія поступленій. Надо имѣть еще въ виду, что рабочимъ приходится поддерживать и цѣлый рядъ провинціальныхъ органовъ, еженедѣльныхъ газетъ, профессіональныхъ листковъ. Этотъ ежедневный столбецъ «Soffoscrizione permanente pro Avanti», гдѣ печатаются списки всевозможныхъ грошей трогательными и наивными порой словами, въ которыхъ звучныхъ Джузеппе, Джованни, Энрико, сопровождающихъ свои трудовые читъ, однако, страстная вѣра и чуется свѣжая сила, — является своего рода гранитнымъ моломъ, о который безсильно разбиваются волны клеветы, злословія и недоброжелательства... Итальянскимъ соціалистамъ ни въ чемъ не приходится каяться... «Въ то время, когда всѣ разрушаютъ, мы создаемъ», — написали венеціанскіе рабочіе на зданіи своего новаго народнаго дома, открытаго въ началѣ міровой войны.

Эти слова можетъ отнести цѣликомъ къ себѣ и вся итальянская рабочая партія. И еще одно слово можетъ она со спокойной совѣстью сказать о себѣ,—слово, произнесенное ея вождемъ. Недавно въ Миланѣ состоялось небольшое торжество — союзъ желѣзнодорожниковъ сѣвера

* «Подумайте хорошенько, дорогой Кьярини».

устроилъ чествованіе Ф. Турати, который свою благодарственную рѣчь закончилъ такъ: «Этой соціалистической работѣ я думаю посвятить весь остатокъ жизни, и моей гордостью будетъ надпись на моей могилѣ: «*Не мѣняя знамени!*» (Non mutò bandiera!»).

Апрѣль. 1916.

Раф. Григорьевъ.

ГЕРМАНСКІЯ ДѢЛА.

I.

Міровымъ общественнымъ мнѣніемъ ростъ противовоенной оппозиціи въ Германіи давно уже признанъ однимъ изъ существенныхъ моментовъ современности. Время отъ времени интересно подводить итоги этому медленному, но непрерывному росту. Послѣдній разъ мнѣ случилось писать объ этомъ въ «Р. В.» въ декабрѣ 1915 г. Тогда прошло едва полугодіе съ начала первыхъ открытыхъ выступленій нѣмецкихъ рабочихъ организацій противъ поддержки войны (іюнь 1915 г.). О конференціи каждой мѣстной организаціи все время публикуются отчеты въ «Vorwärts» (принятыя и иногда отклоненныя резолюціи, распредѣленіе голосовъ и ораторовъ, иногда важнѣйшіе доклады и т. д.). Подсчетъ данныхъ объ этихъ конференціяхъ показалъ, что уже къ тому времени 36% отказывались поддерживать линію такъ называемаго «большинства» германской рабочей партіи (Шейдеманъ), но почти двѣ трети, 64%, еще одобряли голосованіе за военные кредиты и «внутренній миръ» (бургфриденъ).

Теперь я подсчиталъ конференціи мѣстныхъ организацій за послѣдніе 7½ мѣсяцевъ (2 янв. н. ст. — 18 авг. н. ст.). Въ этотъ періодъ повторились конференціи въ организаціяхъ, имѣвшихъ ихъ въ предшествовавшее полугодіе, иногда повторились по два-три раза, и произошелъ рядъ конференцій въ организаціяхъ, прежде молчавшихъ. Всѣхъ мѣстныхъ организацій въ германской рабочей партіи 397 (по числу избират. округовъ въ рейхстагѣ). По отчету на послѣднемъ довоенномъ партейтагѣ (сентябрь 1913 г. въ іюнѣ) всѣхъ членовъ въ этихъ организаціяхъ 983 тысячи (изъ нихъ 141 тыс. женщинъ). Общей сводки нынѣшняго состоянія нѣтъ, а, судя по опубликованнымъ даннымъ многихъ отдѣльныхъ округовъ, численность наличныхъ членовъ вслѣдствіе повторныхъ мобилизацій сократились болѣе, чѣмъ вдвое. Слѣдуетъ замѣтить, что на каждаго явнаго, открыто зарегистрированнаго и платящаго взносы члена партіи мужского пола приходится пятеро мужчинъ, подающихъ при выборахъ голосъ за партію: четверо изъ нихъ по бытовымъ соображеніямъ или по недостаточному рвенію не вписываются въ организаціи, хотя слѣдуютъ ихъ руководству не только въ политическомъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Для учета удѣльнаго

вѣса каждой организаціи пользуюсь упомянутыми данными 1913 г. (къ началу войны, по свѣдѣніямъ правленія партіи, общій итогъ поднялся еще почти на сто тыс. чел., но не опубликовано распредѣленіе ихъ по округамъ).

Среди мѣстныхъ организацій, имѣвшихъ конференціи по вопросу о войнѣ, за послѣдніе 7½ мѣс. насчитывается ровно сто такихъ, въ каждой изъ которыхъ свыше 2 тыс. членовъ. Въ этихъ 100 орг. всего 728 тыс. членовъ (три четверти всей партіи), въ среднемъ по 7.280 членовъ на каждую. Въ остальныхъ почти трехстахъ организаціяхъ приходится на каждую въ среднемъ всего по 870 чел., въ 8½ разъ меньше на каждую). Изъ этихъ мелкихъ округовъ многіе вообще не имѣли конференцій — очевидно, организаціи въ нѣкоторыхъ округахъ совсѣмъ разложились.

Сверхъ обычнаго дѣленія на сторонниковъ и противниковъ т. наз. «большинства», резолюціи конференціи (въ случаѣ побѣды противниковъ) даютъ обычно указанія, какой именно оттѣнокъ несогласныхъ съ «политикой 4 августа» побѣдилъ въ данномъ случаѣ. Учетъ этихъ оттѣнковъ позволяетъ оцѣнить степень рѣшительности оппозиціи въ цѣломъ. Оттѣнковъ такихъ 4. Во-первыхъ, *нейтралисты*, которые не считаютъ возможнымъ одобрить «политику 4 августа» (голосованіе за военные кредиты и междуклассовое перемиріе), но отлагаютъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ на время послѣ войны, пока считая необходимымъ въ каждой корпораціи подчиняться большинству, совершая всѣ требуемые имъ шаги, въ томъ числѣ голосуя за кредиты въ рейхстагѣ. За нихъ голосовало 6 мѣстныхъ организацій (въ томъ числѣ Кельнъ) — всего съ 20,4 тыс. членовъ.

Второй оттѣнокъ — *«расширенное меньшинство»*. Эта группа считаетъ необходимымъ проявлять свое отрицательное отношеніе къ «политикѣ 4 августа» публичными актами, въ частности оставленіемъ зала рейхстага при голосованіи военныхъ кредитовъ, но остается въ составѣ «старой» фракціи (Шейдемана), во имя единства ослабляя фактически свою оппозицію. Всего въ «старой» фракціи приходится 67 депутатовъ на сторонниковъ такъ наз. «большинства» и 20 депутатовъ на «расширенное меньшинство». За это послѣднее высказалось всего 5 организацій (Нюрнбергъ, Эрфуртъ, Магдебургъ и друг.) — всего съ 42 тыс. членовъ. «Расширенное меньшинство», какъ и «нейтрализмъ», разумѣется, лишь временное состояніе мѣстныхъ организацій на пути отъ активной поддержки войны къ теченіямъ, рѣшительно ей противодѣйствующимъ.

Большимъ изъ такихъ теченій является «меньшинство Гаазе» или «новой фракціи» рейхстага (къ которымъ принадлежитъ теперь уже 21 депутатъ). Оно не только голосуетъ открыто противъ кредитовъ и ведетъ парламентскую агитацію противъ «междуклассоваго перемирія», но выпускаетъ также нелегальныя воззванія, устраиваетъ тайныя совѣщанія и вышло изъ состава «старой» фракціи, чтобы имѣть не-

связанными руки для борьбы за миръ и противъ господства въ партіи такъ наз. «большинства» съ его «политикой 4 августа». Но теченіе «новой фракціи» считаетъ еще ненаступившимъ въ Германіи моментъ для уличной борьбы за миръ и потому ограничивается пока лишь идейной пропагандой (не отвергая, однако, при возможности, и «методовъ уличной борьбы»). За это теченіе голосовали организаціи 35 городовъ съ 287 тыс. членовъ (въ томъ числѣ Кенигсбергъ, Берлинъ, Галле, Эльберфельдъ-Барменъ, Золингенъ, Эссенъ, Гофъ, Лейпцигъ, Оффенбахъ, Брауншвейгъ, Гота, Іена, Штеттинъ, одинъ округъ Дрездена и т. д.).

Самымъ рѣшительнымъ оттѣнкомъ опозиціи является, наконецъ, «меньшинство Либкнехта». Въ рейхстагѣ оно имѣетъ двухъ депутатовъ (не вошедшихъ въ «новую фракцію» Гаазе), участвуетъ въ циммервальдскихъ конференціяхъ, какъ и фракція Гаазе, но въ отличіе отъ нея считаетъ уже сейчасъ своевременнымъ устройство уличныхъ демонстрацій и другихъ видовъ активнаго протеста. Это теченіе выпускаетъ главную массу произведеній нелегальной печати, «наводняющей Германію особенно за послѣдніе полгода», какъ писала недавно возмущенно одна благонамѣренная газета. За «меньшинство Либкнехта» голосовало 8 городовъ съ 59,5 тыс. членовъ (въ томъ числѣ Бременъ, Штуттгартъ, Дюисбургъ, Дюссельдорфъ, Ганау, Потсдамъ и др.).

Противостоящее всѣмъ этимъ группамъ такъ наз. «большинство» (Шейдеманъ) собрало за себя голоса только 46 городовъ (въ томъ числѣ Любекъ, Гамбургъ, Майнцъ, Киль, Дармштадтъ, Бреславль, Хемницъ, Герлицъ, Альтона, Ганноверъ, Мюнхенъ, Бохумъ, Дортмундъ, Франкфуртъ на М., Аугсбургъ, Карлсруэ, Маннгеймъ, Кассель и др.). Во всѣхъ этихъ голосовавшихъ за «большинство» организаціяхъ всего 319 тыс. членовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и мотивировка голосованій за «большинство далеко не однородна, и есть оттѣнки, уже, видимо, начинающіе приближаться къ наиболѣе умѣреннымъ крыльямъ «меньшинства». Къ тому же порой резолюція «большинства» принимается уже при наличности столь большой оппозиціи, какой обычно не бываетъ въ округахъ, стоящихъ на сторонѣ противовоеннаго такъ наз. «меньшинства». Напримѣръ, въ Килѣ (почти 16 тыс. членовъ, округъ Легина) высказалось 1.500 голосовъ за «бол.» и 500 за «мен.», на конференціи Мюнхенской орг. (18 тыс. членовъ) 194 делегата за «бол.» и 111 делегатовъ за «мен.» и т. д.

Въ общемъ, такимъ образомъ, изъ всѣхъ 728 тыс. членовъ 100 крупныхъ организацій, такъ наз., «большинство», собрало уже только 43,8% голосовъ всѣхъ членовъ, т. е. уже замѣтно менѣе половины. Между тѣмъ, въ первые 10 мѣсяцевъ войны не опубликовано было еще ни одной резолюціи мѣстной конференціи, которая отреклась бы отъ солидарности съ голосующей военные кредиты фракціей рейхстага. «Меньшинство» уже существовало, уже выступало въ парламентѣ (Либкнехтъ въ декабрѣ 1914 г., Гаазе въ мартѣ 1915 г.), но встрѣч-

ный голосъ изъ народныхъ массъ не былъ еще слышенъ, по крайней мѣрѣ, на поверхности общественной жизни. Во вторые 7 мѣсяцевъ за «большинство» все же высказываются конференціи еще 64% мѣстныхъ организацій. Начинаетъ появляться нелегальная литература. Наконецъ, въ послѣдніе 7½ мѣсяцевъ такъ наз. «большинство» превращается уже фактически въ абсолютное меньшинство (менѣе 44%), старое названіе можно удерживать только по традиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нелегальная революціонная противовоенная литература и нелегальная дѣятельность достигаютъ въ Германіи невиданнаго тамъ размаха. Нельзя отказать въ глубокой симптоматичности этимъ измѣненіямъ, направленнымъ неизмѣнно въ одну сторону.

Если прибавить мелкія организаціи, то картина не мѣняется, попрежнему фактическое большинство среди членовъ партіи оказывается принадлежащимъ уже противовоенному «меньшинству», а не такъ наз. «большинству». 30 мелкихъ округовъ съ 44,5 тыс. членовъ высказались за «мен.» и 100 мелкихъ округовъ съ 111 тыс. членовъ за «бол.». Если первое главенствуетъ среди крупныхъ округовъ, то второе среди мелкихъ. Но въ общемъ «бол.» собрало только 430 тыс. чел. (въ 146 орган.) изъ 884 тыс. членовъ (въ голосовавшихъ 220 организаціяхъ), т. е. все же меньше половины (48,6 проц.).

II.

Противовоенная оппозиція въ германскомъ рабочемъ движеніи возрасла уже настолько, что за голосующей военные кредиты фракціей Шейдемана не стоитъ уже и половины членовъ рабочей партіи. Между тѣмъ, легальныя возможности выступать литературно противъ войны крайне урѣзаны. Можно печатать резолюціи противъ голосованія военныхъ кредитовъ, можно подчеркивать преданность идеѣ международной солидарности пролетаріата, можно заявлять о своемъ протестѣ противъ аннексіонистскихъ замысловъ, — но нельзя обстоятельно обосновывать свою точку зрѣнія, называя всѣ вещи своими именами и призывая къ противодѣйствію оспариваемой политикѣ. Изъ публицистики вынимается душа ея — связь съ *практическими* выводами и лозунгами поведенія, остаются только намеки и косвенныя указанія «между строчками». Несоотвѣтствіе между противовоеннымъ настроеніемъ фактическаго большинства наличныхъ членовъ германской рабочей партіи и между якобы патріотическими рамками, поставленными германской военной цензурой, — это несоотвѣтствіе породило въ Германіи нелегальную рабочую литературу невиданнаго въ этой странѣ объема и распространенности. По сообщеніямъ берлинскихъ газетъ, нѣкоторыя прокламаціи издаются въ *трехстахъ* тысячахъ экземпляровъ, напримѣръ, извѣстный «циммервальдскій манифестъ», и выходятъ затѣмъ повторными изданіями. Легальной берлинской печати разрѣшается упоминать, что «последнее время усиленно распространяется» такой-то нелегальный про-

тивовоенный листокъ, подъ такимъ-то названіемъ, приводить иногда отдѣльныя цитаты, сообщать о районѣ распространенія и числѣ изданныхъ экземплярахъ («намъ пишутъ»), но нельзя приводить полный текстъ. Періодически появляются сообщенія, что арестованъ тотъ или иной видный с.-д. дѣятель по подозрѣнію въ составленіи прокламацій (недавно вторично уже арестованъ редакторъ «Vorwärts'a» д-ръ Мейеръ, подписавшій, между прочимъ, привѣтственную телеграмму Н. С. Чхеидзе и предсѣдательствуемой имъ думской с.-д. фракціи «отъ имени Карла Либкнехта, Розы Люксембургъ, Франца Меринга, Клары Цеткиной и ихъ друзей»), — или что закрыта какая-либо небольшая легальная типографія, подозрѣваемая въ тайномъ печатаніи прокламацій. По упоминаніямъ въ легальныхъ изданіяхъ (гл. образомъ, въ книгѣ сторонника военныхъ кредитовъ Гениша «Нѣм. с.-д. во время и послѣ войны») можно составить такой, конечно, неполный, списокъ нѣмецкихъ нелегальныхъ противовоенныхъ изданій за послѣдній годъ.

Раньше всего стали выходить «письма Спартака» и серія листковъ въ формѣ діалоговъ подъ названіемъ: «Что говоритъ большинство?», «Что говоритъ меньшинство?»; затѣмъ серія «писемъ Борхардта», энергично нападавшаго не только на сторонниковъ поддержки войны, но и на болѣе умѣренные элементы среди «меньшинства» (Борхардтъ — бывшій с.-д. депутатъ ландтага, нынѣ уже вторично за время войны арестованный).

Рядъ прокламацій, очень популярно написанныхъ, выясняетъ съ точки зрѣнія авторовъ общій вопросъ о войнѣ: «Миръ на землѣ», «Война и пролетаріатъ», «Женщинамъ работающаго народа» (въ связи съ этимъ листкомъ предана суду Клара Цеткинъ) и др. Нѣкоторыя прокламаціи разсматриваютъ спеціально вопросъ о причинахъ войны («Кто виноватъ въ войнѣ», «Главный врагъ стоитъ въ собственной странѣ» и др.), иныя посвящены цѣлямъ войны («Противъ аннексіонистскаго безумія!» и т. д.), третьи связаннымъ съ войной вопросамъ внутренняго состоянія страны («При осадномъ положеніи», «Голодъ» и мн. др.), иныя, притомъ большинство, общей агитаціи за предъявленіе требованія о немедленномъ прекращеніи войны, иногда подъ особымъ заглавіемъ («Конецъ зимнему походу!» и т. п.), большею же частью просто подъ заголовкомъ «Товарищамъ по партіи». Для «легализаціи» подъ листками нерѣдко обозначается несуществующая типографія какого-либо города или прямо вымышленный городъ. По замѣчанію одной правой газеты, «ни одна кошка не обманута еще подобными указаніями». Но кошки, какъ извѣстно, догадливѣе иныхъ, скажемъ, младшихъ чиновъ администраціи.

Самая длинная серія прокламацій выпускается подъ общимъ заголовкомъ «Lose Blätter» (выходитъ съ весны 1916 г.). Отличительной чертой противовоенной прокламаціонной агитаціи въ Германіи по общему свидѣтельству является отсутствіе «кустарничества» въ

этомъ дѣлѣ. Иначе сказать, каждая прокламація издается какъ общеимперская и распространяется по всему государству, листки мѣстнаго характера попадаются только среди озаглавленныхъ просто «Товарищамъ по партіи» (послѣдніе написаны часто языкомъ, выдающимъ неопытную въ публицистикѣ руку). Словомъ, «дѣло поставлено солидно»; въ объемѣ и размахѣ нелегальной литературной агитаціи чувствуется направляющая рука охватывающихъ все государство центровъ. Совершенство техники распространенія и изданія не удивительно при наличности такого мощнаго обслуживающаго агитацію аппарата, какъ цѣлая половина наличныхъ членовъ германской рабочей партіи: подписные листы среди нихъ даютъ также средства для всего этого обширнаго издательства.

Рядомъ съ прокламаціями идутъ многочисленныя нелегальныя противовоенныя брошюры. Первою мнѣ была доставлена, еще болѣе года назадъ, брошюра, содержащая переписку Либкнехта со стоящимъ на сторонѣ т. наз. «большинства» правленіемъ партіи. Къ началу апрѣля н. ст. 1916 г. деп. Генишъ насчитываетъ въ упомянутой книжкѣ уже нѣсколько дюжинъ печатныхъ нелегальныхъ противовоенныхъ брошюръ и еще больше воспроизведенныхъ на разныхъ множительныхъ аппаратахъ. Каутскій въ «Neue Zeit» открыто упоминаетъ о двухъ подобныхъ брошюрахъ, написанныхъ имъ лично и направленныхъ противъ политики правленія партіи. Размѣръ брошюръ колеблется отъ нѣсколькихъ страницъ до нѣсколькихъ печатныхъ листовъ, самая длинная называется «Классовая борьба противъ войны».

Расколъ с. д. фракціи рейхстага 24 марта н. ст. на «старую» Шейдемана и «новую» Гаазе вызвалъ особое оживленіе нелегальной литературы. Особенно усиленно, по словамъ нѣмецкой печати, распространялось повсюду воззваніе, излагавшее позицію «новой» фракціи

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Юморъ и сатира, иногда даже съ иллюстраціями, также фигурируютъ въ нелегальныхъ изданіяхъ противовоенной части нѣмецкой рабочей партіи. По словамъ Гениша, котораго это обстоятельство не можетъ

радовать, особеннымъ успѣхомъ пользуется язвительная, «не неудачно составленная» пародія на «соціалистическій маршъ» . . . . . .
. . . .
. . . . и т. д.). Изъ иллюстрированныхъ прокламацій можно отмѣтить листокъ «Картинки безъ словъ». На верхней половинѣ изображены двѣ мрачныя тюремныя камеры. Въ одной сидитъ на хлѣбѣ и водѣ Клара Цеткинъ (теперь уже выпущена до суда), въ другой — Роза Люксембургъ (недавно арестована вторично). Нижняя половина прокламаціи представляетъ собой воспроизведеніе фотографіи, снятой во время путешествія нѣсколькихъ главарей т. наз. «большинства» на западный фронтъ. Давидъ, Эбертъ и Шейдеманъ запечатлѣны здѣсь въ моментъ мирной бесѣды съ германскими офицерами; на заднемъ планѣ ждетъ ихъ автомобиль. Контрастъ съ тюремными камерами наверху листка получается весьма показательный.

Стокгольмъ 21 августа н. ст.

М. Лурье.

ПАМЯТИ В. И. СЕМЕВСКАГО.

Окончилъ жизнь Василій Ивановичъ Семевскій, профессоръ, авторъ солиднѣйшихъ трудовъ по исторіи русскаго крестьянства, авторъ цѣлаго ряда прекрасныхъ изслѣдованій по исторіи русской интеллигенціи, авторъ книги «О рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» и длинной серіи популярныхъ статей на темы русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ.

Наставникъ нѣсколькихъ поколѣній русской интеллигенціи, В. И. Семевскій былъ неутомимый, рыцарски-честный работникъ на трудномъ, такъ легко и густо заростающемъ разной сорной травой полѣ общественной дѣятельности. Человѣкъ талантливый, сердечно-чуткій, искренній и правдивый другъ народа, это одинъ изъ тѣхъ нашихъ радикалъ-демократовъ, которые умѣли любить свой народъ любовью мудрой, спокойной и непоколебимой. Людей его типа у насъ осталось мало,—единицы, но даже и они не всѣ собрались проводить стараго соратника въ Пантеонъ лучшихъ русскихъ людей—на Волково кладбище, въ гнилую петербургскую землю. Не пришли,—кромѣ двухъ-трехъ,—профессора проводить товарища, и вовсе не пришла «публика» точно такъ же, какъ и забыла придти «учащаяся молодежь». Разумѣется, В. И. не нуждался въ торжественныхъ проводахъ, но я увѣренъ, что «публика», «общество», «молодежь» должны бы, изъ уваженія къ себѣ самимъ, почтить отошедшаго учителя и культурнаго работника присутствіемъ на его похоронахъ.

Въ другое время я не обратилъ бы вниманія на небрежность «общества» въ отношеніи къ своему «большому человѣку», но въ наши угрюмые дни эта небрежность невольно отмѣчается какъ еще одинъ признакъ общественнаго одичанія. Это одичаніе, эта моральная тупость не можетъ не волновать всѣхъ, кто еще не научился ставить въ ироническія ковычки такія значительныя слова, какъ любовь къ человѣку, любовь къ народу.

Старый рыцарь В. И. Семевскій былъ достойнымъ представителемъ той русской интеллигенціи, которая въ отчаянныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности героически и мужественно совершала колоссальный трудъ духовнаго возрожденія страны. Эту интеллигенцію нынѣ принято обвинять въ томъ, что она слишкомъ ригористически и легко приносила интересы личности

въ жертву интересамъ общества, народа. Но—тѣмъ не менѣе, именно эта интеллигенція выдвинула изъ своей среды рядъ яркихъ, исторически крупныхъ личностей, чего, до сей поры, все еще не можетъ сдѣлать поколѣніе обвинителей-индивидуалистовъ.

Остроумные люди называютъ исторію распутной женщиной, которая всякаго охотно награждаетъ тѣмъ, чего онъ ищетъ у нея, включительно до болѣзни. Но извѣстно, что характеръ распутныхъ женщинъ создается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ распутныхъ мужчинъ, и слѣдуетъ вспомнить, что наиболѣе активно творятъ исторію именно мужчины.

Русская исторія болѣзненно-капризна, въ ней есть что-то почти безумное, истерическое. Но—наша нѣкогда демократическая по духу интеллигенція, въ рядахъ которой воспитался и работалъ В. И. Семевскій, эта интеллигенція находила въ себѣ силу не поддаваться болѣзненнымъ вліяніямъ старой исторіи. Въ ея духѣ было развито прекрасное качество—я назову его—соціальный романтизмъ. Это отнюдь не слѣпой и смѣшной оптимизмъ краснорѣчивыхъ балагуровъ,—успокоительный оптимизмъ, за которымъ плохо скрыто безразличное отношеніе къ жизни, ближнему и даже къ себѣ самому,—нѣтъ, это было дальновидное чувство увѣренности въ томъ, что «все минется, одна правда останется».

Обладать такой увѣренностью могутъ только люди дѣйственнаго отношенія къ жизни, люди разума и воли, тѣ, кто любитъ и умѣетъ работать. Соціальный романтизмъ возникаетъ на почвѣ упрямаго труда и изъ сознанія, что историческій процессъ, несмотря на всѣ его ужасы, все-таки есть процессъ непрерывнаго роста соціально организуемой воли, коллективно организуемаго разума; процессъ роста двухъ силъ, которыя со временемъ срастутся въ единую, и она дастъ намъ возможность устроить жизнь разумно, справедливо для дальнѣйшаго безконечнаго развитія нашихъ духовныхъ силъ.

Я говорю о той вѣрѣ въ прогрессъ, которая нынѣ мистиками изъ нигилистовъ тоже ставится въ ироническія ковычки. Нѣтъ, вы подумайте, сколько у насъ развилось ироническихъ ковычекъ, этихъ плевковъ въ лицо вчерашней святынѣ, предъ которой сами же плюющіе вчера покорно стояли на колѣняхъ! Можно бы ничего не имѣть противъ презрительнаго плевка, который является въ результатѣ анализа, обнаружившаго нѣкій злой обманъ,—но у насъ плюются чаще всего по скептицизму невѣжества, потому что прочитана модная книга, приглашающая бездѣльниковъ поиздѣваться надъ святынями. Старая русская интеллигенція была сильна своимъ соціальнымъ романтизмомъ, своею вѣрой въ прогрессъ,—эта вѣра дала ей силу вписать въ суровую

лѣтопись русской жизни нѣсколько яркихъ и прекрасныхъ страницъ.

В. И. Семевскій, одинъ изъ видныхъ рыцарей ордена «чужихъ людей въ родной странѣ», представитель старой нашей интеллигенціи, былъ, какъ вся она, «западникъ»,—это позволяло ему глубоко чувствовать внѣнаціональное, планетарное значеніе общечеловѣческой культуры. Это чувствованіе особенно дорого, особенно важно въ безумные дни, когда понятіе «единство человѣчества» къ великому несчастію нашему исчезаетъ, замѣняясь трагическимъ и горькимъ ощущеніемъ «одиночества человѣка». Такъ грустно и больно, что хорошій, честный человѣкъ ушелъ отъ насъ именно въ эти тяжелые дни одичанія, разрушенія чести и совѣсти.

Сердечно жаль умершаго друга страны. Но жаль и живыхъ, тѣхъ, которые остались медленно задыхаться въ атмосферѣ ненависти, лицемѣрія, цинизма и лжи...

М. Горькій.

В. И. СЕМЕВСКІЙ.

(1848—1916).

Смерть В. И. Семевскаго тяжелая утрата для русской науки и общественности. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу не только выдающійся историкъ, но и стойкій демократъ, для котораго интересы народа и освобожденіе его отъ рабства и угнетенія были основнымъ началомъ жизни и дѣятельности. Еще въ ранней юности, въ 70-хъ годахъ минувшаго столѣтія, когда служеніе народу впервые стало религіей и подвигомъ для лучшихъ представителей русской интеллигенціи, В. И. Семевскій сдѣлался горячимъ и убѣжденнымъ народникомъ и съ тѣхъ поръ до самой смерти остался вѣренъ этому знамени, за которымъ слѣдовалъ всю свою жизнь съ суровой непреклонностью. Въ ту же пору ранней юности онъ посвятилъ себя наукѣ и ревностно принялся за изученіе историческихъ судебъ русскаго крестьянства, и только нежданная смерть оборвала длинную нить его изслѣдованій, которыми онъ, несмотря на преклонные годы, все еще продолжалъ обогащать русскую науку и русское общество. Научныя изслѣдованія были подвигомъ его жизни, къ нимъ влекла его та идея служенія народу, которая воодушевила на борьбу и жертвы не одно поколѣніе его единомышленниковъ.

Первыя статьи В. И. Семевскаго о крестьянахъ относятся къ началу 70-хъ годовъ, когда онъ по окончаніи Петербургскаго университета готовился къ научной дѣятельности. По его собственнымъ словамъ, онъ употребилъ «десять лѣтъ самаго усидчиваго труда на изученіе одной эпохи въ исторіи крестьянъ»; результатомъ этого изученія и было появленіе въ 1881 году перваго тома обширнаго изслѣдованія «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», которое онъ блестяще защитилъ на степень магистра исторіи 17 февраля 1882 г. въ актовомъ залѣ Московскаго университета. Самая тема изслѣдованія была еще настолько необычной для того времени, что у официальныхъ представителей науки въ Петербургскомъ университетѣ вызвала явное неудовольствіе, а извѣстный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ по поводу введенія, въ которомъ В. И. Семевскій указывалъ на недостатки крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., рѣшительно заявилъ, что «считаетъ невозможнымъ въ дни траура по государѣ Александрѣ Николаевичѣ допускать въ официальномъ изданіи университета осужденіе величайшаго акта только

что закончившагося царствованія».[1] Для самого автора,— его первая крупная работа представлялась дѣломъ огромной важности, такъ какъ ею онъ начиналъ свое служеніе народу. Въ своей вступительной рѣчи на диспутѣ В. И. Семевскій оправдывалъ появленіе своего труда необходимостью придти на помощь русскому крестьянину въ его тяжеломъ положеніи путемъ изученія не только его современнаго быта, но и прошлой народной жизни. «У нашего народа, — сказалъ въ заключеніе своей рѣчи диспутантъ,—есть прекрасный обычай созывать помочи въ тяжелую страдную пору; позвольте же и мнѣ кликнуть кличъ о помощи въ моей тяжелой работѣ. Стоитъ только сознать, что изученіе прошлаго не менѣе необходимо, чѣмъ знакомство съ настоящимъ, что настоящее правильно понимается только при яркомъ свѣтѣ исторіи, что лишь при строгомъ критическомъ отношеніи къ прошлому и настоящему создается хорошее будущее—стоитъ это понять и, мы увѣрены, найдутся самоотверженные работники, готовые положить свою жизнь на изученіе прошлаго народнаго быта,—безъ этой вѣры, для меня лично, не стоило бы работать, не стоило бы даже жить; для успѣха же этихъ работъ пожелаемъ одного—полной свободы научнаго изслѣдованія».[2]

Нельзя дать лучшей характеристики покойнаго историка, чѣмъ далъ онъ самъ въ приведенныхъ заключительныхъ словахъ его рѣчи. Нужно имѣть въ виду, что слова эти были сказаны въ мрачную эпоху «безвременья» 80-хъ годовъ, когда о народѣ снова забыли, а на идеологовъ и защитниковъ народныхъ правъ воздвигли суровое гоненіе. Не избѣжалъ его и Семевскій, сразу навлекшій на себя подозрѣніе самимъ предметомъ своего изслѣдованія. Лишь послѣ долгихъ усилій ему удалось объявить курсъ лекцій, да и то «необязательный», по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX в. Эти «необязательныя» лекціи, по словамъ одного изъ слушателей ихъ, Вл. Бурцева, «стали обязательными для молодежи, и для филологовъ, и для юристовъ, и для математиковъ. Аудиторіи, гдѣ читалъ В. И. Семевскій, всегда были переполнены»[3]. Такая популярность и рѣшила судьбу этихъ лекцій, въ скоромъ времени онѣ прекратились «по независящимъ обстоятельствамъ» и больше не возобновлялись. Лишенный возможности вліять на молодежь путемъ живого слова, В. И. Семевскій всецѣло посвятилъ себя архивнымъ изысканіямъ, плодомъ которыхъ были огромные томы изслѣдованій, одинаково важныхъ и по общественной цѣнности самыхъ предметовъ изслѣдованія, и по остротѣ критическаго анализа и обстоятельности изученія всѣхъ вопросовъ, за которые принимался покойный историкъ.

Тема для первой работы В. И. Семевскаго, уже отмѣченной

---

[1] С. Штрайхъ. «В. И. Семевскій и русская офиціальная наука». «День 1916 г. № 261.

[2] Русская старина. 1882 г. № 5, стр. 577—578.

[3] Вл. Бурцевъ. Памяти историка-народника. Бирж. Вѣд. 1916 г. № 15817.

нами выше, намѣренно была избрана изъ эпохи XVIII вѣка, такъ какъ большинство изслѣдователей русскаго крестьянства дальше XVII вѣка не шло въ своемъ изученіи, и являлась необходимость продолжить это изученіе дальше. Нужно при этомъ сказать, что на кличъ, брошенный Семевскимъ, мало кто отозвался, и рядомъ съ его работами по исторіи крестьянъ и крестьянскаго вопроса и до сихъ поръ нельзя поставить ничего равнаго имъ по научному значенію. [1] «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II» намѣчены были авторомъ въ трехъ томахъ, но появилось только два тома, изъ которыхъ первый въ 1903 году вышелъ 2 изданіемъ съ большими дополненіями и поправками. Въ немъ изслѣдуется положеніе крестьянъ помѣщичьихъ и поссессіонныхъ (т. е. приписанныхъ къ фабрикамъ и заводамъ), а во второмъ томѣ (вышелъ въ 1901 году)—положеніе крестьянъ всѣхъ остальныхъ категорій, причемъ географически изслѣдованіе охватываетъ Великороссію и Сибирь. Въ третьемъ томѣ предполагалось разсмотрѣніе экономическаго и домашняго быта крестьянъ и участія ихъ въ Пугачевщинѣ, но изъ него опубликовано только нѣсколько статей. Вышедшіе два тома названнаго изслѣдованія могли бы и сами по себѣ обезпечить своему автору крупное мѣсто въ русской исторіографіи, такъ какъ основаны на изученіи обширнаго архивнаго матеріала и представляютъ настолько детальное и обстоятельное описаніе положенія крестьянъ въ екатерининскую эпоху, что безъ этой классической работы не обойтись ни одному изслѣдователю, который захотѣлъ бы продолжить это изученіе дальше.

Вторымъ столь же основательнымъ трудомъ Семевскаго по исторіи крестьянъ была его докторская диссертація «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой половинѣ XIX в.» (С.П.Б. 1888 г. два тома), которую онъ защитилъ въ томъ же актовомъ залѣ Московскаго Университета при шумныхъ оваціяхъ молодежи [2]. Трудъ этотъ посвященъ общему обзору крестьянскаго вопроса въ Россіи, начиная съ XVIII вѣка, и представляетъ собою «сжатую характеристику отношенія законодательства, литературы, общества и народа къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права» (Введеніе). Несмотря на неопредѣленность темы изслѣдованія, на что указалъ еще В. О. Ключевскій, выступавшій на диспутѣ въ качествѣ официальнаго оппонента, значеніе этого труда огромно и главнымъ образомъ потому, что это первая и пока единственная попытка общей исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Со времени появленія этого труда прошло безъ малаго 30 лѣтъ и явилась необходимость въ новомъ его изданіи, значительно дополненномъ и исправленномъ; первый томъ и подготовлялся уже къ такому переизданію,

---

[1] Имѣемъ въ виду XVIII и XIX вв., такъ какъ для предыдущаго времени нельзя пожаловаться на отсутствіе изслѣдованій.

[2] См. отчетъ объ этомъ диспутѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 1899 г. № 48.

но смерть помѣшала В. И. Семевскому довести переработку книги до конца.[1]

Къ циклу работъ о крестьянахъ примыкаетъ капитальное изслѣдованіе о положеніи рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ Сибири. Подготовка и появленіе этого труда падаетъ на 90-е годы минувшаго столѣтія, столь характерные оживленіемъ рабочаго движенія и пробужденіемъ интереса къ рабочему вопросу въ руководящихъ кругахъ русской интеллигенціи. Весьма возможно, что связь между возникновеніемъ этого труда и условіями этого замѣчательнаго десятилѣтія не была случайной. Извѣстный золотопромышленникъ и сибирскій меценатъ И. М. Сибиряковъ еще въ 1885 году обратился къ В. И. Семевскому съ предложеніемъ написать изслѣдованіе о сибирскихъ рабочихъ, но послѣдній только въ 90-хъ годахъ получилъ возможность взяться за эту работу. Въ 1891 году онъ предпринялъ продолжительную поѣздку въ Сибирь для изученія мѣстныхъ архивовъ и посѣщенія золотыхъ промысловъ. Разсказъ объ этомъ путешествіи, помѣщенный въ предисловіи къ первому тому изслѣдованія, даетъ яркое представленіе о тѣхъ неимовѣрныхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, какія пришлось испытать неутомимому изслѣдователю на его тяжеломъ и подчасъ опасномъ пути. За 6½ мѣсяцевъ В. И. Семевскій объѣздилъ всю Сибирь вплоть до Якутской области, обслѣдовалъ 32 архива, собралъ цѣлые десятки пудовъ архивнаго матеріала и только послѣ такой героической экспедиціи,—онъ приступилъ къ составленію своего изслѣдованія, которое появилось спустя 7 лѣтъ послѣ поѣздки—подъ заглавіемъ: «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ»,—историческое изслѣдованіе (т. I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г., т. II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Спб. 1898 г.). Значеніе этой работы гораздо глубже, чѣмъ это можетъ показаться по ея темѣ. В. И. Семевскій и въ этой области натолкнулся на полное отсутствіе изслѣдованій, и его работа должна была послужить однимъ изъ «пособій для созданія вполнѣ научной исторіи промышленнаго труда въ Россіи». Нужно сознаться, что попытка эта такъ и осталась одинокой до настоящаго времени, если не считать «Русской фабрики въ прошломъ и настоящемъ» Туганъ-Барановскаго, оборвавшейся на первомъ томѣ.

Для самого Семевскаго—эта работа также оказалась эпизодической, такъ какъ на грани новаго столѣтія и подъ несомнѣннымъ вліяніемъ назрѣвавшей революціи его вниманіе стала привлекать исторія освободительнаго движенія въ широкомъ смыслѣ слова, а кромѣ того и его идейныя симпатіи влекли его сильнѣе въ сторону крестьянства, чѣмъ рабочаго класса.

---

[1] Популярное изложеніе темы своего изслѣдованія В. И. Семевскій далъ въ 2 очеркахъ, помѣщенныхъ 1) въ сборникѣ «Крестьянскій строй» т. I СПБ. 1905 г. — «Крестьянскій вопросъ въ Россіи» и 2) въ сборникѣ «Великая реформа 19 февраля» изд. «Образованіе» М. 1911 г.— «Правительство, общество и народъ въ исторіи крестьянскаго вопроса». Въ этихъ очеркахъ приняты во вниманіе новые неизданные матеріалы и позднѣйшая литература по этому вопросу.

Первое десятилѣтіе новаго столѣтія В. И. Семевскій посвящаетъ изученію декабристовъ, преимущественно ихъ идеологіи. Имъ было напечатано большое количество статей и очерковъ о декабристахъ въ журналахъ и особыхъ изданіяхъ. Значительная часть этихъ статей вошла потомъ въ его капитальную работу: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» (СПБ. 1909 г.). На этомъ трудѣ (равно какъ и на «Крестьянскомъ вопросѣ») замѣтно сказались особенности того міровоззрѣнія, которое исповѣдывалъ покойный историкъ. Какъ типичный и послѣдовательный народникъ, онъ склоненъ былъ придавать слишкомъ большое значеніе той роли, какую играла русская интеллигенція въ общественныхъ движеніяхъ минувшаго вѣка, и не дооцѣнивалъ значенія соціальной подоплеки нашихъ освободительныхъ попытокъ, въ томъ числѣ и заговора декабристовъ. Главная цѣнность этой и другихъ его работъ въ этой области не въ освѣщеніи событій, а въ разработкѣ обширнаго неизслѣдованнаго матеріала, который долгое время находился подъ запретомъ. В. И. Семевскому удалось получить доступъ къ основнымъ матеріаламъ о декабристахъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ,—а кромѣ того, использовать и архивъ братьевъ Тургеневыхъ, представляющій богатѣйшій матеріалъ для характеристики александровской эпохи.

Отъ декабристовъ неутомимый изслѣдователь обратился къ ихъ ближайшимъ по времени преемникамъ—«Петрашевцамъ» и почти закончилъ большое изслѣдованіе о нихъ, печатавшееся отдѣльными главами въ «Голосѣ Минувшаго». Здѣсь же нужно упомянуть и о весьма цѣнной статьѣ «Кирилло-Меѳодіевское Общество 1846-47 г.». (Русское Богатство 1911, №№ 5 и 6), въ которой при свѣтѣ новыхъ данныхъ выяснено значеніе этого общества въ исторіи украинскаго движенія въ связи съ участіемъ въ немъ Т. Шевченко.

Разработка исторіи «освободительныхъ движеній» не ограничивалась у В. И. Семевскаго монографическимъ изученіемъ ихъ,—онъ получилъ широкую извѣстность и въ качествѣ руководителя историческихъ журналовъ «Былое», «Минувшіе Годы» и особенно «Голоса Минувшаго», которому онъ отдавалъ свои силы въ послѣдніе годы своей жизни. В. И. Семевскому удалось создать особый типъ историческаго журнала, который одинаково удовлетворялъ и спеціалистовъ и широкіе круги читателей. Въ «Быломъ» и «Минувшихъ годахъ» главный интересъ сосредоточивался на изученіи общественныхъ и политическихъ движеній въ Россіи, а «Голосъ Минувшаго», который былъ настоящимъ дѣтищемъ покойнаго историка,—издавался уже по болѣе широкой программѣ. Но и здѣсь всегда чувствовалась ревнивая забота редактора, чтобы научная цѣнность публикуемаго матеріала находилась въ полной гармоніи съ духомъ традицій, которыя были дороги руководителю журнала.

В. И. Семевскій умеръ на своемъ посту, въ разгарѣ новыхъ работъ и новыхъ научныхъ замысловъ. Казалось, что запаса энергіи и жизненныхъ силъ хватитъ еще на долгіе годы и не-

забвенный историкъ дастъ намъ еще много новыхъ изслѣдованій. Судьба рѣшила иначе. Но и то, что сдѣлано В. И. Семевскимъ для русской науки, поистинѣ огромно. У него не было плохихъ работъ и малоцѣнныхъ компиляцій,—всѣ его работы—крупныя и мелкія—первостепеннаго качества. Онъ всегда умѣлъ сказать новое и свѣжее по каждому вопросу, который привлекалъ его вниманіе, всякое его изученіе начиналось съ разработки новыхъ матеріаловъ, приводило къ созданію новыхъ цѣнныхъ трудовъ и открывало широкіе горизонты для дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Пламенная убѣжденность покойнаго историка, его непоколебимая вѣрность идеаламъ юности—придаютъ его работамъ особую значительность. Онъ былъ упорнымъ фанатикомъ своихъ убѣжденій, но онъ былъ въ то же время объективнымъ изслѣдователемъ, который превыше всего ставилъ критическое отношеніе къ прошлому и настоящему. Проведя всю жизнь за книгами и связками архивныхъ документовъ, В. И. Семевскій всегда чутко прислушивался къ голосу общественной жизни. Кабинетный ученый уживался въ немъ съ горячимъ проповѣдникомъ соціальнаго счастья и людской солидарности. И тѣмъ тяжелѣе утрата, что ушелъ изъ жизни не только крупный ученый, но и большой человѣкъ, самоотверженно посвятившій всѣ свои силы народу и искренно болѣвшій его скорбями.

А. Кудрявцевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПО ПУТИ КЪ ХЛѢБНОЙ МОНОПОЛІИ.

Настроеніе, порождаемое продовольственной неразберихой въ «хвостатыхъ» городахъ, стало съ осени текущаго года граничить съ паникой. Мы уже приводили въ предыдущемъ обозрѣніи продовольственнаго вопроса «крикъ нижегородской городской думы», и онъ далеко не единственный. Вскорѣ раздался такой же со стороны Нижегородскаго Биржевого Комитета («Рѣчь», 252). Наконецъ, въ засѣданіи особаго совѣщанія по продовольствію членъ Гос. Думы М. С. Воронковъ выступилъ съ заявленіемъ, что «свѣдѣнія, поступающія съ мѣстъ и оглашаемыя въ печати, показываютъ, что продовольственное дѣло находится сейчасъ въ угрожающемъ положеніи». («Рус. Вѣд.», 225). Грозность положенія была констатирована и всѣми ораторами на первомъ и на слѣдующихъ засѣданіяхъ бюджетной комиссіи Гос. Думы.

Отсюда видно, что положеніе дѣлъ съ продовольствіемъ страны за мѣсяцъ ухудшилось. Почему это произошло?

Во-первыхъ, потому, что правительство не знало и не знаетъ до сихъ поръ, что и какъ слѣдуетъ дѣлать; во-вторыхъ, обнаружило опозданіе, колебаніе и непослѣдовательность въ своихъ мѣропріятіяхъ; въ-третьихъ, вслѣдствіе несогласованности въ дѣйствіяхъ уполномоченныхъ министерства земледѣлія, губернаторовъ и другихъ мѣстныхъ агентовъ власти. Все это причины организаціоннаго характера, которыя, какъ мы увидимъ ниже, повели къ исчезновенію сельскохозяйственныхъ продуктовъ съ рынка.

Говорить объ отсутствіи у правительства продовольственнаго плана было бы трюизмомъ, т. к. объ этомъ твердятъ всѣ съ начала войны и до днесь съ полнымъ основаніемъ. Достаточно указать, что до сихъ поръ закупкой для нуждъ арміи завѣдуютъ уполномоченные министерства земледѣлія (особаго совѣщанія по продовольствію тожъ), а для остального населенія—города, земства, градоначальники, губернаторы, которые въ то же время и распредѣляютъ такъ или иначе продукты, между частными торговцами и кооперативами. Закупки производятся безъ особаго плана, гдѣ только можно; также хаотично и разнообразно производится распредѣленіе закупленнаго. Въ дальнѣйшемъ, однако, мы будемъ говорить лишь о кризисѣ въ закупочной операціи, такъ какъ здѣсь онъ проявился наиболѣе острымъ образомъ.

Распространеніе твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки по покупкѣ хлѣбовъ и т. д. было принято слишкомъ поздно. При томъ была обнаружена такая нерѣшительность и такая готовность идти навстрѣчу аппе-

титамъ аграріевъ, что она породила у всего сельскохозяйственнаго населенія, продающаго хлѣбъ, а также у многихъ мѣстныхъ агентовъ власти и у торговцевъ хлѣбовъ, чуть ли не полную увѣренность въ несерьезности намѣреній правительства и продовольственнаго совѣщанія. А это повело къ нежеланію считаться съ установленными твердыми цѣнами и къ надеждамъ на дальнѣйшее повышеніе ихъ.

Въ частности, уполномоченные министерства земледѣлія стали даже игнорировать распоряженія высшихъ властей.

Какъ и когда установились твердыя цѣны, мы говорили въ сентябрѣ. Но, вотъ, наконецъ, онѣ установлены. Казалось бы, аграрная Россія должны была бы подчиниться. Не тутъ-то было. Саратовскіе помѣщики съ извѣстнымъ дворяниномъ Павловымъ во главѣ возбуждаютъ ходатайство о дальнѣйшемъ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ. Но это еще пустяки! Далѣе идетъ посерьезнѣй. Всѣ газеты обходитъ сообщеніе, что три министра (финансовъ, торговли и государственный контролеръ) ходатайствуетъ о пересмотрѣ и отмѣнѣ распоряженія гр. А. А. Бобринскаго отъ 9-го сентября о распространеніи твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки—распоряженія, основаннаго на постановленіи двухъ особыхъ совѣщаній и совѣта министровъ. Мотивировалось это ходатайство тѣмъ, что «эта мѣра вредно отражается на частной торговлѣ». Но, вотъ, въ печати начинаются указанія, что подобныя ходатайства министровъ подрываютъ авторитетъ постановленій власти и осложняютъ все рѣшеніе продовольственнаго вопроса. Тогда въ газетахъ появляются «опроверженія» сначала, что министръ финансовъ, а затѣмъ и что министръ торговли и промышленности не возбуждали такого ходатайства.

Возможно, что по мѣрѣ примиренія съ твердыми цѣнами и рѣшенія правительства неуклонно проводить ихъ въ жизнь, послѣдуетъ указаніе, что и государственный контролеръ не ходатайствовалъ о сказанномъ. Однако, воздержанность населенія въ предложеніи хлѣба была этимъ сообщеніемъ о ходатайствѣ трехъ министровъ, несомнѣнно, поддержана.

Какъ поддерживался авторитетъ власти въ этомъ же продовольственномъ вопросѣ уполномоченными министерства земледѣлія, мы увидимъ ниже при общей характеристикѣ ихъ дѣйствій.

Сейчасъ же отмѣтимъ, что высшая власть почувствовала, что ея авторитетъ заколебался среди подчиненныхъ. Это выразилось въ появленіи циркуляровъ, подписанныхъ сначала двумя министрами, а затѣмъ и тремя. Такъ, министръ земледѣлія и новый министръ внутреннихъ дѣлъ А. Д. Протопоповъ обратился *для большей авторитетности съ совмѣстной телеграммой* къ губернаторамъ съ предложеніемъ *осторожнаго* [1] примѣненія принудительныхъ мѣръ въ продовольственномъ дѣлѣ (подразумѣвались, главнымъ образомъ, реквизиціи и запрещенія вывоза)...

[1] Объ этой «осторожности» рѣчь будетъ ниже.

Телеграмма эта ярко свидѣтельствуетъ не только о полной неустойчивости продовольственнаго курса, но и о борьбѣ различныхъ теченій въ руководящихъ сферахъ.

* * *

Мы не будемъ излагать всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, говорящихъ, гдѣ и чего не хватаетъ въ потребительныхъ центрахъ. Можно лишь указать вкратцѣ, что, по общему правилу, въ хлѣбовывозящихъ губерніяхъ нѣтъ хлѣба и муки, въ сахаро-заводческихъ — сахара, въ богатыхъ углемъ — угля, въ лѣсистыхъ и приволжскихъ — дровъ. Кромѣ того, на всемъ юго-западѣ Россіи обнаружился керосинный голодъ. Словомъ, все налажено вопреки всѣмъ законамъ,—какимъ хотите, божескимъ или человѣческимъ, экономическимъ или юридическимъ, логическимъ или моральнымъ.

Ровно ничему не помогаютъ распоряженія всякихъ властей. Что торговцы въ городахъ не соблюдаютъ таксъ, установленныхъ для нихъ всякимъ начальствомъ, фактъ слишкомъ общеизвѣстный, чтобы останавливаться на немъ хотя бы секунду. Но, вотъ, такое же отношеніе обнаружилось уже во многихъ мѣстахъ и къ твердымъ цѣнамъ. Такъ въ Костромской губ. ихъ не признаютъ, и торговцы при твердой цѣнѣ овса въ 1 р. 73 коп. берутъ за пудъ его 3 р. 50 к. Очевидно, авторитетъ властей сильно поколебленъ и тутъ, равно, какъ въ Витебскѣ и Саратовѣ, гдѣ мукомолы уклоняются отъ принятія на помолъ зерна.

«Твердыя цѣны для частныхъ сдѣлокъ, — писала 28-го сентября «Рѣчь»,—являются повсемѣстной фикціей». По свидѣтельству В. В. Шульгина, въ «Кіевлянинѣ», не только въ Кіевскомъ уѣздѣ, но и во всемъ краѣ «никто на твердыя цѣны никакого вниманія не обращаетъ, и предлагаются сдѣлки по рыночнымъ цѣнамъ, значительно превышающимъ твердыя».

По сообщенію «Ростовской Рѣчи», въ Донецкомъ районѣ бездѣйствуетъ отъ 30 до 40% мельницъ средней величины... Бездѣйствіе вызвано отчасти выжиданіемъ болѣе высокихъ цѣнъ, отчасти недостаткомъ угля. Въ результатѣ недостатокъ муки настолько большой, что многія предпріятія вынуждены закупать для себя мельничные постава, ибо купить зерно все же легче, чѣмъ муку.

Изъ большого хлѣбнаго центра Николаевска пишутъ «Сар. Листку»:

«Установленіе твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ вызвало большое недовольство среди крестьянъ, такъ что въ первый базаръ, когда твердыя цѣны были объявлены, почти никто привезеннаго для продажи хлѣба не продалъ, а всѣ увезли его обратно съ площади. Сегодня, 19 сентября, по обычаю долженъ бы быть очень большой привозъ, тѣмъ болѣе, что сейчасъ какъ разъ ярмарка, но оказывается, что хлѣбная площадь была совсѣмъ пуста. Крестьяне и землевладѣльцы въ одинъ голосъ говорятъ, что такое значительное пониженіе цѣны на хлѣбъ (почти 10 р. на мѣшокъ) совершенно недопустимо, при наличности такой дороговизны на все, а также и на рабочія руки, и при томъ урожаѣ, который былъ въ

этомъ году. Продавать по этой цѣнѣ хлѣбъ — это значитъ брать явный убытокъ, почему всѣ и считаютъ необходимымъ съ продажей подождать, благо сильной нужды въ продажѣ у многихъ нѣтъ».

— На мѣстный хлѣбный рынокъ, — говоритъ самарскій «Волжскій День», — второй день нѣтъ подвоза зернового хлѣба. По словамъ биржевиковъ, крестьяне не везутъ хлѣбъ, въ виду недовольства твердыми цѣнами и принудительной ссыпкой зерна въ казенный элеваторъ.

Кинешемскіе торговцы послали костромскому губернатору телеграмму, что они слагаютъ съ себя отвѣтственность за продовольствіе населенія, такъ какъ закупить хлѣбъ по твердымъ цѣнамъ не могутъ, а платить болѣе высокія цѣны не рѣшаются.

«Съ утвержденіемъ твердыхъ цѣнъ помѣщики въ Екатеринославской губ. предпочитаютъ держать хлѣбъ у себя. Мельницы прекращаютъ производство». («Русск. Вѣд.», 224).

Оренбургское губернское продовольственное совѣщаніе посвятило цѣлое засѣданіе тому, какъ побудить крестьянъ везти хлѣбъ на рынокъ. Рѣшено обратиться къ кооперативамъ съ просьбой воздѣйствовать на крестьянъ. Управляющій гос. банкомъ Вавресюкъ заявилъ при этомъ, что ему ежедневно приходится бесѣдовать съ крестьянами и на вопросъ, почему они не везутъ хлѣбъ, они отвѣчаютъ, что для нихъ важнѣе обезпечить себя на будущее время.

— Почему вы не продаете зерна? — спрашивалъ членъ уѣздн. московск. земской управы хуторянъ Донской области, накопившихъ отъ урожаевъ 1914, 15 и 16 г.г. до 30.000 пудовъ каждый, причемъ зерно 1914 г. стало уже загнивать.

— Потому, — отвѣчалъ хуторянинъ, — что съ открытіемъ Дарданеллъ цѣна на пшеницу подымется вдвое.

— Вѣдь, въ городахъ нѣтъ хлѣба.

— Плевать, — отвѣчалъ хуторянинъ, — на москвичей: они сильно подняли цѣну на платье, обувь и другіе предметы; почему же ихъ жалѣть? («Русск. Вѣд.», 231).

Отъ приведенія дальнѣйшихъ фактовъ неуваженія къ твердымъ цѣнамъ пока воздержимся, такъ какъ съ нѣкоторыми варіаціями они однообразны въ массѣ. [1].

* * *

Не стоитъ долго останавливаться на дѣятельности уполномоченныхъ министерства земледѣлія,—несмотря на то, что кое-гдѣ въ провинціи на нихъ еще возлагаются кое-какія надежды. Дѣло въ томъ, что, какъ это было установлено на губернскомъ продовольственномъ совѣщаніи въ Смоленскѣ, «дѣлаемые уполномоченнымъ заказы попросту не выполнялись». («Рѣчь», 255). Также и нижегородскій продовольственный комитетъ получилъ отъ уполномоченнаго по Казанской губ. телеграмму съ отказомъ закупить для Нижняго 300.000 пудовъ ржи. Итакъ, населеніе Нижняго останется на зиму безъ ржаной муки, т. к. подвезти необходи-

[1] См. рядъ телеграммъ въ № 224 «Рус. Вѣд.» изъ Мелитополя, Симферополя и т. п.

мое количество по желѣзнымъ дорогамъ нѣтъ возможности (тамъ же).

Въ *Уфимской губ.*, по словамъ «Уф. Жизни», «безъ вѣдома и разрѣшенія мѣстнаго уполномоченнаго скупаютъ хлѣбъ по вольной цѣнѣ до 2 руб. за пудъ агенты уполномоченныхъ губерній, живущихъ привознымъ хлѣбомъ».

Московскій городской голова телеграфировалъ Б. В. Штюрмеру и гр. А. А. Бобринскому, что въ Москву поступаетъ только половина того количества муки, которое ей необходимо (35 вагоновъ вмѣсто 70—80). Такъ обстояло тамъ дѣло въ концѣ сентября, *несмотря на предложеніе Б. В. Штюрмера* (по телеграфу) предсѣдателю «центро-муки» въ Нижнемъ — Салазкину, выслать въ Москву 500 т. пуд. муки. Также не получалась мука отъ уполномоченнаго Кириллова изъ Ростова-на-Дону, *не взирая на предложеніе предсѣдателя совѣта министровъ* выслать въ Москву 600 тыс. пудовъ. («Русск. Вѣд.», 220). По словамъ помощника московскаго градоначальника Л. Г. Баркова, «кризисъ съ пшеничной мукой налицо, хотя ея закуплено для Москвы нѣсколько милліоновъ пудовъ». Онъ объяснялъ этотъ кризисъ тѣмъ, что «большинство уполномоченныхъ муку съ мѣстъ не выпускаетъ. (Повторяется та же исторія, которая создавалась разными губернаторскими запрещеніями вывоза, обратившими Россію,—по словамъ даже «Новаго Времени»,—въ рядъ удѣльныхъ княжествъ.). По этому поводу продовольственный отдѣлъ отправляетъ соотвѣтствующее представленіе въ Петроградъ, считая *недопустимыми постоянные отказы уполномоченныхъ*. Л. Г. Барковъ считаетъ, что нельзя винить только уполномоченныхъ; многие продавцы не хотятъ выпускать муку по новымъ цѣнамъ, точно также не вывозятъ муки на рынокъ крестьяне, продолжая выжидать. Такое явленіе наблюдается, по его словамъ, въ Курской г. («Русск. Вѣд.», 220).

Однако, чѣмъ бы мы ни объясняли отказы уполномоченныхъ,—состояніемъ транспорта, недогрузомъ со стороны аграріевъ-помѣщиковъ и хозяйственныхъ мужичковъ, спекуляціей мукомоловъ, неспособностью уполномоченныхъ и т. д.,—ясно одно: существующая организація снабженія потребительскихъ центровъ необходимыми продуктами питанія никуда не годится и грозитъ массой крайне тяжелыхъ испытаній. Авторитетъ существующихъ властей подорванъ, разъ даже распоряженія министровъ уполномоченными не исполняются.

Приведенныхъ фактовъ вполнѣ достаточно для представленія о томъ, какъ дѣйствуютъ уполномоченные совмѣстно съ другими мѣстными агентами власти. Въ заключеніе приведемъ одинъ фактъ изъ дѣятельности центральныхъ органовъ министерства земледѣлія, который тоже мало поддерживаетъ авторитетность рѣшеній особыхъ совѣщаній (по продовольствію и оборонѣ) и совѣта министровъ.

«Рѣчь» пришла недавно къ заключенію, что

«само правительство уже пробило первую брешь въ постановленіи о распространеніи твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки. Товарищъ министра земледѣлія телеграфировалъ уфимскому уполномоченному, чтобы тотъ

не препятствовалъ «подвозу хлѣбовъ, закупленныхъ въ Челнахъ фирмой Лапшина до установленія новыхъ твердыхъ цѣнъ по вольнымъ сдѣлкамъ по порученію нижегородскаго городского головы для нуждавшагося населенія Нижняго-Новгорода».

Быть можетъ, это исключеніе, дѣйствительно, вызвано особыми обстоятельствами, близостью прекращенія навигаціи. Но оно, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ, что министерство оказалось безсильнымъ снабдить Нижній-Новгородъ хлѣбомъ по твердымъ цѣнамъ. Если принять во вниманіе, что самъ министръ земледѣлія гр. А. А. Бобринскій явно не сочувствуетъ распространенію твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки, то первое отступленіе отъ принятаго рѣшенія становится показательнымъ». (См. № 259).

Несмотря на то, что нижегородская дума добилась, чего хотѣла, она снова заговорила о надвигающемся грозномъ мучномъ кризисѣ. Гласный А. А. Тихомировъ предложилъ расширить вопросъ, т. к. кризисъ угрожаетъ не только Нижнему, но и всей Россіи. Онъ находилъ, что «не только одной нижегородской думѣ, а и всѣмъ общественнымъ установленіемъ и организаціямъ нужно громко кричать объ этомъ правительству. Создать твердыя цѣны прекрасно, но нужно *обезпечить путь, какъ осуществить ихъ».* Мысль правильная, однако нижегородская дума предпочла для нея пока весьма самоубійственное рѣшеніе. Въ началѣ октября такого же изъятія стали добиваться въ Москвѣ, и лишь представитель союза городовъ Л. Н. Литошенко правильно настаивалъ на томъ, что «твердыя цѣны надо всемѣрно поддерживать хотя бы цѣной мѣстныхъ продовольственныхъ кризисовъ». («Русск. Вѣд.», 232).

Для довершенія картины было бы небезполезно составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, что представляетъ собою, такъ называемая, разрѣшительная система перевозокъ, когда она функціонируетъ идеально. Такъ по свидѣтельству А. Мертваго, вотъ какъ происходитъ покупка и вывозъ рязанскаго поросенка въ Тамбовскую губернію:

«Чтобы купить поросенка, нужно подать прошеніе данковской уѣздной земской управѣ. Если управа разрѣшитъ, то разрѣшеніе это нужно направить г. рязанскому губернатору; если г. губернаторъ разрѣшитъ, то ходатайство нужно направить въ рязанское губернское земство; если и губернское земство разрѣшитъ, то дѣло о куплѣ племенного поросенка направляется въ губернское присутствіе, которое дѣлаетъ распоряженіе данковской полиціи дать разрѣшеніе на вывозъ поросенка изъ предѣловъ уѣзда Данковскаго, а начальнику мѣстной станціи Лебедянь дѣлаютъ телеграфное распоряженіе принять поросенка изъ Надеждинской экономіи Данковскаго уѣзда. Когда всѣ эти разрѣшенія будутъ получены, остается только обратиться къ ветеринарнымъ властямъ, чтобы получить ветеринарное свидѣтельство на вывозъ поросенка. У меня покупали племенныхъ свиней казенные племенные разсадники, земство и военное вѣдомство. Представители ихъ проживали здѣсь недѣли въ хлопотахъ за полученіемъ разрѣшенія вывезти закупленныхъ племенныхъ свиней». («Рѣчь», 264).

Наконецъ, одна иллюстрація изъ взаимныхъ отношеній уполномоченныхъ и губернаторовъ къ кооперативамъ и союзамъ ихъ, которые нынѣ рѣшено призвать для содѣйствія и участія тамъ, внизу, въ волостяхъ и деревняхъ.

«Уполномоченный въ Тульской губ. счелъ необходимымъ опереться при закупкѣ хлѣба для арміи на мѣстныя объединенія кооперативовъ, давъ имъ полномочія по надзору за движеніемъ грузовъ зерна и муки по дорогамъ и закупкѣ ихъ по твердымъ цѣнамъ и предоставивъ имъ право реквизиціи, когда надо, со скидкой 10%. Но т. к. за невозможностью добиться утвержденія уставовъ всѣ эти объединенія дѣйствуютъ по договору, то мѣстная губернская власть предложила имъ въ мѣсячный срокъ легализоваться подъ угрозой закрытія». («Русск. Вѣд.», 224).

Итакъ, повсюду одна и та же степень согласованности отношеній и дѣйствій.

* * *

Общаго плана дѣйствій, общаго рѣшенія вопроса, — рѣшительно ни у кого не имѣется. Но не безынтересно взглянуть на значеніе предлагаемыхъ частныхъ мѣропріятій, которыми могло бы быть устранено пассивное сопротивленіе твердымъ цѣнамъ со стороны аграрной Россіи.

Въ бытность въ Кіевѣ, редакторъ «Городского Дѣла» Д. Д. Протопоповъ устроилъ совѣщаніе изъ общественныхъ дѣятелей, журналистовъ, ученыхъ кооператоровъ и рабочихъ, по вопросу о томъ же хлѣбѣ насущномъ и твердыхъ цѣнахъ.»[1]. Защитниковъ возстановленія свободной торговли въ немъ не нашлось. Кооператоры показали себя сторонниками хлѣбной монополіи: «твердыя цѣны де-полумѣры; почему государству не поступить съ хлѣбомъ такъ же, какъ и съ сахаромъ, почему не закупить теперь спѣшно обширные его запасы и не продавать ихъ затѣмъ отъ себя, установивъ стройную систему уполномоченныхъ и комитетовъ, вѣдающихъ это дѣло отъ крупныхъ центровъ и до послѣдняго села?»

Возражавшіе указывали на трудности при введеніи хлѣбной монополіи. Однако, высказавшись и противъ свободы торговли хлѣбомъ и противъ монополизаціи ея, собраніе нашло, что и твердыя цѣны нехороши, такъ какъ имѣютъ тѣ же недостатки, что и таксы. И, если примирились на твердыхъ цѣнахъ, то лишь, какъ *на меньшемъ изъ золъ*. Нельзя сказать, чтобы такой результатъ совѣщанія былъ продуктивенъ. Совѣщанію осталось, повидимому, совершенно неясно, что разъ государство устанавливаетъ твердыя цѣны для всѣхъ сдѣлокъ, то оно принимаетъ на себя обязательство, такъ или иначе снабдить всѣхъ потребителей хлѣбомъ. Это можетъ быть достигнуто лишь превращеніемъ всѣхъ производителей, скупщиковъ, и всѣхъ продавцовъ хлѣба въ центрахъ потребленія въ комиссіонеровъ казны. Это, при условіи, что го-

[1] См. корреспонденцію его въ № 260 «Рѣчи».

сударство желаетъ использовать какъ-нибудь существующую хлѣботорговую организацію и не рѣшается прямо передать все снабженіе и распредѣленіе въ руки казны и мѣстнаго самоуправленія. Но, во всякомъ случаѣ, твердыя цѣны при распространеніи ихъ на всѣ сдѣлки по торговлѣ какимъ-либо продуктомъ — крупный шагъ въ сторону монополизаціи торговли имъ.

Совѣщаніе нашло, что твердыя цѣны всетаки могутъ нѣсколько сдерживать ростъ дороговизны. Конецъ бесѣды заслуживаетъ воспроизведенія:

— Въ странѣ, гдѣ нѣтъ элементарной честности и гражданственности, тамъ нужна внѣшняя сдержка, нужна угроза.

— Но развѣ легко реквизировать? Отнимать силой хлѣбъ у помѣщика, у крестьянина по цѣнѣ, которую онъ считаетъ низкой? Не значитъ ли это волновать часть русскаго народа?

— Реквизировать придется, — отвѣчали, — не вездѣ, но безъ реквизиціи врядъ ли можно будетъ обойтись, ибо города и цѣлыя мѣстности могутъ оказаться безъ хлѣба.

А въ деревнѣ, — разсказывали кооператоры, — настроеніе «твердое». Тамъ ждутъ цѣнъ въ 5 р. за пудъ и продавать хлѣба не хотятъ. Твердая цѣна установлена въ 1 р. 76 к., а на мѣстѣ пшеница 2 р. 15 к. Ну, говоримъ крестьянамъ, тогда у васъ хлѣбъ отберутъ. А они отвѣчаютъ: вы бы лучше спросили, во что намъ самимъ зерно вскочило; и потомъ почему же нѣтъ твердыхъ цѣнъ на то, что мы, крестьяне, покупаемъ. Почему не отбираютъ обувь и другіе товары?

Потомъ А. Д. Протопопову пришлось говорить съ виднымъ кооператоромъ. Вотъ его мнѣніе: «Война стала явленіемъ обыденнымъ, изъ-за нея, какъ раньше, въ 1914 и 1915 г., спѣшить продавать не станутъ. Прежде баба зарабатывала 40 коп .въ день, а теперь—3 руб. Ну какой же разсчетъ и ей, и помѣщику, ей заплатившему такую цѣну, хлѣбъ везти въ Кіевъ — особенно, когда цѣна на мѣстѣ 1 р. 70 коп., провозъ за 40 верстъ 33 к., а твердая цѣна въ Кіевѣ 1 р. 76 коп.? И зачѣмъ продавать хлѣбъ, когда яйца идутъ по 75 коп. вмѣсто прежнихъ 25 коп. за десятокъ? — Нѣтъ, по твердой цѣнѣ продавать не станутъ, будутъ сдѣлки въ обходъ правилъ, по болѣе высокимъ цѣнамъ, какъ при таксахъ. А вотъ для чего твердыя цѣны нужны — это для реквизицій. Какъ же иначе реквизировать? Но это не такое страшное дѣло. Неужели, если Грицька и Петра на войну безропотно отпустили, хлѣба не отдадутъ? Придется только кое-гдѣ «примѣръ сдѣлать».

Замѣчаніе крестьянъ «почему же нѣтъ твердыхъ цѣнъ на то, что мы покупаемъ», вполнѣ резонно; однако, оно говоритъ лишь за необходимость распространенія твердыхъ цѣнъ и на всѣ сдѣлки по необходимымъ для нихъ издѣліямъ промышленности, а вовсе не противъ твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты.

Какое вліяніе окажутъ «примѣры» реквизицій,—вопросъ, конечно, интересный. Кооператоръ г. Протопоповъ убѣжденъ въ успѣхѣ ихъ, на нашъ взглядъ, весьма основательно. Въ прошломъ году реквизиціи потребовались въ 1% случаевъ. Теперь, конечно, потребуются въ гораздо

большемъ. И успѣхъ ихъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ послѣдовательнѣе, непреклоннѣе и справедливѣе онѣ будутъ примѣняться.

Порядокъ примѣненія ихъ долженъ быть таковъ: спачала реквизуется хлѣбъ упорствующихъ помѣщиковъ и мука (а не зерно) упорствующихъ мукомоловъ и мельниковъ; затѣмъ хлѣбъ упорствующихъ сельскихъ торговцевъ и крестьянъ. Закупленныя, оплаченныя и доставленныя въ города, на пристани и на станціи партіи зерна и муки городскихъ, земскихъ и другихъ общественныхъ организацій никоимъ образомъ не могутъ подлежать реквизиціи со стороны кого-либо, а должны быть немедленно транспортируемы по назначенію дальше.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что аграрная и спекулирующая Россія должна быть твердо увѣрена въ безпощадномъ примѣненіи этого средства. Однако, когда министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ земледѣлія посылали свою первую *совмѣстную* телеграмму губернаторамъ объ *осторожномъ* примѣненіи права реквизиціи, они не сознавали еще необходимости обратнаго совѣта. Онъ и послѣдовалъ позднѣе въ циркулярной телеграммѣ градоначальникамъ и начальникамъ областей, подписанной для авторитетности уже тремя министрами: Б. В. Штюрмеромъ, гр. А. А. Бобринскимъ и А. Д. Протоповымъ.

Въ этой телеграммѣ говорится уже слѣдующее:

«Успѣхъ дѣла можетъ быть достигнутъ опредѣленнымъ разъясненіемъ производителямъ хлѣба, а также торговцамъ, что объявленныя на хлѣбъ твердыя цѣны останутся **безусловно неизмѣнными** до новаго урожая, т. е. до осени 1917 г. Правительство приступило уже къ заготовкѣ по этимъ твердымъ цѣнамъ и увѣрено, что земледѣльческая Россія всемѣрно облегчитъ выполненіе плана заготовки хлѣбовъ и фуража безостановочнымъ предъявленіемъ зерна уполномоченнымъ министра земледѣлія. Въ случаяхъ намѣренной задержки въ сдачѣ хлѣбовъ правительство вынуждено принять **рѣшительныя мѣры вплоть до реквизиціи съ пониженіемъ на 15%** противъ твердыхъ цѣнъ».

Это уже нѣсколько иной и притомъ болѣе подходящій разговоръ съ аграрной Россіей. Высказываясь, однако, за безпощадное примѣненіе реквизицій, мы отнюдь не заблуждаемся относительно того, что онѣ, во-первыхъ, средство борьбы, пригодное для того, чтобы преодолѣвать пассивное сопротивленіе помѣщиковъ, мукомоловъ и торговцевъ, т. е. крупныхъ держателей сельскохозяйственныхъ (и иныхъ) продуктовъ, но не мелкихъ, каковыми являются милліоны крестьянъ, [1] и что поэтому, во-вторыхъ, наряду съ реквизиціями необходимы и другія мѣры. Какія же?

Такъ, поскольку пассивное сопротивленіе со стороны мелкихъ производителей-крестьянъ обусловлено дороговизной и, особенно отсутствіемъ въ деревнѣ предметовъ крестьянскаго потребленія (мыло, керосинъ, сахаръ, мануфактурныя издѣлія и т. д.), обихода и хозяйства (утварь,

[1] Поэтому появившійся внезапно проектъ Б. В. Штюрмера повсемѣстной массовой реквизиціи хлѣба у крестьянъ (Рѣчь, 279) долженъ кончиться фіаско.

земледѣльческія орудія, металлическія издѣлія и т. д.), это сопротивленіе можетъ и должно быть устранено планомѣрно организованнымъ подвозомъ въ деревню и закупкой для нея всего необходимаго. Деревня должна видѣть не только реквизиціи, но и заботу о себѣ; должна и сама проявить иниціативу въ дѣлѣ снабженія себя необходимымъ въ достаточномъ количествѣ и по пониженнымъ цѣнамъ.

Однако, не слѣдуетъ забывать при этомъ, что со многими издѣліями промышленности дѣло обстоитъ неизмѣримо хуже, чѣмъ съ продуктами сельскаго хозяйства. Ихъ такъ мало, что (напр., обуви) одинаково не хватаетъ, какъ въ городахъ, такъ и сельскихъ мѣстностяхъ, и снабдить ими все населеніе по сколько-нибудь терпимымъ цѣнамъ можно съ теченіемъ времени лишь всяческимъ усиліемъ безпошлиннаго ввоза изъ-за границы. (Соед. Штатовъ, Японіи и т. д.).

Слѣдовательно, деревнѣ (да и городу) должно быть прежде всего разъяснено, какія притязанія ихъ не могутъ быть удовлетворены полностью раньше прекращенія войны, которая и повела, собственно, къ абсолютному недостатку ряда промышленныхъ издѣлій. Далѣе деревня должна усвоить, что первое условіе удешевленія жизни, вообще, и издѣлій промышленности, въ частности, это пониженіе цѣнъ на продукты питанія. Дешевые хлѣбъ, мука, яйца, мясо, птица, корма сейчасъ уже вызовутъ пониженіе стоимости рабочей силы или остановятъ приростъ заработной платы и удешевятъ въ дальнѣйшемъ издѣлія промышленности. Для популяризаціи подобныхъ свѣдѣній, однако, требуются иныя условія.

Если бы особое совѣщаніе по продовольствію зафиксировало прошлогоднія твердыя цѣны или понизило ихъ, для чего, какъ мы показали въ прошлый разъ, [1] были всѣ основанія, то этимъ былъ бы созданъ могущественный моментъ для прекращенія, а то и пониженія всѣхъ цѣнъ. Но разъ этого не сдѣлано, то надо объявить, что это будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ. Тогда у всѣхъ нынѣшнихъ держателей зерна, муки и т. д. явится новый убѣдительный психологическій толчокъ увеличить предложеніе сельскохозяйственныхъ продуктовъ на рынкѣ и продавать ихъ по цѣнамъ ниже предѣльныхъ.

Возможно ли это? Какъ показываетъ примѣръ Германіи, страдающей въ отличіе отъ насъ абсолютнымъ недостаткомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, городское населеніе при дружномъ взаимодѣйствіи всѣхъ слоевъ его можетъ достигнуть этого результата и въ такой странѣ, гдѣ опять-таки въ отличіе отъ насъ неизмѣримо больше основаній для роста хлѣбныхъ цѣнъ.

---

[1] См. сентябрь «Лѣтописи». По даннымъ полк. Г. Карякина, опубликованнымъ въ «Русск. Словѣ», десятина земли въ Лебедянск. у., Тамбовской губ., приноситъ ему при цѣнахъ ниже новыхъ твердыхъ 81 р. 10 к. чистаго дохода! Сравн. мнѣніе уп. Гербеля въ «Рѣчи» № 254, и цифры доходности нынѣшняго урожая въ Роменскомъ у. въ № 280 «Рѣчи».

Въ цѣляхъ выясненія этого важнаго момента, сдѣлаемъ краткій обзоръ хода продовольственныхъ мѣропріятій у нашей сосѣдки, позволявшихъ ей выдержать два года войны и надѣяться, что ее не возьмутъ изморомъ еще, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года.

Германія установила твердыя цѣны на хлѣба еще въ началѣ войны, 28-го октября н. ст. 1914 г. Хотя они были (въ интересахъ аграріевъ) повышены только на 28% по сравненію съ средней цѣной хлѣбовъ въ десятилѣтіи, предшествовавшемъ войнѣ, все же городская Германія не могла успокоиться и, совершенствуя все время продовольственную организацію, добивалась, между прочимъ, пониженія цѣнъ. Въ продовольственномъ дѣлѣ Германіи примѣнялись послѣдовательно, дополняя другъ друга, слѣдующіе пять принциповъ: 1) твердыхъ цѣнъ, 2) контроля надъ обмѣномъ, 3) организаціи распредѣленія безъ всеобщей реквизиціи припасовъ, 4) организаціи распредѣленія на основѣ такой реквизиціи и 5) принудительной организаціи самого производства.

Другими словами, въ то время, какъ мы едва сдѣлали первые серьезные шаги къ введенію монополіи хлѣбной торговли, Германія, стоящая на 4-й ступени монополіи хлѣбной торговли, находится наканунѣ перехода къ монополіи производства хлѣбовъ путемъ публично-правового регулированія этого производства.

Любопытно при этомъ, что къ требованію перехода на 5-ую ступень, выдвинутому вначалѣ одними рабочими организаціями, стали присоединяться не только все болѣе широкіе слои городской буржуазіи, но и нѣкоторые сельскіе хозяева средней руки. [1]

Когда германское правительство убѣдилось, что движеніе въ пользу принудительнаго регулированія сельскохозяйственнаго производства приняло серьезный оборотъ, оно рѣшилось на пониженіе твердыхъ цѣнъ. т. е. на меньшее для аграріевъ зло. Пониженіе цѣнъ на рожь и пшеницу спроектировано такъ:

За тонну.	Цѣна нынѣ	Съ 15 дек. н. с. 1916 г.	Съ 15 апр. н. с. 1917 г.
Рожь.	240 мар.	220 мар.	205 мар.
Пшеница [2].	280 мар.	250 мар.	245 мар.

Кромѣ того, значительно понижена плата за помолъ, вслѣдствіе чего съ 15 сентября н. ст. ржаной хлѣбъ въ Берлинѣ сталъ стоить по таксѣ 34 пфен. за кило (6½ коп. за русск. фунтъ) вмѣсто 50 пфен. до этого и противъ 30 пфен. — цѣны мирнаго времени. Если же принять во вниманіе обезцѣненіе бумажныхъ денегъ, то хлѣбъ въ Германіи сталъ на 3-тій годъ войны, пожалуй, дешевле, чѣмъ былъ до войны. Далѣе

[1] См. подр. въ корреспонденціи М. Лурье въ «Рус. Вѣд.» № 221.

[2] Цѣна пшеницы въ Англіи была: въ январѣ 1915 г. 268 мар. за тонну, а въ августѣ 1916 г. уже 313 мар. за тонну, т. е. выше чѣмъ въ Германіи.

съ 15 сен. понижена цѣна на картофель такъ, что съ 1 окт. онъ будетъ стоить вмѣсто 6-ти 5 пфен. за нѣмецкій или 1 коп. за русскій фунтъ. Укажемъ для сравненія, что въ Петроградѣ — при цѣнѣ осьмушки картофеля въ 25 — 30 коп. въ сентябрѣ тек. года и 23 — 27 картофелинахъ въ этой осьмушкѣ — каждая картофелина обходилась свыше 1 копейки, а лѣтомъ молодой картофель стоилъ въ Петроградѣ 15 коп. за фунтъ.

Затѣмъ, въ ближайшемъ будущемъ въ Германіи предстоитъ пониженіе твердыхъ цѣнъ и таксъ на мясо всѣхъ видовъ скота, на плоды, овощи и консервы, фрукты, мусы, варенье, искусственный медъ и т. д. Въ частности, понижена уже цѣна на капусту съ 25 до 16 пфен. за фунтъ, то есть на $^{1}/_{3}$ прежней цѣны.

Кромѣ того, понижены на 20 марокъ твердыя цѣны на корма, — на овесъ и ячмень, стоившіе до сихъ поръ по 300 марокъ за тонну; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ законъ предписываетъ понизить ихъ еще на тѣ же 20 марокъ съ тонны.

Наконецъ, «взвѣшивается» вопросъ о пониженіи твердыхъ цѣнъ на молоко и масло. И, когда городское населеніе окажетъ достаточное давленіе на имперское правительство, то и этотъ вопросъ будетъ «взвѣшенъ» въ его пользу.

У насъ на пониженіе твердыхъ цѣнъ высказались уже: совѣщаніе провинціальныхъ представителей, происходившее съ 24-го по 26-е сентября при московскомъ союзѣ потребительныхъ обществъ, совѣщаніе при московской хлѣбной биржѣ, совѣщаніе при черниговскомъ уполномоченномъ и др. Нельзя не отмѣтить при этомъ слѣдующій поучительный фактъ. По словамъ «Волжскаго Края» одинъ только слухъ, что твердыя цѣны могутъ быть понижены, вызвалъ такой переполохъ на Самарской хлѣбной биржѣ и среди мукомоловъ, что уже въ ближайшее время ожидаютъ усиленія подвоза хлѣбовъ. По свидѣтельству же М. Е. Грузинова — предсѣдателя московской губернской земской управы — «гдѣ-то» *окончательно рѣшено съ новаго года понизить твердыя цѣны,* а пока давать премію въ 5 коп. съ пуда каждому, кто доставитъ уполномоченному хлѣбъ по твердымъ цѣнамъ («Рѣчь», 280). Однако, эта премія — замаскированная форма повышенія ихъ, почему и заслуживаетъ полнаго осужденія.

Кромѣ прогрессивнаго пониженія цѣнъ на сельскохозяйственные продукты можно считать полезнымъ дальнѣйшее увеличеніе низкаго у насъ поземельнаго обложенія. Само собой разумѣется, что должна облагаться земельная рента. Что же касается возникшей недавно идеи заставить населеніе платить поземельные налоги натурой (зерномъ), а не деньгами, то успѣхъ подобной новой натуральной хлѣбной и фуражной повинности будетъ опять-таки зависѣть отъ того, окажетъ ли населеніе пассивное сопротивленіе ей или нѣтъ. Если — да, то опять понадобятся реквизиціи, и вопросъ сведется къ примѣнимости ихъ къ мелкимъ держателямъ хлѣба. Но даже при полной возможности и готовности прави-

водить эти реквизиціи, слѣдуетъ признать, что, какъ издержка по взиманію налоговъ, реквизиція — средство дорогое. Въ виду этого натуральную хлѣбную повинность можно было бы ввести только, какъ факультативное и субсидіарное средство.

Что касается предложеннаго однимъ желѣзнодорожнымъ подрядчикомъ, городскимъ и земскимъ гласнымъ, *временнаго возстановленія винной монополіи,* чтобы мужикъ пропился и выбросилъ на рынокъ все, что имѣетъ, то къ подобнымъ проектамъ отношеніе можетъ быть лишь совершенно отрицательное. Такое прожектерство, постыдное по существу и опасное по послѣдствіямъ, характерно развѣ, какъ симптомъ отчаянія.

Полезно, наконецъ, признать всѣ сдѣлки не по твердымъ цѣнамъ юридически ничтожными на всю сумму переплаты свыше этихъ цѣнъ.

* * *

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію болѣе общихъ и принципіальныхъ мѣропріятій, которыя предлагаются для выхода изъ создавшагося въ продовольственномъ дѣлѣ положенія. Всѣми обсуждаются и предлагаются мѣропріятія либо чисто-организаціоннаго характера, либо касающіяся принциповъ продовольственной политики, либо — тѣ и другія въ связи другъ съ другомъ. Организаціонный вопросъ заключается въ томъ, кто долженъ рѣшать нынѣ продовольственную проблему: такъ называемое, «общество» при содѣйствіи власти, либо, по старому, власть при содѣйствіи общества. Принципіальный вопросъ, въ какомъ направленіи рѣшать эту проблему, — въ сторону ли установленія хлѣбной монополіи навсегда или только на время войны, либо въ сторону возврата къ свободѣ частной торговли хлѣбомъ внутри страны.

Мы отмѣтили еще въ сентябрьской книгѣ нашего журнала, что распространеніе твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки есть по существу переходъ къ хлѣбной монополіи. Однако, онъ произошелъ у насъ безо всякихъ предварительныхъ подготовительныхъ мѣръ, которыхъ требуетъ такая монополія. Говоря коротко, эти мѣры должны были бы заключаться въ слѣдующемъ:

1. Въ разработкѣ общаго плана снабженія страны хлѣбомъ и фуражомъ, т. е.

а) въ опредѣленіи, какіе потребительскіе центры и изъ какихъ районовъ могутъ быть снабжены хлѣбомъ и т. д.

б) въ какомъ количествѣ (что предполагаетъ учетъ населенія и производства);

в) какимъ путемъ должна быть организована доставка (водой, желѣзными дорогами, гужемъ).

2. Въ созданіи центральнаго и мѣстныхъ органовъ для закупки, транспортированія и распредѣленія сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

3. Въ созданіи сѣти складовъ для ссыпки хлѣбовъ и въ организаціи перемола ихъ (м. б. при монополизаціи и мукомольнаго дѣла).

4. Въ заготовкѣ достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ.

Само собою разумѣется, что успѣшное выполненіе этого плана возможно при условіи передачи всего дѣла продовольствія страны въ общественныя руки. Таково единственно возможное рѣшеніе организаціонно-распорядительной стороны дѣла.

Что же у насъ было и происходитъ въ дѣйствительности?

На дѣлѣ, переходъ къ монополизаціи хлѣбной торговли произошелъ у насъ въ качествѣ нѣкоего экономическаго salto mortale. Стали распространять твердыя цѣны на всѣ сдѣлки, не отдавая себѣ, повидимому, никакого отчета, что это значитъ, къ чему ведетъ. И только въ послѣднихъ числахъ сентября начались совѣщанія подъ предсѣдательствомъ товарища министра земледѣлія А. Н. Невѣрова со скромной задачей «расширенія» правительственныхъ закупокъ хлѣба.

Уже на первомъ изъ этихъ совѣщаній единогласно было признано, что нельзя оставлять хлѣбную торговлю въ состояніи нынѣшняго хаоса, что она подлежитъ общественному контролю и что, установивъ твердыя цѣны на хлѣбъ, *государство приняло на себя обязанность обезпечить имъ не только армію, но и все населеніе.* Это дало М. Туганъ-Барановскому поводъ поставить точку надъ і и замѣтить, что «передъ нами вырисовывается грандіозный планъ государственной хлѣбной монополіи. Нѣчто подобное казалось совершенно немыслимымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ». («Рѣчь», 30 сент.).

Повидимому, въ соотвѣтствіи съ сознаніемъ этой обязанности управленіе дѣлами особаго совѣщанія по продовольствію разработало къ началу октября особый проектъ организаціи продовольственнаго дѣла, ни съ какой стороны (качественной или количественной) не могущій способствовать обезпеченію хлѣбомъ «всего» населенія и дружно забракованный всѣми представителями «общества» на другомъ засѣданіи невѣровской комиссіи. («Русск. Вѣд.», 226).

Затѣмъ онъ подвергся на засѣданіяхъ особаго совѣщанія переработкѣ въ смыслѣ усиленія, — правда, весьма слабаго, — участія общественныхъ организацій съ совѣщательнымъ голосомъ въ центральныхъ и мѣстныхъ органахъ продовольственнаго совѣщанія, и былъ подписанъ 12-го октября А. А. Бобринскимъ. По существу содержащагося въ немъ плана снабженія онъ представляетъ дальнѣйшій шагъ по пути къ хлѣбной монополіи, однако, снова не рѣшительный (см. хорошую критику его въ № 229 «Русск. Вѣд.»), въ виду огромнаго вліянія аграрныхъ интересовъ.

Неизбѣжность такого пути признали и «Русскія Вѣдомости». Онѣ не только требуютъ всего того, что было признано необходимымъ на первомъ невѣровскомъ совѣщаніи по отношенію къ хлѣбной торговлѣ, но и пишутъ слѣдующее: (см. «Русск. Вѣд.» № 222).

«Если и это не поможетъ, и продуктъ будетъ задерживаться производителями, должны быть приняты принудительныя мѣры извлеченія продукта хотя бы до общаго секвестра и принудительнаго производ-

ства включительно». И дальше: «конечно, урегулировку нельзя ограничивать продуктами продовольствія. Она должна быть послѣдовательно распространена и на всѣ другіе предметы первой необходимости, недостатокъ и дороговизна которыхъ въ свою очередь создаютъ повышательное настроеніе въ земледѣліи и содѣйствуютъ универсальному росту цѣнъ. Въ области промышленности должны быть также приняты принудительныя мѣры и притомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ зависимости отъ состоянія данной отрасли хозяйства, распространяющіяся и на самое **производство продукта...** Повторяемъ, реквизиціи, секвестра, монополіи и прочихъ страшныхъ словъ бояться не слѣдуетъ. Но нужно, чтобы за этими словами стояло ихъ осуществленіе»...

Едва ли, когда за все время своего существованія академическія «Русскія Вѣдомости» говорили столь энергичнымъ и опредѣленнымъ языкомъ. Но въ бочкѣ меда ихъ разсужденій оказалась ложка дегтя, въ видѣ такого замѣчанія: «возвратъ къ свободѣ мѣнового оборота до окончанія войны невозможенъ». Такъ какъ эта ложечка дегтя содержится и въ каждой руководящей статьѣ по продовольственному вопросу «Рѣчи» и любой другой либеральной газеты, то мы должны обратить вниманіе на слѣдующее. Какую бы монополію ни ввела та или иная страна во время войны, она уничтожаетъ совсѣмъ или основательно разрушаетъ соотвѣтственную частно-правовую организацію. Такъ, торговыя монополіи могутъ болѣе или менѣе вытѣснить частную торговлю, производительныя — частно-предпринимательское производство. Если монополіи всякаго рода популярны, то, именно, потому, что война выявила, какъ нельзя лучше, какое бѣдствіе для каждой страны представляетъ въ ней свобода торговли и производства съ ихъ господствомъ частныхъ интересовъ и аппетитовъ. Въ мирное время все это было только не такъ очевидно, какъ сейчасъ. Теперь, спрашивается, неужели же весь этотъ частно-правовой укладъ жизни надо ломать только для того, чтобы не погибнуть завтра, а послѣ окончанія войны снова начать примѣнять палліативы въ борьбѣ съ дороговизной? Въ частности, что касается хлѣбной монополіи, то къ ней надо переходить, если имѣть въ виду сохраненіе, развитіе и усовершенствованіе ея послѣ войны. Только тогда всѣ тѣ затраты народной энергіи и матеріальныхъ средствъ, которыя потребуютъ первые шаги принудительнаго регулированія хлѣбнаго рынка и торговли, хлѣбнаго и мукомольнаго производства въ настоящемъ, принесутъ сторицей плоды въ будущемъ [1]. Иначе ея не стоитъ вводить. Но разъ, переходъ къ ней нынѣ неизбѣженъ, разъ онъ необходимъ экономически, то разрушать потомъ всю эту общественно-правовую организацію во имя «laissez faire, laissez passer» — это бѣдной финансами Россіи не по средствамъ.

Mutatis mutandis — тоже самое можно сказать и о всякой другой публично-правовой монополіи, которая будетъ введена во время войны,

[1] Какіе плоды — это уже тема для систематическаго изслѣдованія значенія хлѣбной монополіи.

равно, какъ и о частныхъ мѣропріятіяхъ по регулированію въ той или другой степени разныхъ отраслей торговли и промышленности. Съ этой точки зрѣнія вся проблема демобилизаціи народнаго хозяйства послѣ войны сводится, съ нашей точки зрѣнія, къ дальнѣйшему развитію въ немъ тѣхъ зачатковъ огосударствленія или муниципализаціи, которые создала война и которые явятся еще неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ. Только ставя вопросъ такимъ образомъ, можно присоединиться съ чистымъ сердцемъ къ программѣ рѣшительныхъ мѣропріятій «Русскихъ Вѣдомостей». Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, обнаруживать волю къ рѣшительнымъ мѣрамъ *только* потому, что сердце Россіи снабжается сейчасъ мукой въ количествѣ въ 2 раза менѣе необходимаго!

Довольно содержательно, но недостаточно опредѣленно обсуждалась организаціонная сторона продовольственнаго дѣла на частномъ собесѣдованіи у члена особаго совѣщанія П. Б. Струве.

Подавляющее большинство присутствовавшихъ считало самой настоятельной задачей переустройство центральнаго органа, т. е., прежде всего особаго совѣщанія. Вмѣсто четырехъ учрежденій должно быть создано одно съ опредѣленными правами и обязанностями, находящееся въ тѣсномъ единеніи съ объединившимся на ясной программѣ правительствомъ. **Это учрежденіе должно распоряжаться и дѣломъ перевозокъ.** Сторонниковъ свободной торговли было очень немного, да и тѣ высказывались неувѣренно. Общее мнѣніе указывало на неизбѣжность введенія въ той или иной формѣ хлѣбной монополіи, при чемъ всѣ усилія должны быть направлены на **организацію этой монополіи на общественныхъ началахъ.** Нѣкоторые находили, что осуществить монополію можно при содѣйствіи образованнаго **союзами центральнаго продовольственнаго органа,** завязавшаго связи съ крупными остатками частной хлѣботорговли. Другіе склонялись къ мысли о **необходимости созданія особой правительственно-земской организаціи** съ привлеченіемъ кооперативовъ и частныхъ торговцевъ въ качествѣ комиссіонеровъ. («Рѣчь», 270).

Съ другой стороны, мы имѣемъ аналогичное заявленіе центральнаго комитета общественныхъ организацій (въ Москвѣ). Правленіе его признало, что единственнымъ исходомъ является привлеченіе всѣхъ общественныхъ, торговыхъ и кооперативныхъ организацій, объединившихся для удовлетворенія потребности страны въ заготовительной и распредѣлительной операціи, и что *дѣятельность уполномоченныхъ должна протекать подъ контролемъ мѣстнаго комитета, построеннаго по типу центральнаго продовольственнаго»*. («Русск. Вѣд.», 224). Въ pendant къ этому совѣщаніе (26 сент.) на московской хлѣбной биржѣ представителей этой биржи и ряда провинціальныхъ предложило «учредить» при уполномоченныхъ особыя бюро, въ которыхъ *общественный элементъ имѣлъ бы преобладающее значеніе»*. («Рѣчь», 269). Можно присоединить сюда еще общее мнѣніе совѣщанія при одесской биржѣ представителей южныхъ биржевыхъ комитетовъ о томъ, что «законъ о твердыхъ цѣнахъ не доведенъ до логическаго конца, т. е. до монополизаціи госу-

дарствомъ хлѣбнаго дѣла, при которомъ только и мыслимо правильное распредѣленіе зерна и муки». («Рѣчь», 271). За хлѣбную монополію по тѣмъ же мотивамъ высказалось и совѣщаніе общественныхъ дѣятелей при уфимскомъ уполномоченномъ министерства земледѣлія. («Р. В.», 232).

Въ заключеніе нельзя не отмѣтить восхваляемой на страницахъ нашей официальной «Торгово-Промышленной Газеты» (№ 218) правительственной работы по снабженію въ Италіи. Какъ видно изъ изложеннаго тамъ г. Первухинымъ проекта реорганизаціи продовольственнаго дѣла, уже въ центральныхъ учрежденіяхъ $^2/_3$ распоряжающихся лицъ—представители «общества» и населенія. Въ мѣстныхъ организаціяхъ ихъ еще больше. При этомъ, какъ пишетъ г. Первухинъ, «итальянское правительство не только не останавливается передъ привлеченіемъ къ дѣлу представителей отъ заинтересованныхъ потребительскихъ круговъ и допускаетъ участіе благотворительныхъ учрежденій, о-въ взаимопомощи и кооперативовъ, — но даже предполагаетъ избраннымъ населеніемъ лицамъ предоставить спеціальныя права лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и офиціально несущихъ извѣстныя опредѣленныя общественныя обязанности».

Занятія бюджетной комиссіи Гос. Думы ни на шагъ не подвинули разработку принципіальной стороны дѣла. Выступленіе же тамъ министра вн. дѣлъ въ пользу возврата къ свободной торговлѣ могло вызвать лишь всеобщее недоумѣніе. Во всякомъ случаѣ даже умѣренные депутаты нынѣ считаютъ необходимымъ условіемъ рѣшенія продовольственнаго вопроса «перемѣну всей системы управленія»...

Г. Новоградскій.

ЗА ДВА ГОДА.

(Изъ хроники рабочаго дѣла).

Послѣднее десятилѣтіе было въ Россіи періодомъ интенсивнаго духовнаго роста рабочаго класса. Въ частности, за это десятилѣтіе онъ создалъ свою богатую прессу, политическую, профессіональную и страховую, обслуживающую его повседневныя нужды.

Внѣшними проявленіями рабочаго движенія до войны, какъ и прежде, были стачки, митинги и демонстраціи, и общество замѣчало ростъ рабочаго движенія лишь тогда, когда оно выходило на улицу. Весь сложный подготовительный процессъ проходилъ незамѣченнымъ, а между тѣмъ онъ имѣлъ и имѣетъ самое серьезное и важное значеніе для всего дальнѣйшаго развитія. Движеніе создавало тогда и профессіональные союзы, и просвѣтительные клубы, жившіе всей полнотой жизни, откликающіеся на всѣ запросы жизни.

Пришла война... Она все сдвинула со старыхъ мѣстъ, перемѣшала

и разрушила все, точно налетѣвшій шквалъ. О томъ вліяніи, какое она оказала на рабочее движеніе въ Западной Европѣ, очень много говорилось и писалось, между тѣмъ какъ даже сотая доля того, что происходило въ это время въ жизни рабочей демократіи Россіи, не проглянуло наружу, а осталось глубоко подъ спудомъ.

Это и неудивительно: всѣ проявленія рабочей жизни должны были исчезнуть: не стало профессіональныхъ союзовъ, клубовъ, газетъ и журналовъ, гдѣ-бы могла формулироваться и кристаллизоваться психика и мысль. Разумѣется, эти внѣшнія препятствія ни въ коемъ случаѣ не могли пріостановить процесса дальнѣйшаго роста рабочаго класса, формированія въ немъ мыслей и идей. Все это продолжалось, но шло своей дорогой, невидимой для посторонняго наблюдателя. Извѣстное проявленіе подлинной пролетарской мысли далъ въ это время лишь процессъ пяти с. д. депутатовъ Государственной Думы, но здѣсь присоединились многія внѣшнія причины, помѣшавшія тому, чтобы во всю ширь вырисовалась сущность и содержаніе ея...

На смятеніе и колебаніе европейской демократіи не могла не откликнуться и россійская демократія. Она также пережила моментъ весьма остраго и жгучаго раздвоенія подъ вліяніемъ войны, пока не вышла на правильный и опредѣленный путь. Въ высшей степени характеренъ въ этомъ отношеніи дневникъ депутата Петровскаго, оглашенный въ судѣ, и отчасти даже вошедшій въ обвинительный актъ. Сомнѣнія, тревоги и колебанія депутата Петровскаго были сомнѣніями, тревогами и колебаніями рабочаго класса. Идейная позиція рабочаго класса не могла сложиться сама собой, подъ вліяніемъ чуждыхъ ему элементовъ, она выковывалась и создавалась изъ самой жизни, и этотъ процессъ не могъ пройти незамѣтно для него. Достигнутые результаты особенно цѣнны потому, что рабочему классу пришлось идти по непротоpенной дорогѣ, и много ложныхъ огней могло отвлечь его съ правильнаго пути.

Однако, даже въ Западной Европѣ ложныя настроенія не носили всеобщаго характера... То же можно сказать и о Россіи...

Первый моментъ всеобщей растерянности прошелъ довольно быстро, и тогда начали проявляться опредѣленные взгляды, мысли и поступки. Въ Западной Европѣ главными фактами этого было вступленіе Геда, Самба и Вандервельде въ министерства, гражданскій миръ во всѣхъ воюющихъ странахъ, интенсивная дѣятельность большинства германскихъ с.-д. на поприщѣ «защиты страны» и помощи правительству.

Русскій рабочій классъ въ этомъ отношеніи проявилъ очень много самобытности и для этого было достаточно факторовъ и сложныхъ причинъ.

У рабочаго класса въ этотъ періодъ не было организацій, не было даже и тѣни какого-либо представительства, а, между тѣмъ, жизнь предъявляла требованія все большей и большей организованности. Общей фразой стало теперь утвержденіе, что «можетъ побѣдить лучше организованный народъ». Жизнь подсказывала промышленности необ-

ходимость созданія хотя-бы даже фальсифицированнаго рабочаго представительства. Мирная повседневная жизнь заводовъ, увеличившихся по количественному составу иногда на 200—300 процентовъ, не могла итти безъ участія какого-либо рабочаго представительства. Даже самые твердокаменные промышленники усвоили эту мысль: отношенія между трудомъ и капиталомъ происходятъ при помощи негласнаго института старостъ, т.-е., какъ разъ рабочаго представительства.

Править обособленнымъ міромъ завода или фабрики только при помощи обязательныхъ постановленій или приказовъ абсолютно невозможно — это отлично сознаютъ обѣ стороны — и потому, какъ слѣдствіе, создается извѣстный жизненный компромиссъ.

Въ началѣ войны всѣ организаціи рабочихъ были закрыты. Единственной, уцѣлѣвшей организаціей рабочаго класса были больничныя кассы, которыя, вопреки желанію промышленниковъ, всегда играли и играютъ серьезную и значительную роль въ дѣлѣ организаціи и объединенія рабочихъ. Попытки промышленниковъ низвести больничныя кассы на роль вспомогательныхъ предпринимательскихъ организацій не имѣли успѣха. Всѣ стремленія рабочей демократіи были направлены къ освобожденію кассъ изъ-подъ ихъ опеки и сохраненію ихъ организаціоннаго вліянія.

Съ точки зрѣнія промышленниковъ профессіональные союзы недопустимы и нетерпимы, больничныя-же кассы нужны предпринимателямъ для разрѣшенія сложнаго вопроса о лечебной помощи рабочимъ. Конечно, промышленникамъ въ высшей степени нежелателенъ ростъ больничныхъ кассъ, усиленіе ихъ вліянія, но съ этимъ они ничего не могутъ подѣлать. Всякая организація рабочихъ уже несетъ въ себѣ зародыши роста и не можетъ ограничиться тѣсными рамками. Дѣятельность больничныхъ кассъ была весьма значительна и до войны, но за время войны она стала гораздо болѣе значительной. Даже самое поверхностное знакомство съ отчетами больничныхъ кассъ свидѣтельствуетъ о замѣтномъ ростѣ заболѣваемости и увѣчности рабочихъ. Этому явленію не приходится удивляться: ростъ интенсификаціи труда, увеличеніе сверхурочныхъ работъ — все это должно подрывать силы и предрасполагать къ заболѣваніямъ.

Съ другой стороны подрываетъ силы организма дороговизна жизни и въ связи съ ней недостаточное питаніе, фальсификація продуктовъ, трудность, а иногда и невозможность полученія ихъ на рынкѣ.

При отсутствіи всякихъ другихъ рабочихъ организацій, больничныя кассы въ это время стали для рабочихъ всѣмъ, замѣняя имъ и профессіональные союзы, и биржи труда, и клубы, и просвѣтительныя учрежденія, и, что самое важное, представляя объединяющія и сплачивающія рабочихъ организаціи. Разумѣется, такую роль больничныя кассы могли играть лишь въ томъ случаѣ, если хоть отчасти онѣ освободились отъ хозяйской опеки, что имѣетъ мѣсто въ большинствѣ заводовъ. Въ случаяхъ, когда опека сильна, все-же происходитъ извѣстная

эволюція въ смыслѣ раскрѣпощенія больничныхъ кассъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создается какой-нибудь органъ рабочаго представительства, такъ какъ обойтись безъ него, какъ уже говорилось выше, невозможно. Вокругъ этого представительства обыкновенно группируется вся внутренняя жизнь завода. Такое положеніе, естественно, къ очень многому обязываетъ представителей больничныхъ кассъ и уполномоченныхъ для выбора ихъ правленій, т. к. чаще всего имъ приходится принимать на себя всѣ непріятности.

За время войны въ рабочей жизни можно подмѣтить два періода. Первый — съ начала войны приблизительно до осени прошлаго года — не давалъ какихъ-либо проявленій рабочей жизни во внѣ. Разумѣется, такія явленія были, но они были слабы и не зафиксировывались.

Та волна движенія, которую мы видѣли въ іюльскіе дни, опустилась. Первые мѣсяцы войны были ознаменованы полнымъ отсутствіемъ забастовочнаго и стачечнаго движенія.

Если такіе факты и были, они не имѣли серьезнаго значенія для жизни страны. Незначительные конфликты и недоразумѣнія между трудомъ и капиталомъ разрѣшались какими-либо компромиссами и не привлекали вниманія «общества».

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Эти событія въ извѣстномъ смыслѣ стоятъ уже на рубежѣ двухъ періодовъ рабочаго движенія. Лѣтомъ прошлаго года въ настроеніяхъ русскаго общества произошелъ нѣкоторый сдвигъ: это было время успѣховъ нѣмцевъ, захватившихъ Царство Польское и Литву, это было время недостатка у насъ снарядовъ, — и въ это-же время началась усиленная мобилизація общества.

Почти годъ шла война, а общество продолжало оставаться въ состояніи апатіи и неподвижности, и нужны были особыя событія, чтобы вывести его изъ этого состоянія. Послѣ извѣстныхъ событій «общественные» политики рѣшили привлечь къ дѣлу защиты страны «общество»—начался новый періодъ съ парадными выступленіями, съ рѣчами и громкими фразами. Въ обществѣ началось оживленіе, и послѣднее, разумѣется, не могло не отразиться въ рабочей средѣ.

Показателями этого оживленія явились нѣкоторыя событія въ рабочей жизни, такъ, напримѣръ, была сдѣлана попытка возрожденія профессіональнаго союза и съ этой цѣлью было созвано собраніе торгово-промышленныхъ служащихъ въ Петроградѣ, а также

въ это-же время была открыта Выборгская лечебница для членовъ семействъ рабочихъ, созданная самими рабочими.

Попытка больничныхъ кассъ Выборгской стороны не осталась обособленной: 1-го мая этого года предполагалось торжественное открытіе такой-же лечебницы за Московской заставой; . . . . лечебница функціонируетъ и безъ торжественнаго акта. Планы такихъ-же лечебницъ разрабатываются въ больничныхъ кассахъ Васильевскаго Острова и Петроградской стороны.

Словомъ, несмотря на самыя неподходящія и тяжелыя условія, въ теченіе войны Петроградъ обогащается окружными лечебницами, обслуживающими нужды рабочихъ и созданными ими самими. Благодаря этому будетъ пробита брешь въ фабрикантской постановкѣ дѣла леченія.

Къ осени относится также значительное оживленіе рабочей жизни вообще, въ наиболѣе типичныхъ ея формахъ. Послѣднее получило рѣзкое проявленіе во внѣ, благодаря извѣстному приказу по Петроградскому военному Округу Генерала Фролова, отъ 2 сентября 1915 года, приказъ гласитъ:

На основаніи ст. 90 кн. XXII св. 1869 изд. 4.

1) наказанія за преступныя дѣянія, указанныя въ статьяхъ 1358[1], 1358[2], 1359[3], 1359[4].1359[5], 1359[6], 1359[7] и 1359[8] уложенія о наказаніяхъ по прод. повышаю до безсрочной каторги.

2) устанавливаю наказаніе отдачею въ исправительныя арестантскія отдѣленія до 6 лѣтъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, за учиненіе служащими въ предпріятіяхъ, выполняющихъ заказы для нуждъ государственной обороны, слѣдующихъ дѣяній: а) за самовольное прекращеніе или оставленіе работы, либо за отказъ отъ работы; б) за неявку на работы,

и второй: «на основаніи ст. 152 и 418 положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время подчиняю разсмотрѣніе указанныхъ преступныхъ дѣяній вѣдомству военно-полевого суда».

Подписалъ: Главный начальникъ округа
Генералъ отъ Инфантеріи *Фроловъ*.

Этотъ приказъ пришлось повторить Начальнику Петроградскаго Военнаго Округа Кн. Туманову, весной этого года.

Вотъ почти все, что намъ дано знать о рабочей жизни въ это время. А, между тѣмъ, событія шли впередъ и толкали рабочихъ на извѣстныя проявленія ихъ идеологіи. Была-ли эта идеологія цѣльной, были-ли однородны въ это время основныя стремленія рабочихъ? Безусловно нѣтъ. Въ ней были измѣненія, происходили сдвиги и переломы, но точно отвердѣвшей лавой было прикрыто сверху рабочее движеніе и подъ этимъ покровомъ не видно было того, что дѣлается съ расплавленной массой.

Наиболѣе серьезнымъ и интереснымъ проявленіемъ рабочей жизни были выборы въ Военно-промышленные Комитеты. Буржуазные элементы сознали, что безъ широкой организованности общества, борьба съ нѣмцами невозможна, невозможна не только побѣда, но и защита страны, и что потому или приходится отказаться отъ офиціально

признанной цѣли войны, или вступить на путь организованности массъ и развитія ихъ самостоятельности. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятны попытки буржуазныхъ элементовъ болѣе или менѣе широкой и полной организаціи рабочихъ массъ.

Такимъ образомъ, буржуазнымъ сферамъ въ процессѣ войны пришлось обратиться къ рабочей демократіи. Судить о настроеніи рабочихъ массъ въ началѣ войны, какъ уже говорилось, было очень трудно. Не было печати, которая могла бы отражать настроенія рабочихъ, ихъ идеологію, запросы и потребности. Рабочія массы были сфинксомъ, разгадку котораго, и то лишь отчасти, далъ процессъ депутатовъ и ихъ предыдущая дѣятельность, насколько она отразилась въ ихъ замѣткахъ, въ обвинительномъ актѣ и пр.

Въ моментъ выборовъ рабочихъ въ военно-промышленные комитеты вполнѣ опредѣленно сложились двѣ линіи поведенія рабочей демократіи, расколовшія ее на два враждебные лагеря.

Выборы въ военно-промышленные комитеты были двустепенные, т. е. рабочіе сначала выбирали выборщиковъ, а послѣдніе — членовъ комитета.

Участіе въ первой стадіи выборовъ ни въ комъ не возбуждало сомнѣній. Рабочій классъ сильнѣе всего страдаетъ отъ своей распыленности и неорганизованности и потому все, что можетъ внести хоть какую-нибудь планомѣрность въ жизнь, все, что объединяетъ отдѣльные атомы людской пыли, выгодно и важно для рабочаго класса, насколько, конечно, это не стоитъ въ противорѣчіи съ основными линіями его развитія.

Исходя изъ этого положенія, рабочій классъ принялъ горячее участіе въ первой части выборовъ. Въ Петроградѣ выборы происходили открыто: почти на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ были созваны предварительныя собранія, обсуждались платформы и пр. Такимъ образомъ, самъ фактъ выборовъ вносилъ элементъ организованности, такъ какъ на заводахъ появились лица, облеченныя довѣріемъ массъ. Съ большой яркостью во время выборовъ проявилась интеллектуальная подготовка массъ... Вѣдь не о технической сторонѣ выборовъ говорилось на собраніяхъ, а о гораздо болѣе серьезныхъ и важныхъ вещахъ. Въ предвыборной борьбѣ рабочіе освѣщали и международныя отношенія, и положеніе Россіи въ міровой катастрофѣ. Здѣсь сталкивались самыя противоположныя мнѣнія и взгляды, причемъ къ тому времени уже успѣли сложиться и оформиться двѣ точки зрѣнія. Рабочія массы, за самыми ничтожными исключеніями, придерживались мнѣнія, что въ первой стадіи участіе въ выборахъ полезно и очень важно. Расхожденіе начиналось лишь относительно дальнѣйшаго участія въ выборахъ и въ дѣятельности военно-промышленныхъ комитетовъ. Основой спора былъ вопросъ «идти или не идти въ военно-промышленные комитеты».

Организаціонное значеніе участія въ первой стадіи выборовъ не могло все-же быть особенно значительно: рабочія массы въ высшей

степени текучи, и составъ ихъ часто мѣняется. Такимъ образомъ, сорганизовать рабочихъ прочно, выборы въ военно-промышленные комитеты не могли; они лишь могли въ извѣстной степени способствовать освѣщенію многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, выяснить отношеніе къ нимъ рабочихъ массъ и внести нѣкоторую планомѣрность во внутреннія отношенія. Таково ихъ значеніе было для Петрограда, Приволжья и пр., т. е. тамъ, гдѣ они были проведены открыто. Тамъ, гдѣ они были стѣснены (напр., въ Москвѣ), они прошли вяло и безжизненно, и главная задача ихъ не была достигнута. Въ Москвѣ выборы прошли «въ темную»: предварительныя собранія не были допущены, не было принципіальнаго обсужденія вопроса о выборахъ, многіе рабочіе даже не знали, куда и зачѣмъ выбирать и пр. Поэтому группа въ составѣ 22 выборщиковъ въ Москвѣ вынесла слѣдующую резолюцію: «Уполномоченные фабрично-заводской промышленности Москвы заявляютъ, что не могутъ считать себя въ правѣ производить выборы, ибо предварительныя собранія не были допущены. Они не являются представителями пославшихъ ихъ, т. к. не знаютъ даже мнѣнія ихъ о томъ, слѣдуетъ-ли представителямъ рабочаго класса участвовать въ военно-промышленныхъ комитетахъ. Въ виду этого они отказываются отъ выборовъ и слагаютъ съ себя званіе уполномоченныхъ» (Корресп. въ газету «Рѣчь», 15 ноября 1915 г.). Несмотря на этотъ протестъ, выборы были произведены.

Московскіе выборы въ извѣстномъ смыслѣ предрѣшили дальнѣйшую судьбу участія или неучастія въ военно-промышленныхъ комитетахъ.

Наиболѣе живо и интересно прошли выборы по Петрограду. Здѣсь они должны были дать тонъ всей провинціи и потому здѣсь произошла рѣшительная схватка двухъ направленій, постепенно оформившихся во время войны. Безъ участія повседневной прессы, лишь при помощи туманныхъ намековъ со стороны противниковъ выборовъ, сплотилась и создалась идеологія бойкота дальнѣйшихъ выборовъ и дѣятельности въ военно-промышленныхъ комитетахъ, и съ другой стороны, почти въ такихъ же условіяхъ, оформилось стремленіе къ участію въ выборахъ.

Особенно рѣзко обозначились эти теченія на собраніяхъ выборщиковъ. Одно (такъ называемые «Интернаціоналисты»), исходя изъ опредѣленнаго отношенія къ войнѣ, отказывалось отъ совмѣстной работы съ Гучковыми и Жуковскими. Другое — стояло за работу въ комитетахъ, какъ за возможность сплотить «людскую пыль» и подтолкнуть влѣво промышленные и буржуазные элементы.

29 сентября 1915 г. произошло собраніе выборщиковъ, на которомъ «интернаціоналисты» одержали побѣду: 90 выборщиковъ голосовали противъ участія, 81 — за. Участіе въ выборахъ было отклонено...

Петроградскіе выборы предрѣшили отношеніе къ этому вопросу

извѣстной части пролетаріата въ провинціи, такъ, напримѣръ, не были выбраны делегаты въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Самарѣ и др. мѣстахъ. Дѣятели военно-промышленнаго комитета въ Петроградѣ были сильно смущены такимъ исходомъ дѣла, и они долго колебались, несмотря на письмо предсѣдателя перваго собранія, К. А. Гвоздева, въ которомъ онъ апеллировалъ къ г. Гучкову, ища у него подтвержденія правоты своего дѣла и поддержки. (Не къ рабочимъ массамъ обратился г. Гвоздевъ и его сторонники, не на судъ рабочихъ было вынесено происходившее на собраніи 29 сентября, а на судъ буржуазіи и мѣщанъ).

Выборы въ Москвѣ были новымъ пробнымъ камнемъ. Московскій военно-промышленный комитетъ, съ Рябушинскимъ во главѣ, принялъ всѣ мѣры, чтобы получить благопріятные результаты. Въ первой стадіи не были допущены предвыборныя собранія, были мобилизованы всѣ силы и «желательные результаты» получились. Тогда была сдѣлана новая попытка: 29 ноября были назначены новые выборы въ военно-промышленный комитетъ въ Петроградѣ.

На этотъ разъ большинство оказалось на сторонѣ сторонниковъ участія въ военно-промышленныхъ комитетахъ. Мотивировка поведенія обѣихъ сторонъ осталась прежней. Измѣнилось лишь соотношеніе силъ, благодаря независящимъ обстоятельствамъ и тактической ошибкѣ, допущенной «интернаціоналистами». Послѣдніе, послѣ оглашенія своей декларацiи, покинули залъ засѣданія и не противопоставили своихъ аргументовъ и доводовъ аргументамъ другой стороны. Были выбраны делегаты въ Окружной и Центральный Военно-промышленные комитеты, причемъ подчеркивался временный характеръ представительства — «до созыва рабочаго съѣзда».

Вслѣдъ за тѣмъ открылась цѣлая серія выборовъ въ провинціи. Въ зависимости отъ мѣстныхъ условій они проходили болѣе или менѣе планомѣрно и организованно.

Какіе выводы можно извлечь изъ исторіи съ выборами, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ провинціи? Единственно тѣ, что въ рабочей средѣ Россіи существуютъ два опредѣленныя теченія, близкія по духу къ такимъ-же теченіямъ мысли въ Западной Европѣ.

Въ Россіи эти теченія почти одинаковы по силѣ, несмотря на то, что сторонники участія въ комитетахъ имѣютъ *полную возможность* высказываться въ «самозащитахъ», нѣкоторыхъ газетахъ, (напр., Самарскій «Нашъ Голосъ») и пр., между тѣмъ, какъ «интернаціоналисты» поставлены въ гораздо худшія условія...

Дѣятельность рабочихъ группъ въ военно-промышленныхъ комитетахъ въ первое время была направлена главнымъ образомъ на поддержаніе и культивированіе гражданскаго мира. Съ этой цѣлью были выдвинуты проекты созданія примирительныхъ камеръ и биржъ труда. Въ настоящее время промышленники испытываютъ наиболѣе острую нужду въ рабочей силѣ, и это, несмотря на проведеніе въ порядкѣ 87 ст. отмѣны тѣхъ параграфовъ, которые въ нѣкоторой степени

стѣсняли возможность пользоваться женскимъ трудомъ,—несмотря даже на разрѣшеніе женщинамъ ночной работы и труда подъ землею.

При настоящихъ условіяхъ, самой насущной потребностью промышленности является обезпеченіе ея рабочимъ составомъ. И въ этомъ отношеніи биржи труда, конечно, играютъ большую роль, такую роль и сыграли онѣ въ Петроградѣ.

Съ другой стороны, конфликты между предпринимателями и рабочими теперь, во время войны, весьма тяжелы для обѣихъ сторонъ. Каждая забастовка, независимо отъ причинъ, вызвавшихъ ее, дезорганизуетъ производство, а, между тѣмъ, для промышленности и страны дорогъ каждый часъ и очень важна планомѣрность производства. Забастовки тяжелы для рабочихъ, но сейчасъ онѣ не легче и для промышленниковъ, связанныхъ контрактами, договорами, неустойками, сроками и пр., и потому, естественно, вопросъ о забастовкахъ очень безпокоитъ предпринимателей.

Примирительныя камеры, основанныя на началахъ паритетности, создающія въ трудныя минуты соціальное перемиріе, безусловно являются сильнымъ средствомъ въ дѣлѣ улаженія возникающихъ конфликтовъ между промышленниками и рабочими.

Вотъ вопросы, которые въ первую очередь заняли рабочую группу Центр. Военно-Промышл. Комитета, а затѣмъ рабочую делегацію на второмъ съѣздѣ комитетовъ.

Безусловно, нельзя отрицать роли рабочей группы военно-промышленнаго комитета въ рабочей жизни. Она удѣляетъ очень много вниманія и возникающимъ конфликтамъ, стараясь содѣйствовать мирной ликвидаціи ихъ, и вопросу о военнообязанныхъ, добиваясь для нихъ разрѣшенія свободнаго перехода съ завода на заводъ, — ввозу желтыхъ рабочихъ и продовольственному кризису, — словомъ, всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые волновали и волнуютъ рабочія массы.

Но могутъ-ли рабочіе играть серьезную роль въ комитетахъ? Могутъ-ли они такъ или иначе оказывать вліяніе на ихъ рѣшенія? Могутъ-ли, наконецъ, способствовать успѣхамъ рабочаго движенія? На всѣ эти вопросы безусловно приходится дать отрицательные отвѣты. Конфликты ликвидировались и ликвидируются не такъ, какъ хотѣлось бы рабочей группѣ и даже Ц. В.-Пр. Комитету. Классовыя столкновенія шли своей дорогой и группа могла лишь наблюдать ходъ событій, не будучи въ состояніи что-либо измѣнить въ его теченіи и тѣмъ менѣе примирить враждующія стороны.

Только при одномъ условіи группа могла бы имѣть болѣе или менѣе серьезное вліяніе: при условіи полной ея автономіи въ составѣ комитета и возможности непосредственно сноситься съ рабочими массами. Тогда она могла бы информировать рабочихъ о происходящемъ въ странѣ, знакомить ихъ съ вопросами дороговизны и тѣми мѣрами, которыя принимаются къ устраненію ея, или съ вопросами рабочей политики, напримѣръ, съ проектомъ милитаризаціи заводовъ. Къ со-

жалѣнію, она лишена была возможности что-либо сдѣлать или предпринять въ силу независящихъ обстоятельствъ.

Ярче всего это безсиліе и безплодность дѣятельности группы подчеркнулъ второй съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ. Представители рабочей группы выступали на съѣздѣ со своими пожеланіями и предложеніями и всѣ эти пожеланія такъ и остались висѣть въ воздухѣ. Не было реальной силы, на которую они могли-бы опереться. Рабочія массы, въ силу позиціи, занятой фактическимъ большинствомъ, были несклонны къ компромиссамъ съ буржуазіей, а, между тѣмъ, тактика рабочей группы всецѣло построена на такомъ компромиссѣ. Ея широковѣщательная программа о подталкиваніи влѣво буржуазіи — осталась громкой фразой. За рабочей группой въ военно-промышленномъ комитетѣ не стоитъ рабочій классъ, готовый своимъ авторитетомъ поддержать ея стремленіе и дѣйствія. Мысль завершила извѣстный кругъ и вернулась къ исходному пункту, точнѣе къ полному банкротству самой идеи — участія въ комитетѣ.

Въ процессѣ войны продовольственный вопросъ всталъ передъ рабочимъ классомъ весьма и весьма остро. Сначала это былъ лишь вопросъ дороговизны, невозможности получить кой-какіе продукты, но постепенно онъ превратился въ сложное соціальное бѣдствіе, которому, пожалуй, трудно найти равное по интенсивности и силѣ. Рабочія массы страдаютъ отъ него особенно сильно, т. к. хотя заработки рабочихъ за время войны и повысились, но далеко не въ соотвѣтствіи съ общей дороговизной (см. ст. «Заработная плата во время войны». Лѣтопись. Май). Это не могло не вызвать въ рабочей средѣ движенія въ пользу коопераціи.

Эти организаціи создавались съ двухъ сторонъ: съ одной стороны промышленники ассигновали извѣстныя суммы на открытіе кооперативовъ, которые, кстати сказать, должны были всецѣло находиться въ ихъ рукахъ, и, съ другой стороны, рабочіе создавали свои демократическіе кооперативы.

Новымъ серьезнымъ проявленіемъ жизни рабочей демократіи были выборы въ страховой совѣтъ.

Еще въ мартѣ 1915 г. (см. «Вопросы Страхованія» № 2) Рабочая Страховая Группа Страхового Совѣта требовала довыборовъ на мѣсто выбывшихъ членовъ, мотивируя свое требованіе точнымъ смысломъ закона. Однако, прошелъ почти цѣлый годъ, прежде, чѣмъ эти пожеланія были удовлетворены. Выборы прошли не безъ подготовки, были и предварительныя обсужденія и идейная борьба. Несмотря на многочисленныя внѣшнія препятствія, были созваны предварительныя общія собранія, на которыхъ обсуждались вопросы будущей дѣятельности, намѣчались программы дѣйствій. При этомъ обозначились весьма серьезныя разногласія между двумя основными теченіями. Раздѣленіе шло по той-же основной линіи — отношенія къ буржуазіи, — какъ и при выборахъ въ военно-промышленные комитеты. На классо-

вой точкѣ зрѣнія стояла уцѣлѣвшая часть страховой группы. На собраніи 31-го января были избраны сторонники того же теченія. Такимъ образомъ, рабочіе остались здѣсь вѣрны послѣдовательному классовому теченію мысли.

Главное различіе въ позиціяхъ обѣихъ группъ было взаимоотношеніе между рабочимъ движеніемъ въ цѣломъ и вопросами страхованія. Прежніе представители и вновь вошедшіе члены Страхового Совѣта стоятъ на точкѣ зрѣнія объединенія *всѣхъ* формъ рабочаго движенія и, такимъ образомъ, созданія изъ него стройнаго цѣлаго. Этого нѣтъ въ деклараціи другого теченія и изъ этого основного положенія вытекаютъ всѣ остальныя различія въ отдѣльныхъ вопросахъ.

Эту побѣду послѣдовательныхъ марксистовъ нельзя считать чѣмъ-то случайнымъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ позиціей рабочаго представительства при выборахъ въ военно-промышленные комитеты. Слѣдуетъ только признать, что въ мнѣніяхъ и настроеніяхъ массъ нѣтъ должной устойчивости.

Событія войны, какъ колоссальный клинъ, вбивались въ сознаніе массъ, раскалывали его и очень многихъ увлекали въ дебри идей, чуждыхъ рабочему классу. Этотъ факторъ могъ играть извѣстную роль при выборахъ въ Ц. В.-Пр. К.; но въ страховыхъ вопросахъ ему уже не было мѣста. Этимъ и проще всего и вѣрнѣе объясняется кажущееся противорѣчіе.

Всѣ разсмотрѣнныя нами событія жизни рабочей демократіи указываютъ на то, что идеологическія различія въ средѣ рабочихъ массъ именно теперь весьма сильны. Вопросы, выдвинутые жизнью и такъ или иначе разрѣшенные рабочими, не являются теоретическими проблемами, тѣмъ менѣе можно имъ приписывать характеръ тактическихъ разногласій. Здѣсь имѣетъ мѣсто глубокое принципіальное различіе, проходящее по тѣмъ же линіямъ дифференціаціи, какъ и въ западно-европейской рабочей демократіи. Только учитывая это, было бы можно вывести опредѣленныя заключенія относительно того, что происходитъ въ настоящее время въ средѣ рабочихъ.

Новымъ вопросомъ, вызывающимъ значительныя разногласія, является рабочій съѣздъ. Идея созыва таковаго исходитъ отъ рабочей группы военно-промышленнаго комитета. Мотивировка цѣли и идеи съѣзда та-же, что и существованія самой группы — обезпеченіе наиболѣе полной защиты отъ внѣшнихъ враговъ и демократизаціи страны, — и для этого возможно болѣе полная организація и самодѣятельность массъ.

Рабочіе въ настоящее время распылены и слабы, ихъ выступленія не могутъ играть никакой серьезной роли, а потому необходимо стремиться къ ихъ сплоченію и организаціи. Единственной возможностью достигнуть этого является участіе во всѣхъ проявленіяхъ жизни и стремленіе создать таковыя. Рабочій съѣздъ представляетъ собою возможность такой организаціи. По мнѣнію его сторонниковъ, онъ

долженъ вывести рабочія массы изъ состоянія распыленія, сорганизовать ихъ, высказаться по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ жизни, въ томъ числѣ и по вопросу защиты страны. Противъ идеи съѣзда выдвигаются возраженія его противниковъ, утверждающихъ, что въ настоящихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о подлинномъ рабочемъ представительствѣ. Съѣздъ будетъ говорить лишь то, что желательно и необходимо буржуазіи, руководителямъ военно-промышленныхъ комитетовъ, а все его организующее и объединяющее вліяніе останется въ области пожеланій и пышныхъ фразъ.

Такъ разсуждаютъ противники рабочаго съѣзда, выставляющіе въ противовѣсъ ему внутреннюю организацію народныхъ демократическихъ массъ.

Идейное разслоеніе рабочаго класса идетъ все дальше и глубже. На происходившемъ въ маѣ съѣздѣ окружныхъ военно-промышленныхъ комитетовъ опять выступила рабочая группа. Эти ея выступленія врядъ-ли могли привлечь къ ней новыхъ сторонниковъ, скорѣе даже могли оттолкнуть прежнихъ. Представители группы въ самой категорической формѣ осудили стачки рабочихъ, происходившія въ послѣднее время, какъ явленіе, препятствующее осуществленію великихъ задачъ Россіи.

. . . .

. . . .

. . . .

Общеніе съ буржуазіей не могло пройти безслѣдно и новой иллюстраціей этого являются послѣднія выступленія группы.

Въ послѣднее время министромъ торговли и промышленности выдвинутъ проектъ созданія института старостъ на заводахъ.

Это его стремленіе какъ будто стоитъ въ извѣстномъ противорѣчіи съ общей политикой правительства. Вѣдь въ настоящее время закрыты всѣ организаціи рабочихъ, кромѣ кооперативовъ, замерла дѣятельность въ клубахъ и просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, подавлены всѣ попытки къ самодѣятельности массъ, — и вдругъ со стороны министерства поднимается вопросъ о старостахъ.

Институтъ старостъ былъ введенъ на фабрикахъ и заводахъ закономъ 1903 года, но онъ былъ такъ подчиненъ хозяйской и губернаторской опекѣ, что рабочіе до сихъ поръ предпочитали отъ него отказываться.

Кн. Шаховской измѣнилъ законъ 1903 года въ смыслѣ освобожденія института старость отъ этой двойной опеки хозяевъ и министерства внутреннихъ дѣлъ. Однако, въ этомъ законѣ и теперь осталось достаточно другихъ отрицательныхъ сторонъ: такъ, напримѣръ, старостами могутъ быть лишь рабочіе, достигшіе 21 года и прослужившіе болѣе двухъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ. При колоссальной текучести рабочихъ массъ этимъ въ значительной степени суживается кругъ лицъ, обладающихъ пассивнымъ избирательнымъ правомъ.

Возрастный цензъ введенъ для того, чтобы «устранить въ дѣлѣ выборовъ ненужную и вредную страстность болѣе молодыхъ рабочихъ, по свойственной ихъ возрасту горячности и увлеченію».

Чѣмъ-же, однако, объясняется это непонятное противорѣчіе въ отношеніи министра къ различнымъ формамъ рабочихъ организацій? Объясненіе онъ даетъ въ собственномъ проектѣ: «организація фабричныхъ старостъ можетъ устранить недоразумѣнія, возникающія у рабочихъ съ администраціей и властями».

Такимъ образомъ, вопросъ объ институтѣ старостъ выдвигается съ вполнѣ опредѣленной цѣлью, и все-же рабочіе рѣшили использовать его для сплоченія и организаціи массъ.

Ростъ военной промышленности привлекаетъ изъ деревни все новые и новые элементы изъ среды лицъ, никогда не работавшихъ на фабрикахъ, и на передовыхъ рабочихъ лежитъ обязанность воспитать эти массы въ классовомъ духѣ и пріобщить ихъ къ общему пролетарскому движенію.

Возможность создавать открытыя рабочія организаціи можетъ кое-что сдѣлать въ этомъ отношеніи и потому вполнѣ понятенъ тотъ интересъ, какой вызвалъ вопросъ объ институтѣ старостъ.

Однако, на этомъ пути рабочимъ приходится постоянно вести борьбу съ отсталыми слоями промышленниковъ, которые продолжаютъ опасаться какихъ-либо нововведеній и считаютъ министерскій законопроектъ чуть-ли не революціоннымъ актомъ.

Это тѣ-же элементы промышленниковъ, которые составляютъ ядро Общества заводчиковъ и фабрикантовъ, и которые готовы отказаться отъ имъ-же самимъ необходимыхъ примирительныхъ камеръ, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что у рабочихъ нѣтъ профессіональныхъ организацій и потому рабочее представительство неполно и несовершенно. Это тѣ люди, которые «не хотятъ уплатить по счету своевременно дешевле» и которымъ впослѣдствіи придется «платить по счету послѣ войны дороже».

То оживленіе, которое, безспорно, существуетъ сейчасъ въ рабочемъ движеніи, могло-бы получить яркое и интересное выраженіе въ рабочей печати, но, къ сожалѣнію, мы совершенно лишены ея. Рабочія массы до войны имѣли свою собственную прессу, какъ общую, такъ и профессіональную и страховую, обслуживавшую ихъ нужды и запросы. Теперь они лишены этого связующаго звена и часто идутъ вразбродъ. Тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ журналовъ и газетъ Петрограда и провинціи, которые существуютъ кое-какъ, нельзя считать рабочей прессой. Для необъятнаго пространства Россіи, для почти 15-ти милліоновъ занятыхъ въ промышленности рабочихъ, эти органы являются каплей въ морѣ. И все-таки они бережно несутъ свѣтильникъ рабочей мысли и идеологіи... можно преклониться передъ ихъ дѣятельностью, но нельзя приписывать имъ серьезнаго вліянія на массы.

Въ эпоху идейнаго разброда, въ эпоху краха многихъ незыбле-

мыхъ раньше основъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходима печать, освѣщающая всѣ стороны жизни, отзывающаяся на всѣ запросы массъ. Къ сожалѣнію, ея нѣтъ. И, однако, это не значитъ, что рабочія массы не сумѣютъ безъ нея выработать правильной оцѣнки событій. Рабочія массы въ Россіи въ практикѣ своего движенія умѣли всегда нащупывать правильный путь, безусловно найдутъ онѣ его и теперь.

Кромѣ тѣхъ событій, о которыхъ говорилось здѣсь, и которыя свидѣтельствуютъ о большомъ классовомъ и политическомъ воспитаніи рабочихъ массъ, были и другія явленія, не менѣе серьезныя и глубокія. Они не поддаются непосредственному наблюденію, отзвуки ихъ лишь доносятся издали до внимательнаго читателя.

Нельзя къ этимъ сложнымъ жизненнымъ явленіямъ подходить съ огульнымъ осужденіемъ, надо серьезно вдуматься въ скрытыя причины ихъ. Эти явленія имѣютъ свой глубокій внутренній смыслъ и въ настоящихъ условіяхъ — неизбѣжны. Это особые пути, по которымъ рабочія массы шли всегда, выковывая на этомъ тернистомъ пути свѣтлое будущее.

Въ толщѣ и глубинѣ народной рабочей жизни идетъ сейчасъ процессъ воспитанія массъ. И, несмотря на то, что мало внѣшнихъ проявленій этой работы, это не служитъ доказательствомъ, что ея нѣтъ. Однимъ изъ яркихъ проявленій этой внутренней жизни служитъ попытка, кстати, очень удачная, созданія своего собственнаго театра, обслуживаемаго силами самихъ рабочихъ. Если рабочимъ удастся развить это начинаніе, общество будетъ имѣть серьезное доказательство того, что рабочіе Россіи могутъ сдѣлать очень и очень много своими силами и на пути культурнаго прогресса.

Окидывая взоромъ все пережитое рабочими за время войны, наиболѣе тяжелое и безотрадное, мы должны признать, что развитіе рабочей демократіи, несмотря на тяжелыя условія, не пріостановилось. Правда, было много горькихъ и тяжелыхъ минутъ, были колебанія, были уклоненія, но въ общемъ и цѣломъ пролетаріатъ идетъ своей дорогой, развивая и углубляя старыя завоеванія и пріобрѣтая новыя.

Вмѣстѣ съ самимъ движеніемъ рабочій классъ растетъ интеллектуально, организуясь въ единое цѣлое, создавая изъ людской пыли стройную, сильную организацію.

Р. Арскій.

НОВЫЙ ФАКТОРЪ ВЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Уже болѣе 50-ти лѣтъ насчитываетъ русское кооперативное движеніе, но лишь за послѣднее время особенно остро всталъ вопросъ о культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперацін. Для всѣхъ кооперативныхъ дѣятелей казалось желательнымъ ея живое участіе въ культурно-просвѣтительной жизни страны. Но насколько это участіе можетъ быть активнымъ? Каковъ объемъ и направленіе ея культурной дѣятельности? Должна ли она стремиться лишь къ экономическому, хозяйственному благополучію своихъ членовъ на почвѣ ихъ самодѣятельности и единенія, только субсидируя различныя просвѣтительныя учрежденія (напр., об-ва грамотности) и вліяя на жизнь страны, какъ культурная сила сама по себѣ,—или же кооперація несетъ просвѣщеніе въ темную среду, прибѣгая къ опредѣленнымъ мѣрамъ просвѣтительнаго воздѣйствія, беретъ на себя задачу поднять духовный, моральный и эстетическій уровень населенія? Этотъ вопросъ во всей своей широтѣ былъ поставленъ на Кіевскомъ всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ въ 1913 году. Съѣздъ опредѣленно сталъ на ту точку зрѣнія, что кооперація должна принять самое широкое участіе въ просвѣтительной дѣятельности, удѣляя со своей стороны возможно большее количество силъ и средствъ на народное образованіе. По постановленію этого съѣзда, кооперація въ ряду другихъ своихъ задачъ «должна ставить своей цѣлью воздѣйствіе на массу населенія, сосредоточивъ свое вниманіе на внѣшкольномъ образованіи, преимущественно на тѣхъ формахъ его, которыя недостаточно или совсѣмъ не пользуются поддержкой мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. При своихъ культурныхъ начинаніяхъ, кооперативы должны имѣть въ виду не только образовательныя, но и воспитательныя цѣли для воспитанія населенія въ духѣ солидарности и выработки въ немъ привычекъ общественной дѣятельности... Особенно важными видами просвѣтительной дѣятельности въ настоящее время является устройство лекцій, курсовъ, библіотекъ и читаленъ, книжныхъ лавокъ, вечернихъ воскресныхъ школъ, дѣтскихъ садовъ, экскурсій, всякаго рода разумныхъ развлеченій и народныхъ домовъ».

Это положеніе Кіевскаго съѣзда встрѣтило среди кооперативныхъ дѣятелей живой откликъ. Однако, нельзя сказать, чтобы идея широкой, активной культурно-просвѣтительной работы кооперативовъ была въ настоящее время совершенно общепризнанной. Въ этомъ отношеніи весьма симптоматичнымъ является случай, имѣвшій мѣсто въ минувшемъ

1915 году на курсахъ по устройству кооперативныхъ курсовъ, организованныхъ при Университетѣ Шанявскаго въ Москвѣ. Среди слушателей возникъ интересный споръ — «должны ли кооперативно-счетоводные курсы, устраиваемые «во глубинѣ Россіи», быть узко-техническими, или въ то же время и широко-общественными»; кого, стало быть, должны выпускать курсы — только ли техниковъ счетоводнаго дѣла или общественныхъ дѣятелей, будущихъ организаторовъ просвѣщенія и культурной жизни страны, владѣющихъ также и техникой счетоводства. Въ результатѣ спора, за курсы съ общественнымъ содержаніемъ высказалось лишь на одинъ голосъ больше, чѣмъ за курсы узко-спеціальные. Въ спорѣ принимали участіе лица, близко стоящія къ кооперативному дѣлу: агрономы, инструкторы по кооперации, инспекторы мелкаго кредита и т. п. Все люди, способные вліять на направленіе кооперативной жизни. Подобныя же разногласія возникаютъ и на мѣстахъ.

Такимъ образомъ, кооперативная мысль въ данномъ случаѣ еще не является совершенно единой и согласной. Однако, практика неминуемо направляетъ кооперацію на путь культурной работы. И это вполнѣ понятно. Всякая организація, предъ которой стоятъ цѣли, имѣющія хотя бы отчасти культурный характеръ, въ условіяхъ нашей чрезвычайно не культурной жизни неминуемо становится предъ необходимостью сначала расчистить, подготовить себѣ почву, создать благопріятныя условія для своей работы. Интересно, что сама среда, гдѣ приходится работать кооперативамъ, часто толкаетъ кооперативъ на путь просвѣтительной дѣятельности. Въ деревнѣ растетъ стремленіе къ образованію, къ культурной жизни, и народъ часто съ большимъ упованіемъ и ожиданіемъ смотритъ на кооперативъ. Въ кооперативной литературѣ, къ сожалѣнію, мало находится указаній на участіе самого народа въ организаціи кооперативовъ, но то немногое, что есть, весьма поучительно. Такъ, въ Вологодской губ. организуется Лещевское общ. потреб., и вотъ на первое общее собраніе приходятъ около 550 человѣкъ изъ 32-хъ окружныхъ селеній. «При этомъ многіе шли за 30 верстъ и далѣе, забирались на собраніе съ утра и провели здѣсь время до поздней ночи». (Кооп. жизнь, 1916 г. №№ 11—12). Въ 1915 г. среди участниковъ кооперативнаго съѣзда Сѣверной области была устроена анкета о томъ, какіе недостатки были на съѣздѣ и какъ ихъ избѣжать въ будущемъ. Отвѣты были получены отъ 164-хъ лицъ, изъ которыхъ 99 принадлежали крестьянамъ и рабочимъ. Здѣсь попадаются такія замѣчанія: «Культурно-просвѣтительная секція должна быть назначена въ такое время, чтобы всѣ члены могли участвовать», или: «Безусловно считаю новый съѣздъ нужнымъ; потому что намъ, крестьянамъ, эти съѣзды приносятъ огромную пользу, какъ научную, такъ и нравственную. Общеніе съ болѣе просвѣщенными людьми приноситъ обильные плоды, знаніе и опытность». («Коопер. жизнь», 1916 г. № 1). Очевидно, вопросы культурно-просвѣтительной работы очень волновали участниковъ съѣзда. На второмъ общекооперативномъ съѣздѣ въ Балашовѣ, Саратовской губ., «особенно оживленно

дебатировались вопросы о культурно-просвѣтительной дѣятельности, о взаимоотношеніяхъ кооперативовъ и о потребительскихъ обществахъ. *Сочувствіе культурно-просвѣтительной работѣ со стороны крестьянъ было полное»* (Союзъ потреб. № 14, 1916). Вотъ «голоса земли», на которые не можетъ не отзываться кооперація.

Однако, и въ тѣхъ случаяхъ, когда населеніе молчитъ и ничего не требуетъ, кооперативы все болѣе и болѣе начинаютъ чувствовать необходимость планомѣрно и разнообразно поставить культурную работу. Даже тѣ дѣятели, которые не хотѣли бы отвлекаться отъ «прямыхъ» задачъ кооперацiи для просвѣтительной дѣятельности, не могутъ все же не признать необходимости распространенія среди самыхъ широкихъ слоевъ народа кооперативныхъ идей, развитія кооперативныхъ навыковъ, кооперативнаго сознанія, всего того, что такъ нужно для пониманія и выполненія тѣхъ задачъ, которыя ставитъ себѣ кооперація.

* * *

Уже первое поверхностное знакомство съ дѣятельностью отдѣльныхъ кооперативовъ обнаруживаетъ крайнее разнообразіе способовъ культурнаго воздѣйствія на населеніе. Изъ спеціальныхъ журналовъ мы можемъ узнать, что кооперативы устраиваютъ просвѣтительныя бесѣды, чтенія, лекціи, подвижные музеи, выставки, библіотеки-читальни, курсы, выписываютъ для своихъ членовъ газеты и журналы; занимаются книжной торговлей; открываютъ ремесленные классы, воскресныя школы; ходатайствуютъ объ открытіи высшихъ, начальныхъ училищъ, среднихъ школъ и даже университетовъ (напр., въ Иркутскѣ, Перми); оказываютъ имъ денежную помощь; содержатъ на свой счетъ неимущихъ учениковъ; организуютъ драматическіе, музыкальные и хоровые кружки; устраиваютъ спектакли и кинематографическіе сеансы, а также «чайные вечера и бесѣды»; наконецъ, берутъ на себя заботы объ общественномъ благоустройствѣ: проводятъ дороги, устраиваютъ колодцы, телефонное сообщеніе съ сосѣдними деревнями; даже строятъ для своихъ членовъ бани; организуютъ медицинскую и юридическую помощь населенію и мн. др.

Разумѣется, въ такой разнообразной дѣятельности кооперативовъ есть много непланомѣрнаго, случайнаго. Здѣсь кооперативы отчасти идутъ по путямъ, намѣченнымъ внѣшкольнымъ образованіемъ, отчасти просто отвѣчаютъ на нужды жизни, приспособляясь къ требованіямъ данной мѣстности. Часто передъ ними открывается совершенно невоздѣланная цѣлина, и люди дѣлаютъ прежде всего то, что кажется имъ въ данный моментъ наиболѣе необходимымъ или удобнымъ.

Однако, съ ростомъ и укрѣпленіемъ кооперативовъ въ ихъ культурно-просвѣтительной дѣятельности замѣчается нѣкоторая эволюція. Кооперативы начинаютъ понимать, что изъ всего разнообразія образовательныхъ мѣръ выдѣляются такія, которыя преимущественно свойственны кооперативу. Если, вообще, кооперація можетъ выpасти и окрѣпнуть лишь на основѣ самодѣятельности народа, то эта народная

самодѣятельность должна лечь въ основаніе и культурной работы кооператива; народъ прочно усвоитъ лишь то, что самъ переживетъ и переработаетъ; въ процессѣ культурной работы коопераціи должна идти организація народа въ дружественную семью членовъ-кооператоровъ; лишь при такой дѣятельности могутъ развиться общественные навыки, воспитаться истинно-гражданскія чувства, образоваться новый просвѣщенный и культурный человѣкъ.

Вотъ идеи, которыя за послѣднее время все сильнѣе завоевываютъ кооперативныхъ дѣятелей и которыя нерѣдко высказываются, какъ руководящій принципъ кооперативнаго просвѣщенія. Такъ. красноярское о-во «Самодѣятельность» въ своемъ докладѣ, представленномъ на несостоявшійся съѣздъ въ Томскѣ по внѣшкольному образованію, помѣстило, между прочимъ, такіе тезисы: «Отсталая въ культурномъ отношеніи Сибирь еще болѣе, чѣмъ Европейская Россія, нуждается въ широкомъ развитіи культурно-просвѣтительной дѣятельности учрежденій общественной иниціативы. Среди этихъ учрежденій главное мѣсто должны занять быстро растущіе кооперативы. Культурно-просвѣтительная работа этихъ послѣднихъ должна идти рука объ руку съ такой же работой профессіональныхъ союзовъ. Оба они должны быть проникнуты одними принципами. Городскіе потребительскіе кооперативы и профессіональные союзы *должны перестать разсчитывать на работу интеллигентскихъ просвѣтительныхъ обществъ*. Они должны создавать свои независимыя просвѣтительныя организаціи, *построенныя на возможно болѣе широкомъ примѣненіи принципа самодѣятельности»* .

Это стремленіе кооперативовъ привлечь населеніе къ самообразованію и самовоспитанію получило наиболѣе яркое выраженіе въ идеѣ кооперативнаго народнаго дома.

Задача народнаго дома — «соединить подъ одной кровлей всѣ молодые ростки сознательной, общественной и умственной жизни». (Л. Армандъ). Здѣсь помѣщаются всевозможныя кооперативныя учрежденія: лавка, правленіе и т. под.; здѣсь — библіотека-читальня, чайная-клубъ, залъ народнаго театра, мѣсто для собранія всевозможныхъ кружковъ. Такимъ образомъ, народный домъ является центромъ и хозяйственной жизни кооперативовъ, и ихъ умственныхъ, культурныхъ интересовъ; здѣсь, за чашкой чая или въ какомъ-либо кружкѣ, члены встрѣчаются, обмѣниваются мнѣніями, вырабатываютъ въ себѣ общественнаго человѣка, подчиняясь той атмосферѣ общественности, которая царитъ въ этомъ мѣстѣ. Эта атмосфера не есть нѣчто данное со стороны, а результатъ творческой работы самихъ же участниковъ. Лекціи, которыя читаются въ аудиторіяхъ дома, спектакли, которые даются въ театральномъ залѣ, библіотеки, которыми пользуются члены кооператива, — все это, конечно, имѣетъ громадное культурное значеніе для населенія, но еще важнѣе, когда члены сами организуются въ тѣ или иныя группы и кружки въ цѣляхъ самообразованія и самовоспитанія, будутъ ли то музыкальныя, драматическія, экскурсіонныя организаціи, или это будутъ

кружки, изучающіе какіе-либо вопросы. Пусть въ ихъ работѣ встрѣчаются ошибки, уклоненія отъ правильнаго пути; важно, что здѣсь проявляется активность населенія. Поэтому-то кооперативный народный домъ и можетъ существовать тамъ, гдѣ само населеніе уже идетъ ему навстрѣчу [1].

Итакъ, «путемъ внутренняго роста кооперативная среда выдвинула идею Дома народа, не какъ зданія, не какъ мѣста для собраній, а какъ организацію, гдѣ согласованно сливаются — струя хозяйственная, струя культурная и струя гражданственности» (В. Кильчевскій).

Полное развитіе идеи народнаго дома есть достиженіе послѣдняго времени, и трудно сказать, насколько эта идея получила широкое практическое осуществленіе. Однако, и разрозненныя данныя кооперативныхъ журналовъ говорятъ намъ о большомъ оживленіи въ этой области.

Кооперативный народный домъ съ организаціями, выросшими около него и связанными съ нимъ, хотя и вноситъ извѣстную стройность въ культурно-просвѣтительную дѣятельность кооперативовъ, но вліяніе его простирается лишь на районъ, входящій въ сферу дѣятельности создавшаго его кооператива. Здѣсь еще не приходится говорить о планомѣрной просвѣтительной дѣятельности коопераціи въ странѣ или въ данномъ областномъ районѣ.

Такую планомѣрность придаютъ ей вновь образующіяся союзныя объединенія кооперативовъ, такъ быстро развивающіяся за послѣднее время. Имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя и разнообразныя средства и силы, союзъ можетъ несравненно шире поставить культурную работу, нежели отдѣльный кооперативъ.

Несмотря на отсутствіе хорошо разработанныхъ законодательныхъ нормъ, несмотря на различныя препятствія, которыя союзныя организаціи встрѣчаютъ со стороны административной власти, союзныя объединенія за 1915 и 1916 годы численно очень возросли, такъ что по нѣкоторымъ подсчетамъ количество лишь зарегистрованныхъ уставныхъ и договорныхъ объединеній достигаетъ въ настоящее время 320, въ то время, какъ года три назадъ они считались единицами. Кромѣ мѣстныхъ объединеній въ Россіи существуетъ еще три всероссійскихъ союза — московскій народный банкъ, московскій союзъ потребительныхъ обществъ, центральное товарищество льноводовъ, — и нѣсколько областныхъ, напр., сибирскій союзъ маслодѣльныхъ артелей.

Почти всѣ союзы уже при самомъ возникновеніи своемъ намѣчаютъ, какъ одну изъ главнѣйшихъ функцій своей дѣятельности, культурно-просвѣтительную работу. А такъ какъ вліяніе союза распространяется на цѣлый районъ, охватывающій иногда сотни отдѣльныхъ кооперативовъ, то и культурно-просвѣтительная дѣятельность его, объединяя дѣятельность многихъ отдѣльныхъ единицъ, можетъ быть проведена по обстоятельно разработанному плану. Яркимъ примѣромъ та-

[1] См. Е. Звягинцевъ «Идея Народнаго дома въ Россіи» «Вѣстникъ Воспитанія», 1916 г. № 4.

кой разработанности плана могутъ служить постановленія учредит. собранія московскаго союза кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществъ, состоявшагося 29 и 30 декабря 1915 г. (На собраніи присутствовали 126 товариществъ) [1].

Попытки разработать планъ культурно-просвѣтительной дѣятельности, общій для многихъ кооперативовъ, были и раньше, главнымъ образомъ, со стороны многочисленныхъ кооперативныхъ съѣздовъ; таковъ, напр., планъ, выработанный въ маѣ 1914 года харьковскимъ губернскимъ съѣздомъ представителей кредитныхъ кооперативовъ; но эти постановленія носили, такъ сказать, идеологическій характеръ. Съѣзды не могли провести ихъ во всей полнотѣ въ жизнь, и выражали скорѣе лишь благія пожеланія. Теперь же за разработаннымъ планомъ стоитъ и опредѣленная организація, часто владѣющая значительными денежными средствами и большими рабочими силами. При союзахъ стали организовываться курсы для инструкторовъ, кооперативныя школы, книжное дѣло, изданіе журналовъ и т. п. Союзы образуютъ спеціальныя организаціи, завѣдующія постановкой культурно-просвѣтительной дѣятельности. Наконецъ, союзы имѣютъ возможность согласовать просвѣтительную дѣятельность кооперацiи съ дѣятельностью иныхъ организацій, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ; въ особенности важна согласованность съ работой земствъ и городскихъ управленій въ области внѣшкольнаго образованія. Хотя послѣдняя во многомъ отличается отъ работы кооперативовъ, отличается и по своимъ принципамъ, и по задачамъ, и по выполненію,—все же между ними много точекъ соприкосновенія,—примѣръ чего можно видѣть въ организаціи тѣхъ же народныхъ домовъ, открытіе которыхъ и земствами за послѣднее время признается необходимымъ. Теперь можно указать не мало примѣровъ, когда народные дома устраивались совмѣстными силами земствъ и кооперативовъ. Особенное значеніе союзы могутъ имѣть при устройствѣ, такъ называемыхъ, районныхъ народныхъ домовъ, вліяніе которыхъ распространяется на довольно значительный участокъ, и поэтому оборудованіе ихъ стоитъ не малыхъ средствъ.

Кооперативныя объединенія слишкомъ недавно возникли, чтобы можно было сказать опредѣленно, въ какія формы выльется и какихъ размѣровъ достигнетъ ихъ просвѣтительная дѣятельность. Но и въ настоящее время необходимо отмѣтить нѣкоторыя достиженія союзовъ; многіе изъ нихъ имѣютъ хорошо поставленные кооперативные журналы (таковы — «Кооперативная жизнь», «Петроградскій кооператоръ», «Извѣстія потребителей», «Союзъ потребителей», «Уральскій кооператоръ» и мн. др.), устраиваютъ кооперативные курсы и развиваютъ обширную книгоиздательскую дѣятельность. Такъ, московскій союзъ потребит. общ. издалъ большое количество прекрасныхъ книгъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ кооперативной жизни.

[1] См. «Кооперат. Жизнь», № 1 за 1916 г.

Какъ общее правило, союзы, организуя просвѣтительную работу, выдѣляютъ ее въ особыя спеціальныя учрежденія-комиссіи, которыя, разростаясь и усложняясь, часто обслуживаютъ интересы нѣсколькихъ союзовъ; такимъ образомъ, обычно не торговая дѣятельность союза совершенно отдѣляется отъ торговой; появляется самостоятельная сѣть просвѣтительныхъ кооперативныхъ организацій со своими задачами, со своимъ планомъ дѣйствія. Еще на кіевскомъ кооперативномъ съѣздѣ появилась мысль о необходимости созданія центральной организаціи, которая обслуживала бы культурно-просвѣтительную работу всей россійской коопераціи, съ высшимъ учебнымъ заведеніемъ — Кооперативнымъ институтомъ. Пока роль такого института, повидимому, выполняетъ народный университетъ имени Шанявскаго въ Москвѣ; въ качествѣ же центральной организаціи за самое послѣднее время проектируется (комиссіей по разработкѣ вопроса о кооперат. институтѣ и музеѣ при харьковскомъ комитетѣ содѣйствія сельской коопераціи) «Всероссійское общество распространенія кооперативныхъ знаній». («Кооп. Ж.» 1916 г. № 11—12).

Такимъ образомъ, культурно-просвѣтительная дѣятельность русской коопераціи, зарождаясь первоначально въ отдѣльныхъ небольшихъ ячейкахъ по мѣрѣ удовлетворенія запросовъ темнаго и некультурнаго населенія, теперь разрослась съ большое дѣло, съ широкими задачами и сложными организаціями большихъ союзовъ. Однако, такой расцвѣтъ несетъ съ собой и свои заботы. Появляется опасеніе, какъ бы просвѣщеніе не приходило къ народу со стороны, отъ союзныхъ комиссій, и не пострадалъ бы основной принципъ коопераціи — самодѣятельность ея членовъ. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ — «слѣдуетъ ли культурно-кооперативную работу ставить при кооперативно-хозяйственныхъ учрежденіяхъ или отдѣльно отъ нихъ». (См. «Петрогр. Кооп.» 1916 г. № 34). Вопросъ этотъ обсуждался, напр., на собраніи уполномоченныхъ общества оптовыхъ закупокъ, а также въ коммерческомъ отдѣлѣ при вологодскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Раздаются голоса за то, чтобы не было раздѣленія торговой и неторговой дѣятельности кооператива по различнымъ организаціямъ; въ такомъ случаѣ «необходимыя мѣропріятія культурно-просвѣтительнаго характера, ихъ содержаніе, темпъ, мѣста постановки — все это будетъ обсуждаться на тѣхъ же собраніяхъ, на которыхъ обсуждаются и вопросы экономической (торговой) дѣятельности»; при такой постановкѣ по необходимости произойдетъ «втягиваніе крестьянскаго вниманія въ новую область жизни и отъ этого не могутъ не рости ихъ горизонты» (С.Масловъ. — Очень важная мысль. Однако, пока что культурно-просвѣтительная работа кооперативовъ сосредоточивается въ особыхъ организаціяхъ, дѣятельность которыхъ ростетъ съ каждымъ днемъ.

* * *

Итакъ, русская кооперація проявила чрезвычайно оживленную и разнообразную дѣятельность въ области просвѣщенія и культурнаго развитія народа.

Передъ кооперативными работниками въ области культурно-просвѣтительной дѣятельности стоитъ еще много вопросовъ, не разрѣшено еще много задачъ, да и въ интеллигентныхъ дѣятеляхъ ощущается недостатокъ, — но есть и счастливыя завоеванія, какъ, напр., народный домъ, союзное строительство, журналы, обильное книгоиздательство, а главное — сочувствіе населенія. И хочется вѣрить, что на основѣ этихъ достиженій культурныя и просвѣтительныя стремленія коопераціи развернутся въ многогранную и плодотворную дѣятельность, которая займетъ большое мѣсто въ русской культурной жизни.

С. Е—въ.

БИБЛІОГРАФІЯ

Новыя идеи въ математикѣ. Непеpioдическое изданіе, выходящее подъ редакц. заслужен. проф. А. В. Васильева. Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. 1913 г. № 2. Пространство и время. I. 1913 г. № 3. Пространство и время II. 1913 г. № 4. Ученіе о числѣ. 1913 г. № 5. Принципъ относительности въ математикѣ. 1914 г. № 6. Ученіе о множествахъ Георга Кантора I. 1914 г. № 7. Принципъ относительности съ математической точки зрѣнія II. 1914 г. № 8. Математика и философія I. 1914 г. № 9. Начала геометріи I. 1914 г. № 10. Математика и философія II. 1915 г. Изд-ство «Образованіе», Петроградъ. Цѣна каждаго сборника 80 коп.

Что считать новыми идеями въ математикѣ? Читатель, который исходилъ бы при отвѣтѣ на этотъ вопросъ исключительно изъ хронологической точки зрѣнія, былъ бы, несомнѣнно, очень удивленъ, заглянувъ въ сборникъ № 6 разбираемаго изданія, посвященный теоріи Г. Кантора. Первая статья этого сборника, «Основы общаго ученія о многообразіяхъ», помѣчена Рождествомъ 1882 г., а остальная часть книги занята рядомъ другихъ статей и небольшихъ замѣтокъ Кантора, относящихся къ 1885—1887 гг. Если же замѣтить, что Канторъ въ этихъ статьяхъ ссылается на свои работы начала семидесятыхъ годовъ, то окажется, что этимъ «новымъ идеямъ», по меньшей мѣрѣ, сорокъ лѣтъ отъ роду. Еще болѣе почтененъ возрастъ статьи Г. Грассмана «Чистая математика и ученіе о протяженности», помѣщенной въ сборникѣ № 1. Статья эта представляетъ переводъ введенія къ знаменитой книгѣ Грассмана „Die liniale Ausdehnungslehre», вышедшей первымъ изданіемъ въ 1844 г., т. е. 72 года тому назадъ.

Замѣчанія эти направлены, однако, не противъ редакціи сборниковъ, а противъ правильности примѣненія въ данномъ случаѣ хронологическаго критерія. Ново не то, что датировано вчерашнимъ днемъ, а то, что не стало еще составной частью духовной атмосферы извѣстной эпохи, что не осѣло окончательно, не сдѣлалось классическимъ, школьнымъ. Взгляды Кантора, Грассманна и др. не вполнѣ еще ассимилированы на Западѣ—вспомнимъ выпады Пуанкаре противъ «канторизма»—еще менѣе усвоены они у насъ, гдѣ имѣются ученые съ европейски-громкими именами, продолжающіе относиться подозрительно или даже отрицательно къ не-эвклидовой геометріи, гдѣ другіе, менѣе извѣстные ученые считаютъ возможнымъ писать въ энциклопедическомъ словарѣ, что, можетъ быть, лучшее опредѣленіе математики—это все еще старинное опредѣленіе ея Контомъ, какъ науки о непрямомъ измѣреніи величинъ. У насъ эти теоріи, несмотря на свою многодесятилѣтнюю давность, способны представлять интересъ самой актуальной новизны.

Такимъ образомъ, вопросъ о новизнѣ «Новыхъ идей въ математикѣ» отпадаетъ самъ собой. Зато можетъ возникнуть при разсмотрѣніи вы-

шедшихъ сборниковъ другой вопросъ: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ новыми идеями въ математикѣ или съ новыми идеями о математикѣ, около математики? Изъ десяти сборниковъ цѣлыхъ четыре (второй, третій, пятый и седьмой) занимаются проблемами пространства и времени, послѣдніе два, въ частности, въ связи съ принципомъ относительности. Въ сборникахъ этихъ помѣщенъ рядъ интересныхъ статей Вундта, Маха, Пуанкаре, Ланжевена, Гадамара, Минковскаго о пространствѣ и времени; не менѣе интересны статьи Клейна, Брилля, Лауэ, Умова, посвященныя выясненію математическихъ элементовъ принципа относительности. Но при всей цѣнности этихъ работъ и статей, онѣ скорѣе около математики, чѣмъ въ ней. Во всякомъ случаѣ, если и признать вмѣстѣ съ редакторомъ сборниковъ, проф. А. Васильевымъ, что тѣсная связь чистой математики съ ученіями о пространствѣ и времени остается и теперь столь же тѣсной, какъ и прежде (см. предисловіе ко второму сборнику), и если отсюда заключить о необходимости дать въ сборникахъ «Новыхъ идей» мѣсто проблемѣ пространства и времени, то все же не слѣдовало удѣлять такъ непропорціонально много вниманія побочнымъ, съ чисто математической точки зрѣнія, вопросамъ.

Ближе къ темѣ серіи сборники №№ 4, 6, 9. Въ сборникѣ четвертомъ помѣщены статьи В. Вундта «Числа и ихъ символы» (представляющая главу изъ второго тома его «Логики») и статья Ж. Таннри и Ж. Молька «Основные принципы ариѳметики» (взята изъ французскаго изданія извѣстной «Энциклопедіи математическихъ наукъ»). Статья французскихъ ученыхъ особенно полезна своими многочисленными примѣчаніями, главнымъ образомъ, историческаго характера. Но ученіе о числѣ—различныя современныя теоріи числа—изложено въ ней довольно схематично. Ученію о числѣ слѣдовало бы отвести еще одинъ сборникъ, гдѣ были бы изложены воззрѣнія Фреге, Ресселля, итальянской школы (работы Дедекинда, Гельмгольца, Кронекера уже переведены въ изданномъ въ Казани «Сборникѣ научно-популярныхъ статей по основаніямъ ариѳметики») Сборникъ шестой весь занятъ работами Кантора по теоріи многообразій. Сборникъ девятый состоитъ цѣликомъ изъ большой статьи Ф. Энрикеса «Начала геометріи», взятой изъ той-же „Enzyclopedie der mathematischen Wissenschaften". Работа эта, снабженная обильными примѣчаніями библіографическаго характера, разсматриваетъ проблему началъ геометріи съ самыхъ различныхъ сторонъ, являясь, какъ и вообще всѣ статьи «Энциклопедіи», сжатымъ обзоромъ современнаго положенія вопроса.

Третью группу, математико-философскаго характера, образуютъ сборники первый, восьмой и десятый. Въ первомъ сборникѣ помѣщены статьи В. Вундта: «Общее ученіе о математическомъ методѣ», Г. Грассманна: «Чистая математика и ученіе о протяженности», Б. Ресселля: «Новѣйшія работы о началахъ математики» и А. Принсгейма: «Цѣнность и мнимая нецѣнность математики». Задачи этого сборника — выяснить проблемы и методъ математики—далеко не можетъ считаться исчерпанной собранными въ немъ статьями. По вопросу о сущности математики есть цѣлый рядъ разбросанныхъ по спеціальнымъ изданіямъ и поэтому малодоступныхъ широкой публикѣ статей Кемпе, Пирсовъ (отца и сына), Бохера, Шау и др., которыя слѣдовало бы извлечь изъ ихъ научныхъ усыпальницъ. Полезно было бы въ такомъ сборникѣ дать и сводку взглядовъ

Лейбница на математику, хотя бы переведя соотвѣтственныя главы изъ книги Кутюра «La logique de Leibnitz». Въ старинѣ Лейбница еще для очень и очень многихъ — не исключая и представителей нашего ученаго міра — послышится большая новизна...

Сборники восьмой и десятый посвящены взаимоотношеніямъ математики и философіи. По мысли проф. А. Васильева (см. его предисловіе къ 8 сборнику) здѣсь должны разбираться вопросы о роли интуиціи и логики, объ апріорномъ или эмпирическомъ характерѣ аксіомъ, о формализмѣ въ математикѣ вообще и геометріи въ частности, словомъ, о разныхъ «пограничныхъ» проблемахъ математики и философіи. Восьмой сборникъ касается, главнымъ образомъ, вопроса о роли интуиціи (нагляднаго представленія) и логики въ математикѣ. Въ немъ помѣщены статья теоретика новофризовской школы, Л. Нельсона, «Замѣчаніе о не-эвклидовой геометріи и о происхожденіи математической достовѣрности», статья извѣстнаго математика, О. Гельдери, «Наглядное представленіе и мышленіе въ геометріи» и два небольшихъ реферата, прочитанныхъ въ вѣнскомъ философскомъ обществѣ Ф. Клейномъ и А. Гефлеромъ на тему «Пограничные вопросы математики и философіи».

Математика аподиктична, — разсуждаетъ въ своей статьѣ Нельсонъ,— значитъ, источника ея нельзя искать въ эмпиріи; но благодаря неэвклидовой геометріи, мы знаемъ, по его словамъ, что этотъ источникъ познанія, навѣрное, не можетъ заключаться въ логикѣ. Пока философія стояла на точкѣ зрѣнія Аристотеля съ его ученіемъ о двухъ только источникахъ познанія — эмпиріи и логикѣ — проблема математическаго познанія оставалась неразрѣшимой. Выходъ изъ этого тупика былъ данъ кантовской теоріей чистаго нагляднаго представленія, показавшей возможность существованія синтетическихъ сужденій *a priori*. — Къ эмпиризму, наоборотъ, склоняется Гельдеръ въ томъ смыслѣ, что онъ видитъ источникъ основныхъ понятій геометріи въ опытѣ, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ дедуктивный методъ, какъ способъ умноженія математическаго познанія. Очень цѣнны многочисленныя и обширныя примѣчанія, которыми снабжена статья Гельдера. — Отрицательно относится къ кантовской чистой интуиціи, какъ извѣстно, Клейнъ. Соглашаясь съ Клейномъ въ этой отрицательной оцѣнкѣ ученія Канта, Гефлеръ признаетъ, однако, необходимость допустить нѣкотораго рода наглядное представленіе въ геометріи. Но это наглядное представленіе нисколько не «чище», чѣмъ наглядное представленіе о такъ называемыхъ совершенно упругихъ тѣлахъ и др. аналогичныхъ понятіяхъ теоретической физики.

Сборникъ десятый занятъ извѣстной полемикой между Пуанкаре и Кутюра по вопросу объ отношеніяхъ между математикой и логикой, въ частности, логикой математической. Въ статьѣ «Математика и логика» Пуанкаре защищаетъ свой излюбленный тезисъ о недостаточности однихъ логическихъ элементовъ для объясненія математическаго творчества и о необходимости признать здѣсь роль интуиціи. Попутно, воспользовавшись статьями Кутюра о принципахъ математики (вышедшими потомъ отдѣльной книгой), онъ подвергаетъ критикѣ логическую теорію Ресселя. Кутюра отвѣтилъ Пуанкаре обстоятельной статьей «Въ защиту логистики». Въ своей отвѣтной, второй, статьѣ Пуанкарэ поддер-

живаетъ свою точку зрѣнія: логика, не оплодотворенная интуиціей, безплодна, — утверждаетъ онъ; — если же логисты пошли дальше тавтологій, то потому, что они прибѣгли къ такъ называемымъ не-предикативнымъ опредѣленіямъ, содержащимъ своего рода порочный кругъ. Въ этомъ случаѣ логика уже не безплодна, но она порождаетъ антиноміи, источникомъ которыхъ является вѣра въ актуальную безконечность.

По мнѣнію англійскаго теоретика Джардена (Jourdain),—перевѣдшаго, между прочимъ, эту полемику по-англійски — побѣдителемъ изъ нея вышелъ Кутюра. Я бы этого не сказалъ въ такой категорической формѣ. Во всякомъ случаѣ, Пуанкаре не удалось обосновать достаточно сильно свою основную идею о необходимости интуиціи въ математикѣ.

Ф. Р.

* * *

Николай Ашукинъ. «Скитанія». Вторая книга стиховъ (1913 — 1915). Москва Издательство К. Ф. Некрасова. MCMXVI. Стр. 82. Ц. 75 коп.

Николай Ашукинъ—поэтъ хорошей школы. Его четкій и строгій стихъ восходитъ къ В. Брюсову и—отчасти черезъ него, отчасти непосредственно—къ Пушкину. Радуютъ такія строфы:

Тихая, властительница кроткая,
Улыбнулась осень мнѣ,
И ясна вся жизнь, какъ эта четкая
Липа въ золотомъ огнѣ (стр. 64).

Основной мотивъ его—осень, сумерки, спокойныя предвечернія настроенія, воспоминанія о чемъ-то хорошемъ, ушедшемъ. Но осень у него не унылая, не безцвѣтная, а бодрящая, и, по своему, прекрасная. И усталость его не послѣдняя, не безысходная, онъ не падаетъ, а только останавливается и чувствуетъ и знаетъ, «что нужно еще безумствовать, страдать и жить».

Зачѣмъ? Этого поэтъ еще не знаетъ.

Въ книгахъ г. Ашукина много «сумрака», «тѣней», «тумана». И его собственный образъ—тоже еще только тѣнь, облеченная туманомъ, онъ еще не вырисовывается ясно. Но нѣкоторыя стихотворенія книги («Посохъ», «На Волгѣ» и др.) говорятъ о томъ, что туманъ разсѣется и что вмѣстѣ съ нимъ уйдутъ мелькающія тѣни Блока, Пушкина и другихъ, и поэтъ найдетъ самого себя.

Д. В—ій.

Илья Сургучевъ. «Сосѣдка». Разсказы. Томъ первый. Т-во «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ». 1916. Стр. 224. Цѣна 1 р. 50 коп.

Мы не знаемъ, случайно-ли назвалъ г. Сургучевъ свой томъ разсказовъ «Сосѣдка» по имени перваго разсказа, или сдѣлалъ это преднамѣренно. Во всякомъ случаѣ, это очень удачно. «Сосѣдка», дѣйствительно, является центромъ книги; въ этомъ разсказѣ (къ тому же самомъ высокомъ по своимъ художественнымъ достоинствамъ) можно найти исходныя точки міровоззрѣнія автора.

Человѣкъ человѣку — сосѣдъ. Подъ чужой и случайной крышей встрѣчаются студентъ Иволгинъ и курсистка Маруся. Сперва слушаютъ голосъ другъ друга черезъ тонкую перегородку между ихъ комнатами — и уже родится обоюдное расположеніе, потомъ и знакомятся — и расположеніе переходитъ въ дружбу, затѣмъ становятся все ближе и ближе, совсѣмъ близкими... Но и въ самой послѣдней близости остаются чужими другъ другу, отдѣльными.

Человѣкъ человѣку — только сосѣдъ. Между двумя душами всегда есть перегородка; можно перегова-

риваться черезъ нее, можно перестукиваться, но никакъ нельзя убрать ее. И потому-ли, что люди не знаютъ одинъ другого, потому-ли, что въ нихъ и въ самомъ дѣлѣ преобладаетъ доброе, только всѣ они кажутся другъ другу хорошими, и каждый желаетъ всякаго блага своему сосѣду. А если случается грѣхъ, если убилъ лѣсникъ Ерофѣевъ («Слѣдствiе») пришедшаго къ нему на ночлегъ монаха, то сдѣлалъ онъ это не по злобѣ, а случайно, и, совершивъ убiйство, «тотчасъ-же прилетѣлъ въ городъ, какъ угорѣлый, и разсказалъ обо всемъ въ полицiи». И тотчасъ-же покаялся и сталъ сразу мудрымъ и на допросъ предсталъ «съ просвѣтленнымъ лицомъ, какое бываетъ у людей послѣ исповѣди».

Этотъ налетъ романтическаго оптимизма является чрезвычайно характерной чертой всего творчества г. Сургучева. Во всей его книгѣ нѣтъ ни одной страницы мрачной; сумерки его всегда прозрачны и переходятъ онѣ либо въ ясное утро, либо въ звѣздную ночь. Всѣ его персонажи живутъ вѣрой, «думой о той прекрасной и изящной жизни, которая только со временемъ вспыхнетъ на землѣ». Вѣритъ въ своего ангела, котораго «Иваномъ зовутъ», Ванька, «мужчина восьми лѣтъ», котораго отправляютъ въ городъ на заработки; вѣритъ и старуха Егорова, что вернется ея Сашенька («Родители»), уѣхавшiй въ большой городъ и ставшiй чужимъ, вѣритъ и жена умирающаго Петрищева («Преддверiе»), что умретъ чахоточный мужъ и будетъ хорошо, и самъ онъ знаетъ это. Всѣ знаютъ, что «счастье-то близко около человѣка лежитъ, вотъ оно, въ тебѣ самомъ счастье твое, только гляди на мiръ своими глазами—и весь разговоръ въ этомъ». (Стр. 168). Быть счастливымъ — это цѣль и смыслъ жизни: каждый пусть старается за себя, и чѣмъ больше будетъ счастливыхъ, тѣмъ скорѣе наступитъ общее счастье. Каждый можетъ участвовать въ этой общей работѣ, и поэтому каждый цѣненъ. Но если создать свое счастье—заслуга, то тѣмъ болѣе — способствовать счастью другого. Тому, кто былъ вѣрнымъ стражемъ чужого счастья, такъ легко умереть, внезапно, во время крестнаго хода, выпустивъ изъ рукъ крестъ и кадила. («Въ послѣднiй разъ»).

На фонѣ этихъ по существу не глубокихъ, но красивыхъ философскихъ размышленiй нарисовалъ г. Сургучевъ цѣлую галлерею четкихъ и законченныхъ образовъ. И, несмотря на однообразный тонъ и одинаковость настроенiя, его фигуры не повторяютъ другъ друга, не сливаются одна съ другой.

Однако, при всемъ этомъ настоящiй томъ не обнаруживаетъ въ г. Сургучевѣ разсказчика первокласснаго. И этому виной не столько ограниченный кругъ его идей, сколько однообразiе его художественныхъ прiемовъ, бѣдность изобразительныхъ средствъ. Нехорошо, когда на 92-ой страницѣ герой говоритъ: «...тогда очень будетъ видно небо и бѣлыя облака. Тогда человѣкъ многое пойметъ», а на 168-ой совсѣмъ другой человѣкъ, при иныхъ совсѣмъ обстоятельствахъ повторяетъ: «Развѣ эти звѣзды не людямъ свѣтятъ?.. Нужно, дѣвка, каждую ночь подолгу на нихъ смотрѣть, и тогда поймешь, въ чемъ дѣло».

Богатая оттѣнками палитра г. Сургучева не богата красками, и, умѣло перекладывая свои краски съ палитры на полотно, онъ кладетъ ихъ слишкомъ одинаковыми движенiями кисти. Въ этомъ намъ видится его крупнѣйшiй недостатокъ.

Д. Выгодскiй.

Борисъ Лазаревскiй. «Любимое». Разсказы. Петроградъ. 1916. Стр. 176. Цѣна 1 р. 50 к.

Когда-нибудь въ исторiи «военной» беллетристики Борисъ Лазаревскiй будетъ фигурировать, какъ типичнѣйшее явленiе своего времени. Его книга «Во время войны»

будетъ яркимъ примѣромъ того, до какой безвкусицы, до какой банальности опускались писатели, хотѣвшіе во что бы то ни стало и съ наивозможнѣйшей быстротою написать книгу военныхъ разсказовъ, да еще исходя къ тому изъ строго опредѣленныхъ взглядовъ, диктуемыхъ «Лукоморьемъ». Но это разсказы «военные».

Вотъ передъ нами книга уже не спеціально военныхъ разсказовъ. Въ ней война служитъ либо приправой, пикантнымъ соусомъ, подъ которымъ подается разсказъ, либо античнымъ deux ex machina, помогающимъ закончить повѣствованіе, не имѣющее естественнаго конца. Это, казалось бы, должно было благотворно повліять на творчество г. Лазаревскаго. И все-же разсказы его поражаютъ своимъ художественнымъ безсиліемъ, своей торопливостью и проистекающей отсюда скудостью содержанія.

Заинтересовать внѣшней фабулой г. Лазаревскій даже не стремится. Зато онъ хочетъ быть то психологомъ, то бытописателемъ, то даже философомъ. Но ни то, ни другое, ни третье ему не удается. Съ особенной любовью и наиболѣе обстоятельно и подробно рисуетъ авторъ Василія Павловича («Цвинтарь»), «носителя большого, загубленнаго водкой, музыкальнаго таланта». Но и о немъ мы не узнаемъ рѣшительно ничего, кромѣ того, что онъ пилъ запоемъ и пытался бороться съ этимъ, полюбивъ пятнадцатилѣтнюю гимназистку (у г. Лазаревскаго героини всегда очень молоды). Потомъ онъ попалъ на войну и—читателю остается догадываться—вѣроятно, пересталъ пить, когда прекратилась продажа «казенныхъ питій».

То же и съ бытомъ. Безцвѣтны, схематичны «Мирные жители», долженствующіе нарисовать картину жизни малороссійскаго села. Никакими національными чертами, кромѣ пресловутаго «акцента» и страннаго обыкновенія начинать каждую фразу съ «ой!» и «пакъ» (?), не отличаются и евреи («Маша»). Любопытно только, что г. Лазаревскій нашелъ почему-то наиболѣе удобнымъ вложить горячую юдофобскую рѣчь въ уста героини-еврейки: «Если бъ вы только знали... какъ я проклинаю себя за то, что родилась еврейкой, вы не повѣрите, какъ я ихъ (?) терпѣть не могу» и т. д. (Стр. 82).

Герценъ когда-то писалъ, что печатать воспоминанія имѣетъ право всякій, такъ какъ никто не обязанъ читать ихъ. Эту точку зрѣнія можно примѣнять и къ разсказамъ, и тогда она будетъ единственной, оправдывающей появленіе новой книги г. Лазаревскаго.

Д. В.

«Кровожадный Турка и Волшебникъ Магги». Сценарій комедіи въ трехъ дѣйствіяхъ, составленный К. М. Миклашевскимъ.

Не комедія, а сценарій комедіи; не литературная пьеса, которую можно прочесть, а только схема театральнаго дѣйствія, предложенная составителемъ. Ее еще надо воплотить, актеры должны ее разыграть. Они то и явятся истинными авторами задуманнаго представленія. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ въ прологѣ актеръ, играющій въ пьесѣ роль глухонѣмого евнуха:

«Досточтимый господинъ Миклашевскій, строго говоря, не можетъ именоваться авторомъ, такъ какъ, во-первыхъ, онъ — не литераторъ и не поэтъ, а нашъ братъ—актеръ... И, кромѣ того, авторъ еще и потому не совсѣмъ авторъ, что онъ писалъ, писалъ, да и не дописалъ всего, такъ остальное мы сами присочинили (между нами говоря, оно намъ и больше по душѣ). Надо вамъ сказать, что авторъ вообще человѣкъ обходительный и деликатный: насчетъ актерской корректуры текста и насчетъ отсебятины, мы совершенно не были связаны... и еще авторъ просилъ меня сказать, что слишкомъ умнымъ людямъ мы совѣтуемъ не

утруждать себя и на наше представленіе не ходить...»

Схема представленья, составленная г. Миклашевскимъ, такова: Диванъ-Халаатъ Паша, намѣстникъ города Азадютунъ въ Малой Азіи, встревоженный быстрымъ приближеніемъ русскихъ войскъ, прячется въ подвалъ и тамъ же прячетъ свои золотые запасы. Волшебникъ Магги, его совѣтникъ, хочетъ съ помощью одной изъ женъ Паши украсть кладъ. На этой почвѣ происходитъ рядъ комичныхъ приключеній. Кончается дѣло тѣмъ, что въ городъ вступаютъ русскія войска; всѣ разбѣгаются, остаются Паша и волшебникъ. Паша узнаетъ, что всѣ его жены измѣнили ему съ русскими солдатами. «Халаатъ разрываетъ на себѣ одежды и падаетъ въ обморокъ». Дѣйствительно, чрезвычайно незамысловато, и уму здѣсь дѣлать нечего.

Но, конечно, дѣло не въ этомъ. Суть не въ сценаріи, не въ его содержаніи, а въ самомъ фактѣ «опубликованія», въ попыткѣ практически осуществить идеалъ театральнаго дѣйствія, какимъ онъ представляется г. Миклашевскому, Мейерхольду и всей группѣ театральныхъ реформаторовъ, объединившихся вокругъ журнала «Любовь къ тремъ апельсинамъ» и студіи Мейерхольда. Этотъ идеалъ — итальянскій театръ XVII вѣка, Commedia dell'arte, театръ актерской импровизаціи, актерской свободы отъ литературнаго засилья, театръ—зрѣлище, гдѣ персонажи разъ навсегда даны, гдѣ весь интересъ сосредоточенъ на новыхъ трюкахъ, на новыхъ варіаціяхъ уже заранѣе извѣстной темы.

Но если даже согласиться съ г. Миклашевскимъ и прочими, что принципы, на которыхъ создалась Commedia dell'arte, единственно вѣрные, что современный театръ, дѣйствительно, изнываетъ подъ гнетомъ литературщины, слѣдуетъ-ли отсюда, что можно помочь дѣлу простымъ возстановленіемъ старыхъ традицій, отжившихъ театральныхъ формъ. Конечно, нѣтъ. Театръ долженъ быть современенъ, какъ, впрочемъ, всякое искусство. Это необходимое условіе его существованія. Иначе, онъ обращается въ гурманство, въ забаву для «немногихъ». А «многіе», публика находитъ удовлетвореніе своей потребности въ зрѣлищѣ, въ ею же самой созданныхъ, примитивныхъ, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющихъ формахъ и толпами валитъ въ кинематографъ. Тамъ она находитъ и свободу отъ литературы, и готовыхъ персонажей, и необыкновенные трюки, и, прежде всего, близкую, родную ей современность.

Необычайный ростъ кинематографа и паденіе театра подтверждаютъ вѣрность теоретическихъ соображеній г. Мейерхольда и его школы, но въ то же время жестоко осуждаютъ практическій выводъ, который онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Въ искусствѣ мало понять, надо сумѣть сдѣлать.

Долженъ замѣтить, что г. Миклашевскій, повидимому, сознаетъ необходимость быть современнымъ, поэтому дѣйствіе его комедіи происходитъ въ наши дни, на сценѣ появляются нѣмцы, производящіе реквизицію, въ городъ вступаютъ русскія войска и пр. Но, разумѣется, отъ этого затѣя не дѣлается современной, а только злободневной.

О. Б.

Matilde Serao. P a r l a u n a d o n n a. D i a r i o f e m i n i l e d i g u e r r a. Milano. Frat. Treves. 1916. P. 332+XV. 4 Lire.

Матильда Серао. *Говоритъ женщина. Женскій дневникъ войны.* Миланъ. Бр. Тревесъ. 1916. Стр. 332+XV. 4 лиры.

Когда я увидѣлъ появившій въ витринахъ римскихъ книжныхъ магазиновъ военный дневникъ пользующейся достаточной извѣстностью и у насъ Матильды Серао, меня взяло крайнее любопытство: что говоритъ о войнѣ эта писательница, преданнѣйшая католичка, ведшая въ неаполитанскомъ «Mattino» откровенную германо-нейтралистскую пропаганду,

нерѣдкая гостья знаменитой бюловской «Villa Malta»?

Раскрываю первую страницу и читаю торжественное посвященіе: «Моимъ тремъ сыновьямъ: Антоніо, пѣхотному капралу; Паоло, саперному подпоручику; Витторіо, пѣхотному поручику, — которые служатъ Отечеству съ вѣрностью и честью. Весна войны 1916».

Первая глава дневника, датированная 25 мая 1915 г., днемъ вступленія Италіи въ войну, носитъ достаточно выразительное заглавіе: «Богъ ея хотѣлъ!» («Dio l'ha voluto!»). Писательница обращается къ толпѣ «простыхъ и упорно-вѣрующихъ» женщинъ, которыя, — подобно ей, «просили у Господа милости, чтобы эта страшная чаша войны миновала ихъ устъ», и въ горячихъ, страстныхъ, бредовыхъ молитвахъ призывали чудо мира. «Но не пришла милость, не свершилось чудо»... И что же? Вы будете теперь плакать, рыдать, обезумѣвшія и ослѣпшія отъ страданія? Проявите слабость, безразличіе, неспособность къ смиренію? Но если вы добрыя христіанки, вы *уже знаете* (курс. автора), что Богъ дозволилъ, по своимъ верховнымъ и таинственнымъ причинамъ, эту войну, вы ужъ знаете, что Онъ пожелалъ всего этого, и что всѣ эти муки, разразившіяся надъ вами, надъ нами — отъ Бога». Въ томъ же лампадно-ханжескомъ тонѣ, какъ бы скопированномъ съ проповѣдей деревенскихъ «parroco», ведется дальнѣйшее «поученіе» — о любви къ отечеству, которое является нашей второй религіей, которое насъ больше сближаетъ съ первой, о необходимости смиренія, послушанія, безропотности: «Да повинуемся сердцемъ вѣрующимъ и терпѣливымъ вплоть до дня побѣды».

Тутъ, на 8-й страницѣ довольно толстой книжки, любопытство мое оказалось уже достаточно удовлетворённымъ: Матильда Серао не проявила ни малѣйшей оригинальности въ дѣлѣ выхода изъ щекотливаго положенія и, подобно всѣмъ своимъ братьямъ по святѣйшей католической церкви, сумѣла соблюсти религіозную невинность и пріобрѣсть патріотическій капиталъ безъ малѣйшаго ущерба для душевнаго спокойствія и равновѣсія. Эта двойная бухгалтерія ведется на всемъ протяженіи дневника: наряду съ неистовымъ патріотическимъ барабаномъ, отбивающимъ нестерпимую умилительную трель — мелькаетъ не менѣе умилительный образъ колѣнопреклоненнаго папы, призывающаго миръ; съ одинаковымъ паѳосомъ комментируется телеграмма короля, гдѣ говорится о почетномъ и выгодномъ мирѣ, и дѣятельность какой-нибудь католической лиги, которая къ Савойскому дому особенно нѣжныхъ чувствъ питать не можетъ; гимны во славу «великаго молчальника» — флота (есть и такая глава!) чередуются со слезливой клерикальной декламаціей полупацифизма... Иной разъ сквозь маску христіанскаго смиренія прорывается плохо скрытое чувство злорадства: это, когда писательница совершенно справедливо указываетъ на возрожденіе религіозности, на ростъ вліянія церкви, вызванный войной. Она разсказываетъ о дѣятельности монахинь во Франціи, гдѣ ихъ недавно травила и преслѣдовала «сектанская злоба, массонское бѣшенство», а теперь воздаютъ всяческія почести. «Ахъ, какими кажутся далекими времена, когда священникъ не могъ пройти въ своей рясѣ по улицамъ Парижа безъ того, чтобы не услышать крика: «A bas la calote!». Безъ того, чтобы камень или комъ грязи не попали въ него!» (78). И въ другомъ мѣстѣ, Серао пишетъ, что единственнымъ явленіемъ, проливающимъ бальзамъ на страдающее сердце папы, служитъ «широчайшее пробужденіе религіознаго духа на поляхъ битвъ, въ госпиталяхъ и домахъ гражданъ. Вѣра въ Бога, надежда на Божественное Провидѣніе чудесно расцвѣли въ человѣческихъ сердцахъ могучимъросткомъ... Увидите послѣ, увидите, какъ разольется религіозное чувство въ прекрасные и спокойные часы мира!» (254—5).

Къ счастью для читателей, не всѣ главы дневника посвящены нравоучительнымъ проповѣдямъ (надо только почитать эти призывы къ утиранію слезъ и вязанію чулокъ, эти грозныя саркастическія филиппики противъ горожанокъ, несвѣдущихъ въ обращеніи со спицами!). Есть въ книгѣ и нѣчто отъ быта, авторъ затрагиваетъ рядъ любопытныхъ явленій, порожденныхъ войной — о «военныхъ бракахъ», о трагическомъ положеніи женщинъ, являющихся женами «враговъ», даетъ рядъ живыхъ и трогательныхъ образовъ скорбящихъ матерей. Удаются ей очерки съ юмористическимъ налетомъ — о современныхъ «Кассандрахъ» — гадалкахъ, дѣлающихъ недурныя дѣла. о бѣдныхъ «космополитическихъ женщинахъ», — «русскихъ княгиняхъ», которыхъ война лишила возможности вести привычный кочевой образъ жизни; о ревнивыхъ женахъ и невѣстахъ, которыя всѣхъ, пріѣзжающихъ съ фронта, спрашиваютъ съ затаенной тревогой: «Есть-ли въ Удино женщины?» (Удино—крупнѣйшій центръ, «Парижъ» военной зоны). Словомъ, гдѣ писательница не мудрствуетъ лукаво, гдѣ не поучаетъ, гдѣ не философствуетъ, не морализируетъ — ей удается недурно передать кругъ тѣхъ интересовъ и наблюденій, которыя лежатъ въ полѣ зрѣнія итальянской буржуазіи.

Но, увы! — положеніе «извѣстности» обязываетъ, и М. Серао предпочитаетъ между читателемъ и явленіемъ помѣстить, прежде всего, свою собственную особу съ обильнымъ багажомъ банальщины и плоскости.

Раф. Григорьевъ.

Вячеславъ Ивановъ. «Борозды и межи». Опыты эстетическіе и критическіе. Москва. Издательство «Мусагетъ». 1916 г. Цѣна 2 р. 75 коп. Стр. 351.

Новая книга В. Иванова, какъ говорится въ предисловіи, «продолжаетъ развивать единое міросозерцаніе, основы котораго уже намѣчены» въ первой книгѣ его эстетическихъ и критическихъ опытовъ— «По звѣздамъ».

Это «единое міросозерцаніе» — воззрѣніе «мистическаго реализма», которое исповѣдуетъ авторъ, придаетъ внутреннее единство разнообразному содержанію сборника, представленному статьями по вопросамъ культуры, поэзіи, театра, живописи, теоріи искусства и пр.

Искусство для В. Иванова не есть только предметъ эстетики; теорія «искусства для искусства» кажется ему «эстетической ересью» и «недомысліемъ»; невозможной представляется ему «конечная оторванность искусства отъ корней жизни», отъ религіи. Поэзія представляется ему «источникомъ интуитивнаго познанія», символы—средствами реализаціи этого познанія. «Реалистическій символизмъ возводитъ воспринимающаго художественное произведеніе a realibus ad realiora — отъ низшей дѣйствительности къ реальности реальнѣйшей». Символическая поэзія не сообщаетъ слушателю свой заповѣдный міръ, но пріобщаетъ его къ мистеріямъ и тайнамъ самого поэта.

Процессъ творчества какъ разъ обратный процессу воспріятія. Художникъ нисходитъ «отъ предварительнаго интуитивнаго постиженія высшей реальности къ ея воплощенію въ реальности низшей — a realioribus ad realia». Человѣкъ восходитъ, художникъ нисходитъ.

Таковы въ самыхъ общихъ, разумѣется, словахъ основныя положенія В. Иванова, подъ угломъ которыхъ онъ разсматриваетъ творчество Достоевскаго, поэзію Иннокентія Анненскаго, живопись Чурлянича, вопросъ о кризисѣ театра, задачи русской символической школы и проч.

Нѣкоторыя формулы и положенія г. Иванова, главнымъ образомъ, относящіяся къ теоріи символизма, весьма удачны; въ нихъ авторъ является тѣмъ, кого О. Уайльдъ назвалъ — «критикъ, какъ художникъ». Этому впечатлѣнію, несо-

мнѣнно, способствуетъ языкъ В. Иванова, въ которомъ есть нѣчто напоминающее скульптуру. Своеобразная манера письма г. Иванова, однако, не лишена крупныхъ подчасъ недостатковъ. Пышныя одежды, въ которыя онъ облекаетъ свои мысли, порой не гармонируютъ съ тѣмъ, что они призваны облекать: вотъ какъ, напримѣръ, объясняется причина непомѣщенія въ сборникѣ двухъ статей: «трудности печатнаго дѣла въ военное время повелѣли скупѣе размѣрить объемъ книги». Иногда В. Иванову приходится какъ-бы переводить себя на простой языкъ — «или говоря обычнымъ языкомъ»... (стр. 89), порой обращаться къ самому себѣ: «но оставимъ диѳирамбическій тонъ...» (стр. 343).

В. Ивановъ удѣляетъ вниманіе и вопросамъ самоопредѣленія русской символической школы. «Мы упраздняемъ себя, какъ школу». Утверждая символизмъ, какъ принципъ всякаго истиннаго искусства, школа тѣмъ самымъ сливается со всѣмъ истиннымъ и подлиннымъ, что въ немъ было, и перестаетъ отдѣльно существовать. В. Ивановъ считаетъ при этомъ, что школа не выполнила всѣхъ стоявшихъ передъ ней задачъ.

Л. С.

Сборники по теоріи поэтическаго языка. Выпускъ первый. Петроградъ 1916. Стр. 71. Ц. 1 р.

Основнымъ стержнемъ, вокругъ котораго вращаются всѣ статьи лежащаго предъ нами сборника, является вопросъ о самоцѣнности поэтическаго языка. Въ разрѣзъ съ общепринятымъ теперь въ наукѣ мнѣніемъ Потебни, Веселовскаго и другихъ о принципіальной однородности, о единообразіи языка прозаическаго и поэтическаго, авторы настоящаго сборника выставляютъ обратный принципъ полной самостоятельности, отдѣльности языка поэтическаго, его несоизмѣримости съ «системой практическаго языка, въ которой языковыя представленія... самостоятельной цѣнности не имѣютъ и являются лишь средствомъ общенія» (стр. 16). Въ языкѣ поэтическомъ, напротивъ, «практическая цѣль отступаетъ на задній планъ (хотя можетъ и не исчезать вовсе) и языковыя представленія пріобрѣтаютъ самоцѣнность». Звуки языка, на которые мы не обращаемъ вниманія въ обыкновенной рѣчи, которые мы комкаемъ и «проглатываемъ» въ разговорѣ, пріобрѣтаютъ въ поэтической рѣчи первостепенное значеніе, обладаютъ самодовлѣющей цѣнностью. Поэтому ни одинъ законъ языковѣдѣнія, вращавшагося по-преимуществу въ сферѣ языка практическаго, не обязателенъ для системы поэтическаго языковаго мышленія.

Нельзя сказать, чтобъ настоящимъ сборникомъ принципъ этотъ былъ доказанъ исчерпывающимъ образомъ и утвержденъ окончательно. Чрезвычайно важно, однако, что этотъ вопросъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ поднятый футуристами практически, теперь поставленъ на теоретическую основу.

Наиболѣе важной со стороны идеи сборника является статья г. Е. Д. Поливанова. «По поводу звуковыхъ жестовъ японскаго языка». Посвященная нѣкоторымъ явленіямъ японскаго языка, она, тѣмъ не менѣе, представляетъ большой интересъ принципіальный. Въ японскихъ стихахъ встрѣчается большое количество такъ называемаго «ономатопоэтикъ», словъ или, вѣрнѣе, звуковыхъ комплексовъ, не имѣющихъ твердо опредѣленнаго значенія, но вносимыхъ въ стихъ въ силу своей фонетической близости къ темѣ или настроенію его. Такъ, напримѣръ, говоря о молніи, японскій поэтъ прибавляетъ слово «пика-пика», не только непереводимое на другой языкъ, но и не нуждающееся въ переводѣ, такъ какъ «все нужное для смысла ока-

зывается выраженнымъ другими словами» (стр. 40). Насколько въ подобныхъ словахъ важно ихъ фонетическое содержаніе доказываетъ то, что въ нихъ сохранились нѣкоторые звуки, вообще отсутствующіе въ современномъ языкѣ.

Убѣдительно написаны статьи г. Виктора Шкловскаго и, во многомъ повторяющаго его, г. Л. Якубинскаго. Обиліе и разнообразіе приводимыхъ ими примѣровъ заставляютъ отнестись гораздо серьезнѣе, чѣмъ это обычно практикуется, къ такъ называемому «заумному» языку, языку звуковъ, а не понятій. Стремленіе къ нему и большее или меньшее приближеніе можно наблюдать и въ хлыстовскихъ пѣсняхъ, и въ дѣтскомъ языкѣ, и въ языкахъ старыхъ поэтовъ.

Слабѣе статья г. Б. Кушнера. Насколько показательны приводимые имъ примѣры звуковыхъ симметрій въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Пушкина и Лермонтова, настолько сомнительны и ненаучны его общія разсужденія.

Дополняющія сборникъ переводныя главы изъ Crammont'а и Nyгор'а (кстати, не вполнѣ удачно выбранныя), вносятъ въ него очень мало новаго, но скрѣпляютъ его авторитетными именами.

Д. Выгодскій.

Сборникъ «Подъ старымъ знаменемъ» (статьи Б. Авилова, А. Витимскаго, А. Ломова, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричнаго). Москва. 1916 г. Цѣна 75 к., стр. 95.

Противопоставить свою идеологію идеологіи русскихъ и европейскихъ оппортунистовъ поставили своей цѣлью составители сборника. Но необходимо было не только противопоставить себя этимъ взглядамъ, а, главнымъ образомъ, сформулировать свои собственные взгляды и очистить ихъ отъ сознательно или безсознательно привносимой клеветы и извращеній друзей-враговъ. Задача весьма и весьма трудная, особенно въ виду внѣшнихъ препятствій. Послѣдніе годы принесли много серьезныхъ измѣненій, особенно для жизни демократіи: они сокрушили многіе, казалось, незыблемые устои и на ихъ мѣстѣ воздвигли «капище Ваала, вмѣсто храма». Но даже эти удары по демократіи, нанесенные изъ ея-же собственныхъ рядовъ, не разбили ея идеологіи — она уцѣлѣла, и однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій ея является разсматриваемый сборникъ.

Слишкомъ много сейчасъ жгучихъ и больныхъ вопросовъ, чтобы можно было откликнуться на всѣ эти проблемы, дать на нихъ исчерпывающій отвѣтъ. Этой задачи и не ставили себѣ составители сборника... Они разсмотрѣли лишь нѣкоторые изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ.

При изученіи общаго кризиса, приведшаго къ всеевропейской войнѣ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса колоніальной политики и имперіализма. Имперіализмъ всѣхъ европейскихъ государствъ привелъ къ рѣзкому столкновенію заинтересованныхъ сторонъ. Девятнадцатый вѣкъ былъ временемъ быстраго обогащенія всѣхъ европейскихъ странъ за счетъ внѣевропейскихъ континентовъ. Германія сравнительно поздно вступила на путь имперіалистическихъ завоеваній и неминуемо должна была столкнуться съ болѣе счастливыми соперниками, успѣвшими подѣлить весь міръ. Ея выступленіе, точнѣе, ея столкновеніе съ имперіализмомъ другихъ странъ, было продиктовано значительнымъ ростомъ промышленности и торговли, иллюстрированнымъ цифрами въ статьѣ М. Фабричнаго «Борьба за колоніи».

Въ процессѣ войны въ средѣ пролетаріата опредѣлились два направленія: національное и интернаціональное. Выясненію ихъ роли и ихъ развитія посвящена вторая статья сборника: «Два направленія» В. Павлова. Національное направленіе

ведетъ свою родословную отъ оппортунизма Западной Европы, отъ заявленій Бернштейна о необходимости колоній, о необходимости поддержки колоніальной политики съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата. Изъ него выросъ гражданскій миръ, примиреніе классовъ, забвеній противорѣчій между ними и отрицаніе международности, которая была лишь «парадной фразой, которой по праздникамъ обмѣнивались между собою главари отдѣльныхъ пролетарскихъ движеній» (стр. 20). Второе направленіе — интернаціональное, — разсматривало событія съ международной точки зрѣнія и въ связи съ международными экономическими отношеніями. «Объективное экономическое развитіе перерастаетъ тѣ формы, въ которыя оно заключено, и ставитъ задачу разрѣшенія его въ интернаціональномъ масштабѣ» (стр. 21). Его предтечей въ мирное время было ортодоксальное направленіе марксистской мысли, отношеніе которой къ вопросу очень ярко выражено Гильфердингомъ въ его «Финансовомъ капиталѣ»: убѣжденіе, что политика финансоваго капитала необходимо ведетъ къ военнымъ осложненіямъ, а, слѣдовательно, и къ тому, что разразятся революціонные ураганы, не можетъ не отвратить пролетаріатъ отъ его непримиримой вражды къ милитаризму и военной политикѣ. Наоборотъ, побѣды пролетаріатъ можетъ достигнуть лишь въ постоянной борьбѣ съ этой политикой, потому что только тогда онъ окажется наслѣдникомъ послѣ той катастрофы, къ которой неизбѣжно ведетъ эта политика» («Финансовый капиталъ», стр. 566). Война углубила оба старыя теченія: она обострила классовыя противорѣчія и еще болѣе рѣзко поставила ихъ въ порядокъ дня.

О задачахъ и чаяніяхъ либеральной русской демократіи говоритъ М. О. въ статьѣ «Первые итоги». Онъ подводитъ итоги развитію либеральной мысли и обоснованію тѣхъ задачъ, которыя она ставила при открытіи военныхъ дѣйствій. Активъ либеральной мысли весьма малъ: точнѣе, онъ сводится къ нулю. Всѣ разговоры о сокрушеніи нѣмецкаго милитаризма, объ освобожденіи мелкихъ народовъ, о контрибуціи съ побѣжденной Германіи, о демократизаціи Россіи — все это, по мнѣнію автора, были лишь пышныя фразы со стороны либеральной буржуазіи, выброшенныя за бортъ по минованіи надобности... На ихъ развалинахъ взамѣнъ возникъ знаменитый парламентскій блокъ, который приспособилъ требованія либеральной буржуазіи къ пожеланіямъ реакціонныхъ элементовъ и запрягъ вмѣстѣ «коня и трепетную лань»... Созданію этого дѣтища либерально-реакціонной мысли — блока — и его исторіи посвящена статья И. Степанова: «О парламентскомъ блокѣ».

«Прогрессивный блокъ» — самая серьезная организація общественныхъ силъ, которая является завершеніемъ дѣятельности Земскаго и Городского союзовъ, военно-промышленныхъ комитетовъ и пр., и которой приходится развивать свою дѣятельность въ условіяхъ обостряющагося экономическаго кризиса. О послѣднемъ говоритъ Б. Авиловъ въ статьѣ «Экономическія перспективы». Ходячее мнѣніе не однихъ только обывателей, но и многихъ буржуазныхъ экономистовъ о ростѣ благосостоянія всего народа въ связи съ войной, авторъ опровергаетъ анализомъ взаимоотношеній послѣ Русско-японской войны.

Современная война происходитъ въ грандіозномъ масштабѣ, а потому и послѣдствія ея должны отвѣчать ея размаху. Первымъ и самымъ важнымъ послѣдствіемъ ея явится громадный ростъ задолженности воюющихъ государствъ, причемъ для Россіи «расходы составятъ отъ 20 до 30 милліардовъ рублей за два года войны» (стр. 56—57). Но это еще не все. Ликвидація войны повлечетъ за собой еще болѣе значительные расходы. Слѣд-

ствіемъ этого явится общее пониженіе темпа промышленной жизни, урѣзываніе всѣхъ культурныхъ и просвѣтительныхъ нуждъ народа и пр... Такимъ образомъ, «война можетъ привести къ задержкѣ въ развитии производительныхъ силъ страны и пониженію благосостоянія населенія» (стр. 59). Таковы могутъ и должны быть послѣдствія нынѣшней войны, поскольку не произойдутъ серьезныя измѣненія въ общемъ положеніи страны.

А. Витимскій въ статьѣ «Облетѣли цвѣты» опять возвращается къ вопросу прогрессивнаго блока. Блокъ требовалъ отъ демократіи поддержки своихъ стремленій, а взамѣнъ обѣщалъ весьма урѣзанныя реформы. Близорукіе элементы буржуазіи обѣщали ему моральную поддержку... въ то время, когда онъ уже отказывался отъ собственныхъ требованій и желаній, все больше цѣпляясь за компромиссъ съ умѣренными правыми элементами въ Думѣ. Блокъ занимается жвачкой никому ненужныхъ законопроектовъ, старается соединить пожеланія крайней правой со стремленіями либерализма.

Статья М. Фабричнаго: «Современное экономическое положеніе пролетаріата Западной Европы» выясняетъ вопросы, связанные съ матеріальнымъ положеніемъ рабочаго класса воюющихъ странъ... Всѣ объективныя данныя говорятъ за то, что положеніе рабочихъ послѣ войны не можетъ сразу улучшиться и, безусловно, рабочимъ придется строить свое будущее въ этихъ, очень тяжелыхъ условіяхъ...

Сборникъ затрагиваетъ и освѣщаетъ многіе волнующіе вопросы и заслуживаетъ серьезнаго вниманія, особенно на фонѣ голосовъ продажной и непродажной прессы, которые такъ громко раздаются сейчасъ, которые такъ злобно клевещутъ на всѣхъ несогласныхъ съ ними.

Р. Арскій.

Roberto Paribeni. L'Italie eil Mediterranco orientale. Fd. «L'Italiana». Roma 1916. P. 105+VII. Lire 2.

Роберто Парибени. Италія и Средиземный востокъ*.

Книжка эта принадлежитъ къ серіи изданій «Problema nazionali», организованной итальянскими боевыми имперіалистами изъ «L'Idea Nazionale». Принято почему-то думать, что это теченіе слабо представлено въ южномъ королевствѣ: у націоналистовъ (такъ называется здѣсь имперіалистская партія) только одинъ крупный органъ, въ парламентѣ ихъ четыре, кажется, человѣка, и въ «національномъ министерствѣ» имъ удалось получить лишь скромный портфель товарища министра колоній для деп. Фоскари. Но, воистину, малъ золотникъ, да дорогъ: никто въ ультра-реторической Италіи не вскрывалъ съ такой прямотой и ясностью всѣхъ сложныхъ проблемъ, вызванныхъ войной; никто съ такимъ мужествомъ и послѣдовательностью не ставилъ точекъ надъ і, какъ эта партія «четырехъ кошекъ», какъ выражаются здѣсь. Такъ, когда вспыхнула міровая война, націоналъ-имперіалисты были первыми въ Италіи, кто понялъ невозможность для *державы* оставаться нейтральной безъ потери «престижа» и соотвѣтствующаго мѣста въ «концертѣ», и такъ какъ въ іюлѣ 1914 года Италія была вѣрной союзницей Германіи и Австріи,—націоналисты требовали отъ своего правительства выполненія обязательствъ... Когда-же вопросъ о присоединеніи къ австро-германской коалиціи отпалъ, націоналисты немедленно, ничтоже сумняшеся, принялись за ревностную агитацію интервентизма противъ центральныхъ державъ.

Націоналистамъ же принадлежитъ честь упорной пропаганды идеи аннексіи Далмаціи, въ то время, какъ другіе трусливо-дипломатически молчали или говорили жалкія слова. И что-же? Годъ спустя, *вся* входящая въ «національный блокъ» общественность съ оговорками или

безъ оныхъ—принимаетъ этотъ важный пунктъ имперіалистской программы. Да и на ряду другихъ вопросовъ «L'Idea Nazionale» имѣетъ каждый разъ возможность горделиво заявлять, что, мало-по-малу, наши тезисы принимаются широкими общественными кругами.

Рецензируемая книжка даетъ намъ достаточно отчетливое представленіе о «восточной» программѣ націоналистовъ, имѣющей, подобно случаю съ Далмаціей, всѣ шансы стать «общенаціональной» программой.

Основнымъ постулатомъ автора является то неоспоримое, по его мнѣнію, обстоятельство, что Оттоманская имперія не можетъ выйти нетронутой изъ войны, если даже допустить, что она сохранится въ какомъ-либо видѣ. «Нельзя себѣ представить, чтобы Россія хотѣла отказаться отъ Арменіи и Месопотаміи, куда она такъ долго стремилась и которыя такъ блестяще завоевала. Что-же можно дать Россіи въ видѣ преміи?» На западной границѣ—очень мало, остается Востокъ.

Авторъ останавливается на армянскомъ вопросѣ и приходитъ къ выводу о необходимости освобожденія Арменіи подъ верховенствомъ Россіи. Это освобожденіе, благородное само по себѣ, къ тому же счастливо сочетается съ итальянскими интересами: «Полезно имѣть въ Малой Азіи христіанское населеніе, которое не дало поглотить себя греческой церкви и не уступило, не расположено уступить передъ той удивительной ассимиляціонной силой, какой является эллинизмъ». Далѣе, въ пользу расчлененія Турціи говоритъ необходимость покарать Германію въ ея самомъ чувствительномъ пунктѣ—Багдадской дорогѣ.

Авторъ не увѣренъ, будетъ-ли война имѣть своимъ результатомъ «завоеваніе Константинополя для западной цивилизаціи». «—Но если-бъ это случилось,—продолжаетъ онъ,—было-бы исключительной странностью, что при освобожденіи Византіи присутствуютъ донскіе казаки, ново-зеландцы и даже сингалезцы; но если при этомъ не доставало бы потомковъ Константина Августа, Энрико Дандоло и Себастьяна Веніеро —это было-бы исторически чудовищно». Но даже если дѣло до Константинополя не дойдетъ, можетъ-ли отсутствовать Италія при измѣненіяхъ границъ, распредѣленіяхъ «сферъ вліянія», комиссіяхъ «контроля» и т. под.? И авторъ начинаетъ очень краснорѣчиво обосновывать тезисъ, что «Италія болѣе всѣхъ другихъ странъ заинтересована въ восточномъ вопросѣ». Прежде всего «историческія традиціи»: Сципіонъ, Лукуллъ, Сулла, Цезарь, Антоній, Октавіанъ...

Затѣмъ Италіи необходимо имѣть обезпеченными уголь, зерно и хлопокъ. Но если топливо Италія еще можетъ получать сухопутьемъ или использованіемъ гидравлическихъ силъ, то зерно и хлопокъ ей можетъ дать лишь южная Анатолія, чтобы не подвергаться риску быть взятой когда-либо изморомъ.

Авторъ жалуется, что итальянская эмиграція носила до сихъ поръ рабскій характеръ: итальянцы отправлялись въ чужія страны для выполненія самыхъ тяжелыхъ и унизительныхъ работъ. Теперь необходимо, чтобы эмигрировали тѣ, кто можетъ быть независимымъ и свободнымъ. Турція даетъ возможность такой именно господствующей «эмиграціи», ибо тамъ имѣются тѣ, кто сможетъ выполнять наиболѣе низкія роли...

Въ конкретныхъ терминахъ программа автора такова, -программа, основанная еще на положеніи вещей ante bellum; «итальянская сфера вліянія беретъ начало у залива Скаланова и идетъ на югъ отъ англійской желѣзной дороги Аидинъ и рѣки Мендересу, касается озеръ Эгердира, снова спускается на югъ вдоль Коніа—Адана по Багдадской жел. дор. и заканчивается въ заливѣ Александретты, или по меньшей мѣрѣ вплоть до порта Юмурталыкъ, влѣво отъ Александретты, «порта, для насъ необходимаго» Но все это, повторяемъ, проектъ на основѣ ante bellum При ликвидаціи-же нѣмецка-

го наслѣдства, авторъ требуетъ для Италіи права на «контроль» опредѣленнаго участка Багдадской дороги. Возможное увеличеніе «сферъ вліянія» другихъ державъ должно увеличить также и «компенсаціи» Италіи. На этотъ предметъ заботливый авторъ оставляетъ Александретту, Конію и Смирну.

Скажутъ, что все это бредни или романтическія мечтанія небольшой кучки имперіалистскихъ фантазеровъ. Также точно говорили—и, между прочимъ, годъ тому назадъ — о Далмаціи... Могу добавить, что вся печать, не только «Idea Nazi·nale», теперь много вниманія удѣляетъ все тому же Востоку и все, приблизительно, въ духѣ г. Пагибени. Такъ, могу сослаться на недавнюю статью сенатора Франкетти въ «Corriere della Sera» о «компенсаціяхъ» Италіи на Востокѣ, если Англія будетъ настаивать на сохраненіи Александретты за собой. . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Раф. Григорьевъ.

Arthur Holitscher. Das amerikanische Gesicht.

Артуръ Голичеръ—одинъ изъ интереснѣйшихъ молодыхъ писателей Германіи; человѣкъ, мыслящій соціально и занимающій очень лѣвую позицію, стоящій на границѣ между соціализмомъ типа Либкнехта и анархосиндикализмомъ типа Фридеберга, онъ опубликовалъ за послѣднія десять лѣтъ цѣлый рядъ романовъ, изъ которыхъ романъ «Отравленный колодезь» имѣлъ крупный успѣхъ, а также двѣ драмы, въ свою очередь замѣченныя даже широкой критикой и публикой.

Но, быть можетъ, наибольшій успѣхъ имѣла его книга: «Америка сегодняшняго и завтрашняго дня». Этотъ большой томъ выдержалъ уже семь изданій и даетъ богатый съ почти научной четкостью и въ то же время высокимъ лиризмомъ зарисованный матеріалъ впечатлѣнія отъ самыхъ многообразныхъ сторонъ американской соціальной и культурной жизни.

Какъ демократъ, Голичеръ стремился, конечно, сдѣлать свою книгу какъ можно болѣе доступной широкимъ массамъ. Какъ интернаціоналистъ, онъ считалъ особенно важнымъ переиздать свои объективныя, еще до войны сдѣланныя наблюденія и выводы въ моментъ, когда между Германіей и Америкой стали быстро накопляться тяжелыя недоразумѣнія.

Руководясь этимъ желаніемъ, Голичеръ выбралъ изъ своей большой книги сто пятьдесятъ наиболѣе яркихъ и существенныхъ страницъ и издалъ ихъ въ видѣ дешевой книги подъ названіемъ: «Лицо американца».

Успѣхъ ея въ Германіи былъ великъ, несмотря на точку зрѣнія, глубоко отличную отъ той, которую выростило массовое озлобленіе. Нельзя не пожелать перевода этой замѣчательной книги и на русскій языкъ.

Въ новомъ изданіи своего сочиненія Голичеръ даетъ намъ десять отдѣльныхъ этюдовъ. Стараясь быть объективнымъ, Голичеръ ни на минуту не смягчаетъ тѣхъ страшныхъ вещей, которыхъ пришлось ему быть свидѣтелемъ въ странѣ самаго острого и беззастѣнчиваго капитализма. Онъ даетъ выраженіе всему тому ужасу, которымъ сжималось его сердце передъ такими фактами. Онъ не затушевываетъ, однако, и своихъ восторговъ передъ фактами противоположнаго порядка. Изъ маленькой книги читатель какъ разъ выноситъ прежде всего впечатлѣніе о колоссальныхъ, почти непостижимыхъ противорѣчіяхъ этой молодой, кипучей, безжалостной и въ то же самое время свободной и гуманной культуры.

Въ этюдѣ «Чикаго» передъ нами возникаетъ пугающій, кошмарный портретъ этого города, этой Сверхъ—Америки! Еще болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ этюдъ «Кошка на рояльной фабрикѣ». Съ

огромной яркостью изображаетъ здѣсь Голичеръ передъ читателемъ сущность и послѣдствія знаменитаго тейлоровскаго метода. Глава кончается ошеломляюще. На одной рояльной фабрикѣ боссъ, то-есть, своего рода надсмотрщикъ надъ бѣлыми рабынями, замѣтилъ, что въ атмосферѣ мертвящей скуки работа злополучныхъ, превращенныхъ въ механизмъ человѣческихъ существъ не спорится. Умный боссъ, выжавъ все, что можно было, изъ физической трудоспособности дѣвушекъ, рѣшилъ еще подойти къ нимъ и съ психологической стороны. Онъ завелъ для мастерской хорошенькую кошку, которая тотчасъ сдѣлалась любимицей молоденькихъ рабынь капитала. И что же? Жизненный тонусъ дѣвушекъ поднялся: благодаря кошкѣ, боссу удалось выжать изъ нихъ для хозяина еще нѣкоторое количество прибавочнаго труда!

«Я заболѣлъ отъ Чикаго!» — говоритъ Голичеръ. «Въ этомъ городѣ впервые во всей красѣ предсталъ передо мною кровавый позоръ современной цивилизаціи. Прочь отсюда! Но куда? Развѣ можно убѣжать куда-нибудь изъ современнаго ада, развѣ не весь міръ сейчасъ охваченъ имъ?».

И вдругъ Голичеръ ведетъ васъ въ чикагскія школы, знакомитъ васъ съ чикагскими учительницами, и вмѣстѣ съ нимъ вы проникаетесь восторженнымъ чувствомъ умиленія и нѣжности къ этимъ подлинно героическимъ труженицамъ самой высокой гуманности.

Черезъ своеобразную республику дѣтей преступниковъ во Фривилѣ онъ ведетъ васъ къ знаменитому «другу дѣтей» въ Денверѣ, «честному Бену», судьѣ дѣтскаго суда. Эта глава написана со всѣмъ нѣжнымъ юморомъ, на который способенъ нашъ художникъ, и по манерѣ сильно напоминаетъ нѣкоторыя страницы изъ американскихъ очерковъ Короленко.

И вновь раскрывается передъ нами адъ дѣтскаго труда. А потомъ изумляетъ насъ сверхчеловѣческая энергія, съ которой возникъ изъ развалинъ Санъ-Франциско, и волнуетъ титаническая борьба въ этомъ городѣ демократіи и хищнаго капитала, опирающагося на желтую прессу.

А рядомъ—и это одинъ изъ лучшихъ очерковъ: Чотоква—знаменитая дача-университетъ, цѣлый городъ, посвященный наукѣ и идеальнымъ потребностямъ человѣка.

Чернымъ силуэтомъ проносится передъ вами Эллисъ-Эйландъ, средоточіе эмигрантскаго горя. Затѣмъ идутъ этюды, посвященные негритянскому вопросу, церкви и прессѣ.

Суммирующимъ очеркомъ является глава «Американское безпокойство».

Голичеръ высказываетъ то мнѣніе, что характеристика американца, какъ человѣка жаднаго къ наживѣ, какъ охотника за долларами, никуда не годится—она одностороння, она принимаетъ часть за цѣлое. Но дѣйствительно есть одна общая всѣмъ американцамъ черта. Это огромная, словно невмѣщающаяся въ ихъ организмѣ энергія. Эмиграція наиболѣе рѣшительныхъ элементовъ и цѣлый рядъ географическихъ и соціально-историческихъ условій сдѣлали американцевъ какимъ-то динамитнымъ народомъ: безпокойство, стремленіе, бѣшеный темпъ труда, рѣшительность въ доведеніи всякаго дѣла до конца—характеризуютъ Америку.

По мнѣнію Голичера, она стоитъ на вулканѣ. Въ ней накопился необычайно взрывчатый горючій матеріалъ. Голичеръ свидѣтельствуетъ, что все американское общество проникнуто тревожнымъ ожиданіемъ катастрофы. По его словамъ даже представители высшихъ классовъ не безъ нѣкотораго удовольствія предвидятъ ее, ибо понимаютъ, что создавшееся неуравновѣшенное положеніе длиться не можетъ и что Америка должна какъ-нибудь выйти изъ рѣжущаго противорѣчія между энергично проведеннымъ не только въ области политическихъ формъ, но и въ области образованія демократизмомъ и фактической наглѣй-

шей, преступной олигархіей, осуждающей большинство американскаго народа на каторжную жизнь и раннюю смерть.

«Здѣсь, въ Америкѣ,—говоритъ Голичеръ,—рѣзче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, постигаешь разницу между революціей и эволюціей. Офиціальные соціалисты забываютъ это. Они не понимаютъ, какъ не подходящъ для нихъ примѣръ французскихъ Жоресовъ и Мильерановъ, или Германіи, находящейся на пути отъ Бебеля къ тому же Мильерану. Но когда смотришь со стороны на ту остервенѣлую быстроту, съ которой развертываетъ капиталъ въ Америкѣ всѣ присущія ему черты и возможности, когда видишь, какъ онъ свертывается въ тресты, концентрируется въ рукахъ десяти, шести, трехъ золотыхъ царей, такъ что вскорѣ подъ какимъ-нибудь шотландскимъ или ирландскимъ именемъ предстанетъ передъ нами самъ богъ Мамонъ, съ неограниченной властью, господствующій съ Валь-Стрита надъ міромъ, то понимаешь, что пути американской рабочей демократіи не могутъ не быть грозными и рѣшительными».

И еще одинъ любопытнѣйшій фактъ констатируетъ Голичеръ. «Въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ, онъ,—нѣтъ ни одного, дѣйствительно, талантливаго и знаменитаго писателя, который не былъ бы соціалистомъ».

Голичеръ даетъ въ руки читателю много фактовъ и нитей, владѣя которыми легче разобраться въ огромныхъ событіяхъ, частью сейчасъ происходящихъ, частью готовящихся въ заатлантической республикѣ, поставленной европейскою войной въ небывалое положеніе.

А. Луначарскій.

A. Bossert. «Herder, sa vie et son oeuvre». Hachttee et C°. Paris.

Чрезвычайно рѣдки даже среди избранныхъ представителей интеллигенціи, голоса, подымающіеся противъ безобразнаго похода ученыхъ и литераторовъ однихъ враждующихъ народовъ на науку и литературу другихъ. Во Франціи на голову читателей упалъ цѣлый водопадъ разныхъ болѣе или менѣе научно обставленныхъ развѣнчиваній всего нѣмецкаго. Нѣсколько чаще, чѣмъ протестъ противъ злопыхательной недобросовѣстной критики всего исходящаго отъ политически враждебнаго народа въ настоящій моментъ—встрѣчаются во Франціи голоса, старающіеся остаться справедливыми по крайней мѣрѣ къ культурному прошлому Германіи цѣною рѣзкаго противопоставленія того прошлаго—настоящему.

Такимъ же противопоставленіемъ занимается и французскій историкъ нѣмецкой литературы Боссеръ въ своей высоко замѣчательной біографіи Гердера. Онъ даже поспѣшилъ наградить великаго мыслителя особой кличкой: освобожденный пруссакъ!

Но во всякомъ случаѣ книга Боссера оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе. Гердеръ, несмотря на войну, остался для Боссера великимъ учителемъ, истиннымъ основателемъ новѣйшаго гуманизма. По словамъ Боссера, идеалъ Гердера является основой подлинной духовно-нравственной культуры. Стремясь найти общечеловѣческое и вѣчно-человѣческое, Гердеръ, по словамъ его біографа, воздавая должное и національному принципу, сумѣлъ все же подняться надъ ограниченностью отдѣльныхъ народовъ на высоту европейской и человѣческой культуры. Онъ былъ универсалистомъ въ лучшемъ смыслѣ слова и думалъ, что главной задачей человѣчества является накопленіе матеріальныхъ и въ особенности духовныхъ сокровищъ на пользу всѣмъ—общими силами.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

А. Луначарскій.

Кир. Левинъ. Русская исторія въ простыхъ разсказахъ. Москва. Изд. К. Ф. Некрасова. MCMXIV г. Цѣна 1 р.

Разсказы по русской исторіи. Общедоступная хрестоматія съ рисунками. Составлена кружкомъ преподавательницъ подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго. Изд. 3-е «Задруги». Москва. 1915 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Авторъ первой книжки ставитъ своей задачей—«въ доступномъ разсказѣ дать начинающему читателю рядъ правильныхъ представленій изъ исторіи Россіи». Такъ какъ, по мнѣнію автора, «голыхъ, безжизненныхъ схемъ по русской исторіи дано и безъ того слишкомъ много», то онъ въ своихъ разсказахъ стремится быть прежде всего занимательнымъ и останавливается, главнымъ образомъ, на «видныхъ историческихъ фигурахъ и на замѣчательныхъ событіяхъ». Такое отвращеніе къ «схемамъ» привело, однако, къ тому, что авторъ, пытаясь внушить читателю «рядъ правильныхъ представленій изъ исторіи Россіи» (курсивъ нашъ А. К.), не далъ ему путеводной нити, съ помощью которой онъ могъ бы разобраться въ изображаемыхъ событіяхъ и составить себѣ единое и правильное представленіе о всемъ ходѣ русской исторіи. Тамъ, гдѣ отсутствуетъ такое представленіе, нѣтъ и исторіи, нѣтъ ея и у г. Кир. Левина.

Несмотря на то, что онъ касается въ своихъ разсказахъ не однихъ только событій, но и «состояній»,—его очерки о народномъ хозяйствѣ, составѣ населенія, политическомъ устройствѣ древней Руси связаны между собой лишь внѣшне и мало объясняютъ событія, на которыхъ останавливается больше всего авторъ. Особымъ вниманіемъ у него пользуются «народныя движенія», начиная отъ смуты XII—XVII вв. и кончая «смутой 1905 г.», но и здѣсь въ его разсказахъ «историческія фигуры» заслоняютъ собою народныя массы. Въ своемъ изложеніи авторъ не отступаетъ отъ традиціоннаго дѣленія исторіи по княженіямъ и царствованіямъ, но хуже всего то, что исторію у него часто «дѣлаютъ» носители власти, которые какъ-бы стоятъ надъ классами и пекутся объ общемъ благѣ.

Первые князья, по мнѣнію автора, «не мало поработали для русской земли», «объединили разныя племена, образовали одно государство», а православная церковь ратовала противъ рабства, превращая рабовъ въ монастырскихъ крѣпостныхъ, стремилась внести справедливость въ судѣ, обращая усиленное вниманіе на нравственность населенія. Въ своихъ разсказахъ о древней Руси авторъ не сумѣлъ или не попытался сдѣлать болѣе свободнаго выбора матеріала и обработки его, вслѣдствіе чего впечатлѣніе отъ этихъ разсказовъ получается двойственное.

Гораздо лучше и интереснѣе изложенъ въ разсматриваемой книжкѣ XIX вѣкъ, особенно вторая его половина. И здѣсь, конечно, отразилось отсутствіе объединяющей точки зрѣнія,—но можно отмѣтить за то цѣлый рядъ очерковъ, вполнѣ удачныхъ,—напримѣръ, о русско-турецкой войнѣ, о царствованіи Александра III, о крестьянахъ послѣ освобожденія. Разсказъ о «жизни рабочихъ во 2 половинѣ XIX в.»—вышелъ бы гораздо ярче, еслибъ авторъ попытался изобразить самый процессъ образованія у насъ пролетаріата; у него пролетарій всплылъ на поверхность русской жизни какъ-то неожиданно: произвели въ 1897 году всеобщую перепись населенія и вдругъ оказалось 7 милліоновъ пролетаріевъ.

Въ заключеніе приходится пожалѣть, что авторъ, обладая большими данными для доступнаго и, дѣйствительно, занимательнаго изложенія, построилъ свои разсказы на ложномъ основаніи и тѣмъ въ значительной степени обезцѣнилъ свою попытку. Его книжку все же можно рекомендовать читателю, особенно вторую часть ея.

Хрестоматія, составленная кружкомъ преподавательницъ, имѣетъ въ виду болѣе подготовленнаго читателя, чѣмъ «простые разсказы» г. Кир. Левина, но вмѣстѣ съ тѣмъ разсчитана и на то, что ее возьмутъ въ руки и «лица малознакомыя, а, можетъ быть, и совсѣмъ незнакомыя съ отечественной исторіей». Въ виду этого отдѣльные отрывки расположены въ книгѣ такимъ образомъ, «чтобы передъ читателемъ по возможности ясно протекалъ ходъ историческаго процесса». Какъ видимъ, составительницы и редакторы Хрестоматіи исходятъ изъ принципа, противоположнаго тому, какой мы видѣли у предыдущаго автора. По ихъ мнѣнію, надо или совсѣмъ отказаться отъ попытки ознакомленія начинающаго читателя съ исторіей или же давать ему «дѣйствительную исторію, а не собраніе ничего не говорящихъ фактовъ и анекдотовъ». По содержанію хрестоматія не однородна по своему качеству и въ этомъ отношеніи раздѣляетъ судьбу всѣхъ коллективныхъ сборниковъ, но, въ общемъ, вполнѣ удовлетворяетъ своей цѣли, на что указываетъ и успѣхъ этой книги, вышедшей уже 3 изданіемъ. Редакторы правы: книга нашла своего читателя, не слѣдуетъ только чрезмѣрно расширять ея задачи, такъ какъ учебной книгой, на что надѣются составительницы, она служить не можетъ, но въ качествѣ пособія и книги для чтенія будетъ весьма полезной.

А. К—въ.

К. Тахтаревъ. Соціологія, какъ наука. Петроградъ. Книгоиздательство «Жизнь и Знаніе». 1916 г. Цѣна 1 рубль.

Настоящая работа является, по словамъ г. Тахтарева, частью болѣе обширнаго труда, готовящагося къ печати и представляющаго собою «опытъ системы соціологіи, какъ науки о явленіяхъ общественной жизни и ея закономѣрности». Она составилась изъ лекцій, читанныхъ авторомъ на высшихъ курсахъ Лесгафта и въ Психо-Неврологическомъ институтѣ. Въ книжкѣ четыре главы: I. Закономѣрность. II. Исторія понятій о закономѣрности общественной жизни. III. Своеобразность явленій общественной жизни. Необходимость и возможность соціологіи. Ея предпосылки. IV. Задачи и методы соціологіи.—Не касаясь основныхъ соціологическихъ проблемъ по существу, г. Тахтаревъ поставилъ себѣ задачу доказать, что соціологія, какъ наука, необходима и возможна. Доказательству этого и посвящена большая часть 80 страницъ книжки. Правда, самый способъ доказательства можно было бы избрать другой. Слѣдовало бы, напримѣръ, привести главнѣйшія изъ возраженій противъ возможности соціологіи, какъ особой науки, и подвергнуть эти возраженія критикѣ. Авторъ пошелъ инымъ путемъ, руководствуясь не столько ближайшими, сколько послѣдующими заданіями той своей работы, частью которой является разсматриваемый трудъ, представляющій, вѣроятно, начальныя главы этой работы. Въ первой главѣ «Закономѣрность» авторъ, исходя изъ пониманія закона, какъ «выраженія правильной повторяемости и необходимаго соотношенія явленій», доказываетъ, что это пониманіе закона вполнѣ приложимо и къ явленіямъ общественной жизни людей. Во второй главѣ дается краткій историческій очеркъ развитія понятія соціальной закономѣрности. Высоко цѣнитъ авторъ Аристотеля, видя въ немъ «истиннаго основателя общественно-группового пониманія явленій соціально-политической жизни, и считая его «первымъ теоретикомъ классовой борьбы». Зачатки научнаго изученія общественныхъ явленій авторъ видитъ въ трудахъ, впервые появившихся въ 17 вѣкѣ и носившихъ названіе «политическихъ ариѳметикъ» (напр., Political Arithmetic Вильяма Петти). Въ трудахъ Конта, и Кетле, по его мнѣнію, заложены начала, сліяніе которыхъ (если бы оно произошло) могло бы поста-

вить соціологію на собственныя ноги. Маркса онъ правильно именуетъ Ньютономъ соціологіи, создавшимъ для дальнѣйшаго развитія этой науки надежный и твердый фундаментъ.

Переходя въ третьей главѣ къ обоснованію необходимости и возможности соціологіи, авторъ отмѣчаетъ, во-первыхъ, своеобразный характеръ явленій сожитія и общенія, требующихъ «особой научной дисциплины для своего изученія» и констатируетъ, во-вторыхъ, тотъ фактъ, что «существующія общественныя науки занимаются изученіемъ самыхъ различныхъ сторонъ и областей общественной жизни», которая, однако, должна быть изучена также, какъ нѣчто единое и цѣльное, что и составляетъ основную задачу соціологіи. Заслуживаетъ вниманія указаніе автора на необходимость для соціолога предварительнаго и основательнаго ознакомленія съ антропологіей и мезологіей (наукой о средѣ). Антропологію авторъ опредѣляетъ, какъ науку о жизни человѣка. Необходимо понять, — утверждаетъ онъ, — что содержаніемъ человѣческой жизни является удовлетвореніе потребностей. Изучивъ потребности человѣка и расположивъ ихъ въ порядкѣ ихъ важности для жизни, соціологъ получитъ твердую точку опоры для пониманія всего строя общественныхъ отношеній между людьми. Но этого мало: «Для дальнѣйшаго пониманія явленій общественной жизни необходимо не только знать, что представляетъ собою человѣкъ вообще, но и то, что представляетъ собою данный историческій человѣкъ, стоящій на опредѣленной ступени культуры». Такимъ образомъ, всякое соціологическое изученіе должно опираться на предпосылки троякаго рода: знаніе природы человѣка вообще, знаніе свойствъ и особенностей человѣка опредѣленной ступени культуры и знаніе тѣхъ естественныхъ условій, въ которыхъ данный человѣкъ живетъ. Въ послѣдней главѣ мы находимъ соображенія о задачахъ и методахъ соціологіи. Двѣ основныхъ задачи, по мнѣнію автора, пытается разрѣшить эта наука: 1) изученіе отдѣльныхъ явленій общественной жизни, путемъ ея анализа и 2) выясненіе соотношенія соціальныхъ явленій и установленіе закономѣрности соціальной жизни. Минуя соображенія автора о методахъ изученія соціальныхъ явленій (интересны, между прочимъ, его соображенія о значеніи о п ы т а въ соціологической наукѣ), замѣтимъ, что производимое г. Тахтаревымъ опредѣленіе задачъ соціологіи надо признать слишкомъ общимъ, и поэтому не дающимъ достаточно яснаго понятія о всемъ своеобразіи чисто соціологическихъ проблемъ. Опредѣленіе автора годится для любой науки. Между тѣмъ, слѣдовало бы въ интересахъ дѣла дать хотя бы самую бѣглую характеристику специально соціологическихъ проблемъ. Это было-бы важно, во-первыхъ, для тѣхъ читателей, которые уже вкусили нѣчто отъ древа познанія современной соціологической неразберихи и для которыхъ общія соображенія неубѣдительны. Это дало бы, во-вторыхъ, болѣе ясное представленіе о задачахъ соціологіи читателямъ, которые только-что начинаютъ знакомиться съ этой наукой. Отсутствіе указаній на соціальныя проблемы соціологической науки лишаютъ и насъ возможности занять по отношенію къ собственной системѣ автора опредѣленную позицію. Что же касается тѣхъ общихъ соображеній о возможности соціологіи, какъ науки, которыми главнымъ образомъ, оперируетъ авторъ, то цѣнность ихъ можетъ быть доказана только путемъ удачнаго построенія научной системы соціальной науки. Во всякомъ случаѣ, какъ начало систематическаго изложенія соціологіи, книжка г. Тахтарева заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Ник. Андреевъ.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Соціальныя основы кооперацiи. Изд. Московскаго Народнаго университета имени А. Л. Шанявскаго. Москва. 1916 г. Стр. 521. Цѣна 3 р. 25 к.

Корни коопераціи авторъ ищетъ очень глубоко—въ ученіи утопистовъ 19-го столѣтія. Въ ихъ попыткахъ созданія коммунистическихъ общинъ онъ находитъ духовную связь съ современной кооперацiей. Эти попытки терпѣли неудачу: жизнь вдребезги разбивала коммунистическія общины, распыляла сплачивавшіяся группы, зло насмѣхаясь надъ мечтаніями идеалистовъ, и, однако, эти группы вновь и вновь возникали. Коммунистическія общины отрицали капиталистическій строй, но старались преобразовать его единственно лишь личнымъ примѣромъ, вліяніемъ и убѣжденіемъ.

Кооперація весьма существенно отличается какъ отъ коммунистическихъ общинъ, такъ равно и отъ капиталистическихъ предпріятій, и въ смыслѣ выясненія этихъ различій авторъ дѣлаетъ очень многое.

Классификація коопераціи сдѣлана имъ, можетъ быть, слишкомъ подробно, но по существу не охватываетъ всего содержанія понятія коопераціи.

Кооперативное движеніе, по мнѣнію автора, опредѣленно классовое движеніе, и въ этомъ онъ не соглашается съ апологетами внѣклассовой сущности коопераціи. Сообразно съ тремя важнѣйшими классами общества, нуждающимися въ помощи коопераціи и въ ея развитіи, существуютъ три рода ея: пролетарская, крестьянская и мелкобуржуазная кооперація. Съ другой стороны, каждая изъ нихъ распадается на производительную, потребительскую и кредитную. Сообразно съ нуждами и потребностями каждаго изъ заинтересованныхъ классовъ, развивается та или другая форма коопераціи. Для пролетарія наиболѣе важное значеніе имѣетъ кооперація потребительская, и потому она особенно успѣшно развивается въ городахъ съ рабочимъ населеніемъ. Принципы, на которыхъ она возникаетъ, это извѣстные рочдельскіе принципы, которые одни только обезпечиваютъ развитіе и ростъ коопераціи. Однако, потребительской коопераціей не исчерпываются формы рабочей коопераціи вообще, другія формы ея тоже могутъ имѣть болѣе или менѣе серьезное значеніе.

Въ книгѣ проф. Туганъ-Барановскаго приведены цѣнныя данныя относительно роста и развитія кооперативнаго движенія. Сравнивая эти данныя, мы видимъ неуклонный ростъ потребительской коопераціи среди рабочихъ, — особенно въ городахъ съ развитой промышленностью. Объединенія кооперативовъ въ отдѣльныхъ государствахъ и особенно болѣе широкія, выходящія за рамки государствъ, играли весьма и весьма серьезную роль, какъ центръ кооперативнаго движенія, откуда оно разливалось по периферіи. Напротивъ, производительная кооперація хотя и обнаруживаетъ извѣстный ростъ,—по темпу развитія значительно отстаетъ отъ потребительской коопераціи. Совершенно ничтожна для рабочаго движенія роль кредитныхъ кооперативовъ. Рабочіе нуждаются въ извѣстной помощи, главнымъ образомъ, какъ потребители, и эту помощь оказываетъ имъ кооперативъ. Въ видѣ исключенія они могутъ нуждаться въ помощи, какъ производители, объединенные въ артели, или въ кооперативныхъ производствахъ и пр., и меньше всего они нуждаются въ кредитномъ кооперативѣ. Это обстоятельство объясняетъ незначительный ростъ, даже почти полное отсутствіе кредитной коопераціи среди рабочихъ.

Другимъ большимъ классомъ, нуждающимся въ услугахъ коопераціи, является въ современномъ обществѣ крестьянство.

Крестьянская кооперація, глав-

нымъ образомъ, развита въ Германіи, гдѣ условія для ея роста и развитія въ средѣ «крѣпкаго крестьянства» были особенно благопріятны. Этотъ видъ кооперации построенъ на извѣстныхъ райффейзеновскихъ принципахъ, которые являются наиболѣе подходящими для трудового хозяйства крестьянина. Крестьянство, какъ классъ, главнымъ образомъ, нуждается въ кредитѣ, дающемъ ему возможность вести обособленное хозяйство, чѣмъ и объясняется успѣхъ и ростъ крестьянской кредитной кооперации.

Наконецъ, третій классъ, который, повидимому, долженъ-бы былъ нуждаться въ кооперативахъ—это мелкая ремесленная буржуазія. Однако, она почти совершенно не признаетъ этихъ формъ движенія. Впрочемъ, это неудивительно. Ремесленники по своему положенію и духу—чужды какому-либо объединенію. Они работаютъ исключительно на извѣстный имъ небольшой рынокъ, на заказчика и потребителя. Ремесленники крайне распылены, разбросаны по всей странѣ и только такимъ образомъ могутъ удовлетворять требованія заказчиковъ. У нихъ, собственно, нѣтъ рынка. Они работаютъ исключительно только на заказчика. Для нихъ объединеніе не является желательнымъ, такъ какъ реальной выгоды и удобствъ имъ не принесетъ. Поэтому, среди ремесленниковъ всѣ формы кооперации развиваются крайне слабо и медленно.

Таковы важнѣйшіе формы и виды кооперации. Изъ полнаго и всесторонняго разсмотрѣнія ихъ проф. Туганъ-Барановскій дѣлаетъ совершенно правильный выводъ, что кооперации присущъ характеръ классоваго движенія и что въ средѣ различныхъ классовъ кооперація принимаетъ особыя характерныя формы, наиболѣе отвѣчающія классовымъ интересамъ этихъ классовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительный противникъ всѣхъ тѣхъ, кто приписываетъ кооперации внѣклассовый характеръ. Единственно лишь связанная съ какимъ-либо классомъ кооперація сильна и можетъ развиваться. Однако, никакихъ опредѣленныхъ выводовъ изъ этихъ положеній авторъ не дѣлаетъ... Признавая классовый характеръ кооперативнаго движенія, онъ не устанавливаетъ связи и характера этого движенія съ политическимъ движеніемъ опредѣленныхъ классовъ, вообще, и въ частности пролетаріата.

Нагромождая софизмы, онъ старается доказать, что такого взаимодѣйствія нѣтъ, что оно невозможно, такъ какъ отъ этого погибло-бы все дѣло кооперации, что ровное и широкое теченіе ея отъ этого разбилось-бы на отдѣльные мелкіе ручьи. Вѣдь, тогда — «отказъ отъ принципа политическаго нейтралитета неизбѣжно приводитъ къ дробленію кооперации и къ уменьшенію ея силы» (стр. 511). Между тѣмъ, какъ извѣстно, развитіе общественныхъ отношеній все болѣе ведетъ къ усиленію дифференціаціи классовъ и къ опредѣленности ихъ политическихъ взглядовъ. Рабочій классъ все настойчивѣе высказываетъ свои симпатіи, далеко не платоническія, опредѣленнымъ классовымъ и политическимъ стремленіямъ, и, когда возникаетъ нѣсколько отдѣльныхъ рукавовъ движенія, другіе постепенно сливаются съ главнымъ русломъ, принимая его идеологію и позицію.

Такимъ образомъ, опасенія почтеннаго профессора въ той части ихъ, которая касается рабочаго класса, являются необоснованными и ослабленія движенія безусловно бояться не приходится.

Что касается крестьянской кооперации, то крѣпкое крестьянство по своей идеологіи является радикальнымъ въ политическихъ требованіяхъ и консервативнымъ въ области соціальныхъ отношеній. Соотвѣтственно этому оно такъ или иначе будетъ оріентироваться по опредѣленнымъ линіямъ классовой и политической идеологіи, и опять нѣтъ

причинъ опасаться для него ослабленія кооперативной дѣятельности.

Эти разсужденія въ области классовой идеологіи значительно ослабляютъ то серьезное впечатлѣніе, которое оставляетъ знакомство съ книгой проф. Туганъ-Барановскаго. Тѣмъ не менѣе, въ массѣ изданій, посвященныхъ вопросамъ кооперацiи, разсматриваемая книга является серьезнымъ и цѣннымъ вкладомъ, несмотря на нѣкоторые существенные недостатки, происходящіе изъ шаткости классовой позиціи автора.

Р. Арскій.

«Харьковскій календарь на 1916 г.». Изд. Харьковскаго Статистическаго Комитета, цѣна 1 р. 50 к.

«Кинешемскій календарь-ежегодникъ 1916 г.», изд. Кинешемскаго уѣзднаго земства, ц. 35 к.

Дѣятельность и способность къ организаціи общества отражается, между прочимъ, на его справочныхъ изданіяхъ и календаряхъ. Напряженная и налаженная общественная жизнь требуетъ хорошихъ, систематически разработанныхъ, полныхъ справочниковъ. И чѣмъ выше развита общественная работа, чѣмъ болѣе она организована, тѣмъ раціональнѣе составляются и различныя справочныя изданія, календари, указатели, тѣмъ разнообразнѣе самый ихъ типъ и схема.

Наши отечественные справочники, вполнѣ естественно, заставляютъ желать много лучшаго, ибо составляются въ атмосферѣ общественной разобщенности и дезорганизаціи, въ условіяхъ самыхъ, въ общественномъ смыслѣ, первобытныхъ. Взять хотя-бы «Харьковскій Календарь» Губернскаго Статистическаго Комитета, — все въ немъ плохо, начиная съ брошюровки. Какая-же это справочная книга, когда о т ъ п е р в а г о прикосновенія она разлетается по листамъ. Другимъ техническимъ препятствіемъ къ пользованію книгой являются 4 самостоятельныя нумераціи страницъ.

Переходя отъ «техники» къ системѣ, мы сразу наталкиваемся на полное отсутствіе единой схемы, одного принципа, по которому долженъ былъ расположиться весь справочный матеріалъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія повторяются дважды (общественныя организаціи). Земское и городское самоуправленіе со всѣмъ его многообразіемъ работы, «Календарь» втиснулъ частями въ различныя «вѣдомства», въ министерство внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, чѣмъ низвелъ на степень любой губернской канцеляріи; въ сущности, «Календарь» просто не даетъ картины мѣстныхъ органовъ самоуправленія.

Если плохи техника и система «Календаря», то содержаніе его еще хуже. Одно перечисленіе всевозможныхъ промаховъ взяло бы весьма много мѣста. Нѣтъ полнаго списка населенныхъ мѣстъ губерніи; не указаны годы основанія, число членовъ и обороты кооперативныхъ организацій; нѣтъ описанія медицинской организаціи въ уѣздахъ; нѣтъ свѣдѣній о Всероссійскомъ союзѣ городовъ, и т. д. и т. д. Списокъ общественныхъ учрежденій представляетъ собой полнѣйшій хаосъ, гдѣ рядомъ съ «Обществомъ испытателей природы» поставлено страховое общество «Якорь» (?) и т. д. и т. д. Календарь, изданный Харьковскимъ губернскимъ комитетомъ, не имѣетъ самыхъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ, иллюстрирующихъ хозяйственную и общественную жизнь губерніи, не даетъ ни одной таблицы, ни одного своднаго подсчета, ни одного описанія въ видѣ статьи или обзора.

Губернскіе статистическіе комитеты въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ сейчасъ, повидимому, не въ силахъ справиться съ задачей составленія исчерпывающихъ и живыхъ справочниковъ, ибо, являясь органомъ бюрократіи, статистическіе комитеты не могутъ понять и удовлетворить тѣ требованія, которыя предъявляетъ къ нимъ нарождающаяся новая общественная жизнь.

Значительно лучше издаются земскіе календари, напримѣръ, «Ежегодники» Кинешемскаго уѣзднаго земства.

Кинешемское уѣздное земство выпускаетъ свои «Ежегодники» вотъ уже 11-й годъ. Задачей этого изданія является дать населенію съ одной стороны необходимыя справочныя, такъ называемыя «календарныя» свѣдѣнія, а съ другой — познакомить съ текущей жизнью уѣзда, какъ въ экономическомъ, такъ и въ общекультурномъ отношеніи.

Однако, на нашъ взглядъ и Кинешемскій «Ежегодникъ» имѣетъ весьма крупные промахи, т. к. въ немъ отсутствуютъ многіе отдѣлы. Напримѣръ, нѣтъ данныхъ: о пространствѣ уѣзда, его лѣсовъ, пахотныхъ, выгонныхъ и другихъ земель, о нормахъ земельнаго обложенія, о движеніи населенія, его вѣроисповѣданія и занятіи и другихъ, необходимыхъ для справокъ статистическихъ свѣдѣній. Вызываетъ большія замѣчанія и фактическое выполненіе тѣхъ задачъ, которыя намѣчены имѣющимися въ «Ежегодникѣ» отдѣлами.

Сообщая о членахъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ отъ Костромской губерніи, «Ежегодникъ» умалчиваетъ объ ихъ партійной принадлежности; свѣдѣнія о Кинешемскомъ городскомъ управленіи крайне скудныя; неполны данныя о кооперативныхъ учрежденіяхъ уѣзда; описаніе города Кинешмы представляетъ собой перепечатку изъ книги, изданной въ 1861 году, и, конечно, не можетъ имѣть современнаго значенія. Цѣлый отдѣлъ «Ежегодника» посвященъ войнѣ и участію въ ней Кинешемскаго уѣзда. Непонятно отсутствіе въ этомъ отдѣлѣ указаній на организаціи помощи раненымъ, созданныя городскимъ управленіемъ и Союзомъ Городовъ. Составитель этого отдѣла не нашелъ также нужнымъ познакомить населеніе съ дѣятельностью и основами организаціи Земскаго и Городского Союзовъ. Говоря о различныхъ видахъ дѣятельности общес ва, вызванныхъ обстоятельствами военнаго времени, составитель не даетъ ни одной цифры, которая могла бы дать реальное представленіе о размѣрахъ работы въ указанныхъ областяхъ.

Гораздо лучше составленъ обзоръ въ той части, гдѣ рисуются различныя стороны земскаго хозяйства уѣзда.

Въ виду того, что «Ежегодникъ» на 1915 г. и 1916 г. является юбилейнымъ, въ немъ помѣщена большая статья, посвященная 50-лѣтію земскихъ учрежденій и дѣятельности Кинешемскаго земства за истекшія пятьдесятъ лѣтъ. Эта часть книги, составленная В. К. Казанскимъ, самая слабая въ «Ежегодникѣ» и производитъ мѣстами чрезвычайно печальное впечатлѣніе. Читатель къ своему удивленію узнаетъ въ этой статьѣ, что реакціонная реформа Александра III-го 12 іюня 1890 г. имѣла цѣлью «усилить участіе въ земскомъ дѣлѣ наиболѣе просвѣщеннаго круга избирателей». Далѣе въ статьѣ въ весьма розовомъ свѣтѣ говорится о преуспѣяніи земствъ, о благожелательномъ отношеніи къ нимъ правительства, отпускавшаго «щедрою рукою» денежныя средства на нѣкоторыя области земскаго хозяйства и т. д. и т. д. И ни слова нѣтъ о тѣхъ терніяхъ, которыми былъ усѣянъ земскій путь за 50 лѣтъ, о недостаткахъ въ избирательномъ правѣ и въ организаціи земской компетенціи, объ административной опекѣ, парализующей развитіе земскаго дѣла.

Печать приниженности и несамостоятельности лежитъ на «юбилейномъ» отдѣлѣ земскаго «Ежегодника», наглядно демонстрирующаго тяжесть той «пяты» дворянства и бюрократіи, подъ давленіемъ которой приходится совершать свою работу органамъ нашего земскаго самоуправленія».

Будемъ надѣяться, что близкое будущее, долженствующее обновить наше отечество, принесетъ земству необходимую ему свободу и демократизируетъ его, а вмѣстѣ съ

этимъ и чрезвычайно цѣнные и полезные въ своей идеѣ «Ежегодники» нашихъ земскихъ управленій пріобрѣтутъ характеръ, болѣе безпристрастный, болѣе отвѣчающій запросамъ деревенской демократіи.

Цѣна «Ежегодника» незначительна и облегчаетъ книгѣ широкій сбытъ.

М. Петровъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Студенческая комиссія Высшихъ учебныхъ заведеній Петрограда зимой 1916/17 г.г. предполагаетъ изданіе сборника «Деревня во время войны», редакцію котораго согласился взять на себя М. Горькій.

Ко всѣмъ, кто интересуется переживаніями народа въ эти трудные дни, обращаемся съ просьбой принять участіе къ этой работѣ. Мы плохо знаемъ жизнь нашей деревни, и было бы весьма желательно, чтобъ всѣ близко соприкасавшіеся съ жизнію народа въ годы войны (участники трудовыхъ дружинъ учащихся, статистики, работавшіе въ ясляхъ, и т. п.) взяли на себя не тягостный трудъ просто и правдиво изложить свои наблюденія въ формѣ воспоминаній, очерковъ, замѣтокъ, а также записать народныя пѣсни, сказки, побасенки, и другія произведенія народнаго творчества, вызванныя войной.

Доходъ отъ продажи сборника будетъ употребленъ частью на покупку книгъ солдатамъ, частью на помощь дѣтямъ, родители которыхъ пострадали отъ войны.

Весь матеріалъ просимъ направлять по адресу: Бассейная, 60, кв. 30. Курсисткѣ Наталіи Павловнѣ Милюковой.

Студенческая Комиссія Высшихъ учебныхъ заведеній въ Петроградѣ.

P. S. Вопросы, которые желательно освѣтить, приблизительно слѣдующіе: мнѣніе населенія о причинахъ и цѣляхъ этой войны, война и трезвость деревни, измѣнилось ли положеніе женщины въ деревнѣ, замѣтно ли на дѣтяхъ отраженіе войны, отношеніе населенія къ бѣженцамъ и военнопленнымъ, отношеніе населенія къ интеллигентнымъ работникамъ въ деревнѣ, и т. п.

Издатель **А. Н. Тихоновъ.** Редакторъ **А. Ѳ. Радзишевскій.**

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ

СИБИРСКАГО ТОРГОВАГО БАНКА

на 1-ое Сентября 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андижанѣ, Архангельскѣ, Барабинскѣ (Томской губ.), Барнаулѣ, Бирскѣ, Бійскѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Владивостокѣ, Вѣрномъ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 Января по 24 Февраля), Иркутскѣ, Камнѣ (Томской губ.), Кокандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Минусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 Іюля по 31 Августа), Никольскѣ-Усурійскомъ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Перми, Петропавловскѣ (Акмолинск. обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарапулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбургск. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Скотопромышленной и Мясной Биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчьѣ, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.

Коммиссіонеры: на Зеѣ-пристани, въ Канскѣ (Енисейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ н/Амурѣ и **Городскіе:** въ Петроградѣ—на Знаменской пл. и въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе. Руб. К.	Отдѣленія. Руб. К.	ВСЕГО. Руб. К.
АКТИВЪ.			
Касса: наличность и текущіе счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ .	17.712.551 97	13.456.263 10	31.168.815 07
Учетъ векселей, кратко-срочн. обязат. Госуд. К-ва, торг. обяз., тиражн. цѣнныхъ бум. и текущ. купоновъ.	55.203.332 07	30.970.473 21	86.173.805 28
Ссуды подъ обезпеченіе. проц. бум. товар., вексел. и друг. документовъ.	99.920.977 02	64.403.450 95	164.324.427 97
Покупка золота и драгоцѣн. метал.; принадл. Банку тратты на загр. мѣста и иностр. денежн. знаки. .	2.932.064 56	788.953 17	3.721.017 73
Цѣнныя бумаги, припадл. Банку. .	10.359.678 16	10.136.928 07	20.496.606 23
Счетъ Банка съ Отдѣленіями . . .	— —	117.220.721 64	117.220.721 64
Корреспонденты Банка:			
1) По ихъ счетамъ (loro). . . .	190.259.343 09	11.920.206 51	202.179.549 60
2) По счетамъ Банка (nostro): свободн. суммы въ распор. Банка	8.872.191 65	363.612 01	9.225.803 66
Протестованные векселя и торгов. обязательства	12.319 82	970.101 85	982.421 67
Просроченныя ссуды	56.894 46	308.464 53	365.358 99
Текущіе расходы	1.327.093 09	2.292.188 38	3.619.281 47
Расходы, подлежащіе возврату . .	— —	18.786 36	18.786 36
Недвижимое имущество	3.779.213 63	2.279.824 81	6.059.038 44
Движим. имущ., обзавед. и устройство	154.995 64	504.860 07	659.855 71
Переходящія суммы.	5.788.660 71	3.573.936 —	9.362.596 71
ИТОГО . .	396.379.315 87	259.208.770 66	655.588.086 53
ПАССИВЪ.			
Складочный капиталъ	20.000.000 —	— —	20.000.000 —
Запасный капиталъ	10.000.000 —	— —	10.000.000 —
Запасная прибыль	1.000.000 —	— —	1.000.000 —
Запасной дивидендъ	4.000.000 —	— —	4 000.000 —
Капиталъ погашенія затратъ по недвиж. имущ. Банка . . .	294.562 02	384.221 78	678.783 80
Вклады: на текущ. счета, безсрочные и срочные	142.670.534 70	238.750.976 30	381.421.511 —
Долгъ Государств. Банку: 1) по спец. сч. подъ векс. и % бумаги . .	— —	212.738 34	212.728 34
2) по переучету векселей . . .	— —	3.881 —	3.881 —
Счетъ Банка съ Отдѣленіями . . .	117.384.257 13	— —	117.384.257 13
Корреспонденты Банка:			
1. По ихъ счетамъ (loro): свободныя суммы въ распоряжен. корресп. .	62.585.348 59	1.445.743 58	64.031.092 17
2. По счетамъ Банка (nostro): суммы, остающ. за Банкомъ	25.681.481 22	994.677 92	26.676.159 14
Акцептованныя тратты	313.996 15	2.019.284 28	2.333.280 43
Невыплаченный по акціямъ Банка дивидендъ	504.136 83	— —	504.136 83
Проценты, подлежащіе уплатѣ по текущимъ счетамъ и вкладамъ .	2.716.891 32	5.217.538 19	7.934.429 51
Полученные %% и коммиссія за исключен. %%, исчисленныхъ по вкладамъ и текущ. счетамъ .	5.660.669 25	2.008.545 35	7.669.214 60
Переходящія суммы	3.567.438 66	8.171.663 92	11.739.102 58
ИТОГО	396.379.315 87	259.208.770 66	655.588.086 53
Цѣнности на храненіи	168.199.962 86	09.102.399 40	277.302.362 26
Векселя на коммиссіи	6.499.546 22	20.415.856 35	26.915.402 57

Номинальная стоимость акціи Р. 250.

Уплата дивиденда производится въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣленіяхъ.

Типографія «Копѣйка», Петроградъ, Сайкинъ пер., 6, соб. домъ.

...рено 194...

